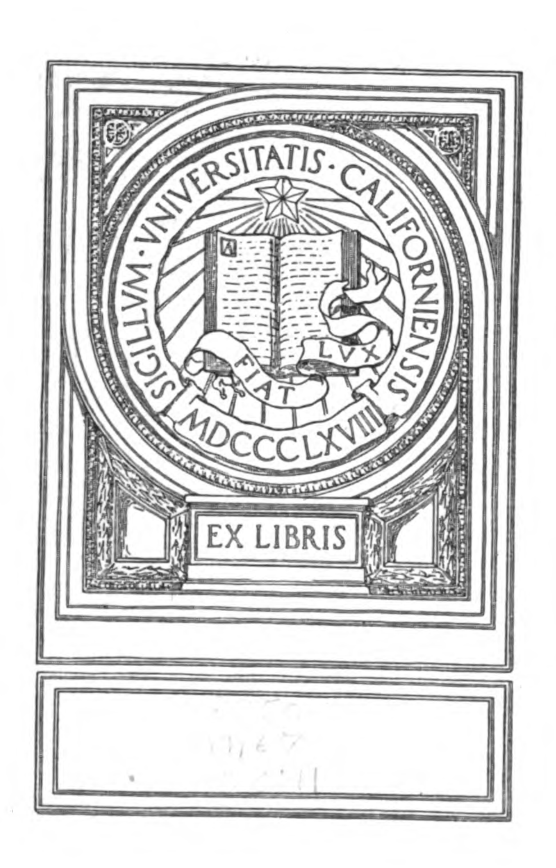
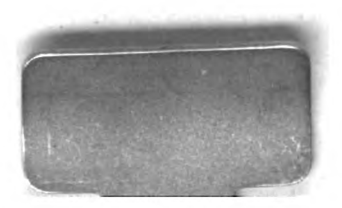

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
LVX
FIAT
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

Годъ VIII-й. № 11-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

НОЯБРЬ

1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Годъ VIII-й. **№ 11-й**

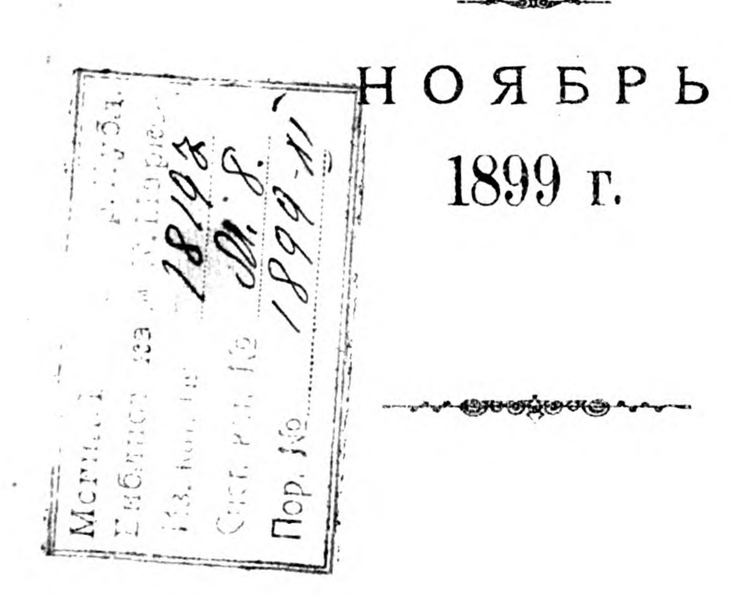
МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

НОЯБРЬ
1899 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1899.

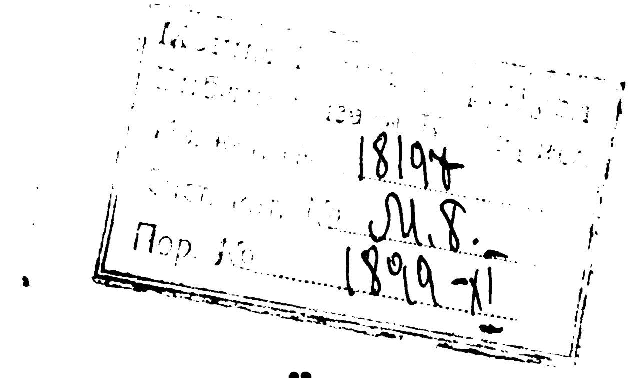
Дозволено цензурою 26-го октября 1899 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

АГРАРНЫЙ КРИЗИСЪ.

Крестьянскій вопросъ въ Западной Европѣ.

(*Окончаніе* *).

I.

«Власть земли».—Различные слои сельскаго населенія.—Подвигающееся раздробленіе земли и его послѣдствія.

Передъ нами картина крестьянскаго труда.

На равнинѣ вездѣ разбросаны сѣятели; чѣмъ дальше, тѣмъ кажутся они меньше, окутанные туманомъ. Всѣ эти силуэты, видѣнные на разстояніи, производятъ тѣ же жесты, разбрасывая изъ своей руки сѣмена. Они всѣ движутся равномѣрно, идутъ въ ногу, затѣмъ возвращаются обратно, дѣлая рукой постоянно тотъ же жестъ и разбрасывая вокругъ себя волну жизни. Каждый участокъ имѣетъ своего сѣятеля. Всѣ они копошатся, какъ будто большіе черные муравьи, принужденные выйти на воздухъ для производства какой-то громадной работы, возбужденные исполинской задачей, превышающей ихъ силы. Даже у отдаленнѣйшихъ силуэтовъ замѣтна та же самая упорность жеста, тоже остервенѣніе въ борьбѣ съ землей, свойственное насѣкомымъ и, въ концѣ концовъ, побѣждающее ее.

Золя, эпикъ капиталистическаго строя, представляетъ картину многочисленнаго слоя населенія, за которой слѣдуетъ вторая, третья и десятая. Крестьянинъ въ нихъ выступаетъ, какъ существо, закрѣпощенное землей, но не землей, какая представлена многими публицистами въ выраженіи «власть земли», т. е. космической силой, независящей отъ соціальныхъ условій. Напротивъ «земля» Золя это соціальное явленіе, это земля, находящаяся въ опредѣленныхъ общественныхъ условіяхъ и пропитанная похотью денежнаго хозяйства. Его Жакъ не только «апостолъ труда и терпѣнія», который «долго родимую землю съ тревогой, потомъ и кровью поилъ»,—онъ олицетвореніе и того твердаго черепа, о который, какъ надѣется Шеффле, разобьются

*) См. «Міръ Божій», августъ 1899 г.

мечты городскихъ прогрессивныхъ элементовъ. Онъ одинъ изъ будущихъ *ruraux*, которые съумѣютъ укротить взбалмошенный Парижъ и всегда будутъ представлять надежный столбъ плебисцитовъ.

Да, передъ нами Жакъ, но Жакъ, обладающій опредѣленной исторической физіономіей, не той, какую имѣлъ въ 12 или 16 вѣкахъ. Онъ продуктъ 19 вѣка или, точнѣе, мелкаго земельнаго хозяйства среди капиталистическаго режима. Передъ нами задача—разобраться въ его общественной психологіи и отыскать то, что онъ вноситъ въ дальнѣйшій ходъ общественнаго развитія. Крестьянское сословіе—многочисленный элементъ общественнаго строя Европы, произведенный и производимый исторіей, но производящій самъ исторію лишь настолько, насколько пассивныя силы ее производятъ. Онъ находится вполнѣ подъ властью земли, но той земли, въ которой воплощены опредѣленныя общественныя отношенія производства и обмѣна. А такъ какъ эти отношенія измѣняются, то и требованія ихъ отъ человѣка тоже подвергаются перемѣнѣ. Другими словами, и психологія крестьянина, разумѣется общественная, не представляетъ устойчивости и однообразія.

Разсмотримъ всѣ эти вліянія, дѣйствующія на душу крестьянина и образующія ее.

Въ Россіи много говорится объ антагонизмѣ между помѣщикомъ и сельскимъ міромъ. Въ Западной Европѣ, въ которой общественныя отношенія болѣе опредѣлились, нѣтъ и помину объ этомъ раздорѣ, который въ дѣйствительности ничто иное, какъ историческій пережитокъ прежнихъ условій соціальнаго быта, когда сельскій міръ отбывалъ барщину.

Въ Западной Европѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, деревня распалась на обособленныя усадьбы, находящіяся другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи, и, разумѣется, съ исчезновеніемъ деревенской сплоченности, исчезъ и всякій мірской духъ. Находятся лишь сосѣди, владѣющіе большими и малыми участками земли. Если участки земли у нихъ настолько велики, что крестьянинъ не нуждается въ заработкѣ на фермѣ бывшаго барина, то тамъ нѣтъ никакого экономическаго антагонизма, который былъ бы осязателенъ для мелкаго землевладѣльца; напротивъ, этотъ антагонизмъ проявляется среди бывшихъ членовъ сельскаго міра, если одному изъ нихъ приходится систематически заработывать, трудясь для другого. Тоже самое мы видимъ и въ сплошной европейской деревнѣ, съ той разницей, что мѣстами коренятся сильнѣе пережитки прежняго недовѣрія къ помѣщику. Но и тѣ принимаютъ другой характеръ. Мы это прекрасно видимъ у Золя. Вся деревня относится враждебно къ сосѣднему крупному землевладѣльцу, по происхожденію буржуа, и за то что онъ купилъ дешево землю во время революціи, и за то, что онъ хозяйничаетъ прогрессивнымъ образомъ. Но въ самой деревнѣ кромѣ крестьянъ, находящихся подъ властью земли, живетъ и голытьба, свободная отъ земли и ея власти, трунящая

надъ завѣтными мечтами землевладѣльца-крестьянина. Развитіе экономическихъ отношеній и политической борьбы во Франціи ведетъ къ тому, что крестьяне-землевладѣльцы сплачиваются съ помѣщиками въ одно цѣлое, голь же тянетъ къ городской демократіи и все болѣе воодушевляется ея идеалами. Сельскій міръ начинаетъ представлять два враждебныхъ лагеря.

Если возьмемъ Францію, то ниже приведенная статистическая таблица дастъ намъ понятіе объ общемъ распредѣленіи различныхъ земледѣльческихъ элементовъ и ихъ взаимномъ отношеніи (1887 г.).

	Землевладѣльцы.	Не владѣющіе землей.
1. Землевладѣльцы, собственнор. обрабатывающіе землю съ помощью семьи или батраковъ	2.150.696	—
2. Фермера	500.144	468.184
3. Половники	147.128	194.448
4. Управляющіе	—	17.966
5. Поденные рабочіе	727.374	753.313
6. Батраки	—	1.954.281

Приведенная таблица показываетъ взаимное количество тѣхъ сельскихъ элементовъ, находящихся вполнѣ подъ властью земли, т. е. поглощенныхъ всецѣло воздѣлываніемъ своего участка. Затѣмъ и тѣхъ, душа которыхъ раздвоена: онъ и собственникъ, и въ то же время нуждается въ постороннемъ заработкѣ, какъ наемникъ или какъ половникъ, и, наконецъ, тѣхъ, которые вполнѣ свободны отъ власти реальной земли, хотя историческое прошлое могло запечатлѣть въ ихъ душѣ эту власть въ идеальной производной формѣ. Такія эмансипированныя единицы составляютъ во французской деревнѣ 49% всего количества. Но и вышеприведенная таблица не даетъ еще надлежащаго понятія о дѣйствительномъ состояніи, такъ какъ между владѣльцами, не нуждающимися въ постороннемъ заработкѣ, находятся самые разнообразные слои: существуютъ крестьяне, владѣющіе большимъ или меньшимъ количествомъ земли. Но статистическій матеріалъ, опирающійся на величинѣ земельныхъ участковъ и охватывающій всю Францію,—вещь ненадежная: вѣдь гектаръ земли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. въ Солонь, стоитъ лишь 600—700 франковъ; на югѣ же, въ виноградномъ поясѣ, доходитъ до 20.000 франковъ.

Въ Германіи находилось въ 1895 г. 5.558.000 отдѣльныхъ хозяйствъ. Изъ этого числа на усадьбы, меньше 2 гектаровъ, приходилось 88% всего количества; на усадьбы же въ 2—5 гект.—18%. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что участки меньше, чѣмъ въ два гектара, недостаточны и не могутъ дать пропитаніе своимъ собственникамъ, которые, такимъ образомъ, принуждены искать заработка у болѣе зажиточныхъ сосѣдей

или браться за кустарную промышленность, которая разрушаетъ устои власти земли.

Всякій изъ этихъ слоевъ обладаетъ другой общественной психологіей. Разумѣется, прошлое, какъ кошмаръ, тяготѣетъ надъ всѣми, но историческая работа современной жизни состоитъ именно въ томъ, что преданія старины и психическая надстройка, оставшаяся отъ прошлаго, медленно переиначиваются и исчезаютъ, уступая мѣсто вліяніямъ существующаго режима. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что батракъ, еще болѣе такъ называемый *Sachsengänger*, перебрасываемый съ мѣста на мѣсто, лишенный надежды сдѣлаться самостоятельнымъ крестьяниномъ, мечтающій иногда объ эмиграціи въ далекую Америку и подвергающійся вліяніямъ городскихъ политическихъ партій, мало-по-малу стряхиваетъ съ себя возрѣнія и привычки, симпатіи и антипатіи, свойственныя зажиточнымъ крестьянамъ, не знавшимъ кустарнаго промысла и, какъ устрица, прикрѣпленнымъ къ своему участку.

Очевидно, чтобы понять будущее воздѣйствіе деревни на ходъ исторіи, мы должны вникнуть въ динамику аграрныхъ крестьянскихъ отношеній. Лишь она доставитъ намъ средства для пониманія видоизмѣненій крестьянской психологіи. Статистическій матеріалъ не всегда отличается полнотой, но все-таки онъ настолько достаточенъ, что мы можемъ усмотрѣть въ немъ ходъ этого развитія. Принципіальный вопросъ состоитъ въ томъ, какія элементы крестьянства и вообще деревенскаго населенія возрастаютъ? Тѣ ли, которые владѣютъ достаточнымъ количествомъ земли, чтобы не искать постороннихъ заработковъ, либо тѣ, которые принуждены пополнять свои доходы посторонними промыслами. Мы можемъ поставить вопросъ еще иначе, именно—въ какомъ отношеніи измѣняется процентное отношеніе той части земли, которая вполнѣ обезпечиваетъ землевладѣльца, и той, которая не можетъ служить полнымъ источникомъ пропитанія.

Мы указали въ одной изъ предыдущихъ статей, что стремленія къ концентраціи землевладѣнія очень слабы. Но за то обратное движеніе, именно дробленіе крестьянской усадьбы на все меньшіе и меньшіе участки принадлежитъ къ неопровержимо доказаннымъ фактамъ. Если мы возьмемъ въ руки первую попавшуюся намъ книгу объ аграрныхъ отношеніяхъ, мы встрѣтимъ тамъ всегда соболѣзнованія по этому поводу. Разумѣется, встрѣчаются земледѣльческіе округи, какъ, напр., Нормандія, въ которыхъ преобладаетъ зажиточное крестьянство, сопротивляющееся увеличенію поземельнаго дробленія. Крестьянинъ прибѣгаетъ тамъ къ такъ-называемой *Zweikinder-System* и такимъ образомъ задерживаетъ дальнѣйшее распаденіе участковъ. Но это явленіе сравнительно мало распространено и дробленіе мы должны считать повседневнымъ явленіемъ крестьянской жизни. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ оно подвигается съ поразительной быстротой, къ такимъ принадлежитъ, напр., Галиція. Почти 20 лѣтъ тому назадъ мы читаемъ въ офиціаль-

ной статистикѣ: «Мы должны считать уменьшеніе размѣровъ крестьянскихъ усадьбъ постояннымъ, повседневнымъ и выступающимъ вездѣ съ одинаковой силой фактомъ во всей Галиціи. Нѣтъ такой мѣстности, изъ которой мы бы не получали извѣстій о все дальше подвигающемся дробленіи крестьянскахъ участковъ». Офиціальная статистика показываетъ, что крестьянское имѣніе распадается «на атомы», что въ окрестностяхъ Богородчанъ участки съ 1848 года уменьшились до 1/5 прежней величины, что вокругъ Кросна количество землевладѣльцевъ крестьянъ утроилось. О дробленіи участковъ свидѣтельствуютъ долги, за которыя они продаются съ молотка. Напр., въ 1883 году проданы двѣ усадьбы за долгъ въ 1 гульденъ (около 80 коп.), 3 за долгъ въ два гульдена, двѣ за долгъ въ 3 гульдена, двѣ за долгъ въ 4 гульдена и т. д. въ восходящей степени. Въ Познанскомъ княжествѣ, до появленія американской конкуренціи, мы замѣчали два противоположныхъ теченія. Съ одной стороны латифундіи возрастали и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ цѣлыя деревни превращались въ помѣщичьи фермы, съ другой стороны крестьяне бѣднѣли и количество усадьбъ, владѣющихъ упряжнымъ скотомъ, падало. Въ теченіе годовъ 1859—1880 количество крестьянъ, обладающихъ упряжнымъ скотомъ, уменьшилось съ 47.869 до 39.389. Англійское правительство въ 1890 году разослало своимъ дипломатическимъ агентамъ требованіе собрать данныя, относящіяся къ положенію крестьянскаго сословія на материкѣ; полученные отвѣты доказали два факта: во-первыхъ—небрежное состояніе аграрной статистики; во-вторыхъ — повсемѣстное явленіе! — дробленіе участковъ. Такъ, напр., въ Бельгіи въ теченіе 1850—1888 годовъ количество независимыхъ усадьбъ на пространствѣ 100 гектаровъ возросло съ 199 до 220. Мы приводимъ тутъ таблицу, представляющую развитіе поземельныхъ отношеній въ Бельгіи (число усадьбъ въ процентныхъ числахъ).

	1846.	1866.	1880.
ниже 2 гектаровъ	66,9%	71,1%	78%
между 2 и 5 гектарами	14,6%	15,1%	12,1%
» 5 и 20 »	12,1%	11,1%	8,2%
» 20 и 50 »	2,6%	2,0%	1,3%
выше 50 гектаровъ	0,8%	0,7%	0,4%

Бельгія принадлежитъ къ странамъ, въ которыхъ начали вести аграрную статистику раньше, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Въ Голландіи начали собирать данныя лишь въ 1879 году. Статистика различаетъ чистомолочныя хозяйства отъ земледѣльческихъ. Дробленіе замѣчается въ обоихъ разрядахъ. Относительно молочныхъ хозяйствъ, въ теченіе 1879 — 1887 годовъ, количество хозяевъ, владѣющихъ, по крайней мѣрѣ, 6 коровами, уменьшилось съ 25.071 до 16.625, количество же фермеровъ съ 16.105 до 14.261. Въ разрядѣ земледѣльческихъ усадебъ количество хозяйствъ, имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, одну л.-

шадь или вола для обработки полей, въ продолженіе того же промежутка времени уменьшилось съ 57.521 до 52.714; количество же фермеровъ съ 26.000 увеличилось до 29.529. Прибавимъ къ тому, что въ теченіе почти же того времени, съ 1877 года до 1888 года, размѣры ипотечнаго долга, тяготѣющаго надъ крестьянской усадьбой, возрасли съ 710.000 гульденовъ до 1.889.000. Относительно Франціи рефератъ дипломатическаго агента обнаружилъ давно извѣстные факты все болѣе и болѣе идущаго дробленія земли. Этотъ процессъ, который начался во времена великой революціи, подвигался въ теченіе всего столѣтія; усадьбы иногда такъ мелки, что препятствуютъ всякому раціональному воздѣлыванію земли. Но дробленіе, достигнувъ крайнихъ предѣловъ, породило противоположное теченіе, крупныя имѣнія поглащаютъ, кажется, мелкіе участки. Впрочемъ, въ общей статистикѣ послѣдняго времени оба стремленія существуютъ обокъ *):

	Увеличеніе числа участковъ (1882—1892).	Количества земли (1882—1892).
ниже 1 гектара...	+ 67.738	+ 243.420
между 1 и 5 гектарами..	— 36.738	— 108.454
» 5 и 10 » ..	+ 19.147	— 13.140
» 10 и 40 » ..	— 16.104	— 532.243
выше 40 гектаровъ...	— 3.417	+ 107.288

Въ Германіи получается картина болѣе сложная; объ ней даетъ понятіе приведенная ниже таблица, обнимающая промежутокъ времени 1882—1895 г.

	Увеличеніе количества участковъ.	Увеличеніе количества земли **).
ниже 2 гектаровъ...	+ 174.536	— 17.494
между 2 и 5 гектар...	+ 34.911	+ 95.781
» 5 и 20 » ..	+ 72.199	+ 563.477
» 20 и 100 » ..	+ 257	— 38.333
выше 100 гектаровъ...	+ 70	+ 45.538

Такимъ образомъ мы видимъ во всѣхъ странахъ Западной Европы, въ которыхъ собранъ статистическій матеріалъ, что увеличивающееся

*) Впрочемъ, эти измѣненія въ общемъ итогѣ, выраженныя въ процентахъ, почти исчезаютъ. Приводимъ и эти исчисленія, чтобы дать болѣе точную картину:

	Количество участковъ.		Количество земли.	
	1882.	1892.	1882.	1892.
ниже 1 гектара...	38,2%	39,2%	2,1%	2,8%
между 1 и 5 гектарами.	32,9%	32,0%	11,2%	11,1%
» 5 и 10 » .	13,5%	13,8%	11,6%	11,6%
» 10 и 40 » .	12,8%	12,4%	22,9%	28,9%
выше 40 гектаровъ...	2,4%	2,4%	44,5%	45,5%

**) Въ общемъ количество обработанной земли увеличилось благодаря расчисткѣ лѣсовъ.

раздробленіе составляетъ фактъ, господствующій въ аграрныхъ отношеніяхъ. Этотъ фактъ съ одной стороны все утрудняетъ раціональное хозяйство, съ другой—принуждаетъ все большее число крестьянскаго люда искать постороннихъ заработковъ. Это явленіе обыкновенно разсматриваютъ, какъ доказательство оскудѣнія крестьянъ, такъ какъ ему не сопутствуетъ соотвѣтственное возрастаніе производительности труда. Но оно имѣетъ и другое значеніе, указанное уже нами, именно: оно производитъ полнѣйшій переворотъ въ крестьянскихъ устояхъ и воззрѣніяхъ, къ добру ли, или ко злу все равно. Крестьянинъ перестаетъ быть прикрѣпленнымъ къ землѣ; онъ принужденъ искать посторонняго заработка, начинаетъ раздумывать о своей нищетѣ, а такія думы въ эпоху желѣзныхъ дорогъ, обезпеченія рабочихъ государствомъ при помощи эмеритальныхъ и другихъ институцій, наконецъ, въ эпоху развитаго денежнаго обращенія, когда источникомъ пропитанія служитъ опредѣленный денежный эквивалентъ, отрываетъ его мысль отъ прадѣдовскихъ условій быта и мало по малу пропитываетъ его новыми идеалами. Разумѣется, это воздѣйствіе всего капиталистическаго режима на психологію крестьянина замѣтно еще очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что жизнь ведетъ къ такому результату. Всякая новая вѣтвь желѣзной дороги, всякое увеличеніе денежнаго обращенія,—производятъ свое вліяніе. Разумѣется тамъ, гдѣ нѣтъ прогрессивныхъ организирующихъ элементовъ капиталистическаго строя, нищета остается лишь нищетой, ведущей къ физическому и нравственному вырожденію. Но въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ обокъ раздробленія возникаютъ новыя постороннія формы заработка въ достаточномъ количествѣ, тамъ стихійный процессъ дробленія раньше или позже произведетъ въ деревнѣ переворотъ. Онъ создаетъ умственно подвижной слой, выступающій въ борьбу съ общественными стремленіями зажиточнаго крестьянства.

II.

Экономическое прошлое крестьянина,—Товарно-денежное обращеніе и вліяніе неустойчивости рынковъ на крестьянина.—Задолженность.—Измѣненія въ крестьянской психологіи.

Но раздробленіе земли не единственное явленіе въ крестьянской жизни. Существуетъ еще другой, важный факторъ, именно задолженность и безпомощность по отношенію къ цѣлому денежно-товарному режиму. Что ни говорилось бы, фактъ останется фактомъ, что мелкій земледѣлецъ, стоящій одиноко противъ непонятныхъ для него общественныхъ силъ капитализма, единица въ высшей степени неуклюжая и неподвижная въ экономическомъ отношеніи.

Разсмотримъ прошлое крестьянской усадьбы.

Крестьянское хозяйство, въ теченіе вѣковъ представляло самостоятельный, замкнутый въ себѣ экономическій организмъ. Оно существо-

вало, опираясь только на собственныхъ силахъ и продуктахъ, какъ всякое натуральное хозяйство, потребляя то, что само произвело. Феодально-барщинныя правовыя формы, которыя тяготѣли надъ крестьянской усадьбой, скорѣе благопріятствовали, чѣмъ противодѣйствовали такому положенію, до извѣстной степени ограждая крестьянина отъ различныхъ вредныхъ вліяній. Крестьянинъ господствовалъ надъ продуктомъ своего труда. Онъ зналъ приблизительно, сколько соберетъ изъ своихъ полей при хорошемъ урожаѣ, сколько отсюда возьметъ баринъ и церковь и сколько останется ему самому. Могло случится, что пожаръ уничтожилъ его хату, эпидемія истребила скотъ, засуха вызвала неурожай. Но при такихъ случайностяхъ онъ находилъ помощь у барина, который до извѣстной степени былъ заинтересованъ въ зажиточности своихъ подданныхъ. Кромѣ того, баринъ защищалъ его отъ посягательствъ кулака. Феодальная іерархія черпала свои силы въ эксплоатаціи крестьянина, но взамѣнъ за то охраняла его; она его грабила, но одновременно обезпечивала его существованіе. Вѣдь еще въ 1817 г. прусскіе крестьяне, освобожденные отъ крѣпостнаго права, подаютъ просьбу правительству, чтобы оно оставило все по прежнему, такъ какъ въ противномъ случаѣ они останутся безъ покровителя и помощи въ случаѣ болѣзни или старости. Крестьянинъ не нуждался, какъ экономическая категорія, въ остальномъ мірѣ. Все общество могло, съ точки зрѣнія его потребностей, не существовать. На рынокъ, тогда вообще очень незначительный, онъ доставлялъ лишь излишекъ своего продукта, остающійся послѣ удовлетворенія потребностей его семьи. Деньги были въ его хатѣ *желательнымъ*, но *не необходимымъ* явленіемъ.

Все это радикально измѣняется, когда въ историческомъ развитіи на смѣну натуральнаго хозяйства появляется товарно-денежное обращеніе. Крѣпостныя отношенія изчезли, крестьянинъ сдѣлался юридически свободнымъ членомъ общества. Очутился онъ среди непонятныхъ для него отношеній, для которыхъ онъ напрасно сталъ бы искать какого-нибудь объясненія въ устояхъ экономическаго натурализма. Со всѣхъ сторонъ его окружаютъ учрежденія и условія, порожденныя развитымъ товарнымъ производствомъ, и проникаютъ въ его усадьбу. Государство требуетъ отъ него разныхъ налоговъ, изъ которыхъ лишь одинъ беретъ въ натуральной формѣ,—рекрута, остальные же получаетъ въ деньгахъ. Возрастающая культура вторгается въ захолустье при помощи улучшенныхъ дорогъ, почтъ, училищъ и снова домагается денегъ. Въ случаѣ истребленія крестьянской усадьбы пожаромъ, нѣтъ вблизи прежняго лѣса, изъ котораго онъ могъ бы получить строительный матеріалъ; ему нужны деньги для покупки досокъ и т. д. Деньги, всегда деньги! Прежде они были желательнымъ, но не необходимымъ явленіемъ въ крестьянской жизни, теперь становятся источникомъ ея. Продажа продуктовъ, вотъ единственное средство для добыванія де-

негъ. Отъ успѣха въ продажѣ зависитъ благосостояніе семьи. Крестьянская усадьба теряетъ свою экономическую самостоятельность, человѣкъ не господствуетъ по прежнему надъ продуктомъ собственнаго труда; что съ нимъ, т. е. съ продуктомъ, произойдетъ на рынкѣ, производитель не знаетъ. Рынокъ порабощаетъ его и это порабощеніе принимаетъ все болѣе острый характеръ по мѣрѣ развитія товарнаго обращенія. Каждая новая желѣзная дорога, шоссе, пароходъ,—создаютъ новый мѣстный рынокъ для земледѣльческихъ продуктовъ и втягиваютъ крестьянина въ водоворотъ денежнаго обращенія, который дѣйствуетъ разрушительнымъ образомъ на натуральные устои. Производство въ крестьянской хатѣ суживается; семья начинаетъ покупать сапоги, ситцы, орудія, выдѣлываемыя нѣкогда членами ея, и даже хлѣбъ.

Но самое важное послѣдствіе новаго режима это порожденная рынкомъ неустойчивость крестьянскаго быта.

Рыночныя отношенія между крестьяниномъ и откупщикомъ складываются такимъ образомъ, что послѣдній лишь юридически свободный продавецъ, въ дѣйствительности же онъ находится въ полнѣйшей зависимости отъ торговца. Крестьянину угрожаетъ податная экзекуція, близокъ срокъ платежей кулаку, необходима покупка сапогъ. Покупщики все это знаютъ; находясь въ незначительномъ количествѣ, они дѣйствуютъ до нѣкоторой степени сообща и эксплуатируютъ неподвижнаго производителя. Этому послѣднему тяжело, но все-таки онъ привыкаетъ къ эксплоатаціи, благодаря ея постоянству. Но, по мѣрѣ развитія товарнаго обращенія, мѣстный рынокъ теряетъ свою самостоятельность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе крестьянина становится все неустойчивѣе. Про него можно повторить слова Лассаля, что онъ начинаетъ страдать за неизвѣстные грѣхи. Всѣ его расчеты оказываются сплошь да рядомъ невѣрными. Паденіе цѣнъ хлѣба, скота, молочныхъ продуктовъ, лишая рынокъ устойчивости, вноситъ суматоху въ его экономическій бытъ и лишаетъ его всякаго постоянства. «Каждая волна,—пишетъ Грейлихъ,—появившаяся на этомъ обширномъ и неспокойномъ морѣ, распространяется все дальше и, наконецъ, ударяетъ о крышу, подъ которой цюрихскій мелкій крестьянинъ полный заботы потребляетъ свой хлѣбъ. Какія послѣдствія несетъ съ собою для него цѣна его продуктовъ, опредѣляемая всемірнымъ рынкомъ! Сколько заботъ для него, если за штуку скота на убой онъ получитъ на 100 франковъ меньше, чѣмъ разсчитывалъ! Если бы за литръ молока платили на одну рапу меньше, потеря цюрихскаго земледѣльца достигла бы до 1.200.000 франковъ».

Правда, все сводится къ грошевымъ разсчетамъ, но это обстоятельство не измѣняетъ сущности дѣла!

И у кого же искать помощи, когда неурожай постигнетъ поля, пожаръ уничтожитъ хату, рынокъ не оправдаетъ ожиданій? Въ деревнѣ существуетъ лишь одна личность, у которой онъ можетъ найти деньги—

кулакъ. Но эта помощь хуже смерти. Крестьянинъ, попавшій въ сѣти деревенскаго паука, обреченъ на погибель. Задолженность крестьянства въ Европѣ вездѣ возрастаетъ и вмѣстѣ съ раздробленіемъ крестьянскаго землевладѣніе составляетъ повсемѣстное явленіе. Мы, пользуясь изслѣдованіями англійскаго правительства, привели цифры задолженности крестьянской земли въ Голландіи. Тотъ же самый офиціальный источникъ содержитъ еще болѣе данныхъ того же рода. Задолженность крестьянства возрасла въ Норвегіи въ продолженіи 1865—1892 гг. въ четыре раза, съ 9 мил. фунтовъ стерлинговъ до 36, т. е. долгъ въ 1892 г. составлялъ $^{9}/_{10}$ всей стоимости крестьянткаго владѣнія по офиціальной оцѣнкѣ земли (которая впрочемъ ниже дѣйствительной). Жаль, что мы не можемъ привести данныхъ, относящихся къ главнымъ государствамъ Европы, но ипотечная статистика крестьянской задолженности вполнѣ необработана.

Такимъ или другимъ образомъ кулакъ держитъ въ рукахъ крестьянина, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ чтобы завладѣть имъ. Ростовщикъ проникаетъ къ нему, одолжая ему денегъ на покупку земли или постройку хаты, на уплату части слѣдуемой брату или сестрѣ; овладѣвая его трудомъ, снабжая его скотомъ или орудіями, эксплоатируетъ его, какъ продавца собственнаго продукта. Возникаетъ новая форма батрачества: крестьянинъ свободенъ по отношенію къ своему феодальному барину, но за то попалъ въ руки болѣе жестокаго кулака. Въ Галиціи, напр., въ рукахъ отдѣльныхъ ростовщиковъ накопляется множество крестьянскихъ усадьбъ, но они не соединяютъ ихъ въ сплошную ферму, что впрочемъ невозможно, такъ какъ поля лежатъ иногда въ разныхъ деревняхъ. Усадьбы эти остаются въ рукахъ прежнихъ собственниковъ, которые обращаются въ арендаторовъ своихъ прежнихъ имѣній; «народное богатство» ни на грошъ не возрастаетъ отъ такого пріема, нищета и тунеядство сильно увеличиваются. Эта противоположность между кулакомъ особенно ярко бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., надъ Мозелемъ или въ Ирландіи, въ которой ландлорды — обыкновенные кулаки, родственные въ экономическомъ отношеніи галиційскому еврею. Надъ Мозелемъ возвышается въ чудеснѣйшихъ мѣстахъ дворцы «мозельскихъ принцевъ», фабрикантовъ винъ, умѣющихъ въ одинъ годъ продать такое количество отборнаго сорта вина, какого земля не производитъ въ теченіе десяти лѣтъ. Мелкій крестьянинъ, воздѣлывающій виноградную лозу, работаетъ съ утра до вечера на этого могущественнаго кулака, господствующаго на рынкѣ и покупающаго сырой продуктъ за ничтожную цѣну *).

Раздробленіе участковъ земли и эксплоатація крестьянина кула-

*) О деревенскомъ кулакѣ-ростовщикѣ смотри изслѣдованія въ Schriften des Vereins für Socialpolitic (das Wucher auf dem Lande).

комъ составляютъ повсемѣстное явленіе въ жизни мелкаго землевладѣльца. Дни его проходятъ въ изнуряющей погонѣ за деньгами или, лучше говоря, за грошами. Психологія крестьянина измѣняется. Гостепріимство и сердечіе, это наслѣдство прежнихъ временъ натуральнаго хозяйства, исчезаютъ, всѣ стремленія обращены къ бережливости, всѣ надежды сосредоточены на покупкѣ новаго участка земли. Когда Золя въ своей «Землѣ» представилъ картину крестьянской скупости и алчности, на него посыпались упреки со всѣхъ сторонъ. Но мы находимъ почти ту же самую картину во всѣхъ описаніяхъ крестьянскаго быта.

«Это лишеніе себѣ всякаго удобства—пишетъ кто-то о французскомъ крестьянинѣ—не всегда вызвано нищетой. Люди потеряли всякую отзывчивость по отношенію къ *благопристойному*, мысль ихъ обращена на сбереженіе топлива. Нельзя найти даже куска газеты, картины, фарфора, украшенія, хорошей мебели и даже стѣнныхъ часовъ, этого предмета гордости англійскаго фермера. Трудно понять жизнь до такой степени лишенной украшеній и всякаго рода пріятностей. Всякая грошевая издержка на предметы первой необходимости вызываетъ ропотъ. Вслѣдствіе этой бережливости и воздержанія, жизнь становится сухой, убогой, отвратительной, лишенной всякихъ идеаловъ, кромѣ собиранія су въ чулкѣ».

Такую картину мы получаемъ для Франціи. Въ Норвегіи «свинья кормится остатками ѣды лошадей, человѣкъ-свиньи».

Кобденскій клубъ въ Англіи когда-то издалъ собраніе статей различныхъ экономистовъ о владѣніи и пользованіи землей въ различныхъ странахъ. Мы находимъ восторженные отзывы о мелкомъ землевладѣніи.

«Ничто не даетъ такой прелестной идеи о сельской жизни, какъ маленькія фермы въ Фландріи, особенно въ странѣ Вэсъ. Впереди каждой фермы лужокъ, на которомъ пасутся коровы въ тѣни яблонь, вокругъ хорошо содержанныя изгородь, самый домъ часто выбѣленъ снаружи, косяки дверей и оконъ выкрашены въ зеленую краску, на подоконникахъ виднѣются цвѣты, вездѣ порядокъ, нигдѣ не встрѣтишь ни сору, либо навоза, на всемъ отпечатокъ достатка и благосостоянія».

Такъ Лавеле говоритъ о Фландріи.

Лавернъ видитъ все хорошее въ Англіи:

«Ничего не можетъ быть очаровательнѣе внутренности этихъ скромныхъ хижинъ. Тамъ видны повсюду, чистота, порядокъ, и самый воздухъ дышетъ миромъ, трудомъ, счастьемъ; пріятно думать, что эти жилища не исчезнутъ».

Но идиллія Лаверна оправдываетъ пословицу, что тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ. Уже одинъ изъ столповъ кобденскаго клуба, страстный защитникъ крестьянскаго рая, упрекаетъ товарища съ другой стороны Канала, что слишкомъ высоко цѣнитъ Англію и слишкомъ унижаетъ свою родину; на перекоръ ему выдвигаетъ на первый планъ француз-

скую идиллію... Съ сущностью этой послѣдней мы уже знакомы; эта идиллія заключается въ собираніи су въ чулкѣ... Съ картинкой представляющей фландрскій рай мы покончимъ, пользуясь выдержками изъ того же самаго не критическаго Лавеле. «Тяжелый ежедневный трудъ онъ считаетъ ни во что, онъ не жалѣетъ ни усилій, ни заботъ и, работая вдвое, онъ производитъ вдвое болѣе, чѣмъ если бы трудился по найму». Тутъ высказана, въ старой формѣ, сущность крестьянской идилліи. Трудъ съ утра до вечера безъ отдыха, поглощеніе человѣка въ заплеснѣломъ и животномъ кругозорѣ своего брюха, либо своихъ дѣтей, полное отдѣленіе его отъ умственныхъ дорогъ, которыя все развивающаяся власть надъ природой открываетъ обществу; отчужденность отъ людей кромѣ немногочисленныхъ сосѣдей, вотъ какой высокой цѣной куплены эти «уютные» домики англійскаго фермера и «чистота» фландрійской усадьбы. Вмѣстѣ съ коровой подъ тѣнью раскидистой яблони неотлучна узость жизни собственниковъ; спокойствіе, которымъ дышетъ воздухъ,—это спокойствіе свойственное мелкимъ жизненнымъ кругозорамъ. Кстати, замѣтимъ еще, что вмѣстѣ съ разрастаніемъ раздробленія земли и накопленіемъ долговъ, умѣреность и спокойствіе исчезаютъ; чрезмѣрный, изнурящій трудъ является экономической необходимостью крестьянской жизни. Доходитъ до того, что авторы, которыхъ мы не можемъ подозрѣвать въ тенденціозности, начинаютъ намекать, что жизнь фабричнаго рабочаго лучше и шире, чѣмъ жизнь мелкаго крестьянина.

Возьмемъ отрывки изъ новѣйшихъ писателей.

Кенигъ, авторъ недавно появившейся монографіи объ англійскомъ земледѣліи, говоритъ о мелкихъ земледѣльцахъ въ Линкольншайрѣ, владѣющихъ 50 до 80 акровъ, что «жилища ихъ не такъ хороши, какъ жилища рабочихъ на большихъ фермахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ очень плохи. Они работаютъ усиленнѣе и дольше, чѣмъ обыкновенные рабочіе, заработывая въ тоже время менѣе. Они живутъ хуже и употребляютъ менѣе мяса» *).

Въ аграрной анкетѣ, произведенной германскимъ обществомъ соціальной политики, мы читаемъ о веймарскомъ крестьянинѣ: «что лучше поставленные съ неимовѣрнымъ трудомъ и воздержаніемъ собираютъ и сберегаютъ, то къ сожалѣнію слишкомъ часто обращается не на улучшеніе, а на покупку, даже цѣною новыхъ долговъ. Часто новое счастье является началомъ конца. Не смотря на то, продажа происходитъ не часто, благодаря тому, что нашъ мелкій земледѣлецъ, охраняя свою самостоятельность, умѣетъ перенести неимовѣрную сумму лишеній. Существуютъ цѣлые классы, у которыхъ свѣжее мясо, употребляемое батракомъ у помѣщика по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю,

---

*) F. Ph. Koenig. Die Lage der englischen Landwirtschaft unter dem Drucke der internationalen Konkurenz der Gegenwart. Jena 1896, стр. 157.

появляется на столѣ только во время большихъ праздниковъ; свѣжее же масло принадлежитъ къ рѣдкимъ лакомствамъ. Нельзя отрицать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ доказательствомъ изворотливости, радующимъ всякаго друга человѣчества и свойственномъ семьѣ, трудящейся на собственномъ участкѣ. Эти люди встаютъ до восхода солнца, не знаютъ отдыха днемъ и трудятся до поздней ночи. Они работаютъ совсѣмъ иначе, чѣмъ работали бы, если бы были наемными рабочими, и умѣютъ обойтись безконечно малымъ. Нельзя не оцѣнить этихъ усилій, но все таки очень жалко, что такія усилія порождаютъ только результатъ, позволяющій людямъ вести скудное существованіе» *).

Такимъ образомъ среди обществъ западной Европы, собравшихъ такія сокровища науки, искусства и матеріальнаго богатства, образуется классъ, чуждый всѣмъ этимъ пріобрѣтеніямъ. Для него сочиняются спеціальныя книжки, издаются газеты, писанныя на такомъ языкѣ, какимъ мы обращаемся къ дѣтямъ, печатаются лубочныя картины, представляющія пародію искусства. Приходятъ намъ на мысль чьи-то слова о томъ, что въ Европѣ накопляется новый слой варваровъ. Впрочемъ, тамъ возникаютъ новые струи жизни, вносящіе движеніе и прогрессъ, но они проявляютъ пока свое дѣйствіе не съ такой быстротой, съ какой нагромаждаются въ обществѣ элементы дальнѣйшаго прогресса. Пропасть между передовыми стремленіями общества и крестьянствомъ становится все больше, и даже жизнь, разрушая крестьянскіе устои и отрывая мелкаго землевладѣльца отъ земли, не всегда открываетъ передъ обществомъ путь прогресса. Тамъ, гдѣ нѣтъ условій промышленнаго заработка, отчужденные отъ земли обращаются въ Lumpenproletariat, эту босую команду Европы, вырождающуюся и физически, и нравственно. Крестьянскій вопросъ—очень важный вопросъ Европы. Мы разсмотримъ въ будущемъ, подробнѣе тѣ условія, которыя тамъ употребляются для того, чтобы ввести въ крестьянскую жизнь новые элементы.

III.

Разнообразіе условій въ крестьянскомъ быту.—Техническій прогрессъ среди крестьянъ.—Его исходная точка.—Понятіе «крестьянинъ».

Въ предъидущемъ мы въ общемъ обрисовали главнѣйшія явленія экономической жизни западно европейскаго крестьянства. Теперь мы должны подробнѣе вникнуть въ эту интересную массу и познакомиться съ условіями, при которыхъ возможенъ въ деревнѣ техническій прогрессъ. Но вмѣсто того, чтобы пробѣгать изъ страны въ страну, мы

*) Bäuerliche Zustände in Deutschland. Berichte des Vereins für Socialpolitik. Томъ I, стр. 92 — 93. Сравни томъ II, стр. 222 о саксонскомъ крестьянинѣ «крестьянинъ живетъ хуже фабричнаго рабочаго, имѣющаго болѣе потребностей».

остановимся лишь на одной Германіи, для которой существуетъ и богатый офиціальный матеріалъ и многочисленные частные источники.

Впрочемъ обратимъ вниманіе еще на одну особенность крестьянскихъ отношеній, именно крайнее разнообразіе условій на небольшомъ сравнительно пространствѣ. Членъ германской анкеты, произведенной обществомъ соціальной политики, занимающійся обработкой вопроса для Вестфаліи, пишетъ: «эту задачу (описаніе крестьянскихъ отношеній) нельзя рѣшить такъ, чтобы описаніе представляло всю провинцію, такъ какъ на пространствѣ ея господствуютъ вполнѣ различныя отношенія» *). Другой сотрудникъ, собирающій данныя въ Вюртембергѣ, говоритъ тоже самое, именно, что нельзя дать полной картины для всей страны, и подчеркиваетъ особенности, свойственныя каждой деревнѣ, и упорство, съ какимъ она придерживается традиціи **). Тоже самое нашли офиціальные статистики въ предѣлахъ Царства Польскаго. При изслѣдованіяхъ эмиграціи изъ Сувалкской губерніи, оказалось, что каждой волости свойственъ другой уровень заработной платы. Въ одной волости онъ бываетъ въ два раза выше, чѣмъ въ другой ***).

Перейдемъ теперь къ техническому прогрессу, замѣчаемому среди крестьянъ. Что онъ существуетъ, нельзя сомнѣваться. Объ этомъ свидѣтельствуютъ страницы сборника, изданнаго обществомъ соціальной политики. Все сводится къ оцѣнкѣ его размѣровъ. Нечего говорить, что субъективизмъ каждаго отдѣльнаго сотрудника играетъ тутъ значительную роль. Одинъ описываетъ успѣхи, совершенные крестьянами; другой, съ пренебреженіемъ относится къ нимъ и считаетъ ихъ едва достойными вниманія. Между тѣмъ оказывается, что въ обоихъ случаяхъ дѣло касается того же прогресса, но оцѣнка его другая, смотря по тому, каковы воззрѣнія изслѣдователя. Однако въ общемъ для всей Германіи, за исключеніемъ немногочисленныхъ мѣстностей, мы можемъ повторить слова, высказанныя однимъ изъ сотрудниковъ по поводу отношеній господствующихъ въ Саксенъ-Мейнингенскомъ герцогствѣ, а именно:

«Способъ веденія хозяйства среди крестьянъ въ послѣднее десятилѣтіе несомнѣнно подвинулся впередъ, но степень прогресса чрезвычайно различна даже въ очень близко лежащихъ деревняхъ. Появились улучшенные плуги, бороны, вѣялки, дробильные снаряды и другія орудія. Образовались даже союзы для покупки молотилокъ, но тутъ произошелъ любопытный казусъ, хорошо представляющій границы машиннаго прогресса въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Оказалось, что крестьянину нечего дѣлать съ излишкомъ свободнаго времени, полученнымъ отъ употребленія молотилокъ. И къ тому же у него нѣтъ по-

*) Bäuerliche Zuschtände in Deutschland, томъ II, стр. I.

**) Ibidem, томъ III, стр. 207.

***) Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Томъ объ эмиграціи въ Америку изъ Сувалкской губерніи.

бужденій, чтобы спѣшить съ доставкою хлѣба на рынокъ. Поэтому онъ пересталъ употреблять купленныя молотилки. За то прогрессъ въ воздѣлываніи полей значительнѣе; крестьянинъ научился лучше обращаться съ навозомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ началъ покупать даже искусственное удобреніе и заботиться о свѣжихъ сѣменахъ. Онъ расширилъ воздѣлываніе фуража и овощныхъ растеній, научился раціональнѣе вести луга. Но особенный прогрессъ замѣтенъ въ скотоводствѣ; крестьянинъ держитъ рогатый скотъ въ хлѣвахъ и выгоняетъ его на поле лишь весною и осенью. Введены улучшенныя расы; стали раціональнѣе кормить. Тоже замѣчается въ свиноводствѣ».

Мы представили состояніе хозяйственнаго прогресса среди крестьянъ въ Герцогствѣ Саксенъ-Мейнингенъ. Успѣхи, которыхъ достигъ крестьянинъ, несомнѣнны. Но мы не должны забывать, что въ этой части Германіи изъ всего населенія только 26,7% приходится на людей, занятыхъ земледѣліемъ, лѣсоводствомъ и рыболовствомъ; что горнозаводское дѣло и промышленность занимаютъ 44%, что торговля и т. п. поглотила $8^1/_2$% и т. д. Слѣдовательно, Саксенъ-Мейнингенъ вполнѣ промышленный округъ, и излишекъ крестьянскаго населенія находитъ возможность найти заработокъ внѣ деревни. Многія сельскія мѣстности не показываютъ никакого прироста населенія съ 1830 года. Къ тому же, кажется, болѣе зажиточные крестьяне придерживаются того, чтобы не имѣть болѣе двухъ дѣтей, такъ какъ въ 1879 году приходилось на тысячу жителей въ деревнѣ 24,47 рожденій; среди же промышленнаго населенія 45,72. Все это показываетъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ исключительнымъ округомъ, и по зажиточности крестьянъ, и по экономической выработкѣ. Но и здѣсь, въ странѣ прогресса, мы находимъ мѣстности, которыя съ полнымъ равнодушіемъ упорно придерживаются рутины.

Картина, нарисованная для герцогства Саксенъ-Мейнингенъ, повторяется съ нѣкоторыми измѣненіями по всей Германіи. Вездѣ прогрессъ въ скотоводствѣ замѣтнѣе, чѣмъ въ земледѣліи; въ томъ же послѣднемъ онъ проявляется въ улучшенной обработкѣ полей и въ болѣе раціональномъ употребленіи навозовъ, но употребленіе машинъ незначительно и ручной трудъ составляетъ въ большинствѣ случаевъ правило. Изслѣдователи, подчеркивая эти успѣхи, считаютъ все таки необходимымъ тотчасъ уменьшить ихъ значеніе, прибавляя, что, несмотря на техническій прогрессъ хозяйство крестьянина ниже требованій нашего времени, что онъ, т. е. прогрессъ, не достигаетъ значительныхъ размѣровъ и проникаетъ въ крестьянское населеніе очень медленно. Здѣсь замѣтимъ, что въ дѣлѣ распространенія культуры различные крестьянскіе элементы участвуютъ не одинаково. Прогрессъ останавливается тамъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ мелкимъ крестьяниномъ. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ анализу различнаго отношенія отдѣльныхъ слоевъ крестьянства къ техническимъ требованіямъ новаго времени, мы должны по-

знакомиться съ главнымъ факторомъ, содѣйствующимъ прогрессу въ деревнѣ. Факторъ этотъ—существованіе среди крестьянъ большихъ помѣстій. Изъ Гёттингенскаго округа просто на просто заявляютъ: «весь агрономическій прогрессъ можно безъ преувеличенія свести на вліяніе и примѣръ владѣтелей и арендаторовъ большихъ помѣстій» [1]).

Приведемъ нѣсколько примѣровъ этого вліянія большихъ помѣстій.

Изъ Вестфаліи пишутъ: «хотя количество рыцарскихъ имѣній незначительно, все таки они служили первымъ источникомъ лучшей культуры. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ эти стремленія болѣе широко обосновались» [2]).

Въ Брауншвейгѣ, крупныя помѣстія осязательно вліяютъ на мелкія хозяйства. Вообще крестьянинъ относится недовѣрчиво къ нововведеніямъ, но, все таки, онъ настолько уменъ, что подражаетъ тому, что кто-либо другой испробовалъ въ его присутствіи и доказалъ. «Воздѣлываніе свекловицы на земляхъ крупнаго и средняго крестьянина мало отличается отъ воздѣлыванія ея въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и своей интенсивностью и совершонными улучшеніями». Тоже самое мы замѣчаемъ въ бывшемъ княжествѣ Гальберштадтъ. Крупныя помѣстья своимъ интенсивнымъ хозяйствомъ служили образцомъ и поощреніемъ для крестьянина. Этому примѣру первые послѣдовали крестьяне, владѣющіе болѣе крупными участками, т. е. выше 100 морговъ [3]).

Въ Кассельскомъ округѣ крестьянинъ легче и лучше всего учится наблюденіемъ. На поднятіе уровня крестьянскихъ хозяйствъ имѣло большое вліяніе то, что здѣсь существуютъ крупныя имѣнія [4]).

Въ Западной Пруссіи болѣе крупныя крестьянскія усадьбы слѣдуютъ въ своихъ культурныхъ стремленіяхъ примѣрамъ большихъ помѣстій, разумѣется если видятъ, что эти стремленія оказываются пригодными для ихъ условій. Но крестьянъ, владѣющихъ мелкими участками, эти стремленія не затрогиваютъ [5]).

Мы привели нѣсколько примѣровъ, которые ясно показываютъ, что источникомъ прогресса въ деревнѣ служатъ большія помѣстья. Въ большинствѣ случаевъ, когда говорятъ о крупномъ и мелкомъ землевладѣніи, сравниваютъ ихъ взаимную производительность,—сравненіе, которое можетъ быть въ пользу мелкаго землевладѣнія, если остановиться на Фландріи и т. п. мѣстностяхъ, въ которыхъ крестьянинъ вкладываетъ неимовѣрное количество труда въ свой участокъ. Но рѣдко обращали вниманіе на культурное вліяніе большихъ имѣній. Между тѣмъ, какъ показываетъ примѣръ Германіи, прогрессъ въ крестьянско-земледѣльческой техникѣ возникъ подъ вліяніемъ именно большихъ по-

---

[1]) Bauerliche Zustände in Deutschland. Томъ III стр. 72.
[2]) Ibidem. Томъ II стр. 14.
[3]) Ibidem. Томъ II стр. 92, 126, 137.
[4]) Ibidem. Томъ I, стр. 136.
[5]) Ibidem. Томъ II, стр. 240.

мѣстій. Въ этомъ обнаружилась вся натура крестьянина. Уже Ѳеофрастъ въ древности замѣтилъ, что крестьянинъ отличается тупымъ упорствомъ и ни чему не повѣритъ, чего самъ не увидитъ. Народная пословица часто указываетъ эту особенность крестьянина. Напр.: «Der Bauer glaubt nur seinem Vater. Wat de Bur nicht kennt, da ått he niet» *). По этой причинѣ большія помѣстья, вводя агрономическія улучшенія и показывая наглядныымъ образомъ выгоду, дѣйствовали на умъ крестьянина и поощряли его испробовать то же. Мы не станемъ разсуждать о томъ, нельзя ли и безъ примѣровъ большихъ помѣстій поднять уровень крестьянскаго земледѣлія, напр., при помощи образцовыхъ фермъ. Для насъ достаточно изслѣдовать реальныя, существовавшія и существующія отношенія и разобрать условія ихъ прогресса. Въ этомъ анализѣ мы нашли, что крупныя имѣнія дѣйствуютъ опредѣленнымъ образомъ на культуру крестьянскихъ участковъ. Говоря это, мы вовсе не желаемъ писать апологію крупнаго землевладѣнія; мы только описываемъ то, что существуетъ.

Но культурное вліяніе, исходящее изъ крупныхъ имѣній, распространяется среди крестьянъ своеобразно, иначе, чѣмъ, напр., теплота. Послѣдняя переходитъ изъ одной точки въ слѣдующую непрерывно. Культурное же вліяніе большихъ помѣстій распространяется спорадически. Оно дѣйствуетъ прежде всего на крестьянъ, владѣющихъ крупными участками. Мы привели величину такихъ участковъ—100 и болѣе морговъ, которые равнозначны въ Европѣ въ два и три раза большему количеству земли въ Россіи, благодаря интенсивности хозяйствъ. Это крестьяне лишь по имени и происхожденію, и часто еще по привычкамъ Волна прогресса, исходящая изъ крупныхъ помѣстій и достигшая крестьянъ выше упомянутаго разряда, теряетъ громадную часть своей силы и становится болѣе слабой, когда ей приходится спускаться ниже, т. е. отъ очень зажиточныхъ крестьянъ къ среднимъ. Наконецъ, всякіе слѣды прогресса совсѣмъ исчезаютъ, если мы перейдемъ къ мелкому крестьянству. Мы имѣемъ тутъ передъ собой полнѣйшій техническій застой. Мы подчеркнули уже этотъ фактъ въ вышепроизведенномъ анализѣ условій техническаго прогресса.

Мы приведемъ нѣсколько примѣровъ представляющихъ неодинаковую культурную воспріимчивость различныхъ слоевъ крестьянства.

Въ Западной Пруссіи, въ предѣлахъ дилувіальныхъ отложеній Вислы, агрономическій прогрессъ крестьянскаго землевладѣнія достигъ довольно значительныхъ размѣровъ въ послѣдніе 20 лѣтъ; но онъ осязательнѣе у крестьянъ, владѣющихъ болѣе крупными участками, чѣмъ у мелкихъ. Но подальше отъ Вислы, въ возвышенныхъ мѣстностяхъ, новѣйшія стремленія совсѣмъ не коснулись мелкаго крестьянина, между тѣмъ

*) Смотри другіе примѣры у Рошера: Nationaloekonomik des Ackerbaues.

какъ крестьяне, владѣющіе крупными участками, находятся подъ вліяніемъ усовершенствованій, введенныхъ въ большихъ помѣстьяхъ [1]).

Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ крестьянское хозяйство въ послѣднее время значительно подвинулось впередъ. Крестьяне завели дренировку, употребляютъ искусственное удобреніе, болѣе заботятся о скотѣ и старательнѣе воздѣлываютъ землю; завели машины, соединились въ маслобойные союзы. Между крестьянскими усадьбами и помѣщичьимъ имѣніемъ нѣтъ почти разницы относительно величины чистаго дохода. Но все это относится, разумѣется, къ зажиточнымъ крупнымъ крестьянамъ, мелкіе же во многихъ отдаленныхъ деревняхъ находятся на совсѣмъ другомъ уровнѣ [2]).

Въ горной Франконіи, на крупныхъ участкахъ хозяйничаютъ въ большинствѣ случаевъ раціонально, но мелкій крестьянинъ рѣдко этому подражаетъ. Относительно другой мѣстности того же раіона, пишутъ, что крестьянское земледѣліе несомнѣнно прогрессируетъ и пользуется даже, при помощи союзовъ, паровыми машинами. Но чѣмъ участокъ ниже нормальной величины, тѣмъ и техника его ниже, и вѣроятно среди мелкихъ крестьянъ всякіе слѣды прогресса исчезаютъ [3]).

Въ нижней Баваріи большія помѣстья служатъ исходной точкой прогресса, который касается даже самыхъ мелкихъ крестьянъ. Но и здѣсь болѣе впечатлительными оказались крупные крестьяне, затѣмъ средніе, хотя всѣ сообща не долюбливаютъ нововведеній, и съ трудомъ поддаются прогрессу [4]).

Въ Саксонскомъ Королевствѣ техническій прогрессъ подвигается осязательнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нельзя отличить крестьянской усадьбы отъ крупныхъ имѣній, въ культурномъ отношеніи. Но и здѣсь находятся исключенія, проистекающія отъ существованія мелкихъ усадьбъ. Тоже самое можно сказать о Веймарскомъ Герцогствѣ. Кстати, чистый доходъ крестьянской усадьбы иногда не меньше дохода, получаемаго помѣщикомъ со своего имѣнія, благодаря тому, что крестьянинъ живетъ крайне бережливо, хуже фабричнаго рабочаго, потребности котораго выше [5]).

Мы останавливались лишь на Германіи, но зато съ возможной подробностью мы разсмотрѣли условія крестьянскаго прогресса и предѣлы его распространенія. Этотъ анализъ очень важенъ. Онъ показываетъ намъ, что мы съ крайней осторожностью должны обращаться съ понятіемъ «крестьянство». Есть крестьянинъ и «крестьянинъ». Зажиточный, хотя и медленно, но все таки принимаетъ участіе въ общемъ прогрессивномъ ходѣ земледѣльческой культуры. Мелкій же придержи-

---

[1]) Bauerliche Zustände in Deutschland, томъ II, стр. 238, 240.

[2]) Ibidem. Томъ II, стр. 72, 73, 74.

[3]) Ibidem, томъ III, стр. 150, 159.

[4]) Ibidem, томъ III, стр. 138, 141.

[5]) Ibidem, томъ II, стр. 221, 222

вается рутины и, бѣднѣя, все болѣе, упорнѣе сопротивляется прогрессу.

Въ послѣднее время кооперативныя учрежденія начали распространяться среди крестьянъ. Многіе по этому поводу трунили надъ Лафаргомъ, который нѣкогда доказывалъ, что мелочная скупость и индивидуально-эгоистическія стремленія лишили французскаго крестьянина способности соединяться въ самые простые союзы, напр. для покупки сѣмянъ или навоза, и между прочимъ сказалъ, что легче научить осла изъ Пуатье декламировать стихи Виктора Гюго, чѣмъ убѣдить крестьянина въ выгодахъ коопераціи. Развитіе синдикатовъ во Франціи, обнимающихъ теперь около 600.000 земледѣльцевъ, показало, что все таки крестьянинъ умнѣе осла. Но этотъ крестьянинъ не «крестьянинъ» вообще, а, по всей вѣроятности, зажиточный крестьянинъ. Впрочемъ, этимъ вопросомъ займемся позже. Теперь сдѣлаемъ лишь одно замѣчаніе. Среди крестьянъ техническій и кооперативный прогрессъ подвигается такъ медленно, что не у всякаго хватитъ терпѣнія считать по пальцамъ ихъ проявленія и восхищаться покупкой молотилки сообща тремя или пятью сосѣдями, случающейся разъ въ одномъ изъ ста уѣздовъ, тѣмъ болѣе, что жизнь въ городскихъ центрахъ подвигается такъ шибко. Неудивительно, что иные готовы даже преувеличить способности осла изъ Пуатье. Этотъ отзывъ свидѣтельствуетъ лишь о горячемъ желаніи поскорѣе увидѣть дѣйствительно широкій и глубокій прогрессъ.

Л. Крживицкій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*

ВЪ СКЛЕПѢ.

Весенній солнца лучъ сквозь низкое окно
Скользнулъ въ угрюмый мракъ нѣмого подземелья,
И на холодный полъ горячее пятно
Онъ бросилъ, какъ призывъ забытаго веселья.

—

Улыбкой блѣдною отвѣтили кресты,
Померкшимъ серебромъ бѣлѣя на покровахъ,
Вѣнковъ увядшіе, истлѣвшіе листы
Почуяли сквозь сонъ дыханье рощъ лавровыхъ.

—

Пріотворилась дверь... съ порывомъ вѣтерка
Привѣтъ весны слетѣлъ на тихія могилы,
И чья-то нѣжная и тонкая рука
Весенніе цвѣты на камень положила.

—

И снова стихло все, но яркіе цвѣты
Въ холодномъ сумракѣ нѣжнѣй благоухали,
Какъ лучшихъ дней былыхъ далекія мечты,
И мертвымъ о любви и радости шептали.

Allegro.

КАКЪ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ.

(очеркъ).

Платонъ Алексѣевичъ Середа лежалъ въ постели неподвижно и можно было подумать, что онъ умеръ. Носъ у него заострился, сухое старческое лицо было похоже на пергаментъ, а вѣки глазъ, глубоко впавшихъ въ рѣзко очерченныя орбиты, не прикрывались плотно и оставляли двѣ щели. Въ эти щели сквозило стекло глазъ, потускнѣвшее, мутное, напоминавшее о смерти... Въ комнатѣ было почти темно: спущенная на окнѣ штора изъ тоненькихъ деревянныхъ спицъ окрашивала проникавшій сюда дневной свѣтъ въ какой то янтарно-желтый больной цвѣтъ, скучный и тревожный, а мерцающая въ полутемномъ углу красноватымъ огонькомъ лампадка дѣлала комнату похожей на часовню или усыпальницу... Тихо, наципочкахъ, входила сюда жена больного Глафира Ивановна, худая пожилая дама въ черномъ, съ мученическимъ выраженіемъ на лицѣ; сперва она прислушивалась къ дыханію больного, потомъ переводила взоръ на икону, гдѣ дрожалъ красноватой звѣздочкой огонекъ, и, крѣпко прижимая къ груди свои худыя костлявыя руки, шевелила губами... Иногда въ дверяхъ появлялся, съ тревогою на лицѣ, юноша въ студенческой курткѣ и, молча постоявъ на порогѣ, уходилъ съ опущенною головою... Дѣвочка лѣтъ шести, съ тоненькими, какъ палочки, ножками, приходила посмотрѣть на папу; крадучись она приближалась къ ногамъ больного и заглядывала, и ей становилось страшно отъ этихъ слегка пріоткрытыхъ глазъ отца, въ которыхъ для нея всегда свѣтилась только горячая любовь, нѣжная ласка и радость, и которые теперь внушали ей только одинъ инстинктивный страхъ... Отъ страха маленькое сердечко Ниночки вздрагивало и замирало,—и она выбѣгала изъ полутемной комнаты съ такимъ ощущеніемъ, словно ее хотѣлъ схватить кто-то сзади, въ залъ, гдѣ было нестрашно, гдѣ ярко сіяло солнышко морознаго зимняго утра и гдѣ желтая канарейка пѣла звонко и весело...

— Не проснулся папа?—грустно спрашивала ее мать.

— Нѣтъ.

— Сходи еще, посмотри!

— Я боюсь. Онъ страшный—отвѣчала дѣвочка, переставая играть резиновымъ мячомъ, и личико ея дѣлалось вдругъ серьезнымъ, похожимъ на лицо матери...

— Что ты, дурочка!..

— Глаза у него, мама, смотрятъ, а самъ онъ не шевелится...

Глафира Ивановна отвертывалась къ стѣнѣ, чтобы Ниночка не замѣтила, какъ брызнули вдругъ у ней слезы, а дѣвочка сейчасъ же забывала про папу и опять играла мячикомъ и разговаривала съ нимъ.

Въ первомъ часу дня раздался громкій и рѣзкій звонокъ. Этотъ звонъ казался дерзкимъ, безсердечнымъ и неумѣстнымъ, потому что всѣ въ домѣ старались ходить на цыпочкахъ, а говорить—шепотомъ или въ полголоса. Глафира Ивановна вся встрепенулась и сдѣлала движеніе прикрыть руками свои уши, словно отъ этого колокольчикъ могъ стихнуть, понять свою неделикатность; а потомъ, вздохнувъ, она пошла въ переднюю, чтобы поскорѣе пустить доктора. Но студентъ обогналъ ее.

— Докторъ!—прошепталъ онъ, промелькнувъ по залѣ, какъ метеоръ.

Студентъ больше всего надѣялся на Семена Григорьича. Докторъ казался ему теперь единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, имѣющимъ право ходить не на цыпочкахъ, говорить громко и даже смѣятся и шутить. Въ передней послышалась возня, стукъ галошъ, кряхтѣніе, а потомъ прозвучалъ знакомый спокойный и даже немножко безпечный голосъ:

— Ну-съ, какъ наша жертва гласности?

— Спитъ...

— Отлично!.. Самое лучшее дѣло...

— Здравствуйти, Семенъ Григорьичъ!—съ мольбой въ голосѣ произнесла Глафира Ивановна, встрѣчая въ дверяхъ доктора.

— Ахъ!.. Морозецъ сегодня, Глафира Ивановна, изрядный... Похрустываетъ!.. Люблю!.. 18 по Реомюру. Мое почтеніе! Какъ Платонъ Алексѣичъ?

— Спитъ... Давеча скушалъ сухарь съ чаемъ... А рука правая недѣйствуетъ все... Нѣтъ! и нога тоже... И говоритъ, что глазъ одинъ плохо видитъ...

— Ничего, ничего! Не надо отчаяваться... Похрустываетъ!.. 18 по Реомюру! а?

Докторъ посмотрѣлъ на канарейку, погладилъ по русой головкѣ Ниночку и сказалъ:

— Ну, а ты, стрекоза, какъ прыгаешь?

— Я не стрекоза.

— Ну, блоха!

— А ты клопъ!..—укоризненно склонивъ головку, сказала дѣвочка.

— Ха—ха—ха!..

Докторъ росхохотался, а дѣвочка, спрятавъ мячикъ за спину, встала у стѣны и изъ-подлобья стала смотрѣть на „дядю, который ругается". Докторъ былъ среднихъ лѣтъ и средней полноты, съ добродушнымъ лицомъ и смѣющимися глазами, съ уравновѣшенной душой и съ мягкими, словно обточенными, движеніями. Онъ былъ всегда въ хорошемъ расположеніи духа, всегда „только что подзакусилъ", всегда „чуточку соснулъ" и казался свѣжимъ и жизнерадостнымъ человѣкомъ. И это хорошо дѣйствовало какъ на больныхъ, такъ и на окружающихъ ихъ людей, потому что внушало имъ надежды, иногда, быть можетъ и напрасныя, но всегда необходимыя застигнутому горемъ человѣку.

— Пойдемте, Семенъ Григорьичъ, въ столовую позавтракать!.. А онъ тѣмъ временемъ, навѣрно, проснется...

— Только что, голубушка, подзакусилъ! Адмиральскій часъ: выпилъ рюмку и съѣлъ два пирожка, одинъ съ мясомъ, а другой съ капусткой...

— Ну стаканчикъ чайку?—плаксиво сказала Глафира Ивановна.

— Чайку? Чайку — пожалуй!.. хорошо съ морозцу... Пользительно!

Пошли всѣ въ столовую. Здѣсь бурлилъ на столѣ самоваръ, такой свѣтлый, пузатенькій, словно подбодрившійся, и пахло сдобными булками; здѣсь было свѣтло, уютно, весело и, казалось, что столовая не хочетъ знать о томъ, что Платонъ Алексѣичъ нездоровъ и что онъ не можетъ двигаться. Самоваръ былъ попрежнему—франтъ, скатерть—бѣлоснѣжная, булки—румяныя и пахучія, заставлявшія курчавую болонку облизываться и служить передъ докторомъ, какъ она нѣсколько дней тому назадъ служила передъ Платономъ Алексѣевичемъ. Все было по прежнему, словно ничего не случилось. Даже по прежнему на столѣ лежалъ новый, только что доставленный разнощикомъ и еще неразвернутый, номеръ мѣстнаго органа гласности „Пошехонскаго Курьера", отъ котораго пахло типографской краской, сырой бумагой и еще чѣмъ-то... Это горничная, позабывъ распоряженіе Глафиры Ивановны, по привычкѣ положила опять на столъ газету, которую барыня не могла теперь видѣть.

— Не кладите ради Бога на столъ эту газету! Я просила васъ!..—прошептала Глафира Ивановна и спряталась за самоваръ, потому что изъ глазъ ея брызнули слезы. Студентъ пожалъ пле-

чами и, схвативъ газету, куда то унесъ ее, а когда онъ вернулся и сѣлъ на прежнее мѣсто,—Глафира Ивановна плакала.

—Она убила вашего отца — слышался изъ за самовара ея шепотъ,—и столъ вздрагивалъ, а посуда тревожно звенѣла.

— Охъ, Глафира Ивановна! Плакать рано-съ, не о чемъ!—сказалъ докторъ, помѣшивая въ стаканѣ ложечкой. —Дѣло поправимое... Рука будетъ брать, нога—ходить, глазъ—смотрѣть... Не надо теряться. Надо больше покою и вамъ, и Платону Алексѣичу... Больно ужъ вы съ нимъ чувствительны. А позвольте спросить: какъ это нашъ подполковникъ Шамшуринъ живетъ совсѣмъ безъ ногъ? а? Не плачетъ. Живетъ. И еще какой развеселый!.. Получаетъ пенсію и хвалитъ Господа...

— Намъ еще три года до пенсіи— плаксиво отвѣтила изъза самовара Глафира Ивановна, отирая платкомъ слезы:

— А у насъ ихъ двое,—добавила она, сморкаясь.

— И прекрасно что двое: студентъ кончитъ и будетъ служить (только не по цензурной части!), а стрекоза подростетъ,—замужъ выйдетъ. Будетъ отличный зять...

— Хотя бы эти три года-то дотянуть какъ нибудь!—облегченно вздохнувши, сказала Глафира Ивановна—дослужилъ бы и вышелъ!.. Да нѣтъ, гдѣ ужъ?.. Платонъ Алексѣичъ совсѣмъ изнемогъ... Проклятая газета! Всю жизнь она намъ исковеркала. Какъ попалъ на эту должность, такъ и пошло все подъ гору да подъ гору... Каждый день ссоры, крикъ, жалобы, непріятности... Сталъ раздражительный, сонъ пропалъ, аппетиту не стало... Хандритъ и всего боится, точно злодѣй какой, котораго ищутъ, чтобы казнить... Право! Шальной все ходилъ послѣдніе дни. Точно не въ себѣ человѣкъ... А потомъ...

Глафира Ивановна вынула носовой платокъ, приложила его къ глазамъ и шепотомъ докончила:

— А потомъ... это и случилось...

И я хочу вамъ разсказать, какъ все это случилось...

Платонъ Алексѣичъ прожилъ всю жизнь тихо и скромно, какъ живутъ всѣ чиновники среднихъ окладовъ. Безъ крайностей нужды, но и безъ всякихъ достатковъ. Это была сѣренькая жизнь, съ сѣренькими радостями и горестями, безъ сильныхъ ощущеній и безъ яркихъ впечатлѣній. Онъ былъ счастливъ счастьемъ малознающаго и недалекаго человѣка; сердце у него было доброе, но оно никогда не билось особенно сильно и было цѣликомъ отдано семьѣ. Горизонтъ духовныхъ очей Платона Алексѣевича не раскрывался дальше губернскаго правленія — гдѣ онъ служилъ сперва младшимъ, а потомъ—старшимъ совѣтникомъ, да клуба съ зелеными столами и винтомъ „по маленькой“. Все шло ровно,

гладко и, казалось, что жизнь катится по рельсамъ. Давались своевременно чины за выслугу лѣтъ, порадовалъ однажды Станиславъ 3-й степени, увеличивалась семья,—увеличивался и окладъ. Сынъ учился въ гимназіи не отмѣнно, но и не скверно, переваливаясь изъ класса въ классъ, какъ боченокъ, подталкиваемый ногою... Росла Ниночка, пѣла канарейка, къ Пасхѣ давалась награда. Шли года, мелькали проворно осени и зимы, весны и лѣта. Въ свое время пришли болѣзни—геморой, въ свое время заблестѣло темя и морщинка за морщинкой ложились подъ глазами... Платонъ Алексѣичъ дожилъ такъ до 58 лѣтъ. Для такихъ лѣтъ и своего чиновничьяго положенія, Платонъ Алексѣичъ былъ достаточно бодръ: другіе уже будучи младшими совѣтниками, обыкновенно, успѣваютъ высохнуть, какъ препараты, и превратиться въ археологическую рѣдкость. Онъ былъ—какъ говорила Глафира Ивановна, — еще „мужчина въ соку“, и смотрѣлъ впередъ безъ мысли о томъ, что путь его жизни недалекъ и что скоро онъ придетъ на послѣдній этапъ, гдѣ будетъ закупоренъ въ тѣсный деревянный ящикъ для передачи по назначенію...

Пріѣхалъ въ городъ новый губернаторъ. Не въ примѣръ прочимъ губернаторамъ, онъ нашелъ, что газета, о которой давно уже мечтали просвѣщенные горожане, будетъ полезна для Пошехонскаго края,—и мечты осуществились. Городъ получилъ первый органъ гласности „Пошехонскій Курьеръ“...

Вице-губернаторъ все ѣздилъ: зимой въ Крымъ, а лѣтомъ на Кавказъ, а когда онъ никуда не ѣздилъ, то непремѣнно хворалъ. Старшій чиновникъ губернскаго правленія долженъ былъ сдѣлаться цензоромъ, и Платонъ Алексѣичъ сдѣлался. Когда пришло разрѣшеніе открыть газету, то всѣ ликовали и радовались и надѣялись, что теперь пойдетъ какая-то новая жизнь, съ чѣмъ и поздравляли другъ друга. На главной улицѣ появилась золоченая вывѣска „Редакція Пошехонскаго Курьера“. Началось, по обыкновенію, съ молебна, на который собралось очень много друзей гласности и всѣ очень усердно молились и подпѣвали „многая лѣта“ сперва губернатору, а потомъ редактору, издателю и всѣмъ сотрудникамъ... Про Платона Алексѣевича забыли, хотя онъ былъ тутъ же, и это ему было обидно... Губернаторъ сказалъ рѣчь. Рѣчь была такая хорошая и эффектная, что всѣ сильно аплодировали и чувствовали искреннюю признательность. Аплодировалъ и Платонъ Алексѣичъ, хоть онъ дѣлалъ это умѣренно, за спиной отца діакона, и только двумя пальцами, потому что Богъ знаетъ, какъ еще на это взглянетъ губернаторъ... Подобныхъ случаевъ въ жизни Платона Алексѣича не было. Губернаторъ говорилъ, что гласность—великое дѣло и что провин-

ціальная печать имѣетъ громадныя заслуги передъ обществомъ. Вообще онъ такъ отмѣнно отозвался объ этомъ дѣлѣ, что Платонъ Алексѣичъ проникся полнымъ уваженіемъ къ „писателямъ", а особливо къ Михаилу Ивановичу, редактору „Пошехонскаго Курьера". Когда губернаторъ высказалъ надежду на то, что и „Курьеръ" встанетъ въ ряды именно тѣхъ органовъ, которые имѣютъ заслуги, Платонъ Алексѣичъ замѣтилъ, что губернаторъ остановилъ на немъ глаза. Онъ смутился и осмотрѣлъ свой костюмъ. Все было въ порядкѣ. Оказалось, что это—недаромъ: губернаторъ вдругъ обратился въ сторону Платона Алексѣича и сказалъ:

— Въ заключеніе маленькій post scriptum... У насъ принято думать, что цензоръ—врагъ гласности. Это, господа, только анахронизмъ, пережитокъ... Разумный цензоръ — такой же другъ гласности, какъ и всѣ истиннопросвѣщенные люди... Надѣюсь, Платонъ Алексѣичъ, что вы будете именно такимъ цензоромъ и что васъ не будутъ называть гонителемъ.

— Нѣтъ! Никогда, ваше превосходительство! —сказалъ растерявшійся и вспотѣвшій вдругъ Платонъ Алексѣичъ дрожащимъ голосомъ и у него вдругъ появилась на рѣсницѣ слезинка. Онъ такъ захотѣлъ быть настоящимъ другомъ гласности, что душа его переполнилась какимъ-то непонятнымъ порывомъ къ чему-то такому, что было неясно, но похвально, — и слеза была результатомъ этой эмоціи...

— Будьте, господа, друзьями, идите рука объ руку къ свѣту истины, сторонясь тѣхъ крайностей, которыя всюду и всегда только вредятъ дѣлу, а такому дѣлу, какъ печатное слово — въ особенности, — закончилъ губернаторъ, затѣмъ сдѣлалъ общій поклонъ, вышелъ, сѣлъ на свою пару дышломъ и уѣхалъ, оставивъ сильное впечатленіе своей просвѣщенностью и гуманностью во всѣхъ друзьяхъ гласности.

Потомъ стали обѣдать, какъ это бываетъ всегда, когда у насъ желаютъ что-нибудь отпраздновать, вспомянуть или ознаменовать. Обѣдали оживленно, шумно и весело. Рѣчи говорились одна другой гуманнѣе. Блюдъ было очень много и казалось, что обѣдъ никогда не кончится. Платонъ Алексѣичъ былъ предметомъ особеннаго вниманія со стороны представителей нарождающейся гласности и скоро забылъ про то, что про него забыли, когда пѣли „многія лѣта". По одну сторону его сидѣлъ редакторъ, Михаилъ Ивановичъ, а по другую—издатель, просвѣщенный коммерсантъ, имѣющій въ городѣ образцовую бакалею. И оба они не давали Платому Алексѣичу ни отдыха, ни срока, и все угощали разными настойками, винами и ликерами, которыя называли въ шутку по имени разныхъ отдѣловъ своей газеты: простая водка назы-

валась „передовая“, коньякъ—„телеграммы“, вина—„иностранными извѣстіями“ и т. д.

— Ну рюмочку послѣднихъ извѣстій, Платонъ Алексѣичъ!

— Не могу, почтеннѣйшій Михаилъ Ивановичъ! Голова кружится...

— Такъ я вамъ—хроники? а? слабенькое!

Въ головѣ Платона Алексѣича отдавался нестройный шумъ многочисленныхъ голосовъ, а передъ глазами мелькали лица „писателей“, какъ Платонъ Алексѣичъ называлъ вообще всѣхъ сотрудниковъ газеты, включая сюда репортеровъ и корректора. Всѣ они были ему представлены, но онъ путалъ ихъ фамиліи и спеціальности.

— Вы чѣмъ изволите завѣдывать?—переспросилъ онъ.—Если не ошибаюсь, иностранными дѣлами?

— Нѣтъ, это хроникеръ, г. Косолаповъ!—подсказывалъ редакторъ.—А это вотъ, на углу сидитъ, Николай Петровичъ Потрясовскій, нашъ передовикъ...

— А который же завѣдываетъ иностранными дѣлами? — интересовался Платонъ Алексѣевичъ.

—Вонъ, на креслѣ! носомъ клюетъ!

— Русскій подданный? — шепотомъ спрашивалъ Платонъ Алексѣичъ, наклоняясь къ уху издателя.

—Русскій! Чистокровный! — радостно и со смѣхомъ восклицалъ издатель и наливалъ „разныхъ разностей“, какъ онъ называлъ ликеры.

Сотрудники тоже были крайне любезны. Всѣ уже изрядно подпили. Завѣдывающій иностраннымъ отдѣломъ подсѣлъ къ Платону Алексѣичу, хлопалъ его по колѣнкѣ и говорилъ:

— Заграничная жизнь, батенька,—великая штука!

— А вы изволили быть заграницей?

— Не въ этомъ дѣло! не въ этомъ! А вся суть въ томъ, что это—школа! Это—сама исторія!—потрясая указательнымъ пальцемъ въ воздухѣ, выкрикивалъ собесѣдникъ и мутными глазами смотрѣлъ куда-то очень далеко, какъ-бы въ глубь самой исторіи...

— Еще бы! еще бы! – произносилъ Платонъ Алексѣичъ и покачивалъ головой, и ему было хорошо и пріятно, и онъ чувствовалъ себя такъ, словно-бы и онъ сдѣлался губернаторомъ и глубоко уважаетъ теперь гласность и отлично понимаетъ, какое важное и великое дѣло совершается при его участіи и содѣйствіи...

Провозглашались тосты, рѣчи становились все шумливѣе и стали терять сперва архитектурность своего построенія, а потомъ и логичность... Все громче звенѣла посуда, хлопали бутылочныя пробки и табачный дымъ носился клубами надъ пирующими... Завѣдывающій иностранными дѣлами провозгласилъ тостъ

за Платона Алексѣевича, и всѣ съ нимъ чокались и кричали ура. Только передовикъ Потрясовскій сидѣлъ въ углу, мрачный и не всталъ, чтобы стукнуться бокаломъ съ Платономъ Алексѣевичемъ; онъ сердито посмотрѣлъ на редактора и пожевалъ губами, а когда стихли, приподнялся, погладилъ свои волнистые волосы и началъ декламировать стихотвореніе про мысль...

Она, рожденная свободой,
Въ оковахъ не умр-р-ретъ...

— Дда, не ум...умрретъ, господа! — повторилъ онъ и закричалъ „ура.“

И всѣ поддержали Потрясовскаго и стали опять чокаться другъ съ другомъ и съ Платономъ Алексѣичемъ, а Потрясовскій присталъ къ нему, чтобы и онъ сказалъ тостъ:

— Ты все молчишь, другъ Гораціо! Ты все только чокаешься—угрюмо сказалъ онъ. — И ты скажи! Скажи свое profession de foi!

— Какъ-съ?

— Свою программу! Какъ будешь съ нами?.. Я—прямой человѣкъ, не люблю, кто все молчитъ... да!

— Валяйте, Платонъ Алексѣичъ!

— Тише, господа!

Платонъ Алексѣичъ всталъ съ бокаломъ. Рука у него вздрагивала и выплескивала на скатерть „иностранныя извѣстія“. Онъ былъ смущенъ, потому что никогда не говорилъ въ своей жизни рѣчей и не зналъ, что онъ теперь скажетъ...

— Тише!—прогремѣлъ Потрясовскій, полагая, что Платонъ Алексѣичъ молчитъ отъ того, что нѣтъ абсолютной тишины.

— Господа!..

Платонъ Алексѣичъ опустилъ на грудь голову и повелъ въ воздухѣ свободной лѣвой рукою.

— Тише!

— Господа!..

Платонъ Алексѣичъ опять провелъ рукой.

— Я... что же я скажу?.. Я всегда... буду другомъ Михаила Иваныча и... гласности. И — и... Господа!.. Давайте еще выпьемъ за Михаила Иваныча и... гласность!

— Это все онъ бобы разводитъ! — гудѣлъ Потрясовскій. — Ты намъ скажи: правъ поэтъ, слово не умретъ? Ну скажи! Прямо, откровенно!

— Не умретъ—согласился Платонъ Алексѣичъ и сѣлъ, потому что его давило къ землѣ и ноги казались свинцовыми.

А когда сказалъ „не умретъ“, то его схватили и при крикахъ „ура“ стали качать. И онъ чувствовалъ себя хорошо, словно

у него за спиной выросли вдругъ крылья и онъ летаетъ по воздуху и сладко дремлетъ подъ дуновенiемъ вѣтерка, такъ прiятно ласкающаго разгоряченное тѣло...

— Спитъ, господа! — сказалъ басомъ Портясовскiй, когда Платона Алексѣевича перестали качать и хотѣли поставить на ноги...

— Кладите его въ корректорской на диванѣ!—распорядился издатель.

„Не умретъ... не умретъ, господа"—шепталъ, не открывая глазъ, Платонъ Алексѣевичъ, когда его клали на диванъ, а когда положили,—то глубоко вздохнулъ и отбросилъ одну руку прочь.

На первыхъ порахъ все шло благополучно. Платонъ Алексѣичъ получилъ триста рублей „добавочныхъ" и былъ въ полномъ восторгѣ отъ гласности...

— Какъ разъ нашему студенту, по 25-ти въ мѣсяцъ! — говорилъ онъ и радовался, потому что теперь „Петька" можетъ учиться въ Москвѣ спокойно, — задержки въ высылкѣ денегъ не будетъ... Редакторъ съ издателемъ оказались прекрасные люди. Они сдѣлали визитъ Платону Алексѣевичу, а Платонъ Алексѣичъ—имъ. Мать редактора, Михаила Иваныча, познакомилась съ Глафирой Ивановной и онѣ также остались довольны другъ другомъ, потому что обѣ были скромныя пожилыя дамы, обѣ ходили въ черныхъ платьяхъ и въ одинаковыхъ наколкахъ на головѣ... У редактора имѣлась дѣвочка, дочка покойнаго его брата, Любочка; она была однихъ лѣтъ съ Ниночкой, и потому получилась еще одна связь между цензурой и гласностью... Самъ Михаилъ Иванычъ былъ человѣкъ очень мягкiй и деликатный и внушалъ Платону Алексѣевичу полнѣйше довѣрiе, которое окончательно окрѣпло послѣ того, какъ редакторъ самъ предложилъ однажды:

— А что, Платонъ Алексѣичъ, не выкинуть-ли намъ эту чертовщину?

— А что?—тревожно спросилъ Платонъ Алексѣевичъ и сейчасъ же обмакнулъ перо въ красныя чернила.

— Да чортъ знаетъ... Чтобы непрiятности не вышло... Помнится, былъ циркулярикъ...

— А—а! Ну тогда—конечно! весьма благодаренъ, дорогой мой, весьма! Я вѣдь совсѣмъ неопытенъ... Вы ужъ мнѣ помогайте, батюшка! — попросилъ Платонъ Алексѣевичъ, торопливо перекрещивая сомнительныя строки. „Не разрѣшаю"—написалъ онъ на поляхъ и два раза подчеркнулъ написанное.

— Сомнительнаго ничего нѣтъ? — спрашивалъ онъ потомъ Михаила Иваныча, когда тотъ самолично заѣзжалъ къ Платону Алексѣевичу, чтобы процензировать что-нибудь спѣшное.

— Нѣтъ.

— Чего-нибудь этакого... неудобосказуемаго? — повторялъ Платонъ Алексѣичъ, испытующе глядя черезъ сползшія съ переносья очки въ лицо Михаила Иваныча..

— Нѣтъ, Платонъ Алексѣичъ! — твердо отвѣчалъ Михаилъ Ивановичъ.

Тогда Платонъ Алексѣичъ смѣло опускалъ руку и писалъ „печатать разрѣшаю“.

— Я вѣдь, батюшка, не могу все до слова перечитать... У меня и такъ много дѣла по службѣ... т. е. — какъ слѣдуетъ, прочитать, со вниманіемъ. Некогда. Да, признаться, и старъ сталъ: много думать начнешь,—сейчасъ мигрень... Все, что училъ,—попозабылось, вылетѣло изъ головы... Другой разъ титулы и тѣ забываю... Разъ князю взялъ да и хватилъ „его превосходительству!“—Это—князю-то? Каково! Точно вотъ затменіе какое другой разъ находитъ... И глаза стали что-то дурить... Я, вѣдь, вотъ какъ долженъ отставить газету, чтобы читать!—рука устаетъ держать... Собираюсь все сдѣлать себѣ этакую подставку, чтобы удобнѣе было... какъ, знаете, для игры по нотамъ на скрипкѣ...

— Пюпитръ?

— Вотъ—вотъ!

Но такое миролюбивое, дружески—теплое отношеніе продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Первое недоразумѣніе вышло изъ-за иностранныхъ дѣлъ.

— Здравствуйте, Платонъ Алексѣичъ! Вы звали меня въ телефонъ?

— Звалъ, звалъ, батюшка! — озабоченно сказалъ Платонъ Алексѣевичъ.

— Къ вашимъ услугамъ... Что прикажите?

— Приказывать я, Михаилъ Иванычъ, не могу, а просить хочу васъ.. .Я все забываю, кто у насъ иностранными дѣлами завѣдуетъ?

— Клюкинъ.

— Русскій подданный?

— А что?

— Да такъ... Есть, значить, основаніе... Не могу, Михаилъ Иванычъ, сказать... Я, знаете ли, такой человѣкъ: дружба—дружбой, а служба—службой...

— Да что такое?.. Вы хоть дайте самую нить-то вашихъ думъ!

— Не нравится мнѣ, знаете-ли, что онъ постоянно про эту революцію упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Такъ вотъ и норовитъ, чтобы ее гдѣ-нибудь вставить!..

— Это вы напрасно,—съ улыбкой и съ удивленіемъ возразилъ Михаилъ Иванычъ.

Платонъ Алексѣичъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Совсѣмъ, батюшка, не напрасно... Это собственно, между нами говоря, я не самъ замѣтилъ, а такія люди, которые...

— Гм... Да хоть-бы и упоминалъ,—что изъ этого? Да возьмите любой номеръ газеты, журнала, — вы вездѣ встрѣтите теперь этотъ историческій фактъ. Рѣшительно ничего предосудительнаго!

— Такъ-то оно такъ, а всетаки мы съ вами лучше не будемъ о ней говорить... Спокойнѣе... И мнѣ, и вамъ... Богъ съ ней совсѣмъ! Вотъ здѣсь опять есть эта революція, — сказалъ Платонъ Алексѣичъ швыряясь въ оттискахъ. — Экій неосторожный человѣкъ этотъ... Клюкинъ!

Долго спорили о революціи, но ни къ чему прійти не могли.

— Ну, пусть все это вѣрно!.. А все таки я прошу васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Ивановичъ, сдѣлайте мнѣ, старику, такое одолженіе!.. Ну, слово, что-ли, другое придумайте для этой штуки!

Рѣшили называть впредь революцію, если ужъ явится крайность упомянуть о ней, — „катастрофой“, и оба остались немножко недовольны другъ другомъ. Это было началомъ охлажденія. Потомъ пошли споры и недоразумѣнія почти ежедневно, вплоть до настоящей катастрофы...

— Почему вы, Платонъ Алексѣичъ, вычеркнули изъ заграничныхъ извѣстій всю Францію?

— Потому что довольно ужъ мнѣ и такъ!.. — уклончиво и хмуро отвѣчаетъ Платонъ Алексѣичъ.

— Да вы укажите: что именно заставило васъ перечеркнуть весь столбецъ?

— Все-съ.

— А именно?

— Изъ-за вашей Франціи... вчера... Однимъ словомъ, — нахожу неудобнымъ!

— Такъ нельзя-съ, Платонъ Алексѣичъ!

— А вотъ, значитъ, можно!—сердился Платонъ Алексѣичъ и добавлялъ, глядя въ сторону:

— Чертъ съ ними, съ вашими Франціями!.. Изъ-за нихъ ничего, кромѣ непріятностей, выйти не можетъ.

— Не понимаю-съ.

— Вотъ и я не понимаю-съ! — упрямо повторялъ Платонъ Алексѣевичъ.

Съ этихъ поръ Платонъ Алексѣевичъ началъ вычеркивать Францію безъ всякихъ разговоровъ.

— Я буду жаловаться... Такъ нельзя,—оффиціальнымъ тономъ говорилъ Михаилъ Иванычъ.

— Михаилъ Иванычъ! Вы что-же, думаете, что я вотъ такъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ да и началъ чертить? а?

— Это ужъ, Платонъ Алексѣичь, опять таки ваше дѣло-съ...

— Что-же вы, думаете, что я имѣю что-нибудь противъ какихъ-нибудь государствъ?

Глафира Ивановна подходила къ кабинету и, прислушиваясь, мотала головой и думала:

— „Что они вдругъ все ссориться стали?.. Въ толкъ не возьму".

— Михаилъ Иванычъ! Это вамъ не стыдно моего старика обижать? а?—укоризненно говорила она, растворяя дверь въ кабинетъ мужа.

— Оставь, Глашенька! Тутъ, ей-Богу, съ ума съ ними спятишь,—сердито восклицалъ Платонъ Алексѣичъ.

— Ай—ай, Михаилъ Ивановичъ! вамъ-бы его пожалѣть было надо: ему и такъ много непріятностей изъ-за газеты, а вы еще его же обижаете.

— Помилуйте! Платонъ Алексѣичъ насъ обижаетъ, а не мы его!

— Этому ужъ я не повѣрю,—сказала Глафира Ивановна.— Онъ у меня мухи не обидитъ...

Въ губернскомъ правленіи и на дому—у Платона Алексѣевича были телефоны, и гдѣ-бы онъ ни былъ: дома, или на службѣ, то и дѣло трещалъ звонокъ и спрашивали: „Платонъ Алексѣичъ?"

— Что-же вы, батенька, это дѣлаете?

— Кто говоритъ?

— Я! Начальникъ дороги.

— Я слушаю.

— Какъ-же вы, батюшка, пропускаете...

Платонъ Алексѣичъ держалъ около уха резонаторъ телефона и лицо его дѣлалось воплощеннымъ недоумѣніемъ.

— Я буду жаловаться...—кончалъ телефонъ.

Платонъ Алексѣичъ сердито тыкалъ резонаторъ на мѣсто и отходилъ. Но не проходило и пяти минутъ, какъ раздавался новый звонокъ.

— Кто у телефона?

— Губернаторъ!

Лицо Платона Алексѣевича застывало отъ ужаса. Онъ какъ-то почтительно пригибался къ аппарату и, виновато улыбаясь, повторялъ то и дѣло „слушаюсь".

— Я не зналъ, ваше превосходительство! виноватъ, ваше превосходительство! Слушаюсь!..

Лицо Платона Алексѣевича становилось все беззащитнѣе и капли пота появлялись у него на носу.

— Уфъ!—пыхтѣлъ онъ, отходя отъ телефона.—Добавочныя! Гм! Отъ себя далъ бы триста!..

Однажды въ служебный кабинетъ Платона Алексѣевича заявился. въ попыхахъ Михаилъ Ивановичъ и, захлебываясь, началъ негодовать.

— Это, наконецъ невозможно! Я васъ не могу понять!..—взвизгивалъ редакторъ. — Почему вы перечеркнули статью о канализаціи?

Оказалось, что зачеркнута статья не безъ основанія. Недавно Платонъ Алексѣевичъ пропустилъ одну статью о несовершенствахъ городского хозяйства. Въ этой статьѣ было что-то переврано и на нее обидѣлся голова. Голова говорилъ что-то по этому поводу губернатору, а губернаторъ сдѣлалъ Платону Алексѣевичу выговоръ.

— У меня, чтобы не было никакихъ оскорбленій, личностей! Что это за намеки? Какъ это вы читаете и ничего не понимаете? Смотрите въ книгу...

Съ тѣхъ поръ Платонъ Алексѣевичъ сталъ наблюдать, чтобы не было „личностей". Но трудно было догадаться, гдѣ есть эти „личности", а гдѣ—одна гласность.

— Про голову ничего не пропущу! Обижается... и... однѣ непріятности... Я ужъ говорилъ вамъ...

— Да тутъ нѣтъ ничего обиднаго для головы. Тутъ про канализацію!

— А это что-съ?

И Платонъ Алексѣевичъ прочиталъ то мѣсто, гдѣ говорилось, что въ городѣ грязь, что скопленіе всякихъ нечистотъ заражаетъ почву, что слишкомъ большая смертность и что пора, наконецъ, вытащить изъ коммисіи вопросъ о канализаціи...

— Все это—вѣрно!—произнесъ Михаилъ Ивановичъ.

— А я скажу, что даже и невѣрно! — возразилъ Платонъ Алексѣевичъ, которому отъ страха казалось, что дѣйствительно, все это—выдумки, придирка, и что у нихъ нѣтъ никакихъ гнѣздъ заразы, а даже чище, чѣмъ въ другихъ городахъ.

— Я буду жаловаться! Это ужъ слишкомъ!

— Сдѣлайте такое одолженіе!

Михаилъ Иванычъ сухо раскланялся и, захвативъ корректурные оттиски, уѣхалъ. Спустя часа полтора времени, онъ вернулся и опять запыхавшійся и негодующій.

— Я былъ сейчасъ у головы и онъ читалъ... Не нашелъ ничего для себя обиднаго... Вотъ подпись есть его рукою... „Ничего не имѣю противъ". Извольте взглянуть!.. „Ничего... не имѣю..."

— А я имѣю!—упрямо возразилъ Платонъ Алексѣевичъ.

Тогда Михаилъ Ивановичъ схватилъ опять оттиски и исчезъ. А спустя минутъ двадцать затрещалъ телефонъ.

— Кто у телефона?

— Губернаторъ... Почему вы не пропускаете о канализаціи?

Платонъ Алексѣевичъ вспыхнулъ, глаза у него стали бѣгать, какъ бы чего то отыскивая, потомъ онъ поблѣднѣлъ и повелъ рукой въ воздухѣ, какъ это онъ сдѣлалъ на торжественномъ обѣдѣ въ честь гласности, и отвѣтилъ упавшимъ голосомъ:

— Слишкомъ, ваше превосходительство, мрачно...

— Что такое? не слышу! По-че-му не пропустили о ка-на-ли-за-ціи?

— Краски, ваше превосходительство, очень сгущенныя, мрачныя...

— Что такое? Громче!!

Платонъ Алексѣевичъ еще разъ повторилъ про краски и потомъ слушалъ. Рука, которая держала около уха резонаторъ, тряслась, опять поскакали на носу капли пота и во всемъ лицѣ былъ ужасъ и трепетъ. И, должно быть, Платонъ Алексѣичъ слышалъ въ резонаторѣ очень непріятныя для себя слова, потому что, когда все кончилось, то онъ едва добрелъ до кресла и опустился въ изнеможеніи, точно поднялъ сейчасъ только непосильную тяжесть и надорвался... Онъ закрылъ глаза и долго сидѣлъ неподвижно; только рука, которая держала резонаторъ, продолжала вздрагивать и мускулъ около праваго глаза все подергивался судорогой...

Потомъ онъ пилъ воду, но ощущеніе надорванности и какой-то тревоги во всемъ организмѣ не исчезало и сердце работало съ перебоями... Должно быть, видъ у Платона Алексѣича былъ очень скверный, потому что, когда къ нему въ кабинетъ вошелъ младшій совѣтникъ, то онъ сейчасъ же подумалъ о томъ, что Платонъ Алексѣичъ долго не проживетъ и что скоро откроется, наконецъ, вакансія... Платонъ Алексѣевичъ не могъ оставаться въ правленіи и уѣхалъ домой на извозчикѣ. Въ этотъ день онъ не обѣдалъ, — совсѣмъ не было аппетита, — и вечеромъ, когда мальчикъ принесъ изъ типографіи оттиски, вездѣ написалъ неровнымъ почеркомъ „разрѣшается“ и легъ въ постель.

— Скверно что-то, Глашенька!.. нехорошо...—сказалъ онъ.

Въ телефонъ то и дѣло звонили, и это всегда такъ пугало Платона Алексѣевича, что тревога во всемъ организмѣ поднималась и приливала горячей волной къ сердцу, и онъ приподнимался на постели и смотрѣлъ и прислушивался. И все ему казалось, что тамъ, въ резонаторѣ телефона, звучитъ сердитый голосъ „почему вы вы не пропустили?“ или „какъ это вы пропускаете?“... Едва Платонъ Алексѣевичъ впадалъ въ забытье, какъ ему каза-

лось, что къ его уху кто-то приложилъ резонаторъ, или что надъ нимъ наклоняется господинъ, „завѣдывающій иностранными дѣлами“, съ которымъ надняхъ у нихъ было личныя объясненія,—и злобнымъ шепотомъ говоритъ, что онъ послѣдній разъ спрашиваетъ: будетъ ли Платонъ Алексѣевичъ допускать Францію?.. Даже кумъ Платона Алексѣевича, завѣдывающій городскою ассенизаціей, не оставлялъ его въ покоѣ: и онъ мерещился Платону Алексѣевичу съ искаженнымъ лицомъ и кричалъ: „это личности! У меня обозъ въ образцовомъ порядкѣ, а вы чуть не въ каждомъ нумерѣ позволяете издѣвательства? Я буду жаловаться“.

Потомъ что-то такое произошло тамъ, въ организмѣ, непонятное... Что-то оборвалось и что-то билось и дрожало. И когда Платонъ Алексѣевичъ хотѣлъ взять со столика, рядомъ съ постелью, стаканъ воды,—то рука не повиновалась, и у него явилось такое ощущеніе, словно это не рука, а какой то посторонній предметъ.

— Глашенька!—крикнулъ Платонъ Алексѣевичъ и не узналъ своего голоса, потому что онъ прозвучалъ какъ-то сипло и очень тихо... Жена была въ дальнихъ покояхъ, но на зовъ Платона Алексѣевича пришла, съ мячомъ въ рукахъ, Ниночка и звонкимъ голоскомъ спросила:

— Что, папочка? Маму позвать тебѣ?

И когда вошла Глафира Ивановна, то Платонъ Алексѣевичъ плакалъ и не хотѣлъ ей сказать, что у него не дѣйствуетъ рука и не дѣйствуетъ нога и что одинъ глазъ не видитъ...

Когда Глафира Ивановна разсказала доктору, какъ все это случилось, то часы пробили два.

— Однако, мнѣ пора!

— Можетъ быть, онъ проснулся...—плаксиво замѣтила Глафира Ивановна и встала, чтобы посмотрѣть на Платона Алексѣевича.

— Будемъ посмотрѣть!—сказалъ докторъ и пошелъ слѣдомъ за Глафирой Ивановной.

И когда они вошли, то увидали Платона Алексѣевича неподвижнымъ, съ раскрытыми глазами, которые съ какимъ-то страдальческимъ недоумѣніемъ смотрѣли на образъ...

Евгеній Чириковъ.

*

Къ характеристикѣ экономическихъ и бытовыхъ условій жизни безработныхъ.

(«Standart of life» на Хитровомъ рынкѣ въ Москвѣ).

(*Окончаніе* *).

III.

Условія трудовой жизни хитровцевъ.—Работы внѣ Хитрова рынка.—Черныя поденныя работы.—Рынокъ и условія найма.—Работы и заработная плата по севонамъ. — Конкуренты хитровцевъ.—Поденщицы.—Работы въ типографіяхъ и на заводахъ.—Работы и промыслы на Хитровкѣ.—Условія работы. Характеристика отдѣльныхъ ремеслъ и промысловъ.—Мелкая торговля хитровцевъ: разносчики, барышники, «фарисеи».—Интеллигенты Хитрова рынка.

Поденными работами занимается огромная часть населенія Хитрова рынка. Тѣ, кто ходитъ на поденщину, не отказываются ни отъ какой работы, какъ бы тяжела и дурна она ни была. Все это — большею частью черныя работы: очистка улицъ, земляныя, асфальтовыя, на баркахъ и т. д. Постоянная поденная работа случается очень рѣдко. Обыкновенно приходится работать не болѣе, какъ 2—3 дня въ недѣлю. Главная забота поденщика—кокъ бы скорѣе найти работу и не остаться безъ куска хлѣба.

Въ 4 часа утра поденщикъ долженъ выходить на Хитровскую площадь, этотъ «рынокъ труда», и ждать нанимателя. Есть постоянные наниматели, которые всегда пользуются услугами хитровскихъ рабочихъ, въ особенности изъ числа пришлаго сельскаго люда **). При появленіи нанимателя тотчасъ же собирается толпа поденщиковъ. Требуется нанимателю 10 человѣкъ,—набивается 50. Тотъ видитъ, что рабочихъ рукъ слишкомъ много, и старается какъ можно больше выторговать. Размѣръ заработка всецѣло зависитъ отъ количества спроса и предложенія рабочихъ рукъ. Разстояніе до мѣста работъ не играетъ при этомъ никакой роли, и часто приходится идти на самую окраину: въ Дорогомилово, ко Кресту, въ Преображенское, къ Калужской заставѣ и т. п. При наймѣ нерѣдко бываетъ, что нанятаго поденщика

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

**) Такъ, напр., московскіе подрядчики по строительнымъ и др. работамъ.

оттрутъ отъ партіи, и мѣсто его займетъ кто-нибудь другой, кто посмѣлѣе, понапористѣе. И опять придется стоять на площади, и опять ждать нанимателя, и опять торговаться.

Въ теченіе года цѣны на рабочія руки подвергаются значительнымъ колебаніямъ. Въ общемъ, время года, а иногда и состояніе атмосферы, имѣютъ большое значеніе.

Весною, когда начинается обязательная очистка мостовыхъ и дворовъ, поденная плата рабочему (съ его киркой и лопатой) колеблется отъ 80 коп. до 1 р. 50 к., въ зависимости отъ того, насколько усиленно полиція торопитъ очисткой.

Послѣ очистки города отъ снѣга, обыкновенно передъ Пасхой, для поденщиковъ настаетъ глухой сезонъ. Плата за это время сразу понижается: еще вчера работали по 1 руб. и выше, сегодня же, если до 8-ми час. утра нанимателей нѣтъ, цѣна падаетъ до 70—80 коп., а черезъ день или два даже до 40—50 коп. Очень часто, въ послѣдніе дни Страстной недѣли и всю Пасху поденщики остаются рѣшительно безъ дѣла. На Ѳоминой недѣлѣ работы есть только кое-гдѣ, цѣною, преимущественно, по 40—50 к. за день. Многіе изъ поденщиковъ, чтобы не голодать, идутъ собирать крапиву, щавель, почки березы, сосны, ловить червяковъ и т. п. Благодаря этому, щавель и крапива, стоившіе ранѣе 15—20 к. фунтъ (когда ихъ собирали однѣ бабы), сразу падаютъ въ цѣнѣ почти вдвое, и съ каждымъ днемъ цѣна опускается все ниже и ниже, такъ какъ травы выростаетъ все болѣе, а находить и собирать ее становится легче. Хитровцы въ это время бѣдствуютъ.

На недѣлѣ Мvроносицъ начинаются стройки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и спросъ на рабочія руки. Заработная плата поднимается вскорѣ до 70 к. (и нѣсколько болѣе) и въ такомъ размѣрѣ держится до Успенья (15-го августа).

Съ этого дня всѣ подрядчики находятъ, что «день сократился», и начинаютъ сокращать плату, ужиливая отъ рабочихъ пятаки и гривенники. Цѣна устанавливается въ 60—65 к. за день. Правда, солнце стало всходить позднѣе, а закатываться раньше, чѣмъ прежде, но отъ «такого сокращенія дня (!)» рабочему приходится не только не легче а можетъ быть, и тяжелѣе. Дѣло въ томъ, что съ весны работа, напр., на стройкахъ начиналась въ 5 ч. утра, въ 8 ч. полагался завтракъ ($^1/_2$ часа), въ 12 ч. обѣдъ (2 час.), въ 3 ч. чай ($^1/_2$ часа), и работа кончалась въ 8 час. вечера; такимъ образомъ, получался 14-часовой день при 3 час. отдыха, или 11 час. чистой работы *). Съ 15-го августа работа начинается съ 6 час. утра и оканчивается въ $6^1/_2$ час. вечера; завтракъ и послѣобѣденный чай отмѣняются, а на обѣдъ по-

---

*) Въ расчетъ не принимаются существующія отклоненія въ разныхъ случаяхъ, удлиняющія рабочій день; это встрѣчается какъ до Успенья, такъ и послѣ него.

лагается только $1^1/_2$ часа; такимъ образомъ, $12^1/_2$-часовой день съ $1^1/_2$ час. отдыхомъ сводится тоже къ 11 час. чистой работы.

Съ наступленіемъ морозовъ, строительный сезонъ прекращается, и поденщики остаются безъ работы. Если отыщется гдѣ-нибудь работа, то радуются и полтиннику въ день, иначе приходится сидѣть, сложа руки, и голодать.

Это голодное время длится до выпаденія снѣга. Если валитъ хорошій, сильный снѣгъ, Хитровка радуется: будетъ работа. Чѣмъ больше снѣга, тѣмъ больше работы, и плата за нее дороже. Обыкновенно. рабочій день зимою оплачивается 60—65 коп., но при снѣжныхъ мятеляхъ и заносахъ, когда бываетъ большое требованіе рабочихъ на «конку» и станціи желѣзныхъ дорогъ, цѣна поднимается до 80 коп. и даже до 1 руб. за день.

При усиленной очисткѣ столицы нѣкоторые хитроване уходятъ съ Хитровской площади и располагаются на Нѣмецкомъ, Таганскомъ, Сухаревскомъ и др рынкахъ, становясь съ кирками и лопатами такъ, чтобы ихъ отовсюду было видно. Эти, своего рода, «ловкачи» ждутъ, не найметъ ли ихъ приставъ очищать снѣгъ съ крышъ и двора строптиваго домовладѣльца. Такія лица нанимаются всегда сдѣльно и горячо работаютъ, получая до $1^1/_2$—2 руб. въ день.

Всѣ поденныя работы, исполняемыя хитровцами, можно соединить въ слѣдующія категоріи: а) подноска для каменьщиковъ-кладчиковъ кирпича на «козѣ» и на носилкахъ; б) работы на стройкахъ: уборка дворовъ, засыпка чердаковъ и т. п.; в) земляныя работы: рытье канавъ, погребовъ, колодцевъ и т. п.; г) очистка улицъ, площадей, станцій желѣзныхъ дорогъ и пр.; д) бетонныя и асфальтовыя работы; е) чистка кирпича для построекъ; ж) работы на баркахъ, выламываніе льда и др.

Высшую заработную плату получаютъ только «сдѣльщики», какъ, напр., чистильщики кирпича—съ тысячи штукъ. Также довольно много зарабатываетъ немногочисленная группа подносчиковъ. Есть, между ними, лица, зарабатывающія въ день до 3 руб.: это—тѣ, что въ силахъ подвять на своей спинѣ «козу» съ 32—35 кирпичами и нести ихъ на 4—5 этажи. Обыкновенный же заработокъ ихъ около 1 р. 25 к. въ день. Но за то и пропиваютъ они много, такъ какъ эта адская работа, вызывающая крайнее напряженіе физическихъ силъ, требуетъ для ихъ возбужденія громаднаго количества водки. Съ окончаніемъ каменной кладки, осенью, а затѣмъ и въ теченіе всей зимы подносчики остаются безъ работы и превращаются въ мусорщиковъ и нищихъ.

Обѣдаютъ поденщики, гдѣ придется: въ ближайшей къ мѣсту работъ харчевнѣ, а при ея отсутствіи пробавляются чаемъ въ ближайшемъ трактирѣ. Завтракъ и обѣдъ поглощаютъ половину заработка; затѣмъ, остатки уходятъ на ужинъ и ночлегъ, частью же пропиваются. Если въ теченіе недѣли бываютъ дни безработицы, то поденщики положительно бѣдствуютъ.

Не мало терпятъ хитрованцы отъ конкурренціи солдатъ, разыскивающихъ по домамъ поденнаго заработка. Этой конкурренціей, конечно, пользуются столичные подрядчики, понижая заработную плату. Особенно прославился въ этомъ отношеніи подрядчикъ-каменьщикъ Сил—овъ, выжимающій изъ труда рабочихъ все, что только можно выжать. Всегдашняя его угроза — это: «васъ прогоню, солдатъ пригоню!» И случалось, если рабочіе настаивали, не давали ужиливать пятака, Сил—овъ прогонялъ всѣхъ, даже тѣхъ, кто соглашался работать за его цѣну, и бралъ солдатъ.

Въ послѣдніе 1—1½ года на хитровскихъ поденщиковъ надвинулась подобная туча со стороны призрѣваемыхъ городского работнаго дома.

Въ рабочія артели постоянные обитатели Хитрова рынка не соединяются *); каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самъ за себя и этимъ, конечно, вредитъ себѣ **).

Обратимся теперь къ женщинамъ-поденщицамъ. За исключеніемъ занимающихся домашнимъ хозяйствомъ (приготовленіемъ пищи, мытьемъ и починкою, присмотромъ за дѣтьми), огромное большинство рабочихъ

*) Артелями живутъ только пришлые въ Москву изъ разныхъ деревень крестьяне, которые остаются на Хитровомъ рынкѣ временно, до найма на работы (обыкновенно—до 2-хъ недѣль). Группа такъ-называемыхъ «интеллигентовъ Хитрова рынка», или «переписчиковъ», которую нѣкоторыя лица считаютъ артелью, является на самомъ дѣлѣ для ея сочленовъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кабалою, но никакъ не рабочимъ союзомъ.

**) Вредъ отъ безпощадной конкурренціи своихъ голодныхъ товарищей и неравныхъ соперниковъ, живущихъ на готовомъ содержаніи, вполнѣ сознается самими хитровцами. Заслуживаетъ вниманія взглядъ, высказанный нѣкоторыми изъ нихъ по поводу урегулированія поденнаго труда въ Москвѣ, представляющій, въ общихъ чертахъ, слѣдующее.

Необходимо организовать изъ поденщиковъ рабочую артель (или рядъ ихъ) съ центральнымъ правленіемъ, куда обращались бы наниматели съ требованіемъ на рабочія руки. Правленіе, принимая въ соображеніе необходимыя данныя спроса предложенія и сезона, должно до извѣстной степени нормировать заработную плату, при чемъ само правленіе должно получать эту плату отъ работодателей и передавать ее по принадлежности, удерживая извѣстный % въ запасный фондъ на время безработицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, должна быть установлена и оффиціальная такса на работы. Благодаря этому, съ одной стороны, домовладѣльцы не стали бы весною переплачивать на экстренныхъ работахъ втридорога, а съ другой—заработокъ поденщиковъ не понизился бы за предѣлы minimum'a, необходимаго для обезпеченія здороваго физическаго существованія. На правленіи должна лежать обязанность слѣдить за добросовѣстнымъ исполненіемъ рабочими поденныхъ работъ, вслѣдствіе чего всѣ негодные элементы: воры, пьяницы, тунеядцы частью покинули бы рабочую среду, а частью должны были бы исправиться. Рабочій въ артели сталъ бы, въ полномъ смыслѣ слова, рабочимъ, а не «толсторожей поденщиной» (лѣнтяемъ) и «не искателемъ сала» (похитителемъ желѣза, мѣди, всего, что можно стащить, съ работъ на выпивку), и положеніе его, несомнѣнно, улучшилось бы. (Примѣчаніе. Артельность должна охватывать лишь сферу найма и труда, но никакъ не другія условія жизни).

женщинъ занимается поденщиной: въ прачешныхъ, кондитерскихъ, переборкой тряпокъ и пуха и т. п. Заработокъ поденщицъ крайне ничтожный: не болѣе 30—35 к. въ день; расправа съ этимъ заработкомъ бываетъ такая же, какъ и у мужчинъ, т. е., все, что остается отъ харчей и квартиры, въ воскресенье пропивается. Прачки пьянствуютъ болѣе другихъ въ силу тяжелыхъ условій работы, а также и потому, что разсчетъ имъ бываетъ не поденный, а понедѣльный *). Полный недѣльный заработокъ прачки составитъ около 1 р. 80 к., но такъ какъ часто пьянство продолжается и въ понедѣльникъ, а во вторникъ прачка лежитъ больная, то въ слѣдующую субботу заработокъ прачки не превыситъ 1 р. 20 к. Жизнь рабочихъ женщинъ такая же, какъ и всѣхъ рабочихъ Хитрова рынка: будни—въ безпросвѣтной, тяжелой работѣ съ ночлегомъ въ неприглядной обстановкѣ, а праздникъ—отравляется виномъ.

Кромѣ черныхъ, поденныхъ работъ, исполняемыхъ хитрованцами внѣ Хитрова рынка, необходимо отмѣтить еще слѣдующія. Это—работы въ типографіяхъ, литографіяхъ и на металлическихъ заводахъ, находящихся недалеко отъ Хитрова рынка. На типо-литографскія работы ходятъ спеціалисты: наборщики и накладчики, а изъ чернорабочихъ — только въ литографіи (вертельщики). На заводы ходятъ какъ спеціалисты, слесаря и кузнецы, такъ и чернорабочіе. Этого рода рабочихъ вообще очень мало. Работаютъ они въ типо-литографіяхъ только ночные часы, а на заводахъ, какъ и всѣ, днемъ. Инструменты у нихъ хозяйскіе. Разсчетъ дѣлается понедѣльно въ субботу. Размѣръ заработка, примѣрно, слѣдующій: наборщики и накладчики получаютъ по 5 руб. въ недѣлю, вертельщики 3р. 60 к.—3 р. 90 к., слесаря отъ 5 р. до 7 р. 50 к., чернорабочіе 3 р. 60 к. — 3 р. 90 к.

На Хитровомъ рынкѣ производятся самыя разнообразныя работы. Мастерскими служатъ тѣ же ночлежныя квартиры, гдѣ возможно оставаться и днемъ. Обыкновенно, съ наступленіемъ дня изъ квартиръ никто и не думаетъ выходить, кому нѣтъ въ томъ надобности, да и не всегда было бы это возможно, когда не имѣется платья. Всѣ спокойно сидятъ дома, и каждый занимается своимъ дѣломъ, пока «стремщики» не сообщатъ, что на рынкѣ появился приставъ или врачъ. При этомъ извѣстіи, если есть основаніе думать, что полиція нагрянетъ въ данную квартиру, всякое производство въ ней прекращается, и всѣ принадлежности его быстро убираются, а сами обитатели выходятъ изъ камеръ, чтобы избавить съемщика квартиры отъ штрафа. Въ силу этого обстоятельства, на Хитровомъ рынкѣ получили распространеніе только тѣ работы, которыя можно исполнять самыми примитивными инструментами. Работы же, требующія установки сложныхъ приспособленій, или при которыхъ происходитъ большій шумъ, отнюдь не

*) Это объясненіе самихъ поденщицъ.

позволяются. Исключеніе дѣлается только для сапожниковъ, и то потому, что они, при первой тревогѣ, могутъ прибрать все производство въ свои «липки», кромѣ, развѣ, низенькаго верстака, который можетъ быть моментально задвинутъ въ уголъ подъ нары.

Первое мѣсто среди хитровскихъ ремесленниковъ принадлежитъ сапожникамъ, портнымъ и картузникамъ, работающимъ, собственно, только для населенія Хитрова рынка. Эти ремесленники очень легко устраиваютъ въ ночлежныхъ квартирахъ свои импровизированныя мастерскія. Для этого выбирается укромный уголокъ, гдѣ-либо за нарами, около окна, устанавливается верстакъ, липки, и работа начинается. Одни работаютъ въ одиночку, другіе хозяйствуютъ, т. е. сами нанимаютъ мастеровъ за вознагражденіе. Въ домѣ Кулакова нѣсколько такихъ мастерскихъ: Лобачева, Кубышкина и «Ѳомки». Это—сапожники, Они скупаютъ на площади всяую рвань изъ обуви и въ своихъ мастерскихъ ее размачиваютъ, расправляютъ, вытягиваютъ, кое-какъ зашьютъ, зальютъ худыя мѣста воскомъ и варомъ, вычистятъ и въ обновленномъ видѣ пускаютъ въ продажу. Такая обувь носитъ названіе «липовой», что указываетъ на ея крайнюю непрочность. Точно также поступаютъ портные. Покупаютъ всевозможныя лохмотья, соберутъ ихъ нитками. обложатъ заплатами, выкрасятъ въ черный цвѣтъ, и одежда готово къ продажѣ. Конечно, первый дождь смоетъ краску, и одежда окажется очень пестрой, а заплаты скоро начнутъ отваливаться, но на это никто не обращаетъ вниманія, такъ какъ одежда—хитровская, «липовая», дешевая. Между тѣмъ, на подобные обороты мастеровые могутъ пить съ достаткомъ, т. е. они всегда сыты, ежедневно подъ хмѣлькомъ, а иногда пьянствуютъ по цѣлымъ недѣлямъ, пока не пропьютъ всего заработка и собственнаго посильнаго платья до послѣдней рубахи. Но это никого изъ мастеровыхъ не огорчаетъ. Когда пить больше не на что, когда всѣ вещи проданы и пропиты, и когда кредитъ у содержателя ночлежной квартиры закрытъ, тогда мастеровой ищетъ «поднятія», т. е. нѣсколькихъ копѣекъ на покупку товара. Двугривеннаго обыкновенно бываетъ для «поднятія» достаточно, и мастеровой дѣйствительно «поднимается», т. е. принимается за свои чудодѣйственные обороты, и у него опять будетъ все: и работа, и хлѣбъ, и вино.

Кромѣ одежды на Хитровомъ рынкѣ изготовляются и шитыя одѣяла. Работа эта производится чисто по хитровски. Покупаютъ на 30 к. 2 фунта ситцевыхъ лоскутьевъ и сшиваютъ изъ нихъ, чуть не на живую нитку, два одѣяльныхъ верха. Къ верхамъ покупается всякаго тряпья и рвани, или же спорокъ подкладки (на самой плохой ватѣ или хлопкѣ за 15 коп.), а также двѣ старыхъ ситцевыхъ юбки на подкладку за 20 к. Весь матеріалъ обходится около 65 коп., и въ теченіе дня сшивается два стеганныхъ одѣяла. Каждое изъ нихъ будетъ продано на толкучкѣ не дешевлѣ 50 коп. Слѣдовательно, заработокъ мастера составитъ въ день 35 коп. или немного болѣе. Для кого эти

одѣяла? Покупаются они дворниками, фабричными, мастеровыми и вообще бѣднымъ людомъ. До стирки такое одѣяло не дослужитъ и еще ранѣе расползется по всѣмъ швамъ. Но, помимо убытка, оно можетъ принести покупателю еще и болѣзни, такъ какъ собрано изъ подозрительнаго матеріала. Очень часто тряпье, замѣняющее вату, скупается одѣяльщиками у мусорщиковъ, которые добываютъ его на помойныхъ ямахъ и свалкахъ; тряпье это, конечно, ничѣмъ не обеззараживается.

Папиросники—это бывшіе рабочіе съ табачныхъ фабрикъ, но нѣкоторые научились этому промыслу на самой Хитровкѣ (преимущественно женщины). Попиросники производятъ на Хитровкѣ фабрикацію крученыхъ папиросъ, набивая ихъ табакомъ 3 сорта Инструментомъ для того служитъ особая «машинка», стоимость которой 20 к. Продаются папиросы по 3 к. за 25 шт., иногда по 10 к. за 100 шт., на толкучемъ рынкѣ, Сухаревской площади и на самой Хитровкѣ, а также знакомымъ покупателямъ: мелкимъ лавочникамъ, приказчикамъ и другимъ, покупающимъ папиросы для личнаго употребленія. Описанное производство, какъ и торговля, воспрещено табачнымъ уставомъ. Если папиросникъ, паче чаянія, попадется на глаза акцизному чиновнику, то товаръ у него отбирается, а самъ онъ привлекается къ отвѣтственности. Работаютъ чаще всего парами: мужчина и женщина или двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ торгуетъ. Работа продолжается съ 6 ч. утра до 9 ч. веч. съ перерывами для чая и обѣда. Хорошій работникъ можетъ сдѣлать въ день до 2000 папиросъ и получитъ по продажѣ ихъ до 1 руб. пользы. Обыкновенно, заработокъ 1 лица въ день колеб, лется отъ 50 к. до 1 руб. Когда запьянствуютъ,—пропивается всено «поднятіе» совершается легко: стоитъ достать сотню гильзъ на 2 к. и $^1/_8$ ф. табаку на 7 к., и дѣло снова пойдетъ въ ходъ.

Цвѣточницы—дѣлаютъ цвѣты какъ бумажные, такъ и изъ высушенныхъ растеній. Цвѣтовъ изъ матеріи не дѣлаютъ по невозможности расположиться съ пяльцами для окраски матеріи и вслѣдствіе сырости квартиръ. Инструменты у цвѣточницъ—ножницы, щипчики, иногда гофренницы; стоятъ они копѣекъ пятьдесятъ. Заработокъ цвѣточницъ ничтожный, едва ли способный прокормить производителя. Мѣсто сбыта цвѣтовъ преимущественно на центральныхъ и большихъ улицахъ.

Кукольницы—женщины, которыя покупаютъ фарфоровыя головки дѣтскихъ куколъ, пришиваютъ къ нимъ сдѣланныя изъ тряпья туловища, одѣваютъ ихъ и несутъ продавать, главнымъ образомъ, въ игрушечныя лавки. Работа съ хлѣба на квасъ, тѣмъ болѣе, что уходитъ масса времени на продажу этихъ издѣлій, такъ какъ постоянныхъ мѣстъ поставки нѣтъ.

Дѣтскія игрушки, въ видѣ дѣтскихъ кукольныхъ кроватей, комодовъ и проч., дѣлаются при помощи почти исключительно ножа. Продаются также, гдѣ ни попало; заказовъ на работу не бываетъ. Заработокъ тотъ-же, что и у кукольницъ.

Коробочники клеятъ картонки для булавокъ и мелкаго товара. Работа съ утра до ночи съ перерывомъ лишь для обѣда. Заработокъ отъ 50 до 60 к. въ день. Сбытъ въ табачныя лавки. Часто остаются безъ работы.

Изготовленіе корзинъ и рамокъ изъ стружекъ. Это тюремная работа, на волѣ едва способная дать заработокъ только на хлѣбъ: 30 к. и менѣе. Инструментомъ являются однѣ ножницы или ножъ. Сбытъ—продажа на улицѣ.

Изготовленіе матовыхъ стеколъ для фотографій. Работа производится только по заказу торгующихъ фотографическими принадлежностями. Платятъ по 1—2 коп. съ 1 кв. вершка. Заработать можно отъ 1 до 3 руб. въ день, если есть заказъ. На самомъ дѣлѣ заказы рѣдки, и едва можно прокормиться.

Починка гармоній—работа вольная: покупается старая гармонія, ремонтируется и продается на Толкучкѣ. Инструменты—ножъ, подпилокъ, ножницы, молотокъ. Матеріалы для работы—проволока, клей, лакъ. Заработокъ зависитъ отъ сорта гармоній и составляетъ отъ 50 до 1 руб., рѣдко 2 р., въ день.

Работы по пиротехникѣ: изготовляются всевозможныя мелкія издѣлія: отъ шутихъ—хлопушекъ до ракетъ. Инструменты примитивные, изготовляемые лично, домашнимъ образомъ. Цѣны сбиты, и заработокъ самый пустой. Только при хорошемъ заказѣ можно заработать 2—3 р. въ день, а при вольной продажѣ только на хлѣбъ. Сбытъ въ табачныя и галантерейныя лавки и лавченки, иногда въ аптекарскіе магазины.

Кромѣ перечисленныхъ занятій, на Хитровкѣ существуютъ нѣкоторыя и другія, напр., раскрашиваніе «кошекъ» и разныхъ фигурокъ и проч., въ общемъ, въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Заслуживаетъ вниманія существующій здѣсь промыселъ завертыванія дешевыхъ конфектъ въ бумажки, производимый женщинами въ грязной, антисанитарной обстановкѣ.

Всѣ описанныя работы производятся хитровцами прямо отъ себя, своими инструментами, за свой счетъ и страхъ. Указанный наивысшій размѣръ заработка (1 руб. и болѣе) стоитъ въ зависимости отъ благопріятныхъ условій для работы, чего, однако, въ дѣйствительности почти никогда не бываетъ: всегда случится или тревога, или иная помѣха, или-же товаръ долго нейдетъ съ рукъ. Благодаря этому, вообще говоря, тотъ, кто можетъ выработать въ день рубль, зарабатываетъ обыкновенно, въ среднемъ, 40—50 к., а всѣ остальные—соотвѣтственно меньше. Когда нѣтъ никакого спроса на производство, такъ и послѣ пьянства, когда негдѣ добыть на «поднятіе», хитровскимъ мастеровымъ приходится обращаться къ поденщинѣ.

Мелкая торговля на Хитровомъ рынкѣ производится самими хитрованами. Главный видъ хитровскихъ разносчиковъ — это торговцы

черствымъ хлѣбомъ (бѣлымъ и пеклеваннымъ) какъ на площади, такъ и въ разноску по домамъ. Разносчики пріобрѣтаютъ «вчерашніе» булки и хлѣбы въ московскихъ булочныхъ «на кругъ», т. е. булки, пеклеванные, калачи и т. п., отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 50 к. за сотню, смотря по качеству и черствости товара, а продаютъ ихъ: французскія булки по 6 коп. за пару, а почерствѣе по 5 к. за пару, пеклеванные хлѣбы по 2 к., черствые маленькіе по 1 к., калачи по 5—6 к. за 4 штуки. Ловкій и старательный торговецъ можетъ зарабстать великимъ постомъ до 2 р. въ день, лѣтомъ 1 р. (по причинѣ скораго засыханія товара), а зимою отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. въ день.

Остальные разносчики—мельче, и товаръ у нихъ не всегда одинъ и тотъ-же, а такой, который нашелся въ данный моментъ. Вотъ преобладающіе виды хитровской торговли.

Торгуютъ яйцами, когда въ яичныхъ лавкахъ находится пригодный для Хитровки товаръ: яйца-болтуны, съ пятнышками и «тумаки» (т. е. вовсе тухлые), а также и бой. Пріобрѣтенный товаръ разносчикъ приноситъ въ ночлежную квартиру и начинаетъ сортировать. Сначала отбираются яйца—бой; содержимое ихъ выливается въ миску, куда прибавляютъ также муки и воды, затѣмъ, все это перебалтываютъ, наливаютъ въ противень и ставятъ въ духовой шкафъ водогрѣйни. Черезъ 10—15 мин. получается яичница; ее рѣжутъ долями (1 вер. длины и ³/₄ вер. ширины), каковыя и продаютъ по 1 коп. Яйца болтуны, съ пятнышками и тумаки варятся и продаются: первые два сорта по 2 к. за тройку, а послѣдній сортъ за 1 коп. 2—3 яйца. Сами-же торговцы пріобрѣтаютъ этотъ товаръ отъ 20 до 25 к. за сотню.

Торгуютъ колбасой, пріобрѣтая ее почти гнилою по 5 к. за фунтъ; рѣжутъ ее кусками, выгоняя изъ фунта 10 кусковъ, и продаютъ по 1 коп. за кусокъ.

Торгуютъ гнилымъ, позеленѣвшимъ сыромъ, продѣлывая съ нимъ подобную-же операцію.

Торгуютъ скупаемыми въ колбасныхъ лавкахъ обрѣзками ветчины (сала), продавая ихъ по 6—8 коп. за фунтъ.

Въ ягодный сезонъ торгуютъ испортившимися ягодами мѣркой въ 1, 2... коп.

Вообще, нѣтъ такихъ гнилыхъ припасовъ, которыхъ не скупали-бы и не продавали-бы на Хитровкѣ мѣстные разносчики.

Вся эта торговля даетъ возможность хитрованцамъ не только прокормиться, но и попьянствовать.

Другую отрасль торговли хитрованцевъ представляетъ барышничество. Это—одна изъ выгоднѣйшихъ хитровскихъ профессій.

Самый мелкій барышникъ—«смѣнщикъ», торгующій смѣнками рубахъ, портовъ и т. п. Смѣнщикъ зорко выслѣживаетъ на рынкѣ, не покупаетъ ли кто новой рубахи или портъ, и какъ только замѣтитъ такого покупателя, тотчасъ подскакиваетъ къ нему съ предложеніемъ

продать старое бѣлье. Покупается рваная рубаха или штаны, большею частью, за 2—3 коп. Купленную грязную рвань барышникъ тащитъ въ баню, моетъ и паритъ ее, потомъ чинитъ и выноситъ на рынокъ подъ видомъ «хорошенькихъ смѣнокъ». Такая смѣнка идетъ въ обмѣнъ (съ придачей денегъ) на старое бѣлье или же продается за 12—15 к. Барышъ получается солидный, въ особенности, если принять во вниманіе, что смѣнщикъ въ теченіе дня перепродастъ цѣлый ворохъ такого товара.

Тѣ барышники, которые побогаче, торгуютъ на Хитровкѣ новымъ бѣльемъ, торгуютъ платьемъ и обувью, конечно, «липовыми», въ которыхъ можно сдѣлать 1—2 рейса, пока не начнутъ расползаться по всѣмъ швамъ.

Болѣе крупные барышники торгуютъ настоящими платьемъ и обувью, засѣдая въ трактирѣ Ѳаддѣева, куда приходятъ къ нимъ покупатели и продавцы, а главное, всѣ они занимаются скупомъ краденаго, что гораздо удобнѣе въ нѣдрахъ трактира, чѣмъ на открытой площади. Сюда, время отъ времени, приходятъ воры и, подсаживаясь къ столику знакомаго или даже незнакомаго барышника, втихомолку предлагаютъ принесенный краденый товаръ, сторговываются, передаютъ товаръ и получаютъ деньги. Иногда, если внести краденыя вещи нельзя, отъ вора приходитъ посланникъ и шепотомъ передаетъ барышнику, кто именно и что «сторговалъ» (т. е. укралъ), и куда барышнику слѣдуетъ пойти, чтобы получить «товаръ». Барышникъ выслушиваетъ и, если «дѣло», по его соображенію, подходящее, немедленно уходитъ за покупкою. Все краденое не остается въ трактирѣ ни одной минуты, а моментально спроваживается или на толкучку, или извѣстнымъ оптовымъ скупщикамъ краденаго.

Барышники «солидные», имѣющіе въ своемъ распоряженіи свободныя деньги для оборотовъ, торгуютъ, большею частью, на Толкучемъ рынкѣ, считая для себя торговлю на Хитровкѣ унизительною. Многіе изъ нихъ расторговались и окончательно покинули Хитровъ рынокъ; къ тому же стремятся и остальные, такъ какъ чуть поразживутся, сейчасъ же перебираются изъ ночлежныхъ домовъ въ болѣе приличныя Кайсаровку и Веденѣевку. Такой хитрованецъ, переселившійся на мѣсячную квартиру въ Кайсаровку, уже свысока смотритъ на абитуріента домовъ Бунина или Румянцева.

Заработокъ смѣнщиковъ—отъ 60 к. до 1 р. въ день, барышниковъ побогаче—1 руб. и болѣе; благодаря удачной покупкѣ краденаго, такой барышникъ переходитъ въ рангъ солидныхъ.

Торговлей внѣ Хитрова рынка занимаются очень немногіе изъ его обитателей, да и едва ли это будетъ настоящая торговля. «Фарисей»—это почти нищій. Конечно, прокормиться кое-какъ можно, но нажить, отложить, скопить,—рѣшительно никому изъ фарисеевъ не удавалось, тѣмъ болѣе, что всѣ они любятъ выпить. И какъ не выпить? Одежда

у нихъ плохая, а обувь и того хуже; между тѣмъ, приходится бѣгать по городу въ дождь, снѣгъ и морозъ.

Торгуютъ хитрованцы еще у Ильинскихъ воротъ, около Лубянскаго пассажа и т. п. американскими мышами, «золотыми» кольцами, зеркальцами, гребенками и проч. Это тоже «фарисейство», одно горе, а не торговля, равно какъ и бродячая по трактирамъ и пивнымъ «лоттерея безъ проигрыша»; въ послѣднемъ случаѣ, впрочемъ, выступаетъ уже нищій-аферистъ. Наконецъ, есть 2—3 торговца канцелярскими принадлежностями. Это такое дѣло, что кто брался за него съ умѣньемъ, тотъ выходилъ съ Хитрова, а неумѣлый прогоралъ.

Въ заключеніе обзора хитровской торговли отмѣтимъ, что настоящихъ разносчиковъ-промышленниковъ съ установленными значками на Хитровомъ рынкѣ нѣтъ.

Есть еще одна группа работниковъ, весьма интересная и характерная, извѣстная подъ именемъ «интеллигенціи Хитрова рынка». Весь трудъ ихъ сводится къ чисто механической и однообразной работѣ—переписыванію театральныхъ пьесъ и иногда лекцій простыми чернилами или химической тушью (за послѣднюю работу платятъ дороже). Внѣшнія условія для этой работы крайне неблагопріятныя: работа съ утра до поздней ночи, въ душной атмосферѣ, при недостаточномъ освѣщеніи и неудобной обстановкѣ (пищутъ на нарахъ, сидя на какихъ-нибудь подставкахъ); при всемъ томъ, требуется стараніе и нѣкоторое напряженіе для исправнаго исполненія заказовъ. Переписчики живутъ въ одной квартирѣ и получаютъ работу отъ одного и того же лица—«батыря», чтò и дало нѣкоторымъ наблюдателямъ поводъ считать ихъ артелью. «Батырь» — это тоже писарь, но онъ пріодѣтъ, имѣетъ знакомство и связи въ театральной библіотекѣ, откуда самъ получаетъ работу и раздаетъ другимъ для исполненія. Батырь—это предприниматель; весь секретъ его существованія заключается въ томъ, что онъ платитъ переписчикамъ по разсчету съ переписаннаго акта по 40 коп., самъ же получаетъ по 50 коп. за каждый актъ. Работаетъ до 20 человѣкъ, и каждый можетъ переписать за день только одинъ актъ (рѣдко 2 акта). Если кто-либо изъ переписчиковъ остается безъ работы, батырь выдаетъ ему «порціонъ», т. е. по 20 коп. въ день. Порціонныя деньги батырь вычитаетъ потомъ изъ заработка, при чемъ поступаетъ такъ: кто изъ переписчиковъ долженъ бóльшую сумму, тому дается болѣе выгодная работа (пьесы съ коротенькими актами), чтобы должникъ скорѣе отработалъ свой долгъ. Заработать этимъ трудомъ можно, въ среднемъ, около 30 коп. въ день. При неблагопріятныхъ обстоятельствахъ полная зависимость отъ батыря.

Жизнь переписчиковъ крайне непригядная: тяжелая работа чередуется съ пьянымъ отдыхомъ; недостаточное питаніе сопровождается куреніемъ махорки и пріемомъ водки, которой положительно отравляются. Пьянство—безшабашное, «артельное»; для него не жалѣется ни-

какая собственность переписчика, быстро переходящая къ смѣнщику.. На лѣто интеллигенція Хитрова рынка расходится, многіе—на «дачи».

IV.

Преступные элементы населенія Хитрова рынка. — Профессіональные нищіе. — Воры. — Игроки-шуллера.

На Хитровомъ рынкѣ обитаетъ огромное множество профессіональныхъ нищихъ, нашедшихъ здѣсь наиболѣе благопріятныя условія для своей жизни. Между ними встрѣчаются, правда, ослабленные какой-либо болѣзнью или старостью и совершенно неспособные къ труду, но число ихъ незначительное. Несравненно больше, во много разъ, лицъ, съ вынужденной (если можно такъ выразиться) неспособностью: это—«стрѣлки», и старые, и молодые, и вовсе дѣти, обоего пола и всякаго званія. Всѣ они неспособны къ труду не потому, чтобы были физически слабы, какъ первые, а потому, что набаловались легкой жизнью, отвыкли отъ работы, облѣнились, пристрастились къ вину и увѣрены, что сборомъ подаяній проживутъ лучше, чѣмъ работою. Современная дѣйствительность какъ бы оправдываетъ ихъ неблаговидныя намѣренія: въ то время, какъ живущій честнымъ трудомъ поденщикъ, оставшійся безъ работы, будетъ голодать, стрѣлокъ понесетъ въ кабакъ настрѣленное у тѣхъ же работодателей добро и голоднымъ никогда не останется. Профессіональное нищество, до извѣстной степени, поощряется тѣми слоями московскаго населенія, которые еще никакъ не могутъ отстать отъ своихъ старо-давнихъ традицій и совершенно непроизводительно раздаютъ по мелочамъ огромныя суммы на улицахъ, въ домахъ, у церквей и т. п., несмотря на многократныя увѣщанія со стороны городскихъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ. Этотъ народъ, изощрившійся въ своей профессіи, живетъ безбѣдно, комфортабельно приспособившись къ условіямъ хитровской жизни.

Пріютомъ для профессіональныхъ нищихъ служитъ безплатный ночлежный домъ бр. Ляпиныхъ. Въ первомъ его этажѣ ночуютъ женщины, во второмъ—старики, третій этажъ считается аристократическимъ: сюда идутъ тѣ, кто маломальски пріодѣтъ, не очень оборванъ; наконецъ, въ четвертомъ располагается молодежь. Эта молодежь извѣстна подъ названіемъ «Гуревичевой шпанки» и представляетъ сбродъ въ нѣсколько сотенъ ребятъ, совершенно спившихся съ круга. Раннимъ утромъ они разсыпаются по городу для сбора милостыми, часовъ около одиннадцати возвращаются на рынокъ, продаютъ собранные куски и выручку несутъ пропивать въ трактиръ «Гуревича», гдѣ и остаются на весь день, до момента впуска въ домъ Ляпиныхъ. Имѣя какихъ-нибудь 9 коп., ляпинецъ можетъ провести день у Гуревича очень недурно. По приходѣ со стрѣльбы онъ выпьетъ «третинку» за

5 коп., затѣмъ на 2 коп. чаю напьется и за 2 коп. сваритъ себѣ супъ. Конечно, чай, сахаръ, мясо или рыба и картофель для супа свои, но настрѣлять ихъ—не много труда. Обогрѣвшись и плотно покушавъ, ляпинецъ еще успѣетъ, до впуска въ Ляпинку, прогуляться по нѣкоторымъ улицамъ для «стрѣльбы на ходу», у прохожихъ, и новую добычу тоже оставляетъ въ кабакѣ. Большинство «Гуревичевой шпанки»—люди совершенно раздѣтые; даже зимою не диво видѣть представителей ея одѣтыми только въ рубаху и порты, да и то худыя. Шапка, сапоги и какое-либо верхнее платье признается ими за излишнюю роскошь и, если когда у кого заведется, то немедленно пропивается.

Аристократы третьяго этажа—тоже профессіональные нищіе; нѣкоторые изъ нихъ иногда ходятъ и на работу, но это случается очень рѣдко, въ видѣ исключенія.

Днемъ они находятся или въ трактирѣ Некрасова, или въ водогрѣйняхъ «Мосѣича» и такъ называемой «царской», гдѣ допускается сидѣть цѣлый день.

Есть на Хитровкѣ еще одна разновидность профессіональныхъ нищихъ—это «стрѣлки по письмамъ»; они спеціализировались въ писаніи писемъ къ разнымъ благотворителямъ съ цѣлью выманить тѣмъ или инымъ путемъ соотвѣтствующую подачку.

Трущобы Хитрова рынка представляютъ весьма удобное гнѣздо для разврата, благодаря своей обстановкѣ и черезчуръ густой населенности, и вслѣдствіе особаго характера ихъ обитателей, почти всегда пьянствующихъ, съ преобладающимъ вліяніемъ безшабашнаго, порочнаго и преступнаго элемента населенія, сосредоточившагося въ темныхъ углахъ Хитровки. Вполнѣ понятно, что при такомъ своемъ назначеніи Хитровъ рынокъ сталъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ постояннаго жительства падшихъ женщинъ, практикующихъ свое ремесло на хитровской территоріи и внѣ ея.

На Хитровомъ рынкѣ проживаетъ масса воровъ. Здѣсь есть спеціально воровскія квартиры, преимущественно въ домахъ Ярошенко и Кулакова, населенныя исключительно ворами и проститутками. Съемщики квартиръ, почти всѣ, занимаются скупомъ краденаго, открываютъ ворамъ большой кредитъ и допускаютъ у себя всяческіе разгулъ и непотребство. Названныя квартиры—самыя безпокойныя, но зато и очень строго охраняемыя хозяевами, такъ какъ полиція заглядываетъ въ нихъ часто. Однако, рѣдко удается задержать здѣсь какого-нибудь «гольца» (хитровскаго мальчика) или совершенно пьянаго вора, не успѣвшаго во-время проснуться.

Вотъ обычная картинка воровской жизни. На «работу» воры отправляются съ вечера, часовъ съ одиннадцати, а возвращаются на Хитровку около 4—5 час. утра. Полицейскія же облавы бываютъ, большею частью, между 11 час. вечера и 4 час. утра. Въ четыре часа утра отпираются водогрѣйни, и дворники оставляютъ свои мѣста у воротъ и принимаются

за чистку мостовыхъ. Жизнь на рынкѣ закипаетъ: на площади появляются торговцы и поденщики. Въ эту пору воры и пробираются домой. Идти раньше и тѣмъ болѣе съ краденымъ для нихъ рискованно: у воротъ можетъ остановить дворникъ, отнять узелъ, даже и самого отправить въ участокъ. Между тѣмъ, послѣ 4 час. дворника у воротъ нѣтъ, а если бы и оказался тамъ, то можно пройти незамѣтно, въ толпѣ народа, черезъ водогрѣйку или лавку.

По возвращеніи на квартиру, если хозяинъ почему-либо не купитъ принесеннаго съ кражи, воромъ призывается барышникъ, которому уже непремѣнно продается все. Послѣ этой операціи выручка дѣлится между участниками кражи, затѣмъ покупается вино, устраивается завтракъ: парятъ, жарятъ и варятъ, кому что захочется. Далѣе начинается картежная игра. Наконецъ, для вящщаго увеселенія появляется гармонистъ и 5—6 пѣсенниковъ. Оргія доходитъ до апогея и часто заканчивается общей дракой изъ-за картъ. Когда всѣ сдѣлаются уже окончательно пьяны, то ложатся спать. Часа въ 4—5 дня просыпаются; слѣдуетъ похмѣлье, чаепитіе, обѣдъ, а въ 11 ч. ночи всѣ, кто не напился снова «до положенія ризъ», опять идутъ на свой промыселъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда выручка была болѣе или менѣе значительная, воры покупаютъ для себя и своихъ сожительницъ обновы, которыя въ дни безденежья закладываются и продаются, чтобы не имѣть недостатка въ винѣ и пищѣ. Въ теченіе года воры подобнымъ образомъ мѣняютъ очень много костюмовъ, вслѣдствіе чего пріобрѣтаютъ знакомство, а иногда и нѣкоторый кредитъ у торговцевъ платьемъ и обувью на площади.

На Хитровкѣ существуетъ цѣлая компанія игроковъ-шуллеровъ. Играютъ они въ карты, преимущественно въ «штоссъ» и въ «три листика», затѣмъ «въ ремешокъ», «въ юлу», «въ номерки» и проч. Всѣ эти игры, конечно, мошенническія. Компанія шуллеровъ усаживается подъ балаганомъ или на тротуарѣ около ренсковыхъ погребовъ и заводитъ игру между собою, дѣлая видъ, что другъ съ другомъ незнакомы. Банкометъ проигрываетъ и проигрываетъ. Собираются зѣваки изъ числа пришлыхъ рабочихъ. Шуллера, присоединившіеся къ зѣвающей публикѣ (не играющіе), начинаютъ всячески подзадоривать новичковъ поставить карту или воткнуть въ ремень гвоздь (если игра идетъ въ ремешокъ). Простакъ соглашается, попадаетъ въ ловушку и, конечно, проигрываетъ. Его начинаютъ поддразнивать, подзадоривать, и если это человѣкъ, по мѣстному выраженію, «скипидарный», то онъ непремѣнно войдетъ въ азартъ и проиграется до нитки. Такихъ шуллеровъ наберется на рынкѣ съ полсотни, и всѣ они живутъ припѣваючи *).

---

*) Въ ночлежныхъ квартирахъ игры происходятъ только между ворами и шуллерами. Рабочій людъ почти никогда не играетъ, хорошо сознавая, что играть, значитъ, задаромъ свои деньги передавать въ карманъ шуллера. Между «подносчи-

V.

Облавы и осмотры на Хитровкѣ и ихъ значеніе.—Этапы.—Отношеніе ночлежниковъ къ работному дому.—Дачи хитровцевъ.

На основаніи существующихъ полицейскихъ правилъ, всѣ ночлежныя квартиры должны служить только для ночлега, а потому пребываніе ночлежниковъ днемъ въ квартирахъ не должно допускаться; квартиры должны быть очищены отъ ночлежниковъ и въ отсутствіе ихъ выметаться, мыться и вывѣтриваться отъ 9 до 4 ч. пополудни. На практикѣ это, какъ и нѣкоторыя другія, полицейскія распоряженія совершенно игнорируются.

Путемъ обхода (облавы) полиція имѣетъ цѣлью достигнуть уменьшенія на Хитровомъ рынкѣ числа безпаспортныхъ, высланныхъ административнымъ порядкомъ, воровъ и другихъ преступниковъ. Путемъ осмотра помѣщеній стремятся достигнуть улучшенія антисанитарнаго состоянія ночлежныхъ квартиръ, а также уничтожить въ нихъ незаконную торговлю крѣпкими напитками и проч. Наконецъ, путемъ ночной провѣрки хлопочатъ объ уничтоженіи разврата, разгула, азартныхъ игръ и т. п.

Всѣ перечисленныя мѣры, однако, парализуются сообща всѣмъ населеніемъ Хитровки.

Въ самомъ дѣлѣ, о томъ, что приставомъ назначенъ обходъ, прежде всего узнаютъ, конечно, чины мѣстной полиціи, а также сторожа и дворники ночлежныхъ домовъ, и чрезъ своихъ недремлющихъ агентовъ хитровское населеніе почти всегда оповѣщается заранѣе. Всѣ «лишніе» люди, которыхъ слѣдовало бы забрать обходомъ (воры, поднадзорные, высланные, проститутки и друг.), успѣваютъ во-время исчезнуть и укрыться въ чайныхъ лавкахъ, торгующихъ всю ночь или другихъ притонахъ на Драчевкѣ, Смоленскомъ рынкѣ, въ Красномъ селѣ, на Дьяковкѣ и т. д. На долю полиціи обыкновенно остаются или тѣ, кто самъ желаетъ отправиться на родину (по этапу), или безвредные элементы, виноватые только въ «безписьменности».

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда не было своевременнаго предупрежденія объ обходѣ, ночлежники извѣщаются предъ самымъ обходомъ «караульщиками». Дѣло въ томъ, что до появленія полиціи съемщикамъ ночлежныхъ квартиръ надо «прибраться», т. е. спрятать водку и краденыя вещи, удалить женщинъ изъ мужскихъ камеръ, и наоборотъ, почему съемщики сами караулятъ появленіе полиціи или же нанимаютъ для того другихъ лицъ. Въ то же время всѣ, кому нужно

ками», какъ людьми, имѣющими лѣтомъ большія деньги, иногда заводится игра между собою (безъ шуллеровъ) «въ орлянку» или «подъ ручку», но это случается рѣдко и тянется не долго. По большей части игра оканчивается, какъ только выиграна сумма, достаточная для покупки бутылки водки.

укрыться отъ глазъ полиціи, прячутся: кто въ печку, кто подъ печку, кто на чердакъ, на помойку, словомъ, всюду, гдѣ возможно остаться незамѣченнымъ.

Предъ посѣщеніемъ санитарнаго врача повторяется почти та же тревога, что и передъ полицейской облавой. Какъ только крикнули, что на рынкѣ докторъ, ночлежныя квартиры подметаются, форточки и двери отворяются, подушки, одѣяла и постели выносятся и прячутся въ сараи. Зловонная и грязная квартира къ моменту прихода врача принимаетъ «исправный» видъ. На вопросъ: есть ли больные? отвѣчаютъ, что всѣ здоровы. Больныхъ съемщики скрываютъ изъ-за того, чтобы избѣгнуть безпокойства по уборкѣ квартиры, и въ особенности потому, чтобы докторъ не распорядился мыть ее зеленымъ мыломъ и опрыскивать карболкой. Равнымъ образомъ, въ хитровскихъ кабакахъ и лавкахъ, при малѣйшей тревогѣ, все гнилое и все недозволенное (въ родѣ бульонки, обрѣзковъ и проч.) моментально прячется, и лавка принимаетъ болѣе приличный видъ.

За такое противодѣйствіе преступнаго элемента законнымъ мѣрамъ ночлежники расплачиваются собственнымъ здоровьемъ, когда распространяются между ними болѣзни эпидемическаго характера, среди которыхъ наиболѣе свирѣпствуетъ тифъ, никогда не покидающій Хитровки.

На прогулки по этапу, благодаря полицейскимъ облавамъ, попадаютъ большею частью безпаспортные.

Если случится, что безпаспортный совершенно раздѣтъ, то въ полицейскомъ домѣ ему даютъ рваный арестантскій халатъ и какія-нибудь опорки, чтобы довести до пересыльной тюрьмы. Тамъ эта одежда отбирается и возвращается обратно съ конвойнымъ. По прошествіи 2—6 недѣль, наканунѣ дня отправки изъ тюрьмы этапнаго одѣваютъ въ арестантское платье (если нѣтъ своего): халатъ или полушубокъ, пару бѣлья, портянки, коты, шапку и рукавицы. Въ этомъ видѣ арестованный идетъ до мѣста своего назначенія. Тамъ мѣстное общество, къ которому онъ приписанъ, одѣваетъ его въ кое-какіе пожитки, и такой путешественникъ вскорѣ вновь отправляется въ Москву, на Хитровку.

Кромѣ обычныхъ путешественниковъ по этапу, есть еще другіе—профессіональные; это—спеціалисты «по сбору казенныхъ халатовъ», у которыхъ высылка превратилась въ своего рода профессію, къ явному ущербу и для казны, и для населенія. «Сборщикъ халатовъ» не боится быть забраннымъ на этапъ. Когда это почему-либо замедлится, онъ самъ идетъ въ полицію и объявляетъ, что онъ — «подзорный» (поднадзорный). Его ведутъ въ пересыльную тюрьму для справки на мѣсто высылки. Въ тюрьмѣ подзорные держатся особнякомъ и на работы не ходятъ, считая это униженіемъ для своего «подзорнаго» достоинства, а устраиваются «причандалами»: или въ вѣстовые, или на кухню, или въ подстаросты, или просто барышничаютъ, или же стано-

*

вятся «стремщикомъ», т. е. сторожемъ при карточной игрѣ. Все это даетъ извѣстный доходъ, и подзорный живетъ припѣваючи, а если умѣетъ играть въ карты, кости, юлу и т. п., то можетъ еще запастись на дорогу деньгами. Наканунѣ отправки подзорный получаетъ «полнякъ» (полный арестантскій костюмъ, стоющій казнѣ, примѣрно, 22 руб.). По доставленіи подзорнаго, допустимъ, въ Ялту, его немедленно освобождаютъ, оставляя въ его пользу все казенное платье. Полнякъ продается, деньги пропиваются, и подзорный снова отправляется въ полицію, снова пересылается куда-нибудь въ Егорьевскъ, опять получаетъ и продаетъ полнякъ, и чрезъ нѣсколько времени является въ Москву... И опять повторяется та же исторія. На Хитровомъ рынкѣ извѣстны личности Звонка и Кадочника, которые умудрялись дѣлать въ годъ до 13 этаповъ въ г. Егорьевскъ и др. города. Содержаніе какого-нибудь Кадочника обойдется казнѣ, по приблизительному разсчету, болѣе 100 руб. въ годъ...

Обитателямъ Хитровскихъ трущобъ приходится считаться также и съ городскимъ работнымъ домомъ. Отношеніе къ нему со стороны хитровцевъ — неблагопріятное. Отчасти объясняется это тѣмъ, что до 1897 года *) работный домъ являлся чѣмъ-то въ родѣ исправительной тюрьмы для нищихъ; поэтому, и отношеніе къ нему было едва ли не такое же, какъ и отношеніе къ тюрьмѣ **). Въ настоящее время хитрованцы попадаютъ въ работный домъ и какъ нищіе, забранные полиціей (случается, что забираютъ и плохо одѣтыхъ), и какъ добровольцы, дошедши до самой крайней бѣдности. Суровый режимъ, незначительность заработка, продолжительный рабочій день, вычеты изъ заработной платы, неудобство помѣщенія, частое отсутствіе работы ***) и т. п.—все это составляетъ непривлекательныя стороны для привыкшаго къ вольной жизни хитрованца. При первой возможности онъ стремится вонъ изъ работнаго дома и по выходѣ сохраняетъ къ нему антипатію, видя въ немъ также и своего конкуррента.

Любовь хитрованцевъ къ вольной жизни проявляется, между прочимъ, въ переѣздѣ многихъ изъ нихъ на такъ называемыя «дачи». Одни нанимаются въ полевые и огородные сторожа, другіе промышляють чѣмъ-либо въ лѣсу.

---

*) Съ этого года замѣчается новое направленіе дѣятельности работнаго дома, характеризующееся широкимъ пріемомъ добровольцевъ и развитіемъ работъ (въ мастерскихъ, поденныхъ, строительныхъ, на свалкахъ и проч.) какъ для городскихъ, такъ и для частныхъ заказчиковъ.

**) Нѣкоторые хитровцы думаютъ, что московское мѣщанское общество можетъ ссылать въ Сибирь тѣхъ мѣщанъ, которые три раза побывали въ работномъ домѣ.

***) Къ сожалѣнію, въ печатныхъ отчетахъ работнаго дома, при разнообразіи содержащихся въ немъ статистическихъ данныхъ, совершенно отсутствуютъ данныя о заработной платѣ, рабочемъ днѣ и вообще объ условіяхъ труда и жизни призрѣваемыхъ.

Сторожить огороды идутъ въ Кожухово, Печатники, Юрловку, Люблино и др. селенія близъ Москвы. Здѣсь сторожъ устраиваетъ шалашъ и живетъ въ немъ до окончательнаго сбора овощей (1 октября). Жалованье получаетъ отъ 10 до 15 р. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, смотря по району и обязанностямъ службы. Въ сторожа нанимаются, въ большинствѣ случаевъ, одни и тѣ же лица, извѣстныя мѣстнымъ огородникамъ и садоводамъ по прежнимъ годамъ слжубы.

«Грибники» перекочевываютъ съ зимнихъ квартиръ въ лѣсъ еще въ то время, когда грибовъ и въ поминѣ нѣтъ, а только начались теплые дни. Въ лѣсахъ Измайлова, Гальянова, Останкина, на Лосиномъ островѣ и др. они устраиваютъ свои становища на берегу рѣчекъ, ручьевъ, у родниковъ: это ихъ «кухни». Здѣсь собираются грибники вечеромъ, варятъ на кострахъ свой ужинъ и ночуютъ. Съ утра кухня покидается, и каждый идетъ въ лѣсъ: кто за брусничной травой. кто за корнями папоротника, кто за мохомъ и т. п. Потомъ начинается сборъ земляники, грибовъ, орѣховъ, и такъ это дѣло идетъ до глубокой осени, пока холодъ не выгонитъ изъ шалашей. Тогда дачники неизмѣнно возвращаются въ свою постоянную резиденцію — Хитровку и вступаютъ въ ряды поденщиковъ или мусорщиковъ.

Въ дачныхъ шалашахъ грибники живутъ, по большей части, парами. Такъ для нихъ удобнѣе: пока мужчина собираетъ въ лѣсу ягоды или грибы, женщина несетъ ранѣе собранное продавать и покупать необходимые жизненные продукты; затѣмъ, женщина занимается приготовленіемъ пищи, а усталый грибникъ приходитъ уже къ готовому горячему супу или чаю. Мѣстные крестьяне не трогаютъ пріюта хитровскихъ дачниковъ, вѣроятно, по тѣмъ соображеніямъ, что тѣ, все равно, будутъ таскаться по окрестностямъ и изъ мести начнутъ воровать, да амбары поджигать.

Гор—евъ.

РЁСКИНЪ И РЕЛИГІЯ КРАСОТЫ.

Роберта Сизеранна.

Пер. съ французскаго Т. Богдановичъ.

(*Продолженіе* *).

Мысли Рёскина полны преувеличеній и парадоксовъ, но это не мысли моралиста,—нѣтъ, это скорѣе чувства художника, и тотъ не художникъ, каково бы ни было его званіе, кто не испытывалъ ихъ! Забывать свое искусство ради природы, забывать самого себя ради своего искусства—это необходимое условіе стремленія къ красотѣ, и съ практической точки зрѣнія первое условіе успѣха коллективныхъ произведеній искусства. Говоря, что «всякое искусство есть преклоненіе», преклоненіе смиренное и робкое, самозабвеніе и самопожертвованіе—авторъ *Законовъ Фьезоле* высказалъ не просто нравственный и сантиментальный афоризмъ: онъ установилъ строгое правило, которое мы каждую минуту можемъ прилагать къ самымъ сложнымъ и тонкимъ эстетическимъ проблемамъ нашего времени. Этотъ энтузіастъ прекрасно разбирался въ современныхъ софизмахъ, и этотъ проповѣдникъ сумѣлъ отличить среди разглагольствованій критиковъ и пристрастныхъ теорій художниковъ истинное глубокое зло, какимъ страдаютъ нѣкоторыя наши искусства—тщеславіе. Онъ понялъ и заявилъ во всеуслышаніе, что, кромѣ матеріальныхъ и техническихъ свойствъ, безъ которыхъ нѣтъ искусства, «такъ какъ первая функція живописца — умѣнье писать», чтобы творить великія произведенія, нужно еще обладать извѣстными нравственными качествами. Онъ утверждалъ, что знаніе не можетъ замѣнить совѣсти и ловкость руки—чистоту сердца.

Если достаточно одной ловкости, то почему же наше время, столь богатое ловкостью, не можетъ произвести ни одного памятника, выдерживающаго сравненіе съ греческими храмами и съ готическими соборами? Если талантъ—единственная вещь, необходимая для художника, почему же обогащенные талантами и опытностью столькихъ школъ, мы не можемъ ни создать, ни поддержать какой-нибудь стиль, не можемъ выдержать гармонію въ отдѣлкѣ, не можемъ соперничать съ

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь 1899 г.

менѣе просвѣщенными и менѣе искусными эпохами относительно изящества и тонкости инструментовъ, мебели, всѣхъ окружающихъ насъ предметовъ? Или намъ все же не хватаетъ чего-нибудь? И если да, то не нравственныхъ ли качествъ, и прежде всего, не того ли качества, которымъ обусловливается преклоненіе, т. е. скромности,—скромности, которая не ищетъ быстрыхъ и шумныхъ успѣховъ, но довольствуется молчаливымъ и медленнымъ изученіемъ; скромности, которая не стремится исключительно къ умственнымъ, аристократическимъ искусствамъ, но берется за всякое необходимое дѣло; скромности, допускающей союзъ всѣхъ художниковъ, основанный на взаимномъ уваженіи къ роли каждаго въ общей работѣ.

Если теперь мы ещё иногда встрѣчаемъ прекрасную картину, красивую статую, хорошо выполненную часть зданія и никогда не видимъ никакого цѣлаго художественнаго созданія, то причина этого не въ недостаткѣ техники или таланта, а въ томъ, что художникъ въ погонѣ за славой и за богатствомъ поступаетъ, какъ промышленникъ—онъ специализируется; всѣ свои усилія онъ направляетъ туда, гдѣ можетъ достичь наибольшей виртуозности, т. е. сдѣлать свою работу наиболѣе прибыльной. Онъ не занимается всѣми искусствами сразу, изъ опасенія не добиться успѣха ни въ одномъ. «Членъ академіи производитъ исключительно куски холста, которые будутъ выставлены въ рамахъ, и куски полированнаго мрамора, которые будутъ стоять въ нишахъ, совершенно такъ же, какъ вы заказываете вашему строителю нарисовать раскрашенные узоры изъ камней и кирпичей, а поставщика фарфоровой посуды просите держать рабочихъ, умѣющихъ рисовать по фарфору, и ничего болѣе». Это раздѣленіе труда въ промышленности дѣлаетъ чудеса въ смыслѣ сокращенія времени и увеличенія дохода, но оно убиваетъ однимъ ударомъ всѣ искусства. Оно разобщаетъ ихъ въ самомъ источникѣ и никакія усилія никогда не соединятъ ихъ вновь. Мы можемъ создавать куски, но не цѣлое, коллекціи — но не организмъ. Чтобы создать цѣлое нужно вдохнуть въ него одну и ту же жизнь, а одна и та же жизнь, *жизнь* вообще, можетъ быть вложена лишь однимъ творцомъ или создателемъ.

Согласно этому закону созданы были великіе организмы, которыми мы любуемся въ Италіи. «Около 1300 года мы видимъ, что изъ пяти великихъ художниковъ—Чимабуэ, Іоаннъ Пизанскій, Арнольфо, Андрэ Пизанскій и Джіото—четыре были столько же архитекторами, какъ скульпторами и живописцами. Это была эпоха великихъ коллективныхъ созданій, появлявшихся на свѣтъ съ живой душою въ нихъ. Впослѣдствіи живопись поглотила и утратила все. Изъ этого вы можете заключить, что всѣ три искусства должны быть слиты и что хорошимъ скульпторомъ можетъ стать только тотъ, кто въ то же время является хорошимъ архитекторомъ, т. е. тотъ, кто знаетъ и любитъ строительные законы и можетъ, въ случаѣ надобности, строить лучше простого

зодчаго». Все необходимое можетъ быть сдѣлано одною рукой и всѣ виды очарованія должны быть соединены въ одномъ созданіи.

«Во Флоренціи, любуясь башенкой *Sainte-Marie-des-Fleurs*, вы видите воочію это сліяніе искусствъ. Вы находите тамъ два ряда шестиугольныхъ панно, покрытыхъ барельефами. Нѣкоторые исполнены рукой неизвѣстныхъ художниковъ, другіе принадлежатъ Андрею Пизанскому, Лукѣ деля Роббія, два — Джіото и изъ этихъ послѣднихъ одинъ изображаетъ живопись подъ видомъ живописца въ мастерской. Этотъ барельефъ представляетъ собой одинъ изъ краеугольныхъ камней самой прекрасной изъ европейскихъ башенъ. Этотъ камень былъ вырѣзанъ рукой самого архитектора и мало того, этотъ архитекторъ-скульпторъ, Джіото, былъ величайшимъ живописцемъ своего времени и другомъ величайшаго поэта...»

Теперь художникъ не только не желаетъ довести до конца художественное созданіе въ цѣломъ, онъ не снисходитъ даже до того, чтобы закончить вполнѣ свою собственную работу. «Теперешняя манера лѣпить статую изъ глины, выливать ее въ форму съ помощью машины или руки рабочаго и только въ концѣ придавать ей окончательную отдѣлку, исправляя ошибки, — если только такъ называемый скульпторъ вообще притрогивается къ ней,—эта манера физически лишаетъ насъ возможности получить хорошую мраморную статую. Во-первыхъ, скульпторъ творитъ въ глинѣ, вмѣсто того, чтобы творить въ мраморѣ, и утрачиваетъ инстинктивное чутье въ обращеніи съ бьющимся матеріаломъ. Во-вторыхъ, ни онъ, ни зрители не признаютъ рѣзецъ художника выразителемъ чувства и воли личности и ищутъ одной лишь механической отдѣлки».

То же раздѣленіе труда въ гравюрѣ приводитъ къ такой же посредственности въ работѣ. «Разсмотрите какую-нибудь гравюру, вы увидите на ней двѣ надписи: въ лѣвомъ углу,—«нарисована такимъ-то», въ правомъ «гравирована такимъ-то». Между тѣмъ только тѣ гравюры пріобрѣтаютъ неумирающую цѣнность, которыя выгравированы самимъ художникомъ. Правда, что при гравировкѣ на деревѣ Гольбейнъ и Дюреръ тоже пользовались трудомъ рабочихъ, но никакъ не при гравировкѣ на металлѣ, такъ какъ совершенная чистота линій можетъ быть достигнута только рукой самого мастера и только въ тотъ моментъ, когда онъ творитъ. Линія только тогда имѣетъ цѣнность, когда она проведена въ первомъ порывѣ живой силы ума и воображенія; гравюра должна быть цѣликомъ создана въ пылу вдохновенія, располагающаго ея черты, какъ вѣтеръ направляетъ очертанія тучъ».

Но что же? Неужели великій живописецъ долженъ унизиться до того, чтобы раскрашивать стѣны, скульпторъ до того, чтобы тесать самому мраморъ и художникъ до того, чтобы самому гравировать свой рисунокъ? Конечно, хорошія фрески, хорошія гравюры, хорошія статуи могутъ существовать только при этомъ условіи. «Всѣ пластическія искус-

ства должны быть неизбѣжно атлетическими». Именно это отличаетъ ихъ и ставитъ выше всѣхъ остальныхъ. «Литература, опираясь на свойства ума и чувства, не требуетъ физической организаціи живописца и скульптора», точно также и музыка. Недоносокъ можетъ писать и калѣка—пѣть. Но для тяжелой работы какого-нибудь Микель Анджело или Тинторето нужно имѣть не только мощный духъ, но и сильное тѣло. Тутъ нуженъ весь человѣкъ. Голова, сердце и рука дѣйствуютъ сообща. Искусства основаны прежде всего на побѣдѣ, одержанной силою рукъ надъ землей и надъ моремъ въ земледѣліи и судоходствѣ. Ихъ творческая сила проявляется въ лѣпящей глину рукѣ горшечника, искусство котораго представляетъ собою самый скромный, но и самый правдивый символъ созданія тѣла и духа человѣка, и въ ремеслѣ плотника, искусство котораго было первой работой Основателя нашей религіи».

И этотъ трудъ возвысилъ человѣка. Ничто такъ не развиваетъ нравственныя качества—прямоту, терпѣніе и простоту, какъ привычка бороться съ упорнымъ, неподатливымъ матеріаломъ. «Въ счастливую для искусства эпоху художники были ремесленниками или получали у нихъ воспитаніе. Франсія былъ золотыхъ дѣлъ мастеръ; Джирландайо также, и онъ же былъ учителемъ Микель Анджело; Веррочіо также, и онъ былъ учителемъ Леонардо; Гиберти также и онъ сдѣлалъ бронзовыя двери, которыя Микель Анджело считалъ достойными служить вратами рая. Работа золотыхъ дѣлъ мастера полезна для молодыхъ художниковъ. Прежде всего работа надъ твердымъ матеріаломъ придаетъ увѣренность рукѣ и пріучаетъ къ осторожности и постоянству. Ребенокъ, котораго учатъ рисовать на бумагѣ и углемъ, чувствуетъ искушеніе попачкать на ней и поиграть съ нимъ, но онъ не можетъ пачкать на золотѣ и не осмѣлится играть съ нимъ. Наконецъ, это сообщитъ его пальцамъ увѣренность и точность, необходимыя для тонкой работы». Всякая другая работа, требующая силы и физическихъ упражненій, тоже хороша. Художникъ долженъ быть прежде всего работникомъ.

Но въ то же время для соблюденія равновѣсія всякій рабочій долженъ быть художникомъ. Мало того, чтобы мыслитель работалъ, надо, чтобы работникъ мыслилъ. Пусть, увлеченный своею мыслью, онъ забываетъ иногда механическую правильность своего труда и пусть, охваченный вдохновеніемъ, онъ стремится скорѣе создать произведеніе оригинальное, но полное жизни, чѣмъ строго отвѣчающее данному образцу.

«Я упомяну только объ одномъ примѣрѣ, взятомъ изъ производства стекла. Наше современное стекло удивительно прозрачно, всегда правильно по формѣ и прекрасно отшлифовано. Мы гордимся этимъ. А мы должны были бы стыдиться. Старое венеціанское стекло было не чисто, небрежно сдѣлано и грубо отшлифовано. Между англійскимъ

рабочимъ и венеціанцемъ та разница, что первый думаетъ только о томъ, чтобы выдержать данную форму, соблюсти абсолютную правильность изгибовъ и ровность краевъ и превращается въ настоящую машину для округленія изгибовъ и обтачиванія краевъ, между тѣмъ какъ венеціанецъ стараго времени очень мало заботился о томъ, обточены ли края, но онъ выдумывалъ новый рисунокъ для каждаго стакана и въ каждую ручку, въ каждый край стакана онъ вносилъ новую фантазію. И такимъ образомъ хотя нѣкоторые венеціанскіе стаканы довольно безобразны, если ихъ дѣлалъ рабочій, лишенный умѣлости и воображенія, зато другіе такъ прекрасны, что ихъ нельзя достаточно высоко оцѣнить, и никогда мы не найдемъ среди нихъ повторенія одной и той же формы. Вы не можете получить одновременно и хорошую отдѣлку и разнообразіе формъ. Если работникъ озабоченъ правильностью краевъ, онъ не можетъ думать о рисункѣ; если онъ занятъ рисункомъ, онъ не можетъ думать о краяхъ. Выбирайте между прекрасной формой и совершенствомъ отдѣлки, и выбирайте также, желаете ли вы сдѣлать изъ рабочаго человѣка или мельницу....

«Извините!—перебиваетъ читатель,—если рабочій хорошо рисуетъ, я не оставлю его у печки. Пусть онъ уходитъ; пусть онъ превратится въ джентельмена съ собственной мастерской и пусть онъ рисуетъ тамъ по стеклу, а простыхъ рабочихъ мы заставимъ выдувать и шлифовать для него стекло, и такимъ образомъ у насъ будетъ и рисунокъ и отдѣлка.

«Всѣ подобныя идеи основаны на двухъ ложныхъ предположеніяхъ: первое, что мысли человѣка могутъ быть выполнены рукой другого человѣка; второе, что ручной трудъ представляетъ нѣчто унизительное, даже когда имъ управляетъ умъ».

А онъ всегда долженъ управлять имъ. Ремесленникъ долженъ ставить себѣ въ заслугу не то, что онъ можетъ механически исполнять работу художника, а то, что онъ можетъ художественно выполнить свою работу ремесленника. Великое декоративное искусство, народное искусство можетъ существовать только при этомъ условіи. И если въ наши дни мы не находимъ болѣе среди столяровъ, каменщиковъ, ювелировъ и кузнецовъ славныхъ мастеровъ эпохи высокаго стиля, то изъ этого не слѣдуетъ, что такихъ работниковъ болѣе нѣтъ — они только утратили пониманіе своего истиннаго назначенія. Они попали не туда, гдѣ должны были быть, стремленіе подниматься все выше по соціальной лѣстницѣ погнало ихъ изъ скромной мастерской, гдѣ они дѣлали бы чудеса, и забросило въ наполненные разнымъ моднымъ хламомъ отели Кенсингтона и бульвара Вилье, гдѣ они занимаются поставкой рыночнаго товара. Безчисленныя школы живописи и ваянія въ сотни разъ увеличили число профессіональныхъ художниковъ. Вѣроятно, на всѣхъ пастбищахъ Европы не встрѣтишь теперь ни одного Джіото, пасущаго козъ, и трудно предположить, чтобы новые Миль-

тоны успокоились въ безвѣстности на деревенскомъ кладбищѣ. Но всѣ эти школы, которыми мы такъ гордимся, пробуждаютъ честолюбіе, не пробуждая геніальности. Онѣ только безъ всякой пользы для живописи и для скульптуры сманили изъ мастерскихъ лучшихъ ремесленниковъ, которые могли бы хорошо раскрасить цоколь или вылѣпить капитель колонны. Хорошій столяръ, который могъ бы прекрасно задумать и сдѣлать буфетъ, превратился въ архитектора, и выдумываетъ удивительнѣйшія зданія для выставки. Маляръ, который могъ отлично раскрашивать потолки и своды, превратился въ живописца, безплодно пытающагося выжать изъ себя историческія картины. Вся рабочая демократія стремится выйти въ художники, и среди рабочихъ не остается художниковъ: тамъ остаются однѣ машины. При такомъ положеніи вещей все проигрываетъ: великое искусство падаетъ; художественная промышленность не совершенствуется, а честолюбецъ влачитъ жалкое существованіе или умираетъ съ голоду передъ своими неоплаченными аллегоріями, непроданными Венерами и мраморными группами, между тѣмъ какъ онъ былъ бы богатъ и заваленъ заказами въ своемъ мебельномъ магазинѣ. И здѣсь также искусству не хватаетъ не образованія, не честолюбія, не идеализма, а того глубокаго чувства, какое даетъ безкорыстное восхищеніе природой: смиренія.

Девизъ художника очень простъ; онъ весь заключенъ въ тѣхъ словахъ, какія мы поставили въ началѣ нашего разсужденія: «Всякое великое искусство есть поклоненіе».

Искать природу, истинную природу, не такую, какою мы ее сдѣлали, а такую, какою она сама себя сдѣлала; наблюдать ее глазами, которые она намъ дала, чтобы видѣть, а не съ помощью тѣхъ инструментовъ, которые мы сфабриковали, чтобы обнажать ее, и сердцемъ, которое она намъ дала, чтобы чувствовать, а не разумомъ, который мы усовершенствовали, чтобы понимать ее; наблюдать ее въ ней самой, а не въ нашихъ мастерскихъ, въ ея истинномъ освѣщеніи, а не въ нашей искусственной свѣто-тѣни; слѣдовать ея намѣреніямъ въ ея мощномъ покоѣ, а не въ нашихъ тщетныхъ волненіяхъ, въ ея вѣчной гармоніи, а не въ нашихъ фальшивыхъ комбинаціяхъ; любить ее ради нея самой, а не ради насъ и, если нужно, заниматься самымъ скромнымъ ручнымъ трудомъ, чтобы лучше воспроизводить ее и заставить полнѣе любоваться ею,—въ этомъ все искусство. И далѣе никакихъ правилъ, никакихъ предписаній, полная свобода и съ Божьею помощью.

«Подойдите къ фасаду стараго собора, глядя на который, вы столько разъ улыбались суевѣрному невѣжеству старинныхъ скульпторовъ; присмотритесь еще разъ къ этимъ безобразнымъ дьяволятамъ, къ этимъ безформеннымъ чудовищамъ, къ этимъ неуклюжимъ, хмурымъ статуямъ безъ всякаго признака анатоміи, но не смѣйтесь надъ ними,—они служатъ явнымъ доказательствомъ жизни и свободы каждаго рабочаго,

тесавшаго камень: такой свободы мысли и такой ступени въ лѣстницѣ, живыхъ существъ, какую не можетъ обезпечить никакой законъ, никакая хартія, никакая филантропія, но какую только можетъ пожелать Европа для своихъ дѣтей!»

Жизнь искусства въ преклоненіи передъ природой, но его смерть въ рабствѣ передъ людьми. «Все мое ученіе,—говоритъ Рёскинъ въ *Памятникахъ св. Марка*,—заключается въ отвращеніи къ доктринерству, замѣняющему собой опытъ, и къ системѣ, поставленной на мѣсто пользы. Поэтому ни одинъ изъ моихъ истинныхъ учениковъ не будетъ *рескиньянцемъ*. Онъ будетъ слѣдовать не моимъ указаніямъ, но внушеніямъ своего сердца и велѣніямъ своего Создателя». Кромѣ того, «обученіе искусствамъ отличается отъ обученія наукамъ тѣмъ, что сила искусства основана не на фактахъ, которые можно сообщить, а на способностяхъ, которыя необходимы для созданія ихъ. Искусство не можотъ быть усовершенствовано съ помощью мысли, не можетъ быть объяснено съ помощью слова. Истинно великій художникъ говоритъ плохо или совсѣмъ не говоритъ о своемъ искусствѣ. Пока онъ колеблется онъ еще можетъ говорить, но какъ только онъ ясно видитъ свое созданіе, онъ становится нѣмъ. Ему не нужно ни словъ, ни теорій. Развѣ птица строитъ теоріи объ устройствѣ своего гнѣзда?» Когда художникъ находитъ вдругъ основную линію какого-нибудь движенія, счастливое сочетаніе нѣсколькихъ тоновъ, неожиданную гармонію цѣлаго, развѣ онъ питаетъ въ этотъ моментъ сокровенныя и метафизическія намѣренія, какія приписываютъ ему критики? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! «Онъ это дѣлаетъ съ простодушіемъ ребенка, потому что онъ такъ чувствуетъ, потому что такъ ему нравится». И именно «потому, что художники такъ поступаютъ, всѣ ихъ созданія полны жизни, разнообразія и тонкости и мы любуемся ихъ изящными произведеніями, какъ какой-нибудь группой настоящихъ деревьевъ, не сознающихъ своей красоты...»

Такова мысль учителя, котораго столько разъ обвиняли за то, что онъ въ качествѣ моралиста хочетъ управлять искусствомъ и изложить въ формѣ библейскихъ стиховъ азбуку живописи! И вотъ послѣ самаго внимательнаго изученія тайнъ композиціи, послѣ болѣе глубокаго изслѣдованія вопроса, чѣмъ можно найти у какого угодно Пуссена, Рейнольдса, Лессинга, Стендаля, Топфера, Винкельмана или Леонардо да Винчи, послѣ многихъ ошибокъ, конечно, но также и многихъ широкообъемлющихъ взглядовъ, великій эстетикъ съ грустью заявляетъ: «Я установилъ теперь для васъ всѣ законы композиціи, которые я уловилъ, но есть много такихъ, которыхъ я, при теперешнемъ уровнѣ моихъ знаній, не могу опредѣлить, и другихъ, которыхъ я никогда не надѣюсь опредѣлить, и эти послѣдніе самые главные, связанные съ глубочайшими силами искусства. Лучшая часть великаго произведенія всегда необъяснима. *Это хорошо, потому что хорошо*, и невинно пре-

красно, какъ зелень, одѣвающая землю, или какъ роса, падающая съ небесъ».

Это утвержденіе можетъ вызвать улыбку. Но вѣрнѣе было бы преклониться передъ нимъ, вспомнивъ о ничтожествѣ нашего разсудка въ сравненіи съ могуществомъ нашего инстинкта. Могутъ сказать, что не стоило нагромождать такую массу книгъ подъ ноги, чтобы въ концѣ-концовъ все-таки не заглянуть за высокую стѣну, окружающую *невѣдомую область* прекраснаго. Но мы не согласны съ этимъ, мы утверждаемъ, что эта работа была необходима, она доказала намъ, что въ искусствѣ есть *невѣдомая область* и въ этой области самонадѣянные географы сбиваютъ съ пути довѣрчивыхъ путешественниковъ своими невѣрными картами; она доказала намъ также, что человѣка возвышаетъ болѣе сознаніе существованія неизвѣстнаго, чѣмъ вся наука, съ помощью которой онъ пытается проникнуть въ это неизвѣстное. Могутъ сказать, пожалуй, что въ этомъ банкротство эстетики и приговоръ философа, проповѣдывавшаго ее. А мы скажемъ, что этотъ философъ оказался истиннымъ художникомъ, и что художникъ въ немъ сильнѣе философа, потому что первый постигалъ больше своей вдохновенной интуиціей, чѣмъ могъ объяснить второй своими учеными построеніями.

Глава III.

Жизнь.

§ 1.

Каково искусство, такова и жизнь. Мы установили, что искусство должно воспроизводить только прекрасныя тѣла и прекрасные, т. е. не оскверненные, пейзажи. Но если и люди, и природа утратили теперь свою красоту?.. И воспроизводить ихъ могутъ только простые, скромные и преданные художники. Но если художники теперь не бываютъ ни простыми, ни скромными, ни преданными?.. Гдѣ же модели для такихъ произведеній и, главное, гдѣ работники? Гдѣ тѣла, воплощающія въ себѣ красоту, гдѣ души, приносящія себя въ жертву ей? Гдѣ великія идеи, гдѣ счастливыя національныя торжества, подъ вліяніемъ которыхъ изъ груди народа выливались великія произведенія, какъ соборы въ прежнее время? Гдѣ узы эстетическаго братства, заставляющія художниковъ забывать разницу своихъ положеній и взаимно помогать другъ другу въ осуществленіи этихъ произведеній? Мы увидимъ сейчасъ, какъ эстетическія мысли Рёскина превращаются въ мысли моральныя и соціальныя и почему съ средины жизни, съ 1860 года онъ считалъ невозможнымъ воскресить искусство, не преобразовавъ жизнь.

Какого бы хорошаго мнѣнія мы ни держались относительно современной жизни, какое бы высокое представленіе мы ни составили о ея прогрессѣ и завоеваніяхъ, во всякомъ случаѣ есть, по крайней мѣрѣ, одна область, въ которой прогрессъ этотъ не легко замѣтить и въ которой нашъ вѣкъ, по меньшей мѣрѣ, не увеличилъ мірового наслѣдія человѣчества; эта область—красота. Съ каждымъ днемъ живописность нашихъ жилищъ, нашихъ одеждъ, нашихъ празднествъ и нашихъ полей, нашихъ инструментовъ и даже нашего оружія исчезаетъ изъ жизни и встрѣчается только въ театрѣ и въ музеяхъ. Быстрѣе, чѣмъ прежде, желѣзныя дороги переносятъ насъ къ излюбленнымъ пейзажамъ земли, но раньше, чѣмъ перенести насъ туда, своими насыпями и своими тунелями они обезображиваютъ эти самые пейзажи. Въ нѣсколько часовъ они уносятъ насъ вглубь нашихъ старыхъ провинцій, гдѣ мы можемъ наблюдать милые нашему сердцу обычаи и старинные костюмы, но еще прежде насъ онѣ несутъ туда газеты, прогоняющія эти обычаи, и парижскія моды, замѣняющія національные костюмы. Отели, разбросанные во множествѣ среди мѣстностей, поражавшихъ раньше своей дикой неприступностью, позволяютъ намъ расположиться съ комфортомъ среди скалъ и лѣсовъ; но только, чтобы построить ихъ, пришлось взорвать скалы и вырубить лѣса. Всякая новая линія желѣзной дороги проводитъ морщину на лицѣ родины и уноситъ съ собой нѣкоторую долю ея красоты. Наши старые живописные города разрушаются одинъ за другимъ и наши рѣки загромождены и загрязнены. Тѣ изъ насъ, которые живутъ зрительными впечатлѣніями и въ линіяхъ и краскахъ ищутъ высшихъ радостей, тѣ съ каждымъ днемъ все больше ощущаютъ недостатокъ въ зрѣлищахъ, плѣнявшихъ ихъ отцовъ, они осуждены покидать родину и скитаться въ далекихъ странахъ, отыскивая рѣдкіе города, которые наши великіе инженеры не успѣли превратить въ прямые бульвары и большіе магазины—подчинить обязательной формѣ сюртука. Можетъ-ли еще существовать красота въ искусствѣ? Въ жизни ея болѣе нѣтъ...»

Быть можетъ... скажутъ ученые и экономисты, но зато есть богатство. Прежде чѣмъ философствовать, надо жить. Пусть какіе-нибудь утонченные дилеттанты или безплодные мечтатели оплакиваютъ эти удивительныя эстетическія наслажденія, которыхъ мы никогда не желали и не ощущали, если благосостояніе массъ возрасло и онѣ чувствуютъ себя счастливѣе въ промышленномъ строѣ, освященномъ наукой?

Массы... бросимъ же взглядъ на нихъ. Мы увидимъ, что онѣ наступаютъ на современное общество съ жалобами и угрозами на устахъ, болѣе недовольныя, чѣмъ когда-либо въ древности. Съ каждымъ днемъ уровень преступности растетъ, точно подымается кровавое наводненіе.

Съ каждымъ днемъ самоубійства, о которыхъ надо бы печатать кровавыми буквами, все чаще попадаются на столбцахъ газетъ, и даже,

неслыханное дѣло! — самоубійства дѣтей... Каждый день въ какомъ-нибудь мѣстѣ земного шара вспыхиваютъ бунты рабочихъ, разбивающихъ дивные но хрупкіе инструменты, которые наука изготовляетъ, чтобъ осчастливить ихъ. «Наши города превратились въ ткацкія мастерскія вмѣсто того, чтобы блистать дворцами, а между тѣмъ народъ терпитъ недостатокъ въ одеждѣ; листья нашихъ лѣсовъ почернѣли отъ отъ дыма, а между тѣмъ народъ умираетъ отъ холода; наши гавани, точно лѣса торговыхъ судовъ, а онъ умираетъ отъ голода...» Мы разрушили живописные памятники среднихъ вѣковъ, даже городскія укрѣпленія, которыя издалека плѣняли взоры путешественника, но дали ли взамѣнъ этого что-нибудь народу? Превратили ли эти камни въ хлѣба? Мы срубили деревья нашихъ лѣсовъ, чтобы выстроить фабрики, и вмѣсто пѣнія птицъ теперь раздаются только свистки и грохотъ паровыхъ машинъ. Но, по крайней мѣрѣ, стали ли веселѣе рабочіе, больше ли поютъ они? Увы! нѣтъ. Нѣкогда бѣдная Франція пѣла: пѣли за столомъ, пѣли за работой. Теперь разбогатѣвшая Франція, точно сапожникъ въ баснѣ, больше не поетъ. Обѣщанія манчестерской школы обманули міръ, или во всякомъ случаѣ онъ считаетъ себя обманутымъ, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе субъективнаго, чѣмъ чувство счастія. Ученые и экономисты, отнявъ у массъ традиціи, отнявъ у нихъ обычаи, отнявъ вѣру, отнявъ красоту, обѣщали дать имъ счастье. Дали ли они имъ его?

Безполезно отвѣчать на это. Вопли растущихъ поколѣній говорятъ за насъ. Когда пришло время исполнять обѣщанія, которыя ученые и экономисты дали именемъ прогресса народу, тогда только спохватились, что счастіе не изъ тѣхъ вещей, *quae numero, pondere, mensurâve constant* *), а божественный даръ, и что, пустивъ по вѣтру всѣ божественныя грезы, его давно развѣяли въ прахъ... Это очевидный жестокій и непоправимый ударъ, такъ какъ, если можно при помощи остроумной и утѣшительной статистики доказать рабочему и крестьянину, что онъ богаче рабочаго и крестьянина добраго стараго времени, то, какъ доказать ему, что онъ счастливѣе, если онъ чувствуетъ противоположное?

Такимъ образомъ мы напрасно пытались бы противопоставить жалобамъ художниковъ на разрушенія, произведенныя прогрессомъ, привѣтствія ремесленниковъ его благодѣяніямъ. Снизу, какъ и сверху раздаются одинаковыя жалобы. Что вы сдѣлали съ красотой? говорятъ одни,—а другіе: Что вы сдѣлали съ счастьемъ? Развѣ этотъ прогрессъ возвысилъ нашъ идеалъ? спрашиваютъ первые,—а послѣдніе: Развѣ онъ улучшилъ нашу жизнь? О, конечно, въ 1889 году были выставлены и будутъ выставлены въ 1900 всѣ чудеса, сфабрикованныя въ лабораторіяхъ и фабрикахъ, убившихъ красоту, и они будутъ разжигать за-

*) Которыя могутъ быть исчислены, взвѣшены или измѣрены.

висть несчастныхъ, проходящихъ передъ этими чудесами; но развѣ ихъ участь станетъ вслѣдствіе этого счастливѣе? Намъ объявляютъ, что картины французской революціи будутъ въ гигантскихъ размѣрахъ проектированы на тучахъ. Тучи будутъ такимъ образомъ обезображены, но станетъ ли прекраснѣе толпа, проходящая внизу подъ ними? Мы слышимъ обѣщанія удесятерить скорость везущихъ насъ машинъ, горе, которое мы увозимъ съ собой полетитъ тогда еще быстрѣе. Нѣкогда говорилось:

«Горе любви не пускается въ путешествія,
Горе любви не ѣздитъ на кораблѣ».

Какія горести теперь не слѣдуютъ повсюду за человѣкомъ? И чѣмъ болѣе устраняются всѣ препятствія путешествія, тѣмъ болѣе отдается душа во власть внутреннихъ терзаній. Да, скоро всѣ селенія земного шара будутъ связаны тонкой и прочной телефонной проволокой, но развѣ переносящіяся по нимъ извѣстія станутъ вслѣдствіе этого лучше? Да, по нашимъ дорогамъ скоро будутъ катиться безголовые экипажи, собирающіе теперь толпы на улицахъ: развѣ они представятъ болѣе красивое зрѣлище для встрѣчныхъ и развѣ они откроютъ болѣе красивые виды сидящимъ внутри? И какъ бы скоро они ни катились, развѣ они достигнутъ иной цѣли, чѣмъ всѣ мы—всадники и пѣшеходы, монахи и хромцы даже, изображенные на Campo Santo *) въ Пизѣ, и развѣ нужно такъ спѣшить къ тому, что неизбѣжно, увы! и такъ обыденно?..

Въ одинъ и тотъ же часъ исчезаетъ счастіе людей и красота вещей, одинъ и тотъ же вихрь уноситъ пѣсни птицъ и пѣсни людей и не одинаковой ли причинѣ надо приписать исчезновеніе соціальнаго мира и эстетическихъ радостей? И надо ли удивляться тому, что Рёскинъ, воскрешая въ мірѣ красоту—красоту природы, красоту человѣческаго тѣла, красоту душъ, мечталъ воскресить также счастіе?

§ 2.

Язва, которая точитъ и истребляетъ красоту нашихъ любимыхъ пейзажей, это индустріализмъ и спекуляція, т. е. проще говоря, богатство... Богатая страна—всегда безобразная страна. Рёскинъ разсказываетъ, что онъ зналъ нѣкогда маленькое мѣстечко въ истокахъ Ванделя, которое онъ считалъ самымъ прелестнымъ мѣстомъ въ южной Англіи. Ему казалось, что нигдѣ не журчали такія прозрачныя, такія божественныя струи, что нигдѣ цвѣты не сіяли такой чарующей красотой, что нигдѣ жилища людей, полускрытыя и въ то же время гостепріимно манящія, не навѣвали такой мирной радости на душу прохожаго... Двадцать лѣтъ спустя онъ вернулся къ истокамъ Ванделя. Все

*) Кладбище.

перемѣнилось... «Именно тамъ, гдѣ непорочныя волны чистыя и сверкающія, какъ снопъ лучей, впадали въ Каршальтонскій прудъ, пробираясь до самаго прибрежнаго гравія свѣтлой струйкой подъ перистымъ сводомъ легкихъ, колеблющихся травъ, отбрасывая на нихъ глубокіе отблески свѣта, какъ калчеданъ въ точеномъ агатѣ, усѣянныя тутъ и тамъ бѣлыми звѣздами лютиковъ, именно въ эти первыя журчащія струи, презрѣнныя человѣческія существа бросаютъ мусоръ съ улицъ и изъ домовъ кучи сору и грязи, заржавленные куски металла, отвратительныя тряпки, все, что имъ лѣнь увезти или зарыть они выливаютъ въ потокъ, который растворяетъ все и уноситъ этотъ ядъ далеко, повсюду, куда Богъ хотѣлъ, чтобы онъ несъ радость и здоровье... Полдюжины людей въ теченіе одного рабочаго дня могли бы очистить эти пруды, убрать берега, и наполнить освѣжающимъ благоуханіемъ вѣющій надъ ними воздухъ и снова сдѣлать воды такими сверкающими и цѣлительными, точно этотъ потокъ, возмущаемый лишь стопами ангеловъ, течетъ прямо отъ дверей Виѳезды... Но этотъ рабочій день никогда не настанетъ и никогда радость не посѣтитъ сердца людей въ краю этихъ англійскихъ источниковъ...»

Потомъ онъ зашелъ въ сосѣднюю деревню и, проходя по главной улицѣ, спрашивалъ себя, не служитъ ли бѣдность причиной такой преступной небрежности въ отношеніи къ природѣ. Но нѣтъ... Онъ нашелъ наоборотъ признаки роскоши: великолѣпныя выставки на окнахъ, нарядныя кофейни, новые магазины; на лицахъ не было отпечатка большаго счастья и здоровья, но гораздо больше заботъ о внѣшности о показной сторонѣ и повсюду великолѣпныя, но безполезныя чугунныя рѣшетки. «Какъ это случилось, что послѣдняя работа была произведена вмѣсто той, первой? Почему сила и жизнь англійскаго рабочаго истрачена на то, чтобы осквернить землю, вмѣсто того, чтобы возстановить ее, на то, чтобы произвести металлическую вещь совершенно безполезную въ этой мѣстности, которую нельзя ни выпить, ни вдохнуть вмѣсто здороваго воздуха и чистой воды? Для этого есть только одно основаніе, но рѣшающее: въ одномъ случаѣ капиталистъ можетъ получить столько-то процентовъ на трудъ, въ другомъ нисколько...»

На это экономисты,—еслибы только они снизошли до отвѣта,—сказали бы, что, хотя мечтатели и осуждаютъ современный капиталистическій строй, все-таки онъ лучше другихъ, существовавшихъ до сихъ поръ. Они заявили бы, что, развивая промышленность, манчестерская ская школа не содѣйствовала, быть можетъ, расцвѣту поэзіи въ мірѣ,—она и не задавалась этой цѣлью,—но несомнѣнно она увеличила міровое богатство. Они сказали бы, наконецъ, что проповѣдывать крестовый походъ противъ капитализма за то, что онъ заводитъ много фабрикъ, рудниковъ и желѣзныхъ дорогъ, значитъ въ сущности оказывать ему же услугу съ экономической точки зрѣнія и проповѣды-

вать уничтоженіе его,—значитъ проповѣдывать уничтоженіе всего, что создаетъ богатство пролетаріата также какъ и капиталистовъ, націй, какъ и индивидуумовъ.

И дѣйствительно, основываясь на своемъ пониманіи богатства, экономисты правы. Но только они даже не представляютъ себѣ, что можно оспаривать это самое пониманіе. Ни на одну минуту они не предполагали, чтобы въ нашъ вѣкъ, когда все подвергалось сомнѣнію, усомнились также и въ необходимости богатства, и въ томъ что богатство составляютъ именно накопленныя деньги. Совершенно справедливо, что въ отношеніи пріобрѣтенія большихъ денегъ у современной экономической системы нѣтъ соперниковъ. Міровыя богатства, создающіяся теперь, въ достаточной степени доказываютъ это. Возможно даже, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ эта система приноситъ наибольшій денежный доходъ массѣ и что именно въ тѣхъ странахъ гдѣ, благодаря спекуляціямъ, вершины богатства подымаются всѣхъ выше, средній уровень состоятельности также выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но пусть это очевидно, все же остается подъ вопросомъ, составляетъ-ли денежный доходъ истинный доходъ при всѣхъ обстоятельствахъ, даже когда на полученіе его тратится жизнь, и всякое ли истинное богатство заключается въ золотѣ или можетъ быть получено съ помощью его...

Когда присматриваешься къ міру дѣльцовъ, къ царящей въ немъ спекулятивной горячкѣ, къ коммерсантамъ въ конторахъ, къ промышленникамъ, направляющимся къ своимъ фабрикамъ—такая мысль невольно приходитъ въ голову. Тревоги, утомленіе, путешествія, борьбу, работу день и ночь—капиталистъ все готовъ перенести ради одной цѣли—денегъ... Что онъ будетъ дѣлать съ этими деньгами, объ этомъ онъ не думаетъ или думаетъ такъ, мимоходомъ: его страсть пріобрѣтать деньги, и это не значитъ, чтобы онъ былъ человѣкомъ продажнымъ, онъ просто дѣловой человѣкъ, согласно экономическому идеалу нашихъ отцовъ. Пріобрѣтать деньги, какъ можно больше денегъ представляется ему само по себѣ, какъ конечная цѣль, важнымъ и необходимымъ. Онъ не можетъ читать: ему некогда, онъ боится пропустить случай заработать деньги; онъ не можетъ весной пойти полюбоваться распускающими цвѣтами: какъ бы не пропустить другой случай заработать деньги. Потомъ, потомъ, когда онъ станетъ совсѣмъ богатымъ и... совсѣмъ старымъ, когда онъ разоритъ десять конкурентовъ и сломитъ десять стачекъ, тогда онъ со своими деньгами потребуетъ у природы всѣ ея цвѣты, у искусства—всю его гармонію, всѣ высокія наслажденія мысли—если только онъ въ состояніи будетъ насладиться всѣмъ этимъ... Но онъ не достигнетъ этой второй стадіи; чтобы обезпечить себѣ роскошь здоровья, онъ разрушаетъ свое здоровье, чтобы приготовить себѣ умственныя наслажденія, онъ губитъ свой умъ; въ дѣйствительности то, что этотъ милліонеръ остроумно называетъ «зарабатывать себѣ жизнь» значитъ, иными словами

медленно, цѣною громадныхъ усилій зарабатывать себѣ старость и смерть...

А между тѣмъ эта жизнь, это здоровье, эти эстетическія радости, которыя онъ принесъ въ жертву стремленію къ обогащенію, развѣ они сами по себѣ не составляютъ богатства? И если деньги вещь необходимая, то развѣ менѣе необходимо имѣть здоровыя руки, чтобы распоряжаться ими, и развѣ, утративъ жизнь, можно насладиться радостями жизни? «У окна, въ поперечномъ проходѣ Миланскаго собора, триста лѣтъ покоится набальзамированное тѣло Карла Боромейскаго. Онъ держитъ золотой посохъ и на груди у него изумрудный крестъ. Допуская, что посохъ и изумруды вещи полезныя, т. е. богатство по опредѣленію Стюарта Милля, можно ли признать, что тѣло обладаетъ ими. И если нельзя, если вообще мы должны признать, что мертвое тѣло не можетъ обладать богатствами, то въ какое время и какую степень жизни должно имѣть тѣло, чтобы обладать ими?» Достаточно ли не быть мертвымъ физически и не лежать на мавзолеѣ съ изваянной въ ногахъ собакой, какъ вельможи и дамы XV-го вѣка? и можетъ ли пользоваться богатствомъ тотъ, кто еще дышитъ, но разбитъ денежными заботами и денежными радостями и лежитъ недвижимо въ креслѣ съ живой собакой, спящей у ногъ?.. Нѣтъ, неправда ли? Чтобы наслаждаться богатствомъ, нужно стоять твердо на ногахъ, нужно, чтобы живая собака радостно лаяла въ кустахъ, спугивая птицъ или въ лугахъ, гдѣ журчатъ свѣтлые ручьи...

Подумавъ немного, мы должны согласиться, что первое богатство— здоровье. А даютъ ли здоровье деньги и денежныя радости? Для здоровья нужна чистая вода. Фабрика даетъ деньги, но она отравляетъ всѣ ручьи кругомъ и фабрикантъ не можетъ достать хорошей воды... Это ли богатство? Богатство позволяетъ нашимъ рукамъ оставаться въ праздности и нашему тѣлу избѣгать всякой мускульной работы. Въ этомъ заключается современный прогрессъ. Пусть такъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ наше тѣло, утомленное мозговой дѣятельностью, слабѣетъ, и врачи во имя гигіены предписываютъ намъ ту самую работу, отъ которой инженеры во имя прогресса торжественно освободили насъ. Развѣ эта слабость составляетъ богатство? А кромѣ того къ чему намъ здоровье, если нѣтъ болѣе лѣсовъ, гдѣ можно слѣдить за полетомъ птицъ, и луговъ, гдѣ можно любоваться цвѣтами? Деньги уничтожаютъ всю естественную красоту—или сохраняютъ ее лишь въ какихъ-нибудь привилегированныхъ паркахъ. И къ чему эта красота, если мы не сохранили въ себѣ способности почувствовать всю ея прелесть и испытать на себѣ ея силу? А есть ли эта способность у богатаго человѣка? Нѣтъ. Величайшая ошибка нашего времени, думать, что человѣкъ, поглощенный пріобрѣтеніемъ денегъ, отправляясь между двумя спекуляціями послушать мимоходомъ оперу, слышитъ что-нибудь... Онъ ничего не слышитъ. Величайшая ошибка, думать, что коллекціо-

*

неръ понимаетъ красоту художественныхъ произведеній, когда ему стоитъ только протянуть руку, чтобы получить ихъ... Онъ ихъ не видитъ. Первый слышитъ только звонъ золота, пересыпающагося на международныхъ рынкахъ—или стоны семей, разоренныхъ счастливой биржевой спекуляціей. Второй видитъ внутри своихъ рамъ на лазурномъ фонѣ картинъ—цвѣта, уплоченныхъ за нихъ денежныхъ знаковъ и глаза его упорно ищутъ въ углу полотна, какъ на чекѣ, надпись, составляющую всю его цѣну. Чтобы въ дѣйствительности обладать произведеніями искусства и испытывать доставляемыя ими радости, не надо платить за нихъ—надо ихъ понимать. Не надо открывать имъ свой кошелекъ, надо открывать имъ свою душу, а для этого надо имѣть душу. Эти радости, составляющія истинное богатство, даются не золотомъ, а любовью.

Наконецъ, развѣ пріобрѣтеніе денегъ порождаетъ вѣрную дружбу, неподкупныя симпатіи, сердечныя рукопожатія, искреннія привязанности,—т. е. успокоеніе души и сердца, вѣру въ жизнь, окрашивающую жизнь въ самые яркіе цвѣта? Сказать нѣтъ, значило бы сказать банальность. Деньги создаютъ много друзей богачу и въ то же время поселяютъ въ немъ недовѣріе къ дружбѣ: музыка лести часто звучитъ въ его ушахъ, но онъ улавливаетъ въ ней фальшивыя ноты; со всѣхъ сторонъ къ нему протягиваютъ руки, но это руки статуй—онѣ готовы все взять, но онѣ не могутъ ничего дать. Спокойствіе, довѣріе, все, что украшаетъ жизнь, развѣ это не составляетъ богатства на ряду съ насущнымъ хлѣбомъ? «Вѣроятно, экономисты имѣютъ смутное представленіе о томъ, что есть иного рода богатство, кромѣ металла, найденнаго въ Австраліи, не даромъ они говорятъ о «полезныхъ вещахъ» и заявляютъ, что «время—деньги». Но и умъ тоже деньги: здоровье тоже деньги; знаніе тоже деньги. И ваше здоровье, вашъ умъ, ваши знанія могутъ быть обращены въ золото, но золото не можетъ быть, въ свою очередь, обращено въ умъ и въ здоровье».

Что справедливо въ отношеніи частнаго богатства, то еще болѣе справедливо въ отношеніи богатства національнаго. Возможно ли выразить въ цифрахъ, измѣрить въ кредитѣ богатство какой - нибудь страны? Въ мірѣ были и есть еще страны, считающіяся бѣдными. Развѣ люди тамъ менѣе счастливы, менѣе долговѣчны, менѣе здоровы, менѣе энергичны? И когда большія государства колеблются,—какъ солдатъ Горація, у котораго было слишкомъ много золота въ поясѣ,—не эти ли маленькія страны увлекаютъ остальныхъ на путь справедливости и свободы? «Великую націю создаетъ не территорія, а люди, и не многочисленность людей, а ихъ сплоченность. Безумны государи, добивающіеся территоріи, а не жизни». Развѣ крупные доходы представляютъ собой необходимый признакъ силы націи? Приведемъ только одинъ примѣръ: одна изъ причинъ, почему Франція такъ богата по отношенію къ численности своего населенія, заключается въ томъ, что

она производитъ мало дѣтей... И происходящій отсюда высокій уровень средней состоятельности радуетъ экономистовъ. А между тѣмъ развѣ онъ знаменуетъ силу націи, ея богатство? Одна изъ причинъ, по которой расходы нашего бюджета покрываются доходами, заключается въ томъ, что съ каждымъ годомъ налоги на напитки даютъ все больше, иногда даже они превышаютъ самыя оптимистическія надежды составителей бюджетовъ. Это доказываетъ, что все большее число людей топитъ въ стаканахъ вина свое здоровье и иногда свой разсудокъ. Экономисты торжествуютъ. А между тѣмъ развѣ эти подорванныя здоровья, эти омраченные разсудки составляютъ національное богатство, если даже допустить, что они доказываютъ процвѣтаніе бюджета. Развѣ это богатство?

Нелѣпость такого предположенія сама собой очевидна Въ дѣйствительности, пріобрѣтеніе денегъ ради денегъ, увеличеніе капитала ради капитала, независимо отъ цѣли этого пріобрѣтенія, далеко не равнозначительно накопленію вещей полезныхъ, необходимыхъ и благодѣтельныхъ для одного человѣка или для цѣлаго народа. «Наилучшій символъ капитала—хорошій плугъ. Если бы плугъ занимался только производствомъ другихъ плуговъ по примѣру полипа, онъ утратилъ бы свое назначеніе капитала. Всякому капиталисту и всякому народу надо предлагать вопросъ не о томъ, сколько у него плуговъ, но сколько у него воздѣланныхъ полей; не о томъ, съ какой быстротой обращается капиталъ, но что̀ онъ производитъ во время своего обращенія: какіе предметы, годные для жизни, какія произведенія, охраняющія жизнь?» Если онъ помогаетъ приготовлять поддѣльный спиртъ, строить подземные подвалы, еще болѣе вредные для жилья, чѣмъ хижины, создавать промышленность, удовлетворяющую исключительно требованіямъ роскоши и портящую легкія и глаза рабочаго, или тлетворную литературу, вредное пессимистическое искусство, развращающее душу образованныхъ классовъ—въ такомъ случаѣ онъ вреденъ. «Производство заключается не въ предметахъ, сдѣланныхъ съ большой затратой труда, а въ предметахъ, приносящихъ пользу, и для націи имѣетъ значеніе не то, какую сумму труда она затрачиваетъ, но какую сумму жизни она производитъ».

«Нѣтъ иного богатства кромѣ жизни,—жизни, подразумѣвая всю силу любви, радости и преклоненія. Люди ошибаются, если они, какъ дѣти, предполагаютъ, что безполезныя вещи, въ родѣ наростовъ на раковинахъ или кусочковъ синяго или краснаго камня, имѣютъ цѣнность и, чтобы отыскать ихъ, затрачиваютъ значительныя количества труда, который слѣдовало бы употреблять на развитіе и украшеніе жизни; или, если они воображаютъ, что вещи благодѣтельныя и драгоцѣнныя, какъ воздухъ, свѣтъ и чистота, не имѣютъ цѣнности; или, наконецъ, если они представляютъ себѣ, что условія ихъ собственнаго существованія, необходимыя для пользованія всякой вещью—какъ,

напримѣръ, миръ, довѣріе, любовь, должны быть размѣнены на золото, желѣзо и наросты на раковинахъ. Въ дѣйствительности. слѣдовало бы учить, что истинныя жилы и вены богатства—краснаго, а не золотого цвѣта, что онѣ находятся въ тѣлахъ, а не въ скалахъ, и что конечное назначеніе богатства заключается въ производствѣ возможно большаго количества человѣческихъ существъ съ могучей грудью, съ острымъ зрѣніемъ, съ радостнымъ сердцемъ; что самый доходный изъ всѣхъ видовъ національной промышленности — изготовленіе душъ хорошаго качества. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы считать пріобрѣтеніе денегъ единственнымъ богатствомъ страны, настоящая политическая экономія,—или, лучше сказать, человѣческая экономія,—должна была бы учить народы стремиться и трудиться для пріобрѣтенія вещей, приводящихъ къ жизни, и презирать и уничтожать вещи, ведущія къ разложенію».

Итакъ богатство, какъ его понимаютъ финансисты и экономисты, оказывается врагомъ, врагомъ не только художественной красоты природы, но и соціалнаго счастья. Это вещь нехорошая со всѣхъ точекъ зрѣнія и слѣдовательно незаконная. Какъ! послышатся восклицанія—не можетъ быть законнаго богатства? Большого—нѣтъ,—отвѣчаетъ Рёскинъ. «Въ чемъ законное основаніе богатства? Въ томъ, что человѣкъ трудящійся долженъ получать полное вознагражденіе за свой трудъ и, если онъ не хочетъ тратить его сегодня, то имѣетъ право сохранить его и истратить завтра. Такимъ образомъ ремесленникъ, работающій каждый день и каждый день по немногу откладывающій становится наконецъ обладателемъ нѣкоторой накопленной суммы, на которую онъ имѣетъ неотъемлемое право. Въ сферѣ общественной жизни прежде всего необходимо выяснить въ національномъ сознаніи ту истину, что *работникъ имѣетъ право хранить то, что онъ справедливо пріобрѣлъ*. До этого пункта мы согласны съ экономистами и охотно додопускаемъ неравенство состояній. Но только крупныя богатства создаются не этимъ путемъ. Никто не становится очень богатымъ благодаря своему собственному труду и своей бережливости. Тутъ всегда играютъ роль доходы съ чужого труда. А это уже несправедливое основаніе богатства: власть тѣхъ, кто обладаетъ деньгами и употребляетъ ихъ на пріобрѣтеніе денегъ надъ тѣми, кто зарабатываетъ деньги». Изъ этого не слѣдуетъ, что всякая вообще власть незаконна. Изъ этого не слѣдуетъ, что мірѣ должны существовать одни работники и никого больше, чтобы управлять ихъ работой и давать имъ орудія. Изъ этого не слѣдуетъ, что правы соціалисты полагающіе, что можно обойтись безъ «капитановъ труда». Но экономисты заблуждаются, утверждая, что хозяинъ можетъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, за которыми уже вспыхиваетъ стачка, присваивать себѣ всѣ доходы съ труда; прошу васъ замѣтить, что быть капитаномъ труда и извлекать всѣ выгоды изъ труда — далеко не одно и тоже.

Если вы генералъ арміи, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что вы должны завладѣть всѣми сокровищами и всей территоріей, которую она завоевала. Незаконно не вознагражденіе хозяина за его умственный трудъ и нравственныя заботы, незаконна прибыль, получаемая этимъ хозяиномъ или этимъ капиталистомъ исключительно на свой капиталъ, то, что церковь называетъ «гнусной плодовитостью денегъ». Это не просто богатство, а слишкомъ большое богатство, которое клеймили святые отцы.

Но что собственно значитъ, «слишкомъ большое богатство»? Можно сказать!—научный терминъ! воскликнетъ экономистъ. Какъ можетъ вещь справедливая до извѣстной цифры стать несправедливой выше этой цифрѣ — и какую цифру вы назначите? Какимъ чудомъ то, что было законно въ рукахъ рабочаго, откладывавшаго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ часть заработка, станетъ незаконнымъ въ рукахъ его внука, состояніе котораго съ наросшими на него процентами достигаетъ нѣсколькихъ милліоновъ? Правильная финансовая операція останется правильной сколько бы нолей вы не прибавили къ ея суммѣ.— Ну да, математически все это вѣрно, но съ человѣческой и съ общественной точки зрѣнія далеко не такъ вѣрно. Въ противоположность математическимъ уравненіямъ, къ человѣческимъ уравненіямъ примѣшиваются нѣкоторые моральные элементы, спутывающіе всѣ разсчеты, нѣкоторыя истины, доведенныя до извѣстнаго пункта становятся заблужденіями и нѣкоторыя права, дойдя до извѣстной ступени превращаются въ беззаконія: *summum jus*, *summa injuria*. Въ теоріи большой капиталъ законно пріобрѣтенный можно съ полнымъ правомъ и употреблять. Въ дѣйствительности своимъ появленіемъ онъ разоряетъ и своей тяжестью давитъ маленькія соперничающія предпріятія, возникающія рядомъ съ нимъ. «Деньги представляютъ собой теперь буквально тоже самое, что въ прежнее время скалы на проѣзжей дорогѣ. Бароны честно сражались между собой, чтобы завоевать ихъ; самый сильный и самый ловкій овладѣвалъ ими. Тогда онъ укрѣплялъ ихъ и заставлялъ проходящихъ платить пошлину. Капиталъ въ настоящее время играетъ буквально туже роль, какъ эти скалы. Люди сражаются между собой честно (по крайней мѣрѣ мы допускаемъ это, хотя далеко не безпристрастіе руководитъ ими), чтобы пріобрѣсти деньги. Но овладѣвъ ими, почувствовавшій свою силу милліонеръ можетъ заставить всякаго проходящаго платить дань его милліонамъ, изъ денегъ онъ строитъ новую крѣпость. И могу васъ увѣрить, что бѣдные прохожіе страдаютъ теперь не меньше отъ барона денежнаго мѣшка, чѣмъ прежде отъ барона придорожной скалы...»

И если намъ скажутъ, что въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго, такъ какъ это непосредственный и неизбѣжный результатъ «борьбы за существованіе», то мы отвѣтимъ, что высочайшая неправда нашего времени заключается именно въ этой ужасной братоубійственной

свалкѣ, которую ученые любезно окрестили именемъ «борьбы за существованіе». Мы во всеуслышанье проклинаемъ эту жестокую, презрѣнную, языческую безпощадную борьбу, гдѣ самые умные, самые предусмотрительные, самые проницательные разоряютъ слабыхъ умомъ, волею и сообразительностью.

«Не удивительно-ли, что мы стыдимся пользовать своей физической силой, чтобъ вытѣснять болѣе слабыхъ товарищей съ удобныхъ мѣстъ и въ тоже время безъ малѣйшаго колебанія пользуемся своимъ умственнымъ превосходствомъ, чтобы лишать ихъ всего того, чего можно достичь съ помощью умственнаго превосходства?—Вы пришли бы въ негодованіе, увидѣвъ какъ какой нибудь сильный малый, насильно усаживается за столъ, гдѣ кормятъ голодныхъ дѣтей и черезъ ихъ головы протягиваетъ руку, чтобы отнять у нихъ хлѣбъ. Но вы не чувствуете ни малѣйшаго негодованія, когда тоже самое дѣлаетъ человѣкъ сильнаго ума и быстраго соображенія, обладающій вмѣсто хорошихъ рукъ значительно болѣе цѣннымъ даромъ—хорошей головой. Вамъ кажется, что онъ совершенно правъ, вырывая хлѣбъ изо рту у всѣхъ остальныхъ жителей города, занимающихся одинаковой съ нимъ дѣятельностью!...»

Но,—скажетъ экономистъ, эта конкуренція или, если угодно, эта борьба составляетъ самую душу промышленности! Безъ нея не можетъ быть ни соревнованія, ни прогресса, никакихъ дѣлъ, никакихъ предпріятій, а слѣдовательно не можетъ быть и заработка для рабочихъ! Пускай она давитъ по временамъ какого-нибудь неосторожнаго, какого-нибудь неловкаго конкурента—это грустно, но не избѣжно—это законъ всякаго прогресса. Но если промышленникъ отдаетъ весь свой доходъ рабочимъ, не имѣя притомъ ни малѣйшей возможности заставить ихъ нести участіе въ убыткахъ, то, конечно это очень похвально. Если предприниматель воздерживается отъ всякой конкуренціи, могущей разорить менѣе богатыхъ или менѣе ловкихъ соперниковъ, то это, конечно, очень назидательно. Только результатомъ этого похвальнаго, назидательнаго, рёскиньянскаго образа дѣйствій будетъ по всей вѣроятности медленное разореніе этого предпринимателя, и могутъ возникнуть такія затруднительныя обстоятельства, такой кризисъ, что онъ долженъ будетъ или нарушить Брандвудское евангеліе, или умереть съ голоду...

«Ну, чтожъ,—спокойно отвѣчаетъ Рёскинъ,—онъ умретъ съ голоду». И если надо чему-нибудь удивляться, то только удивленію, какое вызоветъ этотъ отвѣтъ. Развѣ это первый случай, когда человѣкъ во время большой общественной опасности, пожертвуетъ жизнью за ближнихъ? Задавались ли вы когда-нибудь вопросомъ, почему торговая профессія пользуется такимъ малымъ уваженіемъ въ мірѣ по сравненію съ профессіей солдата? «Съ философской точки зрѣнія трудно понять, почему мирный и разсудительный человѣкъ, ремесло котораго купля и продажа, долженъ пользоваться меньшимъ почтеніемъ чѣмъ человѣкъ

военный и по большей части мало разсудительный, ремесло котораго убійство. Тѣмъ не менѣе общественное мнѣніе всего человѣчества наперекоръ философамъ всегда отдавало предпочтеніе солдату...

«И это справедливо.

«Въ сущности на самомъ дѣлѣ ремесло солдата заключается не въ томъ, что онъ убиваетъ, а въ томъ, что *онъ даетъ убивать себя*. И за это чтитъ его міръ. Убійство ремесло убійцы. Міръ никогда не чтилъ убійцъ. Причина по которой онъ чтитъ солдата заключается въ томъ, что онъ отдаетъ свою жизнь на служеніе государству. Купецъ же, само собой подразумѣвается, дѣйствуетъ эгоистично. Конечно его трудъ можетъ быть необходимъ для общества, но всѣ отлично знаютъ, что имъ руководитъ намѣреніе быть полезнымъ не обществу, а самому себѣ. Такимъ образомъ изъ пяти профессій, необходимыхъ для жизни націи онъ занимается именно той, которая не сопряжена никогда ни съ какой опасностью.

«Солдатъ долженъ лучше умереть, чѣмъ покинуть свой постъ во время сраженія.

«Докторъ—чѣмъ покинуть свой постъ во время эпидеміи;

«Священникъ—чѣмъ проповѣдывать ложное ученіе.

«Судья—чѣмъ постановить несправедливый приговоръ.

«А купецъ? Въ какомъ случаѣ можетъ онъ дать убить себя? Это основной вопросъ, который можно задать купцу, какъ и всякому изъ насъ, такъ какъ, поистинѣ, человѣкъ, не знающій въ какомъ случаѣ онъ долженъ умереть, не знаетъ какимъ образомъ онъ долженъ жить!»

Такъ вотъ для купца, значеніе котораго все растетъ въ современномъ обществѣ, для фабриканта, для промышленника, которые являются теперь въ роли настоящихъ вождей народа, могутъ также представиться случаи самопожертвованія во имя общаго блага. Есть обстоятельства, когда онъ можетъ, подобно солдату, выказать самоотреченіе, которое подыметъ его до уровня солдата, если только онъ съумѣетъ понять общественный долгъ, какъ понимаютъ воинскій долгъ, понять и выполнить его. И когда общественный долгъ требуетъ пожертвовать своимъ богатствомъ, скорѣе чѣмъ разорить своихъ конкурентовъ или понизить заработную плату рабочихъ, онъ долженъ это сдѣлать.

Съ какой бы точки зрѣнія мы не смотрѣли—съ точки зрѣнія эстетичности природы, которую оскверняетъ и обезображиваетъ спекуляція или съ точки зрѣнія мелкаго люда, который она обираетъ и пожираетъ,—богатство во всякомъ случаѣ зло. Такъ-называемая богатая страна также мало можетъ похвалиться своей красотой какъ и своимъ счастьемъ. Культъ Маммона также немыслимо согласовать съ общественной справедливостью, какъ и съ религіей красоты.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КРУТОЙ ПОДЪЕМЪ.

Повѣсть Корнуэлля Лега.

Переводъ съ англійскаго Н. Кургановой.

I.

— Они должны бы быть уже здѣсь, — сказала лэди Макъ-Альпайнъ.—Теперь пять часовъ, а поѣздъ приходитъ въ Баллатеръ безъ десяти минутъ три. Да, вотъ, кажется, и карета.

Все общество, находящееся на террассѣ, стало смотрѣть съ большимъ или меньшимъ интересомъ на извивающуюся бѣлую линію, прорѣзывающую лѣсъ и вересковую степь. Собравшееся здѣсь общество принадлежало къ числу гостей, пользующихся гостепріимствомъ лорда Макъ-Альпайнъ въ его помѣстьѣ въ горной Шотландіи. Оно состояло изъ полудюжины хорошенькихъ дѣвушекъ, такого же числа молодыхъ дамъ и большаго, чѣмъ обыкновенно, числа мужчинъ, такъ какъ ужасная жара заставила ихъ сегодня рано прекратить охоту.

Достопочтенный Дугальдъ Гордонъ находился въ очень скверномъ расположеніи духа. Спортъ представлялъ для него одну изъ немногихъ прелестей жизни. Обладая желѣзнымъ здоровьемъ, молодой человѣкъ столько же обращалъ вниманія на жару и холодъ, какъ на укусы комара. Онъ выходилъ изъ себя при мысли о потерѣ трехъ драгоцѣнныхъ часовъ охоты. Утѣшить его и развеселить не могли даже настойчивыя усилія прекрасной миссъ Никольсонъ, сидящей рядомъ съ нимъ. Дугальдъ не желалъ замѣчать ни хорошенькой ножки, выглядывающей изъ-подъ складокъ прелестнаго розоваго платья, ни пухлыхъ, бѣлыхъ ручекъ, держащихъ ракету для игры въ теннисъ. Ему не доставляло ни малѣйшаго удовольствія смотрѣть на улыбающееся лицо, такъ хорошо выдѣляющееся въ тѣни большого зонтика. Вообще Дугальдъ совершенно не поддавался очарованію болтовни молодой дѣвушки, приправленной тонкой лестью, обыкновенно столь привлекательной для молодого человѣка.

— Кто долженъ пріѣхать сегодня? — спросила миссъ Никольсонъ, отворачиваясь наконецъ отъ своего неразговорчиваго сосѣда. — Ваши дѣти съ гувернанткой, м-съ Гаскойнъ?

— Да, и съ ними сестра Фэбе,—отвѣтила старшая дочь лэди Макъ-Альпайнъ.

— Сестра Фэбе?—повторила миссъ Никольсонъ.—Кто это?

— Она, собственно говоря, не сестра милосердія, а только дьякониса, но дьякониссы зовутъ другъ друга сестрами. Фэбе походитъ на монахиню въ чепцѣ и черномъ платьѣ. Она наша дальняя родственница, которую мы не видѣли нѣсколько лѣтъ. Я очень ее любила, когда она была маленькой, и мы надѣялись оставить ее у себя послѣ смерти отца, умершаго два года тому назадъ. Но наше приглашеніе было напрасно: она отвѣтила, что вступила въ общину дьякониссъ и не можетъ бросить свою работу. Когда я была въ этомъ году въ Лондонѣ, я видѣлась съ нею. Кучеръ съ большимъ трудомъ нашелъ это мѣсто. Это самая отдаленная часть Лондона, ужасно грязная и, конечно, переполненная рабочими въ докахъ, кабаками, продавцами рыбы и т. п.

— И вы нашли вашу кузину въ кабакѣ или за прилавкомъ лавочника?—со злостью освѣдомился Дульгадъ, заинтересовываясь новымъ предметомъ разговора.

— Нѣтъ, хотя я думаю, ей приходится иногда посѣщать кабаки, чтобы уводить оттуда пьяныхъ отцовъ семейства и т. п.

Дугальдъ слегка приподнялъ брови.

— Настойчивая молодая особа,—промолвилъ онъ.

— О, да, очень. Фэбе всегда была такой. Еще когда она была хорошенькой, веселой, кудрявой малюткой, отецъ ея говорилъ, что если она что заберетъ себѣ въ голову, нѣтъ возможности разубѣдить ее.

— Она была очень хорошенькой, выйдя изъ дѣтскаго возраста,—замѣтила лэди Макъ-Альпайнъ.—Я не видѣла ее съ тѣхъ поръ. Теперь ей должно быть двадцать-два, нѣтъ двадцать три года.

— Двадцать-три. Въ монастырѣ она пробыла два года. Я зову это мѣсто монастыремъ, да оно, и похоже на монастырь, но дьякониссы зовутъ его «Убѣжище Св. Маріи».

— Какое смиренье!—воскликнула миссъ Никольсонъ.—Я могу еще понять дѣвушекъ, идущихъ въ сестры милосердія. Въ этомъ есть что-то романтичное, прекрасное и полутаинственное. Но быть *дьякониссой* и жить въ Убѣжищѣ!..

— Въ чемъ заключаются обязанности дьякониссы? — полюбопытствовалъ Дугальдъ.

Тутъ терпѣніе миссъ Никольсонъ окончательно истощилось и она коротко отвѣтила:

— Я не могу точно объяснить вамъ этого. Самое лучшее обратитесь за разъясненіемъ къ сестрѣ Фэбе, когда она пріѣдетъ.

— Онѣ посѣщаютъ и помогаютъ бѣднымъ въ извѣстной мѣстности,—пояснила м-съ Гаскойнъ.

— Для чего же вы пригласили ее сюда? — спросилъ Дугальдъ. —

Развѣ мы нуждаемся въ благотворительности? Можетъ быть, сестра Фэбе будетъ строить насъ въ ряды на террасѣ и читать мораль или же изгонять насъ изъ билліардной, если мы тамъ засидимся?

Дурное расположеніе духа молодого человѣка исчезло; да оно впрочемъ никогда долго не продолжалось, если на него не обращали вниманія и не старались развеселить.

— Я пригласила бѣдняжку, такъ какъ нашла ее очень похудѣвшей и переутомленной и подумала, что только свѣжій горный воздухъ возстановитъ ея силы. Главная дьякониса—матушка, какъ зовутъ ее, была въ восторгѣ, что могла отпустить Фэбе. Каждой дьякониссѣ даются ежегодно три недѣли отдыха, а такъ какъ послѣдній годъ Фэбе не воспользовалась ими, то теперь она можетъ располагать шестинедѣльнымъ отпускомъ. Она не могда выѣхать со мною, а потому я предложила ей пріѣхать вмѣстѣ съ дѣтьми и фрейленъ.

— Она пробудетъ здѣсь шесть недѣль?—спросила одна изъ молодыхъ дѣвушекъ.—Не будетъ ли она здѣсь испытывать такого чувства, какъ рыба, вынутая изъ воды?

— Именно этого я и боюсь,—замѣтила лэди Макъ-Альпайнъ.—Но Маргаритѣ захотѣлось непремѣнно привезти ее сюда, а потому на ней лежитъ отвѣтственность, чтобы Фэбе чувствовала себя здѣсь счастливой и...

— Не надоѣла бы другимъ,—прервалъ кто-то, смѣясь.

— О, я отвѣчаю за Фэбе. Я увѣрена, что здѣсь найдется достаточно мѣста и для нея, и для васъ, остальной веселой молодежи—отвѣтила на это м-съ Гаскойнъ, чье добродушіе вошло въ поговорку.

— Вотъ и они!—воскликнула м-съ Гаскойнъ, когда послышался шумъ колесъ въ аллеѣ.

Карета остановилась у подъѣзда. Дѣти бросились въ объятія матери.

Нѣсколько минутъ спустя все общество вышло на террасу и взоры Дугальда, равно какъ и остальныхъ, обратились на предметъ ихъ недавняго разговора.

Фэбе была стройная дѣвушка средняго роста. Черная соломенная шляпа съ длиннымъ вуалемъ, завязанная подъ подбородкомъ бѣлыми лентами и окаймленная бѣлымъ рюшемъ, простое черное платье и длинная накидка, достающая до земли, казались не соотвѣтсвующими ни возрасту молодой дѣвушки, ни жаркому августовскому дню. Костюмъ Фэбе представлялъ странный контрастъ съ костюмами остального общества; Фэбе-дьяконисса совсѣмъ не гармонировала съ окружающей ее теперь обстановкой.

Глаза Дугальда были устремлены на лицо дьякониссы, когда она подошла поздороваться съ лэди Макъ-Альпайнъ.

— Нѣтъ, она не хорошенькая, — рѣшилъ онъ про себя. Говорили, будто бы она была хороша собой; молодой человѣкъ чувствовалъ себя теперь разочарованнымъ.

Лицо молодой дѣвушки было блѣдно, глаза окружены темными кругами.

— Снимите шляпу и накидку, дорогая Фэбе, — воскликнула м-съ Гаскойнь.—Вамъ, должно быть, такъ жарко.

— Стыдно скрывать ваши прекрасные волосы, — прибавила лэди Макъ-Альпайнъ.—Я припоминаю, они у васъ были такіе густые и доходили почти до колѣнъ.

Фэбе улыбнулась и сняла шляпу. Голова ея, подобно головѣ школьника, была коротко острижена за исключеніемъ переднихъ локоновъ, падающихъ на лобъ и оставленныхъ на столько длинными, чтобы ихъ можно было раздѣлить проборомъ и пригладить щеткою.

— Вы видите, мнѣ лучше въ шляпѣ,—промолвила Фэбе съ улыбкой.—Въ убѣжищѣ я, конечно, ношу чепчикъ.

— Для чего же васъ заставили обрѣзать ваши прекрасные волосы?— съ сожалѣніемъ спросила хозяйка дома.—Неужели добродѣтель состоитъ въ обезображиваніи себя, дорогая Фэбе?

— Мы обрѣзываемъ наши волосы главнымъ образомъ въ виду экономіи времени при одѣваніи,—просто отвѣчала молодая дѣвушка,— и нашу форменную одежду мы носимъ для безопасности. Народъ знаетъ насъ по ней и мы можемъ ходить свободно всюду, гдѣ намъ угодно.

— Но Фэбе не станетъ носить своего мундира здѣсь, — торжествующе заявила м-съ Гаскойнь.—У меня есть особое разрѣшеніе матушки одѣвать ее въ простыя платья, пока она съ нами. Мы и заказали нѣсколько новыхъ костюмовъ, только ихъ еще не прислали. Здѣсь вы не должны работать, дорогая. Садитесь въ это кресло, я увѣрена, вы найдете его болѣе удобнымъ, чѣмъ то, какое вы предложили мнѣ въ Убѣжищѣ, и выпейте чашечку чаю.

Къ общему удивленію лѣнивый м-ръ Гордонъ поднялся съ своего мѣста и взялъ на себя трудъ поднести дьякониссѣ вазу съ фруктами. Теперь въ первый разъ Фэбе взглянула на него, когда онъ стоялъ подлѣ нея, предлагая ей фрукты.

— М-ръ Гордонъ, миссъ Фэбе Гардуикъ,—представила ихъ другъ другу м-съ Гайсконь. — Самый лѣнивый и вообще безполезный человѣкъ между моими знакомыми.

Фэбе улыбнулась. Она выглядѣла гораздо моложе и красивѣе, когда улыбалась. Обыкновенно выраженіе ея лица было серьезно: она привыкла видѣть жизнь съ тяжелой и печальной стороны, а такое выраженіе не всегда идетъ дѣвушкѣ въ двадцать три года.

— Сегодня роли наши перемѣнились, — сказала молодая дѣвушка, смотря ясными, простодушными глазами на сильнаго, молодого гиганта.— Благодарю васъ. Мнѣ кажется такъ странно, — прибавила она обращаясь къ м-съ Гаскойнь, — сидѣть спокойно и принимать услуги другихъ.

Дугальдъ постоялъ минуту, ожидая, что съ нимъ заговорятъ, какъ

заслуживало того его необыкновенное вниманіе; однако Фэбе продолжала разговаривать съ м-съ Гаскойнь, не обращая больше на него никакого вниманія. Молодой человѣкъ скоро отошелъ такимъ же сердитымъ, какъ былъ раньше, хотя на этотъ разъ не могъ бы точно объяснить причины почему.

II.

Въ замкѣ Гленъ-Тюллохъ существовалъ прекрасный обычай, отъ котораго отступали только въ дни званыхъ обѣдовъ; каждый джентельменъ пользовался правомъ свободнаго выбора дамы, чтобы вести ее къ столу.

Когда Дугальдъ сошелъ внизъ, онъ увидѣлъ въ гостиной группы болтающихъ и смѣющихся дамъ, затѣмъ взглядъ его упалъ на Фэбе, одиноко стоящую, съ такимъ серьезнымъ выраженіемъ лица, будто ее всецѣло поглощала какая-то глубокая мысль.

Не отдавая себѣ отчета почему, м-ръ Гордонъ направился къ дѣвушкѣ, даже не взглянувшей на него при его приближеніи, и спросилъ: не удостоитъ ли она его чести вести ее къ столу.

— Какъ, Фэбе, у васъ уже есть кавалеръ? — сказала нѣсколько удивленная м-съ Гаскойнь, когда минутою позже она подвела къ дьякониссѣ молодого викарія съ кроткимъ лицомъ, выбраннаго ею, какъ наиболѣе подходящаго собесѣдника для ея *protegée*.

— Можетъ быть, вы предпочли бы общество викарія? — хотѣлось спросить Дугальду, когда м-съ Гаскойнь и викарій отошли; однако молодой человѣкъ не былъ увѣренъ, не покажется ли подобный вопросъ дерзостью дьякониссѣ, а то, пожалуй, чего добраго она отвѣтитъ утвердительно, что означало бы его пораженіе. О чемъ онъ долженъ разговаривать съ Фэбе? Не слишкомъ ли опрометчиво поступилъ онъ, предложивъ ей свое общество и обязавшись занимать ее два часа сряду? О чемъ они будутъ говорить все это время? Можетъ быть, правила ея ордена запрещали ей разговаривать съ мужчинами.

Странная пара молча вошла въ столовую.

Фэбе принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые говорятъ тогда, когда есть о чемъ говорить, а Дугальдъ къ тѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, которые не любятъ говорить сами, предпочитая, чтобы другіе занимали ихъ разговоромъ. Въ данную минуту было очевидно, что ему хотѣлось нарушить молчаніе. Молодой человѣкъ сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи, когда они развертывали салфетки, приготовляясь къ длинному обѣду.

— Мнѣ очень хотѣлось бы знать, что вы думали о всѣхъ насъ сегодня вечеромъ, когда я подошелъ къ вамъ въ гостиной?—началъ Дугальдъ.

Отвѣтъ былъ чистосердеченъ и простъ:

— Я думала о своихъ и о томъ, какъ невозможно, совершенно невозмножно было бы имъ понять такой образъ жизни, точно также какъ и всѣмъ здѣсь присутствующимъ, на которыхъ я смотрѣла, трудно понять условія жизни бѣдняковъ. Это совершенно два различныхъ міра—жизнь здѣсь и тамъ.

— Вы философъ, миссъ Гардуикъ.

Дугальду хотѣлось назвать ее сестра Фэбе, но онъ снова ужаснулся своей мысленной дерзости.

— Скорѣе сторонница истины, мнѣ кажется, — отвѣтила молодая дѣвушка,—и я думаю, что постигнуть справедливость также трудно, какъ мудрость.

— Вы думали о несправедливости настоящаго распредѣленія собственности?—спросилъ Дугальдъ, не совсѣмъ ясно понявшій ея мысль.

— Я думала объ этомъ всю свою жизнь,—спокойно сказала Фэбе,—и удивлялась, какъ богатые могутъ наслаждаться роскошью и чувствовать себя счастливыми въ то время, какъ бѣдняки нуждаются въ самомъ необходимомъ. Мы, живя среди нихъ, хорошо знаемъ ихъ жизнь. Теперь же мнѣ кажется, я немного яснѣе постигаю причину: они не могутъ понять.

Наступила пауза, въ продолженіе которой Дугальда заняла разговоромъ прелестная, молодая м-съ Сентъ-Джонъ, его сосѣдка съ лѣвой стороны, сумѣвшая такъ заинтересовать его, что только къ концу обѣда онъ могъ заняться Фэбе. На этотъ разъ молодой человѣкъ началъ съ общихъ мѣстъ о ея путешествіи. Наслаждалась ли она имъ или жара была слишкомъ велика? Фэбе, которой казалось, что въ благодарность за оказываемое ей гостепріимство на ней лежитъ обязанность постараться стать въ гармонію съ окружающей ее теперь обстановкой, отвѣчала довольно оживленно. Она наслаждалась своимъ путешествіемъ съ начала до конца и совершенно забыла о жарѣ съ той минуты, какъ они выѣхали изъ Лондона.

— Я выросла въ деревнѣ и для меня было наслажденіемъ чувствовать себя снова среди зеленыхъ луговъ и полей.

— Я также ненавижу Лондонъ,—замѣтилъ Дугальдъ, забывая при этомъ, что его знакомство съ этимъ городомъ было нѣсколько иное, чѣмъ ея.

— А по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ сѣверу, предъ нами открывались чудные виды моря,—съ этузіазмомъ продолжала Фэбе.—Глядя сверху на море, можно было подумать, что находишься на пути изъ Castell-la-Mare въ Сорренто. При видѣ моря я почувствовала страстное желаніе вновь очутиться на немъ и рѣшила возвратиться моремъ черезъ Глазго.

— Вы любите море?—спросилъ Дугальдъ.—Въ такомъ случаѣ мы сходимся съ вами въ этомъ, миссъ Гардуикъ, — и онъ сталъ разсказывать Фэбе о своей яхтѣ «Блуждающій Огонекъ», на которой онъ

намѣревался нынѣшней осенью предпринять путешествіе къ Шотландскимъ островамъ, и описывать прежнія поѣздки по фіордамъ Норвегіи, по спокойнымъ водамъ Средиземнаго моря и въ другихъ частяхъ свѣта.

Фэбе слушала Дугальда съ живымъ интересомъ. Для нея море имѣло странное очарованіе, она питала къ нему любовь, врожденную нѣкоторымъ людямъ. Только разъ ѣздила она за границу, въ Италію, въ послѣднюю зиму жизни матери, и эта поѣздка пробудила въ ней стремленіе къ путешествіямъ. Стремленіе это, равно какъ и любовь къ морю, были подавлены трудовой жизнью молодой дѣвушки въ послѣдніе два года, но не убиты окончательно.

— Ахъ, какъ бы я наслаждалась этимъ! — невольно вырвалось у нея въ концѣ разсказа объ ужасной бурѣ, выдержанной яхтой у Гебридскихъ острововъ.

— Я бы охотно пригласилъ васъ на бортъ «Блуждающаго огонька»,— отвѣтилъ на это Дугальдъ.—Яхта...

Тутъ рѣчь его была прервана необыкновеннымъ образомъ.

Дьякониса внезапно поднялась, закрыла глаза и сложила руки. На другомъ концѣ стола викарій шепталъ благодарственную молитву. Дугальдъ, почти позабывшій, что означаетъ церемонія, съ удивленіемъ взглянулъ на свою собесѣдницу, единственную поднявшуюся особу. Когда она снова сѣла, молодой человѣкъ почувствовалъ, что ему лучше всего заговорить съ своей другой сосѣдкой и не подавать виду, что онъ замѣтилъ необыкновенное поведеніе Фэбе. И именно въ то время, когда онъ оказывалъ ей величайшую честь, на которую былъ способенъ по отношенію къ женщинѣ, высказавъ желаніе видѣть ее на «Блуждающемъ огонькѣ». Теперь онъ стыдился ея и снова сталъ мраченъ.

Когда мужчины оставили столовую и присоединились къ дамамъ, Фэбе не было между послѣдними. Фрейлейнъ страдала сильной головной болью и дьякониса отправилась ухаживать за нею и посмотрѣть, какое лекарство можно было дать больной. Остатокъ вечера Фэбе провела въ классной и присоединилась къ обществу, только чтобы пожелать спокойной ночи.

Дугальдъ воспользовался представившимся случаемъ, когда она обмѣнялась съ нимъ рукопожатіемъ, чтобы сказать:

— Сегодня вечеромъ я разсказалъ вамъ такъ много о себѣ и своихъ поступкахъ, а потому надѣюсь, въ другой разъ вы разскажете что-нибудь мнѣ о себѣ и о вашей жизни.

По лицу молодой дѣвушки пробѣжала тѣнь. Въ одну минуту оно снова стала серьезно. Не подумала ли она о контрастѣ между его жизнью и своей или, можетъ быть, она говорила себѣ: «Развѣ онъ пойметъ?»

III.

Въ продолженіе нѣсколькихъ послѣдующихъ дней Дугальдъ мало видѣлъ Фэбе. Охота занимала почти все время мужчинъ и ему не представлялось болѣе удобнаго случая вести ее къ столу. Слишкомъ бросилось бы въ глаза, если бы онъ вторично подошелъ просить ее объ этомъ, а Фэбе сама ничѣмъ не старалась дать ему понять, желаетъ ли она этого, какъ сдѣла бы всякая другая дѣвушка на ея мѣстѣ. Между тѣмъ Фэбе наслаждалась жизнью при условіяхъ, преставляющихъ рѣзкій контрастъ не только съ ея жизнью за послѣдніе года, но и со всей ея предыдущей жизнью. Роскошь замка Гленъ-Тюллохъ, прекрасная обстановка въ комнатѣ, гдѣ она спала, заставляли молодую дѣвушку чувствовать себя въ положеніи Алладина. Вначалѣ эта роскошь казалась Фэбе грѣховной, затѣмъ она почувствовала ея прелесть и, наконецъ, стала относиться къ ней, какъ и всѣ остальные гости.

Но лучше всего были горы, вѣчно мѣняющія свой видъ при смѣнѣ освѣщенія и тѣней, когда мягкія волны разсѣивающагося тумана неслись къ небу.

Фэбе испытывала огромное удовольствіе, созерцая горы, прогуливаясь въ сосновомъ лѣсу, тянущемся за замкомъ, и вдыхая свѣжій, живительный воздухъ шотландскихъ горъ. Свѣжесть молодости воскресла въ молодой дѣвушкѣ. Щеки ея снова покрылись нѣжнымъ румянцемъ. Воздухъ, напоенный запахомъ вереска, сдѣлалъ новое существо изъ сестры Фэбе, какъ торжествующе замѣтила м-съ Гаскойнь.

Было воскресенье. Фэбе, незамѣтно ускользнувшая отъ другихъ, спустилась съ террасы и любовалась самымъ своимъ любимымъ видомъ. Замокъ Гленъ-Тюллохъ былъ выстроенъ на склонѣ горы, круто подымавшейся за нимъ, подошва же ея спускалась не такъ круто къ берегамъ рѣки Ди.

Молодая дѣвушка стояла одна у террасы, прислушиваясь къ шуму вѣтра на горѣ между лиственницами и рокоту рѣки у ея ногъ. Глаза ея были устремлены на западъ, гдѣ по странному контрасту съ каждой стороны хребта темныхъ горъ виднѣлось нѣсколько отдаленныхъ покрытыхъ снѣгомъ вершинъ, казавшихся прозрачными. Ясная лазурь между ними казалась далекимъ видѣніемъ неба, пробившимся сквозь тяжелыя, сѣрыя тучи, покрывающія небосклонъ съ востока, юга и сѣвера.

Эти черныя, низкія тучи, скрывавшія небо почти весь день, казались Фэбе прообразамъ ужасной нищеты, грѣха и несчастія, окружавшихъ ее послѣдніе годы въ Лондонѣ и гнетущихъ иногда такъ тяжело, что у нея опускались въ безсиліи руки и предпринятое дѣло казалось безнадежнымъ. А отдаленныя блестящія вершины знаменовали для Фэбе заоблачный край, куда она желала бы попасть не только сама, но при-

вести тѣхъ, кого она узнала и въ бѣдныхъ, невѣжественныхъ душахъ которыхъ зажглась искра Божественной любви.

Возвращаясь съ длинной прогулки по горамъ съ собаками, Дугальдъ замѣтилъ одинокую особу, стоящую у террасы. Онъ сразу узналъ высокую фигуру Фэбе и немедленно повернулъ къ ней. Раньше чѣмъ молодая дѣвушка очнулась отъ своей мечтательности и могла замѣтить Дугальда, онъ глядѣлъ на ея лицо, на которомъ было странное задумчивое выраженіе. Что могла она видѣть такого, что заставляло ее смотрѣть передъ собою такимъ удивленнымъ и пристальнымъ взглядомъ? ¿Что она видѣла?

Съ точки зрѣнія молодого человѣка закатъ солнца былъ отвратителенъ, такъ какъ предвѣщалъ продолженіе сырой погоды и вѣтеръ, разгоняющій птицъ. На западѣ не было даже розовыхъ и золотыхъ облаковъ, приводящихъ женщинъ въ восторгъ, какъ онъ слышалъ. Фэбе должна была видѣть тамъ еще что-то кромѣ картины природы, что-то такое, что придавало ея лицу такое удивительно прекрасное выраженіе. Онъ медлилъ начать говорить. Но какъ это глупо съ его стороны! Что заставляло его испытывать другія чувства по отношенію къ незначительной дьякониссѣ, чѣмъ ко всякой другой женщинѣ. Дугальдъ полагалъ, что причиною этого была странность ея появленія въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ по своему положенію, и ея отчужденность отъ всѣхъ.

— Добрый вечеръ, миссъ Гардуикъ,—началъ онъ.

Они почти не встрѣчались и не говорили другъ съ другомъ до этого дня.

Фэбе обернулась, нисколько, повидимому, не пораженная его внезапнымъ появленіемъ и не разсерженная тѣмъ, что Дугальдъ своимъ привѣтствіемъ заставилъ ее очнуться отъ мечтательности. Она медленно и какъ бы съ сожалѣніемъ отвела свои взоры отъ яснаго заката и механически отвѣтила:

— Добрый вечеръ.

Затѣмъ Фэбе отступила на нѣсколько шаговъ назадъ и заговорила съ нимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Вы далеко гуляли сегодня? Я думаю, вы единственный человѣкъ, отважившійся на прогулку въ дождь.

— Я не въ силахъ просидѣть цѣлый день взаперти,—отвѣчалъ Дугальдъ,—такъ вотъ я взялъ съ собой прогуляться собакъ. Мы были на вершинѣ Крэгъ-конигъ и обогнули Куиндрайвъ.

— Четырнадцать миль! Это прекрасная прогулка для собакъ.—Молодая дѣвушка погладила мокрую голову собаки, прижавшуюся къ ней.

— На что вы смотрѣли, когда я подошелъ къ вамъ? — отрывисто спросилъ Дугальдъ.

— На закатъ, — отвѣчала Фэбе. Это былъ вполнѣ естественный отвѣтъ на его вопросъ.

— Однако, вы видѣли тамъ еще что-то кромѣ заката,—настаивалъ онъ, внутренно удивляясь своей смѣлости.

Правиломъ Дугальда въ разговорѣ съ обыкновенными женщинами было не сходить съ избитой дорожки, ему это казалось опаснымъ, но дьякониссы, очевидно, такъ отличались отъ обыкновенныхъ свѣтскихъ женщинъ.

Фэбе отвѣчала съ своей обычной прямотой.

— Дѣйствительно, я видѣла тамъ еще что-то иное кромѣ простого заката и думаю, каждый можетъ увидѣть то же, любусь природой.

— Но что же было *это иное*, вотъ что я желалъ бы знать,—допытывался Дугальдъ. Фэбе колеблясь молчала минуту, затѣмъ сказала:

— Боюсь, что не сумѣю этого хорошо объяснить вамъ. Наша жизнь идетъ такъ различно, что вамъ не понять моихъ мыслей, какъ и мнѣ вашихъ. Мнѣ кажется невозможнымъ объяснить вамъ это.

Дугальдъ взглянулъ на дьякониссу. Его вдругъ охватило внезапное, страстное желаніе заглянуть въ душу этой удивительной дѣвушки и хоть одну минуту взглянуть на вещи ея глазами. Быть можетъ, слово *невозможно* пробудило въ немъ желаніе британца совершить то, чего до него еще никто не дѣлалъ. Онъ желалъ знать, что дѣлало Фэбе столь отличной отъ всѣхъ знакомыхъ ему женщинъ, что заставило ее вести жизнь столь не похожую на жизнь, избираемую другими дѣвушками. Да, когда нибудь онъ сумѣетъ доказать Фэбе, что онъ не такъ неспособенъ, постичь ея тайну, какъ она спокойно ему заявила.

IV.

Какимъ же способомъ приняться за намѣченную задачу? Во-первыхъ, Дугальдъ долженъ узнать все, что можетъ, о ея жизни, относительно которой у него теперь очень смутное представленіе. Когда Дугальдъ попросилъ Фэбе, въ свою очередь разсказать ему что нибудь о своей жизни, онъ смотрѣлъ на это, какъ на нѣкотораго рода вознагражденіе съ ея стороны за то, что онъ занималъ ее такъ долго повѣтствованіями о себѣ и своихъ приключеніяхъ. Но въ данное время молодому человѣку дѣйствительно хотѣлось знать, какъ идетъ жизнь дьякониссы Фэбе, и потому ему было досадно видѣть, что Фэбе приняла предложенную ей руку викарія, когда онъ по своему обыкновенію послѣднимъ сошелъ внизъ.

Викарій съ дьякониссой сидѣли за столомъ противъ Дугальда и онъ могъ слышать отрывки ихъ разговора. Они говорили о миссіяхъ, о рабочихъ, о законахъ для бѣдныхъ и т. п. Вотъ человѣческая непослѣдовательность! Почтенный Гемпфри Фэрбенксъ немедленно по прибытіи въ замокъ увлекся не дьякониссой, а фешенебельной Кэтъ Никольсонъ. Сегодня вечеромъ онъ чувствовалъ себя жертвой долга и взоры его нерѣдко устремлялись на противоположную сторону стола, гдѣ Кэтъ изо всѣхъ силъ старалась занимать Дугальда.

Дугальдъ чувствовалъ, что расположеніе его духа становится все хуже и хуже при видѣ Фэбе, которая едва взглянула на него,—викарій, куда бы ни обращались его взоры, могъ о многомъ поговорить съ своей собесѣдницей.

Дугальдъ почти рѣшилъ оставить свое намѣреніе побесѣдовать съ Фэбе послѣ обѣда. Однако, въ такомъ случаѣ, она пожалуй просто не замѣтитъ его и онъ только самъ себя накажетъ. При этомъ предположеніи молодой человѣкъ мысленно простилъ дьякониссу и, придя въ гостиную, направился къ мѣсту, гдѣ она стояла.

— Вы играете, Фэбе?—спросила лэди Макъ-Альпайнъ.—Нѣтъ? И не поете?

— Нѣтъ,—отвѣчала та.—Я не обладаю этими талантами.

— Конечно, въ послѣднее время вамъ некогда было заниматься музыкой.

— О, совсѣмъ не потому,—улыбаясь возразила Фэбе съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ.—Я просто особа безъ всякихъ дарованій.

— За исключеніемъ способности любви,— произнесъ кто-то такъ тихо, что слова эти слышалъ только близко стоящій Дугальдъ. При этомъ фрейлейнъ бросила на дьякониссу взглядъ удивительной нѣжности. Фрейлейнъ пригласили въ гостиную аккомпанировать; въ воскресные вечера обыкновенно занимались музыкой и пѣніемъ. Когда м-съ Гаскойнъ начала играть похоронный маршъ Мендельсона, Дугальдъ предложилъ Фэбе сѣсть въ одной изъ оконныхъ нишъ, куда она любила уединяться съ книгою, и самъ сѣлъ рядомъ съ ней. Тихо бесѣдуя, они не могли мѣшать музыкантамъ. Дугальду представлялся теперь благопріятный случай для болѣе интимнаго разговора.

— Вотъ вопросъ, который я-бы желалъ предложить вамъ, миссъ Гардуикъ, кромѣ васъ никто не въ состояніи удовлетворительно и точно отвѣтить на него,—началъ Дугальдъ.—Что собственно подразумѣвается подъ словомъ *дьякониса?*

— Слуга—вотъ собственное значеніе этого слова. Женщина, которая служитъ людямъ.

Молодой человѣкъ не казался удовлетвореннымъ такимъ объясненіемъ.

— Какая же разница между дьякониссой и сестрой милосердія?

— Сестры налагаютъ на себя обѣты на всю жизнь, а мы нѣтъ. Въ этомъ, какъ мнѣ кажется, заключается главная разница. Около шести мѣсяцевъ послѣ моего поступленія въ «Убѣжище Св. Маріи» наша община почти готова была превратиться въ общину сестеръ,—продолжала Фэбе.—Нашей тогдашней настоятельницѣ, равно какъ и нѣкоторымъ изъ дьякониссъ, очень хотѣлось этой перемѣны. Но только именно въ это время въ «Убѣжище Св. Маріи» былъ назначенъ новый викарій, воспротивившійся принятію обѣтовъ на всю жизнь, а такъ какъ община наша составляетъ приходское учрежденіе, то и должны были подчиниться его желаніямъ.

— Развѣ вамъ самимъ не хотѣлось бы быть сестрой милосердія?— спросилъ Дугальдъ.

— Я не вижу, какую бы разницу эта перемѣна составила для дѣла. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ она могла бы вызвать только оппозицію. Я думаю, въ общемъ лучше оставаться такъ, какъ мы есть.

— Но лично вамъ?

— Мнѣ нечего выбирать. Когда жизнь та же самая, имя составляетъ такую незначительную разницу. Кромѣ того, я не думаю, чтобы для добросовѣстнаго исполненія своего дѣла требовались обѣты.

Въ продолженіе этой бесѣды Дугальдъ испытывалъ такое ощущеніе, будто внезапно задулъ съ горъ ледяной вѣтеръ и охватилъ его. Онъ такъ не привыкъ углубляться въ самого себя, что теперь чувствовалъ только дрожь, не угадывая ея причины.

— Разскажите мнѣ, какова ваша жизнь? Мнѣ бы такъ хотѣлось знать все о ней,—произнесъ онъ послѣ короткаго молчанія, въ продолженіе котораго чистый, пріятный голосъ у піанино съ грустью запѣлъ: «О, если бы у меня были крылья голубки!»

— Какъ же вамъ ее описать?

— Опишите мнѣ одинъ изъ вашихъ дней.

— Мы встаемъ въ шесть часовъ.

Дугальдъ внутренно застоналъ. Когда ему не нужно было отправляться на яхту или на какой-нибудь другой родъ спорта, онъ всегда позже всѣхъ являлся къ завтраку. Подумать только—вставать въ шесть часовъ утра въ городѣ!

— Въ половинѣ седьмого мы слушаемъ службу въ церкви св. Маріи,— продолжала Фэбе.—Затѣмъ мы убираемъ наши комнаты, подметаемъ корридоры и т. д. Въ восемь часовъ завтракаемъ. Съ половины девятаго до половины десятаго намъ дается часъ для чтенія библіи и молитвы. Послѣ того мы отправляемся на работу. Утромъ мы навѣщаемъ многихъ, особенно больныхъ. Послѣ у насъ митинги для взрослыхъ женщинъ и классы чтенія библіи, затѣмъ мы снова посѣщаемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ паціентовъ. Каждой изъ насъ викарій назначаетъ различную работу. Въ шесть часовъ вечера мы снова идемъ въ церковь, въ семь пьемъ чай, затѣмъ каждый вечеръ, за исключеніемъ субботы, у насъ вечерніе классы для рабочихъ. Ложимся въ десять, въ половинѣ одиннадцатаго всѣ огни должны быть потушены.

Дугальдъ снова застоналъ. Ничего въ жизни, кромѣ посѣщенія церкви, больныхъ и уроковъ.

— И это вы дѣлаете постоянно, каждый день!—воскликнулъ онъ.— И молодыя дѣвушки, подобныя вамъ, могутъ *избирать* такую жизнь?

Фэбе засмѣялась.

— О, мы не всегда дѣлаемъ одно и то же. Въ нашей работѣ много разнообразія, кромѣ постояннаго разнообразія людей, съ которыми мы

приходимъ въ соприкосновеніе. При нашей общинѣ есть небольшой госпиталь для оказанія помощи въ несчастныхъ случаяхъ, и нѣкоторыя изъ насъ постоянно работаютъ тамъ, а эта работа очень отличается отъ нашей обыденной. Затѣмъ мы ухаживаемъ за больными на дому; въ случаѣ, если болѣзнь требуетъ постояннаго ухода, мы нѣкоторое время живемъ у нихъ. Нѣкоторыя изъ дьякониссъ имѣютъ права учительницъ. На нашемъ попеченіи теперь три приходскія школы. Кромѣ центральнаго учрежденія у насъ есть еще отдѣленія въ другихъ бѣдныхъ приходахъ, которыя находятся подъ наблюденіемъ опытныхъ дьякониссъ, помогаютъ же имъ всегда новички. Насъ посылаютъ туда на время, затѣмъ мѣняютъ. Наша жизнь совсѣмъ не монотонна.

— А что вы дѣлаете—учите, ухаживаете за больными или посѣщаете бѣдныхъ?

— Я не окончила еще срока обученія. Годъ или два мы обязаны проработать въ госпиталѣ; исключенія изъ этого правила дѣлаются въ случаѣ полной неспособности къ уходу за больными. Затѣмъ наиболѣе молодыя изъ насъ, чувствующія призваніе къ учительству, проходятъ курсъ педагогики, постепенно сдавая экзамены. Я выдержала уже два экзамена, только у меня слабый голосъ и это мѣшаетъ мнѣ стать учительницей. Я думаю поэтому, что меня будутъ посылать больше ухаживать за больными и посѣщать бѣдныхъ.

— Развѣ не разрѣшается избирать родъ работы по желанію?

— Матушка выбираетъ для насъ работу, къ которой она считаетъ насъ наиболѣе пригодными. Болѣе или менѣе, всѣ мы проходимъ одинъ и тотъ же курсъ обученія, потомъ насъ посылаютъ туда, гдѣ мы можемъ принести наибольшую пользу.

— Какъ вы всѣ должны *ненавидѣть* вашу жизнь и какъ, должно быть, страстно желаете умереть!—разразился Дугальдъ со свойственной ему несдержанностью.

Фэбе тихо засмѣялась и взглянула на него съ такимъ мягкимъ свѣтомъ въ глазахъ, что ему показалось, будто передъ нимъ вдругъ открылась ея тайна. Если бы только онъ могъ прочесть ее, но, увы! Тайна эта была написана незнакомыми буквами.

— Вы любимъ нашу жизнь и не желали бы перемѣнить ее на другую,—отвѣчала молодая дѣвушка.—Конечно, она не всегда пріятна,—заставила ее прибавить правдивость.—Иной разъ обманываешься въ ожиданіяхъ и утомляешься, иногда тяжело, очень тяжело бываетъ ломать свою волю и повиноваться.

— Развѣ вы обязаны поступать такъ?—запальчиво воскликнулъ Дугальдъ.—Если вы рѣшили въ вашемъ сердцѣ дѣлать добро, почему вы не можете дѣлать его по своему усмотрѣнію, не кладя головы въ ярмо и не повинуясь безпрестанно приказаніямъ другихъ?

— Я думаю, что для человѣка, подобнаго мнѣ, это единственный практическій путь быть полезной,—просто сказала Фэбе.—Часто гово-

рять, что для женщины лучше оставаться дома и стараться быть полезной тамъ, но у меня нѣтъ дома. Точно такъ же раньше, чѣмъ браться ухаживать за больными, учить или дѣлать что-либо въ подобномъ родѣ, мнѣ слѣдуетъ выучиться своему дѣлу. Я чувствовала себя слишкомъ молодой и неопытной для того, чтобы самостоятельно, безъ всякаго руководства, начать свою дѣятельность. Опытная женщина съ большимъ запасомъ силы характера и оригинальности могла бы нанять домъ въ бѣдной части города, поселиться между бѣдняками и работать по своей инцiативѣ. Но, какъ вы сами видите, у меня нѣтъ никакихъ дарованiй, такъ я и подумала: лучше мою каплю добра влить въ ведро со множествомъ другихъ, подобныхъ ей, чѣмъ самой пролить ее на землю.

— А почему, почему вы рѣшили, что ваша капля должна быть слита съ другими, вмѣсто того, чтобы оставить ее у себя сверкать на солнцѣ? Вотъ чего я не могу понять, клянусь жизнью.

Фэбе взглянула наверхъ, казалось, она тамъ видѣла что-то. Не то же ли самое, что видѣла она за блестящимъ закатомъ? Вѣроятно, да, такъ какъ лицо ея озарилось тѣмъ же самымъ чудеснымъ свѣтомъ.

— Вы поймете это,—мягко отвѣтила она,—если полюбите когда-нибудь.

V.

Недѣлю спустя послѣ прибытiя Фэбе въ замокъ были присланы изъ Лондона, заказанныя для нея м-съ Гаскойнь платья и на слѣдующее утро каждый открыто и про себя выражалъ удивленiе, когда дьякониса сошла къ завтраку, одѣтая чуть не лучше всѣхъ.

М-съ Гаскойнь обладала изящнымъ вкусомъ, а ея модистка стояла на высотѣ своего призванiя. Мягкое шерстяное платье, хотя очень просто сшитое, было настолько же изящно, насколько снятое наканунѣ Фэбе черное форменное платье безвкусно. «Перья красятъ птицу», говоритъ пословица, и всеобщiй взглядъ удивленiя, когда Фэбе вошла въ столовую, доказалъ еще разъ ея справедливость. У молодой дѣвушки былъ теперь прекрасный цвѣтъ лица, а хорошо сшитое платье выказывало ея грацiозную фигуру.

Наружность дьякониссы со времени ея прiѣзда въ Гленъ-Тюллохъ очень измѣнилась. Овалъ лица округлился, усталый взглядъ исчезъ и серьезное выраженiе лица уступило мѣсто улыбкѣ. Дѣйствительно, отдыхъ, развлеченiя и свѣжiй горный воздухъ изгладили дѣйствiе тяжелыхъ трудовъ и грубой пищи; община св. Марiи жила довольно скудно, и что было всего тяжелѣе, это отсутствiе теплой атмосферы и спокойныхъ радостей семейной обстановки.

— Мнѣ такъ прiятно видѣть васъ не въ формѣ,—сказалъ Дугальдъ, садясь подлѣ Фэбе за завтракомъ. Молодому человѣку казалось въ самомъ дѣлѣ, что какой-то невидимый барьеръ между ними былъ сло-

манъ, и Фэбе стала теперь болѣе доступна, чѣмъ была раньше.— Развѣ вамъ не удобнѣе въ такомъ костюмѣ?

Фэбе согласилась, что да.

— Вы никогда не могли бы взобраться на гору въ той длинной накидкѣ,—продолжалъ молодой человѣкъ.—Вы не забыли о сегодняшнемъ пикникѣ?

— Каждый проведенный здѣсь день кажется чѣмъ-то волшебнымъ. Но этому пикнику я заранѣе радовалась болѣе, чѣмъ чему-либо другому,—отвѣчала Фэбе.—Никогда не могу смотрѣть на гору, не испытывая въ то же время страстнаго желанія очутиться на ея вершинѣ.

День былъ прекрасный. По небу плыло нѣсколько перистыхъ облачковъ, производящихъ игру свѣта и тѣни на горахъ. Временами въ тѣни скрывалась вершина, холмы передъ нею въ это время были облиты солнечнымъ свѣтомъ; затѣмъ, когда тѣни начинали скользить по освѣщеннымъ склонамъ, отдаленныя вершины, въ свою очередь, освѣщались солнечными лучами.

Общество изъ замка Гленъ-Тюллохъ сначала отправилось въ Бремаръ, условленное мѣсто встрѣчи съ другими участниками пикника. Множество экипажей, подъѣхавшихъ къ гостинницѣ «Гербъ Файфа», возбудило любопытство праздныхъ посѣтителей, наполнявшихъ деревню.

Оставивъ въ сторонѣ дорогу, ведущую черезъ лѣсъ и болото къ водопаду Корри-Мюльзи, путники стали очень рѣшительно подыматься на гору. Въ путь тронулись всѣ вмѣстѣ, но позже, какъ это въ порядкѣ вещей, одни начали отдѣляться отъ другихъ и при этомъ раздѣленіи случилось какъ-то само собой, что Дугальдъ и Фэбе остались вмѣстѣ.

Сильный, пріятный вѣтерокъ дулъ имъ къ лицо, когда они поднимались по мягкому вереску. Фэбе чувствовала себя гораздо моложе въ новой свѣтской одеждѣ и не могла не сознаться, что она болѣе удобна при восхожденіи на гору чѣмъ та, которую она носила послѣдніе два года.

— Какой молодой выглядитъ она, — думалъ Дугальдъ, забывая о своемъ первомъ впечатлѣніи при видѣ дьякониссы. Казалось, чувство физическаго благосостоянія вліяло и на душевное состояніе Фэбе.

Сегодня она чаще улыбалась и была веселѣе чѣмъ обыкновенно.

— Будущей весной я думаю отправиться на своей яхтѣ въ Средиземное море, началъ Дугальдъ. Надѣюсь, Гаскойнъ также примутъ участіе въ этой поѣздкѣ.

— Какъ они будутъ наслаждаться ею!

— Какъ вы думаете, вы не будете свободны тогда?

Фэбе взглянула на своего спутника. Неужели онъ намѣревался пригласить и ее? Со стороны Дугальда это было серьезнымъ намѣреніемъ, что онъ ясно выразилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— Если вамъ возможно будетъ получить отпускъ, вы должны попросить м-съ Гаскойнь взять васъ съ собой.

Фэбе была безмолвна. Дугальдъ питалъ надежду, что его приглашеніе можетъ быть принято.

— Въ мартѣ и апрѣлѣ въ Средиземномъ морѣ прекрасно,—продолжалъ молодой человѣкъ.—Мы отправимся изъ Неаполя и поплывемъ къ Капри, а затѣмъ на самый югъ къ Сициліи, можетъ быть, къ Іоническимъ островамъ. Когда же тамъ станетъ очень жарко, мы можемъ повернуть на сѣверъ бросить взглядъ на Сардинію и Корсику.

Фэбе подумала, что теперь самый подходящій моментъ прервать его.

— О, м-ръ Гордонъ! не соблазняйте меня,—произнесла она.—Это похоже на волшебную сказку.

— Нѣтъ причины, почему бы сказкѣ не превратиться въ дѣйствительность,—отвѣчалъ Дугальдъ.—По крайней мѣрѣ по скольку это зависитъ отъ меня. Итакъ, вы полагаете, что не будете свободной весной?

— Я вполнѣ увѣрена въ этомъ,—отвѣтила Фэбе тономъ, не оставляющимъ сомнѣнія. Неосуществимое предположеніе поѣздки въ Средиземное море внушило Дугальду другой планъ, который, навѣрно, можно было осуществить.

— Сколько времени продолжатся ваши каникулы?—коротко освѣдомился онъ.

— Мѣсяцъ или, пожалуй, нѣсколькими днями больше. Это зависитъ отъ того, какъ долго матушка сможетъ обойтись безъ меня.

— Я уѣзжаю черезъ десять дней. Если м-съ Гаскойнь захочетъ, мы можемъ еще совершить поѣздку къ Гебридамъ или западному берегу Шотландіи. Мы давно уже составили планъ совершить когда-нибудь путешествіе на «Блуждающемъ огонькѣ», въ которомъ могла бы принять участіе и м-съ Гаскойнь съ дѣтьми. Бобби постоянно пристаетъ ко мнѣ съ этимъ.

Планъ Дугальда пробудилъ въ Фэбе любовь къ морю,

— Какъ бы я наслаждалась поѣздкой!—вскричала она.—Если бы я только могла и... Одна мысль объ этомъ такъ прекрасна, что едва ли она можетъ стать дѣйствительностью.

— Она осуществится,—спокойно возразилъ Дугальдъ,—Я поговорю объ этомъ съ м-съ Гаскойнь.

Уже въ продолженіе нѣкотораго времени подъемъ становился крутъ и Дугальдъ предложилъ своей спутницѣ отдохнуть. Молодая дѣвушка сѣла на обломкѣ скалы у тропинки, между тѣмъ какъ онъ самъ сталъ подлѣ нея и указывалъ ей различныя вершины, стараясь научить Фэбе произносить ихъ гэльскія названія. Молодые люди смотрѣли внизъ на бѣлые домики Бремара и окружающіе его, подобно блестящему изумруду, луга, когда солнце освѣщало долину. Облака все сгущались и покрывали тѣнью горы. Послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха

Фэбе и Дугальдъ продолжали путь, пока не достигли значительной высоты, откуда Бремаръ казался красно-сѣрой массой—видны были только крыши домовъ.

Здѣсь нѣкоторые изъ путниковъ рѣшили вернуться назадъ. Но Фэбе хотя немного и устала, рѣшила не сдаваться. Она, Дугальдъ и нѣкоторые другіе продолжали взбираться.

Съ каждымъ шагомъ впередъ становилось холоднѣе, вѣтеръ усилился и нѣсколько мелкихъ холодныхъ капель дождя брызнуло въ ихъ лица.

— Какъ странно! Все время кажется, что видишь на близкомъ разстояніи высочайшую вершину. Когда же достигаешь этого пункта, вершина находится также далеко, какъ и раньше. Снова аллегорія жизни,—подумала молодая дѣвушка.

Мысли Дугальда были направлены къ болѣе практическимъ вещамъ.

— Вы устали?—спросилъ онъ.—Позвольте мнѣ помочь вамъ немного.

— Я считала себя сильнѣе,—замѣтила Фэбе, снова опускаясь для отдыха на густой верескъ, единственное растеніе, могущее произростать на этихъ вѣтреныхъ высотахъ.

— Я положу руку вамъ за спину и буду васъ подталкивать,—предложилъ Дугальдъ, когда Фэбе поднялась и повернулась лицомъ по направленію къ все удаляющейся вершинѣ.

Съ помощью сильной руки Дугальда, Фэбе почувствовала себя способной войти хоть на Альпы. Наконецъ, самая крутая часть подъема была пройдена и молодая дѣвушка могла обойтись безъ помощи своего спутника.

— Какъ хорошо, что послѣдняя часть подъема самая легкая!—воскликнула она.—Теперь едва ли намъ прійдется карабкаться еще, идти же гораздо пріятнѣе.

— До вершины еще довольно далеко, но мы прошли самую трудную часть пути,—отвѣчалъ Дугальдъ.

Дѣйствительно, когда двадцать минутъ спустя древніе надгробные камни указали, что цѣль пути близка, Фэбе чувствовала себя менѣе утомленной, чѣмъ послѣ первой половины дороги. Съ вершины открывался величественный видъ. Куда ни направлялись взоры молодыхъ людей, всюду они встрѣчали горныя цѣпи, на вершинахъ которыхъ виднѣлись слѣды снѣга. Фэбе и Дугальдъ увидѣли и Ди, подобно свѣтлой нити, извивающуюся между горъ.

Въ ту минуту, когда они двое, послѣдніе изъ общества, достигли вершины и стали на камняхъ, солнце освѣтило горы. Въ сердцѣ Фэбе пробудилось чувство торжества при видѣ достигнутой цѣли. Каково же должно быть это чувство, когда достигнешь конечной вершины послѣ того, какъ будетъ наконецъ пройденъ длинный путь жизни!

Молодая дѣвушка взглянула на Дугальда, пытавшагося заслонить

ее отъ порывовъ вѣтра, и ею овладѣло горячее желаніе, чтобы и въ тотъ день онъ точно также стоялъ рядомъ съ ней.

VI.

Спускъ съ Морронь совершился гораздо быстрѣе подъема. Пройдя самую каменистую часть пути, путники просто сбѣжали по склонамъ, не стараясь болѣе держаться проторенной дорожки.

Дорогой Фэбе собрала большой букетъ изъ вереска различныхъ родовъ, бѣлыхъ ландышей, попадавшихся мѣстами, и изъ прозрачныхъ красныхъ ягодъ, принадлежащихъ къ разновидности терновника, низкіе кусты котораго росли въ сырыхъ мѣстахъ. Кромѣ того молодая дѣвушка нашла также папоротникъ и колокольчики въ сырыхъ покрытыхъ мхомъ рытвинахъ и развѣвающійся по вѣтру ковыль.

Путники достигли наконецъ мѣста, гдѣ ожидала ихъ остальная компанія. Начался сильный дождь и рѣшили спѣшить, какъ можно скорѣе къ экипажамъ. Но хозяйка постоялаго двора м-съ Макъ-Бинъ перехватила всю компанію, когда они проходили мимо коттэджа.

— Войдите, сударыня,—приглашала она.—Входите всѣ. Дождь не продолжится долго и лучше вамъ его переждать.

Гостепріимное приглашеніе было принято и участники пикника толпой вошли въ коттэджъ. Дугальдъ, входя въ низкую дверь, долженъ былъ нагнуться. Маленькая гостиная направо отъ входа скоро была переполнена, а потому излишекъ гостей устроился въ кухнѣ, наиболѣе веселой изъ двухъ комнатъ.

Свѣтлый огонь пылалъ на очагѣ и освѣщалъ балки низкой крыши, на окнѣ стояла клѣтка съ птицей и лежалъ букетъ цвѣтовъ, принесенный дѣтьми; кругомъ находились предметы домашняго обихода. На огнѣ поджаривалось нѣсколько овсяныхъ лепешекъ, замѣняющихъ хлѣбъ еще во многихъ домахъ горной Шотландіи. Въ одномъ концѣ комнаты была постель, родъ широкой койки, вдѣланная въ стѣну и въ теченіе дня скрытая отъ жилой комнаты дверями.

Хозяйка занялась приготовленіями къ чаю для нежданныхъ гостей, не переставая въ то же время разговаривать громкимъ, веселымъ голосомъ. Хозяинъ же бесѣдовалъ съ Дугальдомъ объ охотѣ на оленей.

Фэбе показывала между тѣмъ собранные ею цвѣты старшей дочери хозяйки Дженни, которая объяснила ей, что ягоды, найденныя ею, морошка и указала различіе между собственно верескомъ съ цвѣтами, подобно колокольчикамъ, и такъ называемымъ кошачьимъ верескомъ съ красивой пурпурной окраской.

— Какъ я желала бы найти бѣлый верескъ,—сказала Фэбе.—Я искала его всю обратную дорогу, но не могла найти ни цвѣточка.

— Вы могли бы его искать долго, долго,—отвѣтила Дженни,—и не найти, а затѣмъ найти вдругъ, когда и не ждали. Бѣлый верескъ большая рѣдкость.

— Вся его прелесть и заключается именно въ послѣднемъ,—замѣтилъ Дугальдъ во время паузы въ разговорѣ его съ фермеромъ. — Мили можно проходить по мѣсту, покрытому обыкновеннымъ верескомъ, и не замѣчать его, но если случится встрѣтить на пути бѣлый верескъ, онъ сейчасъ же бросается въ глаза.

При этомъ молодой человѣкъ взглянулъ на Фэбе съ выраженіемъ, значенія котораго она вовсе не поняла, но которое тѣмъ не менѣ открыло ей, что лицо Дугальда прекрасно тѣмъ же родомъ суровой и сильной красоты, какая встрѣчается и въ горномъ шотландскомъ пейзажѣ.

Дугальдъ повезъ домой м-съ Гаскойнь и вечеромъ Фэбе услышала много толковъ по поводу предстоящей поѣздкѣ на «Блуждающемъ огонькѣ». Ея собственное имя, однако, при этомъ не упоминалось, что привело молодую дѣвушку къ оскорбительному предположенію: обсудивъ поѣздку въ первой инстанціи съ ней, Дугальдъ забылъ совершенно относительно того, что ее онъ также просилъ принять участіе въ ней, а, можетъ быть, онъ шутилъ, приглашая ее. Дьякониссы также люди и должно сознаться, что Фэбе была не только очень разочарована этимъ предположеніемъ, но и немного разсержена.

— Для чего онъ говорилъ со мною о поѣздкѣ, если не думалъ объ этомъ серьезно?—спрашивала она сама себя.

Фэбе не была извѣстна хитрость мужчинъ, инстинктивно пробуждающаяся въ нихъ, когда любовь впервые коснется ихъ сердца. Дугальдъ считалъ, что дѣйствовалъ очень дипломатично, не упоминая объ участіи дьякониссы въ увеселительной поѣздкѣ и потому былъ бы очень недоволенъ, если бы могъ слышать слѣдующій разговоръ м-съ Гаскойнь съ матерью два дня спустя послѣ пикника.

— Знаешь, я открыла причину, почему Дугальду такъ страшно хочется устроить эту поѣздку на яхтѣ именно теперь,—сказала м-съ Гаскойнь.—Мнѣ кажется, идея эта пришла ему въ голову внезапно.

— Самая подходящая идея для сентября мѣсяца,—отвѣтила лэди Макъ-Альпайнъ.—Какая же причина?

— Ему хочется, чтобы Фэбе поѣхала съ нами. Вообрази себѣ! Сегодня утромъ онъ случайно упомянулъ, что думаетъ, что и миссъ Гардуикъ могла бы также принять участіе въ поѣздкѣ. Онъ думалъ было пригласить и миссъ Никольсонъ, только ему кажется, она уже приглашена куда-то.

— Вѣроятно, приглашеніе Кэтъ Никольсонъ должно замаскировать приглашеніе Фэбе, такъ какъ Дугальду не хочется, чтобы его замѣтили,—возразила лэди Макъ-Альпайнъ.—Но, кажется, Фэбе также не можетъ ѣхать.

— Совсѣмъ нѣтъ. Я передала Кэтъ приглашеніе м-ра Гордона и, очевидно, она раньше ничего не слышала объ этомъ. Она казалась въ восторгѣ отъ приглашенія и когда я упомянула о другомъ при-

глашенiи, она отвѣчала, что, дѣйствительно, она приглашена къ родственникамъ къ первому сентября, но этотъ визитъ можетъ быть отложенъ. Она согласна участвовать въ поѣздкѣ и Дугальдъ волей-неволей долженъ взять и ее. Затѣмъ я говорила съ Фэбе, она покраснѣла немного, но отвѣчала съ своей обычной прямотой. Дугальдъ говорилъ ей что-то о ея участiи въ поѣздкѣ въ день пикника (кажется, раньше даже чѣмъ упомянулъ объ этомъ кому-либо изъ насъ), только позже она не знала, серьезно ли это было съ его стороны или нѣтъ.

— Какъ глупо со стороны Дугальда!—съ смущеннымъ видомъ замѣтила лэди Макъ-Альпайнъ.—Я считала его солиднымъ молодымъ человѣкомъ и менѣе всего ожидала, что онъ увлечется такой дѣвушкой, какъ Фэбе.

Въ десять дней, послѣдующихъ за восхожденiемъ на Марронъ, устраивалось множество развлеченiй — теннисъ, охота, званые завтраки, различнаго рода экскурсiи. Пикникъ, устроенный Макъ-Альпайнъ, имѣлъ такой успѣхъ, что ихъ друзья не пожелали отстать отъ нихъ, и удовольствiя того дня повторились у водопадовъ, на рѣчкѣ Ди и на покрытыхъ лѣсомъ склонахъ Крэгъ-Конигъ. Кромѣ того предстоящая поѣздка на «Блуждающемъ огонькѣ» служила темой нескончаемыхъ разговоровъ между ея участниками. Бобби былъ внѣ себя отъ восторга при мысли, что сестра Фэбе ѣдетъ съ ними. Насталъ день отъѣзда Дугальда. Было условлено, что молодой человѣкъ тремя днями раньше отправится въ Ротсей позаботиться о томъ, чтобы до прiѣзда гостей «Блуждающiй огонекъ» былъ снабженъ достаточнымъ запасомъ провизiи и приспособленъ къ комфорту дамъ. Впервые отъ яхты требовалась подобная услуга.

Въ заключенiе визита Дугальда въ Гленъ-Тюллохъ назначена была охота на оленей. Молодой человѣкъ разсчитывалъ вернуться обратно во время, чтобы поѣхать въ Баллатеръ, а оттуда съ поѣздомъ, отходящимъ въ семь часовъ пятьдесятъ минутъ вечера, въ Эбердинъ. Въ пылу охоты Дугальдъ позабылъ все о времени и поѣздахъ. Когда же, наконецъ, олень былъ убитъ, и мысли его вернулись къ этимъ двумъ изъ трехъ вещей, которыя не ждутъ даже сiятельныхъ смертныхъ, было слишкомъ поздно думать о возвращенiи въ Гленъ-Тюллохъ къ пяти часамъ. Единственнымъ планомъ Дугальда было теперь отправиться въ замокъ со всѣми и оттуда проѣхать въ Эбердинъ верхомъ или въ экипажѣ. Уладивъ все удовлетворительно, Дугальдъ впалъ въ одинъ изъ припадковъ молчанiя, къ которымъ въ послѣднее время привыкли его друзья, и на свободѣ предался думамъ о Фэбе.

Послѣднiе десять дней не были для молодого человѣка временемъ такого же безоблачнаго счастья, какъ для Фэбе. Французы говорятъ: «изъ двухъ друзей одинъ всегда цѣлуетъ, а другой только подставляетъ щеку». Въ переносномъ смыслѣ Дугальдъ исполнялъ первую роль, обыкновенно наименѣе прiятную. Въ его любви къ Фэбе былъ

элементъ неизвѣстности, лишающій его возможности наслаждаться обществомъ любимой дѣвушки, сумѣвшей впервые тронуть его сердце.

Съ свѣтской точки зрѣнія, онъ могъ предложить Фэбе все: богатство и положеніе въ свѣтѣ, словомъ, все то, что только можетъ желать пріобрѣсти посредствомъ брака самая честолюбивая женщина.

Но всѣ эти преимущества были лишь внѣшнимъ образомъ связаны съ нимъ, а Дугальдъ научился сравнивать себя съ Фэбе, и первый разъ въ жизни почувствовалъ глубокое смиреніе. Что, если она, его бѣлый цвѣтокъ вереска, такъ непохожая своими взглядами и стремленіями на всѣхъ остальныхъ женщинъ, сочтетъ эти свѣтскія преимущества не заслуживающими никакого вниманія?

Сегодня любовь Дугальда находилась въ періодѣ надежды и увѣренности въ счастьѣ. Въ своемъ воображеніи онъ создавалъ сцену за сценой при различныхъ обстоятельствахъ и мысленно говорилъ Фэбе слова, долженствующія убѣдить ее выйти за него.

Мысль о верескѣ заставила Дугальда припомнить, что не далѣе мили отсюда, этой самой осенью онъ видѣлъ нѣсколько кустиковъ рѣдкаго бѣлаго вереска, который такъ хотѣлось Фэбе имѣть. Не долго думая, онъ объявилъ, что намѣренъ кратчайшимъ путемъ пройти къ замку, такъ какъ чѣмъ скорѣе онъ вернется туда и отправится въ Эбердинъ, тѣмъ лучше.

Кто-то изъ охотниковъ замѣтилъ, что кромѣ дороги, по которой они шли, другого кратчайшаго пути нѣтъ.

Дугальдъ не сталъ спорить, но сейчасъ же привелъ свое намѣреніе въ исполненіе и пошелъ такими быстрыми и большими шагами, что не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ вернется домой раньше остальныхъ. Однако, на самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ вернулся въ замокъ значительно позже другихъ. Бѣлаго вереска не оказалось на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ думалъ найти его; память ему измѣнила, но упорство его натуры было таково, что онъ, смѣясь надъ самимъ собой, не желалъ отказаться отъ поисковъ, пока, наконецъ, не напалъ на уединенный уголокъ, гдѣ нашлось еще довольно бѣлоснѣжныхъ колокольчиковъ для небольшого букета. Затѣмъ Дугальдъ со всею поспѣшностью направился къ замку. Была почти половина седьмого, когда онъ приблизился къ Глэнъ-Тюллохъ.

Когда Дугальдъ подходилъ къ террасѣ, сердце его радостно забилось. На террасѣ стояла одинокая фигура въ бѣломъ, хорошо знакомомъ ему вечернемъ туалетѣ, граціозными складками падавшимъ вокругъ нея.

Фэбе глядѣла въ даль, но только она не искала тамъ видѣнія, недоступнаго его взору и пониманію. Она смотрѣла по направленію вересковой степи. При звукѣ шаговъ Дугальда она обернулась и свѣтлая улыбка появилась на ея лицѣ.

— Я такъ рада, что съ вами ничего не случилось,—сказала моло-

дая дѣвушка.—Мы начинали бояться, не случилось ли чего съ вами. Всѣ говорили, что вы должны были быть здѣсь часомъ раньше.

Слѣдовательно, она ждала его.

— Я принесъ вамъ немного бѣлаго вереска. Это-то и задержало меня. Я надѣялся найти его скорѣе.

— О, какъ это мило съ вашей стороны!—вскричала Фэбе, беря маленькій букетъ и благодаря Дугальда съ пылающими щеками. Въ тонѣ благодарности ея было что-то смиренное.

— Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать для васъ что-нибудь больше *этого*,— отвѣчалъ онъ съ дрожью въ голосѣ

Можетъ быть, теперь представлялся случай объясниться вмѣсто палубы «Блуждающаго огонька» или иныхъ обстоятельствъ, создаваемыхъ имъ въ воображеніи.

Минуту Фэбе глядѣла на него, потомъ опустила глаза и горячая краска разлилась по ея лицу.

Дугальдъ приблизился къ ней и нѣсколько минутъ они стояли молча.

Длинныя вечернія тѣни, отбрасываемыя холмами и облаками, покрывавшими небо почти весь день, заставляли пейзажъ казаться темнымъ и безцвѣтнымъ. По обѣимъ сторонамъ долины высились горы въ мрачномъ величіи. Но мѣсто, гдѣ стояли молодые люди, было озарено отблескомъ заката.

Что онъ долженъ сказать? Слова не шли съ языка. Казалось, легче взять дрожащую тонкую руку, опирающуюся о каменную балюстраду и...

— Фэбе, это вы? Моя дорогая дѣвочка, вы до смерти простудитесь стоя здѣсь, только съ легкимъ шарфомъ на плечахъ.

И на террасѣ показалась м-съ Гаскойнь съ Бобби и Кэтъ Никольсонъ.

Слѣдуетъ, однако, удостовѣрить фактъ, что каковы бы ни были показанія термометра, Фэбе вовсе не чувствовала холода.

— И вы здѣсь, Дугальдъ!—вслѣдъ за тѣмъ воскликнула м-съ Гаскойнь.—А мы то рвемъ на себѣ волосы при мысли, что вы лежите гдѣ-нибудь съ вывихнутой или сломанной ногой.

— Я только что пришелъ, — отвѣчалъ тотъ далеко неласковымъ тономъ.

— Ну-съ, вамъ слѣдуетъ поѣсть чего-нибудь и отправляться. Вотъ письмо для васъ, Фэбе; почта только что получена.

Фэбе взяла письмо и машинально сунула его въ карманъ. Она узнала по конверту, что письмо отъ настоятельницы; прочесть его до обѣда не было времени.

Дугальдъ простился до четверга, когда всѣ они должны были встрѣтиться на палубѣ «Блуждающаго огонька». Послѣднимъ рукопожатіемъ онъ обмѣнялся съ Фэбе, пожелавъ ей приличествующимъ случаю образомъ «до свиданія», но рукопожатіе можетъ имѣть значеніе, неуло-

вимое для остальныхъ, и потому когда молодая дѣвушка почувствовала, какъ крѣпко пожималась ея рука, которую онъ на минуту задержалъ въ своей, она поняла безъ словъ все, что онъ желалъ сказать ей.

Мысль, что могло бы случиться, еслибы только пятью минутами дольше они остались наединѣ, жгла сердце Дугальда въ его одинокой поѣздкѣ верхомъ при наступающихъ сумеркахъ. Въ долинѣ внизу шумѣли по камнямъ воды Ди, а осенній вѣтеръ гудѣлъ въ лиственницахъ надъ его головой. Молодымъ человѣкомъ вдругъ овладѣло такое безумное желаніе еще сегодня вечеромъ прижать Фэбе къ своему сердцу и, называя ее самыми нѣжными именами, которыя могла только внушить ему любовь, умолять молодую дѣвушку согласиться выйти за него, что нѣсколько разъ онъ готовъ былъ повернуть лошадь обратно.

VII.

Фэбе вернулась въ гостиную въ возбужденномъ состояніи. Она чувствовала еще рукопожатіе Дугальда и на ея груди былъ приколотъ бѣлый верескъ, данный имъ. Она приколола его безсознательно. Теперь же молодая дѣвушка поспѣшно отколола цвѣты и спрятала; ей казалось, что они должны выдать всѣмъ завѣтную тайну ея сердца. Фэбе едва ли бы могла отдать себѣ позже отчетъ, что она говорила въ продолженіе длиннаго обѣда. Однако она разговаривала съ такимъ оживленіемъ и остроуміемъ, которыя удивили ея собѣсѣдниковъ: неужели это говорила спокойная, незначительная дьякониса, прибывшая сюда менѣе трехъ недѣль тому назадъ. Тѣмъ не менѣе причина такого превращенія не ускользнула отъ одной особы.

Оживленіе Фэбе было только слѣдствіемъ и естественнымъ выходомъ ея возбужденнаго состоянія, и молодая дѣвушка вздохнула съ облегченіемъ, когда кончился долгій обѣдъ. Ей хотѣлось убѣжать въ свою комнату и успокоиться, но сдѣлать это, не возбуждая подозрѣнія, нельзя было—вѣдь она не играла болѣе въ обществѣ роли незначительной дьякониссы. Поэтому Фэбе ограничилась тѣмъ, что ускользнула въ одну изъ оконныхъ нишъ, и сидя тамъ, думала, далеко ли уже Дугальдъ.

Она уловила острый, испытующій взглядъ, брошенный на нее проходившей мимо Кэтъ Никольсонъ, которая направлялась къ пьянино, и почувствовала, что щеки ея вспыхнули, какъ будто взглядъ этотъ могъ прочесть ея мысли. Вдругъ Фэбе вспомнила о письмѣ, прибывшемъ такъ не въ пору. Она вынула его и разорвала конвертъ. Въ это время Кэтъ сѣла къ пьянино и начала пѣть «Прости» Шуберта.

«Близка пора разлуки,
«Послѣдній близокъ часъ».

Мелодія пѣсни до того врѣзалась въ память Фэбе, что позже никогда не могла она ее слышать, чтобы мысленно не увидѣть себя

снова въ бѣломъ вечернемъ туалетѣ, сидящей въ нишѣ окна. Слабый запахъ померанцевыхъ деревьевъ доносится изъ оранжереи и предъ нею снова розоватое освѣщеніе и роскошная обстановка гостиной Гленъ-Тюллохъ. Веселые гости мелькаютъ передъ ея глазами, а она распечатываетъ письмо.

«Дорогая Фэбе (гласило оно), я должна сообщить тебѣ очень грустныя вѣсти, къ которымъ ты едва ли подготовлена. Дорогая сестра Изабелла покинула насъ. Она умерла вчера вечеромъ отъ тифозной горячки послѣ ужасно короткой болѣзни; сестры Модъ и Люси больны этой же болѣзнью. Когда я писала тебѣ въ послѣдній разъ, уже было нѣсколько случаевъ горячки, съ тѣхъ поръ болѣзнь разразилась съ страшной силой и наши сидѣлки выбиваются изъ силъ, ухаживая за больными. Въ одномъ только нашемъ приходѣ пятьдесятъ три случая горячки, кромѣ того и другіе приходы взываютъ къ нашей помощи. Какъ мнѣ ни жаль прервать твои короткія каникулы, боюсь, что благодаря этимъ обстоятельствамъ ты немедленно должна вернуться въ Общину. Надѣюсь, что возстановившіяся силы помогутъ тебѣ перенести утомленіе при уходѣ за больными. Когда болѣзнь прекратится, я постараюсь найти возможность пополнить твой прерванный отпускъ. Только необходимость заставляетъ меня звать тебя раньше времени.

Твоя любящая мать Катерина».

«Повѣрь, не надолго
«Разстанемся съ тобой».

Пѣлъ чистый голосъ Кэтъ Никольсонъ, розоватый свѣтъ мягко разливался по комнатѣ и дамы болтали, и смѣялись. Все осталось то же самое, какъ было и три минуты тому назадъ, только Фэбе очнулась отъ своей мечтательности. Какъ жестоко явилось пробужденіе! Дѣйствительная жизнь заявляла свои права, и чудный, волшебный замокъ грезъ, въ которомъ она жила, разсыпался въ прахъ. Сестра Изабелла умерла! Позавчера вечеромъ она лежала умирающей, можетъ быть, именно въ то время, когда Фэбе сама (молодая дѣвушка вспоминала это съ сильными угрызеніями совѣсти) принимала участіе въ веселомъ развлеченіи угадыванія чужихъ мыслей, заливаясь самымъ веселымъ смѣхомъ, такъ какъ подъ вліяніемъ *воли* Дугальда она совершила рядъ глупыхъ продѣлокъ. А какія безумныя мечты о земномъ счастьѣ кружились у нея въ головѣ, когда письмо матушки лежало въ ея карманѣ! Въ то время, какъ двое изъ ея молодыхъ сотрудницъ лежало, можетъ быть, на смертномъ одрѣ, а остальныя работали всѣ, выбиваясь изъ силъ, между больными бѣдняками, она, забывая о нихъ и о тѣхъ, для кого онѣ трудились, создавала себѣ въ воображеніи совершенно иную жизнь.

Благодаря Бога, пробужденіе явилось во время. Единственной мыслью Фэбе было теперь бѣжать, какъ можно скорѣе, отсюда, отъ мѣста, ставшаго для нея мѣстомъ такого страшнаго искушенія, обратно къ своему

посту, чтобы работать тамъ, работать и работать, пока она также, подобно сестрѣ Изабеллѣ, не пожертвуетъ своей жизнью, если понадобится.

Фэбе поднялась съ своего мѣста и направилась прямо къ лэди Макъ-Альпайнъ, стоявшей у камина съ чашкой кофе въ рукахъ и обсуждавшей планы на завтра съ нѣкоторыми изъ гостей.

— Я получила дурныя вѣсти, лэди Макъ-Альпайнъ,—сказала Фэбе.—Въ нашемъ сосѣдствѣ эпидемія тифозной горячки и матушка желаетъ моего немедленнаго возвращенія.

Если возможно чувствовать разомъ и большое огорченіе, и большую радость, то м-съ Гаскойнь испытывала оба эти чувства, при сообщеніи молодой дѣвушки. Конечно, ей было очень жаль, что каникулы бѣдняжки Фэбе прерывались такимъ образомъ, но съ другой стороны было сущимъ благодѣяніемъ, что это обстоятельство мѣшало Фэбе принять участіе въ поѣздкѣ на «Блуждающемъ огонькѣ». Послѣ маленькой сцены на террасѣ, прерванной ею, м-съ Гаскойнь не могла больше ручаться, чтобы Дугальдъ со всей своей солидностью не былъ готовъ поступить въ высшей степени необдуманно. Теперь же его сближеніе съ Фэбе прерывалось въ самомъ началѣ. Въ общемъ на внезапный отъѣздъ дьякониссы можно смотрѣть, какъ на обстоятельство, ниспосланное Провидѣніемъ.

— Поѣздъ въ полдень самый ранній, съ которымъ я могу завтра уѣхать? — спрашивала Фэбе. — Да, я должна уѣхать и, вы извините меня, я пойду теперь уложить свои вещи.

Фэбе, благодарная предлогу, позволяющему ей уйти, отправилась въ свою комнату. Въ каминѣ горѣлъ яркій огонь, вечера стали прохладны. На креслѣ у камина лежалъ пеньюаръ. Какъ комфортабельно выглядѣло все кругомъ. Какой привычкѣ къ роскоши позволила она овладѣть собою. Молодая дѣвушка принялась усердно укладываться, сама не сознавая, какія вещи кладетъ въ чемоданъ, и затѣмъ вытаскивая ихъ обратно. Когда все было сдѣлано, Фэбе стала приготовляться ко сну. Она сняла изящное бѣлое платье, возбуждавшее зависть не у одной дѣвушки въ гостиной. Завтра она снова надѣнетъ платье, въ которомъ пріѣхала, черное саржевое платье, жесткое и грубое, длинную накидку и шляпу, завязывающуюся подъ подбородкомъ, словомъ, костюмъ, означающій ея принадлежность къ «Убѣжищу Св. Маріи», который она не сниметъ больше до конца жизни.

Когда Фэбе сбросила съ плечъ платье, изъ него выпали на полъ вѣточки бѣлаго вереска. Она подняла ихъ и тутъ внезапно разразилась буря, бушевавшая въ ея груди. Молодая дѣвушка упала на колѣни, закрыла лицо руками и расплакалась.

Нѣкоторыя женщины легко плачутъ, когда онѣ огорчены чѣмъ-либо. Хорошо выплакаться величайшее облегченіе для ихъ чувствъ, и выплакавшись, онѣ способны заняться своимъ дѣломъ съ обычнымъ спокойствіемъ духа.

Не то было съ Фэбе,—прошли годы съ тѣхъ поръ, какъ она плакала въ послѣдній разъ, и теперь она была почти испугана силой своихъ рыданій. Она едва ли сознавала сама, что собственно оплакивала, и были ли это слезы раскаянія или разочарованія. Слезы кончились молитвой и успокоенная Фэбе поднялась съ колѣнъ. Съ неожиданно вырвавшимся легкимъ всхлипываніемъ молодая дѣвушка взяла вѣточки вереска и вложила ихъ въ свой молитвенникъ. Она должна написать Дугальду и объяснить, почему она не можетъ пріѣхать. Бумага лежала въ портфейлѣ на столѣ. Фэбе взяла листокъ и написала:

«Дорогой м-ръ Гордонъ—»

(Начало легко, не то что продолженіе).

«Мнѣ очень жаль, что я не могу принять участіе въ поѣздкѣ на вашей яхтѣ, участвовать въ которой вы такъ любезно пригласили меня. Я должна вернуться въ Лондонъ скорѣе, чѣмъ ожидала.

Ваша . . .

Ваша что? Фэбе никогда въ жизни не приходилось еще писать молодому человѣку и потому она находилась въ нерѣшительности, какъ закончить свое сообщеніе. Затѣмъ адресъ. «Достопочтенному м-ру Гордону», не годился, но «Достопочтенному Дугальду Гордону», который самъ напрашивался, казался такимъ фамильярнымъ, что Фэбе вспыхнула при мысли адресовать такъ.

Наконецъ Фэбе оставила на завтра рѣшеніе этихъ двухъ пунктовъ, смущавшихъ и утомившихъ ее болѣе, можетъ быть, по причинѣ своей простоты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*

ИЗЪ МАРІИ КОНОПНИЦКОЙ.

О, если призракъ ты, разсѣйся предо мною!
Пусть перестану я съ безплодною тоскою
Тебя искать въ нѣмой дали!
И грудь мою не жги безумной страсти пыломъ,
Когда нѣмая ночь въ безмолвіи унылымъ
Стоитъ, какъ стражъ, надъ сномъ земли...
Встань въ блескѣ солнечномъ, иль скройся въ безднѣ темной!
Неизъяснимыхъ тайнъ загадкой вѣроломной
Моей души не мучь дразня!
О, если ликъ твой скрытъ завѣсой непрозрачной,
Зачѣмъ же тѣнь твоя, какъ спутникъ вѣчно мрачный
Вездѣ преслѣдуетъ меня?
Скажи, въ чемъ суть твоя и въ чемъ твое значенье?
Иль родила тебя въ жестокій часъ мученья
Людского сердца глубина,
Иль мглистый образъ твой, огромный и неясный,
Возникъ изъ скорбныхъ слезъ и жажды знанья страстной
И вѣчныхъ думъ, лишенныхъ сна?
Иль смутный отблескъ ты заоблачнаго свѣта,
Мелькнувшій вдругъ очамъ, какъ краткій лучъ привѣта
Изъ золотой страны чудесъ,
Или поднялся ты съ дыханьемъ океана,
Огромный и сѣдой, какъ сонный паръ тумана,
Чтобы наполнить сводъ небесъ?..
Иль въ бурѣ ты пришелъ, могучій и суровый,
Испуганной земли поколебать основы
И потрясти дрожащій міръ?
Или назвалъ тебя въ покорномъ рабскомъ страхѣ
Безсильный человѣкъ, простершійся во прахѣ,
Чтобы создать себѣ кумиръ?
Иль вдругъ поднялся ты на крыльяхъ первой грезы
И вѣялъ надъ землей съ благоуханьемъ розы
Съ порывомъ страсти молодой,

Когда кипучій жаръ живого вдохновенья
Искалъ на небесахъ святыню откровенья,
Разгадку вѣчности сѣдой?..
Иль одинокій умъ въ объятьяхъ сонной ночи,
Толпѣ несчетныхъ звѣздъ пытливо глядя въ очи,
Внезапнымъ трепетомъ объятъ,
Какъ молодой орелъ, развѣялъ вольно крылья,
И въ вышину небесъ рванулся безъ усилья,
Чтобы воззвать впервые: „святъ!“...
О кто же дастъ отвѣтъ безпомощнымъ вопросамъ?
Ты призракъ роковой, извергнутый хаосомъ,
Нѣмой загадки темный звукъ,
Болѣзненный кошмаръ въ вѣнцѣ вселенской власти,
Сдавившій грудь мою, дрожащую отъ страсти,
Желѣзной цѣпью вѣчныхъ мукъ!..
Я слышу въ тишинѣ, какъ медленное время
Изъ бездны катитъ вверхъ чудовищное бремя,
Сизифовъ камень бытія,
Я вижу въ глубинѣ подъ мглистой пеленою
Во мнѣ и предо мной, за мной и надо мною
Вездѣ твой блескъ и тѣнь твоя.

В. Г.

ПАТРІАРХЪ НѢМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Къ 150-лѣтнему юбилею рожденія Гёте).

Въ суетахъ обыденной жизни, среди безконечно смѣняющихся неотложныхъ интересовъ минуты, мало у кого хватаетъ юношескаго идеализма настолько, чтобы иногда освѣжить въ своей памяти великіе образы минувшаго, чтобы изъ подъ хлама своихъ школьныхъ воспоминаній извлечь тѣ крупицы, которыя дѣйствительно стоитъ хранить. Юбилейныя даты, открытія памятниковъ и т. п. спорадическія торжества давно уже изобрѣтены, чтобы въ сознаніи забывчивыхъ или недосужныхъ потомковъ время отъ времени явственнѣе чувствовалась связь между этими самыми интересами минуты и болѣе или менѣе отдаленнымъ прошлымъ. Въ такіе моменты занятому человѣку кажется менѣе страннымъ отыскать старую книжку или даже купить новую и потратить часокъ-другой, перелистывая «классика». Такое перелистываніе можетъ вести къ настоящимъ открытіямъ. Вдругъ обнаруживается, что тѣ самыя страницы, которыя казались такими скучными отъ заученныхъ похвалъ учителя словесности, на самомъ дѣлѣ полны геніальныхъ мыслей или образовъ, то, что казалось только «памятникомъ отечественной литературы», украшеніемъ библіотечнаго шкафа, внезапно пріобрѣтаетъ самый живой, современный смыслъ. Эти фразы, эти стихи, которые казались составленными исключительно для того, чтобы служить образцами прозаической или поэтической рѣчи, въ дѣйствительности съ безконечнымъ совершенствомъ выражаютъ тѣ же чувства, тѣ же тяжелыя загадки жизни, тѣ же психологическія проблемы, которыя столько разъ волновали самого читателя.

Сколько людей въ Германіи, быть можетъ, сдѣлали подобныя открытія въ августѣ настоящаго года, перечитывая *Фауста* или *Вильгельма Мейстера!* Ибо, несмотря на то, что культъ Гёте до сихъ поръ повсемѣстно распространенъ среди его земляковъ, нельзя отрицать, что его слава питается болѣе ѳиміамомъ восторговъ, чѣмъ близкимъ знакомствомъ съ его произведеніями. Мы говоримъ, конечно, о среднемъ уровнѣ образованныхъ читателей, а не о спеціалистахъ, которые скорѣе грѣшатъ въ противоположную сторону. Рядомъ съ дѣйствительно цѣнными изслѣдованіями, біографіями, комментаріями, накопилась и постоянно

увеличивается такая необъятная масса хаотической учености, ненужныхъ подробностей, фантастическихъ толкованій, что одной жизни не хватило бы, чтобы проштудировать гётевскую литературу во всемъ ея объемѣ. Можно подумать, что цѣлая армія Вагнеровъ набросилась послѣ апоѳеоза доктора Фауста на его кабинетъ, съ непремѣнною цѣлью написать цѣлую книгу на каждую строчку его сочиненій и о каждомъ гвоздѣ его обстановки. Къ тому же, личныя и общественныя условія, въ которыхъ жилъ патріархъ нѣмецкой литературы, сложились такъ, что мы можемъ прослѣдить его 83-лѣтнюю біографію часто день за днемъ. Довольно краткая и сдержанная хронологическая таблица его жизни и произведеній занимаетъ компактный томикъ въ 150 страницъ. Можно себѣ представить, сколько тутъ найдется «вопросовъ», вызывающихъ «спеціальныя изслѣдованія».

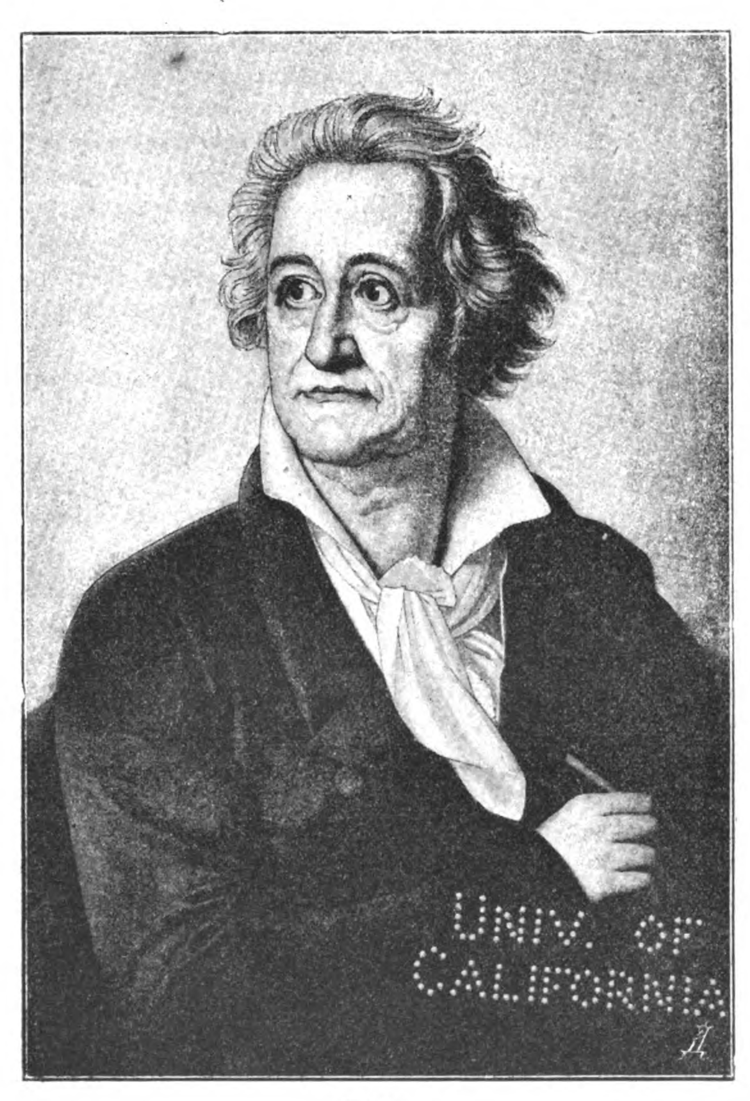
Въ нашей бѣглой замѣткѣ мы, конечно, не будемъ углубляться въ эти дебри. Наша задача ограничивается тѣмъ, чтобы побесѣдовать съ читателемъ о давно установленныхъ фактахъ, въ надеждѣ, что это побудитъ и его поискать у себя на полкѣ хотя бы томикъ «библіотеки Реклама»: Гёте принадлежитъ къ тѣмъ писателямъ, которыхъ можно перечитывать сколько угодно разъ и каждый разъ находить въ нихъ соотвѣтственно собственному настроенію неожиданныя мысли и новые горизонты.

Французу середины прошлаго столѣтія должно было казаться, что въ Германіи совершенно нѣтъ условій, необходимыхъ для развитія литературы, при чемъ развитіе это, конечно, мыслилось только въ одномъ направленіи—въ томъ самомъ, въ какомъ шла литература французская. Дѣйствительно, вся французская литература того времени (какъ, впрочемъ и нынѣшняя) съ удобствомъ могла бы называться парижскою. Крупный политическій центръ создалъ и ту культурную атмосферу, въ которой пышно разрослась придворная драма. Вслѣдствіе подчиненія во всемъ строѣ жизни паролю, исходившему отъ двора, вслѣдствіе постояннаго взаимнаго общенія, вызывавшаго сознательное или безсознательное приспособленіе къ общему уровню, высшее парижское общество, т. е. такъ называемый «свѣтъ» сложился въ такую плотную, однообразную группу, среди которой всякіе индивидуальные признаки, по возможности, нивеллировались. Самыя крупныя личности въ модномъ салонѣ должны были дѣлать видъ, что они ничѣмъ не отличаются отъ перваго встрѣчнаго моднаго фата, у котораго ничего за душой не было, кромѣ умѣнья держать себя «какъ всѣ». Этотъ «свѣтъ» былъ законодателемъ въ литературѣ, а потому индивидуальность была изгнана и отсюда. Въ трагедіи авторъ долженъ былъ совершенно уничтожаться: предполагалось, что «страсти» героевъ достаточно интересны, чтобы цѣликомъ поглотить вниманіе зрителя. Въ лирикѣ также позволялось изображать только самыя общія чувства: одинъ и тотъ же мадригалъ годился для любой дамы, а торжественная ода должна была выражать

всенародное чувство. Одинъ Руссо рѣшался нарушать этотъ культъ безличія, но вѣдь онъ никогда не былъ настоящимъ парижаниномъ, никогда не сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ и никогда не считался écrivain de goût.

Въ этомъ смыслѣ нѣмецкая литература, конечно, не могла развиваться. Правда, въ Германіи уже тогда начали обозначаться два политическихъ центра: Вѣна и Берлинъ. Но ни тамъ, ни тутъ родной литературой не интересовались. Марія-Терезія удовлетворялась вычурными произведеніями своего придворнаго поэта Метастазіо, а Фридрихъ II выписывалъ французовъ, писалъ самъ французскіе стихи; когда же наивный швейцарецъ Христофъ Миллеръ вздумалъ посвятить ему свое изданіе *Пѣсни Нибелунговъ*, то король отблагодарилъ его въ своемъ обычномъ лапидарномъ стилѣ: «Hochgelehrter, lieber Getreuer,—писалъ онъ,—изданные вами стихи, по моему мнѣнію, не стоятъ и одного заряда пороха»... Такому равнодушію могучихъ государей нѣмецкая литература, быть можетъ, обязана тѣмъ, что ее не стригли подъ одну гребенку, не втискивали въ узкій корсетъ, не увѣчили на прокрустовомъ ложѣ. Правда, мелкіе нѣмецкіе дворы, въ противоположность большимъ, часто покровительствовали роднымъ музамъ, но они были слишкомъ слабы и слишкомъ многочисленны, чтобы навязать имъ какой-нибудь одинъ шаблонъ, и довольствовались съ ихъ стороны невинною данью лести и благодарности, въ какой бы растрепанной формѣ это ни было преподнесено. Свѣтскаго общества съ литературными вкусами тогда въ Германіи также не существовало. Такимъ образомъ, молодая нѣмецкая литература была свободна отъ всякаго внѣшняго деспотизма и предоставлена своимъ собственнымъ силамъ. А силъ какъ разъ было много.

Если у нѣмецкой литературы не было никакихъ гнетущихъ традицій, зато у нѣмецкаго общества было много традиціонныхъ путъ, политическихъ, сословныхъ, семейныхъ. Писатель,—кто ужъ имъ сдѣлался,—могъ свободно писать трагедіи безъ соблюденія трехъ единствъ, но чтобы сдѣлаться писателемъ, приходилось иногда бѣжать изъ школы военныхъ хирурговъ, похожей больше на тюрьму, чѣмъ на образовательное учрежденіе. Не всѣмъ, конечно, приходилось испытать такое непосредственное столкновеніе съ патріархально-феодальнымъ строемъ, какъ Шиллеру, но много молодыхъ головъ прониклись непримиримою враждою ко всему, что̀ становилось на пути свободнаго и гармоническаго развитія личности. Свобода эта понималась въ такомъ абсолютномъ смыслѣ, что нетолько устарѣвшія формы тогдашней государственности, но всякіи нормы междучеловѣческихъ отношеній, будь то писанное или обычное право, считались въ идеѣ оскорбленіемъ суверенитета личности. Извѣстно, что осуществленіе этой идеи, давшей столько первоклассныхъ литературныхъ произведеній, не пошло далѣе борьбы съ общераспространенными предразсудками въ области личной морали, и самый принципъ вскорѣ выродился: полная свобода самоопредѣленія замѣни-

Гёте.

лась внутренней свободой человѣческаго духа, легко уживавшагося съ самыми отсталыми формами общественной жизни

Leicht bei einander wohnen die Gedanken,
Doch hart im Raume stossen sich die Dinge *)

Такъ выражалъ Шиллеръ эту противоположность реальныхъ и идеальныхъ отношеній.

Гете, который, по условіямъ своего рожденія и всей своей долгой жизни, испытывалъ лишь рѣдкія и слабыя коллизіи съ внѣшнимъ порядкомъ вещей, очень быстро пережилъ фазисъ общественнаго протеста, памятникомъ котораго остался одинъ *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*, но весьма долго созидалъ автономію своей личности. Этотъ-то процессъ, имѣвшій много различныхъ сторонъ весьма неравнаго культурно-историческаго достоинства, породилъ наиболѣе геніальныя страницы изъ всего, что написалъ Гете. Гордое сознаніе своего достоинства, плодотворная вѣра въ то, что человѣкъ не имѣетъ иной цѣли, кромѣ собственнаго счастья, вѣроятно, во всей міровой литературѣ не имѣетъ лучшаго выраженія, чѣмъ послѣдняя сцена его *Прометея*:

Приводимъ новый переводъ этого фрагмента.

Покрой свинцовой тучей, Зевсъ,
Небесный сводъ;
Подобно мальчику, который
Съ репейника сбиваетъ шишки,
Надъ лѣсомъ и горами потѣшайся.
А землю ты мою
Оставь въ покоѣ,
Шалашъ мой, не тобой построенный,
И мой очагъ,
Огню котораго
Ты такъ завидуешь.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ
Ничтожнѣй васъ, о боги!
Питаете вы скудно
Величье ваше
Лишь данью жертвъ
Да шопотомъ молитвъ
И умерли-бъ давно, когда бы
Не стало нищихъ и дѣтей,—
Глупцовъ, надеждами живущихъ.

Когда ребенкомъ я
Не зналъ, куда и какъ ступить,
Свой взоръ блуждающій я поднималъ
На небо, будто есть надъ нимъ,

*) Легко уживаются другъ съ другомъ идеи, но рѣзко сталкиваются между собою явленія реальнаго міра.

Кому мой стонъ услышать
И сердцемъ братскимъ
Мнѣ сострадать въ моихъ невзгодахъ.
Кто мнѣ помогъ
Противъ Титановъ гордыхъ?
Кто спасъ меня отъ смерти
И отъ рабства?
Не ты ли сдѣлало все это,
Святымъ огнемъ исполненное сердце?
И ты же за обманъ
Пылало благодарностью къ тому,
Кто тамъ на небѣ спитъ.

Мнѣ чтить тебя? За что?
Смягчилъ ли ты когда-нибудь
Скорбь угнетеннаго?
Утеръ ли ты когда-нибудь
Слезу безсильнаго?
Кто мужа изъ меня сковалъ?
Не всемогущее ли время
И вѣчная судьба,—
Мои владыки и твои?

Не мнилъ ли ты,
Что я, возненавидѣвъ жизнь,
Въ пустыню убѣгу,
Лишь потому, что
Цвѣтъ юныхъ сновъ не весь плодами сталъ?

Вотъ здѣсь я создаю людей,
Подобныхъ мнѣ
И равныхъ мнѣ,
Чтобы страдать и плакать,
Чтобъ наслаждаться и смѣяться
И о тебѣ не думать,
Какъ я.

Мы выписали весь этотъ монологъ, потому что здѣсь прекрасно выражено какъ настроеніе молодого еще тогда поэта, такъ и направленіе его идеаловъ: развить до высочайшей степени всѣ силы и способности, вложенныя въ человѣка природой, оградить свое существованіе отъ грубаго насилія извнѣ и пить полную чашу жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ. Ничего другого нѣтъ и въ *Фаустѣ*, по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ его смыслѣ, какъ онъ выразился въ лучшихъ сценахъ, написанныхъ до 1797 года. Не въ столь гигантскихъ размѣрахъ, но все то же составляетъ идейное содержаніе *Эгмонта*. Мирное, счастливое общество людей стремится только къ одному—сохранить самоопредѣленіе внутри своей общины. Народный любимецъ и кумиръ графъ Эгмонтъ, который, кстати сказать, гораздо больше похожъ на Гёте въ юности, чѣмъ на историческаго Эгмонта, обнаружи-

ваетъ ту же психологію: жизнерадостную безпечность, отвращеніе къ обдуманной политикѣ, которая мѣшаетъ счастью, и жажду насладиться всѣми благами жизни, независимо отъ того, узаконены они или нѣтъ человѣческими предразсудками. По эстетической теоріи, на которую особенно упиралъ Шиллеръ, трагедія только тогда заслуживаетъ этого имени, если въ основѣ ея лежитъ опредѣленный поступокъ героя, нарушающій нравственный порядокъ вещей, т. е. такъ называемая *трагическая вина*, откуда уже естественнымъ путемъ долженъ вытекать весь ходъ драматическихъ событій и ихъ развязка. Чуткій къ жизненной правдѣ, Гёте не справлялся съ Аристотелемъ, когда ему диктовалъ геній. Драматическая коллизія *Эгмонта*, какъ чаще всего бываетъ въ дѣйствительности, развивается именно на отсутствіи трагической вины. Какъ ни мало *Эгмонтъ* соотвѣтствуетъ историческимъ фактамъ, самый характеръ событій изображенъ въ немъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ то допускала традиціонная эстетическая теорія. Чтò осталось бы отъ исторической правды, если бы нашествіе герцога Альбы на Нидерланды обусловливалось не глубокими и сложными причинами, а какимъ-нибудь преступнымъ дѣйствіемъ графа Эгмонта?

Прометей самъ, своими личными силами побѣдилъ высокомѣріе Титановъ и спасъ себя отъ смерти и рабства. Историческія рамки настолько стѣсняли Гёте, что онъ не могъ окончить *Эгмонта* побѣдой своего жизнерадостнаго героя. Но что, по мнѣнію автора, именно эти черты безпечной любви къ жизни въ концѣ концовъ должны привести къ торжеству свободы, ясно изъ наивнаго апоѳеоза, за который m-me Сталь такъ упрекала Гёте. Апоѳеозъ этотъ не есть обѣтованіе небесной награды за мученичество, а самое земное слѣдствіе «крѣпкаго ума и бодраго духа».

Боги! О благіе боги,
Жители высотъ небесныхъ!
Еслибъ вы намъ смертнымъ дали
Крѣпкій умъ и бодрый духъ,
Мы бъ оставили вамъ, сильнымъ,
Весь просторъ высотъ небесныхъ! (*Menschengefühl*).

Такъ говоритъ самъ Гёте, такъ могъ бы сказать и его герой.

Право отдѣльной личности и цѣлаго общества свободно жить и развиваться въ границахъ собственной природы является священнымъ, когда оно приходитъ въ столкновеніе съ грубымъ насиліемъ извнѣ. Таково чувство, одушевляющее разсмотрѣнную драму. Но Гёте далеко не останавливался на этомъ. Не хуже самого Ницше онъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ ничего въ природѣ прекраснѣе, чѣмъ могучая человѣческая индивидуальность, доведенная до крайнихъ предѣловъ доступнаго ей совершенствованія въ себѣ. Если такое совершенствованіе влекло за собою жертвы, то Гёте, такъ же какъ и Ницше, не соединялъ съ этимъ никакого нравственнаго вопроса: геніальная личность должна

развиваться до своего полнаго величія,—это лучшее, что можетъ сдѣлать исторія. Если при этомъ страдаютъ другіе, можно о нихъ сожалѣть, но эти жертвы нельзя класть на чашку вѣсовъ, когда дѣло идетъ о ступеняхъ, по которымъ долженъ подниматься великій духъ. Мы подошли къ одной изъ многочисленныхъ сторонъ геніальнѣйшей поэмы двухъ послѣднихъ вѣковъ. Впослѣдствіи, во второй половинѣ своей жизни Гёте значительно видоизмѣнилъ основной замыселъ *Фауста*. Вся вторая часть поэмы и нѣкоторыя прибавленія къ первой (прологъ въ небесахъ) ставятъ уже задачу нравственнаго совершенствованія. Въ противорѣчіи съ наиболѣе художественными чертами первоначальной обработки находятся глубокія слова пролога: «хорошій человѣкъ и въ своемъ неясномъ стремленіи хорошо чувствуетъ справедливый путь». Во второй части Фаустъ умираетъ, какъ альтруистъ, счастливый сознаніемъ, что онъ устрояетъ ко благу судьбу народныхъ массъ. Если здѣсь чувства героя становятся гораздо похвальнѣе, то ослабѣвшія артистическія средства автора уже не могутъ измѣнить въ глазахъ читателя могучій образъ Фауста, начертанный такими неизгладимыми чертами самимъ художникомъ. Въ первой части Фаустъ не имѣетъ намѣренія никого осчастливливать, его единственное стремленіе обладать всѣмъ міромъ земнымъ и сверхчеловѣческимъ. Когда для послѣдняго у него не хватаетъ силъ, онъ бросаетъ свою науку, которая не могла дать ему этой заманчивой власти, и ограничиваетъ свои аппетиты предѣлами земного шара. Но зато въ этихъ предѣлахъ онъ требуетъ отъ Мефистофеля, чтобы тотъ уничтожилъ для него всѣ препятствія къ безпечному наслажденію. Въ единственномъ развитомъ эпизодѣ предполагаемаго длиннаго пути «совершенствованія», въ любви къ Гретхенъ беззавѣтный эгоизмъ Фауста поглощаетъ четыре человѣческихъ жертвы: самоё Маргариту, ея ребенка, ея мать и брата, но при этомъ онъ также чистосердечно наслаждается любовью соблазненной имъ дѣвушки, какъ и въ объятіяхъ неодушевленной природы на вершинѣ горы. Его пантеистическій взоръ видитъ живыя созданія и своихъ братьевъ.

«Въ водахъ, и въ воздухѣ, и въ рощѣ тихой».

Зато и люди въ его глазахъ не больше, чѣмъ трава или деревья: все вмѣстѣ служитъ ему только поводомъ наслаждаться своими ощущеніями. «Всесильный духъ!»—восклицаетъ онъ, смутивъ покой наивной дѣвушки и наскучивъ уже платоническимъ ухаживаніемъ.

Всесильный духъ! ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все,
О чемъ тебѣ молился я. Не даромъ
Ты показалъ мнѣ пламенный свой образъ;
Ты далъ мнѣ эту дивную природу,
Далъ силу чувствовать и насладиться ею.
И я дивлюсь не съ хладнымъ удивленьемъ
Ея высокимъ тайнамъ; ты позволилъ
Мнѣ заглянуть въ ея святую грудь,
Какъ въ сердце друга, и т. д. *).

*) Переводъ Губера.

Раскаяніе его начинается только тогда, когда самъ Мефистофель поддразниваетъ его упреками и воспоминаніями. И даже окончательная гибель и позоръ Маргариты не наносятъ Фаусту неизлѣчимой раны, а переживаются имъ, какъ тяжелое, но преходящее испытаніе. Быль молодцу не укоръ. Воздушные духи легко смываютъ съ его души непріятныя воспоминанія росой изъ Леты, и онъ снова просыпается, освѣженный и полный жажды новыхъ ощущеній и волненій.

Ни у одного писателя нельзя найти болѣе тѣсной связи между произведеніями и дѣйствительною жизнью, чѣмъ у Гёте. Правда, ему никогда не приходилось отражать серьезныхъ покушеній на свою личную самостоятельность, ибо нельзя же считать особенно тяжелой борьбой его кратковременное столкновеніе съ патріархальною заскорузлостью родного Франкфурта, когда молодой поэтъ по окончаніи университета попытался-было начать практическую жизнь подъ покровительствомъ домашнихъ пенатовъ. Это были только мимолетныя тучки на общемъ радостномъ фонѣ дружескаго общенія съ интересными людьми, путешествій, безконечныхъ романическихъ эпизодовъ и серьезной умственной работы. А черезъ нѣсколько лѣтъ (1775 г.) переѣздъ въ Веймаръ по приглашенію герцога Карла-Августа окончательно ставитъ его въ самыя благопріятныя условія для развитія во всѣхъ направленіяхъ. Молодой, здоровый, красивый, обезпеченный, геніальный, онъ производилъ одинаково обаятельное впечатлѣніе на мужчинъ и женщинъ, молодыхъ и старыхъ, нѣмцевъ и иностранцевъ. Никакого гнета, ни матеріальнаго, ни нравственнаго, онъ не испытывалъ отнынѣ, кромѣ развѣ нѣкотораго стѣсненія отъ придворнаго этикета, да и то больше добровольнаго. Его ненужное подобострастіе, какъ извѣстно, впослѣдствіи даже производило отталкивающее впечатлѣніе, напр., на такого искренняго человѣка и горячаго его поклонника, какъ Бетховенъ. Во взаимныхъ отношеніяхъ Гёте и окружающаго его общества, если кто на кого производилъ давленіе, то, конечно, Гёте на общество, а не обратно. Онъ затмилъ въ маленькомъ придворномъ міркѣ всѣ остальныя свѣтила нѣмецкой литературы. По его совѣту и рекомендаціи приглашались въ Веймаръ или въ іенскій университетъ другіе писатели. Онъ высокомѣрно подсмѣивался надъ такими корифеями, какъ Виландъ, обидно игнорировалъ дурное расположеніе Гердера и уничтожалъ Коцебу. Въ театрѣ Гёте былъ полновластнымъ хозяиномъ. Онъ нетолько ставилъ на сцену исключительно пьесы своихъ пріятелей и свои собственныя, порою весьма скучныя и всегда мало сценичныя, но и предписывалъ публикѣ то или иное отношеніе къ представленію. Вотъ какъ описываетъ одинъ историкъ нѣмецкаго театра знаменитаго «олимпійца» при исполненіи обязанностей тетральнаго директора: «Онъ сидѣлъ въ креслѣ посрединѣ партера, и его повелительный взглядъ подчинялъ и направлялъ толпу вокругъ него и обуздывалъ недовольныхъ и безпартійныхъ. Когда іенскіе студенты, самостоятельное сужденіе которыхъ ему было очень не понутру въ Веймарѣ (онъ всячески ихъ огра-

ничивалъ, запрещалъ имъ, напр., занимать мѣста въ первомъ ряду), стали однажды черезчуръ шумно выражать свое отношеніе къ пьесѣ, онъ всталъ, приказалъ молчать и пригрозилъ, что велитъ дежурнымъ гусарамъ вывести безпокойныхъ. Подобная же сцена произошла въ 1802 г. при представленіи драмы Фр. Шлегеля *Аларкосъ*, которая показалась публикѣ ужъ слишкомъ смѣлой претензіей и вызвала рядомъ съ покорнымъ одобреніемъ «лояльной» партіи сильный оппозиціонный смѣхъ; тогда Гёте опять всталъ и громовымъ голосомъ закричалъ: «не смѣть смѣяться!» Подъ конецъ онъ доходилъ до того, что на нѣкоторое время запрещалъ публикѣ всякое громкое выраженіе, какъ одобренія, такъ и порицанія. Онъ не хотѣлъ, чтобы его какимъ бы то ни было образомъ безпокоили въ томъ, что онъ считалъ благовременнымъ...» Очевидно, тутъ не можетъ быть рѣчи объ угнетеніи генія толпою по обычному романтическому представленію.

Въ своей литературной продукціи Гёте чувствовалъ себя также совершенно независимымъ. Онъ дорожилъ и иногда признавалъ справедливою только критику такихъ друзей, какъ Шиллеръ, зато мнѣніе массы читателей и журнальныя сужденія его нисколько не смущали, хотя и сердили иногда, чему много доказательствъ въ знаменитыхъ *Ксеніяхъ*. И дѣйствительно, его могучій талантъ, глубоко понимаемый нѣсколькими избранными, долгое время казался, по крайней мѣрѣ, спорнымъ въ глазахъ большинства. Шумный успѣхъ *Геца* и исключительный тріумфъ *Вертера* отошли въ прошлое. Его лучшія произведенія классической эпохи были почти всегда слишкомъ незакончены и отрывочны, чтобы нравиться, а его отдѣланныя вещи чаще всего были скучные опыты въ заранѣе опредѣленномъ направленіи или блестящіе пустячки, написанные на какой-нибудь случай придворной жизни. До какой степени онъ гнушался льстить вкусамъ толпы, ярче всего видно изъ того рѣзкаго поворота вкусовъ, который совершился въ немъ подъ вліяніемъ распространявшейся тогда страсти къ романтическимъ экстравагантностямъ. Въ произведеніяхъ его молодости несомнѣнно много элементовъ, которые подготовили Тика, Новалиса и Шлегелей. Но какъ только ихъ туманныя и запутанныя тенденціи стали пріобрѣтать популярность, Гёте на зло общественному мнѣнію замкнулся въ чопорномъ поклоненіи прозрачной и нѣсколько условной красотѣ античной формы. Онъ нетолько одѣваетъ свою нѣмецкую *Ифигенію* въ греческое платье, но переводитъ архиложноклассическія трагедіи Вольтера. Распущенность и пестрота второй части *Фауста*, конечно, тоже никогда не дошла бы до такой тенденціозной странности, если бы авторъ хоть сколько-нибудь желалъ считаться съ чувствомъ и пониманіемъ простого читателя.

Не менѣе свободно располагалъ Гёте своею личною судьбой. Въ культѣ своего счастья онъ былъ послѣдователенъ отъ начала до конца. Въ этомъ онъ, впрочемъ, отчасти встрѣчалъ поддержку въ понятіяхъ всего кружка, группировавшагося вокругъ Веймарскаго двора, гдѣ дол-

гое время въ образѣ жизни царило настроеніе «бури и натиска» и не имѣли никакой силы мѣщанскія правила жизни, обыкновенно столь деспотическія въ нѣмецкомъ, да и во всякомъ другомъ захолустьи. Въ отношеніяхъ между полами умственная аристократія «нѣмецкихъ Аѳинъ» нетолько установила свободную практику парижскаго общества, но, что̀ гораздо важнѣе, возводила эту свободу въ теорію. Семейныя узы не стѣсняли ни мужей, ни женъ, и увлеченіе считалось совершенно законной причиной для новаго союза, сколько бы разъ такое увлеченіе ни повторялось. «Соблазненіе — что за болтовня! — выражалась г-жа фонъ-Кальбъ, одна изъ музъ величайшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, — ахъ, пожалуйста, пощадите эти несчастныя существа (женщинъ) и не запугивайте свое сердце и совѣсть! Довольно уже побивали камнями природу: я никогда не измѣню своего образа мыслей объ этомъ предметѣ. Я не понимаю этой добродѣтели, и она, мнѣ кажется, никого не дѣлаетъ святымъ. Религія здѣсь на землѣ ничто иное, какъ развитіе и поддержаніе тѣхъ силъ и способностей, которыя вложены въ наше существо. Человѣкъ не долженъ терпѣть никакого насилія, а также и никакого несправедливаго самоотреченія. Надо дать полную волю смѣлому, сильному, зрѣлому, сознающему свою силу и пользующемуся своей силой человѣчеству... Любовь не должна была бы подчиняться никакому закону...» Ничего больше не оставалось сказать и Жоржъ Зандъ.

Гёте по очереди увлекался всѣми умными и высокоразвитыми женщинами Веймара, но въ сущности онъ не любилъ смѣшивать любовь съ философіей. Съ самой ранней юности до глубокой старости скромныя и свѣжія Гретхенъ и Клерхенъ нравились ему больше, чѣмъ претенціозныя и страстныя «совѣтницы», съ которыми надо было вести утомительную тонкую игру въ чувство. Здѣсь онъ становился въ оппозицію со своими окружающими; они не могли понять увлеченіе Гёте какою-нибудь мѣщанкою Христіаной Вульпіусъ (впослѣдствіи его жена), которую нельза же было ввести въ общество образованныхъ людей. Но Гёте не позволялъ себѣ предписывать законовъ и нарушать свою независимость. Ревнивое высокомѣріе г-жи фонъ-Штейнъ не портило ему настроенія духа, и онъ приписывалъ ея раздраженіе тому, что она противъ его совѣтовъ продолжала пить кофе, который, по его мнѣнію, дурно отзывался на ея нервахъ.

Вообще, не существовало такой силы, которая бы въ состояніи была разрушить душевное равновѣсіе Гёте. Онъ ставилъ себѣ лично большія, но при его силахъ разрѣшимыя задачи, твердо и неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли, и все счастье его заключалось въ этомъ постоянномъ стремленіи и частичномъ достиженіи. Никто иной, какъ самъ Гёте говоритъ устами Прометея, что глупо «убѣгать въ пустыню, потому только, что не всѣ цвѣты, которые ему снились въ юности, дали ожидаемый плодъ». Какая разница между нимъ и разочарованными, усталыми отъ жизни и отъ несбыточности своихъ грезъ геніями

XIX вѣка! Знаменитый (въ Англіи и Америкѣ, а у насъ неизвѣстный) и оригинальный американскій мыслитель, Эмерсонъ, который, надо сказать, изъ всѣхъ «представителей человѣчества» хуже всего понялъ Гёте, эту черту указалъ правильно. «Рѣдко увидишь кого-нибудь,—говоритъ онъ,—кто не чувствовалъ бы себя неуютно въ жизни и даже не испыталъ бы какого-то страха передъ ней. Честные и стремящіеся къ высокимъ цѣлямъ люди всегда готовы покраснѣть за себя, что придаетъ имъ легкій оттѣнокъ каррикатурности. Но этотъ человѣкъ (Гёте) чувствовалъ себя вполнѣ дома и былъ счастливъ въ своемъ вѣкѣ и въ этомъ мірѣ. Ни у кого не было такого призванія къ жизни, никого такъ не радовалъ самый процессъ ея. Неустанное стремленіе къ дальнѣйшему развитію составляетъ отличительную духовную черту его произведеній, и въ этомъ ихъ сила».

Надо при этомъ помнить, въ какое грозное время онъ осуществлялъ это «неустанное стремленіе къ развитію». Находясь въ самомъ водоворотѣ европейскихъ событій конца прошлаго вѣка, лично даже участвуя въ походахъ своего покровителя герцога, Гёте относится къ совершающимся на его глазахъ великимъ событіямъ какъ къ досадной помѣхѣ въ своихъ литературныхъ и научныхъ занятіяхъ и при малѣйшей возможности берется опять за прерванную работу. Даже когда наступила повидимому окончательная гибель нѣмецкой національной жизни, когда за нѣсколько миль отъ Веймара наполеоновскія пушки въ Іенѣ рѣшали судьбу его родины, онъ не перестаетъ заниматься своею «теоріею цвѣтовъ», минералогіей, анатоміей и т. п. Грабежи французскихъ солдатъ въ самомъ Веймарѣ, постой въ его собственномъ домѣ, непосредственная близость самого завоевателя Наполеона только на мѣсяцъ прерываютъ эти занятія и обычный порядокъ жизни. Веймарскій театръ послѣ іенскаго пораженія былъ закрытъ только на два мѣсяца. Впослѣдствіи Гёте говорилъ Эккерману, что патріотическія пѣсни были дѣломъ Теодора Кернера, а ему, Гёте, были не къ лицу, и что ему неоткуда было взять паѳоса, разъ онъ не чувствовалъ никакой ненависти ко врагу.

Современные поклонники Гёте, патріотическое чувство которыхъ такъ легко муссируется по самымъ ничтожнымъ поводамъ, съ болью въ сердцѣ вспоминаютъ этотъ индифферентизмъ къ отечеству со стороны человѣка, котораго они признаютъ величайшимъ германскимъ геніемъ. Лишь слабымъ утѣшеніемъ для нихъ служитъ то, что въ этой сферѣ идей онъ былъ лишь представителемъ господствовавшаго настроенія. Фихте, обращая свои рѣчи къ «германской націи» былъ своего рода Колумбомъ, открывавшимъ нѣмцамъ новое для нихъ чувство единства. Патріотизмъ предшествовавшихъ поколѣній не шелъ дальше провинціальнаго честолюбія своего графства или герцогства. Король виртембергскій, получившій свой королевскій титулъ изъ рукъ того же Наполеона, внушалъ своимъ солдатамъ, выступающимъ сражаться противъ пруссаковъ и саксонцевъ, какая для нихъ великая

честь воевать въ ряду съ побѣдоносными французскими «легіонами» и впервые подъ королевскими знаменами. Если такимъ образомъ Гёте въ данномъ случаѣ не возвышался надъ уровнемъ современности, то все-таки несправедливо приписывать ему по этому поводу одни узко себялюбивыя побужденія. Онъ вовсе не былъ трусомъ. Чувство дружбы и преданности къ герцогу Карлу-Августу заставляло его дѣлить съ нимъ трудности и опасности походовъ, а во время зарейнской войны (1792 г.) онъ изъ любознательности ѣздилъ даже на поле битвъ, «чтобъ испытать пушечную лихорадку». Если же онъ хладнокровно изучалъ остеологію въ то время, когда враги приближались къ Веймару, то, съ точки зрѣнія эгоизма, благоразумнѣе было бы совсѣмъ уѣхать, какъ и поступило герцогское семейство, кромѣ герцогини Луизы. Онъ «не питалъ ненависти къ врагамъ» и не ощущалъ въ себѣ пангерманскаго чувства,—это безспорно, но зато онъ всѣми силами души любилъ свои искусства и науки. Проблемы красоты и исканіе истины были для него дѣйствительно священными знаменами, подъ которыми ему удавалось одерживать въ интересахъ человѣчества бо̀льшія побѣды, чѣмъ какія когда-либо одерживали знамена Пруссіи. Мы можемъ спокойно предоставить нѣмецкимъ имперіалистамъ сокрушаться объ отсутствіи у Гете національнаго самосознанія: для людей, не заинтересованныхъ въ ростѣ нѣмецкой государственной идеи, гораздо важнѣе, что Гёте, при всемъ своемъ общепризнанномъ филистерствѣ въ области личной жизни, предвосхитилъ у нашего вѣка пониманіе живыхъ процессовъ природы въ широкомъ смыслѣ этого слова. Великіе естествоиспытатели новѣйшаго времени (Гельмгольцъ) уже давно оцѣнили по достоинству, чѣмъ современная наука обязана безграничной любви Гете къ природѣ,—любви, которая даже его ошибки дѣлала геніальными и плодотворными. Но еще болѣе цѣненъ и менѣе поддается учету тотъ единственный въ своемъ родѣ реализмъ, съ которымъ онъ воспроизводилъ природу въ искусствѣ. Реализмъ этотъ, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ вымученнымъ и безжизненнымъ протоколизмомъ позднѣйшаго времени и не представляетъ изъ себя никакой литературной школы, которую можно было бы усвоить и продолжать. Дѣло совсѣмъ не въ тѣхъ или иныхъ техническихъ средствахъ, въ которыхъ Гете вовсе не всегда близокъ къ видимой дѣйствительности, а въ самомъ результатѣ художественнаго творчества. Изъ ограниченнаго матеріала, доставляемаго человѣческимъ словомъ, бѣдность котораго такъ угнетаетъ менѣе одаренныхъ артистовъ, Гете умѣлъ во многихъ (не во всѣхъ) своихъ произведеніяхъ возсоздать природу въ такой живой полнотѣ, что, кажется, сама дѣйствительность не могла бы ничего прибавить. Большинству писателей, даже одаренныхъ, удается освѣтить только одну сторону предмета, и читатель въ лучшемъ случаѣ видитъ только то, что̀ хотѣлъ ему показать авторъ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло пока только съ изобразительнымъ

талантомъ. Лишь немногіе обладаютъ неразгаданною до сихъ поръ способностью вкладывать въ свои созданія болѣе того, что они сами сознаютъ, а эта способность только и можетъ называться настоящимъ творчествомъ. Маркиза Позу нельзя разсматривать съ другой точки зрѣнія, чѣмъ задумалъ его авторъ. Если бы мы захотѣли взглянуть на него просто, какъ на человѣка, независимо отъ намѣреній Шиллера, мы ровно ничего не увидали бы. Въ Гамлетѣ, въ королѣ Лирѣ каждый вѣкъ, каждое поколѣніе находитъ новыя и новыя черты, и, конечно, современникамъ Шекспира, а вѣроятно, и ему самому никогда не приходило въ голову то, что освѣщали въ этихъ типахъ Гаррикъ или Росси. Такою же полною жизнью, не на плоской только бумагѣ, а во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ живутъ многіе крупные и мелкіе герои Гете. Персонажи изъ *Германа и Доротеи*, многія женщины, Фаустъ, Мефистофель, Тассо, какой-нибудь безъименный живописецъ изъ маленькой поэмы *Земная юдоль художника* и многіе, многіе другіе навсегда останутся такими реальными фигурами, какъ дѣйствительныя историческія личности. Поэтому-то болѣе сложныя натуры изъ нихъ всегда будутъ вызывать противорѣчивое отношеніе къ себѣ и самые несходные комментаріи. Поэтому-то, несмотря на самыя яркія буржуазно-филистерскія черты самого автора, въ почтеніи и удивленіи къ его художественному генію, соединяются люди всякихъ соціальныхъ положеній, какъ было, напримѣръ, на юбилейныхъ празднествахъ въ Германіи въ августѣ нынѣшняго года, гдѣ представлены были всѣ слои нѣмецкаго образованнаго общества, начиная отъ болѣе культурныхъ элементовъ юнкерства и кончая рабочими ферейнами. Чувства и мысли, которыя возникали при этомъ въ каждомъ изъ почитателей поэта, были несомнѣнно весьма разнообразны, но именно это разнообразіе и можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ неумирающей силы истиннаго искусства.

И дѣйствительно, какъ не удивляться этому, кажется, единственному въ исторіи соединенію противоположныхъ духовныхъ чертъ! Ни одному романисту еще не приходило въ голову изобразить такую сложную натуру, да никто и не повѣрилъ бы въ реальность подобной личности, если бы сама дѣйствительность не показала намъ, что себялюбивый эпикуреецъ, высокомѣрный баловень судьбы, превосходительный «президентъ палаты» мизернѣйшаго изъ старосвѣтскихъ государствъ Германіи можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нетолько быть великимъ художникомъ слова, но и отзываться своимъ черствымъ сердцемъ на всякое человѣческое страданіе, постигнуть умомъ самыя коренныя проблемы новѣйшей философіи. Въ теченіе всего XIX вѣка мыслящее человѣчество колебалось между наивною вѣрою въ всемогущество науки и мучительнымъ сознаніемъ безсилія человѣческаго разума, но и на рубежѣ новаго столѣтія, послѣ такихъ гигантскихъ успѣховъ философіи, соціальныхъ и естественныхъ наукъ, «и богословія, увы!», оно не сту-

нило ни шагу дальше стараго доктора Фауста и могло бы вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть:

Da steh'ich nun, ich armer Thor,
Und bin so klug, als wie zuvor.

Только одинъ художникъ послѣ Гёте рѣшался ставить съ такою же широтой міровые вопросы,—это гр. Толстой, но въ то время, какъ великій писатель земли русской ищетъ разрѣшенія тяжелыхъ сомнѣній въ задачахъ личнаго совершенствованія въ неподвижной средѣ, великій нѣмецкій писатель далекъ отъ желанія завести человѣчество въ такой тупикъ: намѣчаемый имъ практическій способъ отдѣлаться отъ проклятыхъ метафизическихъ загадокъ заключается въ широкой общественной дѣятельности — рѣшеніе, болѣе соотвѣтствующее представленіямъ новѣйшаго времени.

Что касается проникновенія во всякое человѣческое чувство, умѣнья понять и выразить всякое движеніе сердца, то этимъ Гёте пріобрѣлъ, быть можетъ, наиболѣе прочную привилегію на не слабѣющій интересъ потомства. Берне, одинъ изъ благороднѣйшихъ противниковъ прославленнаго поэта, обращаетъ противъ него укорительныя слова его Прометея: «Смягчилъ ли ты когда-нибудь скорбь угнетеннаго? Утеръ ли ты когда-нибудь слезу безсильнаго?» Не будемъ говорить здѣсь о томъ, насколько дѣйствительная жизнь Гёте давала основаніе для такого упрека, но несомнѣнно, что никто лучше его не могъ постичь и вылить въ словахъ «скорбь угнетенныхъ» и «слезы безсильныхъ». Лирическіе элементы его поэзіи, именно тогда, когда въ нихъ звучатъ не личныя, часто мелкія чувства автора, а подслушанныя у ближнихъ горести и радости, принадлежатъ къ самымъ высокимъ образцамъ міровой литературы. Ему одинаково близки и доступны отчаяніе покинутой на позоръ дѣвушки, и психологія тѣхъ, кто «въ слезахъ ѣстъ свой хлѣбъ», и скупое на слова несчастіе орла съ перебитымъ крыломъ, и граціозныя мечты уличной пѣвицы, и гордая самоувѣренность сильной натуры, которая въ бурю твердо стоитъ у руля и, все равно, разобьется ли его корабль или достигнетъ гавани, довѣряетъ своимъ богамъ.

Исторія лирики всегда идетъ болѣе или менѣе однимъ путемъ. Первобытное чувство, которое еще не умѣетъ рисоваться и наслаждаться собственной красотой, выражается просто и сдержанно, «Ты моя, а я твой, да иначе и быть не могло», — вотъ цѣлая любовная пѣсня безъименнаго нѣмецкаго поэта до-рыцарской эпохи. Почти такой же лаконизмъ можно найти во всякой народной поэзіи.

Затѣмъ начинается «развитіе» поэтическихъ формъ. Гамма человѣческихъ чувствъ велика, а словъ для ихъ выраженія придумано мало. Всякій поэтъ стремится найти специфическую, непохожую на все предъидущее форму для своего чувства, своеобразность котораго онъ такъ ясно ощущаетъ. Запасъ поэтическихъ формулъ растетъ, языкъ услож-

*

няется, и стремленіе къ мѣткости и оригинальности доходитъ иногда до манерной нелѣпости. Этого предѣла достигли французскіе стихотворцы прошлаго вѣка; то же случилось съ нѣмецкими мейстерзингерами, нѣчто вродѣ того происходитъ въ нѣкоторыхъ литературахъ въ наше время. Но вотъ является геніальный поэтъ и возвращаетъ поэзію къ первобытной простотѣ, и всѣмъ становится ясно, что въ этой простотѣ вся сила поэзіи и весь залогъ ея долговѣчности. Такимъ реформаторомъ въ нѣмецкой лирикѣ послѣ долгихъ вѣковъ безсодержательной версификаціи былъ Гёте. Его лучшія лирическія стихотворенія написаны такъ, какъ будто раньше его никто не выражалъ чувствъ любви, печали и радости. Пѣсни Маргариты, Клерхенъ, Миньоны, стихи «Ich denke dein» или «Ueber allen Gipfeln ist Ruh», такія баллады, какъ *Пѣвецъ*, *Передъ судомъ* и много другихъ по своей безъискусственности и выразительной краткости напоминаютъ лучшія произведенія народнаго творчества. Справедливость требуетъ признать, что у Гёте были предшественники. Уже нѣкоторыя оды Клопштока вводятъ въ нѣмецкую поэзію ясность и гармонію, но особенно Гердеръ своимъ увлеченіемъ и пропагандой народной поэзіи способствовалъ обновленію художественной лирики. Если онъ самъ не могъ на практикѣ осуществить свои поэтическія мечты, то вліяніе его на современниковъ и позднѣйшихъ писателей несомнѣнно. Многія прекрасныя стихотворенія Гёте, заимствованныя изъ народныхъ пѣсенъ различныхъ народовъ, непосредственно внушены Гердеромъ. Въ лирикѣ Гёте, какъ и во всѣхъ прочихъ родахъ его литературныхъ произведеній, много неровностей и противорѣчій. Очень часто онъ остается сыномъ своего времени и уродуетъ свои стихи изысканностью, педантическою ученостью и мелочностью изображаемыхъ чувствъ и настроеній, но все-таки какъ въ лирикѣ, такъ и во всемъ остальномъ Гёте достигалъ такихъ вершинъ, которыя ни ранѣе, ни послѣ не были никѣмъ достигаемы изъ его соотечественниковъ. Не къ наименьшимъ странностямъ его удивительной дѣятельности надо отнести то, что при его полномъ равнодушіи къ идеѣ нѣмецкаго отечества онъ положилъ больше всего незыблемыхъ краеугольныхъ камней въ зданіе нѣмецкой національной литературы. Правда, нѣкоторыя особенности его личности, отразившіяся и на его творчествѣ, имѣли весьма вредныя послѣдствія: долгое время все косное и ретроградное въ Германіи искало его авторитетной санкціи и такъ или иначе украшалось его великимъ именемъ, подобно тому, какъ и у насъ имя Пушкина (впрочемъ, съ гораздо меньшимъ правомъ) долго профанировалось извѣстной литературной кликой, провозгласившей его своимъ сторонникомъ.

Но великіе писатели своими лучшими сторонами переживаютъ своихъ непрошенныхъ почитателей—человѣконенавистниковъ и остаются плодоносящей силой и гордостью для всего человѣчества, долго послѣ того, какъ ихъ паразиты сгніютъ въ памяти потомства.

Евгеній Дегенъ.

ОСВОБОДИЛАСЬ.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

XVIII.

Наступилъ постъ.

Клименко какъ-то вечеромъ сказалъ Лизаветѣ Николаевнѣ:

— Я переѣхалъ на другую квартиру. Приходите на новоселье...

Она пристально посмотрѣла на него.

— А Марья Васильевна?

— Я у нея же. Только я убѣдилъ ее снять большую квартиру и сдать студентамъ нѣсколько комнатъ. Такъ удобнѣе для меня... и для нея... когда я уйду.

Онъ далъ адресъ.

— Завтра днемъ зайдите. Я буду дома.

Въ двѣнадцать на другой день Лизавета Николаевна была уже на Бронной. Мѣстность эта была преимущественно заселена студентами. Домъ, въ которомъ жилъ Клименко, трехъэтажный, длинный, каменный, образовалъ, рядомъ съ другимъ такимъ же зданьемъ, принадлежавшимъ тому-же хозяину, нѣчто вродѣ громаднаго общежитія, разбитаго на множество мелькихъ квартиръ. Узкій дворъ между двумя корпусами напоминалъ улицу, полную движенья. Тамъ сновали разнощики, предлагая селедки и студень, татары съ узлами и старьевщики выкрикивали свои стереотипныя фразы, глядя наверхъ, на окна жильцовъ; пѣла шарманка, бѣгали дѣти, рѣзвились собаки, грохотала телѣжка водовоза и стучали пролетки, когда наступало лѣто. На крылечкахъ встрѣчалась прислуга, обмѣниваяся впечатлѣніями. Здѣсь былъ словно крохотный городокъ, носившій опредѣленную физіономію. За этими двумя корпусами, образуя такіе-же узенькія

*) См. «Міръ Божій» № 10, октябрь.

улицы, шли еще одинаковые дома того же владѣльца. Здѣсь ютилась бѣднота,—студенты, курсистки, начинающія акушерки и масажистки, снимавшія комнаты у хозяекъ, не имѣвшихъ опредѣленныхъ занятій и державшихся только жильцами. За комнату, стоившую двадцать рублей, студенты платили втроемъ.

Когда Лизавета Николаевна вошла во дворъ, ища номеръ квартиры и путаясь въ безчисленныхъ подъѣздахъ, ее поразило волненье, которое царило въ маленькой улицѣ между корпусами. Прислуга выбѣгала въ однихъ платкахъ, хлопая дверями; ихъ перегоняли студенты въ однѣхъ тужуркахъ, могіе безъ фуражекъ. Лица ихъ были испуганы, жесты порывисты. Они что-то отрывочно кричали въ догонку опередившимъ ихъ курсисткамъ. Все это мчалось въ уголъ на лѣво, къ крайнему у забора подъѣзду. Тамъ уже стояла толпа.

— Что такое? Что такое?.. кричали жильцы, выскакивая раздѣтые на морозъ.—Пожаръ что ли? Господи!.. Ничего не знаешь...

Вдругъ въ толпѣ произошло движенье.

— Полиція... полиція... Пропустите полицію...

Мимо Лизаветы Николаевны проѣхали сани съ околодочнымъ. Городовой бѣжалъ торопливо рядомъ по троттуару, придерживая шашку; за нимъ дворникъ безъ шапки и конторщикъ въ пиджакѣ, который, отчаянно жестикулируя, говорилъ что-то блѣдному взволнованному студенту.

— Вы не знаете, гдѣ номеръ квартиры сорокъ-третій?—спросила Мельгунова горничную въ платочкѣ, спѣшившую къ толпѣ.

Та какъ-то дико поглядѣла на нее и побѣжала, не отвѣчая, дальше...

Лизавета Николаевна невольно очутилась въ толпѣ, которая расступилась, пропустивъ полицію внутрь дома. Всѣ сѣни были полны любопытными.

Вдругъ истерическое рыданье вырвалось откуда-то. Точно дверь отворилась и въ сѣни выбѣжалъ человѣкъ, которому душно стало въ домѣ.

Толпа дрогнула.

— Хозяйка,—сказалъ кто-то...

Черезъ головы Лизавета Николаевна увидала сѣдую, растрепанную женщину въ блузѣ. Ее кто-то тащилъ на крыльцо, продираясь сквозь толпу... кто-то подносилъ ей воды. Она не могла выпить, зубы стучали.

— Что здѣсь такое?.. понижая голосъ спросила Лизавета Николаевна какую-то хорошенькую барышню, въ одномъ тепломъ платкѣ, безъ калошъ стоявшую на снѣгу.

— Студентъ зарѣзался...

Мельгунова всплеснула руками.

— Отчего? Какой ужасъ...

Подходившіе, услыхавъ, снимали шапки и крестились.

— Жить было нечѣмъ... Ни уроковъ, ничего... Плату за себя за полугодіе не внесъ... да хозяйкѣ задолжалъ за два мѣсяца... Она отказала ему...

Какъ бы въ отвѣтъ на это объясненье, сѣдая женщина, безъ перерыва кричавшая на крыльцѣ, вдругъ забормотала, обращаясь къ толпѣ, встрѣтившей ее въ гробовомъ молчаньи, съ нѣмымъ укоромъ въ глазахъ:

— Развѣ-жъ я знала?.. Боже мой!.. какъ я могла знать?.. Я лучше-бъ молчала... Грѣхъ какой!.. Вѣдь я человѣкъ бѣдный этимъ только живу...

— И то правда,—замѣтила какая-то кухарка сосѣдкѣ.— Коли платить никто не будетъ, чѣмъ жить-то? квартира—тридцать-пять стоитъ безъ дровъ...

— То-то оно—то...

— Еще бѣдная, убивается... Совѣсть есть...

— Тоже и ей не сладко... Кто къ ней теперича жить-то пойдетъ?..

— Вѣрно... Удружилъ жилецъ, нечего сказать!..—неодобрительно покачала головой пожилая дама, тоже хозяйка.

Многіе оглянулись на нее съ негодованіемъ.

Вдругъ толпа заволновалась. Группа молодежи вышла изъ квартиры на крыльцо. Среди нея былъ и Клименко. Лизавета Николаевна замѣтила, что онъ совсѣмъ бѣлый и что губы его дрожатъ. Студентъ безъ фуражки, вышедшій съ нимъ вмѣстѣ, плакалъ.

— Ну, что? Какъ?.. Живъ?.. Это медикъ... Первый, котораго позвали...—раздались голоса.

Студентъ махнулъ рукой и спустился въ толпу.

— Померъ...—пронесся шепотъ. Опять многіе перекрестились. Лица были блѣдны...

Нѣкоторые изъ молодежи порывались пройти въ домъ.

— Не пускаютъ... гонятъ всѣхъ...—кричали имъ.—Не ходите...

Хозяйку повели на допросъ. Она истерически вскрикивала.

Вдругъ изъ толпы, отчаянно продираясь, выдѣлилась молодая дѣвушка и кинулась бѣжать по двору, закрывъ лицо платкомъ и рыдая навзрыдъ.

— Сестра что-ль?

— Аль невѣста?

— Кто ее знаетъ?... Видно знакомая...

Клименко увидалъ Лизавету Николаевну и подошелъ къ ней.

— Какой ужасъ!..—сказала она, не здороваясь.

Онъ молча пожалъ ея руку и повелъ въ подъѣздъ напротивъ.

У него была крохотная комнатка въ одно окно, близъ кухни. Дверь выходила въ корридоръ. Онъ платилъ за нее двѣнадцать рублей, но зато былъ одинъ. Рядомъ, въ другой длинной и мрачной комнатѣ жило трое студентовъ, черезъ корридоръ еще двѣ барышни-сибирячки, пріѣхавшія изъ Омска и учившіяся на фельдшерскихъ курсахъ.

Сама Марья Васильевна жила въ четвертой комнатѣ въ два окна, солнечной и сухой, рядомъ съ курсистками.

У Клименко уже былъ приготовленъ самоваръ и тортъ. Но самоваръ остылъ, да и въ голову теперь не приходило пить.

— Вы его знали?..—спросила Мельгунова.

— Нѣтъ... Я вчера только переѣхалъ... Если бы я зналъ его, этого бы не случилось.

— Какое печальное новоселье!...—вздохнула она.—Вы его видѣли?...—спросила она опять, съ страннымъ блестящимъ взглядомъ.

— Да, я прибѣжалъ однимъ изъ первыхъ. Онъ уже хрипѣлъ... Помочь было невозможно... Онъ перерѣзалъ себѣ горло... перочиннымъ ножомъ...

— Бѣдная мать!.. Вѣдь у него навѣрно есть родные?..

— Да, онъ ей оставилъ письмо.

Дверь шумно распахнулась. Марья Васильевна распухшая отъ слезъ, съ греческимъ узломъ прически, съѣхавшимъ на бокъ, какъ вихрь ворвалась въ комнату и упала на стулъ.

— Боже мой!.. Какъ жалко, какъ жалко,—заговорила она всхлипывая...—Такой молодой, такой красивый!.. Здравствуйте душечка, Лизавета Николаевна!.. Вы меня простите... я совсѣмъ разстроилась... Кто могъ думать? Я вчера еще его на улицѣ встрѣтила... Шелъ съ барышней... такой красивый...

Она вдругъ встрепенулась, вскочила и поднесла пальцы къ самовару.

— Что же вы чаю-то? Еще не остылъ?.. Ахъ, батюшки!.. А пирогъ-то?.. пирогъ... Матрена!..—крикнула она и кинулась въ кухню.

Клименко внимательно посмотрѣлъ на Мельгунову. Странное, жуткое—новое для него—выраженіе въ ея глазахъ поразило его.

— О чемъ вы думаете?..—спросилъ онъ тихо.

Она не слыхала, пришлось повторить вопросъ. Лизавета Николаевна перевела на него глаза. Съ минуту, казалось, она его не видитъ и онъ это почувствовалъ.

— На васъ это сильно подѣйствовало?..—спросилъ Клименко.—Хорошо, что вы его не видали...

— Все равно.... Я его какъ будто вижу передъ собой...—от-

вѣтила она медленно и глухо, съ трудомъ выговаривая слова.— Да... на меня это подѣйствовало... Вѣдь, въ сущности... это не такъ трудно... если вдуматься... а главное, это все разрѣшаетъ...

— Неправда,—твердо и сурово возразилъ Клименко.—Неправда!.. Смерть не рѣшаетъ ничего... Разрубить Гордіевъ узелъ жизни—не значитъ развязать его... особенно когда вплелись въ него нити чужихъ жизней... Не надо квіетизма, нирваны, малодушія!.. Жизнь—борьба!.. И надо бороться...

— Вы молоды... вы не устали... оттого и не боитесь борьбы...— Плечи ея вдругъ вздрогнули.—Право, Алексѣй Иванычъ, я часто думала, что жизнь страшнѣе смерти... Тутъ одна только минута... И отчего мы боимся?.. Мнѣ кажется, только рѣшиться трудно... а тамъ сразу станетъ легко... Какъ вы думаете?.. Только и страшно, пока колеблешься...

Клименко вскочилъ и зашагалъ по комнатѣ, дергая свою бородку.

— Я и думать-то не хочу объ этомъ!..—раздраженно повысилъ онъ голосъ.— И васъ просилъ бы встряхнуться... Ахъ, какъ мнѣ не нравится ваше настроеніе!.. Ну, да!.. И мнѣ его жаль... Но развѣ онъ одинъ гибнетъ?.. Мало развѣ каждый день кончаютъ самоубійствомъ, и по причинамъ болѣе уважительнымъ?.. Я понимаю, если честь затронута...—онъ ударилъ себя рукою въ грудь и на щекахъ его загорѣлись два пятнышка.—Если измѣнилъ себѣ—почему-бы-то ни было... словомъ, что-нибудь позорное... а то испугался лишеній... изъ университета исключили... Какъ будто только цензъ даетъ право на жизнь и открываетъ предъ нами будущее? Для карьериста и всякаго буржуа дипломъ—все... Но для человѣка—Боже мой!.. Когда міръ широкъ и дѣла такъ много!.. Когда зарабатывая поденщиной гроши, все-таки можно имѣть душу живую!.. Ну, не судьба—быть наверху, среди избранныхъ и удачниковъ,—спускайся внизъ!.. Имѣй это мужество... Внизу-то развѣ не люди?.. Среди нихъ жить—развѣ ужъ не стóитъ?..

Его голосъ зазвенѣлъ и онъ закашлялся.

Вбѣжала Марья Васильевна съ пирогомъ на блюдѣ. Ея щеки такъ и пылали.

— Ради Бога извините... Кухарка отъ плиты убѣжала, пирогъ и подгорѣлъ.. Алексѣй Иванычъ, садитесь!.. Лизавета Николаевна, кушайте, пожалуйста!.. Я сама пекла его... А что же вы торту?

Она подчивала, искренно огорчаясь, что никто не ѣстъ,—и сама кушала съ аппетитомъ поминутно выскакивая поглядѣть на уходившую съ другого подъѣзда полицію, на волновавшуюся толпу. Она то начинала говорять о самоубійцѣ и слезы навертывались

на ея хорошенькіе глазки, то безъ всякихъ переходовъ похваливала пирогъ и накидывалась на дочку, которая перепачкалась тортомъ и просила еще.

Клименко вышелъ проводить Мельгунову и дорогой сказалъ ей, что боится, какъ бы этотъ примѣръ самоубійства не вызвалъ подражаній въ средѣ молодежи. Такъ бывало всегда, а бѣднота никогда не достигала такихъ размѣровъ, какъ теперь.

— Что же дѣлать?..—спросила Лизавета Николаевна.—Надо же что-нибудь дѣлать... помогать... Нельзя же оставаться пассивными... Когда видишь, что рядомъ люди умираютъ отъ нужды... Совѣстно какъ-то вернуться въ дорогую квартиру... сѣсть за хорошій обѣдъ... Вотъ вы противъ филантропіи... и всякихъ подачекъ... Но что же я?.. Мы всѣ... обезпеченные буржуа—можемъ сдѣлать?.. Отымите у насъ это счастье помогать—Богъ мой!.. да вѣдь это совѣсть заѣритъ... Нѣтъ!.. Я такъ не могу!.. Если въ наше жестокое время жизнь такъ трудна и страшна, надо облегчать ее, кто чѣмъ можетъ...

Въ этотъ же вечеръ она передала Клименкѣ сто рублей.

— Не возражайте,—горячо заговорила она.—Я не могу поступить иначе... Вы сами сказали, что бѣдноты много, могутъ повториться эти случаи... Надо спѣшить... Вы сами знаете, кому нужнѣе... Отдайте... А то я не засну... Его лицо передо мной... словно я его видѣла.

На Пасхѣ Клименко зашелъ за Лизаветой Николаевной и пригласилъ ее на выставку передвижниковъ.

Это веселое весеннее утро долго оставалось въ памяти Лизаветы Николаевны. Взявшись подъ руку, чтобы не быть разъединенными толпой, они бродили среди нея—какъ-то ярче чувствуя душевную близость, среди чужихъ и равнодушныхъ людей.

Но мнѣнія ихъ объ искусствѣ расходились. Клименко не признавалъ „безъидейныхъ“ картинъ и съ вниманіемъ останавливался только передъ полотномъ Касаткина и Богданова-Бѣльскаго.

— А Левитанъ?..—съ упрекомъ возражала Мельгунова.—Взгляните, какая лунная дорога!.. А вотъ еще пейзажъ... Какія краски!

— Собственно говоря... какое же это имѣетъ общественное значеніе?..—хладнокровно спрашивалъ Клименко, котораго никакія краски не могли купить.

— Нѣтъ, вы удивительно односторонни...—сердилась Елизавета Николаевна, которую онъ словно холодной водой обливалъ всякій разъ.

— Вы рѣшили, гдѣ жить лѣтомъ?..—спросилъ Клименко по дорогѣ домой.

Лизавета Николаевна назвала мѣстность.

— То-то... А то Марья Васильевна ѣдетъ завтра искать...

— Вы, кажется, собираетесь уходить отъ нея?—усмѣхнулась Мельгунова.

Клименко покраснѣлъ такъ сильно, что на него было жалко глядѣть.

— Вы упрекаете меня въ безволіи?.. Да, вы правы... Но... я никакъ не могу развить въ себѣ эту жестокость... знаете, идейную жестокость, необходимую для всякаго, кто не хочетъ загородить себѣ будущаго... Я колеблюсь, боюсь поступить круто... Вообще—я суровъ только въ теоріи... Вы будете меня презирать...

— Нѣтъ... нѣтъ... Я понимаю васъ. Но я боюсь только одного...

Онъ такъ и вскинулся весь.

— Вы боитесь? За меня?

Она прикусила губы и отвѣтила, отвернувшись:

— Въ этихъ случаяхъ женщина всегда бываетъ сильнѣе, потому что идетъ напрямикъ... И она побѣдитъ, въ концѣ-концовъ... А тогда... тогда уже поздно будетъ рвать...

— Никогда!..—горячо крикнулъ Клименко, и глаза его сверкнули.—Этого никогда не будетъ... Зачѣмъ вы это говорите?.. Мнѣ больно слушать... Вѣдь я ни минуты... вѣрьте мнѣ... ни минуты не видѣлъ въ ней женщины... и никогда ее не полюблю...

Онъ ничего не прибавилъ, но въ лицѣ его Лизавета Николаевна прочла недосказанное:

„Мое великое чувство къ тебѣ удержитъ меня отъ пошлости и грязи“...

Она сама измѣнилась въ лицѣ отъ волненія. Они разстались молча.

Въ сумеркахъ Лизавета Николаевна рылась въ шкафахъ, ища помянутую въ спискѣ Мельгунова французскую брошюру. Эта была бы ея послѣдняя работа. Этимъ переводомъ она должна была къ маю закончить свой секретарскій трудъ.

Долго искала она безуспѣшно. Наконецъ, открыла небольшой одностворчатый шкафчикъ, къ замку котораго подошелъ послѣдній ключъ на связкѣ. Никогда раньше она туда не заглядывала. Шкафчикъ стоялъ всторонѣ, въ глубинѣ комнаты.

Когда она отперла его, ей бросился въ голову специфическій запахъ аптеки. Пахло карболкой и еще чѣмъ-то. На нижней полкѣ стояли банки и стклянки всевозможныхъ размѣровъ. На всѣхъ бѣлѣла этикетка, съ изображеніемъ мертвой головы и костей, постей, положенныхъ на-крестъ.

„Это яды“.—поняла Лизавета Николаевна.

Она тотчасъ забыла о нихъ, увлеченная поисками. Верхнія полки были заставлены старыми медицинскими журналами, растре-

панными и пыльными. Она сложила ихъ на полъ, присѣла на корточки и стала разбираться. Чуть уловимый сладкій запахъ хлороформа проникалъ откуда-то и щекоталъ ея ноздри.

Она что-то вспомнила и опять, пристально посмотрѣла на стклянки.

Брошюра дѣйствительно нашлась, втиснутая въ старую книгу.

Лизавета Николаевна вздохнула съ облегченіемъ, отложила брошюру и стала убирать хламъ.

Статью она отнесла на письменный столъ. Когда она вернулась запереть шкафъ, ее словно кто подтолкнулъ. Какъ-то безсознательно она опустилась на колѣни и въ сумеркахъ стала читать этикеты на стклянкахъ. Хлороформъ, сулема, карболка, мышьякъ, опій, морфій...

Она усмѣхнулась. Почему-то мелькнула мысль:

— Этого хватило бы на сотню людей...

Вдругъ лицо ея странно оживилось. Она брала въ руки эти запыленныя, герметически закупоренныя стклянки, читая на свѣтъ сигнатурки, чего-то упорно ища въ тишинѣ и сумеркахъ умирающаго дня.

— Ахъ, вотъ оно!..

Вотъ, вотъ эта самая баночка... Хлоралъ-гидратъ...

Странное выраженье разлилось по ея лицу. Значитъ онъ солгалъ тогда? Но почему же?.. Шесть лѣтъ назадъ, вскорѣ послѣ ихъ разрыва, Лизавета Николаевна простудилась и мучилась зубами. Она просила мужа дать ей ключъ отъ шкафа, гдѣ у него хранились необходимые для его операцій и опытовъ яды. Но Мельгуновъ такъ измѣнился въ лицѣ, что это замѣтилъ даже Сивушинъ, который обѣдалъ у нихъ въ этотъ день.

— Зачѣмъ тебѣ?..—спросилъ онъ почти грубо.

— Я не сплю двѣ ночи... Мнѣ всегда помогалъ хлоралъ въ этихъ случаяхъ...

Мельгуновъ замахалъ руками.

— У меня ничего нѣтъ... Честное слово ничего... Я все отвезъ въ больницу...

— Ну, хоть хлороформу дай,—просила она,—я положу на зубъ.

— Честное слово, ничего нѣтъ!..—увѣрялъ Мельгуновъ, ударяя себя въ грудь.

— Вотъ чудакъ-то!..—засмѣялся Сивушинъ.—Право можно думать, вы боитесь, что Лизавета Николаевна отравится... Дайте бумажки, барынька!.. Я вамъ пропишу хлоралу... Соснете, нервы улягутся...

„Отчего онъ солгалъ?“...—спрашивала себя теперь себя Лизавета Николаевна, припоминая эту сцену, его лицо... „Неужели онъ думалъ, что я хочу“...

Она вздрогнула вся, отъ головы до пятъ и зубы у нея застучали отъ внутренняго холода. Мгновенно пронеслось воспоминаніе, вихремъ промчалось впечатлѣніе недавняго... Студентъ самоубійца...

Она стояла недвижно.

Что поняла она въ эту минуту мгновеннымъ неяснымъ ощущеніемъ? Предчувствіе какой бѣды прошло холодомъ по ея душѣ?.. Какіе призраки грядущаго заглянули ей въ лицо мертвыми очами?..

Она не въ силахъ была оглянуться. Сердце стукнуло и замерло. Кто-то вошелъ, казалось, черезъ запертую дверь—незримый и безлицый,—и стоялъ тамъ, въ тишинѣ и мглѣ умирающаго дня... Что-то случилось, чего ни вернуть, ни отвратить нельзя...

Въ передней застучали, отпирая подъѣздъ. Мужъ вернулся... Скорѣй!..

Она сунула торопливо въ карманъ склянку съ хлораломъ. Сама она не могла бы объяснить себѣ этого движенія.

Когда Мельгуновъ вошелъ, она стояла уже у письменнаго стола.

— Отчего ты не зажжешь лампы?..—спросилъ онъ.—Глаза можно испортить въ такой темнотѣ...

Она молчала, не оборачиваясь. Гдѣ-то тихо позвякивали, раскачиваясь, ключи. По этому звуку Мельгуновъ инстинктивно оглянулся и сердце его замерло.

— Зачѣмъ ты отпирала этотъ шкафъ?..

Въ голосѣ его была дрожь. Онъ быстро щелкнулъ замкомъ и положилъ связку въ карманъ.

На его слова она обернулась разомъ и словно впилась глазами въ его блѣдное лицо. Ихъ взгляды встрѣтились.

Они поняли другъ друга...

— Я искала .. французскую статью,—медленно произнесла она, чувствуя, какъ и ея щеки покрываются землистой блѣдностью.

XIX.

Клименко переѣхалъ на дачу недѣли на двѣ позже Мельгуновыхъ.

— Какими судьбами?..—удивился Павелъ Васильевичъ, увидавъ студента на своей террассѣ.

— Я здѣсь живу,—отвѣтилъ онъ коротко.

Мельгуновъ этимъ былъ непріятно сраженъ. Старыя подозрѣнія проснулись.

Какъ и въ городѣ, здѣсь у нихъ безпрестанно были гости, люди богатые и праздные, которые являлись къ хозяйкѣ то съ

дневными, то съ вечерними визитами. А уклониться отъ этого общества здѣсь было труднѣе, чѣмъ въ Москвѣ.

„Вся жизнь на людяхъ,—думалъ разочарованный Клименко.—Слова нельзя сказать по душѣ“...

Либо они сидѣли на террассѣ, часа по три за самоваромъ, либо гуляли, непремѣнно съ Шурой, а прежде еще съ Олей. Разъ какъ-то, когда они двинулись вечеромъ за калитку вдвоемъ, по дорогѣ въ паркъ, Мельгуновъ крикнулъ имъ вслѣдъ:

— А Шура-то гдѣ же?.. Не съ вами развѣ?.. Шура-а!..—отчаянно завопилъ онъ, не дожидаясь отвѣта.

— Догоняй маму,—приказалъ онъ подбѣжавшему мальчику.

Этотъ маневръ возмутилъ Лизавету Николаевну, но она смолчала, боясь обострить отношенія мужа съ Клименко. Она готова была стерпѣть и бо́льшее униженіе, чтобы не навлекать какихъ-либо непріятностей на своего юнаго друга.

Мельгуновъ, съ своей стороны, понималъ, что дѣлаетъ глупости, но удержаться не могъ. Они могли, конечно, встрѣчаться днемъ—въ паркѣ, въ лѣсу. Запретить женѣ гулять—нельзя. На то и дача, чтобъ пользоваться воздухомъ... Да у него и языкъ не повернется сказать ей это. Онъ страдалъ отъ ревности и становился опять раздражительнымъ. Съ Клименко онъ былъ болѣе чѣмъ холоденъ. Онъ полагалъ почему-то, что это удержитъ студента отъ частыхъ посѣщеній и, въ своей наивности, негодовалъ на Клименко, который совершенно игнорировалъ его враждебные тоны, и даже какъ бы не замѣчалъ его присутствія.—„Не къ тебѣ пришелъ, а къ Лизаветѣ Николаевнѣ, я—ея гость“, говорило все его поведеніе.

Онъ тоже не могъ назваться счастливымъ. За эти двѣ-три недѣли дачной жизни отношенія Клименко къ Лизаветѣ Николаевнѣ тоже измѣнились, стали напряженными, словно болѣзненными. Его мучила неудовлетворенность. Онъ жаждалъ немногаго—быть наединѣ, говорить по душѣ и даже хотя бы молчать, но только наединѣ. Ему часто вспоминалась та единственная минута ихъ близости, когда зимой онъ взялъ руку Лизаветы Николаевны и положилъ ее на свои закрытыя вѣки. И въ душѣ его настала такая чудная тишина...

Вотъ, если бы повторить эту минуту!.. Эту нѣмую и чистую ласку!..

Да, это было счастье,—понималъ Клименко.—И этой ясности уже не вѣрнешь...

Ночи были бѣлыя, томительно-душныя и дразнящія. Какъ чувственно и одуряюще пахли цвѣты!.. Какія упоительныя грезы рождались въ пылавшей головѣ!.. Хотѣлось сидѣть рядомъ, обнявшись тѣсно, и молчать, какъ тогда, и глядѣть, и слушать эту ночь, полную беззакатнаго свѣта, полную неотразимой красоты и поэзіи...

Соловьи заливались въ падающемъ сумракѣ, въ травѣ жарко и страстно стрекоталъ невидимый хоръ кузнечиковъ; въ болотѣ и у пруда меланхолически урчали лягушки... Въ цвѣтникѣ, въ паркѣ, на всѣхъ аллеяхъ мелькали свѣтлыя платья дачницъ. Всѣ женщины казались такими поэтичными въ эту бѣлую ночь, полную призрачныхъ радостей... Онѣ сами казались призраками, далекими отъ пошлости... Чтобы удержать иллюзію, Клименко садился гдѣ-нибудь вдали отъ главной аллеи, куда не долетали обрывки разговоровъ и визгливый смѣхъ этихъ поэтическихъ видѣній... Онъ слѣдилъ за парочками, скрывавшимися на поворотѣ аллеи. Иногда, проходя мимо этой одинокой темной фигуры, влюбленные смолкали и оглядывались, тѣсно прижимаясь другъ къ другу.

А Клименко глядѣлъ вслѣдъ съ тоской растущаго желанія. Они свободны идти такъ, почти обнявшись, свободны гулять тутъ до утра... свободны любить... Но любовь ли это?.. Быть можетъ, разсвѣтъ озаривъ банальныя лица, сорвавъ съ нихъ дымку таинственной ночи, озаритъ также убожество ихъ чувства, вызваннаго мунутнымъ волненіемъ крови, красотой ночи, пустотой жизни... Нѣтъ!.. Онъ имъ не завидуетъ. Онъ навѣрно богаче ихъ... И счастливъ чувствомъ, которое зажглось не отъ этихъ ночей и угаснетъ не съ этимъ разсвѣтомъ... Ему только обидно, что онъ сидитъ тутъ одинъ, въ темной аллеѣ, среди мелькающтхъ паръ, что душа его горитъ, а жизнь—эта короткая жизнь—уходитъ безплодно...

Онъ медленно шелъ изъ парка, выбирая самыя уединенныя аллеи и все-таки безпрестанно спугивалъ какую-нибудь пару... Тоскливо звучали его шаги по песку дорожки въ эту чуткую ночь. Онъ шелъ къ дачамъ, подходилъ незамѣтно къ рѣшеткѣ и скрытый, кустомъ орѣшника, росшаго у самой дороги, глядѣлъ на террассу Мельгуновыхъ или на огонь въ комнатѣ Лизаветы Николаевны. Иногда онъ ее видѣлъ среди гостей, за самоваромъ, безмолвную, вялую среди этой свѣтской болтовни, руководимой Мельгуновымъ. Какъ бы чувствуя его взглядъ, она оборачивалась къ темнотѣ лицомъ, которое казалось такъ блѣдно отъ свѣта лампы. Она тоскующе глядѣла въ эту нѣмую ночь, которая ни ей, ни ему не давала отвѣта, только муча и дразня своей тайной и красотой.

„Милая, милая"... невольно шептали его губы.

Иногда она словно понимала, что онъ тутъ, волнуясь вставала, шла къ рѣшеткѣ и глядѣла въ сумракъ, въ пяти шагахъ, отдѣленная оградой. А онъ даже боялся дышать.

— Ты куда, Лиза?..—тревожно спрашивалъ Мельгуновъ.

— Я здѣсь!.. Цвѣты такъ чудно пахнутъ!..—съ тоской вырывалось у нея, и она наклонялась надъ грядками такабу и левкоя, лившими волны одуряющаго, сладострастнаго аромата.

И Клименко слышалъ слезу въ ея голосѣ и у него тѣ же жгучія и сладкія слезы подымались въ груди.

Лизавета Николаевна сидѣла въ сумеркахъ на ступенькахъ террассы, на третій вечеръ. Профессора вытребовали телеграммой съ часъ назадъ и онъ уѣхалъ въ городъ. Шура у сосѣдей игралъ въ бабки.

Вдругъ ей показалось, что фигура Клименки обрисовалась на привычномъ мѣстѣ за рѣшеткой. Въ этой призрачной ночи все было такъ блѣдно, обманчиво, неясно. Сердце ея застучало, когда она поднялась. „Я ошиблась... Не онъ"...

— Вы одна... Я знаю, что вы одна... Я видѣлъ вашего мужа на паровой... Пойдемте гулять... Ради Бога... Какая ночь... Взгляните!..

Не оглядываясь, она вышла за нимъ и они за руку двинулись въ паркъ, мимо ярко освѣщенныхъ террассъ.

Они ничего не говорили, только сердца ихъ такъ бурно бились, что дыханіе захватывало у обоихъ. Остановились они только, когда вѣтви столѣтнихъ липъ сплелись надъ ихъ головами, когда тишина и полутьма царственнаго парка обняли ихъ и скрыли отъ людей.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Какое счастье!..—сказалъ Клименко.

И въ голосѣ его звучалъ такой восторгъ, самый звукъ голоса былъ такой необыкновенный—звенящій, почти плачущій—какъ бы въ экстазѣ, что Лизавета Николаевна была потрясена.

Они не промолвили ни слова болѣе, какъ будто слова были здѣсь лишни и безцвѣтны. Дорожки бѣлѣли длинной и извилистой лентой, теряясь вдали, гдѣ-то за поворотами, куда-то маня...

Они пошли впередъ, не зная куда, не зная зачѣмъ? Встрѣчался ли имъ кто въ эту незабвенную, эту таинственную ночь,—они не помнили. Гдѣ, въ какомъ уголкѣ парка сидѣли они, уставъ бродить,—они тоже не могли бы сказать... На утро Лизавета Николаевна по всему парку искала этой скамейки, этого волшебнаго уголка и не нашла ничего... Точно все приснилось...

Но до конца жизни, во всякую минуту, стоило ей только закрыть глаза, какъ она видѣла клочекъ блѣднаго неба между величавыми вершинами двухъ близнецовъ елей, видѣла вдали лужайку, смутно бѣлѣвшую высокой росистой травой, слышала далекое урчаніе въ камышахъ на пруду и стрекотанье, висѣвшее словно въ воздухѣ, видѣла эту призрачную ночь, душистой мглой окутавшую ихъ на одинокой скамейкѣ, въ глухомъ уголку.

Она всегда помнила ту незабвенную, единственную минуту, когда самъ, быть можетъ, не сознавая, онъ обнялъ ея плечи робко, словно со страхомъ... Она затрепетала, но не шевельнулась. Тогда

онъ положилъ голову къ ней на грудь и слушалъ, какъ ликовало и замирало ея сердце... Потомъ, кажется, да... да... это навѣрно было такъ... Онъ чуть замѣтно повернулъ голову и она почувствовала жаръ его губъ на груди, черезъ батистовую кофточку... Она вздрогнула невольно. Тогда его голова поднялась съ ея плеча и нѣжныя захолодѣвшія губы коснулись ея щеки такъ тихо, такъ робко... Она не шевельнулась, не имѣла силъ отстраниться и только закрыла глаза...

Вотъ и все, что было между ними... Но ни она въ своемъ прошломъ, ни онъ впослѣдствіи, въ дальнѣйшей своей жизни уже не пережили такихъ минутъ...

Потомъ еще встаетъ воспоминаніе.

Она плакала... О чемъ?.. Трудно сказать... Но въ ту минуту все было ясно... Слезы лились безмолвно, невольно и она не вытирала ихъ... Было ли это сожалѣніе о томъ, что они встрѣтились такъ поздно, что они—не пара?.. Или предчувствіе и тоска близкой разлуки?.. Или же радость и мука—боль и восторгъ любви?.. Кто скажетъ теперь? Но тогда все было ясно...

Онъ положилъ къ себѣ на грудь ея голову, тихо гладилъ ея волосы и шепталъ:

— Милая... милая...

И только... Но когда, дойдя до калитки парка, они разстались, въ послѣдній разъ взглянувъ другъ другу въ глаза, когда, вся разбитая отъ счастья, она въ предразсвѣтномъ туманѣ вернулась на эту самую террассу,—съ которой ушла трепещущая навстрѣчу своей судьбѣ, она упала, рыдая среди тишины, на эти ступеньки... И въ этихъ слезахъ ея была только мука...

Она знала, что такая ночь не повторится...

XX.

Было жарко. Лодка плыла лѣниво.

— Направьте ее въ тѣнь, къ острову... Я устала,—сказала Лизавета Николаевна Клименкѣ, сидѣвшему у руля.

Они подплыли къ островку, полному тѣни и прохлады. Вѣтки деревьевъ купались въ пруду, задѣвали по лицу плывшихъ. У берега вода казалась черной.

— Будемъ удить?..—спросилъ Клименко Шуру.

— А, конечно...

Они усѣлись съ удочками у самого берега, на излюбленномъ мѣстечкѣ, недалеко отъ привязанной лодки.

Лизавета Николаевна легла въ траву на спину и закрыла глаза.

Тишина стояла томительная. Вдали до боли ослѣпительно сверкала вода. Подъ старыми ольхами и плакучими березками

разливался зеленоватый свѣтъ, и всѣ лица казались безжизненными въ этомъ освѣщеньи. Въ травѣ немолчно, страстно трещали кузнечики. Казалось, воздухъ весь чуть дремалъ отъ этого знойнаго, назойливаго звука.

Вдругъ Шура вскочилъ на ноги.

— Чего ты?.. Рыбу спугнешь...

— Махаонъ,—озабоченно зашепталъ мальчикъ.—Тамъ полетѣлъ... Подержите удочку...

Онъ побѣжалъ вглубь острова, захвативъ сачокъ.

Клименко оглянулся. Лизавета Николаевна не шевелилась.

— Вы спите?..—тихонько окликнулъ онъ.

— Нѣтъ...

— Хандрите?..

Она чуточку помолчала прежде чѣмъ отвѣтить: да...

— Развѣ случилось что-нибудь новое?

— Новое? Нѣтъ... Все старое... и все мелочи... А въ результатѣ—тоска... И некуда отъ нея дѣваться...

Она поднялась и сѣла. Подъ рукой ея былъ цѣлый лѣсъ брусники. Круглые, твердые, блестящіе листики ея упруго разгибались подъ нервными движеньями этой маленькой теребившей ихъ руки.

— Сейчасъ получила письмо. Мать повздорила съ невѣсткой, хочетъ погостить у меня. Она здѣсь не была шесть лѣтъ... Куда жъ я ее позову... Будь это хоть годъ назадъ... а теперь...

Она съ силой рванула, забывшись, траву. Пучокъ брусники съ корнемъ остался у нея въ рукѣ.

— Надо отказать... Она обидится... Мнѣ это больно. Много ли жизни ей осталось?.. Но и правды сказать нельзя... Она огорчится, меня же осудитъ... Она стараго закала человѣкъ.

— Вы и Олю поэтому отослали?..—глухо спросилъ Клименко.

— Да... Я не могу обязываться... мужу... Не хочу и... не смѣю...

Клименко встрепенулся. Кровь кинулась ему въ лицо. На что она намекнула... Значитъ — его смутныя подозрѣнья, всѣ мельчайшіе штрихи изъ его наблюденій все это правда?.. Истина разомъ вспыхнула въ его мозгу... Мельгуновъ не разлюбилъ жену... А эта наивная женщина еще недавно вѣрила, что онъ къ ней равнодушенъ.

— Лизавета Николаевна... такъ нельзя жить...—неожиданно для самого себя сказалъ онъ голосомъ, полнымъ отчаянія.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Нельзя,—повторила она глухо.

— Что же вы не боретесь?.. Отчего не уходите?..

— Куда?..

Она помолчала, ощипывая листь брусники. Земля съ корней сыпалась ей на юбку.

— Я вотъ хлопотала черезъ знакомыхъ о мѣстѣ въ библіотекѣ... Жалованья—двадцать пять на всемъ своемъ, съ десяти до семи ежедневно... Это, если уѣдетъ барышня, которая ищетъ болѣе выгодныхъ занятій... Потомъ въ Правленьи желѣзной дороги мнѣ обѣщали... Никто не знаетъ, что прошу за себя... При первой вакансіи, мнѣ сказали... А когда она будетъ?. Черезъ два—три года... Жутко... Жизнь уходитъ, а съ ней вся энергія...

Она взяла листикъ и закусила его мелкими бѣлыми зубами.

— Панафидина... Знаете, гдѣ я давала уроки раньше?.. Просила меня, нѣтъ ли порядочной дѣвушки для нея? Одна классная дама отъ нея на казенное мѣсто ушла... Я такъ обрадовалась... Все сказала ей, какъ другу... Отказала...

— Почему же?

— Она дорожитъ своимъ заведеніемъ. Гимназія ея хлѣбъ... Развѣ „разводка" не всегда виновата въ глазахъ общества?.. Особенно, если она бросила ребенка... Нѣтъ!.. Я не обидѣлась. Она хорошо сдѣлала, что сказала это прямо... Она даже заплакала... Что-жъ?.. Одной иллюзіей меньше... Я почему то на нее все разсчитывала... Она—такой хорошій человѣкъ, она прекрасно понимала меня, почему я уроки давала у нея?.. Но отъ разводки она отречется... Бравировать она не смѣетъ... Я ее не осуждаю...

Клименко, не глядя на Мельгунову, тихо покусывалъ сорванную травку. Брови его хмурились.

Что могъ онъ возразить на это?.. Въ теоріи все это вздорно. мелочно, ненужно... А вѣдь изъ этихъ мелочей соткана жизнь, Выше ихъ не перескочишь...

— А вашъ переводъ?..—напомнилъ онъ.

— Вся надежда на это. Вотъ кончу къ осени. Пойду къ Карцевой... Что она скажетъ?..

— Какъ это было бы хорошо имѣть литературный заработокъ!.. Елизавета Николаевна.... какъ я мечтаю видѣть васъ свободной, независимой!..

— Но безъ Шуры... съ горечью напомнила она.

Она швырнула далеко, обезображенный, истерзанный кустикъ брусники и стряхнула съ юбки землю...

— Вы—теоретикъ... и никогда не поймете меня, какъ женщину, которая всегда жила чувствомъ...Если Шуру научатъ отвернуться отъ меня, какъ отъ безнравственной женщины,—то скажите, сможетъ ли меня утѣшить моя идея?..

Его глаза вспыхнули.

— Неужели вы думаете, что новая жизнь, не дастъ вамъ новаго... новыхъ привязанностей?..

— На что же я могу разсчитывать подъ сорокъ лѣтъ?.. Надо быть идіоткой, чтобъ тѣшить себя иллюзіями.

Клименко поблѣднѣлъ до самыхъ губъ. Этими жестокими словами, она какъ будто уничтожала все значеніе той памятной, единственной ночи въ іюнѣ, такъ внезапно сблизившей ихъ.

— Вы, значитъ, забыли?.. Вы все забыли?.. вырвалось у него съ страстной горечью.

Они взволнованно взглянули въ глаза другъ другу.

— Вы меня избѣгаете... Три недѣли.. цѣлыхъ три недѣли... За что?.. Это жестоко... Вѣдь я прошу такъ мало... Я такъ измучился...

— Ту ночь забудьте... она не должна повторяться... блѣднѣя, возразила она.

— Забыть?.. Ну наврядъ ли, Лизавета Николаевна... это выше силъ моихъ... Довольно и того, что я не напоминалъ вамъ ни о чемъ... ну, дайте вашу руку... Какъ хорошо, что мы одни... хотя на одну секунду... Теперь хорошо... теперь дивно хорошо...

Онъ легъ у ея колѣнъ, поцѣловалъ робко и нѣжно кончики ея пальцевъ и положилъ ихъ на свое лицо.

— Видите, какъ мало надо человѣку, чтобъ быть счастливымъ...—засмѣялся онъ, но она разслышала пробившуюся въ его смѣхѣ нотку горечи—и сердце ея сжалось.

Настала тишина. Далеко въ паркѣ, за прудомъ, звенѣли дѣтскіе голоса. Кто то пѣлъ... Въ двухъ шагахъ отъ нихъ перепархивали и возились надъ чѣмъ то прилетѣвшія пичужки... Слышно было, какъ съ шорохомъ летѣла сухая вѣтка сверху, либо сосновая шишка, глухо, мягко стукалась о мшистый коверъ... Бѣлка, обманутая ихъ неподвижностью, пробѣжала мимо.

Клименко все говорилъ, приникая горячимъ лицомъ къ ея ладонямъ. Его голосъ звенѣлъ, и трепеталъ, и падалъ до нѣжнаго шопота... Не зная жизни, не зная женской души, онъ съ молодой самонадѣянностью сметалъ съ пути всѣ препятствія къ ихъ счастью, все казалось ему такъ легко и возможно... Да, онъ полюбилъ ее съ первой минуты, когда она говорила о Норѣ, полюбилъ за этотъ безсознательный протестъ души, измученной дрязгами и мелочами... Она устала... Чтожъ?.. Онъ не осуждаетъ ее за это... Но неужели теперь въ его чувствѣ она не почерпнетъ новыхъ силъ для борьбы? Что надо сдѣлать? Пусть она скажетъ! Онъ готовъ на все...

— А сынъ?

Этотъ крикъ, полный боли, ясно прозвенѣлъ въ тишинѣ и ударилъ по нервамъ Клименко. Онъ вздрогнулъ. Всѣ его доводы, вся энергія, все краснорѣчіе разбивались объ эту преграду... Въ безсильномъ отчаяніи онъ упалъ головой въ ея колѣни.

— Вы меня не любите!—крикнулъ онъ съ глухимъ рыданіемъ.

Она молчала. Она видѣла, какъ судорожно бьются его плечи. Онъ плакалъ.

Тогда она молча стала гладить его мягкія кудри. Глаза ея, большіе, полные ужаса, озирались кругомъ медленно и тоскливо, словно чего-то искали...

Вдругъ она заговорила. И страненъ былъ звукъ ея голоса, точно не онъ, а она выплакала сейчасъ всѣ слезы и похоронила всѣ иллюзіи.

— Нора... Вѣдь это символъ... А я—живой человѣкъ... Только героини могутъ изъ-за идеи отрекаться отъ дѣтей, отъ любви. Я—несчастная, безвольная женщина... Зачѣмъ вы требуете отъ меня непосильнаго подвига? Если вы разочаровались, тѣмъ лучше для васъ. Уйдите и забудьте меня...

— Это невозможно,—сказалъ онъ просто.

Онъ поднялся, взялъ ея руки и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Нора...—продолжала она, глядя все также передъ собой въ дымившуюся подъ солнцемъ росистую траву.—Она ушла... да... Дверь хлопнула за нею—драмѣ конецъ. Но развѣ въ жизни это дѣлается такъ просто? Нѣтъ. За порогомъ только начинается драма для каждой протестующей женщины: нужда, поиски хлѣба, борьба за свободу, борьба за жизнь...

— Но вѣдь вы же будете бороться и искать?

— Да... Мнѣ нѣтъ выбора...

Онъ стиснулъ ея руки и заглянулъ въ глаза.

— Помните... Если вы перестанете искать и бороться, это значитъ вы... вы уступили, вы измѣнили себѣ. И я такъ это и пойму...

Она содрогнулась.

— Нѣтъ... Нѣтъ... Умереть легче...

Онъ не сморгнувъ, выдержалъ ея взглядъ, полный отчаянья.

— Да, легче, Лиза... И я умру, если измѣню себѣ.

— Ау! Мама!—донесся голосъ Шуры.

— Приходите завтра къ валу, гдѣ ракиты,—поспѣшно сказалъ Клименко.—Я хочу васъ видѣть одну.

— Это невозможно... Мужъ взялъ отпускъ на мѣсяцъ. Онъ будетъ дома съ утра.

Клименко такъ измѣнился въ лицѣ, что Лизавета Николаевна отвернулась, чтобъ не видѣть его волненія.

— И вы согласны вычеркнуть цѣлый мѣсяцъ изъ жизни? Неужели вы не чувствуете, сколько униженья для васъ въ этой невозможности идти, куда хочешь, видѣть, кого хочешь? Какое позорное рабство!

Она печально покачала головой.

— Вы разсуждаете, какъ младенецъ. Чтобъ отстоять эту свободу—быть теперь вдвоемъ—мнѣ придется вести такую борьбу, что силъ не хватитъ уже на все остальное, что гораздо важнѣе. Послушайте,—подхватила она, замѣтивъ его движеніе,—не будьте такимъ ригористомъ. Дайте мнѣ отдыхъ. Или вы думаете, что я... стальная? Говорю вамъ... У меня часто никакихъ нѣтъ силъ... ни на что... Вы вѣдь ничего не знаете изъ того, что я переживаю каждый день... Всѣ эти намеки, мелкіе уколы, подозрѣнія... Мнѣ больно, поймите, за наше чувство, которое топчутъ въ грязь. Ахъ, довольно, довольно!.. Я измучена...

— Алексѣй Иванычъ!—завопилъ подбѣжавшій Шура.

— Что же вы дѣлаете? Гдѣ удочки у васъ?

— А что?

— Какъ что? Я думалъ, вы тутъ ужъ наудили безъ меня?

Клименко ничего не возражалъ на его упреки, растерянный, подавленный неожиданнымъ открытіемъ. Да, она уже не та, что была зимою... Она устала... Измучилась, что ли?

Почему ему вдругъ сдѣлалось такъ страшно? Молча они доплыли къ пристани. Прощаясь у калитки парка, Лизавета Николаевна оглянулась на сына. Онъ преслѣдовалъ лягушку, отчаянно скакавшую въ свое болотце.

Мельгунова протянула студенту руку и болѣзненно, блѣдно улыбнулась.

— Простите меня... Я и раньше это предчувствовала... Я всегда знала, что моя... что это чувство дастъ вамъ только муки...

Онъ серьезно поглядѣлъ въ ея лицо.

— Это все равно... Муки ли, радости ли?.. Благословляю васъ за все...

XXI.

— Я пришелъ проститься, Лизавета Николаевна,—сказалъ Клименко, всходя на террассу, гдѣ все семейство Мельгуновыхъ сидѣло за завтракомъ.

— Какъ проститься? Вы развѣ уѣзжаете?

Она была очень блѣдна и имѣла усталый видъ. Утромъ мужу вздумалось прокатиться втроемъ на пруду и поудить рыбу. Шура былъ въ восторгѣ отъ этой семейной прогулки, но ее эта идиллія только утомила. „Неужели это предстоитъ каждый день?“—спрашивала она себя.

И все-таки она измѣнилась въ лицѣ, увидавъ телеграмму въ рукѣ Клименко.

— Что случилось?

— Отецъ боленъ... Опасно... Надо ѣхать...

— Когда же вы вернетесь? Впрочемъ, я говорю глупости... Какое несчастіе, Боже мой! Садитесь. Не хотите ли форшмаку?

— Благодарю васъ. Я спѣшу на поѣздъ. Можетъ быть, вы меня проводите... по парку?..

Она колебалась только одну секунду.

— Сейчасъ. Я принесу зонтикъ.

— Лиза... Но мы еще не кончили завтракать,—заволновался Мельгуновъ, переставая читать газету, въ которую погрузился-было при видѣ незваннаго гостя.—Шура, хочешь чаю?

— Налей ему и позови Наташу, если не умѣешь.

Она уже выходила, съ зонтикомъ въ рукѣ. Мельгуновъ всталъ, растерявшись.

— Развѣ это такъ къ спѣху? Мы съ Шурой тоже хотѣли пройтись. Подождите насъ.

— Я опоздаю на поѣздъ,—кротко отвѣтилъ Клименко, поглаживая бородку.

Они уже шли къ калиткѣ.

— Шура, ступай съ мамой, — повелительно сказалъ Мельгуновъ.

Шура доѣдалъ форшмакъ и поднялъ умоляющіе глаза.

— Папочка, такъ чайку хочется послѣ соленаго!

Мельгуновъ поглядѣлъ на него свирѣпыми глазами, и Шура не тронулся.

— Лиза! Погодите! Васъ Шура сейчасъ догонитъ.

Лизавета Николаевна вспыхнула и остановилась на дорогѣ.

— Павелъ Васильичъ,—зазвенѣлъ ея голосъ.—Избавь меня отъ гувернантокъ!.. Увѣряю тебя... въ паркѣ нѣтъ волковъ... дорогу я знаю... и бояться тебѣ нечего...

Она повернулась и скоро оба они скрылись за угломъ.

Мельгуновъ схватился за голову и убѣжалъ въ комнаты. Скандалъ! Скандалъ!.. Именно то, чего онъ боялся... Что подумаютъ о ней Мироновы, Андрющенко?.. Всѣ они тутъ же, могутъ ихъ встрѣтить...

Онъ вышелъ черезъ десять минутъ, въ шляпѣ, съ тросточкой, съ сигарой въ зубахъ; Шуры за столомъ не оказалось. Какъ ему ни хотѣлось чаю, но онъ предпочелъ скрыться отъ отцовскаго гнѣва.

Мельгуновъ, войдя въ паркъ, прибавилъ ходу. Онъ шелъ съ четверть часа, когда вдали на главной аллеѣ показалась фигура Лизаветы Николаевны. Она шла медленно, одна, низко опустивъ голову. Сердце его упало. Если у него и были сомнѣнія раньше, то теперь онъ ясно видѣлъ, что она любитъ этого мальчишку. Только горе могло такъ состарить ея лицо... Въ ея ушахъ еще звенѣли его прощальныя слова, полныя страсти... Что она объ-

щала ему? Безумная женщина!.. Что вырвало у нея эти слова?.. Его страсть ослѣпила ее, покорила, какъ гипнозъ... А можетъ быть жалость къ нему диктовала ей ея поведеніе? О, она вчера еще чувствовала, что разлука близка...

— Разстались, наконецъ?..—раздался надъ нею насмѣшливый голосъ Мельгунова.

Она шла рядомъ съ нимъ, какъ въ туманѣ. Онъ что-то говорилъ, блѣдный, съ трясущимися губами, сверкая глазами, отчаянно жестикулируя. Онъ выбиралъ самыя уединенныя дорожки, а она шла за нимъ, какъ лунатикъ. Какъ бы издали доносились къ ней фразы, которыя онъ выкрикивалъ съ какой-то болѣзненной надсадой. Когда вдали показывались гуляющіе, его голосъ падалъ до шопота и онъ шипѣлъ, сверкая глазами на жену, либо наскачивъ на одинокую фигуру дачника, сидѣвшаго съ книгой въ укромномъ уголку, онъ вдругъ смолкалъ и старался улыбаться. И въ этихъ усиліяхъ было что-то больное, невыразимо-жалкое.

Для Лизаветы Николаевны, поглощенной собственнымъ горемъ, монологи Мельгунова имѣли значеніе не больше, чѣмъ назойливое жужжанье комара надъ ухомъ, отъ котораго отмахиваешься, когда оно приближается, о которомъ забываешь, когда оно далеко... Вдругъ она вспомнила, что онъ идетъ рядомъ, поймала обрывки фразъ и остановилась.

— Что тебѣ отъ меня нужно?..—устало спросила она.

Лицо ея осунулось и глаза, казалось, впали за этотъ часъ, пережитый ею. Но онъ отшатнулся не столько отъ этого лица, сколько отъ звука голоса, такого мертвеннаго, такого безнадежнаго...

Онъ всплеснулъ руками.

— Лиза!.. Да неужели же ты до такой степени его любишь?..— крикнулъ онъ.

— Да... я люблю его...—также равнодушно и устало отвѣтила она.

Онъ всхлипнулъ какъ-то и опустился на скамью. Тросточка его упала на песокъ. Онъ закрылъ глаза рукою, какъ будто въ нихъ ударилъ нестерпимо-яркій свѣтъ.

XXII.

Черезъ четыре дня вечеромъ, когда на террасѣ Мельгуновыхъ сидѣли гости, почтальонъ подошелъ къ калиткѣ и протянулъ письмо.

— Лизаветѣ Николаевнѣ Мельгуновой.

Она встала. Ноги ея подкашивались отъ волненія. Она знала, отъ кого письмо.

Это угадалъ и Мельгуновъ, видя, что она сунула въ карманъ конвертъ и вернулась на террасу съ тоскливымъ блуждающимъ взглядомъ. Черезъ минуту извинившись, она ушла въ комнаты.

Когда она вернулась, лицо ея было свѣтло.

— Ну, какъ старикъ? Лучше ему, или хуже?..—спросилъ Мельгуновъ нарочно громко, въ двойномъ разсчетѣ отнять у гостей поводъ „судачить“ и доказать женѣ, что его одурачить трудно.

Она отвѣтила совершенно естественно.

— Ему лучше. Есть надежда.

И сѣла за самоваръ, улыбаясь гостьѣ.

Ночью, въ постели, запершись на ключъ, она читала вновь это письмо, осыпая его безумными поцѣлуями. Онъ писалъ на *ты*. Письмо все было однимъ только крикомъ молодой страсти. Всѣ порывы, вся нѣжность его, которую онъ сдерживалъ въ ея присутствіи, вылились безудержно подъ перомъ. Онъ осыпалъ ея ласками, убаюкивалъ надеждами, онъ опять звалъ ее на новую жизнь, говоря, что только въ ней все его счастье, что ничто не въ силахъ измѣнить его чувства...

Она рыдала, упавъ головой въ въ подушки. Казалось, бумага горѣла въ ея дрожащихъ пальцахъ отъ этихъ пылкихъ признаній... О, еслибъ шесть лѣтъ назадъ?.. Зачѣмъ же такъ поздно?.. Когда нѣтъ силъ! Нѣтъ вѣры?.. Когда нѣтъ мужества для борьбы?.. Когда закатъ ея близокъ —а за плечами ночь?..

Мельгунова телеграммой вызвали на операцію. Онъ вернулся домой бѣлѣй бумаги.

— Папочка!..—ахнулъ Шура, увидавъ его лицо.

— Тише!.. Гдѣ мама?

— Ушла въ паркъ...

— Давно?

— Кажется, недавно...

— Ну, ступай... Я лягу... Не ходи въ дачу... Я можетъ, засну...

Шура убѣжалъ къ сосѣдямъ.

Когда черезъ часъ Лизавета Николаевна пришла въ свою комнату, ей почудился запахъ духовъ, которыми любилъ душиться Павелъ Васильичъ. Она повела ноздрями. Обоняніе у нея, какъ и слухъ, были удивительны.

Неужели онъ тутъ былъ? Зачѣмъ?

Вдругъ глаза ея блеснули и расширились. Она вставила ключъ отъ письменнаго стола, который носила въ карманѣ. Ключъ шелъ съ трудомъ въ замкѣ. Что-то было въ немъ попорчено, Она нагнулась и сощурилась на полированную стѣнку стола, на замочную скважину.

Такъ и есть! Все исцарапано. Онъ шаритъ въ ея комнатѣ. Чего онъ ищетъ? Письмо Клименко или же...

Глубокое отвращеніе отразилось въ ея чертахъ.

Какъ хорошо, что она никогда не довѣряла его порядочности!.. И все, что ей нужно, у нея съ собою... И письмо на груди... Съ нимъ-то она не разстанется...

Они встрѣтились, какъ ни въ чемъ не бывало. Оба они, какъ бы по тайному соглашенію, находили, что есть вопросы, которыхъ не надо затрогивать, лучше закрыть глаза... И сдѣлать видъ, что ничего не знаешь.

Но Мельгуновъ страдалъ невыносимо. Въ городской квартирѣ, передъ операціей, онъ отперъ шкафчикъ съ ядами, куда не заглядывалъ съ Пасхи. Ему понадобилась сулема.

Безпорядокъ его поразилъ. Всѣ склянки стояли на другихъ мѣстахъ. Когда же онъ замѣтилъ исчезновеніе хлоралъ-гидрата, онъ чуть не крикнулъ отъ ужаса. Вспомнился ему майскій день, когда онъ въ сумеркахъ, вернувшись, засталъ ее у шкафа,—ея голосъ, ея глаза... О! Да какъ же онъ тогда не догадался сразу?..

Онъ такъ волновался, что не рѣшился дѣлать операцію и попросилъ отложить ее на сутки. Но и въ столѣ жены онъ не нашелъ ничего... Это испугало его еще сильнѣе. Значитъ, она ждетъ, она готова къ поискамъ и прячетъ ядъ... Значитъ это серьезнѣе, чѣмъ онъ полагалъ...

Жизнь для него обратилась въ пытку. Онъ страшно много курилъ, потерялъ сонъ. Лизавета Николаевна, спавшая на дачѣ внизу, недалеко отъ Шуры, слышала, какъ онъ ходилъ по мезонину, иногда до утра, надрывая ея душу этимъ унылымъ, мѣрнымъ шагомъ.

Глаза его ввалились. Иногда, когда онъ возвращался изъ Москвы, отъ него пахло виномъ. Тонъ былъ какой-то странный. За столомъ онъ то же началъ много пить вина, случалось,—цѣлую бутылку. Лизавета Николаевна избѣгала тогда оставаться дома, инстинктивно чего-то боясь, вся съеживалась подъ его упорнымъ, тяжелымъ взглядомъ, который искалъ ее повсюду.

Разъ подъ вечеръ она сидѣла на ступенькахъ террассы съ книгой. Мельгуновъ самъ въ цвѣтникѣ поливалъ грядки, наполняя лейку изъ ведра, которое Шура, запыхавшись, принесъ ему съ колодца.

Подошелъ почтальонъ. Лизавета Николаевна не видала его, погруженная въ чтеніе.

— Лизаветѣ Николаевнѣ, — вдругъ услыхала она и подняла голову.

— Давай сюда, — сказалъ Мельгуновъ и сунулъ письмо въ карманъ пиджака.

Она ахнула и встала. Книга упала на дорожку.

— Это мнѣ письмо,—сказала она, подходя къ мужу и снизу вверхъ глядя ему въ глаза почти съ мольбой.

Онъ жестко усмѣхнулся.

— Я развѣ отрицаю, что это тебѣ?

Онъ двинулся молча въ дачу, передавъ лейку Шурѣ.

Она машинально пошла за нимъ, еще ничего не понимая. Но сердце ея заныло отъ предчувствія бѣды.

— Дай мнѣ письмо, — сказала она въ комнатахъ, протягивая руку.

Его лицо исказилось отъ страсти, когда онъ обернулся къ ней.

— А вотъ постой... Я прежде прочту его.

Она крикнула и повисла на его рукѣ.

— Отдай... отдай... ты не смѣешь...

— A la guerre, come a la guerre... Мы съ г. Клименко — враги... — задыхаясь говорилъ онъ, подымая высоко руку съ письмомъ и стараясь разорвать конвертъ. — Зачѣмъ же мнѣ съ нимъ... съ вами стѣсняться?..

Какъ кошка, ловкимъ движеньемъ, она внезапно кинулась ему на грудь, сильно пригнула его шею къ себѣ и вырвала письмо, надорвавъ его съ краю.

— А вотъ какъ!.. Вы боитесь?.. Воображаю, что тамъ написано...

— Оставь!.. Павелъ Васильевичъ... О, низость какая!..

Между ними завязалась борьба, безмолвная, глухая. Глаза ихъ горѣли ненавистью, лица были искажены. Дыханье со свистомъ вырывалось изъ ихъ груди. Но Мельгуновъ, конечно, оказался сильнѣе. Онъ сдавилъ, почти раздавилъ ей руки и вырвалъ смятое письмо изъ омертвѣвшихъ пальцевъ.

— Негодяй... негодяй...—прорыдала она, безсильно падая лицомъ внизъ на кушетку.

Мельгуновъ дрожа разорвалъ конвертъ, развернулъ письмо и ахнулъ.

— На *ты*?.. Онъ смѣетъ писать тебѣ *ты*?.. Такъ вотъ до чего дошло!..

Схватившись за волосы, Мельгуновъ пробѣжалъ строки, полныя страсти, глубокой нѣжности, призыва къ свободѣ и счастью.

— Ха!.. Новая жизнь?.. На какіе это капиталы? Не слыхать... Вотъ откуда эти толки о разводѣ... о свободѣ... А!.. Я такъ и зналъ... Пусть-ка онъ сунется сюда... Чтобъ ноги его здѣсь не было никогда!.. Я придушу этого щенка, если онъ опять явится въ мой домъ...

Испуганное личико Шуры мелькнуло за стекломъ террассы.

Мельгуновъ скомкалъ письмо и швырнулъ его въ лицо жены, которая, рыдала, спрятавъ голову въ рукахъ.

Онъ вышелъ въ садъ, задыхаясь отъ бѣшенства. Она встала, дрожа всѣмъ тѣломъ, растерзанная, съ оторваннымъ воротомъ. Растрепавшіеся волоса падали ей на лицо. Глаза блуждали. Она искала чего-то.

— Вотъ оно!..

Она подняла съ полу жалкій, обезображенный обрывокъ бумажки, разгладила его съ нѣжностью, поднесла къ губамъ.

Въ своей комнатѣ она сѣла на постель и старалась прочесть. Но глаза туманились слезами, губы и руки тряслись. Боже, Боже!.. Какое униженье!.. Можно ли это стерпѣть?

Клименко писалъ, что вернется черезъ недѣлю если не раньше. Вскользь говорилъ о дѣлахъ, его вызвавшихъ. Все остальное было только гимномъ любви.

Она опять зарыдала, съ отчаяньемъ заломивъ руки надъ головой... Ея любовь—чистая, свѣжая... Въ какую грязь ее втоптали!..

Стемнѣло. Она все лежала недвижно, стараясь понять, какъ надо поступить дальше? Уѣхать... Это прежде всего... Ни одной ночи она не проведетъ здѣсь послѣ такого оскорбленія.. Переночуетъ у Марьи Васильевны. У ней же возьметъ денегъ на дорогу... А ей отдастъ свои новые хорошіе часы... Что еще?.. Есть брошка старинная, подарокъ матери, браслетъ тонкій на рукѣ... Portebonheur... Братъ подарилъ его ей, когда она кончила курсъ... Она не снимала его съ руки... Теперь заложитъ... Есть повѣрье, что нельзя снимать... Счастье уйдетъ... Ахъ, развѣ оно не ушло—давно?..

А Мельгуновъ бѣгалъ въ палисадникѣ, ломая руки. Весь хмѣль, весь гнѣвъ соскочили съ него послѣ этого взрыва страсти. Онъ вспомнилъ о ядѣ... „Что я надѣлалъ?..“ въ ужасѣ спрашивалъ онъ себя. „Нынче ночью... Она это сдѣлаетъ нынче же ночью... Все пропало... Какъ она плакала!.. Такой обиды она не проститъ“...

— Шура...—съ дрожью въ голосѣ позвалъ онъ мальчика, который совсѣмъ присмирѣвъ стоялъ у клумбы, подчищая лопатой траву на дорожкѣ.—Шура... поди и посмотри, что дѣлаетъ мама?..

— Плачетъ,—тихо бросилъ Шура возвращаясь, и отвернулся. Ему было жаль мать. Слезы, которыхъ онъ никогда у нея не видѣлъ, потрясли его. Значитъ случилось что-то ужасное... Онъ вспомнилъ бѣшеный голосъ отца, онъ замѣтилъ его виноватый, растерянный видъ. Стало быть онъ обидѣлъ ее? И напрасно? Чувство къ матери вспыхнуло въ его сердечкѣ.

Подали самоваръ. Мельгуновъ самъ заварилъ чаю, налилъ себѣ, женѣ и сыну.

— Шура...—сказалъ онъ вдругъ, подошелъ и обнялъ плечи мальчика.—Поди къ мамѣ... поцѣлуй ее... Поди же, голубчикъ... скажи, чтобъ она... не плакала... скажи... чай готовъ...

Онъ тихонько подталкивалъ мальчика къ дачѣ. Тотъ шелъ маленькими шагами, насупившись съ длинной, длинной верхней губой. Шура подошелъ къ двери, взялся за ручку. Не заперто. Глухіе, полузадушенные стоны доносились къ нему. Онъ тихонько отворилъ дверь, подошелъ въ темнотѣ и наклонился.

— Мамочка, — дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ и заплакалъ.

Она обернулась.

— Шура .. Дѣтка моя!..

Она судорожно обхватила его голову и замерла. Эта ласка такая неожиданная, такая теплая въ эту минуту.—О, какъ она благодарна за эти слезы его .. отъ нихъ таялъ ледъ, сковавшій ея душу... И она забыла о немъ?.. Его хотѣла оставить?..

— Дѣточка, ненаглядная моя... Куда я уйду безъ тебя?

Ихъ слезы мѣшались.

Мельгуновъ зналъ, что дѣлалъ, посылая къ Лизаветѣ Николаевнѣ Шуру. Вся его власть надъ этой женщиной, вся его сила были только въ немъ.

XXIIII.

Съ перваго августа погода измѣнилась рѣзко. Задулъ холодный вѣтеръ. Пошелъ мелкій дождь. Дороги обратились въ лужи и непроходимую грязь. Въ паркѣ листья падали, весь лѣсъ пожелтѣлъ, побурѣлъ, сталъ угрюмымъ и безмолвымъ. Дачники сидѣли въ комнатахъ, было тоскливо.

— Черезъ недѣлю надо выбираться въ Москву,—говорилъ Мельгуновъ.

Онъ такъ и не взялся за свою работу. Настроенье было не то. Онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что займется въ Москвѣ, когда все обойдется. Онъ хотѣлъ вѣрить, что все обойдется, иначе онъ не могъ жить.

За то Лизавета Николаевня работала запоемъ, кончая свой переводъ.

— Какъ жалко лѣта!.. Скоро ученье—говорилъ Шура, надѣвалъ пальто, болотные сапоги и бѣжалъ шлепать по лужамъ.

Наконецъ проглянуло солнце. Стало тепло. Все быстро обсохло. Блѣдное осеннее небо улыбалось словно больной человѣкъ, такъ безсильно и грустно. Цвѣты почернѣли, поблекли на грядкахъ. Только астры и георгины поднимали гордыя головки. Дачницы защебетали на дорогѣ, потянулись въ паркъ,—спѣша насладиться послѣднимъ тепломъ. Лѣсъ одѣлся всѣми красками. Каждый день стали продавать грибы и носили ихъ большими лукошками. Шура пристрастился собирать ихъ, и постоянно тащилъ мать въ лѣсъ, за дачу.

Клименко появился внезапно.

Онъ проѣхалъ мимо дачи Мельгуновыхъ на извозчикѣ и раскланялся съ Лизаветой Николаевной, которая на террасѣ чистила грибы. У нея даже ножъ выпалъ изъ рукъ отъ неожиданности.

—Алексѣй Иванычъ, приходите скорѣй,—крикнулъ ему въ догонку Шура.

Съ нимъ была подушка, связка книгъ и узелокъ съ тремя смѣнами бѣлья. Это было все его имущество. Съ нимъ онъ могъ свободно доѣхать по конкѣ и паровой, и если проѣхалъ тутъ почему-то, другой дорогой,—значитъ онъ хотѣлъ дать ей знать, что вернулся, чтобъ она никуда не ушла, чтобъ вечеръ не пропалъ. „Ахъ. вотъ что!.. вдругъ поняла она.—Я не отвѣтила ему ни строчки на его три письма,.. Онъ думалъ, случилось что-нибудь... Нарочно проѣхалъ мимо“...

Жалость, проснувшаяся разомъ нѣжность къ нему — согрѣли ея душу, какъ-бы съежившуюся, закоченѣвшую словно въ эти тоскливые дни. Теплой волной подымалось въ ней ощущенье его близости. Словно радость разливалась по всему тѣлу ея, въ каждой жилкѣ, которая забилась сильнѣе. Въ первый разъ за это время румянецъ окрасилъ ея щеки.

— Какая она хорошенькая нынче!.. удивлялся про себя Мельгуновъ за обѣдомъ. — Отчего?.. Дѣло объяснилось просто, когда подъ вечеръ Клименко явился къ самовару. Съ нескрываемой уже враждебностью они встрѣтились глазами и поздоровались какъ люди, которые видѣлись въ первый разъ. Въ воздухѣ словно повисла гроза. Мельгунова сама сидѣла подавленная, поминутно боясь какой-нибудь выходки со стороны Павла Васильича, замѣчая его возбужденье.

— Отчего вы не отвѣтили на мои письма?.. успѣлъ спросить Клименко подъ шумокъ и съ жгучимъ упрекомъ поглядѣлъ ей въ глаза.

Она молча повернулась и подняла на него вѣки. Въ ея взглядѣ было столько тоски!..

Клименко измѣнился въ лицѣ. Онъ понялъ, что случилось что-то важное, и сердце его замерло.

Вдругъ по дорогѣ показалась компанія нарядныхъ дамъ.

— Мы къ вамъ, душечка Лизавета Николаевна! Здравствуйте!..— зазвенѣли голоса.

Мельгуновъ пошелъ навстрѣчу своимъ поклонницамъ.

— Лиза... вы разлюбили меня?..—быстро шопотомъ спросилъ Клименко, наклоняясь надъ самоваромъ.

Она покачала головой.

— Будьте осторожны. Онъ вырвалъ письмо у меня изъ рукъ и прочелъ...

— Вотъ что!..

Клименко съ ненавистью оглянулся на статную фигуру Мельгунова, цѣловавшаго руки у хорошенькихъ дамъ.

— Надо видѣться скорѣе... на валу, у пруда, когда?.. Лиза... рѣшай... Они подходятъ...

— Завтра, въ восемь часовъ вечера...

Она обернулась къ гостямъ съ вымученной улыбкой.

Это были возмутительные полчаса. Дамы трещали, взвизгивали отъ смѣха, пили чай. Онѣ шли мимо, завернули на минутку поглядѣть... Что это нигдѣ васъ обоихъ не видно? Отчего вы его не пустите къ намъ?.. Сознайтесь, Лизавета Николаевна, вѣдь вы ревнивы?.. О, навѣрно!.. Какъ можно не ревновать, имѣя такого мужа?.. Ха!.. ха!.. Красавецъ и бѣдовый... Пальца въ ротъ ему нельзя положить...

Клименко слушалъ и злился. Онъ хорошо понималъ, что все это бабья трескотня, не больше... Но есть прошлое... Она, конечно, ревновала въ прошломъ... Она любила его... Онъ цѣловалъ ее... вотъ этими губами... чувственными, яркими, какъ кровь... вотъ эти ненавистныя руки ласкали ее...

Ему стало разомъ такъ больно, что онъ всталъ, не разслышавъ вопроса какой-то дѣвицы, и отошелъ въ глубь террасы.

— Quel joli garçon!..—засмѣялась дама.—Знаете? Онъ на какого-то апостола похожъ... Я видѣла картину... эти длинные волосы, эти глаза... на Іоанна... c'est-ça... въ картинѣ Леонардо да Винчи...

Лизавета Николаевна точно читала въ мысляхъ Клименко. Страдая и волнуясь за него, она отвѣчала невпопадъ, съ болѣзненнымъ видомъ морщась отъ каждаго раската смѣха, безучастная ко всему.

Клименко захватилъ фуражку со стула и подошелъ проститься съ хозяйкой. Мельгуновъ сдержанно отвѣтилъ на его общій для всѣхъ поклонъ.

Клименко отошелъ нѣсколько шаговъ, когда Мельгуновъ окликнулъ его.

— Г. Клименко... На пару словъ.

Студентъ остановился и глаза его вспыхнули.

Мельгуновъ стиснулъ до боли свои руки, боясь не совладать съ собой и ударить кулакомъ прямо въ это ненавистное молодое лицо.

— Ваше вліяніе на мою жену,—задыхаясь забормоталъ онъ...—Я не допущу... такого возмутительнаго вліянія...

Торжествующая улыбка озарила черты Клименко.

— Я очень радъ, что вы это поняли... то-есть о вліяніи... Да, г. Мельгуновъ... Я горжусь... я счастливъ этимъ... И пока я здѣсь... Лизавета Николаевна не отречется отъ меня... Въ это я вѣрю также твердо, какъ въ то... что завтра солнце опять взойдетъ надъ нами... Имѣю, честь кланяться...

Онъ приподнялъ слегка фуражку и быстро пошелъ по дорогѣ.

Съ хриплымъ звукомъ, заклокотавшимъ въ горлѣ, Мельгуновъ, сжавъ кулаки, безсознательно ринулся было за нимъ.

Изъ сумрака вдругъ вынырнула плотная фигура ночного сторожа.

Мельгуновъ остался, уничтоженный среди дороги.

XXIV.

Когда гости ушли, а Шура уснулъ, между супругами вышла жестокая сцена. Мельгуновъ формально потребовалъ отъ жены, чтобы она разорвала сношенія съ Клименко. Она возмутилась и отказала наотрѣзъ. И какъ смѣлъ онъ оскорбить и выгнать безъ ея вѣдома человѣка, котораго она принимала, какъ друга?

Мельгуновъ задыхался.—А!.. если такъ... То онъ найдетъ способъ стереть съ лица земли этого мальчишку... Способъ вѣрный, въ которомъ самъ онъ—Мельгуновъ—ничѣмъ не рискуетъ. Пусть Лизавета Николаевна пеняетъ на себя! Она сама этого захотѣла...

Лизавета Николаевна замерла на секунду. О! Какъ я презираю тебя!.. прошептала она, поглядѣвъ на него въ безмолвномъ ужасѣ, чувствуя, что изъ ревности онъ способенъ исполнить угрозу.

Она заперлась въ спальной и раздѣлась. Не прошло пяти минутъ, какъ Мельгуновъ затрясъ ручку ея двери. Вся тонкая перегородка дрожала отъ этого стука.

Она поспѣшно начала одѣваться. Подъ подушкой лежали письма Клименко и склянка съ хлораломъ, съ которымъ она не разставалась. Быстро она спрятала все это за лифъ.

Когда она отворила дверь, она испугалась его мертвеннаго лица и блуждающаго взора. Она почувствовала, что въ эту минуту онъ способенъ на все.

Съ порога онъ оглянулъ комнату хищнымъ, острымъ взглядомъ. Быстро подошелъ къ письменному столу и отперъ его своимъ ключомъ.

Лизавета Николаевна ахнула. Молча глядѣла она, какъ онъ шарилъ по столу между бумагами и вещами, въ комодѣ между бѣльемъ, ловко отпирая ящики очевидно давно подобранными ключами. Онъ перерылъ всѣ сумки, всякую мелочь на столѣ, наконецъ догадался и кинулся къ подушкѣ.

Лизавета Николаевна не удержала нервнаго смѣха.

— Гдѣ хлоралъ?..—спросилъ онъ, глядя ей близко въ лицо странно мерцающими глазами.

Она покачала головой, съ трудомъ разжала губы.

— У меня нѣтъ его...

Онъ схватилъ ее за руки. Она испугалась и инстинктивно при-

жала подбородокъ къ груди. Этимъ движеніемъ она себя выдала. Торжествующій крикъ вырвался изъ его горла. Подъ его цѣпкими пальцами зашуршала бумага.

— А!.. И письма тутъ?

Началась борьба:

— Шура!..—дико закричала Лизавета Николаевна забывшись.— Шура...

Послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ она рванулась изъ его рукъ. Онъ остановился тяжело дыша, съ глазами налитыми кровью. Онъ былъ страшенъ.

Она выхватила изъ за лифа письма Клименко и разорвала ихъ въ клочки.

— На!.. На!.. Читай теперь!.. Я тебѣ не мѣшаю...

Сама она знала ихъ наизусть. Она вышла изъ спальни, чтобъ быть ближе къ комнатѣ сына, ища въ немъ защиты отъ насилія, котораго ждала.

Онъ остался на секунду въ спальнѣ. Черезъ открытую дверь она видѣла, что онъ сидитъ на корточкахъ и подбираетъ разлетѣвшіеся клочки бумаги.

Она пожала плечами. Не обезумѣлъ ли онъ окончательно. На что ему эти клочки?

Онъ вышелъ, неся ихъ полныя горсти, которыми наполнилъ карманы. Она боязливо подумала, что это похоже на манію. И весь онъ вообще производилъ впечатлѣніе человѣка ненормальнаго.

Она сѣла на подоконникѣ. Онъ сталъ передъ ней, прислонившись у косяка.

— Зачѣмъ тебѣ хлоралъ?.. спросилъ онъ почти спокойно.

Она молчала. Она прекрасно понимала, что онъ хочетъ отнять у нея ядъ, какъ послѣднюю защиту, что тогда она будетъ уже въ его власти, безсильная передъ всякой обидой.

— Лиза... бѣдная Лизанька.. да вѣдь ты ненормальна... тебя надо лечить...

Тонъ его дышалъ участіемъ. Но въ глазахъ притаилась угроза и Лизавета Николаевна поднялась, вся захолодѣвъ...

— Я давно это подозрѣвалъ... еще съ весны... У васъ въ роду уже были случаи истерическаго помѣшательства... Твоя тетка отравилась въ этомъ состояніи... Какъ я не догадался раньше?.. Боже мой... Изъ любви къ тебѣ, къ Шурѣ... я долженъ принять мѣры, пока болѣзнь не развилась...

Она стояла неподвижно, бѣлѣе бумаги и все глядѣла въ его мерцающіе, пронзительные глаза. Ему повѣрятъ. Почему-жъ не повѣрить?.. Въ глазахъ людей они жили такъ дружно, онъ—образцовый семьянинъ. Есть прецеденты... наслѣдственность. На-

конецъ, ея собственное поведенье, ея взгляды, которые шли въ разрѣзъ съ мнѣньемъ большинства и шокировали всѣхъ... Ее не понималъ никто. Его пойметъ всякій и даже будутъ жалѣть...

Все дрожало въ ней мелкой неудержимой дрожью, когда она хриплымъ шопотомъ спросила, еле шевеля губами:

— Что тебѣ отъ меня нужно?

Въ лицѣ ея было отчаяніе.

— Не забывай,—шопотомъ сказаля она, твердо глядя ему въ глаза,—не забывай, что... у меня есть избавленіе отъ... всѣхъ твоихъ обидъ...

Онъ прочелъ угрозу въ ея лицѣ и отступилъ. Ключъ щелкнулъ въ замкѣ.

XXV.

Утромъ, когда Шура убѣжалъ, напившись чаю, Мельгуновъ вынулъ изъ кармана листъ писчей бумаги и положилъ передъ женой.

— Что это?... удивилась она и вдругъ всплеснула руками.

Письма Клименки, подобранныя по клочкамъ, были наклеены на этой бумагѣ. Не хватало какихъ-то двухъ уголковъ. Онъ всю ночь работалъ надъ этимъ...

Господи!

Она взялась руками за голову. Этого она не ждала. А Мельгуновъ уже прятал бумагу на груди.

— Теперь, Лизавета Николаевна,—ледянымъ тономъ, полнымъ торжества, заговорилъ онъ, и усмѣшка покривила его чувственныя губы.—Теперь вы въ моей власти, также, какъ и вашъ пріятель... Не пугайте меня разводомъ... Съ такимъ документомъ въ рукахъ, какъ у меня, вы уже никого не увѣрите въ вашей порядочности... Вся грязь,—если я начну дѣло,—всѣ послѣдствія падутъ на васъ одну... И Шуру у меня ужъ никто не отыметъ для безнравственной женщины, получавшей такія письма!—онъ ударилъ пальцами по груди и бумага явственно хрустнула въ карманѣ его пиджака.—Но это еще не все,—продолжалъ онъ, замѣтивъ ея движенія.—Въ этихъ документахъ судьба вашего пріятеля... Тутъ есть нѣкоторыя цѣнныя фразы о зарѣ будущаго, которая будто бы разгорается и т. д... Есть тамъ и еще выразительнѣе... Что-съ?.. Вы говорите—низость?.. Почему же?.. Развѣ когда воръ забирается въ нашъ домъ, мы не смѣемъ защищаться?.. Когда бѣшеная собака бросается на меня, я не смѣю ее придушить?.. Для меня всѣ такіе господа, какъ вашъ пріятель, тѣ же воры... санкюлоты, которымъ нечего терять и которые точатъ зубы на чужую собственность... Развѣ онъ щадилъ меня?.. Развѣ

онъ остановится предъ чѣмъ-нибудь, чтобъ отнять у меня васъ?.. отнять счастье?.. Я только защищаюсь... и больше ничего...

Она встала и протянула руку.

— Что вамъ нужно за эту бумагу? Говорите...

Онъ улыбнулся и вѣжливо, мягко отстранилъ ея руку.

— Довольно намъ играть въ прятки, Лизавета Николаевна! Пора понять другъ друга... Мнѣ не надо вашихъ порывовъ... и эффектныхъ минутъ... Мы не въ театрѣ... И я хочу, наконецъ, уравновѣшенной, спокойной и разумной жизни... Жизни съ вами... Вы понимаете, конечно?.. Безъ истерикъ, проклятій, безъ насилія.. Я готовъ на всѣ уступки, на всѣ ваши прежнія причуды, уроки и т. д., если вы не можете обойтись безъ чудачествъ... Но подъ однимъ условіемъ... нѣтъ, подъ двумя...

— Ну?..—съ трудомъ вымолвила она.

— Первое, — вы будете моей женой... Я пришелъ къ тому убѣжденію... за эти восемь мѣсяцевъ съ Рождества, что это — первое и главное условіе моего собственнаго существованія... Понимаете?.. Главное... Я уже потерялъ надъ собою власть... Это выше меня, Лизавета Николаевна... И осуждать меня тутъ напрасно... Вы сами, кажется, имѣли не разъ основаніе убѣдиться, что я... я влюбленъ въ васъ... какъ самый жалкій мальчишка... что способенъ на самыя безумныя выходки... которыя, впрочемъ, ни разу не нашли доступа въ ваше сердце... Ну, да объ этомъ оставимъ! Это все впереди... Я и не тороплю васъ... Я даю вамъ свыкнуться съ этой мыслью... Мнѣ надо только ваше принципіальное согласіе...

— Его никогда не будетъ,—сказала она, сверкнувъ глазами.

Онъ вызывающе усмѣхнулся.

— А это мы увидимъ. Вода камень долбитъ. Женское сердце— даже ваше—можетъ оказаться уступчивѣе... Не разсчитывайте на то, что я дамъ вамъ свободу... *этого* никогда!.. Я не остановлюсь ни предъ какими мѣрами, чтобъ удержать васъ... Слышишь, Лиза?.. Ни предъ какими... И опять-таки нечего глядѣть на меня съ такимъ отвращеніемъ!.. Каждому человѣку жизнь дорога... А мнѣ выпустить тебя, все равно, что самому себѣ въ сердце ножъ всадить...

— Словомъ... ты смерть мою предпочтешь свободѣ... такъ?

Онъ колебался только одну секунду.

— Предпочту... Я теряю въ обоихъ случаяхъ... Здѣсь, по крайности, нѣтъ ни позора для меня, ни страданій... Я усталъ страдать...

Они помолчали съ минуту.

— А второе условіе?

— Второе и самое важное... Ты разорвешь всѣ сношенія съ Клименко,—встрѣчи, письма, все...

*

Она встала опять.

— Можешь оставить у себя эту бумагу... Можешь дать ей ходъ... Но не тѣшь себя бузумными надеждами... Я тебѣ ни уступлю ни на іоту.

Она сошла въ палисадникъ и двинулась къ аллеѣ. Ему показалось, что она вынула платокъ и закрыла имъ лицо.

Къ обѣду она не пришла, подъ предлогомъ головной боли, и осталась въ аллеѣ.

Послѣ обѣда Мильгуновъ уѣхалъ въ Москву по неотложному дѣлу. Ему было жутко уѣзжать. Онъ натянулъ струны—и сознавалъ это. Но онъ вѣрилъ въ силу материнскаго чувства, которое заставитъ Лизавету Николаевну покориться. Развѣ не сказала она сама, что у нея нѣтъ силъ для новой жизни?

Послѣ такой ночи и утренняго объясненія, Лизавета Николаевна была совсѣмъ разбита. Она пошла въ лѣсъ, еле передвигая ноги.

А Клименко ждалъ ее ужъ съ полчаса.

Когда поѣздъ несъ его въ Москву, онъ весь горѣлъ, вспоминая послѣднія слова, которыми они обмѣнялись, ея обѣщанія. Рисуя себѣ эту встрѣчу, онъ видѣлъ предъ собой ея глаза, слышалъ голосъ, свои собственныя фразы. Онъ, казалось, чувствовалъ трепетъ ея тѣла въ своихъ рукахъ и доходилъ ночью до галлюцинацій. Онъ считалъ часы и версты, готовъ былъ плакать отъ восторга.

И вотъ они встрѣтились.

Онъ ничего не спросилъ у нея, ни о чемъ не напомнилъ. Молча взялись они за руки и пошли по дорогѣ. Въ паркѣ стояло глухое безмолвіе. Весь путь былъ усыпанъ мертвыми листьями, которые шуршали подъ ногами. Безшумно срывались они съ вѣтокъ. Когда вѣтеръ порывами проносился надъ паркомъ, они съ шорохомъ бѣжали за молчаливой парочкой, и Лизаветѣ Николаевнѣ чудилось, что кто-то догоняетъ ихъ. Она испуганно оглядывалась.

Они свернули въ другую аллею. И тамъ листья падали на ихъ головы и плечи. Когда шевелились надъ ними верхушки столѣтнихъ липъ, мертвые листья тоже приподымались на землѣ, но, затрепетавъ, падали опять безсильно на отсырѣвшій песокъ. И тогда казалось, что земля вздыхаетъ. Не хотѣлось говорить, вспоминать, уяснять что-нибудь. Такъ страстно хотѣлось забыться.

Наконецъ, и двигаться уже не было силы. Они свернули къ валу, за паркомъ. Полтораста лѣтъ назадъ, когда здѣсь рыли пруды, образовалась насыпь, теперь она поросла лѣсомъ. Подъ раскидистымъ старымъ дубомъ было сухо. Они сѣли. Онъ робко обнялъ ея талію... Она прижалась лицомъ къ его щекѣ... Какъ хорошо... Не надо словъ... И такъ все понятно: и этотъ комочекъ въ сердцѣ, что не даетъ вздохнуть свободно, и эта пустота въ усталомъ мозгу... Борьба, широкіе планы, яркія грезы... Ничего не надо сейчасъ... Ничего...

Лишь бы минутку покоя—вотъ такъ, вмѣстѣ, рядомъ, тѣсно обнявшись... Лишь бы минуту забвенія...

На плечи и платье ихъ немолчно и безшумно падали листья. Сумерки ползли. Тяжелый туманъ росъ надъ прудомъ и тянулся вверхъ... Небо вдругъ тихо заплакало скупыми слезами. Плакалъ и лѣсъ, вздрагивая отъ набѣгавшаго вѣтра. Онъ плакалъ о зеленой, ароматной юности, объ отзвучавшихъ пѣсняхъ, объ яркомъ солнцѣ мая...

Внизу, у самой дороги, молодая осина, стройная и тоненькая, вся въ багряномъ уборѣ, трепетала каждымъ листикомъ, въ смертной тоскѣ передъ идущей ночью, передъ суровой зимой... Она умирала, какъ и этотъ бурый, порѣдѣвшій лѣсъ, медленно и покорно... Старый дубъ ронялъ холодныя слезы и онѣ мѣшались со слезами, которыя бѣжали по блѣднымъ лицамъ, безмолвно приникшимъ другъ къ другу въ тишинѣ и мглѣ идущей ночи...

А листья все отрывались, падали и умирали...

„Какъ наше счастье“...—подумала Лизавета Николаевна.

А. Вербицкая.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Очеркъ седьмой. Націонализмъ и общественное мнѣніе.

ВВЕДЕНІЕ.

Развитіе соціальнаго самосознанія — предметъ третьей части «Очерковъ».—Односторонность пониманія «народнаго самосознанія» у нѣкоторыхъ предъидущихъ писателей.—Различеніе въ «народномъ самосознаніи»—«національнаго» и «общественнаго». — Ошибочность стараго пониманія «національности». — Современное ученіе объ отношеніи національности къ «расѣ».—Вопросъ о зависимости ея отъ географическихъ условій.—Національность—понятіе соціальное.—Психическое взаимодѣйствіе—основа соціальныхъ явленій вообще и національности въ частности.—Языкъ—какъ органъ психическаго взаимодѣйствія.—Измѣнчивость языка.—Религія, какъ символъ національности.—Національное сознаніе отчасти само создаетъ свое содержаніе.—Раннія стадіи въ развитіи національнаго самосознанія.—Періодъ военной борьбы за формированіе націи.—Соотвѣтствующая ему стадія національнаго самовозвеличенія; ея религіозная санкція и соціальное значеніе послѣдней.—Условія, опредѣляющія направленіе и степень дальнѣйшаго развитія общественнаго самосознанія.—Происхожденіе, распространеніе и результаты критическаго воззрѣнія.—Отношеніе сказаннаго къ темѣ третьей части «Очерковъ».

Въ двухъ первыхъ томахъ «Очерковъ по исторіи русской культуры» мы имѣли дѣло, главнымъ образомъ, съ стихійными или полусознательными историческими процессами, развитіе и общій ходъ которыхъ менѣе всего опредѣлялись сознательнымъ выборомъ или рѣшеніемъ общества или его представителей. Мы прослѣдили каждый изъ этихъ процессовъ до конца и могли убѣдиться, что всѣ они становятся болѣе сознательными по мѣрѣ приближенія къ современности. Но,—не говоря уже объ абсолютной свободѣ соціальнаго выбора, возможность которой признается нѣкоторыми отвергаемыми нами философскими и общественными теоріями,—ни одинъ изъ русскихъ историческихъ процессовъ не достигъ и той степени сознательности, которая предполагаетъ цѣлесообразно организованную коллективную волю.

Та или другая степень сознательности есть, однако же, во всякомъ соціальномъ процессѣ, хотя бы уже потому, что всѣ соціальныя явленія происходятъ въ психической средѣ. Общественная психика можетъ очень несовершенно, неясно и неполно улавливать истинныя причины тѣхъ соціальныхъ явленій, необходимымъ проводникомъ ко-

торыхъ она является, но, тѣмъ не менѣе, всѣ эти явленія совершаются при посредствѣ, болѣе или менѣе активномъ, общественной психики. Наличность и непрерывность общественнаго самосознанія есть соціальный фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію, хотя и было бы верхомъ заблужденія ограничивать изученіе соціальныхъ процессовъ областью общественно-сознаваемаго и тѣмъ большей ошибкой было бы искать у этого общественнаго самосознанія отвѣтовъ на научные вопросы о причинахъ тѣхъ или другихъ соціальныхъ явленій.

Дѣло въ томъ, что общественное самосознаніе само есть одно изъ такихъ соціальныхъ явленій, находящееся въ неразрывной связи съ стихійными процессами, изучавшимися выше и, подобно имъ, подлежащее закономѣрному объясненію. Передъ историческимъ трибуналомъ оно не можетъ фигурировать не только въ роли судьи или адвоката, но даже и въ роли простого свидѣтеля, призваннаго констатировать факты: оно является скорѣе объектомъ разбирательства, и его дѣянія должны быть установлены, взвѣшены и оцѣнены при помощи данныхъ и пріемовъ, независимыхъ отъ его собственныхъ показаній.

Эта точка зрѣнія діаметрально противоположна той, съ которой очень часто трактовалась исторія «народнаго самосознанія». Самый этотъ терминъ слишкомъ долго оставался монополіей создавшаго его міровоззрѣнія, по духу котораго всѣ вопросы національной жизни должны были рѣшаться простой справкой съ тѣмъ, что говоритъ или какъ думаетъ объ этомъ «народное самосознаніе». Содержимое народнаго самосознанія, рѣшавшее, въ послѣдней инстанціи, важнѣйшіе вопросы народной жизни, считалось при этомъ неподлежащимъ дальнѣйшему анализу: оно было дано искони, отъ вѣка вложено въ сознававшій себя народъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что при такомъ взглядѣ это содержимое пріобрѣтало особый, нѣсколько исключительный характеръ: предметомъ «народнаго» самосознанія становилось преимущественно то, что *отличаетъ* данный народъ отъ другихъ, т. е. слово «народъ» получало смыслъ «національности». При этомъ упускалось изъ виду, что содержаніемъ народнаго самосознанія можетъ также служить все касающееся *внутренней* жизни самого даннаго народа. Другими словами, нѣсколько двусмысленный терминъ «*народнаго* самосознанія» могъ бы быть поясненъ двумя другими, изъ которыхъ онъ, въ сущности, состоитъ: терминомъ «*національнаго* самосознанія»—для выраженія того самочувствія, которое отдѣляетъ одинъ народъ отъ другихъ и терминомъ «*общественнаго* самосознанія» выражающимъ народную мысль о внутреннихъ отношеніяхъ страны, въ отличіе отъ внѣшнихъ.

Продуктъ «національнаго» самосознанія есть «національзмъ»,—въ смыслѣ извѣстной системы взглядовъ на международный характеръ и цѣли національной дѣятельности. Продуктъ «общественнаго» самосознанія есть, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, «общественное мнѣніе». Въ

этомъ смыслѣ оба термина употреблены въ заглавіи настоящаго «Очерка» и будутъ употребляться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Сдѣланное такимъ образомъ различеніе имѣетъ, какъ увидимъ, не одинъ только терминологическій смыслъ. Два оттѣнка въ содержаніи «народнаго самосознанія» знаменуютъ собою, въ то же время, два послѣдовательныхъ момента въ развитіи этого самаго содержанія. Національное самосознаніе является при этомъ, психологически и хронологически, первымъ моментомъ, а общественное самосознаніе—вторымъ. И носителями того и другого являются не однѣ и тѣ же общественныя группы. Простая справка съ современнымъ народнымъ самосознаніемъ наиболѣе развитыхъ странъ Европы покажетъ, что хранителями національнаго самосознанія являются группы, программа которыхъ имѣетъ цѣлью сохраненіе остатковъ прошлаго, тогда какъ выразителями общественнаго самосознанія становятся другія группы, занятыя преимущественно устройствомъ лучшаго будущаго. Естественно, что при такой дифференціаціи программъ «національное самосознаніе» представляется съ характеромъ болѣе или менѣе традиціоннымъ, тогда какъ «общественное самосознаніе» имѣетъ характеръ по преимуществу реформаторскій.

Представленіе о національности, какъ о чемъ то традиціонномъ, естественно повело, при недостаткѣ научныхъ свѣдѣній, къ мнѣнію, будто бы «національность» есть нѣчто неизмѣнное, отъ самаго начала данное, неразрывно связанное съ плотью и кровью народа, съ его физической организаціей. Такое мнѣніе могло держаться, однако, лишь до тѣхъ поръ, пока наши свѣдѣнія объ исторіи народовъ ограничивались предѣлами исторически-извѣстнаго, т. е. самаго короткаго періода исторіи жизни человѣчества. Чѣмъ больше наука углубляется въ доисторическую тьму, тѣмъ яснѣе становится, что, въ сущности, современная «національность» есть самый поздній изъ продуктовъ исторической жизни: и то, что говоритъ объ этомъ современная антропологія и доисторическая археологія, сполна подтверждается выводами современныхъ соціологовъ.

Прежде всего, надо считать безвозвратно прошедшимъ то время, когда можно было искать неизмѣнной основы національности въ естественно-историческомъ понятіи «расы». Не говоримъ уже о томъ, что *чистую* «расу» можно въ настоящее время встрѣтить лишь тамъ, гдѣ есть искусственный подборъ, и что на свободѣ, въ природѣ, мы встрѣчаемъ лишь смѣшанныя расы, причемъ процессъ смѣшенія мы должны возводить къ самымъ первымъ временамъ существованія человѣчества. Но даже если мы возьмемъ вторичные продукты этихъ древнѣйшихъ смѣшеній, все еще доисторическія «расы», отличающіяся большимъ или меньшимъ преобладаніемъ извѣстныхъ анатомическихъ и физіологическихъ признаковъ (длиннаго или широкаго черепа, высокаго или низкаго роста, круглой или овальной формы, а также тем-

наго или свѣтлаго цвѣта волосъ и глазъ), то мы увидимъ, что, во-первыхъ, самые эти признаки, по всей вѣроятности, не оставались неизмѣнными на протяженіи исторіи (особенно ростъ и цвѣтъ волосъ и глазъ), а во-вторыхъ даже и самыя позднія изъ такихъ физіологическихъ измѣненій все-таки совершились до образованія извѣстныхъ намъ «національностей», такъ какъ современныя національности объединяютъ въ себѣ людей самого разнообразнаго физическаго строенія, т. е. самыхъ чуждыхъ другъ другу расъ. Съ другой стороны, одна и таже первоначально «раса» служитъ въ настоящее время физическимъ матеріаломъ для самыхъ разнообразныхъ національностей, не имѣющихъ между собой ничего общаго. Такъ, антропологи все рѣшительнѣе приходятъ къ выводу, что длинноголовая раса составляла древнѣйшее населеніе Европы, родственное африканскому и отодвинутое впослѣдствіи на сѣверъ и на югъ Европы пришедшей изъ Азіи короткоголовой расой, врѣзавшейся клиномъ въ среду этого старѣйшаго населенія. Между тѣмъ, теперь обѣ расы безразлично входятъ въ составъ англійской, французской, нѣмецкой и итальянской національности; а потомки первобытныхъ длинноголовыхъ оказываются эскимосами въ полярныхъ странахъ, скандинавами въ сѣверной, испанцами и итальянцами въ южной Европѣ. И такъ, говорить о «расовомъ» различіи національностей въ наше время было бы непозволительнымъ анахронизмомъ, свидѣтельствующимъ только о недостаточномъ знакомствѣ съ современнымъ состояніемъ науки.

Гораздо больше, чѣмъ «кровь», въ созданіи современныхъ національностей должна была участвовать «природа», окружающая обстановка, т. е. главнымъ образомъ климатъ, затѣмъ почва и другія географическія условія. Было время когда этимъ условіямъ приписывалась главная роль въ процессѣ физическаго преобразованія типа, въ превращеніи, наприм., низкаго роста въ высокій или темнаго цвѣта въ свѣтлый. Теперь и въ этомъ отношеніи происходитъ нѣкоторая реакція, выдвигающая для объясненія новыхъ разновидностей не столько климатъ, сколько тотъ же извѣстный намъ процессъ смѣшеній. Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ подробности этого спора, до сихъ поръ еще не конченнаго и не приведшаго къ вполнѣ ясному результату. Для нашей цѣли важно отмѣтить, что и сколько-нибудь видные результаты воздѣйствія природы все еще лежатъ внѣ тѣхъ хронологическихъ предѣловъ, къ которымъ мы можемъ отнести происхожденіе современныхъ «національностей». То же самое придется, вѣроятно, сказать и о психо-физіологическихъ различіяхъ народовъ, сложившихся подъ климатическими и др. географическими вліяніями. Въ популярной рѣчи мы постоянно говоримъ о «южномъ» или «сѣверномъ темпераментѣ» той или другой національности или различныхъ частей одной и той же національности. Но уже самая эта терминологія показываетъ, что подобныя отличія темпераментовъ мы не ста-

вимъ ни въ какую связь съ національностями: и дѣйствительно, напр., «южный темпераментъ» есть свойство, которое сближаетъ въ одну группу представителей самыхъ разнообразныхъ національностей Европы: испанцевъ, итальянцевъ, грековъ, жителей южной Германіи, Франціи, Россіи и т. д.

Чему же обязаны «національности» своимъ происхожденіемъ, если «кровь» совсѣмъ не участвовала, а «природа» только отчасти участвовала въ ихъ созданіи? Въ противоположность прежнимъ толкованіямъ, необходимо настойчиво подчеркивать, что «національность» есть понятіе не естественно-историческое и не антропогеографическое —а чисто *соціологическое*.

Современные соціологи спорятъ о томъ, какой основной признакъ отдѣляетъ соціальное явленіе отъ не-соціальнаго. Но среди этихъ споровъ можно, какъ кажется, уловить общій центръ, къ которому тяготѣютъ различныя предложенныя соціологами объясненія того, что слѣдуетъ понимать подъ соціальнымъ явленіемъ. Можно считать прежде всего окончательно выясненнымъ тотъ пунктъ спора, на которомъ самая возможность выдѣленія специфически-соціальныхъ явленій отъ явленій сосѣднихъ наукъ подвергались сомнѣнію. Ни къ чистой *механикѣ*, ни къ чистой *біологіи* свести объясненія соціальныхъ явленій не удалось, и если неясна еще граница между *психологіей* и соціологіей, то только потому, что чисто-индивидуальная психологія оказывается все болѣе и болѣе нераздѣльной отъ соціальной, такъ что, въ концѣ концовъ, рискуетъ окончательно раствориться въ послѣдней. Это не значитъ еще, конечно, чтобы мы готовы были принять существованіе нѣсколько мистической «коллективной души», вмѣстѣ съ ея защитниками. Напротивъ, индивидуальное сознаніе, несомнѣнно, является единственнымъ носителемъ коллективнаго сознанія—и при томъ до такой степени, что мы не знаемъ, что осталось бы въ немъ, еслибы исключить изъ него все принадлежащее этому послѣднему.

Правда, Гиддингсъ, со свойственной ему схематичностью, пробовалъ отдѣлить индивидуальную психологію, какъ «науку объ ассоціаціи идей» отъ соціологіи, какъ «науки объ ассоціаціи умовъ». Но здѣсь, какъ часто бываетъ у этого писателя, различіе могло быть проведено только in abstracto. Гиддингсъ слишкомъ глубокій соціологъ, чтобы не признать, in concreto, что безъ «ассоціаціи умовъ» самая «ассоціація идей» не могла бы развиться до той степени, на которой становится возможнымъ, при помощи языка, отдѣленіе общихъ понятій отъ представленій и сочетаніе ихъ въ предложенія. Нельзя не принять свѣтлой мысли Гиддингса, что эта ступень развитія, на которой человѣкъ сдѣлался человѣкомъ, достигнута уже какъ результатъ могущественнаго дѣйствія соціальной группировки, т. е. что общественная жизнь явилась необходимымъ предварительнымъ условіемъ, объясняющимъ самое появленіе языка и достиженіе соотвѣтствующей ступени психиче-

скаго развитія индивидуума. Но, принявъ эту мысль, мы тѣмъ самымъ пріобрѣтаемъ надежную почву для отысканія кореннаго признака отдѣляющаго соціальныя явленія отъ не-соціальныхъ. Соціальная группировка съ одной стороны предполагаетъ, а съ другой сама создаетъ извѣстныя средства психологическаго взаимодѣйствія. Такимъ образомъ, *психическое взаимодѣйствіе умовъ* со всѣми пріемами и результатами этого взаимодѣйствія является основной чертой, отличающей новую группу явленій, соціальную, отъ всѣхъ другихъ.

Правда, только что данное опредѣленіе особенности соціальныхъ явленій казалось многимъ соціологамъ еще черезчуръ общимъ, и они искали другого, болѣе частнаго. Такъ, напр., одинъ изъ *пріемовъ* психическаго взаимодѣйствія, именно подражаніе, послужилъ выдающемуся французскому соціологу Тарду основаніемъ для цѣлой соціологической системы. Несомнѣнно, однако, что это только *одинъ* изъ пріемовъ, и что самая характеристика его, какъ односторонняго «подражанія», предполагаетъ слишкомъ рѣзкое различіе между тѣмъ, кто подражаетъ, и тѣмъ, кому подражаютъ. Психическое взаимодѣйствіе опредѣлено здѣсь слишкомъ узко, и понятно, что на такомъ односторонне-формулированномъ принципѣ могла быть построена лишь односторонняя же теорія. Съ другой стороны, одинъ изъ *результатовъ* психическаго взаимодѣйствія, «сознаніе принадлежности къ одному и тому роду», былъ выдвинутъ, какъ коренной признакъ общественной ассоціаціи, Гиддингсомъ. Односторонность такой формулировки, какъ исключительно субъективной, оставляющей въ сторонѣ объективную сторону, такъ сказать, движущую пружину явленія, была уже указана Гиддингсу Тардомъ. Нѣмецкій ученый Штаммлеръ хотѣлъ обратить преимущественное вниманіе изслѣдователей на *цѣль* всякаго соціальнаго взаимодѣйствія, и призналъ *единственной* такою цѣлью—стремленіе къ установленію извѣстныхъ правовыхъ нормъ взаимныхъ отношеній. Но и это опредѣленіе кореннаго признака соціальныхъ явленій сводится къ одной изъ разновидностей психическаго взаимодѣйствія и не исчерпываетъ его вполнѣ, какъ уже замѣтилъ Штамлеру одинъ изъ его нѣмецкихъ рецензентовъ. Какъ бы то ни было, всѣ названные соціологи сходятся въ одномъ: идея психическаго взаимодѣйствія лежитъ въ основѣ всѣхъ ихъ опредѣленій. И даже Гумпловичъ, проводящій рѣзкую границу между психическими и соціальными явленіями, и считающій возможнымъ въ основу соціологическаго объясненія положить только соціологическій же фактъ (принявъ за элементарную единицу соціальнаго явленія не индивидуума, а извѣстную соціальную группу),—даже Гумпловичъ вынужденъ былъ—отдѣлить явленія психическаго взаимодѣйствія) языкъ, религію, право, обычаи и т. д.), въ особую группу—явленій «соціально-психическихъ». При большей широтѣ взгляда онъ долженъ былъ бы отнести сюда и тѣ явленія (соціальная группа, государство), которыя онъ отводитъ въ особую рубрику—явленій чисто «соціальныхъ».

Легко замѣтить, что ни одна изъ перечисленныхъ формулировокъ не исключаетъ другой—и не исключаетъ также возможности новыхъ формулировокъ подобнаго же рода, т. е. основанныхъ на одномъ и томъ же коренномъ признакѣ—психическаго взаимодѣйствія. Уже изъ одного этого можно было бы заключить, что всѣ эти формулировки грѣшатъ не столько ошибочностью, сколько неполнотой и односторонностью.

Для нашей цѣли, т. е. для выясненія понятія національности какъ чисто соціальнаго, достаточно остановиться на общемъ, включающемъ всѣ другія опредѣленіи соціальныхъ явленій,—какъ явленій психическаго взаимодѣйствія. Національность есть соціальная группа, располагающая такимъ единственнымъ и необходимымъ средствомъ для непрерывнаго психическаго взаимодѣйствія, какъ языкъ, и выработавшая себѣ постоянный запасъ однообразныхъ психическихъ навыковъ, регулирующихъ правильность и повторяемость явленій этого взаимодѣйствія. Изъ этого опредѣленія сама собой вытекаетъ важность языка для національности. Можно даже сказать, что языкъ и національность—это понятія если не тожественныя, то вполнѣ покрывающія одно другое. Предѣлы одного—тожественны съ предѣлами другого. Даже продолжительное раздѣленіе одноязычной группы между различными политическими организаціями не можетъ уничтожить въ ея членахъ «сознанія рода», пока уцѣлѣлъ языкъ; точно также и разноязычныя соціальныя группы не могутъ даже при продолжительномъ сожительствѣ внутри одной политической группы слиться въ одну національность, пока не слились ихъ языки. «Тотъ, кто говоритъ на двухъ языкахъ, есть измѣнникъ»,—это политическое правило первобытныхъ племенъ какъ нельзя лучше подчеркиваетъ важность, которую инстинктивно придавала единству языка государственная мудрость того времени. А борьба за государственный языкъ, какъ за самое могущественное средство слiянія съ господствующей національностью, и отчаянное противодѣйствіе, которое оказываютъ этому національныя меньшинства въ разныхъ странахъ Европы, напоминаютъ намъ, что и до нашего времени тѣснѣйшая связь языка и національности признается основной аксіомой не въ однихъ только соціологическихъ трактатахъ. И самая напряженность, которой достигаетъ борьба за языкъ въ наше время (напр. въ Турціи или Австріи), доказываетъ, что обѣ борящіяся стороны считаютъ результатъ борьбы нерѣшеннымъ и вполнѣ зависящимъ отъ ихъ сознательныхъ усилій. На самомъ дѣлѣ, языкъ, этотъ коренной признакъ національности, оказывается далеко не прочнымъ ея достояніемъ. Два или три поколѣнія, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ быть достаточны, чтобы превратить одну «національность» въ другую. На нашихъ глазахъ цѣлыя области, напр. Македонія, подвергаются этому «соціологическому» эксперименту. Пишущій эти строки могъ лично наблюдать, какъ къ турецкихъ областяхъ армяне, греки и славяне превращались въ турокъ, (въ Малой Азіи),

болгары въ «грековъ» и обратно въ болгаръ, тоже и албанцы; при благопріятныхъ условіяхъ, напр. для сербской пропаганды въ Македоніи, нѣтъ ничего мудренаго, что часть македонцевъ превратится въ «сербовъ» прежде, чѣмъ слависты успѣютъ доказать, что ихъ старый языкъ былъ «болгарскимъ». На нашихъ глазахъ такое превращеніе «болгаръ» въ «сербовъ» было достигнуто, въ какіе нибудь двадцать лѣтъ въ отторгнутыхъ отъ болгарскаго племени пограничныхъ областяхъ. И всѣ эти быстрыя перемѣны достигались съ помощью самаго простого средства: забвенія своего стараго языка и употребленія новаго. Итакъ, языкъ,—этотъ основной и наиболѣе существенный признакъ національности, носитель всѣхъ связанныхъ съ ея понятіемъ ассоціацій, — оказывается явленіемъ въ высшей степени хрупкимъ и преходящимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что населеніе Европы, съ древнѣйшихъ временъ пережившее множество завоеваній и смѣшеній, могло много разъ перемѣнить свой языкъ, оставаясь въ то же время антропологически тѣмъ, чѣмъ было и прежде: это наблюденіе окончательно разъясняетъ, почему нельзя искать никакого соотвѣтствія между языкомъ (а слѣдовательно и національностью) и «расой».

То, что сказано о языкѣ, тѣмъ болѣе вѣрно по отношенію къ другимъ явленіямъ, представляющимъ изъ себя не орудіе и не средство психическаго взаимодѣйствія, а его результаты. Въ національномъ самосознаніи, напр., религія является часто столь же существенной, и представляется столь же коренной и исконной чертой національности какъ и языкъ. Въ данномъ случаѣ, однако, опять голосъ самосознанія можетъ ввести изслѣдователя въ заблужденіе. Лица, жившія нѣкоторое время на Балканскомъ полуостровѣ, могутъ засвидѣтельствовать, напр., какое огромное значеніе имѣетъ религія въ христіанскихъ областяхъ остающихся подъ турецкой властью, и какъ равнодушно относится къ той же религіи населеніе областей, только что добившихся національной независимости. Явленіе это, повторявшееся не разъ и въ прошломъ, можетъ свидѣтельствовать объ одномъ: религія въ подобныхъ случаяхъ, очевидно, цѣнилась не по внутреннему своему значенію, а какъ символъ соціальной обособленности исповѣдующаго ее населенія. Соціальная роль религіи въ этихъ случаяхъ можетъ быть огромна, и въ то же время вѣроисповѣдное ея значеніе сводиться къ нулю.

Итакъ, все существенное содержаніе «національнаго самосознанія» при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается вовсе не заимствованнымъ изъ реальныхъ свойствъ національности. Эти реальныя свойства анатомическія, физіологическія и т. д., остаются нетронутыми и, въ предѣлахъ одной и той же національности, очень различными. Національное самосознаніе выводитъ свою постройку надъ этимъ фундаментомъ, не обращая никакого вниманія на его распланировку, и весь свой матеріалъ беретъ изъ самого себя. Тоже самое психическое взаимо-

дѣйствіе, которое составляетъ необходимое условіе національнаго сознанія, въ концѣ концовъ служитъ ему для распространенія выработаннаго этимъ сознаніемъ, обыкновенно, въ рѣзкихъ, лапидарныхъ чертахъ, понятія о самомъ себѣ, т. е. объ отличіяхъ національнаго типа. Нечего и говорить, что этими отличіями оказываются тѣ, которыя запечатлѣваются, какъ такія, въ національномъ сознаніи. А такъ какъ процессъ работы національнаго сознанія вездѣ одинъ и тотъ же, то и вырабатываемый имъ продуктъ, понятіе о собственномъ національномъ типѣ, въ главныхъ чертахъ повсюду болѣе или менѣе одинаковъ. Помимо частныхъ чертъ, подсказываемыхъ мѣстными условіями, это понятіе вездѣ отражаетъ на себѣ характеръ создающей его эпохи.

Въ самомъ дѣлѣ, очень важно отмѣтить, что и эпоха, когда соціальное самосознаніе дѣлаетъ предметомъ наблюденія собственныя національныя черты, приблизительно одинаково у самыхъ различныхъ соціальныхъ группъ. Сознаніе объ особенностяхъ своего типа не бываетъ отчетливымъ въ періодъ племенной жизни, отчасти, можетъ быть, потому, что соціальныя группы въ этотъ періодъ слишкомъ дробны и слишкомъ однородны, такъ какъ вращаются среди себѣ подобныхъ группъ того же языка. «Сознаніе рода», конечно, уже существуетъ и въ эту эпоху: оно имѣется на лицо даже и въ животныхъ обществахъ. Но объективное выраженіе этого сознанія не идетъ въ эпоху племенной жизни дальше легендъ объ единомъ родоначальникѣ племени или о братьяхъ-родоначальникахъ племенъ, сознающихъ свою національную близость. Въ болѣе сложныхъ формахъ національное самосознаніе развивается въ эпоху территоріальнаго объединенія націй, и особенно въ тотъ моментъ, когда процессъ этого объединенія самъ собой приводитъ данную національную группу въ столкновеніе съ другими, несходными съ нею. Языкъ, иногда и физическій типъ являются въ такомъ случаѣ основными причинами сознанія несходства; но нужна значительная привычка къ отвлеченному мышленію, чтобы привести въ связь сознаніе національной особенности съ этими истинными вызывающими его причинами. Наиболѣе легкій и элементарный пріемъ соціальнаго мышленія состоитъ въ томъ, что сознаніе несходства прикрѣпляется къ какому-нибудь болѣе наглядному, но и болѣе внѣшнему признаку. Племенная религія расширяющаяся въ національную по мѣрѣ территоріальнаго роста, обыкновенно становится первымъ такимъ признакомъ, на которомъ основывается зарождающееся сознаніе племеннаго несходства; къ этому признаку, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія соціальнаго самосознанія, пріурочиваются и другіе. Общественный и политическій строй данной группы, ея нравственный обликъ, наконецъ, даже ея территорія, все это становится подъ защиту религіи въ ея мѣстной, національной формѣ: все это объявляется «святымъ». И самая эта религіозная окраска національныхъ отличій, ихъ интеграція въ національномъ сознаніи подъ покровомъ религіи,

даетъ устанавляемому такимъ образомъ національному типу огромную силу распространенія: здѣсь вступаетъ въ свою роль безсознательное подражаніе, ассимилирующее выработанному типу вновь присоединяемыя областныя группы. Національное самосознаніе само является, такимъ образомъ, факторомъ, реализирующимъ свою идею.

Дальнѣйшая эволюція народнаго сознанія, подобно экономической, политической, религіозной и т. д. эволюціямъ, находится въ зависимости отъ историческихъ условій, среди которыхъ протекаетъ жизнь той или другой націи. Въ самомъ началѣ «Очерковъ» мы признали возможность остановки всѣхъ этихъ эволюцій на одной изъ раннихъ ступеней,—въ случаѣ, напримѣръ, остановки роста населенія. Подобную же остановку вполнѣ возможно предположить и въ процессѣ развитія общественнаго самосознанія. Все что задерживаетъ процессъ образованія національности и протягиваетъ періодъ войнъ, неразлучныхъ съ такимъ процессомъ; все, что препятствуетъ процессу внутренняго расчлененія данной національности на группы, классы, сословія; наконецъ, все что мѣшаетъ быстрому психическому обмѣну и, слѣдовательно, взаимодѣйствію и борьбѣ разныхъ общественныхъ взглядовъ и типовъ мысли, вызванныхъ этимъ внутреннимъ расчлененіемъ,—все это можетъ пріостановить развитіе соціальнаго сознанія на той ступени, которой оно достигаетъ въ періодъ національнаго объединенія и на которой закрѣпляется неподвижной религіозной санкціей. Но мы повсюду въ «Очеркахъ» имѣли въ виду не этотъ, возможный, конечно, случай остановки эволюціоннаго процесса, а тотъ нормальный случай, когда историческія обстоятельства благопріятствуютъ полному осуществленію эволюціонирующей общественной тенденціи. Для болѣе полной эволюціи общественнаго самосознанія необходимы слѣдующія условія: во-первыхъ, ослабленіе военной дѣятельности націи; во-вторыхъ, извѣстная степень разнообразія интересовъ внутри націи, при достаточной густотѣ населенія, дѣлающей возможнымъ болѣе или менѣе быстрый психологическій обмѣнъ между личностями и группами. Сюда присоединяется, въ-третьихъ, условіе, не необходимое логически, но обыкновенно сопровождающее два первыя: именно, извѣстная степень мирнаго психологическаго взаимодѣйствія между данной группой и чуждыми ей сосѣдними національностями. Ближайшее знакомство съ чужимъ національнымъ типомъ бываетъ на практикѣ первымъ толчкомъ, вызывающимъ перемѣны въ сложившейся формѣ національного сознанія. Эпоха самовозвеличенія смѣняется эпохой самокритики. Вниманіе части общества, наиболѣе заинтересованной въ перемѣнахъ, обращается отъ внѣшней національной борьбы къ внутреннему общественному строю. Такъ какъ внѣшняя борьба, обыкновенно, далеко еще не успѣваетъ закончиться къ тому времени, когда начинается только-что описанная смѣна состояній общественнаго сознанія, и такъ какъ другія соціальныя условія тоже бываютъ вначалѣ мало благо-

пріятны для распространенія новаго *критическаго* воззрѣнія,—то его появленіе вызываетъ неминуемо отпоръ и ведетъ къ борьбѣ, болѣе или менѣе продолжительной, болѣе или менѣе успѣшной для разныхъ сторонъ, смотря потому, насколько быстро совершается, параллельно этой борьбѣ, эволюція вліяющихъ на ея исходъ общественныхъ условій. Въ благопріятномъ случаѣ, неизбѣжнымъ исходомъ борьбы бываетъ болѣе или менѣе полная перестройка традиціонной системы общественныхъ отношеній и замѣна ея системой, основанной на сознательномъ выборѣ большинства.

Но чтобы осуществился такой благопріятный исходъ, необходима уже очень значительная степень быстроты и правильности психическаго взаимодѣйствія между членами даннаго общества. Языкъ, самъ по себѣ, какъ средство непосредственной устной передачи, оказывается при этомъ недостаточно надежнымъ орудіемъ и требуетъ дополнительныхъ приспособленій и усовершенствованій. Первымъ изъ нихъ являются періодическія собранія для обсужденія политическихъ вопросовъ, возникающія при сколько-нибудь значительномъ скопленіи людей, т. е. по преимуществу въ городахъ, на центральномъ городскомъ рынкѣ. Намъ нѣтъ надобности напоминать, какъ развилась эта архаическая форма древняго политическаго быта въ современныхъ государствахъ. При всемъ ея развитіи, однако же, при всей растяжимости въ количественномъ отношеніи и при всей гибкости относительно содержанія обсуждаемыхъ резолюцій, эта форма имѣетъ свои границы, за предѣлами которыхъ она не можетъ служить цѣлямъ соціально-психическаго взаимодѣйствія. Она не можетъ обезпечить ни достаточно спокойнаго, ни достаточно непрерывнаго, ни достаточно общедоступнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ. Болѣе удобнымъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ орудіемъ психологическаго взаимодѣйствія является письменная передача мысли, — средство очень древнее въ своемъ происхожденіи и, тѣмъ не менѣе, очень юное въ томъ употребленіи, которое сдѣлала изъ него растущая соціальная потребность быстрой и точной передачи мысли большому количеству людей. Дѣйствительно, пресса есть одно изъ самыхъ недавнихъ соціальныхъ изобрѣтеній. Если городская площадь послужила средствомъ для развитія критическаго воззрѣнія въ маленькихъ государствахъ древности и среднихъ вѣковъ, то развитіе прессы является средствомъ, по преимуществу характеризующимъ государства нашего времени. Для созданія «общественнаго мнѣнія» новаго времени пресса есть столь же необходимое средство, какъ языкъ для національнаго самосознанія всѣхъ временъ. Разумѣется, внутри этого періода возможно дальнѣйшее совершенствованіе въ очень широкихъ размѣрахъ. Цѣлая пропасть отдѣляетъ политическіе памфлеты временъ реформаціи и возрожденія, съ ихъ несовершенными способами распространенія, отъ ежедневныхъ парижскихъ газетъ, сенсаціонные заголовки которыхъ въ оживленные моменты общественной жизни каждые четверть часа дѣлаютъ обще-

ственнымъ достояніемъ очередную новость. Австрійское правительство, очевидно, очень хорошо поняло соціальную роль парижскихъ camelots, запретивши разносную продажу газетъ подъ предлогомъ шума, производимаго на улицахъ окриками мальчишекъ.

Общія черты только-что описаннаго соціальнаго процесса настолько глубоко коренятся въ самомъ существѣ соціальныхъ явленій, какъ таковыхъ,—что мы должны ожидать встрѣтить ихъ во всякомъ развивающемся обществѣ, а слѣдовательно и въ русскомъ. Для читателей, знакомыхъ съ первыми двумя томами «Очерковъ», не будетъ неожиданнымъ тотъ двоякій выводъ, къ которому мы придемъ въ результатѣ предстоящаго намъ обзора развитія русскаго общественнаго самосознанія. Мы найдемъ, во первыхъ, что *качественно*, по существу, ходъ этого развитія ничѣмъ не отличается отъ подобнаго же процесса въ любой странѣ, гдѣ онъ вообще имѣлъ возможность развиться. Во-вторыхъ, мы увидимъ, что въ той формѣ, въ какой процессъ этотъ развивался въ Россіи, онъ представляетъ *количественныя* различія и особенности, вполнѣ совпадающія съ тѣми, которыя намъ пришлось отмѣтить въ предыдущихъ частяхъ «Очерковъ» относительно другихъ процессовъ. Въ зависимости отъ этихъ двухъ выводовъ долженъ стоять и возможный для изслѣдователя соціологическій прогнозъ.

Вопросъ объ отношеніи національности и расы все чаще обсуждается въ указанномъ нами смыслѣ въ различныхъ соціологическихъ трактатахъ. Новѣйшее систематическое изложеніе его см. въ только-что вышедшей книгѣ сѣверо-американскаго профессора *William Z. Ripley*, The Races of Europe. a sociological study (Lowell Institute Lectures). New-York, D. Appleton and Company, 1899, pag. XXXII+624. Замѣчанія объ отношеніи національности къ климату см. тамъ же, а также въ Anthropogeographie *Fr. Ratzel'я*, Stuttgart 1882—1891 (2 тома). Сопоставленныя нами мнѣнія соціологовъ о характерѣ соціальныхъ явленій см. въ сочиненіяхъ *Габр. Тарда*, Законы подражанія, Спб. 1892. *Гиддингса*, Основанія соціологіи. Спб. 1898. *Штаммлера*, Хозяйство и право, Спб. *Гумпловича*, Основы соціологіи, Спб. 1899. Замѣчанія Тарда на Гиддингса перепечатаны въ его Etudes de psychologie sociale Paris, 1898 (Bibliothéque sociologique internationale, publiée sous la direction de M. René Worms, XIV). Мнѣніе, что реальнымъ носителемъ общественнаго сознанія является индивидуумъ, высказано Тардомъ; противоположное мнѣніе объ объективномъ существованіи общественной традиціи старался доказать *Дюркгеймъ* («Правила соціологическаго метода»; см. возраженія Гиддингса въ цитиров. соч.). Соціологическое ученіе объ эволюціи общественнаго сознанія, съ различеніемъ въ этой эволюціи эпохи «Образованія національности» и «Эпохи критики», особенно обстоятельно развито, по слѣдамъ Конта и Спенсера, *Беджготомъ* въ его незаслуженно забытомъ сочиненіи: Естествознаніе и политика, Спб. 1874 (Международная научная библіотека, № 1, изданіе журнала «Знаніе»). Отсюда оно перешло и къ Гиддингсу, сочиненіе котораго я особенно рекомендую читателю, въ виду широты его взгляда и умѣнья связать въ одно стройное цѣлое крупицы истинъ, разсыпанныя въ разныхъ соціологическихъ теоріяхъ.

П. Милюковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГОРДІЕВЪ УЗЕЛЪ.

(Эпизодъ изъ жизни Курдюма).

Глава I.

Лицо второстепенное.

Докторъ Василій Петровичъ Македонскій проснулся сегодня раньше обыкновеннаго, такъ какъ ему предстояло совершить путешествіе версты за четыре отъ города Курдюма въ солдатскую слободку.

Проснувшись, Василій Петровичъ прежде всего выглянулъ въ окно; но тамъ увидалъ знакомую картину—все ту же бѣлую площадь, по которой гулялъ буранъ и перекатывались снѣжныя волны, дома, утонувшіе въ сугробахъ, которые слѣва возвышались чуть ли не до крыши, между тѣмъ какъ правая сторона ихъ оставалась обнаженной, потому что тамъ хозяйничалъ ураганъ.

— Чертъ знаетъ, что такое... и который уже это день!—сказалъ докторъ, поглядывая съ негодованіемъ на снѣжные овраги, на острые холмы и гребни, которыми вдругъ украсилась скромная площадь города Курдюма.

Василій Петровичъ снова хотѣлъ отложить поѣздку, какъ откладывалъ ее уже нѣсколько дней; но вспомнивъ, что на завтра назначено открытіе клуба, которое немыслимо безъ участія вольнаго оркестра во главѣ съ мѣщаниномъ Подоприго啟ловымъ, пересталъ колебаться.

Дѣло въ томъ, что мѣщанинъ Подопригловъ пилъ горькую вотъ уже двѣ недѣли. Клубные вечера откладывались вслѣдствіе этого со дня на день, и курдюмскія дамы начали приходить въ отчаяніе. Бюллетени, получаемые обществомъ непосредственно отъ квартирной хозяйки капельмейстера, толстой бондарши Мароы, становились день ото дня неутѣшительнѣе. Во вторникъ Подопригловъ грозилъ повѣситься и, стоя въ растерзанномъ видѣ на крыльцѣ своей квартиры, громилъ проклятіями весь родъ людской; въ среду—его нашли у воротъ полузасыпаннаго снѣгомъ... Въ пятницу его вынули изъ петли, которую онъ надѣлъ на шею въ тотъ моментъ, когда въ комнату явились позванные имъ же спасители. Вмѣсто благодарности, капельмейстеръ обо-

звалъ спасителей своихъ «іудами», пожелалъ имъ увидѣть тѣхъ же чертей, спасаясь отъ которыхъ онъ лѣзъ въ петлю, и заявилъ, что онъ, все равно, повѣсится.

Встревоженныя дамы, послѣ этихъ разсказовъ, явились гурьбой къ доктору Македонскому и умоляли его исцѣлить Подоприголова.

— Вы подумайте только, что будетъ съ нами, если онъ вдругъ, дѣйствительно, нечаянно повѣсится?—говорила хорошенькая Марина Гавриловна Огузокъ, супруга курдюмскаго мирового посредника.

— Вѣдь у насъ тогда не будетъ оркестра, а слѣдовательно и танцевъ,—прибавляла Людмилочка Анадульчева, дочь мѣстнаго виноторговца, тоже очень миленькая.

— И вѣдь на дняхъ надо праздновать годовщину открытія клуба,—закончила ея мамаша, Анжелика Ивановна, тономъ не допускающимъ возраженій.

Василій Петровичъ былъ дамскій угодникъ и кавалеръ; притомъ, онъ вообще, никогда не отказывался отъ услугъ и тѣмъ поддерживалъ съ обществомъ хорошія отношенія.

Но сегодня ему такъ не хотѣлось выѣзжать въ эту пургу, оставлять жарко натопленную комнату для вьюги и снѣга!

Однако, онъ подумалъ еще разъ, что завтра годовщина открытія клуба, которая не можетъ состояться безъ участія вольнаго оркестра и, вздохнувъ, велѣлъ своему казаку Семену идти за лошадьми.

Напившись чаю, Василій Петровичъ надѣлъ на себя волчью шубу, оленью шапку съ ушами, валенки и, покрытый еще сверху буркой, рѣшительно вышелъ на улицу.

— Съ ногами, баринъ, садись, такъ не проѣдемъ, — посовѣтовалъ ямщикъ.

— Не могъ запречь сани,—проворчалъ докторъ, останавливаясь передъ дрогами,—отсюда, пожалуй, меня сорветъ вѣтеръ...

Съ трудомъ взлѣзъ онъ на дроги, воздвигнулъ надъ собою изъ бурки нѣчто вродѣ шатра; но это сооруженіе тотчасъ же разметалъ вѣтеръ.

— Трогай,—сказалъ Василій Петровичъ, не пытаясь больше бороться со стихіями.

Дроги минули церковь, откуда доносился звонъ большого колокола, звонившій по случаю мятели весь день и всю ночь, проѣхали садикъ съ нѣсколькими десятками деревьевъ, голыя вѣтви которыхъ походили на прутья вывернутаго зонтика и наконецъ повернули на «шляхъ»—безконечно длинную, широкую улицу, ведущую къ столбовой дорогѣ.

Докторъ успѣлъ уже за это время нѣсколько разъ проклясть и клубъ, и капельмейстра; досталось отъ него немало и дамамъ, вѣчно пристающимъ ко всѣмъ со своими капризами; а вѣтеръ все гудѣлъ, да свистѣлъ, засыпая путника снѣгомъ, и скоро Василій Петровичъ, сидѣвшій въ согбенной позѣ на дрогахъ, потерялъ образъ человѣческій и сталъ больше походить на небольшую копну сѣна, занесенную снѣгомъ.

*

Наконецъ ямщикъ подвезъ доктора къ дому, въ которомъ жилъ мѣщанинъ Подоприголовъ и дроги остановились у забора, сплошь занесеннаго снѣгомъ. Съ высоты сугроба Василій Петровичъ очутился на крыльцѣ.

Ни задвижки, ни ручки въ дверяхъ не было и докторъ толкнулъ ее рукою.

Въ первой комнатѣ никого не было; но изъ-за закрытой двери второй, доносился какой-то шорохъ, шепотъ, печальные вздохи.

— Послушайте, эй!—сказалъ громко докторъ; но никто къ нему не вышелъ.

Подождавъ немного, Македонскій толкнулъ запертую дверь ногою; войдя въ комнату онъ увидалъ посреди потолка крючекъ, на крючкѣ длинное полотенце, а подъ полотенцемъ—стоявшаго на стулѣ капельмейстера вольнаго оркестра.

— Что это вы дѣлаете?—воскликнулъ докторъ, подбѣгая къ Подоприголову, который смотрѣлъ на него съ саркастическимъ вниманіемъ. Блѣдное лице его было вздуто, опухшія вѣки прикрывали сонные глаза, въ которыхъ изрѣдка мелькалъ пьяный, ухарскій огонекъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ съ язвительной укоризной,—даже повѣситься не дадутъ спокойно! Вѣчно какой-нибудь прохожій помѣшаетъ...

— Я не прохожій, а докторъ,—строго отвѣчалъ Василій Петровичъ,—сойдите сейчасъ со стула и снимите полотенце.

— Зачѣмъ? Оно виситъ для того, чтобы я могъ на немъ повѣситься... На что мнѣ жить?

— Но вѣдь вы должны завтра играть на открытіи клуба,—отвѣчалъ докторъ, находя, что это лучшее доказательство противъ пессимизма капельмейстера.

— Я вамъ стану играть? Ха! Ха! Нѣтъ, ужъ лучше повѣситься... Развѣ вы меня оцѣнили? Кто можетъ здѣсь постичь мой талантъ?

— Значитъ васъ цѣнятъ, если меня послали сюда, чтобы васъ провѣдать.

— Цѣнятъ?—повторилъ онъ, усмѣхаясь,—развѣ такъ цѣнятъ таланты? Нѣтъ, играть я не стану, а лучше повѣшусь.

— А я приказываю вамъ слѣзть со стула!—сказалъ докторъ, принимая внушительный видъ,—иначе, я позову своего казака и отправлю васъ въ больницу.

— Въ больницу?—уныло повторилъ капельмейстеръ и уронилъ полотенце, которое докторъ поспѣшилъ подобрать.

— Въ больницу? — повторилъ Подоприголовъ; — нѣтъ! Не будетъ мнѣ и больницы!..

Докторъ подошелъ къ нему и пощупалъ пульсъ.

— Не болѣнъ я, нѣтъ!—продолжалъ паціентъ,—что жаловаться напрасно? Тѣломъ я не болѣнъ, а вотъ бушуетъ во мнѣ талантъ, это такъ! Не признанный я, въ глуши затерянный, а силу чую въ

себѣ, великую силу! Кто сдѣлалъ музыкантовъ изъ мужичья сиволапаго? Я!! Они, вонъ, въ прошломъ году землю свою ковыряли, да пашаницу сѣяли, а теперь—артисты. Польки поютъ, «невозвратное время»—вальсъ играютъ складно... И все я! А между тѣмъ, пота моего никто не уважаетъ, силы моей никто не цѣнитъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говорите, не просите меня, не умоляйте! Прочь! Прочь человѣчество, я тебя покидаю! Я оскорбленъ и перестаю жить.

Тутъ Подопригоновъ высвободилъ свою руку изъ руки доктора и потихоньку направился въ другую комнату.

— Послушайте,—сказалъ Василій Петровичъ,—мнѣ некогда сидѣть у васъ... Примите лекарство, которое я вамъ привезъ, усните и завтра же вы будете здоровы. Эй, да послушайте же!

— Нѣтъ, прочь примиреніе! Отвергаю подлости жизни! Я рѣшилъ сгинуть и сгину!

— Ну, тогда мнѣ все равно,—пробормоталъ Македонскій, поворачиваясь къ выходной двери.

Однако, на порогѣ слѣдующей комнаты Василій Петровичъ опять принужденъ былъ остановиться: у окна стоялъ Подоприголовъ съ топоромъ въ рукахъ.

— Бросьте топоръ,—сказалъ Василій Петровичъ, пытаясь придать своему взору магнетическое могущество.

— Зачѣмъ?—вызывающее спросилъ артистъ.

— Ну голубчикъ, дорогой мой, бросьте, — сказалъ докторъ и голосъ его звучалъ какъ самая нѣжная флейта.

Уловка удалась; топоръ выпалъ изъ рукъ Подопригоhлова. Василій Петровичъ поспѣшилъ зашвырнуть его въ кучу какого-то хлама.

— Голубчикъ, дорогой мой!—продолжалъ докторъ, замѣчая магическое вліяніе ласки,—примите лѣкарство,—милый, развѣ вамъ не лестно, что всѣ ждутъ васъ, жалѣютъ, справляются о вашемъ здоровьи... Ну, дорогой, прошу васъ, я прошу, прошу...

— Вы просите меня, вы! Хорошій человѣкъ проситъ... Проситъ! А ты... ты... гдѣ лѣкарство? Сколько его выпить? Рюмку? Ведро? Я ведро выпью для васъ, потому что вы меня оцѣнили...

— Вотъ и отлично, — сказалъ польщенный докторъ, подводя послушнаго паціента къ кровати, на которую тотъ повалился съ видимымъ удовольствіемъ, — не надо пить ни ведра, ни стакана, а вотъ только эти нѣсколько капель.

— Для васъ, хоть ведро, я отъ словъ своихъ, не отказываюсь,—пробормоталъ Подопригоновъ заплетающимся языкомъ и проглотилъ лѣкарство.

Докторъ постоялъ около него немного, разстегнулъ ему узкій воротъ рубахи и потомъ вышелъ.

Мятель мела по прежнему.

На крыльцѣ Василій Петровичъ остановился, потому что увидалъ

за снѣжной завѣсой черный призракъ необычайно фантастическихъ размѣровъ; но при ближайшемъ изслѣдованіи, величественное видѣніе оказалось только толстой бондаршей Марѳой, стоящей среди двора на сугробѣ.

— Поди-ка сюда, матушка,—крикнулъ ей Македонскій и баба сошла съ пьедестала, изнемогая въ борьбѣ со стихіями.

— Ты чего такъ плохо за жильцемъ смотришь, — строго сказалъ Василій Петровичъ,—вѣдь онъ чуть не повѣсился!

— Эко! — отвѣтила хозяйка, махнувъ рукою, которую тотчасъ же принуждена была спрятать, потому что вѣтеръ воспользовался этой неосторожностью и началъ срывать съ нея кацевейку.

— Да ты мнѣ такъ не отвѣчай... а получше смотри за нимъ!

— Чего за нимъ смотрѣть? Онъ кажинный день вѣшается: какъ увидитъ, что кто нибудь къ нему идетъ, такъ и бѣжитъ къ крючку... Вѣшается, вѣшается, а все никакъ не повѣсится!..

— Ну, ну, разговорилась! Некогда мнѣ здѣсь съ тобой болтать, а вотъ что я тебѣ приказываю: завтра утромъ загляни къ нему и разбуди его. Если вставать не захочетъ—вылей ведро воды на голову...

— А какъ полѣзетъ драться за это?

— Скажи, я велѣлъ... Тогда онъ драться не станетъ, а напротивъ, еще поблагодаритъ. Поняла, что я сказалъ?

— Чего тутъ не понять — ведро на голову! Не велика премудрость... Только ничего, если я сама выливать не стану, а сына Митку, альбо Андрюшку пошлю?

— О Господи!—воскликнулъ докторъ и, не отвѣчая по существу на предложенный вопросъ, скрылся за калиткой.

Онъ уже уѣхалъ; а толстая Марѳа все еще продолжала что то бормотать, стоя въ затишкѣ, и поглядывая на глубокій слѣдъ колесъ, который быстро заметался вьюгой.

Глава II.

Главныя дѣйствующія лица.

Къ вечеру вьюга утихла, вѣтеръ улетѣлъ куда то далеко и на утро солнце позолотило неровную пелену снѣга, брошенную мятелью на улицы города Курдюма.

Изъ оконъ своихъ гостиныхъ, дамы имѣли удовольствіе наблюдать какъ лакей-татаринъ Гамидъ расчищалъ снѣгъ у воротъ помѣщенія клуба.

Къ полудню онъ успѣлъ очистить путь отъ воротъ къ крыльцу клуба, и дамы съ возрастающимъ интересомъ наблюдали, какъ черезъ этотъ проходъ, доставлялись сборные стулья отъ разныхъ обывателей. Такъ дѣлалось всегда передъ большими торжествами.

Послѣ этого уже не было никакихъ сомнѣній, что торжественный праздникъ состоится сегодня.

Дѣйствительно, къ восьми часамъ вечера помѣщеніе клуба сіяло всѣми своими пятью окнами, которыя нарочно не закрывались ставнями, чтобы хоть немного освѣтить гостямъ подъѣздъ. Въ то же время общественные дроги начали совершать вокругъ площади обычные рейсы за дамами.

— Какъ, уже пріѣхали за мною!—воскликнула Марина Гавриловна Огузокъ,—когда ей сообщили, что ямщикъ подъѣхалъ къ ея подъѣзду,—я такъ рано не поѣду... пусть заѣзжаетъ за другими.

— Мнѣ Бубликовъ такъ велѣлъ,—сказалъ ямщикъ изъ передней.

— А я тебѣ велю убираться! Ты развѣ не понимаешь, кто выше посредникъ, или какой то помощникъ исправника?

— Это онъ, душечка, вамъ на зло,—сказала супруга почтмейстера Агаѳья Марковна Шпингалетова, которая зашла къ своей пріятельницѣ, чтобы также воспользоваться дрогами: дама некрасивая и не блещущая высотой соціальнаго положенія, госпожа Шпингалетова не пользовалась вниманіемъ помощника исправника и общественныя дроги проѣзжали всегда мимо ея подъѣзда.

— Я знаю, что на зло!—отвѣчала Марина Гавриловна,—когда за мной ухаживалъ, то всегда присылалъ послѣ всѣхъ... а теперь ему хочется меня унизить! Ступай, я не поѣду. Заѣзжай раньше за Айзиховской.

— За докторшей Бубликовъ велѣлъ ѣхать въ самый конецъ,— возразилъ ямщикъ, въ простотѣ души не понимавшій всей оскорбительности такого сообщенія.

— А, вотъ какъ:—пробормотала, вспыхивая, посредница и потомъ вдругъ закричала:—да какъ ты смѣешь? знаешь ли ты, кто я, и кто такая Айзиковская? Она дочь булочницы и жидовская жена!

Ямщикъ на это ничего не съумѣлъ отвѣтить.

— Говорятъ, Бубликовъ съ ней балъ хочетъ открывать,—соболѣзнуя сказала Шпингалетова,—это возмутительно! Развѣ она первая дама въ уѣздѣ?

— Милая Агаѳья Марковна,—сказала тогда Марина Гавриловна,— прошу васъ, поѣзжайте сейчасъ... Вамъ это не такъ неловко, какъ мнѣ... Ну, ради нашей дружбы!

— Но зачѣмъ я такъ рано поѣду, милая?

— Поѣзжайте, чтобы смотрѣть когда пріѣдетъ эта жидовка и только когда она явится—пошлите за мною. Я ни за что не рѣшусь пріѣхать раньше ее.

— Что-жъ, я согласна,—великодушно отвѣчала госпожа Шпингалетова,—вѣроятно тамъ уже много народу.

Но Агафья Марковна ошибалась: такъ какъ не одна только посредница отличалась такой щепетильностью, а почти всѣ дамы твердо охра-

няли свое достоинство, то помѣщеніе клуба къ девяти часамъ еще пустовало. Только хозяйственный старшина, именитый купецъ и виноторговецъ Агриппинъ Михайловичъ Ападульчевъ ходилъ между тремя разставленными ломберными столами и поджидалъ партнеровъ.

Наконецъ въ передней появилось три молодыхъ человѣка, которые оказались уѣздными ветеринарами. Съ ними была дама, которую одинъ изъ нихъ называлъ тетенькой. Тетенька, особа лѣтъ сорока, полная, не лишенная пріятности, было одѣта въ платье съ голубыми лентами, прическа ея украшалась голубымъ-же перомъ, которое высоко торчало надъ взбитыми бѣлокурыми волосами и качалось изъ стороны въ сторону отъ малѣйшаго движенія.

Тетенька отвѣтила благосклоннымъ кивкомъ головы на привѣтственный поклонъ Ападульчева и оглядѣла залъ въ три окна со стульями вокругъ стѣнъ, еще не занятыми публикой.

— Serge,—сказала она съ горделивымъ недоумѣніемъ,—почему мы пріѣхали такъ рано?

Всѣ три ветеринара сразу оглянулись на тетеньку и Ападульчевъ не могъ угадать, кто изъ нихъ ея племянникъ.

— Сейчасъ, сударыня, всѣ соберутся,—отвѣчалъ онъ.

— Все таки, Serge, насъ никто не знаетъ, а мы такъ себя рекомендуемъ,—тихо сказала тетенька и всѣ три молодыхъ человѣка сразу почувствовали себя виноватыми.

«Эко дѣло,—подумалъ Агриппинъ Михайловичъ,—кто же изъ нихъ ея племянникъ?»

Но раздумывать объ этомъ было некогда, потому что въ залъ вошелъ одинъ изъ представителей мѣстнаго купечества, Ѳедоръ Силычъ Лампадовъ и Агриппинъ Михайловичъ подошелъ къ нему съ привѣтствіемъ. Лампадовъ былъ человѣкъ стариннаго покроя, одѣвался въ длиннополый сюртукъ, носилъ на шеѣ шелковый платокъ вмѣсто галстуха. Поздоровавшись, онъ тотчасъ же выбралъ мѣстечко поуютнѣе и, положивъ обѣ руки на соотвѣтствующіе колѣни, приготовился созерцать предстоящее веселье.

Дамы являлись постепенно, соблюдая здѣсь строгое подчиненіе іерархическому принципу. Одной изъ первыхъ вошла въ залъ супруга бухгалтера казначейства, за ней—сама казначейша. Затѣмъ появилось нѣсколько пріѣзжихъ купчихъ, вслѣдъ за которыми плавно выплыла высокая и толстая супруга Ападульчева, Анжелика Ивановна. Когда же въ зало вошелъ товарищъ прокурора Семенъ Карповичъ Прозрителевъ съ супругой, дамы уже заняли почти всѣ стулья, а музыканты настраивали свои инструменты.

Въ укромныхъ уголкахъ, возлѣ дверей и подъ окнами сидѣли еще разныя фигуры въ цвѣтныхъ платьяхъ, появленія и присутствія которыхъ никто не замѣчалъ. Тутъ находилась мѣстная учительница, акушерка, супруга станового, и прочія подобныя лица, которыя только изъ снисхожденія бывали принимаемы въ высшемъ обществѣ.

Масса кавалеровъ толпилась въ бильярдной и въ гостиной, а по залу не разъ пробѣгалъ Эмилій Маріусовичъ Бубликовъ, въ качествѣ распорядителя танцевъ, озабоченный стройнымъ ходомъ этого сложнаго дѣла.

Госпожа Шпингалетова сидѣла около супруги лѣсничаго Ольги Борисовны Плавутиной и что-то говорила ей съ одушевленіемъ.

— А, Модестъ Петровичъ!—крикнула Ольга Борисовна, увидѣвъ нотаріуса Чепракова, который стоялъ возлѣ оркестра, занятый разговоромъ съ воскресшимъ Подопригоювымъ,—идите къ намъ, я вамъ скажу что-то интересное.

Когда нотаріусъ подошелъ, она нагнулась къ нему и прошептала:

— Танцуйте съ Агаѳьей Марковной вальсъ въ первой парѣ, потому что Бубликовъ хочетъ открывать балъ съ Айзиковской...

— Какъ, Емелька ведетъ интригу?—воскликнулъ довольно громко Модестъ Петровичъ, и приблизившись къ Эмилію Маріусовичу, спросилъ его чрезвычайно вѣжливо:

— Не пора ли начинать танцы? Вѣдь всѣ уже собрались?

— Сію минуту,—столь же вѣжливо отвѣчалъ Бубликовъ,—маршъ!—крикнулъ онъ, махнувъ рукою музыкантамъ, которые уже заняли свои мѣста на двухъ сундукахъ въ передней.

Раздались призывные звуки марша и торжество открытія зимняго сезона имѣло свое начало.

Но за маршемъ опять послѣдовалъ продолжительный перерывъ.

— Чего мы ждемъ?—спрашивалъ нотаріусъ съ напускнымъ удивленіемъ и очень громко.

— Скажите лучше, кого мы ждемъ?—горько улыбаясь, поправила его Марина Гавриловна Огузокъ.

— Да велите же играть вальсъ!—уже кричалъ нотаріусъ.

— Сейчасъ,—отвѣчалъ Бубликовъ и махнулъ рукою капельмейстеру.

Однако, ожиданія публики опять были обмануты: музыканты, дѣйствительно, заиграли ритурнель; но вмѣсто вальса за ритурнелемъ послѣдовало пѣніе польки. Вдругъ весь оркестръ дружно, громко и размѣренно провозгласилъ:

— Дружно-дружно пропоемъ мы́ польку!..

Наступила небольшая пауза, затѣмъ опять раздались звуки инструментовъ и наконецъ, оркестръ запѣлъ:

«Ахъ, турнюры, ахъ турнюры,
Какъ вы портите фигуры!»

Хоръ-оркестръ негодовалъ и обличалъ своимъ пѣніемъ дамскія моды прошедшихъ временъ, и въ этомъ негодующемъ пѣніи явно выступали тщетныя усилія капельмейстера распредѣлить исполненіе по голосу каждаго музыканта. Очевидно, хористы уже успѣли забыть всѣ тонкости, внушенныя имъ на репетиціяхъ. Неисчерпаемая забота виднѣ-

лась на лицахъ пѣвцовъ. Плотно сдвинутые брови ихъ скрывали опущенные глаза, гдѣ вмѣстѣ съ заботой можно было прочитать и смущенье. Очевидно, на художественное поприще загналъ ихъ періодическій неурожай и нелегко было учителю внушить имъ идею о тактѣ и достодолжныхъ удареніяхъ...

Самъ капельмейстеръ не оставался празднымъ. Онъ будто парилъ надъ своимъ оркестромъ, съ руками распростертыми подобно крыльямъ. Онъ кидалъ одному ободрительный взглядъ, другому кивалъ подбородкомъ, забрасывая назадъ голову, притоптывалъ, чмокалъ губами, или хваталъ скрипку, замѣчая на лицахъ пѣвцовъ нѣкоторое колебаніе.

— Браво! Браво!—кричала публика; но гордый Подопригоровъ даже не оглянулся. Онъ укоризненно глядѣлъ на флейтиста, въ замѣшательствѣ сжимавшаго заскорузлой ладонью свою флейту, и говорилъ ему:

— Спиридонычъ! Вѣдь я тебѣ утромъ толковалъ цѣлый часъ, когда надо запѣвать, а ты молчалъ! зарѣзалъ ты меня, прямо зарѣзалъ!

Вмѣсто извиненія, виновный только ниже склонилъ свою голову, въ которой уже серебрилась сѣдина; а товарищъ его, побойчѣе, что сидѣлъ «при трубѣ», отвѣтилъ:

— Та онъ соромится, Иванъ Данилычъ!

Полька, по желанію публики, была пропѣта второй разъ, причемъ Спиридонычъ принудилъ себя выдавить изъ горла кой-какіе звуки; а танцы все не начинались.

— Эмилій Маріусовичъ, да велите же, наконецъ, играть вальсъ!—снова закричалъ нотаріусъ.

— Сію минуту-съ! — отвѣтилъ Бубликовъ, начиная подозрѣвать «интригу».

Онъ подошелъ къ двери, выходящей въ переднюю, гдѣ сидѣли музыканты, чтобы оградить ихъ отъ посторонняго вліянія.

— Что же это такое?—негодовалъ нотаріусъ, въ свою очередь, приближаясь къ защищаемой позиціи.

Сцена грозила принять размѣры исторіи.

Жадные до зрѣлищъ взоры публики уже сосредоточились на томъ пунктѣ, гдѣ стояли соперники; но въ это время изъ дамской комнаты вышла ожидаемая Зиновія Карловна Айзиковская, въ просторѣчіи «Нозичка», подъ руку съ своимъ супругомъ докторомъ.

Около Нозички шелъ еще князь Василій Георгіевичъ, одна изъ знаменитостей мѣстнаго общества, представитель и глава вымирающихъ туземцевъ-инородцевъ.

— Развѣ снѣгъ что-нибудь значитъ?—говорилъ князь, съ изысканною вѣжливостью пропуская даму на шагъ впереди себя, — снѣгъ пустяки, а вотъ грязь...

— Вальсъ!—крикнулъ Бубликовъ, подлетая къ Нозичкѣ на одной ножкѣ такъ замысловато, какъ только умѣютъ скользить по льду ловкіе конькобѣжцы.

— Я помню во время болгарской кампаніи, гдѣ то на Савѣ и Дравѣ,—продолжалъ князь.

— Позвольте... на вальсъ,—прошепталъ Эмилій Маріусовичъ, потерявшій голосъ отъ волненія.

— Общество давало офицерамъ балъ...

— Скорѣе...—шепталъ Бубликовъ, наблюдая за недремлющей крамолой, которая, олицетворяемая Агаѳьей Марковной, уже клала руку на плечо нотаріуса.

Наконецъ Эмилій Маріусовичъ получилъ Нозичку въ свои объятія; но было поздно: нотаріусъ уже пронесся по залу со своей улыбающейся дамой, за ними слѣдовали другія пары, и Бубликовъ долженъ былъ сознаться, что въ этомъ году не онъ открылъ въ клубѣ торжество начала зимняго сезона.

Безъ всякаго воодушевленія сдѣлалъ онъ нѣсколько туровъ по залу и посадилъ свою даму на мѣсто.

Въ гостиной два ломберныхъ стола были уже заняты играющими. За третьимъ сидѣлъ на спеціально приготовленномъ креслѣ исправникъ (или «хозяинъ уѣзда») Петръ Петровичъ Тюльпановъ, ожидая партнеровъ.

Къ этому столу подошелъ князь съ Ападульчевымъ и въ это же время въ дверяхъ появился Эмилій Маріусовичъ, сопровождаемый купцомъ Лампадовымъ.

— Вотъ вамъ еще партнеръ,—сказалъ Бубликовъ своему начальнику, а потомъ, обращаясь къ Лампадову, прибавилъ покровительственно: — ну садитесь, садитесь, а мнѣ, батюшка, некогда... вонъ кадриль начинается.

— Да я вѣдь такъ, еле маракую,—отнѣкивался купецъ.

— Садись, садись, толстосумъ!—сказалъ князь Василій Георгіевичъ,—дай себя общипать немного...

Лампадовъ, улыбаясь, присѣлъ къ зеленому столику, и гостиная погрузилась въ безмолвіе, изрѣдка нарушаемое восклицаніями играющихъ.

Зато въ залѣ царило оживленіе. Эмилій Маріусовичъ легко носился между шумными парами и громко выкрикивалъ свои приказанія. Это былъ лучшій кавалеръ въ залѣ, и лицо всякой дамы расцвѣтало улыбкой, когда онъ подходилъ къ ней съ приглашеніемъ на танецъ.

Не цвѣло весельемъ лицо только одной дамы. Она сидѣла въ углу, у стѣнки, съ выраженіемъ тоски въ глазахъ, со злобой въ сердцѣ и съ той выдавленной улыбкой на устахъ, которая появляется у дамъ, отогнанныхъ равнодушіемъ кавалеровъ отъ заповѣдной средины танцовальнаго зала.

Эта дама была Анна Сергѣевна или, въ просторѣчіи, Нюня, супруга блестящаго Эмилія Маріусовича. Прижавшись къ ней, сидѣлъ около нея шестилѣтній сынъ Костя и сонными глазами смотрѣлъ на вертящіяся пары,

Наконецъ, Эмилій Маріусовичъ, усталый запыхавшійся, побѣдоносный, подошелъ къ супругѣ.

— Что, молодецъ,—сказалъ онъ, дотрогиваясь до подбородка сына указательнымъ пальцемъ,—уже спать хочешь? Погоди, скоро будешь ужинать! Для тебя въ кухнѣ гуся жарятъ... Не хочешь ли мороженаго, Нюня?

— Здѣсь и такъ холодно,—отвѣтила Анна Сергѣевна съ безцвѣтной улыбкой на губахъ и дрожью обиды въ голосѣ.

Бубликовъ, послѣ такого сухого отвѣта, повернулся, чтобы удалиться; но Анна Сергѣевна, оглянувшись, тихонько ему сказала:

— Отчего ты, Эмиличка, со мной не танцуешь?

— Милая,—шепотомъ отвѣтилъ супругъ,—вѣдь я съ тобою уже танцовалъ... Я не вправѣ отличать своихъ: на меня могутъ дамы обидѣться...

И онъ, избѣгая возраженій, поспѣшно отошелъ отъ Анны Сергѣевны. На серединѣ залы онъ остановился и крикнулъ, хлопая въ ладоши:

-- Господа, прошу приглашать дамъ на котильонъ!

— Чего ихъ приглашать, не убѣгутъ!—отвѣтилъ кто-то изъ кавалеровъ, которые всѣ къ концу бала нѣсколько отяжелѣли вслѣдствіе частыхъ посѣщеній буфета.

Только два ветеринара (третій на весь вечеръ неизмѣнно посвятилъ себя тетенькѣ) послѣдовали приглашенію распорядителя, и ходили другъ за другомъ по залу, выбирая себѣ даму попроще. Одному, наконецъ, удалось овладѣть Агаѳьей Марковной Шпингалетовой; а другой набрелъ нечаянно на молодую дѣвицу, давно уже сидѣвшую, притаясь, въ уголкѣ.

Въ отвѣтъ на приглашеніе кавалера дѣвица радостно кивнула головой; но потомъ она сказала, обуреваемая сомнѣніями:

— Только, знаете, я не умѣю танцовать вальса.

Тетенька, слышавшая это признаніе, бросила на дѣвицу взглядъ неисчерпаемаго снисхожденія и голубое перо на головѣ ея заволновалось.

— О, это ничего!—отвѣтилъ кавалеръ у котораго точно отлегло отъ сердца послѣ словъ барышни,—вы только хорошенько запомните, что дама начинаетъ съ лѣвой ноги, а мужчина съ правой.

— Господа, по мѣстамъ,—возгласилъ Эмилій Маріусовичъ; — съ воодушевленіемъ! Котильонъ есть вѣнецъ бала... Мазурку!

И онъ, подхвативъ Нозичку Айзиковскую, понесся по залу. Нѣсколько рѣшительныхъ паръ послѣдовало примѣру дирижера, который въ необузданномъ порывѣ веселья, увлекъ даже часть пустыхъ стульевъ за собою.

— Дирижеръ такъ увлеченъ,—сказалъ нотаріусъ,—что даже стулья увлекаетъ.

— Онъ не увлеченъ, а просто занозился—отвѣчалъ ему князь, который уже окончилъ пульку, выигралъ немного и находился въ самомъ пріятномъ настроеніи духа.

Дамы, для которыхъ предназначалась острота, ея не поняли; но все же она не пропала даромъ; у двери стоялъ застѣнчивый юноша,

который посмотрѣлъ на остряка благодарными глазами и сжалъ губы, удерживаясь отъ смѣха. Юноша пріѣхалъ недавно въ городъ Курдюмъ и не успѣлъ еще сдѣлать визитовъ, почему дамы не замѣчали его присутствія.

— Онъ просто занозился,—повторилъ князь многозначительно.

— Здорово сказано!—воскликнулъ одинъ изъ ветеринаровъ, отдыхавшій послѣ труднаго подвига мазурки.

Щеки застѣнчиваго юноши превратились въ два пурпуровыхъ шара, такъ мужественно боролся онъ съ припадкомъ смѣха.

— Эмилій Маріусовичъ за-нози-лся,—терпѣливо повторилъ князь.

— Ага!—воскликнула Марина Гавриловна Огузокъ, подталкивая локтемъ госпожу Шпингалетову,—вотъ вы какъ хорошо придумали!

— Занозился!—повторила, громко смѣясь, супруга лѣсничаго, Ольга Борисовна.

Князь смѣялся больше всѣхъ. Онъ подождалъ, пока его острота не облетѣла весь залъ, послѣ чего скромно прослѣдовалъ въ бильярдную.

Тутъ, наконецъ, смѣхъ побѣдилъ и сильную волю застѣнчиваго юноши: онъ вдругъ громко прыснулъ, уже послѣ того какъ, всѣ успокоились, и, сконфуженный, поспѣшилъ перейти на другое мѣсто.

Между тѣмъ котильонъ былъ въ самомъ разгарѣ.

Кавалеры, ловко лавируя среди густой толпы, ухитрялись старательно повиноваться замысловатымъ выдумкамъ дирижера .Тутъ сплетались и расплетались руки, ставились пары колоннами, шли направо, шли налѣво и снова сходились. И каждый тактъ музыки сопровождался чьимъ-либо чиханіемъ, потому что, для облегченія танцующихъ, шероховатый полъ залы былъ посыпанъ мыльнымъ порошкомъ.

Публика находила, что котильонъ вышелъ необыкновенно веселый. Такого же мнѣнія были зрители, стоявшіе внѣ клубныхъ стѣнъ.

Не смотря на поздній часъ, окна на улицѣ.брались съ бою. Тамъ, за стекломъ, чередуясь, виднѣлся то глазъ, сверкающій любопытствомъ, то носъ, приплюснутый и изображающій бѣлое пятно, то красныя отъ мороза щеки.

— Ишь ты, откалываетъ, шельма!—слышалось въ толпѣ.

— А энтотъ! Гляди! Гляди: на колѣни брякнулся, а ее вокругъ себя обводитъ!

— Ну паны! Ай, чего повыдумывали!

— Ну и помощникъ, лучше всѣхъ гарцуетъ!

— Гляди, Лампадовъ!

— О, Господи! Мати Пресвятая Богородица, неужто и онъ плясать пойдетъ?

Но степенный купецъ не собирался плясать. Проигравъ начальству въ ералашъ сколько полагалось, онъ снова помѣстился у двери и наблюдалъ танцовавшихъ дамъ съ видомъ разочарованнымъ, въ которомъ сквозило даже нѣчто демоническое: для Лампадова не было

тайнъ среди поэтическихъ волнъ кружевъ кисеи и тюля, потому что онъ здѣсь предписывалъ законы и дѣлалъ моды. Сегодня онъ украсилъ всѣхъ дамъ полосатыми лентами, а захочетъ, къ Рождеству нарядитъ ихъ въ кружево эйфель... Все въ его власти. Онъ знаетъ, сколько стоитъ всякое платье, изъ какой подкладки у кого сдѣланъ лифъ, — и скучно здѣсь сидѣть дѣловитому купцу; но чиновники просятъ поддержать ихъ клубъ, а Агриппинъ Михайловичъ не отпускаетъ домой безъ ужина.

Взоръ Лампадова только оживлялся при видѣ танцующей Раички Ападульчевой. Впрочемъ, эта толстушка танцовала неохотно и на приглашенія кавалеровъ, отвѣчала:

— Польку? Боже сохрани, ненавижу вертѣться.

— Ну, вальсъ...—улыбаясь, предлагалъ кавалеръ.

— Фу, ты, Господи! Еще того хуже!—восклицала Раичка.

Однако, въ котильонѣ барышню упросили танцовать польку.

Лампадовъ съ удовольствіемъ наблюдалъ за лѣнивыми и неграціозными движеніями толстой дочери Ападульчева и, наконецъ, воскликнулъ, обращаясь къ своему случайному сосѣду:

— Ну точно... балдахинъ!

Случайнымъ сосѣдомъ оказался застѣнчивый юноша, который, выслушавъ это замѣчаніе, отошелъ поскорѣе, опасаясь снова расхохотаться.

Котильонъ кончился.

Дамы удалились въ уборную, такъ какъ въ залѣ, за неимѣніемъ столовой, начали разставлять столы для ужина.

Когда столы были накрыты, общество поспѣшило занять мѣста, причемъ партія Марины Гавриловны Огузокъ помѣстилась направо, что уже обязало лагерь Эмилія Маріусовича сѣсть налѣво. Въ центрѣ очутились люди сановные и нейтральные. Тутъ сидѣлъ товарищъ прокурора Прозрителевъ съ супругой, Петръ Петровичъ Тюльпановъ — «хозяинъ уѣзда», князь Василій Георгіевичъ.

Людямъ непредусмотрительнымъ достался второй столъ. Здѣсь сидѣли три ветеринара съ тетенькой, застѣнчивый юноша, лѣсничій Георгій Александровичъ Плавутинъ съ супругой Ольгой Борисовной.

Мѣсто Георгія Александровича приходилось какъ разъ противъ мѣста Семена Карповича Прозрителева, и эта маленькая случайность, никѣмъ не замѣченная, повела къ такимъ послѣдствіямъ, которыхъ самое смѣлое воображеніе не могло бы предвидѣть...

— А, Георгій Александровичъ,—сказалъ одинъ изъ ветеринаровъ Плавутину,—вотъ мы и сосѣди!.. Какъ поживаете въ этой трущобѣ? Послѣ Петербурга-то вѣрно скучно?

— Да,—отвѣчалъ тотъ, не обнаруживая большого желанія продолжать разговоръ.

— Вы, говорятъ, и жениться успѣли?—продолжалъ добродушный собесѣдникъ,—познакомьте же меня съ супругой...

— Ольга Борисовна, господинъ Дынниковъ,—отрекомендовалъ Плавутинъ.

— Господа, господа, — провозгласилъ Агриппинъ Михайловичъ, — прошу васъ помнить ваши обязанности относительно буфета! Вѣдь клубъ только и имѣетъ барышъ отъ вина, помните это, и требуй каждый, чего хочешь! Гамидъ, подай мнѣ полбутылки коньяку!

— Ура! ура!—крикнуло нѣсколько человѣкъ, поощряя находчивость хозяйственнаго старшины.

Вскорѣ столъ украсился различными бутылками.

Лица пирующихъ одушевились, на щекахъ дамъ заигралъ веселый румянецъ; даже желтая физіономія супруги Бубликова, Нюни, сдѣлалась нѣсколько привѣтливѣе. Костя, хлебнувшій изрядный глотокъ изъ маминаго бокала, раскраснѣлся, зашалилъ, и кричалъ, желая обратить на себя вниманіе.

— А когда же будетъ мой гусь, папа!—кричалъ онъ черезъ весь столъ Бубликову.

— Тише, говорить мѣшаешь,—останавливалъ его отецъ.

Но Костя не мѣшалъ тостамъ, которые слѣдовали одинъ за другимъ послѣ каждаго глотка. Пили за князя, за Прозрителева, за Петра Петровича, потомъ, поочередно, за каждаго, сидѣвшаго за столомъ. Наконецъ, дѣло пошло на отвлеченности: тосты провозглашались за матерей вообще, за добрыхъ женъ, за жениховъ и невѣстъ, за любовь и вѣрность.

Лица всѣхъ сіяли благодушнымъ восторгомъ, Костя громко стучалъ ногами, Гамидъ покровительственно улыбался... Но были здѣсь люди не совсѣмъ удовлетворенные, вродѣ судебнаго слѣдователя Алексѣя Григорьевича Носкова и Прозрителева, которые, благодаря своей профессіи, не удовлетворялись короткимъ, искреннимъ, но не отшлифованнымъ краснорѣчіемъ пирующихъ.

И вотъ, поднялся Носковъ, чтобы показать что такое истинное ораторское искусство.

— Господа!—сказалъ онъ громко, поднимая вверхъ стаканъ съ кахетинскимъ.

Здѣсь, какъ тому учила ораторская наука, слѣдовала пауза, во время которой слушателямъ предоставлялось сосредоточить свое вниманіе.

— Господа!—продолжалъ затѣмъ ораторъ,—много у насъ чувства, сердечности, огня даже... но, это все такъ сказать не направлено въ русло, почему, распространяясь въ ширь, теряетъ глубину. Вотъ я и взялъ на себя... гм, смѣлость... собрать въ одинъ потокъ все сказанное... Изъ... гм... всего сказаннаго яснѣе всего выступаетъ великая идея единенія, дружелюбія...

— Бери пирогъ, — сказалъ Гамидъ, вѣжливо толкая оратора въ спину пальцемъ и подставляя ему блюдо подъ правую руку.

Алексѣй Григорьевичъ, смѣшавшись, поспѣшилъ взять кусокъ; но огонь, согрѣвавшій его рѣчь, за это время успѣлъ потухнуть.

— Поэтому, господа, — кончилъ онъ скороговоркой, — предлагаю тостъ за единеніе общества и за здоровье всѣхъ его членовъ.

— Браво! браво!—раздалось въ отвѣтъ.

— Мнѣ теперь шесть лѣтъ!—вдругъ закричалъ Костя.

— Молчи!—крикнула на него мать.

Въ это время всѣ замолчали, потому что съ своего мѣста поднялся товарищъ прокурора Семенъ Карповичъ Прозрителевъ.

— Отъ всего общества благодарю васъ за добрыя пожеланія,— сказалъ онъ съ едва замѣтной насмѣшливой улыбкой,—вы высказали, коллега, богатую мысль. Конечно, мысль эта была облечена не въ особенно изящную форму; но ваша молодость позволяетъ мнѣ надѣяться, что практика дастъ вамъ возможность отточить свой стиль до остроты стилета...

Семенъ Карповичъ остановился, подчеркивая тонкую остроту.

— Браво! Браво!—закричали слушатели.

— Благодарю, господа. Итакъ, о формѣ я заговорилъ только потому, что вы, молодой человѣкъ, еще не созрѣли... Да, впрочемъ, зачѣмъ намъ, людямъ съ университетскимъ образованіемъ придерживаться пустой формы?

— А самъ и въ университетѣ не былъ,—сказалъ Плавутинъ женѣ, и былъ, если не услышанъ, то понятъ маститымъ ораторомъ.

— Не надо намъ формы,—прибавилъ послѣдній, метнувъ въ сторону Георгія Александровича мало дружелюбный взглядъ.

— Конечно, — откликнулся Агриппинъ Григорьевичъ, — была бы водка, а въ какой бутылкѣ—не все ли равно?

— Поэтому, господа,—продолжалъ ораторъ,—я предлагаю все-таки выпить за богатую мысль, высказанную моимъ молодымъ коллегой; а пить за его мысль, значитъ пить за его здоровье!

Прозрителевъ сѣлъ, до нельзя довольный послѣднимъ оборотомъ рѣчи.

— Ура! Ура!—кричали пирующіе.

Когда возгласы умолкли, поднялся Петръ Петровичъ Тюльпановъ. Его полная фигура дрожала отъ умиленія, и въ глазахъ, блестѣли чуть-ли не крошечныя слезинки.

— Господа, я такъ тронутъ!—воскликнулъ онъ,—мнѣ, гм... такъ пріятно, что у меня въ уѣздѣ всѣ, гм... живутъ дружно. Я не имѣю, гм... такого краснорѣчія, какимъ владѣютъ господа коллеги, почему я скажу просто: благодарю васъ, дорогіе мои! Живите всегда дружно, всѣмъ на радость... И еще я скажу... кто больше всѣхъ заботится о томъ, чтобы у насъ были въ клубѣ удобства? Кто безкорыстной дѣятельностью способствуетъ процвѣтанію буфета?.. Вы знаете кто... и потому, гм... гм... я предлагаю выпить за здоровье Агриппина Григорьевича!

Петръ Петровичъ кончилъ, протягивая свой полный стаканъ Ападульчеву.

— Благодаримъ васъ,—сказала его супруга, Анжелика Ивановна.

— Погоди, я самъ...—остановилъ ее Агриппинъ Михайловичъ и обратился къ публикѣ:—господа, я теперь счастливъ, видя, что труды мои оцѣнены. Я хочу и дальше работать на пользу друзей моихъ, зная что труды мои не пропадутъ даромъ.

— Еще бы,—прошепталъ нотаріусъ на ухо бухгалтеру Ивану Ивановичу первому (вторымъ Иваномъ Ивановичемъ былъ почтмейстеръ Шпингалетовъ),—водки одной изъ его подваловъ сколько здѣсь выходитъ... Конечно, не даромъ.

Бухгалтеръ Иванъ Ивановичъ второй, который прежде занималъ мѣсто клубнаго эконома, насмѣшливо кивнулъ головою.

— Да, — продолжалъ Ападульчевъ,—я твердо вѣрю теперь, что моя безкорыстная дѣятельность идетъ на общую пользу. Сегодня клубъ нашъ празднуетъ годовщину своего существованія; а между тѣмъ были люди, которые предсказывали, что клубу не дожить до этого праздника, что всѣ мы перессоримся и...

— Позвольте, господа, я прошу слова! — воскликнулъ бухгалтеръ, вскакивая,—вы это на меня намекаете, Агриппинъ Михайловичъ; но въ такомъ случаѣ, укажите, гдѣ и когда говорилъ я такъ!

— Да вѣдь я вообще... Ни про кого...

— «Вообще» такихъ вещей не говорятъ! Это намеки! А если вы намекаете на меня, то я презираю такіе намеки!.. Да, я говорилъ это; но совсѣмъ не въ томъ тонѣ, въ какомъ вы передаете.

— Онъ вовсе не брался передавать тона, — вставила Анжелика Ивановна.

— Но тогда это недобросовѣстно!

— Такія слова, господа, это, гм... меня огорчаетъ, — съ достоинствомъ произнесъ Петръ Петровичъ.

— Такъ было хорошо начало и такой конецъ,—воскликнулъ, смѣясь, Георгій Александровичъ.

— Это произошло потому, что и у насъ, какъ вездѣ, есть смутьяны,— сказалъ Прозрителевъ, глядя на лѣсничаго.

— Да я ничего не хотѣлъ...—оправдывался Агриппинъ Михайловичъ, монументальная фигура котораго, выражала полнѣйшее разстройство чувствъ.

— Вы отлично понимаете!—кричалъ бухгалтеръ, — я знаю, чья это интрига.

— Гдѣ здѣсь интрига? — сверкая глазами, подхватила Анжелика Ивановна.

— Куси! Куси!—послышалось откуда-то издалека.

— Конечно, интрига!—не унимался бухгалтеръ Иванъ Ивановичъ.

— Я вижу, я все хорошо вижу, — продолжалъ пророчески Иванъ

Ивановичъ первый,—заставили меня отказаться отъ званія эконома, а теперь хотятъ, вѣроятно, чтобы я вышелъ и изъ членовъ клуба, что жъ! Въ добрый часъ! Я понимаю эти подкопы.

— Но кто этого хочетъ?—недоумѣвая, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Тѣ, которые ловятъ рыбу въ мутной водѣ.

— Въ мутной водкѣ,—поправилъ его нотаріусъ.

— Вы нарветесь, милостивый государь!—рѣзко отвѣтила Анжелика Ивановна за супруга, рыхлый организмъ котораго совершенно раскисъ отъ неожиданной оппозиціи. Онъ тяжело и неровно сопѣлъ, лицо его было покрыто красными пятнами, а широкая складка затылка, лежащая на воротникѣ рубахи, вся побагровѣла.

— Какъ вы изволили выразиться?—наступательно произнесъ нотаріусъ.

— Что вы нарветесь,—повторила смѣло госпожа Ападульчева.

— А я и не зналъ, что это вы дѣлаете мутную водку,—отвѣтилъ тогда нотаріусъ.

— Это ужасно!—прошептала Анжелика Ивановна и бросила на Семена Карповича Прозрителева взглядъ, молящій о помощи.

Тогда товарищъ прокурора рѣшилъ, что необходимо вмѣшаться и своимъ авторитетомъ потушить вспыхнувшую распрю.

— Я бы полагалъ, что на такомъ вечерѣ, какъ нашъ, всякія препирательства не у мѣста,—произнесъ онъ съ величественнымъ спокойствіемъ.

— Но какое намъ дѣло до вашихъ положеній — возразилъ Плавутинъ, взглядывая смѣющимися глазами на темное иконописное лицо Прозрителева.

— Полагаю, — сказалъ послѣдній съ тѣмъ же величественнымъ спокойствіемъ,—что мы здѣсь сидимъ вовсе не для того, чтобы слушать возраженія господина Плавутина.

Молчаніе, вдругъ воцарившееся, послѣ шумнаго веселья, среди пирующихъ, ясно показало, что послѣдніе придаютъ серьезное значеніе наступающему инциденту.

Только одинъ Гамидъ подходилъ къ столу съ невозмутимой ясностью во взорѣ и несъ блюдо съ гусемъ, поднявъ его высоко надъ головою

— Если вы здѣсь сидите не для этого, то и не слушайте,—не замедлилъ возразить Георгій Александровичъ.

— Брось, Жоржъ,—шепнула ему Ольга Борисовна.

— Мама, вонъ, гуся несутъ,—сказалъ тихонько Костя,—я возьму себѣ грудинку.

— Я полагаю...—повторилъ Прозрителевъ.

— А я по прежнему полагаю,—необыкновенно громкимъ голосомъ прервалъ его Плавутинъ,—что здѣсь рѣшительно никому нѣтъ дѣла до того, что̀ вы полагаете...

И онъ, обернувшись на приглашеніе Гамида, взялъ съ блюда грудинку, на которой уже давно покоился взоръ Кости.

— Взялъ! Взялъ! — закричалъ мальчикъ, указывая пальцемъ на Георгія Александровича.

— Что такое? Что взялъ? — послышались сразу восклицанія нѣсколькихъ голосовъ.

— Мою грудинку,—отвѣтилъ шалунъ, улыбаясь.

Этотъ маленькій перерывъ пришелся весьма кстати: онъ какъ бы разрядилъ атмосферу, наполненную электричествомъ, и вывелъ изъ затрудненія дѣйствующихъ лицъ.

Семенъ Карповичъ перестилъ по очереди глядѣть на всѣхъ, точно призывая публику въ свидѣтели полученной обиды; Плавутинъ занялся оспариваемой грудинкой; Агриппинъ Михайловичъ огромными глотками пилъ кахетинское; Петръ Петровичъ сидѣлъ понурясь и былъ преисполненъ горечью разочарованія. Непримиримый бухгалтеръ Иванъ Ивановичъ первый съ шумомъ отодвинулъ свой стулъ и вышелъ, не окончивъ ужина.

Его никто не удерживалъ...

Въ сосредоточенномъ молчаніи окончили всѣ ужинъ, опустошили до дна содержимое бутылокъ и скромно разошлись по домамъ.

Только возлѣ буфета задержалась на время одна нѣжная пара: толстый низенькій ветеринаръ Дынниковъ обнималъ высокаго и худого почтмейстера Шпингалетова, Ивана Ивановича второго.

— Милый, я не лгунъ,—говорилъ ветеринаръ,—я всегда говорю правду... Клянусь, она не жена ему... Ну, душка, поцѣлуй меня...

Шпингалетовъ, качавшійся на своихъ тонкихъ ногахъ, какъ на ходуляхъ, пытался нагнуться, чтобы принять на свои ланиты лобзаніе друга, но терялъ равновѣсіе и падалъ грудью на стойку.

— Господа, пора вамъ и по домамъ,—сказалъ пріятелямъ Агриппинъ Михайловичъ, приводившій въ порядокъ свои владѣнія.

— Нѣтъ, за что онъ мнѣ не вѣритъ? — обижался Дынниковъ, — я ему говорю, что эта дама не жена Плавутину, а онъ...

Изъ противуположной двери выглянулъ Бубликовъ, уже одѣтый въ пальто и съ фуражкой на головѣ.

— Господа,—сказалъ онъ,—я, какъ дежурный, долженъ уйти послѣ всѣхъ, а потому...

Агриппинъ Михайловичъ поманилъ его къ себѣ толстымъ, не сгибающимся пальцемъ.

— Я даже знаю фамилію ея настоящаго мужа! — увѣрялъ Дынниковъ со слезами обиды,—а ты все не вѣришь!

— О комъ это?—шепотомъ спросилъ Бубликовъ у Агриппина Михайловича.

— О Плавутиной.

— Хочешь, скажу ея фамилію? — приставалъ ветеринаръ, — и ты все не вѣришь?

— О, чортъ!—пробормоталъ почтовый чиновникъ.

*

— Я вѣрю,—сказалъ Эмилій Маріусовичъ,—скажите мнѣ, какъ ея фамилія.

— О, душка!—отвѣчалъ разстроганный ветеринаръ,—въ томъ-то и секретъ, что я забылъ! И знаю еще, она заграницей медицинѣ училась. За что же онъ мнѣ не вѣритъ?

И Дынниковъ ухватилъ Эмилія Маріусовича за пуговицу, чтобы сохранить равновѣсіе.

— Такъ вы утверждаете, что Ольга Борисовна не жена Плавутину?—спросилъ Эмилій Маріусовичъ жесткимъ тономъ, потому что вспомнилъ, что именно эта дама подговорила нотаріуса открыть балъ съ госпожей Шпингалетовой.

Дынниковъ, не смотря на сильное опьяненіе, насторожился.

— Что значитъ: «не жена»?—задорно крикнулъ онъ и оторвалъ свою руку отъ спасительной пуговицы Эмилія Маріусовича,—мнѣ только обидно, когда не вѣрятъ—и больше ничего!.. Я не такой заскорузлый. Что жъ, что ея фамилія не Плавутина, все-таки она ему жена... Я не подлецъ! Душка, поцѣлуй меня!

И онъ, отвернувшись отъ Бубликова, снова попытался заключить въ объятія своего длиннаго друга. Наконецъ ему удалось кое-какъ обнять Шпингалетова за талію и пріятели, пошатываясь, удалились.

— Дуракъ,—сказалъ ему вслѣдъ Бубликовъ,—онъ у васъ въ долгъ напился?

Ападульчевъ въ отвѣтъ лишь вздохнулъ.

— Пошлите ему завтра же счетъ.

— Клубъ торгуетъ въ убытокъ,—сказалъ Агриппинъ Михайловичъ,—и я хочу просить всѣхъ, чтобы пили только за наличныя.

Эмилій Маріусовичъ простился, не пожелавъ понять этого намека.

Глава III.

Первая петля гордіева узла.

Вотъ уже нѣсколько дней Ольга Борисовна проводила одна, потому что Георгій Александровичъ уѣхалъ по дѣламъ въ городъ, отстоявшій отъ Курдюма болѣе чѣмъ на сто верстъ.

Раньше, въ прошломъ году, Ольга Борисовна любила посидѣть одна денекъ-другой. Послѣ петербургской сутолоки ее очаровывали тихіе вечера, спокойствіе которыхъ, она знала, рѣдко когда будетъ нарушено. Днемъ часто приходили больные крестьяне, которыхъ она охотно лѣчила; иногда заѣзжала какая-нибудь курдюмская дама, поговорить о болѣзняхъ Сережи или Машеньки, да передать новую сплетню; но вечеромъ, послѣ заката солнца, все смолкало на улицѣ. Нерѣдко подъ окнами проходилъ запоздалый прохожій или съ громомъ проносилась полицейская линейка, отвозившая кого-нибудь къ кому-нибудь на вечеръ. И снова вокругъ становилось тихо. Повизгивали жалобно ставни,

подъ порывами степного вѣтра; церковный сторожъ билъ часы, сколько и когда ему вздумается; нерѣдко доносился откуда-то жалобный стонъ совы, которая слетѣла съ церковной колокольни... А потомъ смолкали и эти звуки. Становилось такъ тихо, точно вокругъ домика въ пять оконъ разстилалась пустыня.

Въ одинъ такой тихій вечерокъ къ Ольгѣ Борисовнѣ заглянулъ гость. Это былъ князь Василій Георгіевичъ.

— Я къ вамъ проститься,—сказалъ онъ,—надо къ себѣ въ улусъ ѣхать, очень ужъ загостился... Да все упрашивали остаться на балъ, а эти дни не отпускали тоже: все прощались. И наслушался же я разговоровъ!

Князь усмѣхнулся.

— Я избѣгаю часто бывать въ нашемъ обществѣ,—сказала Ольга Борисовна,—всегда чего-нибудь наслушаешься. Вотъ въ прошломъ году мнѣ все здѣсь было интересно, потому что я въ первый разъ видала захолустье. Когда пришлось уѣзжать изъ Петербурга, я непремѣнно настаивала, чтобы ѣхать въ самую невѣроятную глушь.

— Зачѣмъ же это вамъ понадобилось?

— Мнѣ казалось, что здѣсь люди оригинальнѣе и интереснѣе. Это такъ и есть; но интересъ какъ-то скоро исчерпался и теперь, могу сказать по совѣсти, что изъ всего здѣшняго общества я желала бы видѣть у себя только васъ.

Узкіе глаза князя загорѣлись отъ удовольствія.

— Я понимаю васъ,—сказалъ онъ,—конечно я хоть и русскій офицеръ, но человѣкъ дикій и необразованный, однако и мнѣ... знаете, съ чиновниками весело играть въ карты, ужинать, кутить, они всѣ тогда хорошіе малые, но дальше не надо къ нимъ дѣлать впередъ ни шагу... И я жалѣю, что былъ на балу, такъ онъ нехорошо кончился.

— Да, да, Жоржъ всегда такъ! Я его прошу постоянно не ссориться, а онъ не можетъ удержаться.

— По моему, Георгій Александровичъ поступилъ какъ слѣдуетъ,— возразилъ князь,—этотъ Прозрителевъ держитъ всѣхъ въ какомъ-то страхѣ! Здѣсь прежде не было товарища прокурора, онъ первый сюда пріѣхалъ и наше общество встрѣтило его такъ подобострастно, что онъ чуть не помѣшался отъ гордости... Ему никогда никто не смѣетъ возражать.

— Это смѣшно!

— О, не говорите... столкновеніе съ такимъ господиномъ, дѣйствительно, опасно.

— Послушайте,—смѣясь, замѣтила Ольга Борисовна,—не пугайте меня! Право, я начинаю трусить.

— Право, не шутите, наши всѣ злы... особенно дамы... О, какъ онѣ злы!—Вы здѣсь долго не уживетесь. Я много видалъ на своемъ вѣку чиновниковъ, какъ только попадетъ сюда человѣкъ порядочный, сейчасъ или самъ уйдетъ, или его вытурятъ.

— Да что съ вами сегодня?.. Неужели пустая пикировка съ Прозрителевымъ уже сдѣлалась событіемъ.

Князь смутился.

— Да я такъ, вообще,—пробормоталъ онъ.

Ольга Борисовна пристально посмотрѣла на него и вдругъ вспыхнула.

— Ахъ, что мнѣ пришло въ голову,—сказала она,—на этомъ балу мы видѣли ветеринара... Дынникова... Ужъ не болталъ ли онъ чего о Жоржѣ?

Князь встрѣтился со взглядомъ молодой женщины и опустилъ глаза.

— Мы, вѣдь, ничего не скрываемъ,—сказала тогда Ольга Борисовна немного высокомѣрно,—и если Дынниковъ говорилъ что-нибудь, то это вовсе не секретъ. Я думала, что это и раньше всѣ знали...

— Простите меня, Ольга Борисовна, я человѣкъ вамъ совершенно чужой, и, конечно, будь здѣсь Георгій Александровичъ я бы говорилъ съ нимъ, а не съ вами; но его нѣтъ и чувство глубокаго уваженія, которое я къ вамъ питаю, даетъ мнѣ смѣлость говорить...

— Пожалуйста, я вамъ очень благодарна!

— Не лучше ли Георгію Александровичу перевестись въ другой городъ? Мнѣ кажется, что вамъ могутъ теперь угрожать непріятности...

— Перевестись! Это такъ скоро не дѣлается.

— Конечно, конечно.

— И потомъ, мы уже здѣсь почти два года; почему-же раньше...

— Кто ихъ знаетъ, все зависитъ отъ настроенія.

Ольга Борисовна задумалась. Она припомнила, что ея отношенія къ обществу теперь измѣнились: за послѣднее время дамы перестали ей дѣлать визиты, которыми обмѣнивались между собою въ обычные дни. Раньше она объясняла себѣ это охлажденіемъ и была довольна; но теперь все представлялось ей въ иномъ свѣтѣ.

Князь скоро ушелъ.

Ольга Борисовна легла спать, размышляя о его предостереженіяхъ и недомолвкахъ. Они и тревожили и возбуждали ея любопытство.

— Вотъ это называется окунуться въ глубь русской жизни,—подумала она, засмѣялась и скоро уснула.

На слѣдующій день вернулся Георгій Александровичъ. Не прошло еще и часа послѣ его пріѣзда, какъ къ нему на квартиру явился сторожъ полицейскаго управленія съ бумагой, въ которой Петръ Петровичъ просилъ покорнѣйше господина Плавутина пожаловать въ канцелярію по важному дѣлу.

— Неужели это уже доносъ?—сказала Ольга Борисовна,—такъ скоро!

Доносы были въ ходу среди курдюмскаго общества и множество личныхъ столкновеній разрѣшались именно этимъ нейтральнымъ путемъ.

— Посмотримъ,—сказалъ Георгій Александровичъ и весьма заинтересованный отправился въ полицейское Управленіе, гдѣ уже, очевидно, его ожидали. Небритыя личности, строчившія что-то за грязными сто-

лами, всѣ повернули къ нему головы и съ тайнымъ любопытствомъ прослѣдили за нимъ глазами до самаго кабинета начальника.

Тюльпановъ встрѣтилъ гостя очень предупредительно.

— Спасибо, что заглянули,—сказалъ онъ, взявъ Плавутина за обѣ руки,—я самъ хотѣлъ зайти, да у насъ столько дѣла, столько дѣла.. Служба каторжная! Присядьте, пожалуйста, вотъ сюда, на креслице, вотъ такъ, такъ...

— Какое-же это важное дѣло у васъ есть ко мнѣ?—спросилъ Георгій Александровичъ,—даже отдохнуть не дали послѣ дороги.

— Батюшка, мнѣ самому не даютъ отдыху! Прямо загоняли.

Петръ Петровичъ помолчалъ, потеръ руки и нерѣшительно проговорилъ:

— Есть дѣльце, есть... и даже не одно! и даже не очень пріятное. Право поймите меня, я человѣкъ мягкій и благородный, мнѣ самому непріятно...

— Да въ чемъ дѣло?

— Видите-ли, гм... Все касается, гм... Ольги Борисовны.

— Ольги Борисовны? — повторилъ Георгій Александровичъ. Онъ было хотѣлъ встать и выйти; но удержался.

— Да, гм... да, Ольги Борисовны... Видите-ли... Скажите, она докторъ?

Выговоривши, наконецъ, этотъ вопросъ, Петръ Петровичъ вздохнулъ свободнѣе и вытеръ платкомъ лобъ.

— Она училась заграницей,—отвѣчалъ Георгій Александровичъ.

— Вотъ, вотъ, это, гм... Намъ и надо знать... Слѣдовательно, она не имѣетъ права практиковать въ Россіи?

— Формально не имѣетъ.

— Голубчикъ, нехорошо, что она занимается лѣченіемъ, — Петръ Петровичъ положилъ свою руку на колѣно Плавутина.

— Помилуйте, да вѣдь вы-же недавно лѣчили своего Сашу у Ольги Борисовны? И Прозрителевъ какъ-то приводилъ къ ней Сережу? Развѣ за эту недѣлю получились новыя правила о заграничныхъ докторахъ?

— Ахъ Боже мой, какой вы вспыльчивый,—возразилъ Петръ Петровичъ,—мы, гм... сами не знали и намъ, гм... только теперь разъяснили...

— Кто же вамъ разъяснилъ?

Петръ Петровичъ молчалъ. Крупныя капли пота показались у него на вискахъ и на лысинѣ.

— Ахъ, и это еще не все... пробормоталъ онъ съ угнетеннымъ видомъ.

Георгій Александровичъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Да говорите ужъ, Богъ съ вами,—сказалъ онъ добродушно.

Петръ Петровичъ кинулъ на него благодарный взглядъ.

— Голубчикъ!—воскликнулъ онъ,—позвольте мнѣ въ этой исторіи быть съ вами совершенно откровеннымъ... Тутъ замѣшанъ, гм.. Про-

зрителевъ. Онъ уже давно на васъ злобствуетъ, а почему? Я совершенно не понимаю; но съ того вечера, помните, когда вы ему возражали, онъ просто рветъ и мечетъ. Еще раньше, ему передавали будто вы его назвали «подозрительно-Прозрительнымъ,—онъ и это затаилъ...

Георгій Александровичъ расхохотался.

— Выдумалъ это не я,—сказалъ онъ,—но, признаюсь, такое прозвище мнѣ нравится.

— Да, смѣйтесь, а намъ сколько непріятностей... Жили себѣ тихо мирно, а теперь каша заваривается. И еще мѣсто мое такое каторжное, что во всякой непріятности мнѣ первая роль достается.

Петръ Петровичъ остановился, ожидая сочувствія; но гость молчалъ.

— И сколько уже было подвоховъ,—продолжалъ Тюльпановъ жалобно,—спрашивалъ недавно, бываете ли вы, гм... въ церкви, когда это полагается? Я, гм... съ удовольствіемъ отвѣчалъ, что въ этомъ отношеніи за вами особенно демонстративныхъ недоимокъ мы не замѣчали.

Плавутинъ, улыбаясь, поклонился.

— Потомъ онъ началъ удивляться, почему это дворъ вашъ, гм... наполненъ постоянно мужиками? Что такое, гм... исканіе популярности роняетъ, гм... другихъ...

— Онъ самъ отлично знаетъ, что крестьяне приходятъ къ Ольгѣ Борисовнѣ лѣчиться.

— Именно я такъ и отвѣтилъ! Но тогда онъ спросилъ, имѣетъ ли она право практиковать въ Россіи?

Петръ Петровичъ помолчалъ немного и продолжалъ, слегка заволновавшись:

— А потомъ... О, Георгій Александровичъ, повѣрьте мнѣ, я здѣсь ни при чемъ... потомъ Прозрителевъ заявилъ мнѣ, что, гм... въ качествѣ представителя власти въ уѣздѣ, онъ долженъ знать, кто тамъ проживаетъ... Что мы-же, гм... будемъ виноваты, когда откроется, что здѣсь живетъ уже два года личность, гм... подъ чужимъ именемъ...

— Это уже прямо нагло!—воскликнулъ, вспыхивая, Плавутинъ,— откуда онъ взялъ, что Ольга Борисовна живетъ подъ чужимъ именемъ?

— Я тоже ему говорилъ, что вы никогда не рекомендовали ее какъ госпожу Плавутину; но онъ, гм... возразилъ, что во всякомъ случаѣ, мы должны были, гм... стараться раскрыть инкогнито проживающей въ уѣздѣ неизвѣстной, гм... личности. Быть можетъ, въ государствѣ, гм... разыскиваютъ, а мы, гм... гм... точно укрываемъ.

— Что же вамъ собственно отъ меня угодно?—спросилъ Плавутинъ такимъ сухимъ тономъ, который явно давалъ понять Петру Петровичу, что всѣ его дружескія увѣренія пропали задаромъ.

— Мнѣ—ничего!—отвѣчалъ Тюльпановъ также холодно,—а вотъ, гм... законъ...

Въ это время дверь отворилась и въ кабинетъ скромной походкой

вошелъ Эмилій Маріусовичъ съ грязной тетрадью «дѣло № 173» въ рукахъ.

Тетрадь онъ положилъ на столъ и, остановившись за спиной Плавутина, ободрительно кивнулъ головою Петру Петровичу.

— Я попрошу васъ,—заговорилъ тогда послѣдній, пріосаниваясь,—предъявить намъ документы Ольги Борисовны. Мы ихъ пропишемъ и вернемъ обратно.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать?—спросилъ Георгій Александровичъ, вставая.

— Все,—отвѣчалъ Тюльпановъ и также поднялся съ кресла.

Раскланявшись, Плавутинъ вышелъ изъ кабинета. Небритыя личности, во главѣ съ Острожниковымъ, снова оторвались отъ своего дѣла и повернулись, чтобы имѣть возможность подольше провожать глазами спину уходившаго посѣтителя.

Эмилій Маріусовичъ поспѣшилъ къ окну, изъ котораго была видна дорожка, гдѣ прогуливалась Ольга Борисовна, поджидая Плавутина.

— Чего ты тамъ застрялъ, Жоржъ,—спросила она нетерпѣливо,—даже какой то махоркой пропитался. Ужъ не поссорился ли ты съ ними?

— Нѣтъ, я не ссорился; но они, очевидно, хотятъ ссоры и для начала требуютъ твой паспортъ.

— Ну, это ужъ измышленіе подозрительно-прозрительское,—сказала молодая женщина, гадливо поморщившись; но замѣтивъ, что изо всѣхъ оконъ, окружающихъ площадь, на нее смотрятъ любопытные глаза, она засмѣялась.

— Они хотятъ насладиться моимъ смущеніемъ,—сказала она,—но очень разочаруются... Я безтрепетно поднимаю перчатку.

— Стоитъ ли, Ольга? Не дразни ихъ и лучше пойдемъ домой.

— Домой? О, нѣтъ,—вѣдь я всегда въ это время гуляю и сегодня буду ходить, какъ всегда, до обѣда.

Георгій Александровичъ пожалъ плечами и пара, сосредоточивавшая теперь на себѣ общее вниманіе, продолжала ходить по аллеѣ, которая съ одной стороны упиралась въ канцелярію, гдѣ у окна сидѣлъ Эмилій Маріусовичъ; а съ другой—замыкалась окнами квартиры Прозрителева. Тамъ также изрѣдка мелькалъ сухой силуэтъ Семена Карповича, въ жилеткѣ, одѣтой поверхъ ситцевой рубахи; а въ другомъ окнѣ за шторой свѣтилось наблюдательное око супруги его Анфисы Григорьевны.

— Продолжаютъ гулять!—съ изумленіемъ докладывалъ Эмилій Маріусовичъ Тюльпанову.

— Ну такъ что жъ,—отвѣчалъ Петръ Петровичъ съ брезгливымъ равнодушіемъ,—тонъ, который онъ всегда принималъ съ подчиненными, когда чувствовалъ себя неловко. Послѣ этого сухого отвѣта, Бубликовъ вышелъ изъ кабинета и по пути къ своему мѣсту, бросилъ съ улыбкой Острожникову.

— Гуляютъ!

— Да? — отвѣтилъ тотъ, отрываясь отъ работы и также лукаво улыбнулся.

— Гуляютъ...—сказалъ вскользь Прозрителевъ женѣ и снова зашагалъ по гостиной, кусая ногти.

— Можетъ быть, имъ еще не сказали, — замѣтила Анфиса Григорьевна.

— Смѣетъ Тюльпановъ меня ослушаться...

— Въ такомъ случаѣ, эта женщина вовсе лишена стыда.

— Дѣлаетъ мнѣ на зло,—сказалъ Семенъ Карповичъ,—ну ладно, на зло, такъ на зло.

И онъ, кусая ногти, снова зашагалъ по маленькой комнаткѣ.

— Гуляютъ!—сообщила госпожа Шпингалетова, докторшѣ Айзиковской, квартира которой не выходила окнами въ садикъ,—хотите, пойдемъ къ Маринѣ Гавриловнѣ, тамъ все будетъ видно.

Госпожа Огузокъ, давно уже занимавшая наблюдательный постъ у окна, приняла гостей очень радушно.

— Пусть гуляютъ,—сказала она, смѣясь,—теперь тамъ толкотни не будетъ: никто сегодня туда не выйдетъ.

— Пусть увидитъ, какъ удобно задирать носъ передъ другими,—прибавила Айзиковская, — всѣ ходятъ къ ней лечиться... Ну, мужики пускай; но, вѣдь, купцы начали...

— Неласковая дама была,—сказала госпожа Шпингалетова, употребляя даже прошедшее время,—неласковая. Я всегда посылала мужа дѣлать ей визитъ на новый годъ; но теперь прямо не позволю, если даже онъ захочетъ.

— А какъ дамы рѣшили, кланяться съ ней или нѣтъ?—спросила Айзиковская.

— Глядите, глядите!—воскликнула Шпингалетова, мѣшая Маринѣ Гавриловнѣ отвѣтить на вопросъ гостьи,—вонъ къ нимъ идетъ докторъ Македонскій и нотаріусъ!

— Разговариваютъ?

— Имъ что! Нотаріусъ извѣстный скандалистъ, а докторъ—трусишка.

Дѣйствительно, нотаріусъ и докторъ стояли посреди дорожки, разговаривая съ Плавутиными.

Нотаріусъ держалъ себя храбро; но докторъ Василій Петровичъ, очень близорукій, только сейчасъ замѣтилъ, что въ скверѣ нѣтъ никого гуляющихъ. Сдѣлавъ это открытіе, онъ замолчалъ и какъ бы сосредоточился самъ въ себѣ.

Въ это время мимо сквера пронесся кабріолетъ съ госпожей Ападульчевой и Раичкой, которая правила. Раичка поклонилась, Анжелика Ивановна только строго посмотрѣла поверхъ головы Ольги Бо-

рисовны и кабріолетъ, съ шикомъ обогнувъ рѣшетку сада, остановился передъ подъѣздомъ квартиры Прозрителева.

— Мы, кажется, невольно способствуемъ оживленію общественной жизни,—сказала, смѣясь Ольга Борисовна.

Плавутинъ поморщился: по его мнѣнію, она слишкомъ много смѣялась.

— Я вижу только,—сказалъ онъ,—что намъ хотятъ надѣлать какъ можно больше непріятностей.

— Да, да,—подтвердилъ нотаріусъ,—заговоръ составленъ, клятва дана на мечахъ и теперь заговорщики свято исполняютъ свою обязанность.

— Зачѣмъ вы это говорите?—Съ необычайной серьезностью возразилъ ему Василій Петровичъ,—вѣдь вы ничего не знаете.

— А вы зачѣмъ лукавите?—спросила его Ольга Борисовна.

Докторъ въ отвѣтъ только пожалъ плечами. Онъ уже рѣшилъ, что не стоитъ изъ-за этой неуживчивой особы ссориться съ цѣлымъ обществомъ и сдѣлавъ, для приличія, вмѣстѣ со всѣми нѣсколько туровъ по аллеѣ, скрылся въ бильярдной, какъ на нейтральной почвѣ.

— Струсилъ!—сказала Ольга Борисовна и опять засмѣялась.

— Какъ же ему, бѣднягѣ, не трусить, — заступился нотаріусъ, — когда Бубликовъ то и дѣло на него доносы пишетъ. Стоитъ ему изъ-за пустяка какого съ нимъ перекориться—сейчасъ доносъ, что въ больницѣ какіе-нибудь безпорядки. Онъ вѣчно между двухъ огней.

За поведеніемъ Василія Петровича наблюдали также и изъ оконъ квартиры Прозрителева.

— Однако, это нахально гулять такъ долго!—воскликнула Анфиса Григорьевна.

Прозрителевъ, все время нетерпѣливо ходившій по комнатѣ, вдругъ взялъ шапку и сказалъ, усмѣхаясь:

— Пойду-ка я погуляю... Вѣдь это мое обычное время.

Черезъ секунду лица, созерцавшіе изъ оконъ событіе дня, озарились выраженіемъ самаго жаднаго любопытства: на дорожкѣ сквера появился Семенъ Карповичъ съ такимъ торжественнымъ видомъ, точно онъ принималъ участіе въ какой-нибудь процессіи.

Противники встрѣтились.

— Здравствуйте,—сказалъ Плавутинъ.

— Мое почтенье-съ,—отвѣтилъ Семенъ Карповичъ, не обнаруживая вовсе смущенія. котораго искала на лицѣ его Ольга Борисовна,—хорошая нынче погода.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — отвѣчала молодая женщина и повернула въ другую сторону, не замѣчая протянутой руки Семена Карповича.

Нотаріусъ послѣдовалъ за нею.

— Вы чего же ушли отъ Жоржа?—спросила его Ольга Борисовна,—струсили какъ докторъ?

— Струсилъ, — признался Модестъ Петровичъ,—совралъ, что на почту надо, а самъ удираю домой, тамъ у нихъ, кажется, объясненіе выйдетъ.

Дѣйствительно, объясненіе началось тотчасъ же послѣ исчезновенія нотаріуса.

— Скажите, пожалуйста Семенъ Карповичъ, зачѣмъ вамъ понадобился паспортъ Ольги Борисовны?—спросилъ Плавутинъ.

— Какой паспортъ? Чей?—удивился Прозрителевъ и, наморщивъ брови, старался напряженнымъ выраженіемъ лица своего показать собесѣднику, сколь добросовѣстно старается онъ проникнуть въ сущность вопроса.

Но всѣ усилія памяти Семена Карповича оказались тщетными: онъ развелъ руками и сказалъ добродушно.

— Не понимаю!

— Петръ Петровичъ мнѣ сказалъ, что вы...

— Я? — воскликнулъ, перебивая, Прозрителевъ, — я? Они все уже начнутъ на меня сворачивать, какъ на лицо, наиболѣе отвѣственное въ уѣздѣ. Я знаю это; люди подобной профессіи всегда склонны ко лжи...

— Странно...

— Даю вамъ слово, я ничего о паспортѣ не знаю... Надѣюсь, что мое слово... Я слышалъ, что Эмилій Маріусовичъ собирается мстить Ольгѣ Борисовнѣ за что-то; но не зналъ, что онъ выберетъ этотъ сортъ мщенія.

— Мстить?—повторилъ Плавутинъ съ гадливой усталостью,—за что? Ольга Борисовна кажется и трехъ словъ не сказала съ этимъ господиномъ.

— Но она своимъ вмѣшательствомъ помѣшала ему открыть балъ съ дамой сердца; а вы развѣ не знаете, что онъ каждый годъ мѣняетъ эту даму и каждый годъ открываетъ балъ съ новой избранницей?

— Но это невыносимо глупо, невыносимо! — воскликнулъ Плавутинъ,—положительно, лучше уѣхать къ чукчамъ или ламутамъ, лучше поселиться на необитаемомъ островѣ, чѣмъ участвовать въ такой чепухѣ!

Семенъ Карповичъ остался доволенъ произведеннымъ эффектомъ.

— Э, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ покровительственно,—люди вездѣ люди, надо только умѣть ими пользоваться... Мудрецъ изъ самаго глупаго съумѣетъ извлечь себѣ выгоду; а дураку никакой умный не поможетъ. Вотъ вы все съ ними ссоритесь, волнуетесь, а что проку? Неужто надо всякой ихъ провинностью имъ сейчасъ же въ носъ и тыкать? Нѣ-ѣтъ-съ! Надо все видѣть, все слышать и молчать, ожидая выгоднаго момента; а когда будетъ готовъ такой моментъ, тогда... тогда воспользоваться для себя.

— Да,—продолжалъ онъ съ полнымъ сознаніемъ своего превосходства,—опытные люди такъ поступаютъ. Благодаря такой системѣ, мнѣ удалось открыть такое дѣло, такое дѣло! Вы бы, конечно, дѣйствовали прямо, нахрапомъ, и васъ бы надули; а я пять мѣсяцевъ сидѣлъ

и виду не подалъ, что для этого въ уѣздъ пріѣхалъ, вотъ что-съ! Вотъ какъ поступаю я, хотя я не кончилъ университета, а скромно учился въ провинціальномъ лицеѣ!

Демоническія признанія Семена Карповича привели снова Плавутина въ хорошее расположеніе духа,

— Ну, я очень радъ,—сказалъ онъ, улыбаясь,—что вы не принимаете участія въ этой подлой травлѣ, которую начинаютъ противъ Ольги Борисовны. Конечно, это было бы странно: Анфиса Григорьевна столько разъ приходила къ ней лѣчить Колю и Мишу, и вдругъ теперь вы бы стали спрашивать ея докторское свидѣтельство!

— Конечно, конечно, — пробормоталъ Семенъ Карповичъ и откланялся.

Прозрителевъ шелъ къ дому, угрюмо насупившись.

— Онъ еще ничего; но она, — бормоталъ онъ, — она отвернулась, когда я протянулъ ей руку... хорошо же, будетъ такъ, что отъ нея всѣ отвернутся...

— Погуляли?—спросила Анжелика Ивановна, какъ бы не придавая значенія прогулкѣ хозяина дома.

— Я игралъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью,—отвѣтилъ Семенъ Карповичъ, и снова погрузился въ свои загадочныя думы.

— Однако, эта дама, кажется, намѣрена сегодня цѣлый день пробыть въ скверѣ,—нетерпѣливо сказала Анфиса Григорьевна.

— Изъ за нея сегодня нельзя будетъ погулять передъ обѣдомъ,— замѣтила Ападульчева.

— Но почему же, мама?—спросила Раиса.

— Что за вопросъ, Раиса! Развѣ ты не понимаешь, что никто не желаетъ съ нею встрѣчаться?

— Почему? — продолжала недоумѣвать Раиса, — вѣдь уже давно знаютъ, что Ольга Борисовна не жена Плавутину, а всѣ съ ней говорили, у нея лѣчились и вдругъ такое сразу сдѣлалось!

На это никто ничего Раичкѣ не отвѣтилъ.

Послѣ небольшого молчанія Анжелика Ивановна воскликнула:

— Неужели отецъ Александръ идетъ съ ними разговаривать?

— Странно, служитель церкви...—бросилъ вскользь Семенъ Карповичъ.

Дѣйствительно, мѣстный священникъ, отецъ Александръ, вошелъ въ калитку сада. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Плавутинымъ, хотѣлъ выразить ему свое сочувствіе; но нѣкоторое время не рѣшался подвергнуть свою особу дѣйствію перекрестныхъ взглядовъ курдюмскаго общества.

Однако, немного поколебавшись, батюшка подошелъ къ опальной парѣ.

— Вы, кажется, допытывались правды у Іуды?—спросилъ онъ, здороваясь.

— Да. Но онъ увѣряетъ, что не причемъ въ этой исторіи,—отвѣчалъ Плавутинъ.

— Вретъ! Мнѣ давно Острожниковъ разсказывалъ, только просилъ вамъ не передавать. Тюльпановъ все не хотѣлъ; да, знаете, у нихъ у всѣхъ рыльце въ пушку... Говорятъ, этотъ подозрительно-прозрительный господинъ даже грозилъ ему какой-то ревизіей; ну, всякому своя шкура дороже чужой.

— Однако, намъ пора уже обѣдать,—сказала Ольга Борисовна.

— Зайдите къ намъ,—предложилъ отецъ Александръ,—вонъ и моя попадья изъ окна вамъ киваетъ.

— Спасибо, какъ-нибудь зайду,—отвѣтила Ольга Борисовна, улыбкой своей показывая, что она вполнѣ оцѣниваетъ мужество отца Александра,—а теперь пора уже обѣдать.

— Уходятъ!—съ торжествомъ воскликнула Анжелика Ивановна,—ну, теперь намъ всѣмъ надо идти поскорѣе на ихъ мѣсто.

И точно по уговору, пустой дотолѣ скверъ, послѣ ухода Ольги Борисовны, вдругъ наполнился гуляющей публикой. Всѣ оживленно болтали, шутили, смѣялись. Жизнь, бѣдная развлеченіями, наконецъ оживилась. Имя Ольги Борисовны было у всѣхъ на устахъ. Интересовались каждымъ ея жестомъ, обсуждали ея дальнѣйшіе поступки...

— И неужели она послѣ обѣда пойдетъ на катокъ?—спрашивала Айзиковская.

— Это невозможно,—строго замѣтила Анфиса Григорьевна.

Однако, невозможное свершилось.

Послѣ обѣда публика опять увидала Ольгу Борисовну на крутомъ берегу рѣчки Соленой, гдѣ былъ устроенъ катокъ и гдѣ уже собрались любители катанья на конкахъ, окруженные многочисленными зрителями.

Ольга Борисовна была нѣсколько взволнована, и ея щеки были разрумянены не морозомъ: она сейчасъ поссорилась съ Георгіемъ Александровичемъ, который сначала совсѣмъ отговаривалъ ее отъ обычной прогулки на катокъ, а потомъ уже хотѣлъ только ее сопровождать туда. Но и отъ этого Ольга Борисовна отказалась.

Среди конькобѣжцевъ ея появленіе произвело переполохъ.

— Кажется, эта дама идетъ сюда,—сказала госпожа Ападульчева, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ.

— Этого не можетъ быть,—строго возразилъ Прозрителевъ.

— Но она уже спустилась къ рѣкѣ,—замѣтила Раичка со скрытымъ торжествомъ.

— Тогда мы всѣ уйдемъ отсюда,—воскликнула Анжелика Ивановна.—Рая, не надѣвай пока коньковъ.

— А я ужъ надѣла! Василій Петровичъ давайте руку...

И, схвативъ за руку доктора Македонскаго, непокорная толстушка неловко засѣменила по льду ногами.

Между тѣмъ, Ольга Борисовна была уже близко около публики, молчаливо сгруппировавшейся на одномъ мѣстѣ, и никто не собирался уходить, несмотря на восклицаніе Анжелики Ивановны.

Наконецъ, Ольга Борисовна подошла совсѣмъ близко и направилась прямо къ Тюльпанову, котораго замѣтила издали, благодаря его шинели въ накидку, придававшей ему видъ небольшой, но весьма устойчивой пирамиды.

— Здравствуйте, Петръ Петровичъ!—сказала молодая женщина.

— Мое почтенье-съ,—отвѣчалъ толстякъ, поспѣшно снимая фуражку.

Мѣсто вокругъ нихъ тотчасъ же очистилось. Дамы разсыпались по сторонамъ, какъ бы давая понять, какое разстояніе отдѣляетъ отъ нихъ Ольгу Борисовну. Однако, разстояніе это оказалось весьма невелико, такъ какъ никто не захотѣлъ лишить себя возможности слышать разговоръ, обѣщавшій быть интереснымъ.

— Неужели это правда, Петръ Петровичъ, что вы требуете мой паспортъ?—спросила Ольга Борисовна, улыбаясь.— Это довольно невѣжливо со стороны такого кавалера, какъ вы... Неужели вы подозрѣваете, что я—бѣглая каторжница?

— Собственно, это... гм... для порядка, — несвязно пробормоталъ Петръ Петровичъ, который покраснѣлъ, какъ только что рожденный ребенокъ, и не зналъ, куда дѣвать глаза подъ пристальнымъ, слегка насмѣшливымъ взглядомъ собесѣдницы.

— Для порядка?—переспросила она.—Ну, это другое дѣло. Значитъ, вы у всѣхъ провѣряете документы? Тогда, конечно, и я пришлю вамъ свои бумаги.

Петръ Петровичъ молчалъ и, какъ то бывало всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, потиралъ переносицу.

— Зачѣмъ вы даете огласку нашему дѣлу?—сказалъ онъ, наконецъ, тихонько, — вѣдь я, гм... какъ дворянинъ, обѣщалъ сохранить все въ тайнѣ.

— Увы, тайное всегда дѣлается явнымъ,—возразила, смѣясь, Ольга Борисовна,—но это все не нужно: я сама не желаю дѣлать изъ этого тайну, потому что здѣсь рѣшительно нечего скрывать...

— Конечно, конечно,—поспѣшилъ согласиться Петръ Петровичъ.

— Мнѣ просто любопытно знать,—продолжала Ольга Борисовна,—требовали ли вы здѣсь хоть разъ у кого-нибудь паспортъ за всю вашу служебную дѣятельность? Мнѣ, напримѣръ, разсказывали про Ападульчева, что отъ него даже не могутъ добиться, какого онъ вѣроисповѣданія? На всѣ вопросы онъ только отвѣчаетъ, что фамилія его происходитъ отъ словъ appa dolce, что̀ значитъ теплая вода и что предки его княжили когда-то надъ этими теплыми водами...

— Я, гм... знаете ли, это дѣло собственно канцеляріи, и я, гм... не знаю... Если бы моя воля... Могу только сказать, что все наше общество интересуется, гм... узнать вашу настоящую фамилію.

Улыбка исчезла съ лица Ольги Борисовны. Ея глаза потемнѣли, на лбу появилась поперечная морщинка, углы рта упрямо задрожали.

— Значитъ, вы желаете только удовлетворить любопытство общества?—сказала она,—въ такомъ случаѣ, я вамъ не дамъ бумагъ.

— Но мы, гм.. имѣемъ возможность ихъ потребовать формально, — съ грустью бросилъ Петръ Петровичъ.

— А я все-таки не дамъ! Я отправлю в е въ городъ къ губернатору.

И Ольга Борисовна сердито отошла отъ Петра Петровича.

«Правъ былъ Жоржъ, не надо было ходить...—думала она, взбираясь по берегу наверхъ,—а теперь я сама начала заваривать какую-то кашу...»

И, недовольная собой, она отправилась домой виниться Георгію Александровичу. Петръ Потровичъ оставался на прежнемъ мѣстѣ, погруженный въ задумчивость. Не смотря на обычную медлительность мышленія, теперь онъ быстро понялъ, что происшествіе это начинаетъ принимать характеръ для него нежелательный, и, по привычкѣ, оглянулся, въ надеждѣ увидѣть возлѣ себя свою правую руку—Эмилія Маріусовича. Но Бубликова близко не было: онъ подошелъ за совѣтомъ къ Прозрителеву.

— Представьте,—сказалъ онъ,—Ольга Борисовна не хочетъ мнѣ давать бумагъ?

— У нея ихъ нѣтъ, я знаю это!—гробовымъ голосомъ отвѣтилъ Семенъ Карповичъ,—вотъ почему здѣсь надо дѣйствовать рѣшительно.

Петръ Петровичъ уныло потеръ переносицу. Дѣйствовать рѣшительно онъ не любилъ вообще, а долголѣтняя полицейская практика не давала ему примѣровъ, какъ поступаютъ рѣшительно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему.

Признаться въ этомъ Петръ Петровичъ постѣснился, а потому счелъ за лучшее посовѣтоваться съ своей правой рукою.

— Дѣла, гм... осложняются.—сказалъ Тюльпановъ — Ольга Борисовна хочетъ отослать бумаги къ губернатору,—вѣроятно, гм... она еще и письмо при этомъ напишетъ.

— Просто хотятъ затянуть дѣло отвѣтилъ Бубликовъ.

— Все-таки, надо бы вообще, гм... провѣрить паспорты, иначе, дѣйствительно можетъ въ городѣ показаться страннымъ... Онъ вспоминала Ападульчева: двадцать лѣтъ живетъ здѣсь, а никто, гм... не знаетъ, кто онъ... Это вѣрно...

— Вотъ еще, Ападульчевъ! —возразилъ Эмилій Маріусовичъ,—оттого у него никто и не спрашиваетъ документы, что онъ живетъ здѣсь двадцать лѣтъ. Это все пустяки, а главное—надо знать, что они попишутъ въ городъ и дѣйствовать сообразно съ этимъ.

— Да, надо не попасть впросакъ... И, гм... дѣйствовать рѣшительно.

— Конечно,—подтвердилъ Бубликовъ, всегда готовый слѣдовать такому совѣту,—я сейчасъ же зайду на почту къ Шпингалетову.

— Зачѣмъ?—спросилъ Петръ Петровичъ; но, встрѣтивъ снисходительный взглядъ черныхъ глазъ Бубликова, устыдился своей наивности и пробормоталъ,—да, да, попросите, гм... Шпингалетова.

— Хотя я сомнѣваюсь, чтобы они послали бумаги въ городъ, но все-таки надо принять мѣры,—сказалъ Бубликовъ.

Затѣмъ Эмилій Маріусовичъ вывелъ своего начальника со скользкой почвы льда на берегъ, что не обошлось безъ затрудненій, ибо Петръ Петровичъ слишкомъ цѣпко хватался за руки своего подчиненнаго.

На улицѣ сослуживцы разстались. Петръ Петровичъ пошелъ въ бильярдную, а Эмилій Маріусовичъ отправился на почту.

Весь вечеръ прошелъ въ неизвѣстности; но на слѣдующій день событія быстро двинулись впередъ, потому что утромъ, объемистый пакетъ съ документами, дѣйствительно, былъ доставленъ на почту; а къ полудню въ гостиной Плавутина появился вдругъ Эмилій Маріусовичъ.

Бубликовъ дышалъ весь лаской и дружелюбіемъ. Его лицо привѣтливо улыбалось, вся фигура была исполнена скромности.

— Я пришелъ уладить наше дѣльце,—сказалъ онъ полушутливо,—чего намъ ссориться? Не родные, вѣдь, дѣлить намъ нечего...

— Вы говорите, вѣроятно, про бумаги Ольги Борисовны?—спросилъ Плавутинъ,—всѣ документы ея уже отосланы губернатору.

— Но ихъ можно еще взять съ почты.

— Я этого не желаю.

Тутъ наступило небольшое молчаніе.

— Зачѣмъ вы посылаете ихъ въ городъ?—мягко спросилъ Эмилій Маріусовичъ,—вѣдь ихъ, все равно, отошлютъ къ намъ въ канцелярію.

— Такъ хочетъ Ольга Борисовна.

Тутъ опять наступило молчаніе.

— И зачѣмъ мы ссоримся?—грустно проговорилъ Бубликовъ,—жили себѣ мирно, спокойно, и вдругъ... Петръ Петровичъ думаетъ...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что думаетъ Петръ Петровичъ,—сказалъ Плавутинъ, вставая.

Тогда всталъ также Эмилій Маріусовичъ, и, поклонившись издали хозяину, удалился.

— Не знаю, хорошо ли мы дѣлаемъ, что ихъ такъ дразнимъ,—задумчиво сказалъ Георгій Александровичъ,—они должны быть теперь ужасно взбѣшены.

— Тѣмъ лучше, вѣдь они хотѣли бѣсить насъ!—возразила Ольга Борисовна.

— Ты говоришь, какъ ребенокъ... Мы здѣсь одни; а ты и представить себѣ не можешь, на что способны грубые, некультурные люди, когда ихъ раздразнятъ.

— О, эти опереточные злодѣи только смѣшны, а вовсе не страшны,—отвѣчала Ольга Борисовна.

Ю. Безродная.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Основныя причины кризисовъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ *).

Борьба за рынокъ представляетъ собой характернѣйшую черту хозяйственной жизни нашей эпохи. Хорошій рынокъ—вотъ почти все, что нужно современному производителю въ странѣ развитого капитализма, какъ Англія. Какъ только, по тѣмъ или инымъ причинамъ, появляется усиленный рыночный спросъ на продукты извѣстнаго рода—они начинаютъ производиться не только въ требуемомъ, но даже въ избыточномъ количествѣ. Недостатка въ капиталѣ или въ рабочихъ рукахъ почти никогда не бываетъ. Выгодное предпріятіе (кромѣ рѣдкихъ моментовъ паники на денежномъ рынкѣ) не можетъ страдать отъ недостатка капитала — кредитныя учрежденія всегда къ его услугамъ. Недостатокъ въ рабочихъ рукахъ также не угрожаетъ капиталисту. Даже въ годы усиленнаго промышленнаго подъема армія безработныхъ хотя и сокращается, но не исчезаетъ. Статистика безработныхъ показываетъ, что даже лучшіе, искусные рабочіе, принадлежащіе къ рабочимъ союзамъ—настоящая рабочая аристократія—всегда переполняютъ рынокъ. Въ годы промышленнаго застоя процентъ безработныхъ въ рабочихъ союзахъ повышается до огромныхъ размѣровъ, въ годы подъема опускается очень низко, но никогда не нисходитъ до нуля.

Почему же промышленность даже въ наилучшіе годы не пользуется всѣми производительными силами, которыми она располагаетъ? Почему и капиталъ, и рабочія руки остаются праздными?

Спросите объ этомъ любого предпринимателя и онъ вамъ отвѣтитъ—потому, что при современныхъ условіяхъ хозяйства трудность заключается не въ томъ, чтобы произвести товаръ, а въ томъ, чтобы его сбыть, найти для него рынокъ. Эта вторая задача, по своей важности, совершенно оттѣснила на задній планъ первую. Посмотрите, какъ сложна организація сбыта въ наше время, какія усилія долженъ дѣлать каждый предприниматель, чтобы втолкнуть свой товаръ въ густую толпу всевозможныхъ товаровъ, переполняющихъ рынокъ. Предложеніе, какъ общее правило, всегда идетъ впереди спроса, обгоняетъ его и товаро-

---

*) Эта статья представляетъ собой первую главу печатающагося въ настоящее время второго изданія моей книги «Промышленные кризисы въ современной Англіи».

производитель готовъ пойти на что угодно, лишь бы стимулировать спросъ. Всѣ мы знаемъ, какую роль въ наше время играетъ реклама. Къ какимъ только хитростямъ и уловкамъ ни прибѣгаетъ торговецъ, чтобы захватить покупателя! Только что не пускается въ ходъ физическая сила. Реклама лѣзетъ вамъ въ глаза, отъ нея нельзя отмахнуться, какъ отъ назойливой мухи. Она всюду передъ вами, глядитъ на васъ саженными буквами съ высоты домовъ, сверкаетъ по вечерамъ переливающимися огнями на людныхъ улицахъ, покрываетъ всякую свободную стѣну, всякій общественный экипажъ самыми причудливыми, фантастичными рисунками, врывается, наконецъ, къ вамъ въ домъ. Хотите вы этого или нѣтъ, но вы должны обратить вниманіе на товаръ предпріимчиваго торговца. Организація сбыта далеко не ограничивается, однако, публикаціей и рекламой, извѣстными всѣмъ по личному опыту. Современный предприниматель создалъ сложную и тонкую сѣть торговаго посредничества, экономическое значеніе которой трудно преувеличить. Эта сѣть, какъ паутина, охватила своими петлями весь міръ. Всякая крупная фирма располагаетъ многочисленными агентами, осѣдлыми и странствующими, исключительно занятыми пріисканіемъ покупателей или заказчиковъ для товаровъ фирмы. Характерное для новѣйшаго времени вытѣсненіе этими агентами оптоваго торговца, распространеніе непосредственныхъ сношеній производителя съ розничнымъ торговцемъ или прямо съ потребителемъ не только не уменьшило, но даже увеличило торговую армію. Статистика констатируетъ повсюду огромный ростъ этой арміи, далеко обгоняющій, по своему темпу, ростъ населенія, занятаго производствомъ.

Если мы прибавимъ къ сѣти частнохозяйственныхъ посредниковъ разнообразныя общественныя предпріятія и учрежденія, спеціально существующія для пріисканія рынковъ для товаровъ—консульскія агентства за границей, мѣстныя, національныя и международныя выставки, торговые музеи, всевозможныя общества развитія торговли, экспорта и т. д. и т. д., то намъ будетъ ясно, какую огромную, подавляющую роль въ современномъ хозяйствѣ играетъ организація товарнаго сбыта—иначе говоря, рынокъ.

Рынокъ—это узелъ, гдѣ сплетаются нити современной хозяйственной жизни. Рынокъ управляетъ производствомъ, а не производство управляетъ рынкомъ—таково непосредственное впечатлѣніе, производимое строемъ нашего хозяйства. Впечатлѣніе это еще усиливается историческимъ опытомъ любой капиталистической страны. Возьмемъ Англію. Въ теченіе всего этого вѣка Англія періодически переходитъ отъ подъема къ застою промышленности. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ торговля растетъ и производство расширяется, затѣмъ слѣдуетъ кризисъ—торговля и производство падаютъ. Проходятъ 3 — 4 года застоя — и снова наступаетъ подъемъ. Почему же застой слѣдуетъ за подъемомъ? Почему въ годы депрессіи производство не только не растетъ, но даже

сокращается? Быть можетъ, потому, что въ странѣ уменьшаются производительныя силы, что странѣ не хватаетъ капитала для доставленія занятій рабочимъ, или не хватаетъ рабочихъ, чтобы привести въ движеніе мертвый капиталъ? Какъ разъ наоборотъ—именно во время промышленнаго застоя въ банкахъ скопляются огромные капиталы, ищущіе помѣщенія и не могущіе его найти; именно въ это время обнаруживаются съ полной наглядностью колоссальныя производительныя силы, которыми располагаетъ современная промышленность, но которыя остаются безъ движенія, мертвыми и оцѣпенѣлыми, какъ будто общественный организмъ разбитъ параличемъ. Съ другой стороны, огромная армія безработныхъ ясно говоритъ, что о недостаткѣ рабочихъ рукъ не можетъ быть и рѣчи. Причины застоя всецѣло коренятся въ области рынка. Промышленность въ застоѣ потому, что сбытъ товаровъ сталъ затруднительнымъ—точнѣе говоря, потому, что цѣна, по которой сбывается товаръ, признается предпринимателями слишкомъ низкой. Достаточно улучшенія рынка—повышенія на нѣсколько процентовъ цѣны товара—чтобы картина, точно волшебствомъ, измѣнилась—чтобы машины пришли въ движеніе, рабочіе нашли занятіе и весь промышленный улей наполнился гуломъ суетливой работы.

На чемъ же основана огромная власть рынка въ современномъ хозяйствѣ? Это мы и должны разъяснить.

На рынкѣ встрѣчаются спросъ и предложеніе товаровъ. Размѣры предложенія опредѣляются количествомъ товара, въ его вещественной формѣ, поступающимъ въ обмѣнъ. Предложеніе не имѣетъ въ себѣ ничего загадочнаго и непонятнаго. Напротивъ, спросъ на товаръ не обладаетъ такой матеріальной, осязательной формой. Спросъ заключаетъ въ себѣ психическій элементъ—желанія, потребности, коренящіяся въ самомъ человѣкѣ. Спросъ кажется чѣмъ-то неуловимымъ и неопредѣлимымъ, подчиненнымъ совершенно инымъ законамъ, чѣмъ предложеніе. Въ выясненіи механизма спроса и заключается вся трудность анализа рынка.

Но своеобразную загадочность спросъ пріобрѣтаетъ только на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія мѣнового хозяйства. При непосредственномъ, такъ называемомъ, натуральномъ обмѣнѣ продуктовъ дѣло представляется совершенно простымъ. Что требуется въ этомъ случаѣ для пріобрѣтенія продукта другого лица? Очевидно, предложеніе собственнаго продукта. Иными словами, спросъ каждаго лица прямо и непосредственно регулируется его предложеніемъ. Элементъ субъективный—вкусы, желанія, потребности — опредѣляетъ *содержаніе*, направленіе спроса. Но *объемъ*, величина послѣдняго устанавливается факторомъ объективнымъ—предложеніемъ.

Цѣной продукта (эквивалентомъ), въ общемъ смыслѣ слова, называется количество какого-либо другого продукта, которое нужно отдать для пріобрѣтенія перваго продукта. Такъ, если хлѣбъ обмѣнивается

на сукно, то цѣной сукна будетъ количество хлѣба, даваемое въ обмѣнъ на сукно, а соотвѣтствующее количество сукна будетъ, въ свою очередь, цѣной хлѣба. Такъ какъ цѣна опредѣляется мѣновымъ отношеніемъ цѣнности одного продукта къ цѣнности другого—то, очевидно, цѣна не можетъ возрасти (или упасть) сразу по отношенію къ обоимъ обмѣниваемымъ продуктамъ. Совершенно немыслимо, чтобы и хлѣбъ и сукно одновременно повысились (или понизились) въ своей относительной цѣнѣ.

Отсюда слѣдуетъ, что при непосредственной мѣнѣ продуктовъ немыслимо общее паденіе (какъ и повышеніе) цѣнъ—иначе говоря, немыслимо такое состояніе рынка, при которомъ всѣ обмѣниваемые продукты были бы въ избыткѣ. Если количество сукна, предлагаемаго къ обмѣну, возрастаетъ, въ то время какъ количество хлѣба остается неизмѣннымъ, то цѣна сукна должна упасть—производитель сукна будетъ получать меньшее количество хлѣба за каждую штуку сукна. И если увеличеніе предложенія сукна вызвано не ростомъ производительности труда въ суконномъ производствѣ, а неправильными разсчетами производителей относительно спроса на сукно, то передъ нами будетъ такъ называемое перепроизводство сукна. Но такъ какъ паденіе цѣны сукна по отношенію къ хлѣбу равносильно повышенію цѣны хлѣба по отношенію къ сукну, то, значитъ, избыточное производство сукна есть вмѣстѣ съ тѣмъ недостаточное производство хлѣба. Если бы предложеніе хлѣба возрасло въ той же пропорціи, какъ и предложеніе сукна, то цѣна сукна осталась бы неизмѣнной, ибо отношеніе двухъ величинъ отъ умноженія его на одну и ту же величину измѣниться не можетъ. Паденіе цѣны сукна вызвано непропорціональнымъ распредѣленіемъ народнаго производства: если бы часть производительныхъ силъ была отвлечена отъ производства сукна къ производству хлѣба, то цѣна обоихъ продуктовъ осталась бы прежней и ни одинъ продуктъ не оказался бы произведеннымъ въ избыткѣ.

Но развѣ сбытъ возросшаго количества обоихъ продуктовъ не можетъ натолкнуться на нежеланіе обоихъ производителей расширить свое потребленіе? Допустимъ, что производитель сукна не нуждается въ добавочномъ хлѣбѣ, а производитель хлѣба—въ добавочномъ сукнѣ? Развѣ не будутъ въ этомъ случаѣ оба изготовленные продукта—какъ хлѣбъ, такъ и сукно—въ избыткѣ?

Нѣтъ, этого быть не можетъ—и по слѣдующей причинѣ. Мы исходимъ изъ предположенія, что въ обмѣнѣ участвуютъ только два продукта—хлѣбъ и сукно. Если производитель хлѣба (сукна) не нуждается въ добавочномъ количествѣ сукна (хлѣба), то для чего онъ будетъ увеличивать предложеніе хлѣба (сукна)? Для чего онъ будетъ брать на себя трудъ изготовленія продуктовъ, ненужныхъ для него, если онъ не желаетъ въ обмѣнъ на эти продукты получить какіе-либо иные, нужные для него продукты? Хозяйственный трудъ предпола-

гаетъ опредѣленную цѣль—увеличеніе матеріальныхъ средствъ въ распоряженіи человѣка. Производитель, не нуждающійся ни въ какомъ продуктѣ и тѣмъ не менѣе расширяющій производство—заслуживалъ бы быть посаженнымъ въ домъ умалишенныхъ.

Если производители хлѣба и сукна не имѣютъ никакой потребности въ добавочныхъ продуктахъ другъ друга, то никто изъ нихъ и не расширитъ собственнаго производства, а, слѣдовательно, и никакого избытка продуктовъ не будетъ. Только потребность въ какомъ-либо опредѣленномъ продуктѣ (не забудемъ, что передъ нами—мѣновое хозяйство, не знающее денегъ), только эта потребность можетъ побудить человѣка взять на себя трудъ производства.

Это остается вѣрнымъ и въ томъ случаѣ, когда обмѣнъ усложняется участіемъ въ немъ нѣсколькихъ продуктовъ. Допустимъ, что въ обмѣнѣ участвуютъ не только сукно и хлѣбъ, но какіе-либо иные продукты, хотя бы вино, шкуры и оружіе. Сукно обмѣнивается на хлѣбъ, вино, шкуры, оружіе; хлѣбъ обмѣнивается на сукно, вино, оружіе, шкуры; вино—на хлѣбъ, оружіе, шкуры, сукно и т. д. Вполнѣ возможно, что увеличеніе производства хлѣба и сукна не сопровождается увеличеніемъ спроса именно на эти продукты. Въ такомъ случаѣ сукно и хлѣбъ будутъ въ избыткѣ, но зато нѣкоторые изъ остальныхъ продуктовъ—вино, шкуры или оружіе—окажутся произведенными въ недостаточномъ количествѣ, такъ какъ единственнымъ стимуломъ для производителей сукна и хлѣба расширить свое производство могла быть неудовлетворенная потребность въ какихъ-либо изъ этихъ продуктовъ. Избыточное производство хлѣба и сукна оказывается, такимъ образомъ, слѣдствіемъ непропорціональнаго распредѣленія народнаго производства. Если бы вмѣсто хлѣба и сукна было расширено производство оружія, вина или шкуръ, то предложеніе продуктовъ не превысило бы спроса.

Перепроизводство продуктовъ на разсматриваемой ступени развитія мѣнового хозяйства можетъ быть лишь частичнымъ. Общее же перепроизводство—иначе говоря, общее паденіе относительныхъ цѣнъ продуктовъ не только невозможно, но и немыслимо; какъ немыслимо, чтобы двѣ величины одновременно понизились (или повысились) по отношенію другъ къ другу.

Итакъ, при непосредственной мѣнѣ продуктовъ спросъ на каждый данный продуктъ непосредственно опредѣляется предложеніемъ другихъ продуктовъ—иначе говоря, распредѣленіемъ народнаго производства. Если можно говорить о рынкѣ въ мѣновомъ хозяйствѣ, не знающемъ денегъ, то рынокъ въ этомъ случаѣ не представляетъ собой ничего связнаго, цѣльнаго, одинаковаго для всѣхъ обмѣниваемыхъ продуктовъ. Никакое *общее* движеніе цѣнъ, въ смыслѣ повышенія или пониженія, на такомъ рынкѣ невозможно, а, слѣдовательно, невозможно и общее улучшеніе или ухудшеніе условій сбыта. Наобо-

ротъ, улучшеніе сбыта для одного изъ продуктовъ, вступающихъ въ обмѣнъ, равносильно ухудшенію условій сбыта для другого.

Если цѣна хлѣба (въ сукнѣ) поднялась, то цѣна сукна (въ хлѣбѣ) понизилась. Если состояніе рынка благопріятно для хлѣба, то оно неблагопріятно для сукна. Рынокъ какъ бы передѣленъ многочисленными перегородками—спросъ на каждый продуктъ подчиненъ особымъ индивидуальнымъ условіямъ—то, что называется общимъ настроеніемъ рынка, совершенно отсутствуетъ.

Перейдемъ теперь къ анализу рынка въ денежномъ хозяйствѣ. Разсмотримъ сначала простое товарное хозяйство. Товары изготовляются мелкими производителями ихъ собственными силами; орудія труда играютъ совершенно ничтожную роль въ процессѣ производства и на товарномъ рынкѣ. Главная масса товаровъ, поступающихъ въ обмѣнъ,—предметы потребленія.

При натуральномъ обмѣнѣ продукты непосредственно обмѣнивались на продукты; въ денежномъ обмѣнѣ мѣновой актъ распадается на двѣ части—товаръ—деньги и деньги—товаръ, продажу и покупку. Деньги, играющія роль посредника при обмѣнѣ, никоимъ образомъ не могутъ быть отождествляемы съ прочими товарами. Если это и товаръ, то товаръ совершенно особый, исполняющій крайне своеобразную функцію въ процессѣ товарнаго обращенія. Для насъ важно отмѣтить одно отличіе товара-денегъ отъ всѣхъ прочихъ товаровъ: а именно, деньги, въ качествѣ всеобщаго покупательнаго и платежнаго средства, являются предметомъ всеобщаго и неограниченнаго спроса, между тѣмъ какъ спросъ на всѣ другіе товары неизбѣжно ограниченъ. Это обстоятельство проводитъ глубокое различіе между двумя половинами мѣнового акта: актъ продажи пріобрѣтаетъ несравненно большее значеніе въ процессѣ товарнаго обмѣна, чѣмъ актъ покупки. При продажѣ товара продавецъ получаетъ предметъ неограниченнаго и несомнѣннаго спроса въ обмѣнъ на предметъ, спросъ на который сомнителенъ и ограниченъ. Покупка, при нормальныхъ условіяхъ рынка, совершается безъ всякихъ затрудненій; напротивъ, продажа товара представляется всегда самымъ опаснымъ и труднымъ моментомъ въ процессѣ превращенія одного товара въ другой.

Хотя первый актъ товарнаго обращенія—продажа—предполагаетъ и второй—покупку,—но время и мѣсто совершенія этого второго акта, какъ вѣрно замѣчаетъ Марксъ, отнюдь не предрѣшаются первымъ. Продажа товара можетъ быть совершена на одномъ рынкѣ, а покупка на другомъ; покупка можетъ отнюдь не немедленно слѣдовать за продажей, можетъ быть отложена на неопредѣленное время. Возможно даже, что покупка совсѣмъ не послѣдуетъ за продажей — продавецъ можетъ прервать процессъ товарнаго обращенія, задержавъ деньги въ своихъ рукахъ, какъ сокровище. Извѣстно, что такимъ путемъ въ странахъ дальняго Востока—особенно въ Индіи—огромныя количества серебряныхъ денегъ постоянно выходятъ изъ обращенія.

Отсюда ясно, что превращеніе простого мѣнового акта — обмѣна продукта на продуктъ—въ сложный двусторонній актъ продажи и покупки отнюдь не является только формальнымъ измѣненіемъ, не затрагивающимъ существа мѣнового процесса. Нѣтъ, введеніе денегъ, какъ посредника при обмѣнѣ, революціонизируетъ этотъ процессъ.

И это настолько вѣрно, что, даже совершенно отвлекаясь отъ возможности задержки процесса товарнаго обмѣна, благодаря тому, что покупки не слѣдуютъ за продажами,—даже отвлекаясь отъ этого, слѣдуетъ признать, что весь механизмъ спроса существенно видоизмѣняется благодаря введенію денегъ.

Мы видѣли, что при непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ общее пониженіе (или повышеніе) товарныхъ цѣнъ немыслимо. При денежномъ обмѣнѣ цѣна каждаго товара выражается въ деньгахъ. Нѣтъ ничего немыслимаго въ общемъ пониженіи (или повышеніи) денежныхъ цѣнъ товаровъ.

Всякое измѣненіе цѣнности товара-денегъ должно отражаться на цѣнахъ остальныхъ товаровъ. Повышеніе (пониженіе) цѣнности денегъ выражается въ общемъ пониженіи (повышеніи) товарныхъ цѣнъ. Мы не будемъ, однако, останавливаться на измѣненіяхъ цѣнъ товаровъ, вызываемыхъ колебаніями цѣнности денежнаго матеріала. Для насъ гораздо важнѣе выяснить вліяніе на товарныя цѣны состоянія самаго товарнаго рынка.

Возьмемъ прежній примѣръ—обмѣнъ хлѣба на сукно. При натуральномъ обмѣнѣ паденіе цѣны хлѣба равносильно повышенію цѣны сукна. Какова будетъ зависимость между цѣной хлѣба и сукна въ случаѣ денежнаго обмѣна?

При непосредственномъ обмѣнѣ продуктовъ спросъ на сукно опредѣлялся предложеніемъ хлѣба. Если мы оставимъ въ сторонѣ задержки товарнаго обмѣна, зависящія отъ превращенія денегъ въ сокровище, то и въ случаѣ денежнаго обмѣна спросъ на товары каждаго товаропроизводителя будетъ регулироваться его предложеніемъ. Въ этомъ отношеніи денежный обмѣнъ ничѣмъ не отличается отъ натуральнаго. И дѣйствительно, какимъ образомъ получаетъ товаропроизводитель деньги для покупки нужныхъ ему товаровъ? Очевидно, путемъ продажи своихъ товаровъ. Покупки товаропроизводителя регулируются, слѣдовательно, его продажами—иначе говоря, его спросъ регулируется его предложеніемъ.

Итакъ, въ случаѣ денежнаго обмѣна (какъ и натуральнаго) спросъ на сукно со стороны производителя хлѣба опредѣляется предложеніемъ хлѣба. Если предложеніе хлѣба возрасло и превысило обычный спросъ суконнаго производителя, то это вызоветъ паденіе денежной цѣны хлѣба. Такъ какъ хлѣбъ предметъ первой необходимости — а цѣны предметовъ необходимости, по извѣстному закону, имѣютъ тенденцію колебаться энергичнѣе предложенія—то паденіе цѣны хлѣба будетъ

значительнѣе роста его предложенія—и общая денежная сумма, вырученная производителемъ хлѣба, должна будетъ понизится. Получивши меньше денегъ, производитель хлѣба меньше дастъ и за сукно. Пониженіе цѣны хлѣба повлечетъ за собой, слѣдовательно, паденіе цѣны и сукна.

И хлѣбъ, и сукно понизятся въ своей денежной цѣнѣ—благодаря тому, что предложеніе одного изъ этихъ товаровъ—хлѣба—превысило спросъ. Цѣны обоихъ товаровъ измѣнятся не въ противоположномъ направленіи, какъ при натуральной мѣнѣ, а въ одномъ и томъ же направленіи.

Разсмотримъ поближе этотъ случай. Въ условіяхъ предложенія сукна не произошло никакой перемѣны; сукно не было изготовлено въ избыткѣ—и тѣмъ не менѣе цѣна его упала—также какъ и цѣна избыточнаго товара—хлѣба. Оба товара понизились въ цѣнѣ—производители какъ хлѣба, такъ и сукна понесли убытки—ихъ денежная выручка сократилась.

Цѣна является основнымъ регуляторомъ товарнаго производства. Всякій товаропроизводитель имѣетъ въ цѣнѣ своего рода барометръ, указывающій настроеніе рынка. Повышеніе цѣны является стимуломъ для расширенія производства, паденіе цѣны—для сокращенія производства. Въ разсматриваемомъ случаѣ этотъ барометръ рынка—цѣна—даетъ неблагопріятныя показанія относительно обоихъ товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ—какъ хлѣба, такъ и сукна.

Если мы предположимъ, что хлѣбъ обмѣнивается не только на сукно, но и на другіе товары, то цѣны всѣхъ этихъ товаровъ упадутъ, благодаря пониженію цѣны хлѣба. Пониженіе товарныхъ цѣнъ будетъ всеобщимъ.

Такимъ образомъ, введеніе денегъ, какъ посредника при обмѣнѣ, радикально преобразуетъ рынокъ. Рынокъ пріобрѣтаетъ доминирующее положеніе по отношенію къ производству. Неблагопріятное состояніе рынка оказываетъ угнетающее дѣйствіе на цѣны даже тѣхъ товаровъ, которые отнюдь не произведены въ избыткѣ. Цѣна каждаго отдѣльнаго товара приходитъ въ тѣсную зависимость отъ цѣнъ всѣхъ остальныхъ товаровъ.

Такъ какъ показателемъ соотношенія спроса и предложенія каждаго товара на рынкѣ служитъ цѣна, то общее паденіе товарныхъ цѣнъ является въ глазахъ товаропроизводителей признакомъ общаго превышенія предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ, общимъ товарнымъ перепроизводствомъ. И дѣйствительно, всеобщій характеръ этого перепроизводства подтверждается тѣмъ, что за нимъ обыкновенно слѣдуетъ общее сокращеніе производства—каждый производитель пытается поднять цѣну своего товара обычнымъ средствомъ—уменьшеніемъ предложенія.

Итакъ, мы встрѣчаемъ въ денежномъ обмѣнѣ товаровъ совершенно

новый феноменъ—общее товарное перепроизводство, немыслимое при натуральномъ обмѣнѣ. Избыточное производство одного товара превращается на товарноденежномъ рынкѣ въ перепроизводство всѣхъ товаровъ—и рынокъ борется съ этимъ общимъ перепроизводствомъ общимъ сокращеніемъ товарнаго предложенія.

Передъ нами самое парадоксальное и характерное явленіе современнаго хозяйственнаго строя—избытокъ, превращающійся въ недостатокъ, страданія бѣдности, вызываемыя чрезмѣрнымъ богатствомъ, сокращеніе производства вслѣдствіе обилія производительныхъ силъ.

Возможность общаго товарнаго перепроизводства, т. е. такого состоянія рынка, при которомъ денежный спросъ на всѣ товары ниже предложенія, выраженіемъ чего является общее паденіе товарныхъ цѣнъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ не существуетъ капиталистической страны, которая не испытала бы этого состоянія на своемъ собственномъ опытѣ. Вся трудность заключается въ *объясненіи* этого явленія, указаніи его реальныхъ причинъ.

Сослаться на превышеніе предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ, какъ на причину общаго товарнаго перепроизводства, значитъ удовольствоваться констатированіемъ явленіи вмѣсто его объясненія. Паденіе товарныхъ цѣнъ есть несомнѣнный признакъ нарушенія равновѣсія спроса и предложенія. Но какимъ образомъ общій спросъ можетъ упасть ниже общаго предложенія? Это-то и нужно объяснить.

Я сказалъ выше, что въ денежномъ хозяйствѣ, какъ и при непосредственной мѣнѣ продуктовъ, спросъ на продукты, какъ общее правило, регулируется предложеніемъ. Общая сумма спроса, слѣдовательно, должна соотвѣтствовать общей суммѣ предложенія. Если, благодаря непропорціональному распредѣленію народнаго производства, нѣкоторые продукты произведены въ избыточномъ количествѣ сравнительно со спросомъ, значитъ другіе продукты произведены въ недостаточномъ количествѣ. Если однихъ продуктовъ слишкомъ много, значитъ другихъ слишкомъ мало.

Между тѣмъ, въ разсматриваемомъ случаѣ всѣ товары оказываются произведенными въ избыткѣ—цѣны всѣхъ ихъ падаютъ. Не значитъ ли это, что тезисъ относительно зависимости спроса на товары отъ ихъ предложенія—требуетъ ограниченія?

Отнюдь нѣтъ. Мы видѣли, какимъ образомъ возникаетъ общее товарное перепроизводство при денежномъ обмѣнѣ товаровъ. *Въ основаніи общаго перепроизводства лежитъ частичное перепроизводство.* Тѣ или иные товары, вслѣдствіе неправильныхъ рыночныхъ разсчетовъ производителей, изготовляются въ количествѣ, превышающемъ обычный спросъ. Цѣна ихъ падаетъ. Уменьшеніе денежной выручки сокращаетъ покупательную силу владѣльцевъ этихъ товаровъ. Слѣдуетъ паденіе цѣны всѣхъ тѣхъ товаровъ, на пріобрѣтеніе которыхъ расходуется

эта покупательная сила—и такимъ образомъ всѣ товары оказываются въ избыткѣ, благодаря избыточному производству нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Если бы вмѣсто изготовленія товаровъ, не требуемыхъ рынкомъ, производители направили свои силы на снабженіе рынка какими-либо иными товарами, спросъ на которые не удовлетворенъ, то не послѣдовало бы частичнаго перепроизводства товаровъ и, значитъ, не послѣдовало бы и общаго перепроизводства. Только въ одномъ случаѣ общая сумма предложенія товаровъ можетъ превысить спросъ, какъ бы ни было распредѣлено народное производство, а именно, если нѣкоторые товаропроизводители, вмѣсто превращенія денегъ въ товаръ, будутъ задерживать ихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ въ своихъ рукахъ и сохранять временно или постоянно въ видѣ сокровища. Но если деньги не выходятъ изъ обращенія, то перепроизводство товаровъ можетъ вызываться лишь непропорціональнымъ распредѣленіемъ народнаго производства. Каждый товаропроизводитель, не прячущій денегъ, расходующій свою денежную выручку, покупаетъ на такую же сумму другихъ товаровъ, насколько самъ продалъ. Поэтому, если нѣкоторые товары произведены въ избыткѣ—значитъ какихъ-либо другихъ товаровъ произведено слишкомъ мало. Денежный обмѣнъ продуктовъ совершается на томъ же естественномъ базисѣ, какъ и натуральный—на базисѣ производства продуктовъ. Если производство распредѣлено пропорціонально, то спросъ и предложеніе продуктовъ должны покрывать другъ друга. Относительно натуральнаго обмѣна это вѣрно безусловно, относительно денежнаго—лишь при нѣкоторомъ ограниченіи: поскольку покупка слѣдуетъ за продажей, поскольку товарный обмѣнъ не прерывается превращеніемъ денегъ въ сокровище.

Итакъ, основанія денежнаго обмѣна таковы же, какъ и натуральнаго. Покупка и продажа, превращеніе товара въ деньги и денегъ въ товаръ—есть лишь новая форма обмѣна продуктовъ на продукты. Но преобразованіе формы обмѣна существенно измѣняетъ и его содержаніе. Рынокъ пріобрѣтаетъ единство и цѣльность, дѣлается не только регуляторомъ, но и господиномъ промышленности.

Становятся возможными явленія, немыслимыя при натуральномъ обмѣнѣ: общее перепроизводство продуктовъ, бѣдность, вызываемая богатствомъ.

Однако, простое товарное производство, заключая въ себѣ *возможность* общаго товарнаго перепроизводства, отнюдь не дѣлаетъ это перепроизводство *необходимымъ*. Напротивъ, общія условія хозяйства мелкихъ товаропроизводителей таковы, что возможность эта осуществляется крайне рѣдко. Какъ сказано выше, главная масса товаровъ, вступающихъ въ обмѣнъ при господствѣ мелкаго товарнаго производства,—предметы потребленія. Потребленіе является непосредственной цѣлью производства. Хотя самый фактъ обмѣна предполагаетъ, что товаръ выдѣлывается не для собственнаго потребленія производителя, а для по-

требленія какого либо другого лица, тѣмъ не менѣе всѣ товары изготовляются все же для потребленія.

Между производствомъ и потребленіемъ сохраняется тѣсная связь—хотя и болѣе сложная, чѣмъ въ замкнутомъ хозяйствѣ, не знающемъ обмѣна. Потребительныя нужды населенія ограниченнаго района опредѣляютъ собой направленіе производства. Эти нужды отличаются значительнымъ постоянствомъ, спросъ на продукты возрастаетъ весьма медленно, по мѣрѣ роста населенія. Такъ какъ орудія труда играютъ ничтожную роль въ производствѣ и машины почти неизвѣстны, то и производительныя силы населенія, заключающіяся главнымъ образомъ въ накопленной ловкости и искусствѣ самого рабочаго, также неспособны къ быстрому росту. При этихъ условіяхъ — постоянствѣ спроса и предложенія товаровъ — требуются совершенно исключительныя обстоятельства, чтобы товарный рынокъ пришелъ въ состояніе общаго перепроизводства. Только тѣ продукты энергично колеблются въ своей цѣнѣ и при господствѣ мелкаго производства, добываніе которыхъ находится въ тѣсной зависимости отъ атмосферическихъ вліяній, надъ которыми производитель не властенъ—какъ всѣ продукты земледѣлія. Предложеніе этихъ продуктовъ испытываетъ огромныя колебанія, но вліяніе этихъ колебаній на товарный рынокъ чрезвычайно ослабляется тѣмъ, что эти продукты лишь въ ничтожной мѣрѣ поступаютъ на рынокъ, предназначаясь главнымъ образомъ для потребленія въ собственномъ хозяйствѣ производителей. Продукты земледѣлія играютъ вполнѣ подчиненную роль на товарномъ рынкѣ средневѣкового города, представляющаго собой наиболѣе совершенный типъ организаціи мелкаго производства для сбыта, и потому колебанія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ не вызываютъ общихъ колебаній цѣнъ другихъ товаровъ.

Итакъ, если при непосредственной мѣнѣ продуктовъ общее перепроизводство продуктовъ немыслимо, то при господствѣ мелкаго товарнаго хозяйства общее перепроизводство хотя мыслимо и возможно, но менѣе всего необходимо. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію современной формы товарнаго хозяйства—капиталистическаго хозяйства.

Основное отличіе капиталистическаго отъ простого товарнаго хозяйства коренится не въ области обмѣна, а въ области производства. Мелкій товаропроизводитель работаетъ своими личными силами; его цѣль—пріобрѣтеніе предметовъ потребленія путемъ обмѣна продуктовъ своего труда на продукты другихъ производителей. Капиталистъ работаетъ наемными рабочими; его цѣль—полученіе прибыли. Часть этой прибыли идетъ на личное потребленіе капиталиста, другая часть накопляется и превращается опять въ капиталъ. Потребленіе рабочихъ, занятыхъ въ капиталистическомъ производствѣ, имѣетъ совершенно другое значеніе въ хозяйственномъ оборотѣ страны, чѣмъ потребленіе мелкихъ товаропроизводителей. Различіе это заключается въ

слѣдующемъ. Изготовленіе предметовъ потребленія въ простомъ товарномъ хозяйствѣ есть непосредственная цѣль производства. Усовершенствованіе техники и орудій труда, увеличеніе ловкости и искусства рабочаго, ростъ производительныхъ силъ—все это ведетъ въ простомъ товарномъ хозяйствѣ къ увеличенію запаса предметовъ потребленія въ рукахъ населенія. Орудіе труда самостоятельнаго производителя никоимъ образомъ не можетъ явиться его собственнымъ конкурентомъ. Производитель пользуется этими орудіями постольку, поскольку они служатъ для увеличенія его комфорта и благополучія, поскольку, благодаря имъ, онъ можетъ расширить или качественно улучшить свое потребленіе. Никакого конфликта между расширеніемъ производства и ростомъ народнаго потребленія въ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей быть не можетъ. Человѣкъ остается господиномъ производства, а орудіе труда—покорнымъ слугою человѣка.

Въ капиталистическомъ производствѣ отношеніе между человѣкомъ и орудіемъ труда радикально мѣняется. Руководителемъ капиталистическаго предпріятія является не непосредственный производитель, работающій орудіями труда, а лицо, не принимающее ближайшаго участія въ производствѣ—капиталистъ. Съ точки зрѣнія капиталиста рабочій такое же орудіе производства, какъ инструментъ въ рукахъ этого рабочаго или какъ машина, одушевленнымъ придаткомъ которой является рабочій. И рабочій, и машина—въ равной мѣрѣ капиталъ. Поддержаніе жизни рабочаго является однимъ изъ необходимыхъ условій процесса производства—точно такъ же, какъ подбрасываніе угля въ печь необходимо для того, чтобы машина не остановилась. Но подобно тому, какъ созданіе топлива для машинъ не есть цѣль капиталистическаго производства, точно также не есть цѣль капиталистическаго производства и изготовленіе предметовъ потребленія рабочаго класса.

Одна изъ великихъ заслугъ Маркса заключается въ указаніи на «фетишизмъ» товарнаго хозяйства. Глубочайшее отличіе товарнаго хозяйства отъ всякаго иного заключается въ этомъ фетишизмѣ. Товарное хозяйство, основываясь на общественномъ раздѣленіи труда, не разрываетъ связи между отдѣльными производителями: и въ товарномъ хозяйствѣ, какъ и въ первобытной общинѣ, одинъ работаетъ на другого. Но связью между отдѣльными производителями въ товарномъ хозяйствѣ является товаръ—вещь; отношенія вещей заслоняютъ отношенія людей. Благодаря этому, вещи какъ бы одухотворяются, начинаютъ жить своей особой жизнью. Товаръ подымается, падаетъ въ цѣнѣ совершенно независимо отъ воли отдѣльнаго производителя. Мертвые продукты человѣка становятся его собственными повелителями. Олицетвореніемъ этого фетишизма, этихъ вещныхъ отношеній, превратившихся какъ бы въ самостоятельныя существа, властно управляющія людьми, является рынокъ. Власть рынка есть власть общественныхъ отношеній людей, принявшихъ форму вещныхъ отношеній—отношеній товаровъ.

Капиталистическое хозяйство идетъ еще дальше въ отождествленіи вещи и человѣка. Товарный обмѣнъ сдѣлалъ вещь какъ бы живымъ существомъ: капиталистическое производство превращаетъ человѣка въ вещь. Рабочая сила человѣка, иначе говоря, самъ человѣкъ, становится товаромъ, покупаемымъ и продаваемымъ на рынкѣ, какъ любой продуктъ человѣческаго труда. Рабочій является на фабрикѣ одушевленнымъ орудіемъ производства — instrumentum vocale. Экономическая эквивалентность человѣка и машины въ капиталистическомъ производствѣ съ полной наглядностью обнаруживается въ томъ, что машина замѣщаетъ рабочаго. Почти каждая крупная стачка для повышенія заработной платы или пониженія времени труда заканчивается расширеніемъ области примѣненія машины. Капитализмъ превращаетъ человѣка изъ цѣли для себя въ простое средство производства. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, капитализмъ сближается съ другими способами производства, основанными на присваиваніи прибавочнаго продукта общественными классами, не участвующими въ производительной дѣятельности—какъ рабское и крѣпостное производство.

Эту особенность капиталистическаго производства Марксъ мѣтко охарактеризовалъ, отнеся рабочую силу человѣка къ категоріи капитала. И въ самомъ дѣлѣ, наемный рабочій — не болѣе, какъ одинъ изъ видовъ капитала *). Цѣлью производства, а не средствомъ его, въ капиталистическомъ хозяйствѣ является только нѣкоторая доля общаго народнаго потребленія—потребленіе классовъ, присваивающихъ прибавочный продуктъ.

Такимъ образомъ, капиталистическое производство совершенно измѣняетъ характеръ связи между народнымъ потребленіемъ и производствомъ, столь тѣсной въ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей. Пшеница, которая нужна для рабочихъ, овесъ для лошадей, каменный уголь и масло машины,—все это съ точки зрѣнія руководителей капиталистическаго производства предметы одной категоріи, необходимые для производства. Если техническія условія дѣлаютъ машины болѣе выгодными орудіями производства, чѣмъ рабочіе, то рабочіе будутъ замѣнены машинами—и вмѣсто предметовъ человѣческаго потребленія будетъ производиться топливо для машины. Предметы потребленія рабочаго изготовляются въ капиталистическомъ хозяйствѣ лишь постольку, поскольку рабочій необходимъ въ качествѣ фактора производства.

Но развѣ для реализаціи прибыли капиталиста не требуется рынокъ—и развѣ сбытъ товаровъ не опирается въ концѣ концовъ на народное потребленіе? Возможна ли реализація продукта, если произ-

---

*) Правда, Марксъ проводитъ одно коренное различіе между перемѣннымъ и постояннымъ капиталомъ: только перемѣнный капиталъ создаетъ, по Марксу, прибыль капиталиста. Но, какъ я уже высказался въ другомъ мѣстѣ («Основная ошибка абстрактной теоріи капитализма Маркса», «Научное Обозрѣніе» 1899), я считаю взгляды Маркса по этому пункту безусловно ошибочными.

водство растетъ быстрѣе потребленія? Не опредѣляетъ ли поэтому потребленіе въ капиталистическомъ хозяйствѣ, какъ и во всякомъ другомъ, границу возможнаго производства?

Безусловно нѣтъ. Но, чтобы понять, какимъ образомъ создается рынокъ на продукты капиталистическаго производства, нужно разсмотрѣть процессъ воспроизведенія національнаго капитала въ его цѣломъ.

Капиталистическое производство предполагаетъ превращеніе денежнаго капитала въ средства производства и затѣмъ обратное превращеніе товарнаго капитала въ деньги. Но при абстрактномъ анализѣ общественнаго воспроизведенія капитала мы можемъ игнорировать пертурбаціи круговорота капитала, вызываемыя трудностями превращенія товара въ деньги—можемъ разсматривать деньги, какъ простое орудіе обращенія. Поскольку деньги лишь посредничаютъ при обмѣнѣ, обмѣнъ совершается между продуктами въ ихъ натуральной формѣ. Общественное воспроизведеніе капитала состоитъ въ воспроизведеніи различныхъ элементовъ капитала и замѣщеніи путемъ обмѣна однихъ изъ нихъ другими. Въ результатѣ этого воспроизведенія и обмѣновъ получается реализація какъ прибыли капиталиста (точнѣе говоря, всѣхъ доходовъ, не основанныхъ на трудѣ—ренты, по терминологіи Родбертуса), такъ и составныхъ частей самого капитала.

Попробуемъ же схематически изобразить воспроизведеніе народохозяйственнаго капитала—какъ въ случаѣ воспроизведенія его въ однихъ и тѣхъ же, такъ и въ расширяющихся размѣрахъ (накопленіе капитала). Схема № 1 относится къ первому случаю.

СХЕМА № 1

(простое воспроизведеніе народохозяйственнаго капитала).

I Отдѣлъ.

производство средствъ производства

720с + 360р + 360п = 1440.

II Отдѣлъ.

производство предметовъ потребленія рабочихъ

360с + 180р + 180п = 720

III Отдѣлъ.

производство предметовъ потребленія капиталистовъ

360с + 180р + 180п = 720.

Эта схема (построенная по образцу схемъ Маркса во II-мъ томѣ «Капитала») иллюстрируетъ, какимъ образомъ распредѣляется капиталистическое производство всей страны въ томъ случаѣ, когда потребляется весь прибавочный продуктъ. Первый членъ каждаго трехчлена выражаетъ собою въ какихъ-либо единицахъ цѣнности (милліонахъ рублей,

марокъ, франковъ и т. д.) цѣнность средствъ производства, занятыхъ въ данномъ производствѣ; второй — цѣнность труда (рабочую плату); третій—цѣнность прибавочнаго продукта (которую мы, для простоты, отождествляемъ съ прибылью капиталистовъ). Отношеніе средствъ производства къ заработной платѣ и прибыли принято во всѣхъ трехчленахъ однимъ и тѣмъ же. Первый отдѣлъ выражаетъ собой производство средствъ производства, второй — производство предметовъ потребленія рабочихъ, а третій—производство предметовъ потребленія капиталистовъ (точнѣе, всѣхъ классовъ, потребляющихъ прибавочный продуктъ). Абсолютныя числа взяты совершенно произвольно — они не имѣютъ для насъ никакого значенія. Различіе основного и оборотнаго капитала, для простоты, игнорировано въ схемѣ. Въ то время, какъ въ дѣйствительности только часть средствъ производства уничтожается въ теченіе года и требуетъ замѣщенія, мы будемъ принимать, что средства производства за годъ уничтожаютя цѣликомъ и цѣликомъ замѣщаются—иными словами, что основной капиталъ обращается такъ же, какъ оборотный.

Третій отдѣлъ производства въ нашей схемѣ изготовляетъ предметы потребленія капиталистовъ. Какимъ образомъ могутъ быть реализированы на рынкѣ товары этого рода (цѣнностью въ 720)? Схема даетъ на это ясный отвѣтъ. Четверть этихъ товаровъ будетъ потреблена капиталистами этого же отдѣла (180); такая же часть требуется капиталистами второго отдѣла (прибыль которыхъ равна также 180); остальная часть будетъ пріобрѣтена капиталистами I-го отдѣла (ихъ прибыль — 360). Въ обмѣнъ на отчуждаемые продукты рабочіе III-го отдѣла получатъ на 180 предметовъ своего потребленія, а капиталисты на 360 средствъ производства. Такимъ образомъ совершится реализація всѣхъ товаровъ III-го отдѣла.

Товары II-го отдѣла (предметы потребленія рабочихъ цѣнностью также въ 720) будутъ реализованы слѣдующимъ образомъ: четверть этихъ товаровъ (180) будетъ потреблена въ предѣлахъ этого же отдѣла рабочими, занятыми въ немъ; другая четверть (180)—рабочими III-го отдѣла и половина (360)—рабочими I-го отдѣла. Въ обмѣнъ на это капиталисты II-го отдѣла получаютъ на 180 предметовъ своего потребленія и на 360—средствъ производства.

Изъ товаровъ I-го отдѣла (средства производства—ихъ цѣнность 1.440) половина (720) потребляется въ этомъ же отдѣлѣ; четверть (360) требуется производствомъ II-го отдѣла и четверть (360) производствомъ III-го отдѣла. Въ обмѣнъ на это капиталисты I-го отдѣла получаютъ на 360 предметовъ своего потребленія, а рабочіе на такую же сумму предметовъ удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ.

Спросъ на всѣ товары равенъ предложенію. Цѣнность средствъ производства—1.440—равна цѣнности средствъ производства, потребныхъ для возобновленія всего народнаго производства въ томъ же раз-

мѣрѣ (720+360+360). Цѣнность предметовъ потребленія рабочихъ—720—равна суммѣ заработной платы (360+180+180), а цѣнность предметовъ потребленія капиталистовъ—также 720—равна суммѣ прибыли (360+180+180). Товары каждаго отдѣла частью потребляются и обмѣниваются въ предѣлахъ этого же отдѣла, частью вступаютъ въ обмѣнъ съ товарами двухъ другихъ отдѣловъ.

Въ этой схемѣ нужно обратить вниманіе на то, что средства производства производятся и обращаются на рынкѣ рядомъ и одновременно съ предметами потребленія рабочихъ и капиталистовъ. Это кажется вполнѣ очевиднымъ само собой—однако, до Маркса, анализъ процесса общественнаго производства грѣшилъ именно тѣмъ, что упускалось изъ виду значеніе средствъ производства, какъ необходимой составной части національнаго продукта. Экономисты классической школы (особенно Д. С. Милль), говоря о накопленіи капитала, исходили изъ положенія, что весь національный продуктъ распадается только на двѣ части: 1) предметы потребленія капиталистовъ и 2) предметы потребленія рабочихъ, совершенно забывая о средствахъ производства.

Начало этому неправильному представленію было положено Ад. Смитомъ. Оно и было главнѣйшей причиной неясности въ спорахъ экономистовъ-классиковъ съ Мальтусомъ, Чомерсомъ и др. по вопросу о значеніи рынковъ для сбыта товаровъ. Необходимо помнить, что національный капиталъ затрачивается на изготовленіе не только предметовъ потребленія, но и средствъ производства. Намъ еще придется возвратиться къ этому пункту.

Разсмотрѣнный случай простого воспроизведенія капитала очень простъ и не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній: если капиталисты потребляютъ всю свою прибыль, то легко понять, что при пропорціональномъ распредѣленіи производства спросъ на всѣ товары долженъ быть равнымъ предложенію. Но что будетъ, если капиталисты перестанутъ потреблять часть своей прибыли, если они будутъ принуждены условіями конкуренціи ее капитализировать? Не превыситъ ли въ этомъ случаѣ предложеніе товаровъ спросъ?

Мы не можемъ принять, что долю прибыли, оставшуюся непотребленною, капиталисты сохраняютъ въ видѣ сокровища—денежной суммы, запертой въ шкатулкѣ. Мы исходимъ изъ предположенія, что капиталисты стремятся капитализировать не потребляемую ими самими долю прибыли и получить съ нея новый доходъ. Наша задача будетъ заключаться въ выясненіи того, какимъ образомъ это стремленіе можетъ быть осуществлено.

Нижеприводимая схема изображаетъ собой накопленіе капитала при предположеніи, что половина прибыли постоянно капитализируется. Разсмотримъ же эту схему.

СХЕМА № 2.

Воспроизведеніе національнаго капитала въ расширяющихся размѣрахъ (накопленіе капитала).

1-й годъ.

I отдѣлъ

производство средствъ производства
840 с + 420 р + 420 п = 1.680.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
420 с + 210 р + 210 п=840.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
180 с + 90 р + 90 п=360.

2-й годъ

I отдѣлъ

производство средствъ производства
980 с + 490 р + 490 п = 1.960.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
490 с + 245 р + 245 п=980.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
210 с + 105 р + 105 п=420.

3-й годъ

I отдѣлъ

производство средствъ производства
1.143$^1/_3$ с + 571$^2/_3$ р + 571$^2/_3$ п=2.286$^2/_3$.

II отдѣлъ

производство предметовъ потребленія рабочихъ
571$^2/_3$ с + 285$^5/_6$ р + 285$^5/_6$ п=1.143$^1/_3$.

III отдѣлъ

производство предметовъ потребленія капиталистовъ
245 с + 122$^1/_2$ р + 122 $^1/_2$ п=490.

Первая схема изображала собой воспроизведеніе капитала въ томъ случаѣ, когда капиталисты потребляютъ всю свою прибыль. Допу-

стимъ теперь, что условія конкуренціи принуждаютъ капиталистовъ затрачивать на свое личное потребленіе только половину своей прибыли, а остальную часть капитализировать. Если сберегаемая часть прибыли будетъ лежать праздно, она никакого барыша не принесетъ. Чтобы получить выгоду отъ своихъ «сбереженій», капиталистъ тоже долженъ ихъ затратить, но только не на свое личное потребленіе, а производительно—на расширеніе производства. Но если бы производство возрасло равномѣрно во всѣхъ отрасляхъ промышленности, то капиталисты не достигли бы своей цѣли—накопленія капитала и увеличенія своихъ барышей,—такъ какъ значительная часть произведенныхъ товаровъ была бы никому не нужна, а именно, большая часть предметовъ собственнаго потребленія капиталистовъ. Эти товары остались бы частью непроданными, такъ какъ спросъ на нихъ, согласно нашему предположенію, сократился. Въ то же время товаровъ, на которые явился бы усиленный спросъ (средства производства и предметы потребленія рабочихъ), было бы недостаточно на рынкѣ. Поэтому, капиталисты могутъ капитализировать прибыль только однимъ путемъ: измѣненіемъ распредѣленія національнаго производства. Измѣненіе распредѣленія національнаго производства—дѣло далеко не легкое, но насъ въ настоящее время интересуетъ не самый процессъ этого измѣненія, а его результаты. Схема № 2 представляетъ такое распредѣленіе національнаго производства, при которомъ стремленіе капиталистовъ капитализировать половину своей прибыли оказывается вполнѣ осуществимымъ.

Въ этой схемѣ общая цѣнность всего національнаго продукта въ теченіе 1-го года принята такая же, какъ и въ схемѣ № 1 (2.880); цѣнность затрачиваемаго на производство капитала—средствъ производства и предметовъ потребленія рабочихъ—точно также не измѣнилась. Все это продукты прошлаго производства, количество которыхъ должно считаться даннымъ. Точно также, отношеніе средствъ производства къ заработной платѣ и прибыли въ схемѣ № 2 принято такимъ же, какъ и въ схемѣ № 1.

Единственное отличіе схемы № 2 (годъ 1-й) отъ предшествовавшей схемы заключается въ иномъ распредѣленіи производства. Въ схемѣ № 1 производство было распредѣлено такимъ образомъ, что капиталъ не наросталъ и прибыль шла цѣликомъ на личное потребленіе капиталистовъ. Въ схемѣ № 2 накопленіе капитала требуется самимъ распредѣленіемъ производства.

Общая сумма прибыли за первый годъ въ схемѣ № 2 остается такой же, какъ и въ схемѣ № 1, а именно 420+210+90=720. Но предметовъ потребленія капиталистовъ изготовлено только 360—сравнительно съ схемой № 1 вдвое меньше. Зато другихъ продуктовъ произведено больше — причемъ средствъ производства произведено больше на 240 единицъ цѣнности и предметовъ потребленія рабочихъ

*

больше на 120 единицъ. Задача заключается въ томъ, чтобы объяснить, какимъ образомъ можетъ быть производительно употребленъ этотъ добавочный капиталъ, несмотря на сокращеніе вдвое спроса на предметы потребленія капиталистовъ.

Этотъ добавочный капиталъ будетъ употребленъ на расширеніе производства второго года. Спросъ на средства производства во второмъ году превышаетъ на 240, таковой же спросъ перваго года (въ первомъ году средства производства, занятые въ производствѣ, равнялись 840+420+180=1440, а во второмъ году 980+490+210=1680); спросъ на предметы потребленія рабочихъ во второмъ году на 120 больше, чѣмъ въ первомъ (рабочая плата перваго года: 420+210+90=720; рабочая плата второго года: 490+245+105=840). Такимъ образомъ избыточныя средства производства и предметы потребленія рабочихъ перваго года будутъ поглощены производствомъ второго года. Реализація продуктовъ, изготовленныхъ въ теченіе перваго года, будетъ произведена слѣдующимъ образомъ. Предметовъ потребленія капиталистовъ (отдѣлъ III) изготовлено 360. Согласно нашему предположенію, капиталисты потребляютъ только половину своей прибыли. Такъ какъ прибыль капиталистовъ I отдѣла за первый годъ=420, то, слѣдовательно, ихъ спросъ на предметы потребленія выразится 210, спросъ на предметы потребленія капиталистовъ II отдѣла будетъ равенъ 105, а III отдѣла — 45. Общая сумма спроса равна 360, т. е. вполнѣ покрываетъ предложеніе этихъ продуктовъ. Предметовъ потребленія рабочихъ изготовлено въ первомъ году 840. Для расширеннаго производства 2-го года требуется товаровъ этого рода: для перваго отдѣла—490, для второго—245 и для третьяго—105, т. е. опять столько же, сколько изготовлено. Точно также спросъ на средства производства для производства второго года (980—производство перваго отдѣла, 490—второго и 210—третьяго) равенъ цѣнности средствъ производства, изготовленныхъ въ первомъ году (1680). Такимъ образомъ всѣ продукты 1-го года нашли себѣ сбытъ въ теченіе второго года.

Но для чего служитъ расширенное производство второго года? Какое право мы имѣли принимать, что спросъ на средства производства и предметы потребленія рабочихъ во второмъ году больше, чѣмъ въ первомъ? Мы исходили, по прежнему, изъ предположенія, что капиталисты половину своей прибыли (во второмъ году, какъ и въ первомъ) не потребляютъ лично, а превращаютъ въ капиталъ. Распредѣленіе производства во второмъ году таково, что половина прибыли продолжаетъ накопляться. Спросъ на продукты второго года создается расширеннымъ производствомъ 3-го года.

Въ концѣ 2-го года произведено на 1960 средствъ производства, на 980 предметовъ потребленія рабочихъ и на 420—предметовъ потребленія капиталистовъ. Разсмотримъ же, какимъ образомъ могутъ быть реализированы эти продукты.

Общая прибыль за второй годъ равна 840 (490+245+105). Согласно нашему предположенію, капиталисты половину этой прибыли затрачиваютъ на свое потребленіе. Такимъ образомъ рынокъ для 420 предметовъ потребленія капиталистовъ, произведенныхъ въ теченіе 2-го года, найденъ. Средства производства расширеннаго производства 3-го года ($1143^1/_3 + 571^2/_3 + 245$) равны 1960—цѣнности средствъ производства, изготовленныхъ во 2-мъ году; рабочая плата 3-го года ($571^2/_3 + 285^5/_6 + 122^1/_2$) равна 980—предметамъ потребленія рабочихъ, произведеннымъ во 2-мъ году. Такимъ образомъ всѣ продукты второго года реализуются въ третьемъ году—рынокъ для нихъ создается расширеннымъ производствомъ третьяго года.

Я полагаю, что нѣтъ необходимости продолжать нашъ анализъ распредѣленія производства въ 4-мъ, 5-мъ и слѣдующихъ годахъ. Приведенныя схемы должны были съ очевидностью доказать мысль, которая сама по себѣ очень проста, но легко вызываетъ возраженія при недостаточномъ пониманіи процесса воспроизведенія общественнаго капитала, а именно, что капиталистическое производство само для себя создаетъ рынокъ. Если только можно расширить производство, если хватитъ для этого производительныхъ силъ, то можно расширить и спросъ, ибо, при пропорціональномъ распредѣленіи національнаго производства, каждый вновь произведенный товаръ есть вновь появившаяся покупательная сила для пріобрѣтенія другихъ товаровъ.

Сравненіе простого воспроизведенія капитала съ воспроизведеніемъ его въ расширяющихся размѣрахъ доказываетъ важное положеніе, которое заслуживаетъ особаго вниманія. Необходимо понять, что спросъ на товары въ капиталистическомъ производствѣ въ извѣстномъ смыслѣ независимъ отъ потребленія: національное потребленіе можетъ падать, а національный спросъ на товары расти—какъ это ни кажется нелѣпымъ съ точки зрѣнія простого здраваго смысла. Накопленіе капитала можетъ вести къ сокращенію спроса на предметы потребленія и къ повышенію общаго спроса на товары: такъ, общій спросъ на предметы потребленія, при неизмѣнномъ воспроизведеніи капитала, равнялся въ схемѣ № 1 1.440 (720—потребленіе рабочихъ и 720—потребленіе капиталистовъ), а спросъ на всѣ товары—2.880. При накопленіи капитала (схема № 2), въ теченіе второго года изготовлено предметовъ потребленія 1.400 (980—предметы потребленія рабочихъ и 420—предметы потребленія капиталистовъ); между тѣмъ всего товаровъ изготовлено 3.360. Всѣ эти товары, какъ предметы потребленія, такъ и средства производства, были, какъ мы видѣли, поглощены потребленіемъ и производствомъ 3-го года. Такимъ образомъ общее производство товаровъ въ схемѣ № 2 (годъ второй) сравнительно со схемой № 1 значительно возрасло, а производство предметовъ потребленія упало безъ всякаго превышенія предложенія товаровъ сравнительно со спросомъ.

Все дѣло въ томъ, что капиталистическое производство отнюдь не регулируется непосредственно потребленіемъ. Наоборотъ, потребленіе большей части населенія (рабочихъ) служитъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ средствомъ для производства. Опредѣляющимъ моментомъ капиталистическаго производства является стремленіе къ реализированію наибольшей прибыли, но отнюдь не къ созданію наибольшаго количества предметовъ потребленія. Въ то же самое время, законы капиталистической конкуренціи требуютъ капитализированія значительной части этой прибыли—превращеніе ея, въ большей или меньшей мѣрѣ, въ средства производства, совсѣмъ не входящія въ кругъ человѣческаго потребленія. Потому, въ извѣстномъ смыслѣ, можно сказать, что цѣль капиталистическаго производства заключается не въ потребленіи, а въ ростѣ самого капитала.

Накопленіе капитала совершается превращеніемъ прибыли въ средства производства и предметы потребленія рабочихъ. Но ничего не можетъ быть ошибочнѣе представленія, что, капитализируя прибыль, капиталистъ просто-на-просто подставляетъ на мѣсто своего потребленія потребленіе рабочихъ. Изъ этого предположенія исходила классическая школа въ своемъ анализѣ процесса накопленія капитала. Такъ, Д. С. Милль въ «Основаніяхъ политической экономіи» доказываетъ, что общее перепроизводство товаровъ немыслимо по той причинѣ, что въ случаѣ сокращенія потребленія капиталистовъ, благодаря накопленію капитала, какъ разъ на такую же сумму возрастетъ потребленіе рабочихъ и общая сумма спроса на предметы потребленія не испытаетъ ни малѣйшей перемѣны; потребленіе рабочихъ замѣнитъ потребленіе капиталистовъ—только и всего.

Ошибка Милля вытекаетъ изъ вышеуказаннаго общаго заблужденія классической школы, не понимавшей съ достаточной ясностью, что средства производства такая же необходимая составная часть національнаго продукта, какъ и предметы потребленія. Отказъ капиталистовъ отъ потребленія доли своей прибыли, дѣйствительно, увеличиваетъ потребленіе рабочихъ, но отнюдь не въ такихъ размѣрахъ, на сколько сократилось потребленіе самихъ капиталистовъ: общая сумма національнаго потребленія при этомъ сокращается, но зато возрастаютъ средства производства. Въ нашемъ примѣрѣ (схема № 2 годъ 1-й) сокращеніе потребленія капиталистовъ на 360 (вслѣдствіе капитализированія ихъ прибыли) вызвало расширеніе потребленія рабочихъ лишь на 120. На остальную сумму расширилось производство средствъ производства.

Такимъ образомъ накопленіе капитала можетъ сопровождаться абсолютнымъ паденіемъ національнаго потребленія; *относительное* паденіе потребленія—по отношенію къ общей суммѣ національнаго продукта—во всякомъ случаѣ неизбѣжно. Въ вышеприведенныхъ схемахъ мы игнорировали одинъ моментъ огромной важности—техническій про-

грессъ. Техническій прогрессъ выражается въ томъ что роль машины, растетъ по отношенію къ живому труду. Иными словами, средства производства завоевываютъ все большее и большее значеніе и въ процессѣ производства, и на товарномъ рынкѣ. Рабочій отступаетъ на задній планъ передъ машиной—и вмѣстѣ съ тѣмъ отступаетъ на задній планъ рынокъ, создаваемый потребленіемъ рабочаго, сравнительно съ рынкомъ, создаваемымъ производительнымъ потребленіемъ средствъ производства. Весь колоссальный организмъ капиталистическаго хозяйства принимаетъ характеръ какъ бы самодовлѣющаго цѣлаго, въ которомъ человѣческое потребленіе является однимъ изъ моментовъ процесса производства и обращенія капитала.

Противорѣчіе между производствомъ, какъ *средствомъ* удовлетворенія потребностей человѣка, и производствомъ, какъ техническимъ моментомъ созданія капитала, *какъ цѣлью* въ себѣ, есть основное противорѣчіе капиталистическаго строя. Соціальнымъ выраженіемъ этого противорѣчія является противорѣчіе принадлежности средствъ производства лицамъ, не принимающимъ непосредственнаго участія въ производствѣ, но руководящимъ имъ, и отсутствія средствъ производства у непосредственныхъ производителей, лишенныхъ какого бы то ни было контроля надъ производствомъ. Это послѣднее противорѣчіе, однако, не есть специфическая особенность капитализма, но обще капитализму со всѣми способами производства, основанными на присвоеніи прибавочнаго продукта—какъ рабское и крѣпостное производство. Отличіе капиталистическаго производства въ томъ, что не только рабочій низводится до роли простого орудія производства, но, до извѣстной степени, и самъ капиталистъ становится простымъ орудіемъ накопленія капитала. Законы капиталистической конкуренціи повелительно требуютъ отъ капиталиста расширенія производства и капитализированія значительной части его прибыли. Въ рабскомъ и крѣпостномъ хозяйствѣ производство все же имѣетъ своей непосредственной цѣлью потребленіе—потребленіе господствующаго общественнаго класса. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ даже потребленіе капиталистовъ регулируется потребностями производства—даже руководители производства становятся, въ извѣстномъ смыслѣ, его слугами.

Простое товарное хозяйство не знаетъ этого противорѣчія. Мелкіе товаропроизводители владѣютъ средствами производства и производятъ продукты для потребленія другъ друга.

Производство въ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей всегда остается *средствомъ* для потребленія, но никогда не становится *цѣлью* въ себѣ. Человѣкъ является господиномъ производства, но никакъ не его слугою, и наоборотъ, орудія труда остаются слугами человѣка, а не его господами, какъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ.

Въ непосредственной связи съ первымъ находится второе противорѣчіе капитализма, — противорѣчіе организованности труда въ предѣ-

лахъ отдѣльнаго предпріятія и неорганизованности всего національнаго производства. Въ рабскомъ и крѣпостномъ хозяйствѣ производство въ предѣлахъ отдѣльнаго хозяйства можетъ быть крупнымъ и весьма сложно организованнымъ, — достаточно вспомнить familiae rusticae и urbanae римскихъ патриціевъ. Но, поскольку основой такого хозяйственнаго строя является натуральное потребленіе, онъ не страдаетъ отъ неорганизованности національнаго производства.

Въ мелкомъ товарномъ хозяйствѣ національное производство можетъ быть неорганизованнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствуетъ планомѣрная организація и внутри отдѣльнаго предпріятія—отсутствуетъ постольку, поскольку мелкое производство, какъ таковое, не допускаетъ сколько-нибудь значительнаго раздѣленія и соединенія труда въ предѣлахъ отдѣльнаго предпріятія. Неорганизованность всего національнаго производства въ связи съ денежнымъ обмѣномъ создаетъ *возможность* общаго перепроизводства въ мелкомъ товарномъ хозяйствѣ. Указанныя противорѣчія капиталистическаго производства дѣлаютъ общее перепроизводство, какъ моментъ развитія капиталистическаго хозяйства, *необходимымъ*.

Мы видѣли, что посредничество денегъ создаетъ рынокъ, какъ особую экономическую силу, управляющую производствомъ. Вліяніе рынка основывается на зависимости товарныхъ цѣнъ другъ отъ друга— именно вслѣдствіе этой зависимости рынокъ для всѣхъ товаровъ связывается въ одно нераздѣльное цѣлое, въ своего рода организмъ. Взаимная обусловленность цѣнъ чрезвычайно возрастаетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ, благодаря кредиту. Пока деньги были единственнымъ орудіемъ мѣны, товарное обращеніе покоилось на матеріальномъ базисѣ. Орудіемъ мѣны былъ опредѣленный товаръ въ своей вещественной формѣ—отличающійся, правда, по своей экономической функціи отъ всѣхъ другихъ товаровъ, но все же товаръ. Всякая покупка и продажа на звонкую монету сохраняетъ въ извѣстномъ смыслѣ характеръ непосредственной мѣны продуктовъ, такъ какъ монета также продуктъ. Цѣна товара, при простомъ денежномъ обмѣнѣ, обладаетъ поэтому значительною устойчивостью: она колеблется, но лишь въ зависимости отъ колебаній матеріальнаго фактора—предложенія. Капиталистическое хозяйство выдвигаетъ новое орудіе обращенія—кредитъ. Кредитъ не разрываетъ зависимости товарныхъ цѣнъ отъ предложенія товаровъ, но чрезвычайно усложняетъ ее. Кредитъ ставитъ на первый планъ другой факторъ цѣны — спросъ — и въ то же время преобразуетъ экономическое содержаніе спроса. Мы видѣли, что въ денежномъ, какъ и въ натуральномъ обмѣнѣ, спросъ основывается на предложеніи. Предложеніе установляетъ размѣръ покупательной силы— и только направленіе этой силы опредѣляется желаніемъ и потребностями покупателя. Кредитъ освобождаетъ спросъ отъ непосредственной связи съ текущимъ предложеніемъ. Благодаря кредиту, спросъ мо-

жетъ въ огромныхъ размѣрахъ повышаться и падать совершенно независимо отъ предложенія даннаго момента. Цѣны товаровъ пріобрѣтаютъ, при распространеніи покупокъ и продажъ въ кредитъ, чрезвычайную подвижность—становятся выраженіемъ чисто психическаго элемента—разсчетовъ производителей относительно не только настоящаго, но и будущаго положенія рынка, общаго настроенія покупателей и продавцевъ, бо̀льшей или меньшей наклонности къ спекуляціи и пр., и пр.

Правда, зависимость цѣнъ отъ предложенія товаровъ все же остается, но чрезвычайно усложняется тѣмъ, что на ряду съ реальнымъ предложеніемъ даннаго момента дѣйствуетъ неизвѣстное и не существующее будущее предложеніе,—точнѣе, мнѣніе заинтересованныхъ лицъ относительно этого будущаго. При простомъ денежномъ обращеніи размѣръ покупательной силы, имѣющейся на рынкѣ, есть въ каждый моментъ болѣе или мѐнѣе опредѣленная величина. Основаніемъ этой покупательной силы являются деньги въ вещественной формѣ. Хотя ускореніе обращенія денегъ и можетъ, до извѣстной степени, замѣнить увеличеніе ихъ количества, но все же эта возможность ограничена довольно узкими предѣлами. При кредитномъ обращеніи покупательная сила рынка есть сложная и эластичная, но въ то же время легкая и хрупкая надстройка на реальномъ денежномъ базисѣ; покупательная сила рынка въ каждый моментъ можетъ повыситься или упасть безъ всякаго измѣненія въ реальныхъ отношеніяхъ предложенія товаровъ и денегъ,—прямо въ зависимости отъ большей или меньшей наклонности покупателей и продавцевъ пользоваться кредитомъ.

Съ другой стороны, кредитъ чрезвычайно усиливаетъ зависимость между отдѣльными хозяйствами. Связь между ними становится тѣснѣе и интимнѣе. Измѣненія рынка принимаютъ лавинообразный характеръ: незначительныя событія получаютъ возможность оказывать потрясающее дѣйствіе на рынокъ, благодаря тому, что дѣйствіе первоначальнаго толчка возрастаетъ по мѣрѣ его распространенія. Колебанія рынка въ ту или другую сторону—въ сторону повышенія и пониженія товарныхъ цѣнъ—обогащенія и разоренія товаровладѣльцевъ—пріобрѣтаютъ огромную силу и размахъ.

Такимъ образомъ самый механизмъ обмѣна, свойственный капиталистическому хозяйству,—кредитъ—чрезвычайно усиливаетъ эффектъ колебаній товарнаго предложенія. Тѣмъ не менѣе, въ основѣ всякаго рода разстройствъ кредита лежатъ, въ концѣ концовъ, все же разстройства въ области реальнаго производства и предложенія товаровъ.

Мы говорили, что основное противорѣчіе капитализма заключается въ отсутствіи контроля потребленія надъ производствомъ. Капиталистическое производство изъ средства становится цѣлью само для себя. Отсюда и вытекаютъ капиталистическіе кризисы.

Капиталистическое хозяйство не имѣетъ такого опредѣленнаго и простого регулятора, каковымъ является въ мелкомъ товарномъ хозяй-

ствѣ народное потребленіе. Стремленіе къ возможно бо́льшему расширенію производства является характеристической чертой капитализма. Абсолютной границей расширенія производства являются — производительныя силы, которыми располагаетъ производство; къ этой границѣ и стремится капиталъ.

Стремится, но никогда ея не достигаетъ. Мы видѣли, что при пропорціональномъ распредѣленіи капиталистическаго производства спросъ создается самимъ предложеніемъ. Однако, достиженіе этой пропорціональности заключаетъ въ себѣ неодолимыя трудности. Всякое иное распредѣленіе капитала, кромѣ пропорціональнаго, не достигнетъ цѣли капиталистическаго производства — накопленія капитала, и приведетъ къ перепроизводству нѣкоторыхъ товаровъ; а такъ какъ всѣ отрасли промышленности находятся въ тѣсной связи другъ съ другомъ, то частичное перепроизводство нѣкоторыхъ товаровъ должно превратиться въ общее товарное перепроизводство: товарный рынокъ будетъ загроможденъ непроданными товарами и цѣна ихъ будетъ падать.

Чтобы понять всю трудность производительнаго помѣщенія новаго капитала достатоино вспомнить сказанное выше о переполненности товарнаго рынка при современныхъ условіяхъ конкуренціи. Спросъ на всѣ товары въ капиталистическомъ хозяйствѣ всегда или почти всегда бываетъ вполнѣ удовлетворенъ предложеніемъ. Въ капиталистическомъ хозяйствѣ предложеніе дѣйствуетъ агрессивно на спросъ, идетъ впереди его.

Только въ исключительныхъ случаяхъ можетъ существовать продолжительное время неудовлетворенный спросъ. И вотъ, въ то время, когда спросъ на всѣ товары скорѣе превышаетъ предложеніе, чѣмъ равенъ ему, нужно находить рынокъ для новыхъ товаровъ. Капиталъ, вложенный въ какую-либо отдѣльную отрасль промышленности, неминуемо приведетъ къ перепроизводству, такъ какъ и прежніе товары вполнѣ покрывали спросъ. Для того, чтобы появился рынокъ для вновь изготовленныхъ товаровъ, нужно, чтобы капиталъ, ищущій помѣщенія, распредѣлился въ извѣстной пропорціи между цѣлымъ рядомъ отраслей промышленности; если это будетъ выполнено удачно, тогда возрастаніе спроса будетъ соотвѣтствовать возрастанію предложенія и производство расширится безъ превышенія предложенія товаровъ сравнительно съ спросомъ. Но можно ли всегда разсчитывать на такую удачу? Очевидное дѣло, нѣтъ.

Нѣкоторая доля капитализируемаго прибавочнаго продукта страны сравнительно легко находитъ себѣ помѣщеніе въ той же самой отрасли промышленности, въ которой этотъ прибавочный продуктъ возникъ. Процессъ размѣщенія капитализируемой прибыли между различными отраслями промышленности совершается въ этомъ случаѣ автоматически—производство расширяется въ цѣломъ рядѣ отраслей промышленности, болѣе всего въ тѣхъ изъ нихъ, которыя были наиболѣе прибыльны, т. е. по отношенію къ продуктамъ которыхъ спросъ былъ

наивысшимъ. Но, кромѣ этихъ вновь возникающихъ капиталовъ, которые почти и не поступаютъ на денежный рынокъ, такъ какъ немедленно находятъ себѣ помѣщеніе на мѣстѣ, всякая богатая капиталистическая страна, какъ, напр., Англія, располагаетъ громаднымъ количествомъ свободныхъ капиталовъ, образовавшихся частью изъ прибыли промышленниковъ, которая, почему-либо, не могла быть съ выгодою помѣщена ими самими, частью изъ капитализируемой доли доходовъ другихъ общественныхъ классовъ, главнымъ образомъ класса денежныхъ капиталистовъ. Эти свободные капиталы, не связанные ни съ какой опредѣленной отраслью промышленности, жадно ищутъ выгоднаго помѣщенія и постоянно приливаютъ къ производству. Производительное помѣщеніе этихъ капиталовъ представляетъ собой огромныя трудности. На этой почвѣ—на почвѣ невозможности достигнуть пропорціональнаго размѣщенія вновь создаваемаго свободнаго, не связаннаго съ промышленностью капитала и возникаютъ промышленные кризисы.

Въ извѣстномъ смыслѣ можно сказать, что основной причиной кризисовъ является народная бѣдность, низкій уровень потребленія трудящихся классовъ. Дѣйствительно, образованіе избыточныхъ капиталовъ и вообще капитализированіе огромной части національнаго дохода непосредственно вызывается незначительностью доли рабочихъ массъ въ вырабатываемомъ ими продуктѣ. Если бы не требовалось находить помѣщеніе для новыхъ капиталовъ, если бы производство не получало усиленнаго развитія, благодаря капитализированію прибыли, то пропорціональное распредѣленіе производства не представляло бы никакихъ затрудненій. Въ такомъ случаѣ производство непосредственно регулировалось бы потребленіемъ, какъ въ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей. Накопленіе капитала капиталистами есть результатъ присвоенія прибавочнаго продукта лицами, не участвующими въ производствѣ—результатъ лишенія непосредственнаго производителя части создаваемаго имъ продукта. Чѣмъ ниже доля рабочаго, тѣмъ выше доля капиталиста и тѣмъ быстрѣе накопленіе капитала, необходимо сопровождающееся потрясеніями и кризисами.

Такимъ образомъ, бѣдность народныхъ массъ — бѣдность не въ абсолютномъ, а въ относительномъ смыслѣ—въ смыслѣ незначительности доли рабочаго въ общемъ національномъ продуктѣ—есть необходимое условіе промышленныхъ кризисовъ. Но нужно ясно понимать связь бѣдности съ кризисами. Совсѣмъ не вѣрно распространенное мнѣніе (которое раздѣлялъ до нѣкоторой степени и Марксъ), что низкій уровень народнаго потребленія и медленность повышенія этого уровня дѣлаютъ невозможной реализацію продуктовъ все расширяющагося капиталистическаго производства. Мы видѣли, что производство само для себя создаетъ рынокъ—потребленіе есть только одинъ изъ моментовъ капиталистическаго производства. Если бы производ-

ство было организовано планомѣрно, если бы рынокъ обладалъ полнымъ *знаніемъ* спроса и *властью* пропорціональнаго распредѣленія производства, свободнаго передвиженія труда и капитала изъ одной отрасли промышленности въ другую, то, какъ бы ни было низко потребленіе, предложеніе товаровъ не могло бы превысить спросъ. Но накопленіе капитала, при полной неорганизованности національнаго производства, при анархіи, господствующей на товарномъ рынкѣ, неминуемо приводитъ къ кризисамъ.

Планомѣрная организація труда въ капиталистической фабрикѣ въ колоссальныхъ размѣрахъ повышаетъ его производительность. Только капитализмъ поставилъ технологію на научную почву, сдѣлалъ усовершенствованіе техники закономъ конкуренціи производителей. Но техническія силы современной промышленности не могутъ развернуться во всю ширь, благодаря соціальнымъ преградамъ, на которыя онѣ наталкиваются,—благодаря неорганизованности всего національнаго производства. Отсюда и вытекаетъ необходимость кризисовъ, вызываемыхъ, такимъ образомъ, обоими противорѣчіями капиталистическаго строя: 1) противорѣчіемъ принадлежности орудій производства лицамъ, не участвующимъ въ производствѣ, и неимѣнія средствъ производства у непосредственныхъ производителей, и 2) неорганизованностью производства во всемъ народномъ хозяйствѣ при организованности его въ отдѣльномъ предпріятіи. Оба эти противорѣчія одинаково необходимы — и въ то же время достаточны—для возникновенія кризисовъ.

Специфическая форма обмѣна, свойственная капитализму, — кредитъ — усиливаетъ дѣйствіе кризисовъ. Глубочайшія причины ихъ, однако, коренятся въ области производства. Исторія кризисовъ каждой капиталистической страны имѣетъ свои отличительныя черты въ зависимости отъ индивидуальныхъ условій хозяйства страны; но такъ какъ оба указанныя противорѣчія, а также и кредитный обмѣнъ, свойственны капиталистической формѣ хозяйства, какъ таковой, то и основныя причины кризисовъ повсюду остаются по существу тождественными, какъ бы ни была разнообразна конкретная обстановка, при которой проявляется ихъ дѣйствіе.

Мы должны остановиться, однако, на одномъ экономическомъ моментѣ, значенія котораго мы пока не касались, а именно, на внѣшней торговлѣ. Въ результатѣ нашего абстрактнаго анализа процесса капиталистическаго накопленія мы пришли къ заключенію, что, при пропорціональномъ распредѣленіи производства, избыточнаго продукта быть не можетъ. При этомъ мы совершенно отвлекались отъ внѣшней торговли. На это мы имѣли полное право, такъ какъ внѣшняя торговля является внѣшней лишь по отношенію къ отдѣльнымъ странамъ— для всего же капиталистическаго хозяйства торговля между разными странами остается внутренней—торговымъ обмѣномъ внутри капиталистическаго цѣлаго. Но, переходя къ разсмотрѣнію хозяйства отдѣль-

ныхъ странъ, мы естественно должны стать на другую точку зрѣнія. Не существуетъ капиталистической страны безъ внѣшней торговли,—а для такихъ странъ, какъ Англія, внѣшній рынокъ, по отношенію ко многимъ наиболѣе важнымъ производствамъ, играетъ даже большую роль, чѣмъ внутренній. Внѣшній рынокъ для Англіи безусловно необходимъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что внутренній англійскій рынокъ, какъ бы ни было распредѣлено производство, не могъ бы поглотить всѣхъ хлопчатобумажныхъ тканей, сукна, машинъ, металлическихъ издѣлій и другихъ фабрикатовъ, изготовляемыхъ въ Англіи. Не доказываетъ ли это, что капиталистическое производство создаетъ избыточный продуктъ, для котораго нѣтъ мѣста на внутреннемъ рынкѣ? Вообще, почему Англія нуждается во внѣшнемъ рынкѣ?

Коротко говоря, потому, что огромная часть покупательныхъ средствъ Англіи затрачивается на пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ. Ввозъ иностранныхъ товаровъ на внутренній рынокъ требуетъ и вывоза туземныхъ товаровъ на внѣшній рынокъ. Такъ какъ Англія не можетъ обойтись безъ иностраннаго импорта, то и экспортъ для нея безусловно необходимъ—иначе нечѣмъ было бы платить за импортъ.

Отчаянная погоня за рынкомъ, составляющая такую характерную черту капиталистическаго строя хозяйства, не ограничивается узкими предѣлами внутренняго рынка. Каждая отрасль промышленности стремится возможно расширить область своего сбыта. Если условія международной конкуренціи допускаютъ это, то промышленность быстро переливается за предѣлы данной страны и начинаетъ работать на внѣшній рынокъ. Такимъ образомъ, стремленіе капиталистической промышленности къ неограниченному расширенію приводитъ къ тому, что всѣ страны сплетаются въ одно колоссальное цѣлое, въ одну сѣть. Каждая страна является рынкомъ для остальныхъ странъ и въ то же время остальныя страны являются рынкомъ для нея.

Внѣшній рынокъ вообще играетъ огромную роль въ исторіи капиталистическаго производства. Первоначальной доменой капитализма было производство предметовъ роскоши, которые могли быть поглощены только очень широкимъ рынкомъ, такъ какъ число потребителей этихъ предметовъ въ каждой отдѣльной странѣ было ограничено. Дорогія ткани, стекло, фарфоръ, дорогія металлическія и кожаныя издѣлія и вообще разнообразные предметы роскоши—вотъ что главнымъ образомъ изготовляла капиталистическая мануфактура въ первое время своего возникновенія въ Италіи, Фландріи, Англіи, Франціи и другихъ странахъ. Значительная часть этихъ издѣлій предназначалась съ самаго начала для сбыта въ другія страны. Гораздо позже капиталистическое производство охватило изготовленіе предметовъ массоваго народнаго потребленія внутри страны. Это находилось въ непосредственной связи съ эволюціей торговли. Внѣшняя торговля всегда имѣла болѣе капиталистическій характеръ, чѣмъ внутренняя. Оно и понятно—

внѣшняя торговля требуетъ болѣе крупныхъ капиталовъ, большей предпріимчивости и спеціализаціи торговца, чѣмъ внутренняя. Въ области внѣшней торговли впервые возникли ассоціаціи капитала. Торговля внутри страны туземными продуктами долгое время не могла получить значительнаго развитія вслѣдствіе натуральнаго строя хозяйства и однообразія продуктовъ, выдѣлываемыхъ въ странѣ. Имѣя дѣло съ крайне ограниченнымъ райономъ, торговля эта была мелкой, причемъ торговецъ иногда былъ также и мелкимъ производителемъ. Внѣшняя торговля приморскихъ странъ Европы съ Левантомъ, Индіей и Америкой, а также европейскихъ странъ между собой, повела къ образованію огромныхъ купеческихъ капиталовъ, которые постепенно организовали на капиталистическій ладъ и производство—прежде всего тѣхъ продуктовъ, которые были предметомъ этой торговли. Такимъ образомъ, капиталистическое производство, въ большинствѣ случаевъ, съ самаго начала опиралось на внѣшній рынокъ.

Международное раздѣленіе и спеціализація труда повели далѣе къ тому, что въ каждой странѣ усиленно развились, въ ущербъ остальнымъ, тѣ отрасли производства, къ которымъ эта страна была наиболѣе приспособлена по своимъ естественнымъ, экономическимъ или соціальнымъ условіямъ. Возникли страны земледѣльческаго и промышленнаго типа, экономическое существованіе которыхъ предполагаетъ обмѣнъ продуктовъ земледѣлія на продукты индустріи. Самымъ крайнимъ примѣромъ промышленной страны съ гипертрофированной индустріей и почти атрофированнымъ земледѣліемъ является Англія. Безъ внѣшняго рынка для продуктовъ своей промышленности Англія существовать не можетъ, такъ какъ ввозъ пищевыхъ продуктовъ и сырья долженъ быть оплаченъ вывозомъ фабрикатовъ. Отсюда — огромная важность внѣшнихъ рынковъ для Англіи. Вся внѣшняя политика Англіи опредѣляется погоней за внѣшними рынками для продуктовъ ея индустріи. На почвѣ внѣшней торговли развертываются и тѣ противорѣчія капиталистическаго строя, которыя въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, являются глубочайшей причиной капиталистическихъ кризисовъ.

М. Туганъ-Барановскій.

КАРАНДАШОМЪ СЪ НАТУРЫ.

(Изъ путешествія вокругъ свѣта чрезъ Корею и Манджурію).

(*Продолженіе* *).

12-го октября.

Сегодня, только что выѣхавъ, мы засѣли на самомъ перекатѣ и такъ прочно, что, пробившись часа три, вылѣзли изъ воды и грѣемся теперь на солнцѣ. Послали за лодкой, переѣдемъ на берегъ, будемъ тащить волокомъ.

Всю замазку изъ бабушки выбило и течетъ теперь она, какъ дырявое ведро.

Течь увеличиваетъ осадку; прежде сидѣла она три четверти аршина, теперь сидитъ аршинъ.

Доѣдемъ ли и когда?

Наше сидѣнье на мели кончилось тѣмъ, что мы послали за корейцами той деревни, гдѣ ночевали, и они, за исключеніемъ ругавшаго насъ, поголовно явясь и раздѣвшись, полѣзли въ воду и протащили насъ по мелкому мѣсту.

Такъ какъ денегъ у насъ теперь очень мало, то 18 человѣкамъ, помогавшимъ намъ и потерявшимъ полдня, мы дали только пять долларовъ, при чемъ около двухъ долларовъ изъ нихъ отходило къ китайцу, у котораго купили мы канаты, пилу, топоръ.

Я извинился, что даю мало, а корейцы отвѣтили, что они и этихъ денегъ не хотѣли бы брать, такъ какъ пришли помочь своимъ гостямъ.

— Скажите имъ, что я ихъ очень, очень благодарю.

Лодка отходила.

— Скажите, что я желалъ бы когда-нибудь еще разъ увидѣться съ ними.

— Они просятъ васъ къ себѣ въ гости.

Корейцы смѣются и смотрятъ на насъ.

— Скажите, и я зову ихъ къ себѣ въ гости.

— Придемъ,—говорятъ,—говорятъ, сѣверные корейцы стали уже постоянными гостями Россіи и они на будущій годъ тоже хотятъ идти

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

на заработки къ русскимъ. Очень хвалятъ русскіе заработки. Говорятъ, у русскихъ денегъ много, а у японцевъ нѣтъ. И что японецъ иногда несправедливо дѣлаетъ,—обманываетъ, значитъ.

— Скажите, что когда мы прощаемся, мы снимаемъ шляпу.

— Когда П. Н. перевелъ, я снялъ шляпу, а корейцы руками выражали мнѣ свои привѣтствія.

— Кричатъ: счастливой дороги!

— Асинчандо!

— Хе, асинчандо, говоритъ, — весело повторяетъ толпа, а мы въ палящихъ лучахъ нашего лѣтняго солнца уплываемъ внизъ туда, гдѣ, кажется, горы сошлись и нѣтъ выхода.

Я сижу на кормѣ, смотрю туда и думаю подъ мирный плескъ веселъ: «не то же ли и въ жизни,—вотъ, кажется, заперло что-то всѣ входы и выходы и конецъ всему,—темная ночь, залпы; кажется, ворвались уже ищущіе смерти и крови съ звѣрскими выраженіями лица»...

Все это уже назади. Только картинка въ памяти: въ рамкѣ темной ночи горящая фанза и темный лѣсъ, освѣщаемый молніей залповъ. всѣми своими изворотами, перекатами и глубинами, берега и горы, притоки и деревни попадаютъ на бумагу.

Я думаю, что еслибъ случилось здѣсь строить дорогу, желѣзную, напримѣръ, то организація дѣла должна быть такова: годъ на изысканія. Въ этомъ же году закупка и сосредоточіе зимой въ періодъ перевозки нужныхъ для работъ лошадей, скота и запасовъ: чумизы, кукурузы, рису, ячменя, гоалина, овса, соломы (сѣна здѣсь нѣтъ). Закупка постепенная по пудамъ, такъ какъ запасы ничтожные, да и тѣ кореецъ ни за что не продастъ всѣ сразу. Немножко сегодня, немножко завтра.

Какъ закваска и школа, русскій рабочій необходимъ. Корейцы съ большимъ трудомъ могутъ до нѣкоторой степени явиться перевозочной силой. Остальные рабочіе въ громадномъ большинствѣ будутъ, конечно, закиленные въ работѣ, китайцы.

Такъ какъ все дѣло въ правильномъ началѣ, то, казалось бы, въ такомъ новомъ дѣлѣ не слѣдуетъ здѣсь торопиться и слѣдующій за изысканіями годъ посвятить этому неспѣшному началу. А затѣмъ, разъ клюнетъ, нахлынутъ рабочія руки, форсированная работа сама собой явится.

Кра-кра-кра! Это затрещала наша бабушка по камнямъ и такъ, что я уже думалъ, что ничего отъ нея не останется.

Она уцѣлѣла, но сваренный для всѣхъ супъ—на днѣ лодки, подбираютъ куски мяса, но дно лодки грязно.

— Въ холодной водѣ обмыть—можно ѣсть;—чумиза осталась.

Чумиза все: она замѣняетъ и кашу, и хлѣбъ. Супъ съ чумизой, чай съ чумизой, завтракъ—чумиза.

Иногда кукурузная каша, но ее ѣдятъ не такъ охотно и холодная она отвратительно тяжела и безвкусна.

Подъ вечеръ Н. Е. подстрѣлилъ утку и мы подплыли за ней къ корейскому берегу.

Вдругъ слышимъ на китайскомъ берегу пальба и свистъ пуль мимо нашихъ ушей.

Наши китайцы подняли отчаянный крикъ, но пока кричали, еще нѣсколько разъ выстрѣлили. Къ счастью, никого не задѣли.

Оказывается, это солдаты китайскіе, принявъ насъ за высаживающихся хунгузовъ, открыли огонь по насъ.

Хорошо еще, что не начали палить изъ двухъ ручныхъ пушекъ, которыя вынесли на берегъ и изъ которыхъ уже угощали насъ разъ въ этихъ гостепріимныхъ мѣстахъ.

Уже, когда мы подъѣхали къ нимъ на голосъ, китайцы все еще сомнѣвались и съ сожалѣніемъ наконецъ, что такъ и не успѣли разрядить своихъ пушекъ, понесли ихъ назадъ въ фанзу.

— Гдѣ старшій?

— Старшій уѣхалъ въ городъ. Вчера на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ высаживались вы, высадились ночью хунгузы, мы и считали, что вы ихъ отставшіе товарищи.

— Ну, хорошо, сообщите вашему начальству, что въ Шанданьонѣ, это ваши мѣста, на насъ напали хунгузы и убили четырехъ лошадей и одного корейца, другого въ плѣнъ захватили. Имя плѣннаго—Цой Цапаги. Запишите, мы дѣлаемъ вамъ оффиціальное заявленіе.

— Его туда не ходитъ,—его здѣсь,—переводитъ В. В.

— Пусть передадутъ своему начальству.

Военный пунктъ китайскій, откуда въ насъ стрѣляли, называется Ян-юн-тоу и находится на Амнокѣ, въ 40 верстахъ выше вверхъ по теченію отъ Виверса.

Итакъ, ночью хунгузы, днемъ китайскіе сторожевые пункты.

— Вы должны были кричать издали намъ, — говорятъ они намъ.

Я вышелъ къ нимъ съ маузеромъ и приказалъ переводить слѣдующее:

— Ихъ десять выстрѣловъ не сдѣлали намъ вреда, потому что они не умѣютъ стрѣлять, потому что ихъ ружья никуда не годятся, но я и мы всѣ умѣемъ стрѣлять и наши ружья каждое выстрѣлитъ десять разъ скорѣе, чѣмъ они всѣ вмѣстѣ и каждая пуля попадетъ въ цѣль на полтора вершка.

И, сказавъ, я прицѣлился и выстрѣлилъ въ доску десять разъ, на что потребовалось не болѣе десяти секундъ.

— И мы уже имѣемъ право уложить васъ всѣхъ, потому что вы по ошибкѣ первые открыли огонь. Совѣтую поэтому не ошибаться, потому что не всякій отнесется такъ добродушно, какъ я.

Впечатлѣніе отъ маузера было громадное: быстрота, сила выстрѣловъ, мѣткость.

Восторгъ выражался по-дѣтски: кричали, визжали, хохотали и совершенно не слушали, что переводитъ В. В.

13-го октября.

Ночевка въ маленькой, зажатой въ глубокомъ короткомъ ущельи, корейской деревушкѣ Шондоръ, а подальше на китайскомъ берегу бывшій городъ, а теперь деревня въ 50 фанзъ Коун-Коу.

Тамъ тоже и пушки, и ружья, хотя тамъ и не регулярные солдаты, а родъ обязательной для всѣхъ милиціи. Утромъ и вечеромъ играетъ заря и монотонные звуки длинныхъ трубъ несутся по рѣкѣ.

Воины и здѣсь, какъ и въ регулярныхъ войскахъ, не носятъ особой формы: форма одна и для нихъ, и для хунгузовъ, и для мирныхъ жителей: на голое тѣло надѣвается кофта, широкіе штаны, одни, другіе, на ногахъ китайскія туфли съ войлочной высокой подбивкой.

Нашъ гигантъ-капитанъ заявилъ, что надо извѣстить китайцевъ, иначе опять стрѣлять будутъ.

— Да вѣдь мы опять въ Кореѣ.

— Все равно.

— Все равно, такъ извѣщайте.

Съ первыми лучами свѣта мы пускаемся въ туманную еще даль рѣки.

Но разсвѣтъ быстрыми шагами идетъ.

Уже изъ сѣраго жемчуга перламутровыми стали облака, вотъ вспыхнули рыжимъ огнемъ они и словно приподнялись и, дымясь, кипятъ и клубятся въ небѣ.

А тамъ въ глубинѣ еще темной сталью отливаетъ рѣка, синеватый дымокъ прячется въ ущельяхъ горъ и словно еще спитъ все предразсвѣтнымъ самымъ лучшимъ сномъ.

Чей-то далекій крикъ пронесся по рѣкѣ и замеръ и разбудилъ округъ. Кричатъ пѣтухи, вьется дымъ изъ трубъ, шумитъ рѣка и золотятся уже лучами западныя вершины горъ.

Облака сбѣжали съ неба, остались только тамъ и сямъ мелкіе, мелкіе слѣды ихъ, чешуйчатыя, какъ полосы намытаго песка сбѣжавшаго дождевого потока.

Свѣжо, сыро еще, но уже освѣтило все, всѣ уголки, ясное утро и обѣщаетъ веселый солнечный день, хотя барометръ и упалъ немного.

Барометръ, однако, не ошибся. Мелкія оторванныя перламутровыя облака окружили солнце и, прикрывая его, рельефно открываютъ спрятавшуюся за лучами солнца даль.

Словно отпечатана она въ прозрачномъ воздухѣ и спитъ неподвижная вся въ горахъ въ синеватой мглѣ осенняго дня. Одинокая сосна на далекой вершинѣ, на другой, на террасѣ, словно зāмокъ—грозный, темный, гдѣ проходитъ или прошла какая-то невѣдомая жизнь.

Громадные черные бакланы носятся по рѣкѣ или сидятъ на берегахъ, ѣдетъ подъ утесистымъ берегомъ китаянка верхомъ на лошади, нарядная, зачесанная, работникъ ведетъ въ поводу ея лошадь. Тамъ и сямъ стоятъ такія и большія, чѣмъ наша, шаланды съ разными товарами: солью, мукой.

Маленькая, какъ корыто, лодочка плыветъ; приросъ къ ней кореецъ и маленькими двусторонними веслами искусно управляетъ и прыгаетъ съ нимъ лодочка по острымъ волнамъ переката и быстро скользитъ внизъ. Вчера мы обогнали эту лодку и видѣли въ ней гребущаго корейца и другого неподвижно лежавшаго (малѣйшее движеніе и лодка опрокидывается), укрытаго до головы. Желтое лицо лежавшаго, острый взглядъ черныхъ глазъ говорятъ о болѣзни,—это купецъ, заболѣвшій на чужой сторонѣ, спѣшащій теперь въ родной городъ И-джоу.

Въ его глазахъ напряженный страхъ: доѣдетъ ли.

Сегодня уже весь онъ покрытъ и взявшій доставить его печально кричитъ П. Н.:

— Умеръ.

Какъ умиралъ онъ на этихъ волнахъ, не двинувшись, не опрокинувъ лодки? Можетъ быть, и умеръ оттого, что, сдѣлавъ движеніе, опрокинулъ лодку и утонулъ.

Лицо лодочника печально и будетъ везти онъ свой грузъ еще дней восемь, задыхаясь въ отвратительномъ трупномъ запахѣ. Но другого выхода ему нѣтъ. Какъ вознаградятъ его, можетъ быть, обвинятъ еще? Фигура лодочника говоритъ о его беззащитности, нравственной придавленности.

— Зачѣмъ онъ не заявитъ ближайшему начальнику, не предастъ тѣло, ну хоть временно, землѣ, а тамъ увѣдомятъ его родныхъ?

П. Н, кричитъ ему что-то, тотъ отвѣчаетъ:

— Онъ обѣщалъ живого или мертваго привезти его въ его домъ.

— Получилъ ли онъ деньги?

— Ничего не получилъ.

— Покойникъ везетъ съ собой деньги?

— Онъ не знаетъ.

— Кто удостовѣритъ, за сколько онъ нанятъ?

— Небо.

Нѣтъ, конечно, онъ врать не будетъ. Кореецъ вѣдь не вретъ.

Мы плывемъ дальше. Горы опять подошли и узоры ихъ ковровъ видны рельефнѣе,—посохшая трава, мягкій свѣтло-коричневатый бархатистый фонъ. Лѣсъ съ посохшими листьями, островками тамъ и здѣсь выступаетъ темно-коричневый бархатъ.

Это гигантская шкура тигра, гдѣ и льва, они залегли здѣсь и спятъ подъ голубымъ небомъ, надъ голубой рѣкой.

Вотъ сидитъ каменный человѣкъ.

— А тамъ у ногъ его, — объясняетъ капитанъ-китаецъ,—лежитъ другой такой человѣкъ. Это братъ убилъ брата и сѣлъ, а когда спросилъ его одинъ старикъ: «ты что дѣлаешь?», онъ отвѣтилъ: «братъ мой спитъ, я стерегу его».—«Ну и стереги, пока свѣтъ стоитъ».

А вотъ скала тигръ. Громадная голова, вдавленная между плечъ, и лапы, точно пригнулся и вотъ-вотъ прыгнетъ.

*

— На головѣ у него слѣдъ отъ тигровой лапы,—объясняетъ тотъ же капитанъ.

— Отчего же онъ тутъ?

— Его не знаетъ,—переводитъ В. В.,—шибко давно было это.

Немного я узналъ съ моимъ В. В. о китайскомъ житьѣ-бытьѣ. Хочу въ И-джоу подъискать корейца, хорошо говорящаго по-китайски, тотъ будетъ переводить П. Н., а онъ мнѣ.

В. В. развѣ въ томъ отношеніи будетъ полезенъ, что съ нимъ китайцы разговорчивѣе и откровеннѣе будутъ.

Я занимался, когда меня позвали:

— На китайскомъ берегу моютъ золото.

На отлогомъ китайскомъ берегу сидѣли двѣ партіи корейцевъ, по пяти человѣкъ, сидѣли и что-то дѣлали.

Мы пристали къ берегу и проводникъ кореецъ, онъ же и сказочникъ, отправился сперва одинъ спросить у корейцевъ позволенія подойти къ нимъ.

Увидѣвъ идущаго къ нимъ корейца въ ихъ же одѣяніи, хищники, успѣвшіе уже навострить лыжи, остановились и, выслушавъ просьбу, изъявили согласіе на нашъ приходъ.

Тогда мы всѣ пошли и они посвятили насъ во всѣ тайники своего несложнаго искусства.

Сперва они роютъ и просѣваютъ песокъ. Роютъ прямо съ поверхности, просѣваютъ въ небольшое (въ поларшина) лукошко, сдѣланное изъ стеблей конопли.

Отдѣляются камни, больше одного дюйма. Этотъ просѣянный песокъ въ лукошкахъ сплошныхъ переносятъ къ водѣ (саженъ 20). Тамъ въ деревянныхъ плоскихъ тарелочкахъ, постоянно скруживая ее, промываютъ песокъ, отбрасываютъ крупные камешки, опять моютъ и кружатъ, пока въ лукошкѣ не останется черный, какъ илъ, песокъ и нѣсколько крупинокъ мелкаго золота.

Пять человѣкъ въ день намываютъ на 2 рубля.

Прежде здѣсь работало много и казна съ каждаго въ мѣсяцъ брала по 350 кешъ (70 к.), но теперь золото истощилось, китайцы перешли внизъ по теченію, а остатки подбираютъ корейцы.

Отсюда (верстъ десять ниже Вивена) и вплоть до устья все время моютъ золото, и чѣмъ ниже, тѣмъ богаче оно.

Мы взяли пробу, поблагодарили корейцевъ и поѣхали дальше.

— Берегитесь, гдѣ золото моютъ хунгузы, лучше прячьтесь въ каюты, а то они стрѣлять будутъ.

Проѣхавъ верстъ пять, мы останавливаемся ночевать, какъ потому, что уже темнѣло, такъ и потому, что впереди виднѣется самый мелкій перекатъ.

Капитанъ, сейчасъ же по пріѣздѣ, отправился узнавать, какъ и гдѣ проѣхать его.

Только въ первый день, однако, удалось проѣхать 160 ли; сегодня, напримѣръ, хорошо ѣхали, нигдѣ не стояли, а сдѣлали всего 130 ли (43 версты). Дѣло въ томъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ тише теченіе.

Пристали къ корейскому берегу (это не по нашей иниціативѣ, наши китайцы-матросы сами предпочитаютъ корейскій берегъ китайскому). Узкое ущелье и въ немъ двѣ фанзы на уступахъ ущельевъ. Гдѣ-то на отвѣсныхъ горахъ виднѣются ничтожные клочки пашни, которой, въ общей сложности, не наберется и трехъ нашихъ казенныхъ десятинъ.

Лучшая фанза, куда сперва ходилъ нашъ кореецъ, очень бѣдна: родъ кавказской горной сакли. Заднюю стѣну составляетъ скала, дворъ—маленькая площадка уступа той же скалы. Ни соломы, ни скирдъ хлѣба, пять, шесть тыквъ лежатъ на завалинкѣ, нѣсколько горстей кукурузы, даже краснаго перца не было.

Все бѣдно, очень бѣдно и только видъ изъ этой сакли, высѣченной на половину въ скалѣ, былъ прекрасный на рѣку, на китайскій берегъ и всю горную даль.

Мужа дома не было, встрѣтила насъ жена его словами:

— Мы должны принять путниковъ.

Жена, молодая женщина, лѣтъ 25, по обычаю здѣшнихъ мѣстъ, ходитъ безъ юбки, въ однихъ широкихъ шароварахъ, съ голымъ поясомъ, спиной и грудью, въ короткой кофтѣ, прикрывающей только верхнюю часть спины. Она стройна, симпатична, но некрасива, какъ громадное большинство кореекъ, съ широкими скулами.

Сперва она боялась насъ, но потомъ, увидавъ, что мы скромны до того, что до прихода ея мужа не хотимъ входить въ домъ, разсмѣялась и сказала:

— Ну, это уже совсѣмъ лишнее, а вотъ солому безъ мужа я не могу вамъ разрѣшить.

Мужъ ея съ другими приноситъ обычную годовую молитву за хорошій урожай.

Скоро пришелъ и мужъ, тоже молодой, высокій и стройный, очень симпатичный.

Онъ разрѣшилъ намъ постелить солому для постели (снопы конопли, другой не было), а, когда стемнѣло, въ его фанзу собралось нѣсколько корейцевъ и теперь ведутъ оживленный разговоръ, разспрашиваютъ о нашемъ путешествіи.

Никогда они никакихъ русскихъ, ни другихъ народовъ не видали.

Оказывается, нашъ хозяинъ почти не занимается посѣвомъ, а исключительно живетъ рыбной ловлей. Ловитъ и продаетъ ее корейцамъ, то-есть, вымѣниваетъ на кукурузу, чумизу и прочіе хлѣба. Но эти дни онъ что-то болѣетъ и не ловитъ рыбу. Было у нихъ двое дѣтей, но умерли отъ оспы.

На наше счастье онъ сегодня ночью заброситъ неводъ.

Ловится мелкая рыбка, крупной нѣтъ, поларшина наибольшая.

— Много рыбы въ рѣкѣ?

— Много.

— Много людей занимаются ловлей рыбы?

— Какъ ремесломъ, очень мало.

— Скучно вамъ безъ хозяйства?

— Живемъ съ женой.

Жена прижалась къ нему и сидятъ себѣ, довольные своей судьбой, въ своемъ горномъ гнѣздѣ.

— Вотъ въ этомъ году намъ счастье: разбило плотъ и мы наловили себѣ вотъ сколько бревенъ.

Брусьевъ, сажени въ двѣ длиной, до трехъ четвертей аршина шириной и до полуаршина толщиной, по преимуществу, кедроваго лѣса столярнаго, прекраснаго качества до ста штукъ навалено въ оврагѣ. И не только здѣсь, а и вездѣ, гдѣ намъ приходилось, останавливаться, мы видѣли такія же кучи этого лѣса.

— Что вы съ нимъ дѣлаете?

— На дрова пилимъ.

Что стоила работа въ лѣсу, вывозка къ рѣкѣ, сплавъ?

— Какая часть плотовъ такъ пропадаетъ?

— Большая половина.

Вечеръ. Глухо шумитъ осенній вѣтеръ, шелестя сухой крышей нашей фанзы. Тускло горитъ длинная, параллельно полу воткнутая корейская свѣчка. Нѣсколько человѣкъ корейцевъ сидятъ на порогѣ.

— Они спрашиваютъ: чѣмъ дарить имъ высокихъ гостей?

— Скажите, мы никакихъ подарковъ, кромѣ ихъ сказокъ, не принимаемъ. Если хозяинъ хочетъ доставить своимъ гостямъ удовольствіе, пусть онъ разскажетъ сказку.

Хозяинъ переглядывается съ женой и смѣется.

— Какія мы знаемъ сказки? Наши сказки простыя.

— Ихъ намъ и надо.

— Говоритъ: надо подумать.

Пауза.

— Вотъ наша сказка,—говоритъ хозяинъ, смотря усиленно въ землю и раскуривая свою трубку. — Одинъ человѣкъ выкралъ себѣ жену и ушелъ онъ съ ней на Амноку рыбачить. И жили они, вотъ какъ и мы на Амнокѣ. Пока мужъ былъ здоровъ, все шло хорошо, потому что они любили другъ друга. Другой разъ нѣтъ рыбы,—ну, покрѣпче прижмутся другъ къ другу, чтобы меньше ѣсть хотѣлось, и уснутъ. Но простудился разъ мужъ на рѣкѣ и свалился. Тогда плохо пришлось имъ: нѣтъ рыбы, нѣтъ чумизы, нѣтъ денегъ знахаря позвать. Лежитъ мужъ и говоритъ:

— Еслибъ мнѣ теперь рыбки съѣсть, я бы выздоровѣлъ, а безъ рыбы умру.

Ничего не отвѣтила ему жена и ушла на рѣку.

Сидѣла, сидѣла—нѣтъ рыбы.

Тогда она взяла ножъ, вырѣзала изъ своей ноги длинный кусокъ мяса, пришла домой, изжарила и подала мужу.

— Я никогда не ѣлъ такой вкусной рыбы,—сказалъ мужъ,—какъ ты поймала ее?

— Я сидѣла на берегу и просила небо и морского царя, и рыба выскочила изъ воды ко мнѣ на берегъ.

— Ахъ,—сказалъ мужъ,—я уже на половину ожилъ, еще бы одну такую рыбку и совсѣмъ бы я выздоровѣлъ. Не попросишь ли ты еще одну?

— Попробую,—сказала жена и опять пошла и вырѣзала себѣ кусокъ мяса изъ второй ноги.

Мужъ съѣлъ и сказалъ:

— Ну теперь я совсѣмъ здоровъ: никогда я не ѣлъ такой вкусной рыбы.

Мужъ выздоровѣлъ, а жена его день ото дня таяла. Мужъ никакъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, когда однажды, увидѣлъ у спавшей жены кровь на ногахъ, посмотрѣлъ и увидѣлъ страшныя раны. Тогда онъ понялъ, откуда жена доставала ему рыбу и отъ горя болѣзнь опять возвратилась къ нему и черезъ три дня онъ умеръ.

Собравъ послѣднія силы, жена продала все, похоронила мужа и осталась одна во всемъ свѣтѣ на помѣху всѣмъ.

Она пошла къ рѣкѣ и бросилась въ нее.

Но она не утонула: съ неба спустилась въ воду радуга, по ней сошелъ мужъ ея, подалъ ей руку и оба они, уже здоровые и счастливые, ушли въ небо къ великому Оконшанте.

Послѣ того, въ той округѣ, гдѣ жила утопленница, три года былъ голодъ, пока одинъ предсказатель не сказалъ, проходя, жителямъ:

— Вы до тѣхъ поръ не избавитесь отъ голода, пока не поставите въ честь утонувшей установленнаго для добродѣтельныхъ женщинъ памятника.

Тогда жители обратились черезъ губернатора къ императору и, получивъ отъ него разрѣшеніе и грамоту, воздвигли установленный по закону памятникъ въ честь добродѣтельной жены.

Съ тѣхъ поръ округа не знаетъ голода и старикъ, показывая ребенку на стоящій у горы памятникъ, говоритъ: «Если тебѣ попадется такая жена, она составитъ и твое счастье, и всѣхъ живущихъ въ ея округѣ».

Разсказчикъ замолчалъ, молчали и мы, а погодя, хозяинъ смущенно сказалъ:

— Плохія наши сказки.

— Сказка очень хорошая: она говоритъ объ уваженіи къ женщинѣ, о бѣдныхъ людяхъ, ихъ трудной нуждѣ, о томъ, что только и выходъ у нихъ—на небо къ Оконшанте.

— Хорошо еще, если на небо — не всякій туда попадетъ, а вотъ какъ начнешь бѣгать тысяченожкой. А можетъ, и тысяченожкѣ не такъ ужъ плохо живется.

Вотъ что разъ случилось. Висѣли два камня надъ рѣкой, — одинъ пониже былъ всегда въ водѣ, другой повыше—всегда наверху.

Который пониже былъ, говорилъ:

— Хоть разъ бы мнѣ увидѣть, что дѣлается на землѣ.

А который повыше былъ, говорилъ:

— Хоть разъ бы закрыло меня водой.

Вотъ и пришелъ разъ такой сухой годъ, что и нижній камень увидѣлъ землю. Но было сухо и все выгорѣло,—у людей не было хлѣба, скотъ ревѣлъ безъ корма и все кругомъ было желто, какъ лучи солнца.

— Плохо же жить на землѣ,—сказалъ камень,—еще немного и вся растрескается моя красивая наружность. То ли дѣло, какъ жилъ я раньше: прозрачная вода мимо меня бѣжала, веселый хороводъ рыбокъ кружился и прятался подо мной, когда проходила лодка рыбака вверху и то-то была потѣха, когда съ лодки падали куски чумизы, сколько, сколько рыбъ набѣгало тогда ко мнѣ въ гости.

И онъ былъ очень радъ, когда вода снова закрыла его и онъ снова ушелъ въ свое царство.

Пришелъ другой годъ и вода поднялась такъ высоко, что залила верхній камень. Но вода была мутна, грязна и, какъ верхній камень ни таращился, онъ ничего не увидѣлъ и только грязь набилась въ него.

— Фу, какая гадость,—сказалъ камень, когда увидѣлъ опять свѣтъ, и уже не хотѣлъ больше опять очутиться подъ водой.

Вотъ и вся сказка: вода, да камни—тутъ и вся жизнь наша.

Ночь настала, уснули мы, но разбудилъ насъ ревъ бури, дождь и вой разсвирѣпѣвшей рѣки.

Дождь былъ и въ фанзѣ: сочилось изъ задней стѣны, съ крыши текло, какъ въ рѣшето. Злой сѣверный вѣтетъ гулялъ по комнатамъ, проникая сквозь плетеныя, глиной смазанныя стѣны, сквозь бумажныя окна-двери.

Было холодно: зубъ на зубъ не попадалъ, подмокли книги, записки.

Щелкая зубами, я думалъ:

— Но вѣдь это только еще половина октября, — придетъ большій холодъ, выпадетъ снѣгъ, рѣка покроется льдомъ и поѣдутъ на саняхъ. Какъ тогда жить въ такой фанзъ? И ужъ не про себя ли хозяинъ разсказывалъ свою сказку? А онъ безпечно и весело заглядыватъ къ намъ и киваетъ головой.

Заражаешься ихъ настроеніемъ: жизнь для нихъ та же сказка и все здѣсь сказочно, и поэтично сказочно и ужасно сказочно. И природа такая же. Вчера еще было лѣто; ночь началась теплая, лѣтняя, а теперь зимняя вьюга съ дождемъ и снѣгомъ.

14-го октября.

На утро синій отъ холода капитанъ объявляетъ, что въ пяти ли самый трудный изъ всѣхъ перекатовъ и что при такомъ вѣтрѣ думать нечего его пройти.

— А если вѣтеръ недѣлю будетъ такой?

— Надо ждать.

— А если до зимы?

— Весной поѣдемъ.

— Чего боится капитанъ?

— Лодку разбить.

— Пусть бьетъ.

Капитанъ смѣется. Переводчикъ переводитъ.

— Капитанъ говоритъ: если разобьетъ лодку, всѣ будутъ въ водѣ, а сегодня холодно.

— Ничего, вода все-таки теплѣе воздуха.

Я начинаю приводить ему доводы: провизія вышла, серебряныхъ денегъ нѣтъ больше, золотыхъ и бумажекъ не мѣняютъ.

Кое-какъ В. В. переводитъ, что перекатъ называется Наунъ-менъ-лазо,—въ немъ большіе камни расположены въ шахматномъ порядкѣ,— очень трудно и безъ вѣтра лавировать между ними, а при вѣтрѣ наша «Бабушка» и совсѣмъ не станетъ слушаться руля.

Мысль потерять хоть одинъ день вгоняетъ меня въ такую тоску, что я еще энергичнѣе убѣждаю и до тѣхъ поръ, пока капитанъ не соглашается.

Нашъ капитанъ такой молодецъ, что съ нимъ ничего не страшно. Но когда мы подходимъ къ перекату, запертому дѣйствительно двумя отвѣсными скалами, какъ косяками, видимъ кипящую воду и саженныя вскакивающія и тутъ-же проваливающіяся волны, когда капитанъ объясняетъ, какъ поступать въ случаѣ крушенія, на душѣ дѣлается жутко и, переживая еще одну новую опасность въ тысячный разъ, упрекаю себя въ неисправимости.

Но уже «Бабушка» влетаетъ въ ревущій водопадъ, мы несемся, поворачиваемся на бокъ, кажется, совсѣмъ опрокидываемся, отбрасываемся въ другую сторону: ревъ воды, вѣтра, дикіе нечеловѣческіе окрики капитана, какъ статуи отъ напряженія матросы... И мы опять уже на спокойной глади и страшный перекатъ уже сзади, а капитанъ весело смѣется и качаетъ головой.

Мы ѣдемъ дальше, но холодъ такой нестерпимый, что впору бросить всякое писанье, сидѣть, дрожать и щелкать зубами. Особенно, когда рѣка дѣлаетъ поворотъ къ сѣверу, а при ея извилистости такихъ сѣверныхъ поворотовъ, кажется, больше, чѣмъ южныхъ.

Здѣсь на китайскомъ берегу вездѣ моютъ золото, и капитанъ говоритъ, что здѣсь попадаются иногда довольно крупные самородки.

По обѣимъ сторонамъ, попрежнему, множество деревень, которыхъ нѣтъ на обычной сорокаверстной картѣ, а тѣхъ, которыя изрѣдка помѣчены на картѣ, нѣтъ въ дѣйствительности.

Напрасно называешь тѣ имена деревень, которыя должны бы быть,—нѣтъ и никогда и не слыхали такихъ именъ.

Провизія наша подходитъ къ концу, а между тѣмъ ни золота, ни бумажекъ нигдѣ не принимаютъ.

Вся надежда на китайское торговое село Уэй-Саго, къ которому мы теперь подъѣзжаемъ.

У отлогаго берега шаландъ двадцать, нашего покроя, съ высокими мачтами и флажками: бѣлыми, голубыми, красными.

Какъ только пристали, насъ сейчасъ же окружила густая толпа китайцевъ. В. В. ушелъ мѣнять деньги, а мы ждемъ его.

Отъ китайскихъ судовъ, къ которымъ мы пристали, вонь нестерпимая.

— То отъ ихъ ѣды,—объясняетъ Бибикъ,—бо мабудь дохлыхъ собакъ ѣли. Ему какая падаль ни попадется—все годится. А потомъ такъ и носитъ духъ отъ той падали по недѣлямъ.

Какой-то франтоватый китаецъ, высокій, съ узкими плечами, молодой, съ щегольской на половину искусственной косой, что-то съ пренебрежительной гримасой объясняетъ толпѣ по поводу нашихъ инструментовъ, вещей, платья. Слышно часто: мауза,—что значитъ стриженый. Это—презрительная кличка для всякаго европейца.

Ахъ, хорошо бы размѣнять деньги и купить чумизы, спичекъ, китайскаго сахару, рису.

Вотъ идетъ наконецъ В. В. Онъ въ своей голубой шубѣ, съ китайскимъ воротомъ, разрѣзами по бокамъ и шапочкѣ Меркурія, очень напоминаетъ фигуру нашихъ бояръ XV-го столѣтія. И сапоги желтые, и идетъ въ перевалку.

Но видъ у него не торжествующій.

За нимъ катитъ широкой походкой въ непромокаемой курткѣ, неладно, да крѣпко сшитой, П. Н.

— Не мѣняютъ,—кричитъ онъ издали.

— Что же дѣлать?

— У меня два доллара есть,—говоритъ В. В.

Ну, хоть чумизы да спичекъ купимъ. Но и чумизы не оказалось: купили дробленную кукурузу.

Надоѣло все это и грязно. Въ каждомъ блюдѣ китайскихъ волосъ, какъ салата, накрошено: жесткіе, черные, они сѣкутся и летятъ, какъ передъ весной летитъ съ лошадей шерсть. Стаканъ чаю подадутъ и сейчасъ-же въ немъ, кромѣ пятенъ жира и аромата его (у насъ одна кастрюля, въ которой все и варится по очереди) масса черныхъ волосиковъ. Прибавимъ ложку китайскаго желтаго сахару и прибавится еще однимъ неиріятнымъ спецефическимъ запахомъ больше

Иногда я закрываю глаза и хочу вспомнить вкусъ нашихъ блюдъ.

Но ни одно изъ нихъ не вызываетъ больше моего аппетита; мнѣ кажется, я навсегда потерялъ аппетитъ въ какой бы то ни было ѣдѣ. Смотришь на нее съ отвращеніемъ и принимаешь, какъ лѣкарство, безъ котораго не проживешь. Вотъ ужъ никакого чревоугодничества въ этой обстановкѣ нѣтъ. На горахъ, вмѣсто дождя, выпалъ снѣгъ и такъ печально все говоритъ о зимѣ, холодныхъ дняхъ.

Пора, пора бы и намъ, залетнымъ птицамъ, летѣть, если не въ въ болѣе теплые края, то хотя въ родные и во всякомъ случаѣ съ домами, въ которыхъ печи, у которыхъ можно отогрѣться.

Въ этомъ китайскомъ селѣ, изъ 19 фанзъ, одна принадлежитъ начальнику города, 9 подъ лавками, 5 подъ гостинницами и такимъ образомъ для обыкновенныхъ жителей остаются 4 дома.

Всѣ дома—типъ двойныхъ крестьянскихъ избъ, вымазанныхъ глиной и крытыхъ камышемъ.

Только водочный и масляничный заводы въ сторонѣ отъ села и обнесены бѣлой стѣной.

Китайскія телѣги двухколесныя, неуклюжія, которыхъ везутъ четыре-шесть мелкорослыхъ лошадокъ.

Это село одно изъ крупныхъ торговыхъ центровъ. Здѣсь скупается золото и продается добывателямъ его и другимъ охотникамъ-хунгузамъ, дробь порохъ, пули, ружья и прочіе необходмые припасы.

Одинъ китаецъ-торговецъ, свѣсивъ предложенный нами золотой въ 90 долларовъ, предложилъ за него 11 долларовъ,—очевидно, по курсу скупаемаго имъ здѣсь золота. Но и этимъ скупщикамъ золото привозятъ тоже больше скупщики и можно представить, что получаетъ непосредственный добыватель.

Солнце выглянуло передъ закатомъ и бросило снопъ фіолетовыхъ съ непередаваемо-нѣжнымъ отливомъ лучей на двѣ горы, и горятъ онѣ, какъ прозрачныя, какитъ то чуднымъ свѣтомъ среди печальнаго сумрака остальныхъ горъ. Но и въ сумракѣ онѣ въ бархатныхъ своихъ одѣяніяхъ волшебно хороши. Словно дворецъ богатый въ полумракѣ и только одна комната его горитъ огнями и льетъ свой свѣтъ въ нарядный полусвѣтъ другихъ комнатъ.

И несмотря на нестерпимый холодъ и вѣтеръ, нельзя не поддаться прелести этого холоднаго, но прекраснаго, какъ мечта, какъ сонъ, заката.

Какъ ни прекрасна природа всегда и во всемъ, но мы всѣ стоимъ на палубѣ нашей «Бабушки» и напряженно высматриваемъ первую самую маленькую фанзу, чтобъ промѣнять весь этотъ волшебный, но ледяной дворецъ на маленькую, душную, съ насѣкомыми и сверчками глиняную комнату фанзы.

И вдругъ страшно, до безумія почувствовался родной каминъ, близкія сердцу лица. Перенестись на одно мгновеніе,—не надо пищи, не надо удобствъ, но увидѣть, согрѣться душой и тѣломъ. Какой бы то ни было цѣной можно ли исполнить это желаніе? Нѣтъ, нельзя.

Уныніе ненадолго. Да и мнѣ ли унывать, такъ счастливо вырвавшемуся изъ всѣхъ случайностей совершенно первобытнаго, неизвѣданнаго пути. Ужъ совсѣмъ было попались въ лапы кровожадныхъ хищниковъ. Приди они раньше, они и фанзу зажгли-бы раньше, и лошадей перестрѣляли бы, да и мы куда дѣлись бы ночью? Волей,—неволей должны были бы показаться невидимому врагу и попасть подъ разстрѣлъ.

Но и живые безъ лошадей за сотни верстъ отъ жилья, куда бы мы дѣлись отъ нихъ? Ничѣмъ не рискуя, ночь за ночью, они разстрѣливали бы насъ, пока не покончили бы съ послѣднимъ, увѣренные, что все, что̀ съ нами, при насъ и осталось бы.

А застигни этотъ холодъ насъ на Пектусанѣ, гдѣ теперь, вѣроятно, градусовъ 15, да при вѣтрѣ, превращающемъ эти 15 градусовъ въ нестерпимый морозъ. Заблудись мы тамъ въ такую ночь, какъ прошлая, начало которой было такое теплое, и мы всѣ тамъ и остались бы, превратившись въ такія же ледяныя сосульки, которыя висѣли по его скаламъ и тогда уже, когда мы были тамъ.

Я понимаю теперь тотъ страхъ, который охватилъ Дишандари, когда ночью тогда пошелъ вдругъ снѣгъ.

Спокойный и мужественный, онъ заметался тогда и упалъ духомъ и говорилъ, какъ человѣкъ безповоротно погибшій.

И послѣ такого счастливаго въ концѣ-концовъ результата могу ли я роптать? А вотъ и фанза, наконецъ, уныніе мое быстро прошло и я уже радостно оглядывался въ крошечной, наполненной кукурузой, угарной, но теплой комнатѣ фанзы, гдѣ пріютили насъ.

Только что устроились, входятъ нѣсколько корейцевъ.

— Мы, жители этой деревни, узнавъ о пріѣздѣ иностранцевъ, собрались и, обсудивъ, рѣшили привѣтствовать дорогихъ гостей.

Я благодарю и прошу садиться. Они опускаются на корточки и начинается бесѣда.

Кто мы?

— Мы русскіе.—Слыхали ли онъ о русскихъ?

Слыхали. Это самое большое и сильное въ мірѣ государство.

Разговоръ продолжается съ часъ и мы разстаемся, желая другъ другу всего лучшаго.

Собственно не разстаемся: депутація переходитъ въ домашнія комнаты хозяевъ и оттуда еще долго мы переговариваемся, пока, наконецъ, на обычный вопросъ: «чѣмъ же имъ угощать дорогихъ гостей», я отвѣчаю: «Сказками».

Изъ трехъ сказокъ одну по совершенной ея нецензурности пришлось не записать, а въ одной относительно вѣрной жены пришлось опустить по той же причинѣ нѣсколько сильныхъ и злоостроумныхъ мѣстъ. А на видъ, когда они сидѣли въ моей комнатѣ, это были такіе почтенные люди.

Вотъ одна изъ сказокъ. Сказка о вѣрной женѣ.

«Однажды утромъ императоръ проснулся и увидѣлъ, что на столѣ, который съ незапамятныхъ временъ находился въ императорскомъ дворѣ, стоитъ рюмка.

Императоръ хотѣлъ поднять эту рюмку, но не смогъ. Тогда императоръ созвалъ всѣхъ своихъ министровъ и предсказателей, чтобы узнать, въ чемъ здѣсь дѣло.

И вотъ чтó оказалось. Рюмка упала съ неба и снять ее со стола можетъ только вѣрная жена.

Тогда императоръ приказалъ въ назначенный день всѣмъ корейскимъ женамъ собраться въ Сеулѣ и та, которая сниметъ рюмку со стола, получитъ цѣлое состояніе въ награду.

Въ то время жилъ въ Сеулѣ одинъ мужъ, по имени Кимъ, который любилъ разсказывать всѣмъ о добродѣтеляхъ своей жены. Услыхавъ о назначенной императоромъ наградѣ, онъ вездѣ кричалъ:

— Вотъ, наконецъ, когда добродѣтель моей жены восторжествуетъ, а я стану богатымъ человѣкомъ.

У Кима была старшая сестра—умная женщина.

Она позвала его въ свою комнату и сказала ему:

— Ты знаешь, что и я немного занималась предсказаніями, и вотъ, справившись въ книгахъ, я узнала, что подниметъ рюмку вовсе не добродѣтельная женщина, а та, у которой, кромѣ мужа, есть еще девять возлюбленныхъ.

Услышавъ это, Кимъ сдѣлался грустнымъ и пошелъ къ женѣ. Онъ разсказалъ ей все и кончилъ такъ:

— Вотъ былъ прекрасный и единственный случай намъ поправить свои дѣла, а теперь все пропало.

Женѣ было очень жаль своего мужа; она долго думала и наконецъ осторожно спросила мужа:

— А бонзы (монахи)—тоже люди?

— Да, конечно,—отвѣтилъ мужъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала смущенно жена,—дѣло еще можно поправить, потому что среди бонзъ здѣшняго монастыря ровно девять моихъ возлюбленныхъ.

Въ это какъ разъ время голову просунула въ дверь сестра и торопливо позвала его къ себѣ.

— Я только что провѣрила свои слова по книгамъ и оказалось, что я ошиблась: требуется дѣйствительно добродѣтельная жена.

Что послѣ этого было у мужа съ женой—никто не знаетъ, но съ тѣхъ поръ Кимъ, какъ и всѣ остальные мужья, о добродѣтеляхъ своей жены больше не говорилъ.

Между тѣмъ назначенный императоромъ день насталъ и всѣ женщины Кореи, отъ самой знатной до самой простой, пришли въ Сеулъ. Но напрасно глашатай уже въ третій разъ вызывалъ желавшихъ

обнаружить свои добродѣтели. Никто не двигался съ мѣста и всѣ говорили:

— Есть и болѣе насъ старшія.

Такъ, конечно, могло бы дойти Богъ знаетъ до чего и даже до возмущенія, когда вдругъ въ Сеулъ вошла уже не молодая женщина вся въ траурномъ бѣломъ одѣяніи.

И хотя, казалось, было такъ тѣсно, что и яблоку негдѣ было упасть, женщина эта свободно прошла чрезъ всю толпу.

— Вы желаете попытать счастье?

— Да.

Ее пропустили къ столу и она, подойдя, стала на колѣни и сказала громко, твердымъ голосомъ:

— Небо и ты великій Оконшанте, вы знаете, что я говорю теперь правду. Я вышла замужъ 16-ти лѣтъ, 23-хъ лѣтъ я овдовѣла. Ни до смерти мужа, ни послѣ я не измѣняла ему. Помогите же мнѣ поднять рюмку.

Она встала съ колѣнъ, подошла къ столу и взяла рюмку.

Но рюмка только качнулась въ ея рукахъ.

Тогда пришедшая задумалась и, наконецъ, сказала:

— Да, теперь я вспомнила. Однажды,—это было послѣ смерти мужа,—я съ интересомъ посмотрѣла вслѣдъ одному мужчинѣ. Но онъ не видѣлъ моего взгляда. Теперь я сказала все.

Вдова протянула вторично руку и на этотъ разъ подняла рюмку.

Вдова получила обѣщанную награду, но корейскія женщины остались неудовлетворенными. Во-первыхъ, вдова пришла прежде старшихъ, а во-вторыхъ, никто не зналъ, что «смотрѣть съ интересомъ» не считается грѣхомъ».

На прощанье милые жители деревни разсказали еще одну маленькую и остроумную сказочку.

Жили-были на свѣтѣ мужъ и жена. Они были хорошіе люди, но у нихъ былъ одинъ недостатокъ: всякое дѣло они узнавали на половину, не хотѣли дальше слушать и кричали:

— Знаемъ, знаемъ!

Разъ пришелъ къ нимъ купецъ и сказалъ:

— Вотъ этотъ халатъ у меня съ секретомъ: если надѣть его и застегнуть на одну пуговицу, поднимешься до потолка, на двѣ—до облаковъ, на три—въ небо улетишь.

Мужъ не спросилъ, какъ разстегнуть, а закричалъ:

— Знаю, знаю, давай скорѣе халатъ.

Онъ надѣлъ халатъ, застегнулъ его на одну пуговицу, на другую, на третью, и сразу улетѣлъ въ небо.

А жена его бѣжала и кричала:

— Смотрите, смотрите, мой мужъ летитъ прямо въ небо.

И такъ какъ она все смотрѣла вверхъ, то, въ концѣ концовъ, не замѣтивъ, упала въ пропасть, гдѣ протекала глубокая рѣка.

Говорятъ, что она превратилась въ утку, а онъ въ орла, и говорятъ, что для такихъ разинь какъ они все это еще очень хорошо кончилось.

16-го октября.

Сегодня попутный вѣтеръ и мы, сдѣлавъ изъ двухъ бурокъ парусъ, ѣдемъ со скоростью шести верстъ въ часъ. Нашъ оригинальный парусъ въ видѣ черной звѣзды привлекаетъ общее вниманіе. Нѣсколько шаландъ однако съ своими громадными римскими парусами обогнали насъ.

— Нельзя ли, чтобъ они насъ прихватили?

Кричатъ имъ,—отвѣчаютъ: можно.

— Сколько они за это хотятъ?

— Объ этомъ не стоитъ разговаривать,—сколько дадутъ.

Насъ привязываютъ бортъ къ борту и мы ѣдемъ со скоростью восьми верстъ въ часъ,—давно невѣдомое удовольствіе.

— Нельзя ли вамъ сказать въ ближайшемъ таможенномъ пунктѣ, что эти бобы, которые мы веземъ—ваши, тогда мы не заплатимъ пошлины?

Объ этомъ просятъ насъ китайцы, хозяева паруса.

— Нѣтъ, этого нельзя. А много у васъ бобовъ.

— Около тысячи пудовъ.

— Сколько вы заплатите пошлины?

— По копѣйкѣ съ пуда.

— Если вы довезете насъ до Иджоу, то мы примемъ пошлину на себя.

— Мы бы рады, если позволятъ перекаты.

Пока, во всякомъ случаѣ, мы ѣдемъ вмѣстѣ.

У насъ все, рѣшительно все на исходѣ. Кромѣ мяса, впрочемъ но мясо за то начинаетъ пахнуть. Я предлагалъ выбросить, его, но Бибикъ говоритъ, что именно теперь мясо и хорошо.

— Корова старая, жесткая была, а теперь мягкая, нѣжная.

Мясо, дѣйствительно, на вкусъ теперь гораздо лучше стало.

— А вы посмотрите,—горячо заступаясь за мясо, говоритъ Ив. Аф.,— что китайцы ѣдятъ,—къ ихнему мясу безъ зажатаго носа и подойти нельзя, а это что? Вотъ какъ надо, къ самому мясу наклониться, чтобъ услышать духъ.

— Обѣдъ нечѣмъ варить: дровъ нѣтъ,—докладываетъ Ив. Аф.,— развѣ у китайцевъ той шаланды въ долгъ взять.

— Попросите.

Дали дровъ.

— Сколько стоитъ?

Смѣются:

— Ничего не стоитъ.

Сварили себѣ обѣдъ и предлагаютъ намъ.

Благодаримъ и показываемъ на свой, который собираемся варить. Ив. Аф. пристроился все-таки и ѣстъ.

— Гораздо вкуснѣе нашего: хорошо разваренная кукуруза, какая-то прикуска.

— Неловко,—бросьте.

— Что-жъ неловко,—имъ это лестно только.

Я боюсь, что было бы, если бы до Иджоу оставалось еще нѣсколько дней,—мы всѣ обратились бы въ нищихъ странниковъ.

Холодно, грязно, голодно: послѣдніе часы въ Кореѣ проходятъ тускло. Только къ вечеру какъ будто теплѣе стало. Шире рѣка и, какъ расплавленная, съ фіолетовымъ налетомъ спитъ неподважно. Понизились горы: сзади сомкнулись крутыя, высокія, а впередъ ушли мелкими отрогами, открывая горизонты и даль рѣки. Тамъ недалеко уже и конецъ всѣмъ горамъ и черезъ два-три дня мы будемъ уже любоваться необъятнымъ горизонтомъ моря.

Словно изъ тюрьмы, какимъ-то узкимъ, безконечно высокимъ корридоромъ выходишь опять на волю.

Послѣдняя ночевка въ корейской деревенской гостинницѣ. Душно, тускло, человѣкъ двадцать корейцевъ, кромѣ насъ, насѣкомые и дымъ,—дымъ изъ растрескавшагося пола, ѣдкій, вызывающій слезы, дымъ отъ крѣпкаго корейскаго табаку, заставляющій чихать и кашлять.

Попробовали отворить дверь,—извиняются, но просятъ затворить: больные есть.

Послѣ ѣды корейцы отрыгиваютъ пищу и безконечные рулады оглашаютъ воздухъ.

Не хочется ѣсть, не хочется спать и въ то же время чувствуешь болѣзненную ненормальность этого. Продолжайся дольше путешествіе—поборолъ бы себя, но теперь весь какъ-то сосредоточился на концѣ своего путешествія.

Боюсь только упустить что-нибудь существенное.

Лѣсу нѣтъ, на каждомъ шагу и на китайскомъ и на корейскомъ берегу поселенія. Китайскій берегъ болѣе пологій, богаче почвой и пахотными полями. На китайскомъ же берегу, въ мѣстности, Менъ-суи-чуенгъ (Холодный ключъ), противъ корейской горы Чусанчанга, богатѣйшіе серебряные рудники. Всѣ китайцы передаютъ о нихъ, захлебываясь отъ восторга. Но китайское правительство не разрѣшаетъ разрабатывать ихъ, не разрѣшаетъ разрабатывать рудники красной мѣди, близъ Мауерлшаня.

— А тайно?

Китайцы отчаянно машутъ головами:—Хунгузы.

17-го октября.

Сегодня придемъ въ И-джоу.

Это первая мысль, съ которой проснулся, вѣроятно, каждый изъ насъ.

Сѣренькій денекъ, небо въ тучахъ, сыпется оттуда что-то невѣроятно мелкое, что-то, чего не разберешь въ раннихъ сумеркахъ начинающагося дня. Перспектива намокнуть не особенно пріятна, а о работѣ и говорить нечего.

Природа на прощанье хочетъ наглядно показать намъ, что нѣтъ такого положенія, которое не могло бы стать худшимъ.

Вѣроятно, оттого, что мы искренно увѣровали въ это, природа смилостивилась, дождь пересталъ и въ результатѣ, правда, сѣренькій, но теплый денекъ, какіе бываютъ у насъ въ началѣ сентября.

Морозовъ нѣтъ больше, они остались тамъ, за тѣми горами.

Передъ нами же югъ, тепло, океанъ.

Все это мѣста, посѣщенныя японцами; здѣсь въ послѣднюю войну проходили японскія войска.

Въ корейскомъ населеніи впечатлѣніе отъ пребыванія японцевъ сохранилось несомнѣнно очень хорошее, да къ тому же японцы побѣдили китайцевъ, ихъ исконныхъ угнетателей и для корейца непобѣдимыхъ.

Поэтому къ японцамъ и уваженіе большое.

За все то, что японцы брали у корейцевъ—за все платилось.

Тѣмъ не менѣе, и послѣ войны все-таки китайцы здѣсь хозяева и на своемъ, и на корейскомъ берегу. Въ тонѣ обращенія ихъ съ корейцами чувствуется обращеніе побѣдителя съ побѣжденными. Благодаря этому и японцамъ нѣтъ здѣсь ходу.

Китайцы оскорблены и возмущены побѣдой японцевъ.

— Что такое Японія для насъ, пятисотъ-милліоннаго народа?

Какъ бы то ни было, для мирной торговой дѣятельности здѣсь на Ялу условія для японцевъ неблагопріятныя. Китаецъ силенъ здѣсь и въ торговлѣ, да силенъ и въ своемъ оскорбленномъ національномъ чувствѣ.

Это чувство у китайцевъ есть несомнѣнно. И равнодушіемъ только маскируется временное безсиліе.

Наконецъ, у японцевъ денегъ нѣтъ, а здѣсь, чтобъ дѣлать хорошія коммерческія дѣла и захватить районъ сѣверной Кореи и главнымъ образомъ примыкающей къ ней Манчжуріи, нуженъ первоначальный капиталъ не меньше ста милліоновъ.

— Смотрите,—говоритъ съ завистью П. Н.,—на китайской сторонѣ золото роютъ, хлѣбъ сѣютъ, а черезъ Амноку только перешелъ въ Корею—голыя горы и ничего больше. Тамъ золото, серебро, желѣзо, красная мѣдь, какой лѣсъ, а здѣсь ничего. Нѣтъ счастья корейцамъ...

Я рѣшаюсь выступить тоже въ роли корейскаго сказочника.

— Позовите нашего проводника и я разскажу ему, почему нѣтъ счастья въ Кореѣ. Когда Оконшанте создалъ землю, то ко всякому государству послалъ особаго старца-покровителя. Послалъ и въ Корею, надѣливъ старца всѣми богатствами: пашней, лѣсомъ, золотомъ, сереб-

ромъ, красной мѣдью, желѣзомъ, углемъ. Все это старецъ уложилъ въ свой мѣшокъ и пошелъ. Шелъ, шелъ, усталъ и остановился на ночлегъ въ Манчжуріи. Предложили ему манчжуры своей сулеи, соблазнился старецъ и думаетъ: на ночь выпью, а до завтра просплюсь. Не зналъ онъ, что китайская водка такая, что стоитъ на другой день хлебнуть воды, какъ опять пьянъ станетъ человѣкъ (не переброженная). Вотъ проснулся старикъ на другой день, глотнулъ ключевой воды и пошелъ своей дорогой. Пошелъ и охмелѣлъ, — такъ и шелъ весь день пьяный. Перебрелъ черезъ какую-то рѣчку и показалось ему, что перешелъ онъ Амноку и сталъ онъ разбрасывать повсюду пашни, лѣса, золото, серебро, мѣдь, желѣзо, уголь. Когда пришелъ къ Амнокѣ остались у него только горы, да разная мелочь отъ всѣхъ прежнихъ богатствъ. Такъ и осталась Корея ни съ чѣмъ, а хуже же всего то, что дипломъ на счастье корейское охмелѣвшій старикъ оставилъ тоже у китайцевъ.

Кореецъ слушаетъ меня, удрученно качаетъ головой и что-то говоритъ.

П. Н. переводитъ:

— Говоритъ: навѣрно все такъ и было.

— Скажите ему, что не было, потому что я самъ это выдумалъ.

— Сказалъ, только онъ не вѣритъ: говоритъ, что больше похоже на правду, чѣмъ на выдумку. Говоритъ, что и у нихъ считаютъ, что корейское счастье все попало къ китайцамъ...

Я смотрю въ кроткое задумчивое лицо корейца: какое-то спокойное и тихое помѣшательство и ясная грусть объ утраченномъ навѣки счастьи.

18-го октября.

Послѣдній день въ Кореѣ. Мы въ городѣ И-джоу. Съ виду это самый чистенькій и богатый городъ изъ тѣхъ, которые мы видѣли.

Множество черепичныхъ фанзъ съ китайскими крышами на четыре ската съ приподнятыми вверхъ, точно улетающими въ небо, краями. Края эти изображаютъ изъ себя иногда драконовъ, змѣй, священныхъ птицъ. На макушкѣ крышъ еще маленькая на столбикахъ крыша, точно корейская шляпа на головѣ. Цвѣтъ черепицы черный. Черный и бѣлый цвѣтъ извести—два господствущіе цвѣта, что придаетъ городу мрачный видъ. Все тѣ же бумажныя двери, окна и только въ очень богатыхъ фанзахъ кусочки стекла.

Городъ до войны процвѣталъ и насчитывалъ до 60 тысячъ жителей. Но война разорила его. Сперва китайскія войска заняли брошенный почти городъ и не стѣсняясь совершенно, захватывали имущество, ловили, скотъ, насиловали женщинъ, жгли на дрова фанзы. Затѣмъ явились японцы и до появленія главной квартиры, по отзыву всѣхъ, держали себя нехорошо. Но съ приходомъ главной квартиры безобразія прекратились и стали платить за все.

Теперь въ городѣ насчитываютъ не болѣе 15 тысячъ жителей и 4 т. фанзъ изъ бывшихъ 20 т. Жители не возвращаются въ городъ, такъ какъ живущіе на той сторонѣ китайцы упорно стоятъ на томъ, что будетъ скоро новая война съ Японіей.

Корейцы попрежнему любезны до безконечности. Начальникъ города, кунжу прислалъ къ намъ цуашу (предводитель дворянства) съ вопросомъ, не надо ли намъ чего.

Намъ надо было размѣнять японское золото, за которое давали здѣсь половинную стоимость японскими долларами. Кончилось тѣмъ, что кунжу размѣнялъ намъ все золото по курсу.

Кстати, предупреждаю туристовъ, думающихъ путешествовать по сѣверной части Кореи: лучшія деньги здѣсь японскіе доллары, которые идутъ здѣсь по 500 кешъ. Отъ устья Тумангана до Херіёна по тому же курсу шли у насъ и серебряные рубли и бумажки. Мексиканскіе доллары идутъ на 20—30 кешъ (4—6) дешевле. Золото же и японскія бумажки ни по чемъ не идутъ.

Любезность кунжу этимъ не ограничалась. Онъ первый сдѣлалъ намъ визитъ и на наше замѣчаніе, что онъ предупредилъ насъ, сказалъ:

— Имя русскаго въ Кореѣ священно. Слишкомъ много для насъ сдѣлала Россія и слишкомъ великодушна она, чтобъ мы не цѣнили этого. Русскій самый дорогой нашъ гость. Мы между двумя открытыми пастями: съ одной стороны Японія, съ другой—Китай. Если насъ ни та, ни другая пасти не проглатываютъ, то, конечно, благодаря только Россіи.

Мы остановились въ обширной, сравнительно, фанзѣ съ потолкомъ, оклеенными обоями стѣнами, съ бумажными дверями, на которыхъ нарисованы разные небывалые звѣри, птицы, съ стеклами въ срединѣ дверей и оконъ. На тепломъ полу, устланномъ цыновками, стоитъ грубоватое подражаніе японской ширмѣ, туалетный японскій столикъ съ зеркаломъ и разными банками. Но дворъ микроскопически малъ, грязенъ.

Улицы чище и шире другихъ городовъ, есть даже канавы, но грязи и вони всетаки очень много, такъ много, точно все время вы идете по самому неряшливому двору какого-нибудь нашего провинціальнаго дома. Сегодня какъ разъ ярмарка. Въ маленькой, узенькой улицѣ много (сотъ пять) народа, открыты лавки, лежатъ на улицѣ товары: чумиза, рисъ, кукуруза, лапша, посуда, сушеная рыба, дешевыя матеріи, пряники (на 20 кешъ мы купили фунта два ихъ: тягучіе, клейкіе, мало сладкіе). Толпится рабочій скотъ. Попадаются иногда прекрасные экземпляры быковъ, пудовъ до 40 живого вѣса. Но коровъ хорошихъ нѣтъ: аналогія съ людьми. Корейцевъ много красивыхъ, съ иконными темными лицами, но кореянки некрасивы: скуласты, широколицы, съ маленькими лбами, съ маленькими неизящными фигурками.

Но лица ихъ добрыя, ласковыя. Особенно у пожилыхъ женщинъ, у которыхъ нѣтъ страха за свою молодость, и онѣ уже спокойно смо-

трятъ на васъ. Благодаря нарядной прическѣ, въ этомъ взглядѣ что-то знакомое—такъ смотритъ чья-нибудь тетушка со двора своей усадьбы, гдѣ-нибудь въ глухой деревушкѣ, бѣдно одѣтая, но которую вы сейчасъ же отличите отъ крестьянки, по ея стародавной прическѣ,—смотритъ спокойно, добродушно ласково, все извѣдавшая на своемъ вѣку.

Впрочемъ, и такихъ женщинъ мало. Всѣ женщины гдѣ-то прячутся въ заднихъ комнатахъ своихъ фанзъ, а рѣдкая, если и показывается на улицѣ, то здѣсь, на югѣ, подъ такой большой шляпой, какихъ на сѣверѣ Кореи я не видалъ. Это не шляпа даже, а большая плетеная корзина, у которой, вмѣсто плоскаго дна, конусъ. Діаметръ такой корзины больше аршина и такая корзина закрываетъ женщину ниже плечъ. Смотрятъ же обладательницы такихъ шляпъ черезъ щели соломеннаго плетенія. Исключеніе составляютъ только танцовщицы,—классъ, оффиціально уже упраздненный, но еще продолжающій функціонировать. Ихъ лица открыты, набѣлены, взглядъ смѣлый, увѣренный, костюмъ нарядный—цвѣтные шелка—около нихъ запахъ мускуса, гвоздики.

Возлѣ такихъ танцовщицъ всегда нѣсколько молодыхъ людей въ изысканно бѣлыхъ костюмахъ, нерѣдко изъ шелка, въ своихъ черныхъ изъ волоса, съ миніатюрными тулками и громадными полями шляпахъ.

Очевидно, тонкостью своего обращенія они хотятъ импонировать львицу и всѣхъ окружающихъ, подражая во всемъ своимъ старшимъ по культурѣ братьямъ—китайцамъ.

— Тутъ что... А вотъ въ Сеулѣ... Тамъ образованныя танцовщицы, тамъ онѣ не хуже китайскихъ умѣютъ играть и перекидываться острыми словами.

Сказать острое словцо, подобрать тутъ же рифму съ особымъ смысломъ, съ намекомъ на политику, общественную жизнь, на какой-нибудь надѣлавшій шуму эпизодъ,—это верхъ образованія.

Мы праздно продолжаемъ ходить по ярмаркѣ. Одинъ кореецъ купилъ горсть рису, другой тащитъ мѣшечекъ кукурузы, чумизы, а тяжелая связка кешъ болтается у него сзади, привязанная къ поясу. На самомъ маленькомъ нашемъ деревенскомъ базарѣ и товару больше, и крупнѣе торговля.

А вотъ похороны. Большіе, парадные похороны. Умерла жена—уже старуха—богатаго корейца. Процессія съ воплями и плачемъ медленно проходитъ.

Впереди всѣхъ верхомъ, по-мужски, на лошади женщина въ сѣроватомъ, изъ тонкаго рядна халатѣ, повязанномъ веревкой. Женщина эта покрыта какимъ-то прозрачнымъ сѣрымъ мѣшкомъ.

Это любимая раба, на обязанности которой лежитъ оплакивать покойницу. Почетная роль. Радостное сознаніе этого почета заглушаетъ въ ней печаль и хотя она и усердно взвизгиваетъ, но озабоченно и со страхомъ оглядывается, боясь пропустить моментъ, когда надо остановиться. Ея уродливое лицо съ несвойственной для кореянки живостью

то и дѣло оглядывается назадъ. Видно, что для нея это событіе на всю остальную жизнь и честь выше головы.

Все войдетъ опять въ колею, опять будутъ ее неволить и бить, но этотъ день, какъ солнце всей ея жизни, будетъ свѣтить ей до послѣдняго шага ея жизненнаго пути. Будетъ о немъ она разсказывать внукамъ и правнукамъ своихъ господъ и въ ясный весенній день, когда отдыхать будутъ ея старыя кости, и въ угрюмый осенній вечеръ, когда отъ ломоты мѣста живого не будетъ въ нихъ, также разсказывать, какъ и у насъ еще разсказываютъ барчукамъ старыя нянюшки, видѣвшія еще и барщину и всю неправду крѣпостной жизни.

За рабой тянется рядъ хоругвей: на шестахъ доски съ изображеніями людей и невиданныхъ звѣрей, громадныя кольца золоченой и красной бумаги. Это деньги—деньги для ада, которыя тамъ будетъ платить покойница. Ихъ положатъ съ ней въ могилу. Она и здѣсь уже платитъ,—идутъ двое и разбрасываютъ такія деньги по дорогѣ. Это умилостивляетъ духовъ ада и, слѣдуя теперь за тѣломъ, они ни покойницѣ, ни ея роднымъ, ни всѣмъ тѣмъ, мимо домовъ которыхъ проносятъ тѣло усопшей, не будутъ дѣлать зла. Но для вѣрности, женщины каждаго дома выносятъ на порогъ горсть сухихъ листьевъ, хворосту, ельнику и жгутъ его. Дымъ еще лучше денегъ отгоняетъ злыхъ духовъ и во всякомъ случаѣ гигіеничнѣе.

Ближе подходитъ процессія и нестерпимый въ неподвижномъ солнечномъ воздухѣ трупный смрадъ. Неудивительно: тѣло покойницы держали три мѣсяца на дому прежде погребенія.

Вотъ и катафалкъ—громадныя закрытыя носилки съ балдахиномъ, закрытымъ со всѣхъ сторонъ. Стѣнки его разноцвѣтныя, по верху изображенія страшныхъ лицъ, драконовъ, змѣй, священныхъ птицъ.

Впереди катафалка дѣти, родные, друзья. Сзади носилки: въ переднихъ сидитъ подруга покойной и громко плачетъ—это ея обязанность.

Процессія останавливается на перекресткѣ, гдѣ дорога сворачиваетъ уже за городъ и происходитъ послѣднее поминаніе въ городѣ.

Передъ катафалкомъ устанавливается богатый корейскій столъ съ рыбой, но безъ мяса,—такъ какъ это былъ постъ,—съ чашками риса съ восковыми свѣчами.

Впереди этого стола (не выше полуаршина) полусидятъ на колѣняхъ всѣ мужчины, одѣтые въ трауръ (такой-же, какъ у рабы).

Мужъ покойной читаетъ какія-то бумаги, сынъ покойной, лѣтъ 16-ти юноша, стоитъ передъ столомъ, лицомъ къ катафалку и кладетъ частые земные поклоны или, складывая руки, поднимаетъ и опускаетъ ихъ.

Чтеніе нараспѣвъ и иногда всѣ подхватываютъ и повторяютъ припѣвъ. Какой-то, очевидно, сильный моментъ, потому что всѣ заметались, припали къ землѣ и нѣсколько искреннихъ рыданій сливаются съ страстно-тоскливымъ напѣвомъ.

Ощущеніе какого-то всеконечнаго конца, горя, пустоты.

Кончилось, всѣ встаютъ, обѣдъ несутъ дальше и вся процессія опять приходитъ въ движеніе, медленно скрываясь гдѣ-то за городомъ, въ яркихъ лучахъ осенняго дня.

Такъ же, какъ и у насъ, точно тише вдругъ стало и громче тамъ и сямъ пѣніе пѣтуховъ.

Пора и къ начальнику города съ визитомъ.

Маленькій начальникъ въ лиловомъ шелковомъ халатѣ, съ маленькой въ три волоска бородкой уже ждетъ насъ на высотѣ своего навѣса.

Для насъ открыты среднія ворота, насъ ведутъ по средней лѣстницѣ—это высшій почетъ. По этой же лѣстницѣ спѣшитъ сойти навстрѣчу къ намъ кунжу.

Мы жмемъ руки другъ другу и идемъ внутрь его помѣщенія. Комната безъ стульевъ, коверъ; жестомъ руки насъ просятъ садиться.

Я уже привыкъ и сажусь свободно, поджимая подъ себя ноги, но Н. Е. никакъ не можетъ усѣсться и, наконецъ, ему приносятъ какое-то высокое сидѣнье.

Намъ подаютъ маленькіе столики съ закусками, рисомъ и супомъ, но мы только что поѣли и ѣдимъ плохо.

Хозяинъ даритъ мнѣ два листа съ надписями, сдѣланными извѣстнымъ поэтомъ Кимомъ. На одной изъ нихъ говорится о городѣ И-джоу въ такихъ словахъ: «гдѣ кончаются горы, гдѣ долина и зелень, гдѣ гладь воды, гдѣ синее небо, да бѣлое облако въ небѣ, тамъ городъ И-джоу».

Этотъ Кимъ былъ когда-то начальникомъ здѣсь, любилъ городъ и оставилъ по себѣ очень хорошую память.

Мы сидимъ; я осматриваю маленькія высокія комнаты зданія съ вертикальными рядами китайскихъ знаковъ. Мы уже переговорили обо всемъ, нѣсколько разъ уже высказанное повторяетъ хозяинъ сожалѣніе, что мы такъ скоро, сегодня же покидаемъ его городъ, мы хотимъ вставать и прощаться уже, когда что-то докладываютъ хозяину и онъ, сдѣлавъ гримасу, что-то говоритъ и неохотно встаетъ, направляясь къ порогу.

Тамъ стоитъ онъ и ждетъ, а во дворѣ какой-то шумъ. Немного погодя, показываются китайскій офицеръ и нѣсколько его солдатъ.

У порога хозяинъ и гость кланяются.

Китайскій офицеръ съ красивымъ римскимъ лицомъ, бритый, высокій, стройный съ изящными манерами, въ костюмѣ, напоминающемъ римскія туники, входитъ въ комнату, увѣренно, но вѣжливо кланяется намъ и, по приглашенію хозяина, садится на коверъ.

Я дѣлаю движеніе встать, но П. Н., изъ нѣсколькихъ фразъ понявшій въ чемъ дѣло, говоритъ:

— Не уходите, очень интересно. Это начальникъ китайскаго города. Онъ пришелъ съ жалобой на корейцевъ. Будто бы триста корейцевъ его плотъ ограбили. И плотъ не его, и триста корейцевъ никогда не бывало: все вретъ...

Еслибъ офицеръ понималъ, что говоритъ П. Н.! Но онъ сидитъ величественно и спокойно, слегка поводя своими большими красивыми подведенными глазами. Видны были его красивыя длинныя руки съ громадными отточенными ногтями, съ широкимъ, изъ цвѣтного камня кольцомъ на большомъ пальцѣ.

Онъ, очевидно, знаетъ, что все на немъ дорогое и сидитъ хорошо и умѣетъ онъ держаться, знаетъ, что онъ красивъ и строенъ и можетъ быть и очаровательнымъ поклонникомъ, и суровымъ, безпощаднымъ судьей, и жаднымъ хищникомъ, не пропускающимъ удобнаго случая. Таковымъ былъ онъ въ эту минуту и лицо его, словно говорило: «если я въ данный моментъ и обнажаюсь, можетъ быть, съ этой стороны, то мнѣ все равно: остальное при мнѣ и я добьюсь своего».

Маленькій корейскій начальникъ, полный контрастъ своего гостя, болѣзненно и раздраженно мнется.

Онъ обрываетъ рѣчь своего гостя и раздраженно обращается къ переводчику:

— Спроси: развѣ вышелъ новый законъ, по которому китайскіе солдаты тоже могутъ входить въ мою комнату и, притомъ, не снимая обуви?

Солдаты въ своихъ синихъ кафтанахъ съ красными и желтыми щитами и обшивками дѣйствительно ввалились безъ церемоніи за своимъ начальникомъ и, кажется, только ждутъ распоряженія, чтобъ броситься на тщедушнаго хозяина.

Переводчикъ дипломатично обращается не къ офицеру, а шепчетъ что-то солдатамъ. Тѣ нехотя и обиженно выходятъ не только за дверь, но и совсѣмъ на дворъ.

Выслушавъ гостя и принявъ его заявленіе, хозяинъ говоритъ переводчику.

— Всегда китайцы жалуются, что ихъ грабятъ корейцы, и маленькія дѣти даже не вѣрятъ и смѣются надъ этимъ. Ихъ хунгузы грабятъ. И всегда лѣсъ оказывается начальника, но всегда безъ документа. Начальникъ говоритъ, что и деньги были отняты у его сплавщиковъ лѣса. Когда у сплавщиковъ бываютъ деньги?

Хозяинъ устало опускаетъ голову: ему обидно и стыдно и за гостя, и за себя. Офицеръ проситъ вызвать на судъ виновныхъ. Хозяинъ отдаетъ распоряженіе.

Мы встаемъ и откланиваемся. Такой же великолѣпный поклонъ со стороны римлянина-китайца. Мало того, онъ встаетъ и совершенно поевропейски жметъ намъ руки. Я жму и съ радостью соображаю, что онъ сегодня въ свой городъ не попадетъ, а я буду тамъ ночевать, а завтра утромъ, прежде, чѣмъ онъ пріѣдетъ, я уже выступлю и такимъ образомъ избавлюсь отъ визита къ нему,

Хозяинъ съ видимымъ удовольствіемъ оставляетъ своего гостя и, не смотря на усиленныя наши просьбы, провожаетъ насъ до воротъ.

Мы спѣшимъ въ свою фанзу. Наши китайцы-матросы съ своимъ гигантомъ капитаномъ уже ждутъ насъ. Итакъ, мы отправляемся по восточному побережью Ляодунскаго полуострова въ Портъ-Артуръ. Лошадей нашихъ, идущихъ изъ Мауерлшаня съ Бесѣдинымъ и Таиномъ, еще нѣтъ. Такъ какъ въ Портъ-Артурѣ у меня и Н. Е. есть дѣло, которое задержитъ насъ тамъ на нѣсколько дней, то я рѣшаю ѣхать съ Н. Е. впередъ, чтобы воспользоваться тѣмъ временемъ, пока будетъ подходить нашъ обозъ, для нужныхъ работъ въ Портъ-Артурѣ.

Во главѣ обоза остается И. А. При немъ солдаты: Бибикъ, Бесѣдинъ, Хаповъ и кореецъ Таинъ. Съ ними же остается китайскій переводчикъ В. В. Послѣдняго оставляю съ величайшимъ сожалѣніемъ, замѣняя его корейцемъ, говорящимъ по-китайски. Этотъ будетъ переводить П. Н., а послѣдній намъ. Такимъ образомъ передовой отрядъ составляется изъ меня, Н. Е., П. Н. и корейца, жителя И-джоу.

При насъ два револьвера и мой Маузеръ съ послѣдними девятью зарядами. Все остальное вооруженіе мы оставляемъ обозу.

Обозъ—громкое названіе: семь верховыхъ лошадей, одной больше противъ числа всадниковъ. Эта лишняя повезетъ кастрюлю и четыре уцѣлѣвшія чашки,—вотъ и весь нашъ теперешній обозъ.

Капитанъ и матросы ручаются за безопасность нашего пути до Портъ-Артура.

— Есть морскіе пираты, но сухопутныхъ хунгузовъ мало (нѣтъ). Все время вы будете ѣхать густо населенными пахотными мѣстами.

Этого довода для меня достаточно, чтобъ не думать больше о какихъ бы то ни было хунгузахъ. Потому что, если я видѣлъ тамъ въ горахъ эти уродливыя язвы китайской цивилизаціи въ лицѣ хунгузовъ, то успѣлъ уже увидѣть и культурный земледѣльческій классъ. Познакомился наконецъ и съ другимъ классомъ людей въ лицѣ моего капитана и его моряковъ,—пролетаріевъ, рабочихъ, которые честнымъ путемъ хотятъ заработать свой хлѣбъ.

Я не могъ не проникнуться къ тѣмъ и другимъ глубокимъ уваженіемъ: я видѣлъ тяжелый трудъ земледѣльца по притокамъ и по самой Амнокѣ, видѣлъ тяжелый и мужественный трудъ моряковъ. Я видѣлъ этотъ облагороженный свободнымъ трудомъ взглядъ и понималъ и чувствовалъ, что при внѣшнемъ сходствѣ этихъ людей съ хунгузами (грязный костюмъ, нечистоплотная коса, закоптѣлый таежный видъ), разница по существу неизмѣримая, такая же, какъ между нашимъ лѣснымъ бродягой и осѣдлымъ населеніемъ.

Все это, торопливо укладываясь, я растолковываю маленькому, но храброму И. А., который высказалъ нѣкоторое сомнѣніе относительно риска предстоящаго путешествія.

Все готово.

— Ну-съ, господа, до Портъ-Артура. Помните постоянно, что вы въ гостяхъ и, слѣдовательно, ничего требовать не можете. Хорошій гость старается, напротивъ, сдѣлать что-нибудь пріятное хозяину.

Мы опять въ нашей «Бабушкѣ». Она довезетъ насъ по рѣкѣ до китайскаго городка Сохоу, а оттуда завтра на лошадяхъ мы поѣдемъ дальше по Лаодунскому полуострову.

Сахоу въ 35 ли отъ И-чжоу. Отсюда до Татонкоу, морской пристани у устья Амноки, главнаго пункта лѣснаго, 30 ли.

Солнце садится и въ послѣдній разъ мы видимъ его съ корейскаго берега: оно уже за горами и свѣтятся далекія теперь горы, охваченныя фіолетово-золотистою дымкой. Тишина, покой, миръ. Горитъ рѣка и все неподвижно и тихо, какъ сладкій, но чуткій сонъ усталаго человѣка. Онъ спитъ, видитъ грезы, но весь чувствуетъ свой сонъ.

Усталый человѣкъ—это я. Въ первый разъ за время своего путешествія я ощутилъ, вѣрнѣе, позволилъ себѣ ощутить, въ виду близкаго уже конца, утомленіе. Въ первый разъ только на одно мгновеніе я позволилъ себѣ посмотрѣть на все окружающее съ точки зрѣнія моихъ обычныхъ удобствъ. Я, тотъ прежній, увидѣлъ вдругъ со стороны себя—грязнаго, въ этой окружавшей меня классической грязи и специфическомъ китайско-корейскомъ ароматѣ: «Бабушка», пропитанная саломъ, съ прилипшими къ ея бортамъ и сидѣньямъ маленькими вѣчно сѣкущимися жесткими черными волосами, грязныя китайскія чашки, грязныя косы, сальныя спины, грязныя фигуры нашихъ бравыхъ матросовъ. И вся эта грязь, пахучая, съ какимъ-то удручающимъ національнымъ ароматомъ, съ насѣкомыми, которыхъ кореецъ не торопится уничтожать, потому что они приносятъ счастье.

О, сколько этого счастья въ Кореѣ, въ головахъ этихъ несчастныхъ, въ ихъ длинныхъ волосахъ, закрученныхъ на макушкѣ узломъ, проткнутомъ булавкой...

Ощущеніе этой грязи почувствовалось такъ сильно вдругъ, что еслибъ я могъ, я, конечно, выпрыгнулъ бы даже изъ самого себя, чтобъ бѣжать безъ оглядки.

Но выпрыгнуть нельзя, бѣжать некуда, растравлять самого себя даже опасно, такъ какъ дорога впереди еще большая и преждевременное отвращеніе могло вызвать и соотвѣтственное истощеніе, такъ какъ извѣстно, что отвращеніе побѣждаетъ голодъ, растраиваетъ питаніе, а о нервной системѣ, о спокойномъ воспріятіи не могло бы быть и рѣчи.

Да наконецъ и матросы китайцы при всей своей грязи, проявляли столько трогательнаго радушія, привязанности, вниманія, что нельзя было оставаться равнодушнымъ.

В. В., провожавшій насъ до города, радовался, какъ ребенокъ, что мы наконецъ ѣдемъ въ китайскую сторону, въ китайскій городъ. Это его сторона, его городъ, — эти матросы и онъ будутъ насъ тамъ принимать.

— Что Корея,—добродушно машетъ онъ рукой,—вотъ Китай наша посмотри... Что Корея...

Онъ радостно говоритъ что-то капитану. Капитанъ нѣсколько разъ

киваетъ ему головой и, въ свою очередь, выпускаетъ нѣсколько горловыхъ и носовыхъ звуковъ. В. В. торопливо переводитъ:

— Сахаръ есть, чай есть, булки есть... Ну? Что Корея... Яблоки вотъ какіе... Ну? Пряники—все есть... Домъ большая.

— И лошадей можно завтра же утромъ нанять?

— До Ліушаня (Портъ-Артуръ) сразу наймемъ... Лошади хорошія: мулы... Развѣ какъ въ Кореѣ—одного быка на всю деревню не найдешь... Тутъ и быка, и лошадь, и мула, и осла, сколько хочешь найдешь... больше, какъ во всей Кореѣ... Шибко богатый... гостинница, ужинъ, завтра днемъ театръ...

В. В. обращается опять къ капитану, тотъ быстро что-то кричитъ, глаза его разгораются...

— Его хочетъ васъ угощать завтра, хочетъ вести театръ, китайскимъ обѣдомъ кормить... Хочетъ на своя деньги угощать: ваша хороша ему показалась.

Я очень благодарю капитана и очень жалѣю, что долженъ торопиться. Капитанъ тоже жалѣетъ и мы молча ѣдемъ дальше. И каждый думаетъ свою думу.

Взошла луна и льетъ свой свѣтъ на воду, ушедшіе вглубь берега. Въ неясномъ просвѣтѣ причудливыя блѣдныя горы сливаются съ такими же блѣдными облаками.

Скоро конецъ всего путешествія. Мысль эта настойчиво лѣзетъ въ голову, хотя впереди еще больше четырехсотъ верстъ по странѣ, совершенно неизвѣстной.

Вѣришь въ культуру, въ безопасность среди культурнаго населенія, но эта вѣра такъ скоро и легко разбивается. Какой-нибудь хунгузъ, какой-нибудь взрывъ непонятнаго негодованія и все быстро становится и непонятнымъ, и чужимъ, и сознаніе безсилія двухъ-трехъ путниковъ въ чужой странѣ, гдѣ все-таки нѣтъ - нѣтъ и происходятъ всякія расправы: то миссіонера убьютъ, то возстаніе поднимется и тамъ бьютъ подвернувшихся подъ сердитую руку европейцевъ.

И что лучше, какъ путешествовать здѣсь,—обращаясь за содѣйствіемъ къ начальству китайскому или, довѣряя гостепріимству народа, съ нимъ только и имѣть дѣло?

Прежде всего, всякое начальство—начальство. Допустимъ даже, что оно окажется любезнымъ и гостепріимнымъ. Но, во-первыхъ, при сношеніи съ нимъ непріятна потеря времени. Во-вторыхъ, всякое начальство пожелаетъ доказать разумность своего существованія. Какой путь въ данномъ случаѣ изберетъ китайское начальство? Навяжетъ, можетъ быть, намъ солдатъ, которымъ надо платить, а у насъ такъ мало денегъ. А, можетъ быть, задержитъ насъ до полученія увѣдомленія изъ центровъ, что насъ дѣйствительно можно пропустить. И сдѣлано ли еще такое увѣдомленіе?

А если допустить нелюбезность, то осложненій можетъ быть мно-

жество вплоть до подстрекательства населенія, запрещенія везти насъ, что-либо продавать намъ.

Такъ какъ такіе случаи бывали уже съ другими путешественниками, то, во всякомъ случаѣ, получается нѣкоторый рискъ въ томъ и другомъ случаѣ. Но за путешествіе помимо начальства была—большая скорость путешествія и связанная съ ней психологія: пока люди будутъ успѣвать только раскрывать рты при видѣ насъ, мы уже будемъ далеко. На ночлегахъ же, пріѣзжая поздно и уѣзжая рано, мы опять-таки никому не дадимъ опередить себя и всегда первые и сами повеземъ вѣсть о своемъ прибытіи.

Тихо на лодкѣ. Мѣрно стучатъ весла въ уключинахъ. Присѣвъ на корточки, посматриваетъ капитанъ и напѣваетъ какую-то китайскую пѣсенку. Ухо мое уже привыкло къ этимъ пѣснямъ. Много носовыхъ и металлическихъ звуковъ, какъ будто подражаніе удару мѣдныхъ тарелокъ. Много диссонансовъ, а заключительные аккорды всѣ не въ тонъ и не въ тактъ. Все пѣніе съ какими-то выкриками, часто рѣзкими и непріятными, но мѣстами улавливается и речитативная мелодія, на подобіе нѣкоторыхъ мало музыкальныхъ французскихъ шансонетокъ. Иногда это похоже и на вагнеровскую музыку и уже думаешь, а вдругъ слухъ нашъ будетъ прогрессировать именно въ этомъ направленіи и будущія поколѣнія въ этихъ диссонансахъ и нестройныхъ вопляхъ будутъ находить и мелодію, и прелесть, какъ это находятъ, очевидно, китайцы.

Я вспоминалъ берліозовскаго «Гибель Фауста» и «Фауста» Гуно. Ста лѣтъ еще не прошло, когда впервые обѣ вещи появились на сценѣ: Гуно вознесли до неба, а Берліоза освистали, осмѣяли и прокляли.

Одинъ авторъ получилъ все счастье жизни, на долю другого досталась вся горечь ея. Оба теперь спятъ вѣчнымъ сномъ, а людское музыкальное чувство уже, очевидно, другое: не передъ Гуно преклоняется. Гуно—ребенокъ передъ Берліозомъ. На нашихъ глазахъ прошелъ Вагнеръ съ своей непонятной музыкой и уже побѣдилъ. Можетъ быть, и эта музыка китайцевъ побѣдитъ? Будутъ находить въ ней такой же глубокій смыслъ, какой видятъ поклонники Китая во всей пятитысячной китайской культурѣ.

Нашъ будущій переводчикъ кореецъ въ своемъ бѣломъ костюмѣ присѣлъ на корточки и ежится отъ холода.

Холодно всѣмъ: пронизывающая сырость рѣки пробираетъ насквозь.

— П. Н., не разскажетъ ли онъ сказку?

— Говоритъ, что сказокъ не знаетъ.

— Неужели ни одной не знаетъ?

— Да въ И-чжоу никто не знаетъ, —говоритъ П. Н.,—сказки всѣ уже назади остались.

Кореецъ что-то говоритъ.

— А, вотъ видите... Онъ говоритъ, что теперешняя династія цар-

ствуетъ лишнее, оттого все такъ плохо и пошло въ Кореѣ. Что противъ предсказаній она уже двадцать пять лѣтъ больше царствуетъ, а долженъ бы царствовать Пенъ.

— А гдѣ же этотъ Пенъ?

П. Н. спрашиваетъ, слушаетъ и переводитъ:

— А этотъ Пенъ на островѣ живетъ, а только вѣрно это или нѣтъ, онъ не знаетъ и никто не знаетъ, потому что кто до сихъ поръ попадалъ на этотъ островъ, назадъ больше не возвращался: задерживаютъ тамъ... въ солдаты, что ли, берутъ?.. Ему вѣдь тоже войско надо, чтобы прогнать старую династію.

— Да вы не смѣйтесь сами, а то онъ подумаетъ, что мы не вѣримъ, и самъ не серьезно будетъ говорить.

— Нѣтъ, это ничего... Позвольте, онъ еще говоритъ... А, видите, вотъ что онъ говоритъ. Онъ считаетъ, что корейцамъ, какъ японцамъ, иначе надо начать жить: бросить старое платье, волосы, вѣру старую бросить...

— А много корейцевъ такъ думаютъ?

— Здѣсь, говоритъ, много. Да и я самъ знаю, что много. Имъ только неловко самимъ такъ сдѣлать, а еслибъ кто-нибудь приказалъ...

— Ну, вотъ второй сынъ короля,—говорю я,—который въ Японіи, женится на дочери японскаго микадо, вступитъ на престолъ и прикажетъ...

— Онъ говоритъ, что этого нельзя, чтобъ онъ женился на японкѣ,— этого никогда еще не бывало.

— Такъ вѣдь и новое, что хотятъ они заводить, тоже не бывало.

— Это, говоритъ, вѣрно.

— А любятъ они своего короля?

— Никто, говоритъ, не любитъ,—глупый и несчастливый, а старшій сынъ совсѣмъ идіотъ,—женили, съ женой не знаетъ, что дѣлать, сидитъ и молчитъ, ни тятя, ни мама. У него былъ братъ, не этотъ, что въ Японіи,—другой, очень умный,—отъ любовницы. А жена приказала его зарѣзать, чтобы все-таки ея сыну достался престолъ. Она бы и этого, который въ Японіи, прирѣзала,—тотъ тоже отъ любовницы,— если бы могла достать.

Кореецъ опять что-то говоритъ.

— Говоритъ, что теперешній король и его министры только и знаютъ, что мотать, да продавать корейское добро, а то и даромъ раздавать, чтобы только не трогали. Всю Корею продадутъ, пока ихъ выгонятъ. Продавать только ужъ нечего.

Я смотрю въ ту сторону, гдѣ осталась Корея. Ее не видно больше, она исчезла, растаяла въ молочномъ просвѣтѣ тусклаго луннаго блеска.

Единственный кореецъ, оставшійся еще съ нами—нашъ проводникъ—неяснымъ бѣлымъ пятнышкомъ свѣтлѣетъ на носу «Бабушки».

Ближе и ближе зато огоньки китайскаго берега и изъ блѣдной дали уже выдвигаются темные силуэты безконечнаго ряда мачтъ.

Впечатлѣніе какого-то настоящаго морского порта. Ночь увеличиваетъ размѣры судовъ и кажутся они грозной флотиліей кораблей, пароходовъ. Въ сущности же, это такія же, какъ и «Бабушка», шаланды, или побольше немного, ходящія, впрочемъ, въ открытое море, гдѣ и дѣлаются часто жертвами морскихъ разбойниковъ, морскихъ бурь.

Вотъ выступила и набережная, дома и лавки, огни въ нихъ.

Мы уже на пристани и при свѣтѣ фонарей насъ обступила густая и грязная толпа разнаго рабочаго люда: матросы, носельщики, торговцы. Ихъ костюмы ничѣмъ не отличаются ни по грязи, ни по цвѣту, ни по формѣ отъ любыхъ хунгузскихъ: синяя кофта, бѣлые штаны и, какъ сапоги, закрывая только одну переднюю сторону, надѣтые на нихъ вторые штаны, обмотанные вокругъ шерстяныхъ толстыхъ и войлокомъ подбитыхъ туфель. На головѣ шапочка или круглая, маленькая, безъ козырька, съ красной, голубой или черной шишечкой, или такая же маленькая и круглая, на подобіе меркуріевской шапочки, съ крылышками.

Толпа осматриваетъ насъ съ пріятной неожиданностью людей, къ которымъ среди ночи прилетѣли какія-то невиданныя еще птицы. Птицы эти въ ихъ власти, никуда отъ нихъ не улетятъ и что съ ними сдѣлать—времени довольно впереди, чтобъ обдумать, а пока удовлетворить первому любопытству.

Подходятъ ближе, трогаютъ наши платья, говорятъ, дѣлятся впечатлѣніями и смѣются.

Мы тоже жадно ловимъ что-то особенное, характерное здѣсь, что сразу не поддается еще точному опредѣленію.

Это все китайцы,—не въ гостяхъ, а у себя на родинѣ,—эти лица принадлежатъ той расѣ, которую до сихъ поръ привыкъ видѣть только на чайныхъ обложкахъ, да въ оперетках. И тамъ ихъ изображаютъ непремѣнно съ раскошенными глазами, толстыхъ, неподвижныхъ, непремѣнно съ длинными усами и бритыхъ, непремѣнно въ халатахъ.

Конечно, по такимъ рисункамъ нельзя признать въ этой толпѣ ни одного китайца. Это все тѣ же, что и во Владивостокѣ—сильныя, стройныя фигуры, оъ темными лицами, съ чертами лица, иногда поражающими своей правильностью и мягкой красотой. Вотъ стоитъ сухой испанецъ, съ острыми чертами, большими, какъ уголь, черными глазами. Вотъ лѣнивый итальянецъ своими красивыми съ переливами огня глазами смотритъ на васъ. Вотъ строгій римлянинъ въ классической позѣ, съ благороднымъ бритымъ лицомъ. Вотъ чистый типъ еврея съ его тонкими чертами, быстрымъ взглядомъ и движеніями. Вотъ веселый французъ съ слегка вздернутымъ толстымъ картофельнымъ носомъ. Нѣтъ только блондиновъ и поэтому меньше вспоминается славянинъ, нѣмецъ, англичанинъ. Но массу китайцевъ одѣть въ русскій костюмъ, остричь косу, оставить рости бороду и усы, и держу какое угодно пари, по наружному виду его не отличишь отъ любого русскаго брюнета. Старыхъ китайцевъ, уже сѣдыхъ, которымъ законъ разрѣшаетъ носить

усы и бороду, даже въ ихъ костюмѣ вы легко примете за типичныхъ нѣмцевъ русскихъ колоній...

Окончательно и безповоротно надо отказаться отъ какого бы то ни было обобщеннаго представленія типа китайца, а тѣмъ болѣе того каррикатурнаго, которыхъ считаютъ долгомъ изображать на своихъ этикеткахъ торговцы чайныхъ и другихъ китайскихъ товаровъ.

Отъ толпы глаза переходятъ на улицу, дома.

Отвыкъ отъ такихъ широкихъ улицъ, отъ большихъ изъ камня и изъ кирпича сдѣланныхъ домовъ. Тутъ же и громадные склады, съ громадными каменными заборами—все это массивно, прочно, твердо построено. Слегка изгибающіяся крыши крыты темной черепицей и бѣлыя полоски извести, на которой сложены онѣ, подчеркиваютъ красоту работы.

Такъже раздѣланы швы темнаго кирпича, цвѣтъ, достигаемый особой выколкой съ заливкой водой (очень часто, впрочемъ, въ ущербъ прочности).

На каждомъ шагу стремленіе не только къ прочному, но и къ красивому, даже изящному.

Эти драконы, эти сигнальныя мачты, красные столбы, красныя продольныя вывѣски съ золотыми буквами, съ птичьими клѣтками, магазины съ цвѣтами.

Н. Е. сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сейчасъ же отъ него отошли всѣ любопытные.

Въ ожиданіи капитана, который ушелъ разъискивать гостинницу, мы подошли къ фруктовой лавкѣ: громадныя груши, правда, твердыя, но сочныя и сладкія, каштаны, вареные, печеные... Боже мой, да вѣдь это значитъ конецъ всѣмъ тѣмъ лишеніямъ, о которыхъ непривыкшій и понятія себѣ не составитъ.

— А завтра свѣжія булки, сладкія печенья,—повторяетъ восторженно В. В.—Въ гостинницѣ ужинъ, хорошій чай.

Гостинница, ужинъ, булка, хорошій чай, груши, каштаны, эти прекрасныя постройки, эти широкія улицы, вся эта оживленная ночная жизнь пристани съ ея людомъ, фонари—и все это послѣ темной, нищей, холодной и голодной Кореи, послѣ всѣхъ этихъ въ тихомъ помѣшательствѣ бродящихъ по своимъ горнымъ могиламъ въ погонѣ за счастьемъ, людей. Здѣсь контрастъ—энергія, жизнь, какой то громадный, совсѣмъ другой масштабъ.

Вся видѣнная мною Корея передъ этимъ однимъ уголкомъ какая-то игрушка съ ея игрушечными домиками, обитателями, съ ихъ игрушечными, дѣтскими, сказочными интересами.

Конечно, попади я прямо въ Китай, все это показалось бы мнѣ иначе: ихъ груши я сравнилъ бы съ нашими, ихъ одноэтажные дома — съ нашими до неба этажами, ихъ гавань—съ нашей,

Но теперь съ масштабомъ Кореи я проникаюсь сразу глубокимъ

сознаніемъ превосходства китайской культуры и сравнительной мощи одного народа передъ другимъ.

И я точно слышу изъ туманной лунной дали безсильный шопотъ милаго корейца:

— Да, да, и все потому, что китайцамъ досталось наше счастье.

Въ своихъ сказкахъ кореецъ облагодѣтельствовалъ и Китай, и Манчжурію, и Японію,—всѣ богаты и счастливы за его счетъ, только онъ бѣденъ и ничего не имѣетъ.

Но онъ честенъ, добръ, трудолюбивъ и жизнерадостенъ среди своихъ святыхъ горъ, своихъ предковъ, могилъ, среди скудныхъ нивъ, среди невозможныхъ политическихъ условій своего существованія: хунгузъ, китаецъ, его собственное правительство—гнетущее, съ проклятой думой только о себѣ. Только о себѣ, такъ какъ нѣтъ уже силъ поддерживать даже какіе-нибудь отдѣльные классы: и дворяне, и купцы, и крестьяне все спасеніе свое видятъ только въ государственной службѣ. Кто тамъ, тотъ спасенъ, кто за флагомъ, до тѣхъ никому никакого дѣла.

Теплая ночь южнаго города, силуэты юга на каждомъ шагу,—южные типы, уличная жизнь юга, запахъ жареныхъ каштановъ.

Мы ходимъ по широкимъ улицамъ города, отыскивая себѣ пристанище, мимо насъ быстро мелькаютъ съ корзинами въ рукахъ и что-то кричатъ китайскіе подростки. Это пища, каштаны. Проснувшись, какой-нибудь китаецъ крикнетъ его къ себѣ, поѣстъ и опять спитъ.

Это называется будить голодныхъ.

Всѣ гостинницы полны посѣтителями, громадные дворы ихъ полны лошадьми, быками, мулами, ослами.

Сладострастныя блеянья этихъ ословъ несутся въ сонномъ воздухѣ, несутся крики продавцевъ каштановъ, усталость, сонъ смыкаютъ глаза. Мы идемъ дальше и кажется все кругомь какимъ то сномъ, который гдѣ-то, когда-то уже видѣлъ.

Вотъ наконецъ и гостинница, гдѣ-то на краю города, послѣ цѣлаго ряда громадныхъ каменныхъ оградъ.

В. В. смущенъ тѣмъ, что гостинница не изъ важныхъ, но намъ все равно и мы рады какому-то громадному сараю, гдѣ намъ отводятъ помѣщеніе. Очень скоро намъ подаютъ бефъ а ла строгановъ на маслѣ изъ бобовъ, рисъ, чай и сахаръ.

Все кажется роскошнымъ, поразительно вкуснымъ. Мы сидимъ на высокихъ нарахъ, задыхаемся и плачемъ отъ ѣдкаго дыма, затапливаемыхъ печей, но довольны и ѣдимъ съ давно забытымъ удовольствіемъ.

— А интересно спросить,—говоритъ Н. Е.,—изъ чего этотъ бефъ строгановъ? Можетъ быть, собачки...

— Не все ли равно, вкусно?

— Вкусно-то вкусно...

19—25-го октября.

Проснулись рано, но еще раньше насъ проснулись любопытные и теперь съ добродушнымъ любопытствомъ дикарей толпа праздныхъ китайцевъ стоитъ и ждетъ, что изъ всего этого выйдетъ... Вышло то, что пришлось при нихъ и одѣваться, и умываться.

Во дворѣ уже стоятъ готовые для насъ экипажи. Надо посмотрѣть.

На двухъ громадныхъ колесахъ устроенъ рѣшетчатый ящикъ, обтянутый синимъ холстомъ. Высота ящика немного больше половины туловища, длина двѣ трети этого туловища, ширина—полтора. Одному сидѣть плохо, вдвоемъ отвратительно, втроемъ казалось бы немыслимо, но китайцы умудряются усаживаться по пяти человѣкъ и двое на переднемъ сидѣньи.

Никакихъ, конечно, рессоръ, и такъ какъ сидѣніе приходится на оси, то вся тряска передается непосредственно. Спускается съ горы экипажъ и вы съ вещами съѣзжаете къ кучеру, ѣдетъ въ гору—васъ заталкиваетъ въ самый задъ и вещи нажимаютъ на васъ, въ громадныхъ ухабахъ вы то и дѣло стукаетесь головой, руками, спиной о жесткія стѣнки вашей узкой клѣтки.

400 верстъ такой дороги.

Три мула въ запряжкѣ: одинъ въ корню, два впереди.

Во всей Кореѣ и такого экипажа нѣтъ, но уродливѣе, тяжелѣе, неудобнѣе и въ смыслѣ сидѣнья, и въ смыслѣ правильнаго распредѣленія силъ, трудно себѣ что-нибудь представить.

Сила одной лошади уходитъ на то, чтобъ тащить лишнюю тяжесть десятипудовыхъ колесъ, годныхъ совершенно подъ пушечные лафеты, и нашъ еще легкій экипажъ, грузовые же въ два раза тяжелѣе и тридцать пудовъ груза тамъ тянутъ шесть-семь животныхъ: быкъ, корова, мулы, лошади, ослы, всѣ вмѣстѣ.

Трогательное сочетаніе громадныхъ быковъ съ какимъ-нибудь седьмымъ осленкомъ. Онъ равнодушно хлопаетъ своими длинными ушами и съ достоинствомъ въ путанной запряжкѣ смотритъ на васъ изъ толпы своихъ большихъ сотоварищей.

Колеса, обитыя сплошь толстымъ желѣзомъ, кончаются острыми ребордами, которые, какъ плугъ, рѣжутъ колею.

Для каменистаго грунта это хорошо, но въ мягкомъ колея доходитъ до глубины полуаршина, всегда при этомъ такъ, что какъ разъ тамъ, гдѣ одна сторона колеи совсѣмъ ушла въ землю, другая мелка и поэтому, помимо невозможныхъ толчковъ и перекосовъ, ѣхать рысью немыслимо.

Да и шагомъ, надо удивляться, какъ ѣдутъ.

— Что дѣлать,—объясняетъ возница,—законъ не позволяетъ иного, какъ на двухъ колесахъ, устройства экипажей. Только богдыханъ можетъ ѣздить на четырехъ.

Для одного человѣка, который, къ тому же, никуда и не ѣздитъ, остальные 400 милліоновъ поставлены въ такія дикія условія, которыя отъ нечего дѣлать развѣ можно выдумать въ пять тысячъ лѣтъ..

Вотъ идетъ китайская женщина. Несчастная калѣка на своихъ копытахъ, вмѣсто ногъ. Походка ея уродлива, она неустойчиво качается и, завидя насъ, торопится скрыться, но не разсчитываетъ ношу и вмѣстѣ съ ней летитъ на землю: хохотъ и крики. Она лежитъ и на насъ смотрятъ ея испуганные раскошенные глаза (у женщинъ почти у всѣхъ глаза раскошенные и типъ выдержанъ), утолщенное книзу мясистое лицо: толстый расплюснутый носъ, толстыя широкія губы. Лицо намазано синеватыми бѣлилами, фигурная прическа черныхъ волосъ съ серебряными украшеніями. Да, пять тысячъ лѣтъ выдумывали такого урода-калѣку. Это надежный охранитель своей позиціи и въ то же время мститель за себя,—это тормазъ посильнѣе и телѣги.

— Со мной калѣкой останетесь и никуда я и отъ васъ не уйду, и васъ не пущу.

Тормазъ говорящій, живой. Все остальное, мудрый Конфуцій хуже корана все до конца вѣковъ предрѣшилъ.

Въ этомъ отношеніи очень характерна одна легенда о Конфуціи.

Однажды Конфуцій съ тремя тысячами учениковъ вошелъ въ одну глухую долину. Тамъ подъ фруктовымъ деревомъ съ западной и восточной стороны сидѣло по женщинѣ. Съ западной стороны женщина была стройна и красива, съ восточной стороны женщина была некрасива, имѣла длинную талію и короткія ноги.

— Вотъ поистинѣ, — сказалъ Конфуцій своимъ ученикамъ, — красивая женщина и вотъ уродъ.

И онъ показалъ на женщину восточную.

— Но когда тебѣ придется, — сказала женщина востока, — вдѣть въ зерно четки съ тысячью отверстіями нитку, ты придешь за рѣшеніемъ ко мнѣ.

— Она не только уродлива, но и глупа,—сказалъ Конфуцій,—и поистинѣ, не слѣдуетъ намъ здѣсь больше оставаться.

И онъ ушелъ назадъ въ городъ со своими учениками.

Въ тотъ же день позвалъ Конфуція къ себѣ богдыханъ и предложилъ черезъ всѣ тысячу отверстій одного зерна четки продѣть нитку. Тогда вспомнилъ Конфуцій о женщинѣ востока и пошелъ къ ней...

Онъ нашелъ ее въ той же долинѣ, подъ тѣмъ же деревомъ, на томъ же мѣстѣ, но женщины запада не было съ ней больше.

— Да,—сказалъ Конфуцій,—я дѣйствительно пришелъ къ тебѣ за рѣшеніемъ.

— Я ждала тебя,—отвѣтила женщина.

И, взявъ у Конфуція четку, она опустила ее въ медъ. И, взявъ шелковую нитку, она привязала ее къ маленькому, только что родившемуся муравью.

Затѣмъ, вынувъ четку изъ меда, она пустила на нее этого муравья.

Муравей съѣлъ медъ на поверхности и полѣзъ за нимъ во всѣ тысячи отверстій, а за нимъ проходила и нитка.

— Отнеси богдыхану,—сказала женщина востока, подавая ему готовую работу.

Тогда Конфуцій сказалъ ей:

— Я вижу теперь твою мудрость: ты не только предвидѣла задачу, которую далъ мнѣ богдыханъ, но и рѣшила ее. Я до сихъ подъ считалъ себя мудрымъ и только теперь вижу, какъ ничтожна моя мудрость передъ твоей. Молю тебя, поэтому, не для своего блага, а для блага моего народа, открой мнѣ великій источникъ твоей мудрости. И если ты пріобрѣла его ученіемъ, скажи имя великаго учителя и я не пожалѣю всей жизни, чтобы перенять у него хоть нѣсколько его великой мудрости.

— Ты ее всю получишь, но не здѣсь, на землѣ. А пока довольно тебѣ знать, что то, что надо здѣсь, ты получишь отъ меня.

— Кто же ты?

— Я посланница неба.

— Но зачѣмъ нужно было великой мудрости проявить себя въ такомъ ничтожномъ явленіи, какъ эта четка?

— Потому что,—сказала женщина, вставая,—небо желало, чтобы посланникъ его, великій Конфуцій, далъ отвѣтъ на всѣ вопросы, какіе когда-либо придутъ въ голову человѣку, отъ самыхъ великихъ до самыхъ ничтожныхъ.

И, говоря это, женщина востока поднялась въ небо, а Конфуцій упалъ на землю, лежалъ такъ всю ночь и все думалъ. А для чего мудрецу нужна цѣлая ночь, то обыкновенный человѣкъ тысячу жизней долженъ прожить, чтобъ понять.

Такъ великій Конфуцій ковалъ свой народъ, пока не заковалъ его всего въ заколдованномъ кругѣ, гдѣ нѣтъ дороги впередъ, нѣтъ дороги назадъ, гдѣ все стоитъ на мѣстѣ и только въ какихъ-то безплодныхъ завертушкахъ мысли псевдоклассическая интеллигенція можетъ выкруживаться надъ неподвижнымъ.

Колесо, форма судна, домашній очагъ, одежда, женщина, образованіе—все навсегда подведено подъ свою вѣчную форму, все завинчено крѣпкими, геологическихъ періодовъ, винтами.

И какъ бы въ подтвержденіе мнѣ, здѣсь сообщается послѣдняя новость. Мать богдыхана устранила отъ престола своего сына и уже отмѣнила его декретъ относительно разрѣшенія чиновникамъ стричь косы и носить европейское платье.

Сообщается это тономъ, изъ котораго ясно, что ничего другого и не могло выйти.

— Но вѣдь коса признакъ рабства у васъ,—это мандчжуры заставили васъ носить косу въ память подчиненія.

— Да, конечно.

Отвѣтъ, напоминавшій мнѣ нашего русскаго человѣка. Онъ вамъ выскажетъ самый свой сокровенный предразсудокъ, отъ котораго сынъ его отдѣлается только въ хорошей настоящей школѣ, но на высказанный вами протестъ, онъ сейчасъ же согласится и съ вами. Онъ согласится, но вы сразу въ его глазахъ становитесь человѣкомъ не его закона, съ которымъ онъ такъ отнынѣ и будетъ поступать.

Капитанъ и матросы провожаютъ насъ за городъ.

Лавки, громадное оживленіе на улицахъ, неуклюжія телѣги, носильщики, прохожіе, крики, запахъ бобоваго масла...

Сегодня я опять съѣлъ бефъ строгановъ, но отъ этого бобоваго масла страшная изжога и ротъ, какъ луженый,—больше ѣсть его не буду. Булки тоже только на половину удовлетворили: онѣ совершенно прѣсныя, безъ корки и что-то въ нихъ то, да не то: какъ-то отнятъ вкусъ хлѣба. Но рисъ хорошъ. Вотъ и предмѣстье города,—широкія улицы, пыль, солнце, тепло, сверкаетъ взморье и все вмѣстѣ напоминаетъ югъ, гдѣ-нибудь въ Одессѣ на Пересыпи, когда ѣдешь на лошадяхъ изъ Николаева.

Капитанъ и матросы прощаются съ нами и отдаютъ приготовленные намъ подарки: капитанъ подаетъ сладкое печенье, похожее на нашъ кэкъ, но, увы! на томъ же бобовомъ маслѣ. Матросы подарили намъ печеныхъ каштановъ, грушъ, орѣховъ.

Все это было такъ трогательно, такъ деликатно. Мы горячо пожали другъ другу руки.

В. В. смѣется и переводитъ:

— Капитанъ говоритъ: э, вотъ человѣкъ, котораго я хотѣлъ бы еще разъ увидѣть.

У большого капитана недоумѣвающее, огорченное, какъ у ребенка, лицо.

— Такъ нигдѣ и не заѣдете къ начальнику?—спрашиваетъ В. В.

— Нѣтъ, не заѣдемъ.

Попробуемъ безъ начальства,—никто еще, кажется, такъ не пробовалъ,—путешествовать по Китаю.

Мы уже ѣдемъ. Я съ трудомъ высовываюсь и смотрю: все въ такой же позѣ стоитъ капитанъ, я киваю ему, онъ тоже киваетъ, но, очевидно, машинально, какъ человѣкъ, который, все равно, уже не можетъ передать, а я понять его чувство.

Толчокъ и я падаю назадъ, и капитанъ, и его матросы, и В. В.—все это уже отнынѣ только память, воспоминаніе, нѣчто уже отрѣшенное отъ своей матеріальной оболочки, вѣчное во мнѣ: сильный душой большой ребенокъ капитанъ, его скромные матросы, добрый возвышенный В. В.—всѣ въ косахъ, всѣ китайцы...

Веселое солнце, давно не виданныя равнины, пахотныя поля, сельскіе домики, мирная работа осени: молотятъ, свозятъ снопы, какіе-то люди ходятъ съ коромыслами на плечахъ съ двумя корзинками, при-

вязанными на длинныхъ веревкахъ къ концамъ. Остановятся, что-то захватятъ маленькими трехзубчатыми вилами съ земли и положатъ въ корзину.

— Что они дѣлаютъ?

— Собираютъ удобреніе.

— А эти что дѣлаютъ?

— Выкапываютъ изъ земли корни кукурузы.

— Для чего?

— Для топлива.

— Для чего они подметаютъ тамъ въ лѣсу?

— Собираютъ листья для топлива.

Мы ѣдемъ маленькимъ лѣскомъ, береженымъ и холенымъ, подметеннымъ такъ, какъ не подметаютъ у насъ дорожки въ саду.

— Неужели всѣ лѣса такъ?

— Лѣсовъ мало здѣсь. Всѣ, конечно.

— Рубятъ лѣса?

— Лѣса сажаютъ, а не рубятъ.

— Что это за кучи?

— Удобрительные компосты: навозъ, илъ, зола, отбросы, падаль.

Вотъ когда сразу развернулась передо мной эта пятитысячелѣтняя культура.

— А это что за ящики изъ прутьевъ съ написанными дощечками тамъ вверху на этихъ шестахъ?

— Это головы хунгузовъ; на дощечкахъ написано, за что имъ отрубили головы.

О, ужасъ, полусгнившая голова равнодушно смотритъ своими потухшими глазами.

— Еслибъ ихъ не убивали — жить нельзя было бы, надо убивать.

— Но хунгузъ и есть слѣдствіе жестокихъ законовъ.

— Да, конечно,—равнодушно соглашается мой кучеръ-китаецъ.

— А тѣла ихъ,—говорилъ онъ,—зарываютъ въ одной ямѣ, спиной вверхъ съ поджатыми подъ себя ногами и руками такъ, чтобы обрубленной шеей одинъ трупъ приходился къ задней части другого.

— Зачѣмъ это?

— Чтобъ всѣ смѣялись.

Я возмущенъ до глубины души.

— Такой законъ.

Гнусный законъ, который, кажется, только тѣмъ и занятъ, чтобъ нагло издѣваться надъ всѣмъ святая святыхъ человѣка: уродуетъ трудъ, женщинъ, мало того: въ своей гнусной праздности, въ своей безпредѣльной безпрепятственности издѣвается и надъ трупами.

— Судъ короткій — некогда долго разбирать, много невинныхъ здѣсь. Убили важнаго чиновника, за котораго придется отвѣчать. Надо найти виноватыхъ. Поймаютъ какихъ-нибудь: признайся, а нѣтъ —

пытка,—все равно, признается. А кто имѣетъ деньги, можетъ купить за себя другого,—того и казнить будутъ.

— Дорого покупаютъ?

— Какъ придется: и за 15 долларовъ, и больше.

— Не дорого.

— Нѣтъ, не дорого. Я самъ изъ Шанхайской стороны. Народу тамъ много. Насъ было всѣхъ 13 братьевъ и сестеръ. Изъ семи братьевъ насъ четыре живыхъ выросло. А сестеръ, какъ родится, на улицу выбрасывали. Только послѣднюю одна изъ Шанхая купила за долларъ.

— Зачѣмъ?

— А вотъ, чтобъ танцовать, пѣть. Тамъ, въ Шанхаѣ, и здѣсь, и вездѣ въ Китаѣ весело, много такихъ...

— Чтò это за народъ все идетъ?

— Въ городъ идутъ, наниматься на работу.

— А отчего они не работаютъ на своихъ поляхъ?

— Потому что у нихъ нѣтъ ихъ.

— Какъ нѣтъ? У каждаго китайца своя полоска земли и своя свинка.

Кучеръ смѣется.

— Это вотъ все работаютъ въ полѣ тоже работники: не хозяева. Хозяинъ одинъ, а работниковъ у него много: десять, двадцать, шестьдесятъ есть.

— Много земли у такихъ хозяевъ?

— Не больше пятидесяти десятинъ: больше законъ не велитъ.

— Чья земля?

— Хозяйская.

— Нѣтъ, не хозяйская,—говорю я,—онъ только въ аренду беретъ ее у государства.

— Не знаю; всякій хозяинъ можетъ продать свою землю, у кого есть деньги, купитъ. Кто плохо работаетъ, продать долженъ, кто хорошо работаетъ—живетъ.

То же значитъ, что и въ той части Манчжуріи, гдѣ я былъ.

Для провѣрки, впрочемъ, мы останавливаемся возлѣ одной изъ фермъ.

Постройки каменныя изъ чернаго кирпича. Крыши изъ темной черепицы. Это общій типъ здѣшнихъ построекъ. Если кладка изъ камня, то работа циклопическая съ расшивкой швовъ, очень красивая. Камень мраморно-сѣрый, розовый, синеватый.

Громадный дворъ огражденъ каменнымъ заборомъ такой кладки. Въ передней стѣнѣ двора двое воротъ. На воротахъ изображеніе божества войны. Страшный уродъ въ неуклюжемъ одѣяніи, съ усами до земли, съ какой-то пикой, лукомъ.

Между воротъ и съ боковъ передній флигель, гдѣ производится всякая работа: въ данный моментъ шла солка салата и растирались бобы.

Въ открытыя ворота видны внутреннія жилыя постройки.

Рядъ ажурныхъ, бумагой заклеенныхъ оконъ, двери, красныя полосы между ними, исписанныя черными громадными іероглифами.

Передъ всѣмъ домомъ родъ террасы, аршина въ полтора высотой, съ особенно тщательной кладкой. Крыша съ красивымъ изгибомъ и конькомъ въ нѣсколько одна на другую положенныхъ на извести черепицъ.

Съ внѣшней стороны вся постройка по вкусу не оставляетъ желать ничего большаго.

Но наружность обманчива: внутри грязно и неуютно.

Комнаты—это рядъ высокихъ сараевъ съ нарами въ полтора аршина высотой, съ проходомъ между ними. Комнаты во всю ширину зданія и всѣ проходныя. Уютности и чистоты миніатюрной Кореи и слѣда здѣсь нѣтъ. Хозяина и его работниковъ мы застали на улицѣ передъ дворомъ. Вѣрнѣе, это тоже часть двора, потому что двѣ стѣны забора выступаютъ впередъ, но передней стѣны нѣтъ.

Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ, какъ разъ протекаетъ ручей, нѣсколько вербъ склонилось надъ нимъ и сквозь ихъ вѣтви видна даль полей силуэты причудливымъ горъ, лазурь неба, а еще дальше синей лентой сверкаетъ море и ярче тамъ блескъ солнца.

Хозяинъ съ работниками возились съ кучей удобренія. Такія кучи передъ каждой фермой. Ихъ нѣсколько разъ перекладываютъ съ мѣста на мѣсто. Нѣтъ въ полѣ работъ,—оттого ли, что кончились, оттого ли, что дождь идетъ,—работа всегда возлѣ удобрительныхъ кучъ.

Запахъ невыносимый.

Хозяинъ, очевидно, человѣкъ дѣла даже между китайцами.

Весь хлѣбъ (по преимуществу кукуруза и гоалинъ) уже обмолоченъ, солома сложена въ большія скирды, сложены и кукурузные корни и собраны листья изъ виднѣющагося на пригоркѣ лѣса. Невдалекѣ отъ дома идетъ уже осенняя пашня и бороньба. Во всѣхъ поляхъ однородная культура, во всѣхъ поляхъ молодые подростки и старички со своими коромыслами жадно ищутъ скотскій пометъ. Первое впечатлѣніе очень сильное. Но затѣмъ выступаютъ и недостатки.

Въ земледѣльческихъ орудіяхъ никакого прогресса. И орудія эти въ то же время безконечно далеки отъ идеала. Для примѣра достаточно взять борону. Здѣсь это доска аршина въ полтора длины. Сквозь доску продѣты прутья и торчатъ они въ разныя стороны. Двумя концами доска привязывается къ шеѣ животнаго, человѣкъ стоитъ на доскѣ и тяжестью своего тѣла прижимаетъ и ее, и прутья къ землѣ. Животное тащитъ человѣка на доскѣ, человѣкъ, какъ акробатъ, все время балансируетъ, бороньба получается отвратительная по качеству, ничтожная по производительности.

Но такъ работали предки. Вотъ другой примѣръ: тутъ-же на улицѣ впряженный осликъ приводитъ въ движеніе небольшой жерновъ, вмѣстѣ съ осликомъ ходитъ вокругъ жернова женщина или мужчина, то

и дѣло рукой подгребая вываливающуюся изъ жерноновъ муку. Производительность такой мельницы два-три пуда въ день. Ни вѣтряныхъ, ни водяныхъ мельницъ.

Поразительная забота объ удобреніи, доходящая до работы того медвѣдя, который весь день таскалъ колоду съ одного мѣста на другое. Дѣйствительно: удобреніе, уже лежащее въ полѣ, подбирается и несется домой. Каждый корешекъ выкапывается и несется туда-же. Какое количество лишнихъ рукъ требуется для этого? На наши деньги расходъ на десятину получился-бы 20 рублей. На эти 20 рублей, казалось-бы, выгоднѣе было-бы купить со стороны совершенно новаго удобренія. Въ данномъ случаѣ привезти съ моря и рѣкъ разныхъ травъ, илу, какъ и возятъ здѣсь.

Отопленіе этими корнями то-же не оправданіе, такъ какъ тутъ-же въ кузницѣ работаютъ на каменномъ углѣ.

— Далеко добывается этотъ уголь?

— Пять ли отсюда—сколько угодно.

— Почему-же вы не топите печей вашихъ этимъ углемъ?

Молчатъ китайцы и только смотрятъ на человѣка, который пристаетъ къ нимъ съ несуществующимъ для нихъ вопросомъ «почему». Всѣ «почему» давно, очень давно рѣшены и перерѣшены и ничего другого имъ, теперешнимъ обитателямъ земли не остается, какъ дѣлать, ни на іоту не отступая, то-же, что дѣлали ихъ мудрые предки.

При такой постановкѣ вопроса преклоняться придется не передъ пятитысячелѣтней культурой, не передъ допотопными и нерасчетливыми орудіями и способами производства, а передъ поразительной выносливостью и силой китайской націи.

Какъ живетъ нація задавленная—произволомъ экономическимъ (калѣка-домосѣдъ женщина, обязательныя орудія: борона, двухколесная телѣга и судно и прочее), произволомъ государственнымъ (взяточничество. вымогательство, пытки, казни и какъ результаты, хунгузы, постоянные бунты), гнетомъ своей безплодной интеллигенціи, религіознымъ уродствомъ (Конфуцій)—живетъ и обнаруживаетъ изумительную жизнерадостность и энергію.

И несомнѣннымъ здѣсь станетъ только одно: что, когда въ націи возродится атрофированная теперь способность къ мышленію, а съ ней и творчество, китайцы обѣщаютъ при ихъ любви къ труду и энергіи очень много.

И только тогда, во всеоружіи европейскаго прогресса (только европейскаго, конечно) въ лицѣ ихъ можетъ подняться грозный вопросъ ихъ мірового владычества.

Но, вѣроятно, это произойдетъ тогда, когда и само слово: китаецъ, нѣмецъ, французъ въ міровомъ хозяйствѣ уже потеряютъ свое теперешнее національное значеніе, и грозность вопроса, сама собой, такимъ образомъ рухнетъ.

А до того времени китаецъ—только способный, но бѣдный и жалкій. И слова: «каждый китаецъ имѣетъ свою полоску и свою свинку», «китаецъ рѣшилъ капитальный вопросъ, какъ прокормиться» въ значительной степени только слова.

Пролетаріата въ Китаѣ за эти только нѣсколько дней я вижу такую-же массу, какъ и у насъ. Что до прокорма, то какое-же это рѣшеніе, если приходится рѣшать этотъ вопросъ путемъ выбрасыванія дѣтей на улицу, путемъ питанія организма дикимъ чеснокомъ, да горстью гоалина,—питаніе, которому не позавидуетъ даже нашъ западный еврей, для котораго селедка въ шабашъ уже роскошь?

Другіе вопросы: способны-ли китайцы пріобщиться европейской культурѣ, въ какой срокъ и какимъ путемъ?

Отвѣты на нихъ могутъ дать, вѣроятно, только будущія поколѣнія, такъ какъ познаніе китайскаго естества въ настоящій моментъ вообще находится въ первобытномъ состояніи, а тѣмъ болѣе, что могу сказать я, туристъ, съ птичьяго полета смотрящій на всю эту, совершенно чужую мнѣ жизнь? Могутъ быть только впечатлѣнія. Искреннія или неискреннія, предвзятыя или свободныя. Въ своихъ впечатлѣніяхъ я хотѣлъ-бы быть и искреннимъ и свободнымъ.

Вотъ наконецъ и огоньки нашей гостинницы. Большой дворъ, огороженный высокимъ каменнымъ заборомъ. Во дворѣ множество арбъ, быковъ, муловъ, лошадей и ословъ.

Изъ длиннаго корпуса гостинницы льется свѣтъ въ темный дворъ.

Передъ нами печи, котлы, паръ и дымъ отъ приготовляющихся кушаній. Все закоптѣлое, темное и все такое же грязное, какъ и тѣ китайцы, которые готовятъ и прислуживаютъ.

Въ обѣ стороны отъ того мѣста, гдѣ мы стоимъ, вдоль всего корпуса протянулись безконечные нары съ проходомъ по срединѣ. На этихъ нарахъ сидятъ, лежатъ и спятъ китайцы.

Насъ ведутъ въ дальній конецъ и китайцы недоумѣвая осматриваютъ насъ. Тамъ въ концѣ, куда привели насъ, также тѣсно, какъ и вездѣ. Нѣсколько китайцевъ сдвигаются и очищаютъ намъ мѣсто.

Конечно, грязно и много насѣкомыхъ, пахнетъ скверно, но усталость беретъ верхъ и пока намъ что-то варятъ, мы съ Н. Е. ложимся.

Скоро начинается разговоръ съ сосѣдями. Насъ спрашиваютъ, откуда мы.

— Изъ Россіи.

— Куда ѣдете?

— Въ Портъ-Артуръ.

— Правда ли, что Портъ-Артуръ и еще четыре города взяты русскими и если взяты, то съ какою цѣлью?

Что-то отвѣчаю объ обоюдныхъ экономическихъ интересахъ и въ свою очередь задаю вопросъ: по этой дорогѣ проходили японскія войска?

— Проходили.

— Грабили населеніе?

— Никого не грабили и за все платили.

— Обижали женщинъ?

— Никого не обижали.

Это здѣсь общій отзывъ. Благодаря этому и намъ, принимаемымъ за японцевъ, было легко путешествовать. Часто слышишь, когда ѣдешь: это японецъ... Потому что людей другихъ націй здѣсь не видали еще.

Съ разсвѣтомъ мы спѣшимъ дальше.

До самаго Портъ-Артура впереди насъ никто не ѣхалъ.

Развѣ только мы дали обогнать себя бонзамъ (монахамъ).

Это было на третій день нашего пути.

Мы заѣхали на постоялый дворъ пообѣдать, а бонзы кончали свою ѣду. Ихъ было нѣсколько человѣкъ: пожилой, нѣсколько молодыхъ, двое дѣтей. Всѣ безъ косъ, остриженные при головѣ. Они ѣли свой китайскій обѣдъ, сидя съ поджатыми ногами на нарахъ вокругъ низенькаго столика и молча, сдержанно посматривая на насъ. Кончивъ ѣду, они встали и ушли.

— Они васъ приняли за миссіонеровъ,—сказалъ послѣ ихъ ухода хозяинъ.

Мы не обратили на это вниманія, занятые варкой мамалыги, блюдо, котораго здѣсь не знаютъ и которое мы усердно пропагандировали.

Поѣвъ, выкормивъ лошадей, мы отправились въ дальнѣйшій путь и въ сумерки пріѣхали въ большое торговое село. До сихъ поръ насъ вездѣ принимали очень любезно. Тѣмъ болѣе мы были удивлены, когда передъ нашими экипажами быстро захлопнулись ворота гостинницы, а громадная толпа, окруживъ насъ, стала что-то угрожающе кричать.

Къ несчастію мы были лишены даже возможности узнать въ чемъ дѣло, такъ какъ съ нѣкотораго времени съ нашимъ проводникомъ-корейцемъ стало твориться что-то совершенно непонятное: онъ глупѣлъ не по днямъ, а по часамъ и сегодня совершенно уже пересталъ понимать по китайски.

И теперь онъ стоялъ ошалѣлый и напрасно П. Н. отчаянно кричалъ ему что-то по корейски.

— Чортъ его знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось.

— Можетъ быть, пьянъ?

— Нѣтъ, не пахнетъ водкой.

Но вслѣдъ за тѣмъ, П. Н. хлопнулъ себя по лбу и крикнулъ:

— Онъ накурился опіумомъ!

Хорошо по крайней мѣрѣ то, что мы съ этого мгновенья знали, что намъ не на что было больше надѣяться.

Я обратился къ нашимъ ямщикамъ, показывая на запертыя ворота и сказалъ:

— Маю хоходе?

Хоходе—хорошо, маю, ю, значило (по крайней мѣрѣ для меня и

моихъ возчиковъ) нѣтъ и есть; фраза моя должна была такимъ образомъ значить:

— Хорошаго нѣтъ?

Ямщики поняли меня и мрачно отвѣтили:

— Хоходе маю.

Я еще зналъ слово—чифанъ, что значило—ѣсть, слышалъ также, какъ ямщики кричатъ на лошадей, когда хотятъ, чтобы они шли впередъ: «е». А, когда хотятъ остановить ихъ: «и».

Я опять показалъ на ворота гостинницы:

— Чифанъ маю?

— Маю, маю,—грозно и рѣшительно закричала толпа.

Я вдругъ вспомнилъ, что слово «фудутунъ» означаетъ начальство.

— А фудутунъ ю?

— Маю, маю...

— Ну, маю, такъ маю.

Я назвалъ, находившееся въ 35 ли село и спросилъ ямщиковъ:

— Чифанъ ю?

— Ю, ю,—радостно отвѣтили ямщики.

Тогда, сдѣлавъ величественный жестъ, по направленію къ тому селу, я скомандовалъ имъ отрывистое: е!

И въ одно мгновеніе всѣ мы сразу вскочили и на этотъ разъ не надо было погонять ямщиковъ нашихъ.

Ничего подобнаго не ожидавшая толпа такъ и осталась съ раскрытыми ртами, а мы тѣмъ временемъ быстро улепетывали, подпрыгивая на невозможныхъ ухабахъ.

Выѣздъ изъ села проходилъ по очень крутому, каменистому спуску. Наши экипажи громыхали такъ, точно раздавался непрерывный залпъ изъ пушекъ. Спускъ этотъ, впрочемъ, сослужилъ намъ службу, открывъ заблаговременно устроенную за нами погоню.

Мы въ это время остановились было, чтобы зажечь фонари, такъ какъ стало уже совсѣмъ темно. Вдругъ раздались знакомые уже пушечные выстрѣлы и на спускѣ мы увидали освѣщенные огоньками до десятка телѣгъ, всѣ наполненныя китайцами.

Вмѣсто того, чтобъ зажигать фонари, преданные намъ ямщики своротили свои экипажи въ кусты по какой-то тропинкѣ, проѣхали саженей сто и, погрозивъ намъ, чтобъ мы молчали, остановились. Скоро мимо насъ съ грохотомъ, трескомъ и криками пронеслись наши преслѣдователи и скрылись въ темнотѣ. Когда и шумъ отъ нихъ замолкъ и свѣтъ ихъ фонарей исчезъ, наши ямщики разсмѣялись, зажгли свои фонари и мы поѣхали, но уже какой-то другой дорогой, проселочной, съ ужасными выбоинами.

Мы ѣхали уже нѣсколько часовъ, путаясь въ какихъ-то пересѣченныхъ оврагахъ, когда услыхали вдругъ около десяти выстрѣловъ. Наши ямщики опять начали смѣяться и, размахивая руками, что-то говорили намъ.

Проѣхавъ еще немного, мы остановились у одинокой фанзы. Намъ сварили тамъ кукурузу, лошадямъ дали соломы и съ разсвѣтомъ мы тронулись дальше.

Проспавшійся проводникъ объяснилъ намъ все наше вчерашнее происшествіе. Вотъ въ чемъ дѣло. Бонзы, принявъ вчера насъ за своихъ профессіональныхъ враговъ-миссіонеровъ, успѣли вооружить противъ насъ селеніе, сказавъ, что мы ѣдемъ крестить ихъ. Выпустивъ насъ изъ села, жители спохватились и погнались за нами въ погоню. Они несомнѣнно доѣхали до того села, которое я называлъ, думая застать насъ тамъ, но не найдя, возвратились обратно, тѣша себя, съ горя, своими собственными выстрѣлами.

Сегодня мы продолжаемъ нашу дорогу все тѣмъ-же окольнымъ путемъ и выѣдемъ на большой трактъ только къ вечеру.

Опять день и солнце, опять поля кругомъ, все то-же трудолюбивое густое населеніе, множество скота: хватитъ продовольствія на цѣлую армію. Приволье, зажиточность, миръ. Какой-то благословенный уголокъ земного шара, гдѣ 23 октября 25 гр. днемъ, гдѣ выспѣваетъ виноградъ, растутъ груши и сливы, гдѣ трудолюбіемъ жителей всѣ эти приморскіе пески превращены въ плодоносныя пашни.

Къ вечеру мы выѣхали опять на большую дорогу и ночевали на постояломъ дворѣ.

Когда поѣвъ, мы улеглись, какъ и всѣ остальные посѣтители, на нары, мой сосѣдъ, путешествующій китаецъ, съ помощью переводчика, котораго мы теперь стерегли, какъ свой глазъ, спросилъ меня:

— Вы не боитесь путешествовать одни?

— Но китайцы въ нашей странѣ тоже одни путешествуютъ,—отвѣтилъ я.

Мой отвѣтъ произвелъ хорошее впечатлѣніе на общество и со всѣхъ сторонъ мнѣ закивали дружелюбно головами.

— У насъ тоже, куда хотите, поѣзжайте, а нехорошіе люди вездѣ есть.

И со всѣхъ сторонъ кричали:

— Это вѣрно,—вездѣ есть дурные люди.

А утромъ намъ подали счетъ и ни копѣйки не взяли больше противъ того, что брали со всѣхъ. И такъ вездѣ и всегда. И поэтому я энергично протестую противъ всякихъ обвиненій китайцевъ въ мошенничествѣ и лукавствѣ.

Не лукавство же и не мошенничество, напримѣръ, такой фактъ. Съ разрѣшенія моего ямщика, я взялъ кнутъ и самъ погоняю нашихъ муловъ, привыкшихъ ходить только шагомъ. Сперва мулы слушались очень хорошо, но затѣмъ, кнутъ переcталъ дѣйствовать на нихъ. Я скоро открылъ секретъ: мой ямщикъ потихоньку придерживалъ возжи.

— Маю хоходе,—укоризненно сказалъ я ему.

Онъ быстро мнѣ закивалъ головой въ отвѣтъ, бросилъ, какъ обожженный, возжи и уже больше не дотрагивался до нихъ, грустно уста-

вивпись глазами въ пространство. И еслибъ не сознаніе, что у меня не было другого выхода, что трудъ его муловъ я оплачу въ нѣсколько разъ дороже противъ условленной платы, то неловко долженъ былъ бы чувствовать себя я, а не онъ, рискуя напряженной и непривычной работой подорвать его рабочую силу.

Это, конечно, мелочи, но вотъ и болѣе купные факты и общеизвѣстные при томъ. Въ коммерческихъ дѣлахъ китайцамъ довѣряютъ на слово очень крупныя суммы. Во всѣхъ банкахъ—китайцы. Артель китайскихъ рабочихъ за несправедливое оскорбленіе одного изъ своихъ членовъ, оставляетъ работу, теряя при этомъ весь свой заработокъ. Все это не указываетъ ни на мошенничество, ни на хитрость, а напротивъ, какъ часто пользуются этими свойствами китайцевъ именно тѣ, которые съ спокойной совѣстью и громче другихъ говорятъ: «китаецъ мошенникъ».

Чѣмъ ближе мы подъѣзжаемъ къ той линіи, за которой идутъ уже русскія оккупаціонныя владѣнія (начало этой линіи городъ Бидзево), тѣмъ какъ-то безпокойнѣе населеніе. Нерѣдко, вслѣдъ намъ раздавались выстрѣлы.

Однажды, это было подъ вечеръ, мы ѣхали среди прекрасно обработанныхъ полей, синѣло море, далекія горы сквозили въ чудномъ закатѣ. Вдругъ какой-то китаецъ, работавшій въ полѣ, вскочилъ на лошадь и ускакалъ въ деревню. Мы поняли все, когда, въѣхавъ въ село, увидали на площади вооруженную толпу. Вооружены были ружьями съ зажжеными уже фитилями, старинными пиками. Не было даже времени вытащить свои револьверы, да и безполезно было въ виду такого множества народа. Кто знаетъ, оружіе въ нашихъ рукахъ дало бы имъ, можетъ быть, только нравственное право напасть на насъ. Мнѣ и Н. Е., ѣхавшимъ каждый на своемъ облучкѣ, оставалось только смотрѣть такъ спокойно, какъ будто все это не до насъ касалось.

— Они принимаютъ насъ за хунгузовъ,—объяснили намъ наши ямщики, когда мы выбрались за околицу недружелюбнаго села.

— Развѣ и здѣсь есть хунгузы?

— Да, говорятъ, около Бидзево морскихъ хунгузовъ около тысячи человѣкъ.

Не успѣли мы отъѣхать и версты отъ села, какъ за нами погналась погоня. Гнались и стрѣляли по направленію къ намъ, мы дали подъѣхать передней арбѣ довольно близко и, въ свою очередь, дали два залпа на воздухъ. Это успокоило нашихъ преслѣдователей, они сразу остановились и мы скоро ихъ потеряли изъ виду въ прозрачныхъ сумеркахъ начинающагося вечера. Довольные собой, они поѣхали домой ѣсть свой ужинъ, чтобъ повторить его въ полночь, разбуженные разносчиками съѣдобнаго.

Вечеромъ 25-го октября, въ 11 часовъ, мы въѣхали наконецъ въ первый занятый русскими городъ Бидзево.

— Кто вы? Откуда вы? — спрашивалъ насъ начальникъ города, онъ же начальникъ сотни казаковъ, когда мы съ Н. Е., отворивъ его дверь, неожиданно вышли изъ мрака.

— Мы—первые, сухимъ путемъ прибывшіе къ вамъ изъ Владивостока.

— Но позвольте... Какъ же вы прошли черезъ лагеръ хунгузовъ?

— Какой лагерь хунгузовъ?

— Да вѣдь насъ осаждаютъ шестьсотъ хуугузовъ, и морскихъ, и сухопутныхъ... Вчера еще ночью расправились подъ городомъ съ одной семьей, которую подозрѣвали въ доносѣ. Я ужъ послалъ донесеніе...

Я развелъ руками: никакого лагеря нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Вѣроятно, хунгузы спали и не замѣтили васъ. Ну, счастливъ вашъ Богъ. Мы съ минуты на минуту ждемъ нападенія.

— У васъ много войска?

— 72 казака среди 6.000 жителей китайцевъ, совершенно парализованныхъ хунгузами.

Можно сказать, пріѣхали наконецъ въ безопасное мѣсто.

Любезный командиръ пригласилъ насъ къ себѣ, познакомилъ съ своею женой, первой европейской дамой въ Бидзево. Дама эта въ то мгновеніе, когда мы входили къ ней, сидѣла на кушеткѣ, блѣдная, съ широко-раскрытыми большими черными глазами.

Пока подавали чай и ужинъ, мы слушали грустную повѣсть напряженныхъ вѣчнымъ страхомъ нервовъ. Конечно, женщинамъ съ такими нервами не мѣсто въ такой обстановкѣ.

— Я уговаривалъ ее уѣхать,—говорилъ мужъ.

— Но теперь, зная обстановку, я безъ тебя умру отъ страха за тебя.

Мы опять въ давно забытыхъ условіяхъ пили чай, съ сахаромъ, молокомъ, хлѣбомъ и сливочнымъ масломъ, пили водку и ужинали.

А потомъ насъ отвели спать въ зданіе храма, занятое казаками. Красивое зданіе съ узорными китайскими крышами, за чугунной узорной оградой, съ прекрасною набережной. Былъ отливъ и теперь море далеко далеко отъ берега сверкало серебряной полоской въ блескѣ луны.

— Какъ это вышло, что казаки помѣстились въ зданіяхъ храма?

— Но гдѣ же больше? Вѣдь, когда имъ надо, мы ихъ пускаемъ сюда.

Я подумалъ, что если бы къ намъ, русскимъ, пожаловали бы друзья другой національности и устроились бы въ нашихъ храмахъ...

— Китайцы добродушны?—спросилъ я.

— Да, ничего... когда чувствуютъ силу, а когда вотъ такъ съ 72 человѣками: виляютъ... и самъ чортъ не разберетъ, кто изъ нихъ хунгузъ, кто нѣтъ.

Охъ, какъ хорошо и крѣпко мы спали эту ночь. А утромъ любезные хозяева насъ еще разъ покормили, напоили чаемъ и мы, окруженные толпой китайцевъ, вышли на улицу, чтобъ ѣхать дальше.

Общее впечатлѣніе этого Бидзево—какое-то всеобщее недоумѣніе.

Недоумѣваютъ и, очевидно, не понимаютъ, въ чемъ тутъ дѣло, китайцы, не знаетъ, какъ быть и держать себя, эта горсть русскихъ. Ихъ отношенія къ китайцамъ и китайцевъ къ нимъ неясныя и условныя.

— По однимъ дѣламъ я самъ разбираюсь, по другимъ—отсылаю ихъ къ ихъ судьямъ. А таможней завѣдываетъ еще китайскій чиновникъ. А вотъ тутъ недалеко есть городъ, такъ тамъ ихній фудутунъ не хочетъ уѣзжать, и конецъ. Ничего еще какъ слѣдуетъ не устроено и до всего приходится своимъ умомъ и за свой отвѣтъ додумываться: больше на политикѣ и выѣзжаешь...—Политика и русская сметка очевидно, помогаютъ командиру и отношенія у него съ мѣстнымъ населеніемъ простыя, условно-добродушныя.

Вышла на улицу проводить насъ и единственная дама здѣшнихъ мѣстъ, симпатичная и въ то же время глубоко-несчастная жена командира.

— Какой прекрасный день,—сказалъ я ей.

— Тѣмъ страшнѣе будетъ ночь...

Ея черные глаза широко раскрылись и темная страшная ночь сверкнула въ нихъ. Вотъ ужасъ жизни!

— Неужели же вы безъ конвоя?

— За день вѣдь они успѣютъ добраться до нашего пикета,—отвѣчаетъ ей мужъ.—А то,—обращается онъ къ намъ,—подождите, мы къ вечеру ждемъ доктора, при немъ пятнадцать человѣкъ конвоя.

Даже у П. Н. пренебрежительная гримаса.

Что до Н. Е., то тотъ давно уже сидитъ на своемъ облучкѣ и, отвернувшись угрюмо, слушаетъ нашъ разговоръ. Когда мы уже выѣхали за городъ, П. Н., со словъ переводчика и нашихъ ямщиковъ-китайцевъ, говоритъ:

— Это все сами китайцы ихъ и разстраиваютъ. Можетъ, пятьдесятъ какихъ-нибудь хунгузовъ шляется, какъ въ каждомъ городѣ, а они нарочно раздуваютъ, чтобъ боялись... Положимъ, что какъ и надѣяться на нихъ: сегодня нѣтъ хунгузовъ, а завтра всѣ они хунгузы; съ китайцами тоже шутки плохія.

Н. Гаринъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Основные моменты въ развитіи крѣпостного хозяйства въ Россіи въ XIX в.

(Историческій этюдъ).

(*Продолженіе* *).

III.

Развитіе денежнооброчной системы XVIII в.—Причины этого явленія и его смыслъ.—Декламаціи писателей XVIII в. противъ оброка и отхода.—Барщина XVIII в.—Крѣпостная фабрика какъ первая форма помѣщичьяго предпріятія.—Крѣпостное ремесло.

Потрясеніе, испытанное Россіей благодаря петровской реформѣ, мы не можемъ охарактеризовать лучше, чѣмъ слѣдующими словами одного извѣстнаго историка:

«Новыя задачи внѣшней политики свалились на русское населеніе въ такой моментъ, когда оно не обладало еще достаточными средствами для ихъ выполненія. Политическій ростъ государства опять опередилъ его экономическое развитіе. Утроеніе податныхъ тягостей (съ 25 на 75 милліоновъ на наши деньги) и одновременная убыль населенія, по крайней мѣрѣ, на 20%—это такіе факты, которые, сами по себѣ, доказываютъ выставленное положеніе краснорѣчивѣе всякихъ деталей. Цѣной разоренія страны Россія возведена была въ рангъ европейской державы» **).

Такимъ образомъ реформа создала или обострила *гипертрофію* государственнаго хозяйства, тянувшаго послѣдніе соки изъ народнаго хозяйства. «Огромное количество народнаго труда было отвлечено отъ земледѣлія въ арміи, на фабрики и заводы, къ разнымъ казеннымъ работамъ» ***). Г. Милюковъ въ своей работѣ приводитъ любопытныя цифровыя данныя объ «убыли» населенія между 1678 и 1710 г. и о причинахъ этого явленія. Оказывается, что изъ 19.376 «убылыхъ» дворовъ, судьбу которыхъ могъ прослѣдить изслѣдователь, для 3.959,

*) См. «Міръ Божій», № 10, октябрь.

**) *П. Н. Милюковъ*; «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго». С.-Петербургъ, 1892 г., стр. 735.

***) *В. О. Ключевскій*. «Русскій рубль», стр. 65—66.

т. е. для 20,4%, причиной «убыли» является вліяніе правительственной дѣятельности, т. е., какъ поясняетъ авторъ, эти 20,4% «взяты въ солдаты и на работы» (l. с., стр. 244—290). Но «разореніе населенія» петровской реформой произошло на совершенно опредѣленной экономической почвѣ. Государство своей милитарной, административной и фискальной политикой дало сильный толчекъ развитію денежнаго хозяйства, главнѣйшимъ носителемъ котораго являлось оно само. Изыскивая всяческіе способы къ увеличенію своихъ доходовъ, оно пришло въ концѣ петровскаго царствованія къ установленію подушной подати, чувствительно повысившей податныя тягости населенія. Создавъ въ городахъ значительный спросъ на всякаго рода наемный трудъ, новые государственные порядки дали и помѣщичьему классу возможность взимать со своихъ подданныхъ болѣе крупные денежные сборы. Заставивъ представителей господствующаго класса жить въ городахъ (и преимущественно, конечно, въ то время—въ столицахъ) и могущественно повліявъ на *повышеніе* и *преобразованіе* потребностей землевладѣльцевъ, эти порядки вынуждали ихъ стремиться къ присвоенію прибавочнаго продукта непосредственно въ денежной формѣ. Такимъ образомъ, *отхожій крестьянинъ* *) получилъ возможность добывать деньги для *служилаго дворянина*, а послѣдній сталъ усиленно нуждаться въ деньгахъ. Такова, какъ намъ кажется, естественная и сама собой понятная генетическая связь денежно-оброчной системы XVIII вѣка съ политической и финансовой реформой Петра Великаго.

Связь эта подмѣчена уже давно—однимъ изъ умнѣйшихъ русскихъ людей XVIII в., княземъ *М. М. Щербатовымъ*. «Сіе кажется есть коренное зло въ Россіи,—писалъ онъ,—что во многихъ ея областяхъ великое число крестьянъ, оставя земледѣліе, ударилось въ другіе промыслы, но какъ нѣтъ никакого добра и зла, которое не имѣло бы причины своего начала, то, кажется, должно о семъ нѣкоторое разсмотрѣніе учинить. Прежде нежели Петръ Великій наложеніемъ подати принудилъ крестьянъ стараться другими ремеслами пріобрѣтать себѣ на пропитаніе и на заплату податей, крестьяне всѣ принадлежали къ землепашеству, были сыты, но бѣдны, и хлѣбъ столь дешевъ былъ, что, не взирая на великое плодородіе, никогда не могъ заплатить трудовъ земледѣльца; но какъ стали крестьяне податьми нѣсколько отягчены, тогда помѣщики узнали многія спокойствія жизни, кои до того имъ невѣдомы были, для пріобрѣтенія оныхъ стали на крестьянъ новыя подати накладывать; тогда крестьяне для удовлетворенія податьми государя и помѣщика, оставя земледѣліе, стали ходить въ другія ра-

*) Исторія крестьянскаго отхода еще не написана. См. любопытныя данныя, относящіяся къ XVII в. у *Горчакова* «О земельныхъ владѣніяхъ всероссійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода» Спб. 1871, стр. 425—426. Объ отходѣ въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. цѣнныя данныя собраны *Туганомъ-Барановскимъ* «Русская фабрика». Спб. 1898, стр. 43—46.

боты, и дѣйствительно они стали богатѣе деньгами, но земледѣліе. упало и государство отъ того претерпѣваетъ. Вотъ первая причина политическая уменьшенія земледѣлія и дороговизны хлѣба». (Кн. М. М. Щербатовъ, «Статистика въ разсужденіи Россіи (1776—1797)». Сочиненія кн. М. М. Щ. т. I. Спб. 1896, стр. 491) *).

Фактъ развитія въ XVIII в. денежнооброчной системы не можетъ подлежать сомнѣнію. Недаромъ писатели этого времени считали эту систему новшествомъ, которому они приписывали вредное вліяніе на сельское хозяйство. Такъ, *Елагинъ* въ своемъ извѣстномъ проектѣ 1766 г.**) писалъ: «Въ прежнія времена, когда поголовныхъ оброковъ еще не знали, при селахъ и волостяхъ государственныхъ казенныя, при монастыряхъ монастырскія, при помѣщитскихъ жилищахъ помѣщицкія земли хотя и не великіе по худому домостроительству и незнанію домостроителей прибытки приносили, но великимъ количествомъ хлѣба изобиловали. Были запасныя житницы, преисполненныя на время нужное и лѣто неплодородное разнымъ, какъ на сѣмяна, такъ и на пищу хлѣбомъ; ибо того собственная обывателей польза требовала. *Нынѣ же* всѣ споспѣшествовавшіе къ тому земледѣльцы, какъ-то: государственные, монастырскіе и большею частью помѣщитскіе, *принуждены ставъ платить оброкъ*, который они, какъ выше объявлено безъ великаго труда разными способами доставать могутъ, не имѣютъ и нужды къ претрудному прилежать земледѣлію». («Журналъ землевладѣльцевъ» № 21. Москва 1859, стр. 25, а также «Истор. Сбор. кн. М. А. Оболенскаго», № 12).

Екатерина II въ своемъ «*Наказѣ*» называетъ оброкъ «новозаведеннымъ способомъ отъ помѣщиковъ собирать свои доходы». Какъ извѣстно, многіе писатели XVIII-го в. считали эту форму крѣпостного хозяйства безусловно преобладавшей въ ихъ время. Благодаря тщательному изслѣдованію В. И. Семевскаго ***) мы знаемъ теперь, что

*) Того противорѣчія между взглядами Щербатова на отходъ, высказанными въ Екатерининской коммиссіи, и его же взглядами, проводимыми въ сочиненіяхъ, на которое указываетъ Туганъ-Барановскій (l. c. 46), въ дѣйствительности не существовало. Какъ истый экономическій консерваторъ, Щербатовъ и въ коммиссіи и въ сочиненіяхъ отстаивалъ крестьянскіе промыслы и торгъ съ точки зрѣнія утопіи «соединенія земледѣлія и промышленности», въ то же время и съ той же точки зрѣнія рѣшительно возставая противъ чисто городскихъ занятій крестьянъ.

**) См. объ этомъ проектѣ у *В. И. Семевскаго* «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и въ первой половинѣ XIX-го вѣка». Спб. 1888, т. I, стр. 29—30, и болѣе подробно въ его статьѣ «Крестьяне дворцоваго вѣдомства при Екатеринѣ», «Вѣстникъ Европы» 1878 г., №№ 5—6.

***) Крестьяне при Екатеринѣ II, стр. 47—48 и стр. 492—493. Оброчные крестьяне составляли во второй половинѣ XVIII-го в., въ губерніяхъ: Олонецкой 66, Петербургской 51, Псковской 21, Новгородской 49, Смоленской 30, Тверской 46, Ярославской 78, Костромской 85, Вологодской 83, Владимирской 50, Московской 36, Калужской 58, Нижегородской 82, въ нечерноземныхъ губеніяхъ *въ среднемъ* 55% общаго числа крѣпостныхъ крестьянъ; въ губерніяхъ черноземныхъ оброчныхъ было

это мнѣніе было ошибочнымъ. Оно объясняется не только преимущественнымъ знакомствомъ лицъ, писавшихъ объ этомъ предметѣ, съ хозяйственной практикой крупныхъ владѣльцевъ *) и притомъ въ близкихъ къ столицамъ неплодородныхъ губерніяхъ. Мнѣ кажется, что его слѣдуетъ объяснять также тѣмъ, что размѣры явленія преувеличивались именно потому, что оно было относительно ново и въ то же время въ глазахъ людей второй половины XVIII в. представляло — точно такъ же, какъ и тѣсно связанные съ нимъ отхожіе промыслы—несомнѣнное и крупное зло. Это послѣднее обстоятельство — отрицательное отношеніе представителей командующаго класса къ оброчной системѣ и къ крестьянскому отходу указываетъ на то, что и въ самой жизни подготовлялась и даже уже обнаруживалась реакція противъ этихъ явленій. Съ этой точки зрѣнія моралистическія декламаціи писателей XVIII в. противъ крестьянскаго отхода получаютъ свое реальное истолкованіе. Правда, мы встрѣчаемъ такія декламаціи до самой ликвидаціи крѣпостного права, но въ разное время и въ примѣненіи къ различнымъ мѣстностямъ онѣ имѣютъ совершенно неодинаковый реальный смыслъ. Во второй половинѣ XVIII в. и въ первой четверти XIX в. эти декламаціи крѣпостныхъ моралистовъ, сочетаясь съ той теоріей сословнаго раздѣленія занятій въ полицейскомъ государствѣ, которая была такъ отчетливо формулирована въ «Наказѣ» Екатерины II, и съ болѣе свѣжимъ физіократическимъ преклоненіемъ предъ земледѣліемъ **) служатъ въ то же время идеологическимъ выраженіемъ подготовляющейся въ средѣ дворянскаго класса сознательной реакціи въ пользу барщиннаго режима.

въ Орловской 34, Тульской 8, Рязанской 19, Пензенской 52, Тамбовской 22, Курской 8, Воронежской 64, въ среднемъ по всѣмъ черноземнымъ губерніямъ 26°/o Средній процентъ оброчныхъ во всѣхъ перечисленныхъ губерніяхъ составлялъ 44.

*) Семевскій, l. c., стр. 45—46.

**) Былъ еще третій мотивъ, настраивавшій писателей XVIII в., противъ крестьянскаго отхода. Мотивъ этотъ *популяціонистическій*. Въ XVIII-го вѣкѣ съ неменьшей силой, чѣмъ теперь у Зола, господствовало убѣжденіе въ необходимости всячески содѣйствовать размноженію населенія. Между тѣмъ отходъ сельскаго населенія въ города имѣетъ естественную тенденцію понижать естественный приростъ населенія. Это было ясно и писателямъ того времени, какъ показываетъ слѣдующее сужденіе Елагина въ его проектѣ: «отлученіе съ паспортами на многія лѣта отъ домовъ и потому разлученіе съ женами есть самое вреднѣйшее неустройство; ибо оно, препятствуя умноженію народа, главное къ благополучію цѣлаго государства средство отымаетъ». Елагинъ ссылается далѣе на результаты подушной переписи, изъ которой «усмотрѣть можно, что приращеніе народа гораздо меньше въ тѣхъ провинціяхъ, изъ которыхъ болѣе разныхъ работниковъ, промышленниковъ, разнощиковъ и извощиковъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ находится» и гдѣ болѣе крестьянъ оброчныхъ... нежели въ тѣхъ, гдѣ помѣщики, не вовсе еще сельское домостроительство презирая, содержатъ при землепашествѣ своихъ земледѣльцевъ» («Журналъ землевладѣльцевъ» 1859 г. № 21, стр. 22). Та же тенденція отхожихъ промысловъ была указана извѣстнымъ статистикомъ *К. Германомъ* въ его «Статистическомъ описаніи Ярославской губерніи» (Спб. 1808 г.).

Развитіе денежнооброчной системы заключало въ себѣ два момента. Съ одной стороны оно являлось простымъ оттѣсненіемъ собственнаго хозяйства помѣщиковъ въ пользу хозяйства ихъ оброчныхъ крѣпостныхъ и вызывалось не общими условіями развитія народнаго хозяйства, а временными причинами: отвлеченіемъ дворянства на обязательную службу, рѣзкимъ повышеніемъ денежныхъ сборовъ въ пользу государства и т. д. Съ другой стороны, успѣхи оброчной системы были выраженіемъ прогресса въ томъ географическомъ или, точнѣе, естественно-экономическомъ раздѣленіи національнаго труда, которое создало уже и раньше двѣ хозяйственныя Россіи: одну — сѣверную не земледѣльческую или промысловую и другую—центральную и южную земледѣльческую. Обѣ эти области составляли рынокъ одна для другой и развитіе помѣщичьяго сельскаго хозяйства въ центральной и южной Россіи могло опираться лишь на успѣхи неземледѣльческаго производства въ Сѣверной Россіи. Дворянскіе публицисты XVIII в. не вполнѣ ясно понимали экономическую необходимость и выгодность для помѣщиковъ этого національнаго раздѣленія труда, но ихъ представители, напр., въ Екатерининской коммиссіи, когда заходила рѣчь о крестьянскихъ промыслахъ и о крестьянскомъ торгѣ, о правѣ дворянъ заводить и содержать фабрики въ своихъ деревняхъ, обнаруживали удивительно тонкое чутье помѣщичьихъ интересовъ, связанныхъ съ развитіемъ промысловаго неземледѣльческаго труда крестьянъ. И потому-то денежно-оброчная система, поскольку она опиралась на этотъ народно-хозяйственный процессъ, энергично развивалась во все продолженіе XVIII в., несмотря на декламаціи моралистовъ и публицистовъ изъ дворянъ. Въ «Разсужденіи о нынѣшнемъ въ 1778 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи» Щербатовъ, со свойственной ему силой обличая сильный ростъ потребностей во всѣхъ классахъ общества («вкравшееся сластолюбіе во всѣ чины государственные даже и до крестьянъ»), въ этомъ фактѣ видитъ причину совершающихся насчетъ земледѣлія успѣховъ промысловаго труда. «По мѣрѣ размноженія сластолюбія,—писалъ онъ,—пріумножились всѣ мастерства, рукодѣлія и промыслы, и самыя хотя нужныя государственныя строенія въ губернскихъ и другихъ городахъ, представляя великое обильство для промысловъ, отвлекли отъ земледѣлія многія тысячи человѣкъ. Если мы возьмемъ въ примѣръ одну Москву, и разсмотримъ разныхъ мастеровыхъ, живущихъ и приходящихъ въ оную, то ясно увидимъ, коль число ихъ пріумножилось. Двадцати лѣтъ тому не прошло, весь каретной рядъ помѣщался за Петровскими воротами по Земляной огородѣ, по большой улицѣ, а нынѣ не токмо уже многія лавки распростерлись внутрь Бѣлаго города, и взаворотъ въ обѣ стороны по Земляному городу, но и въ другихъ улицахъ множество есть такихъ сараевъ для продажи каретъ, не считая, сколько нѣмцевъ каретниковъ въ Москвѣ въ разныхъ мѣстахъ кареты дѣлаютъ и продаютъ. Хлѣбники были весьма рѣдки; нынѣ

почти на всякой улицѣ вывѣски хлѣбниковъ видны. Кирпичу въ годъ врядъ до 5 милліоновъ дѣлалось, нынѣ дѣается до 10 милліоновъ; строеньи были рѣдки и много какъ въ Москвѣ прежде когда 20 домовъ строились, а нынѣ нѣтъ почти улицы, гдѣ бы строеніе не производилось. Всѣ таковые промыслы требуютъ людей, или навсегда пребывающихъ или приходящихъ на время лѣтнее, яко кирпишниковъ, каменьщиковъ, штекатуровъ, плотниковъ, столяровъ и прочее; а всѣ сіи люди, удвоившіися или утроившіися на лѣтнее время, оставляютъ свои домы и земледѣліе, чтобы, не способствуя къ произростанію пропитанія, быть истребителями съѣстныхъ припасовъ. Приложимъ еще, сколько такихъ мастеровыхъ употреблены во всѣхъ намѣстничествахъ огромные всенародные и приватныхъ людей зданія, въ малое число лѣтъ якобы волшебствомъ какимъ произведенные, повсюду пышность и великолѣпіе взирающему на внѣшность человѣку представляютъ, но колико въ самомъ дѣлѣ отвращеніемъ отъ земледѣлія, а потому убавкою произведенія нужнѣйшихъ къ жизни вещей, Россію ослабляютъ!» (Сочиненія, т. I, стр. 633—634). Такъ пессимистически кн. Щербатовъ характеризовалъ экономическій процессъ, который означалъ не болѣе, не менѣе, какъ образованіе *крупнаго* внутренняго рынка для сельскаго хозяйства центральной Россіи. Этотъ *внутренній рынокъ составлялъ основу крѣпостного земледѣлія, которое развивалось, опираясь на него* *).

Барщина никогда не переставала занимать въ крѣпостномъ хозяйствѣ XVIII столѣтія крупное мѣсто, и въ этотъ вѣкъ она съ полною ясностью выступаетъ передъ нами, какъ способъ извлеченія денежнаго дохода. Являясь натуральной формой присвоенія прибавочнаго труда (помѣщикъ *платилъ* крестьянину землей и даже нерѣдко вносилъ за него подати), она была съ точки зрѣнія помѣщика главнѣйшей основой его денежнаго хозяйства. Помѣщикъ выносилъ продукты барщиннаго труда на рынокъ. Натуральный оброкъ въ XVIII в. встрѣчается намъ исключительно въ видѣ добавочной къ денежному оброку или барщинѣ повинности, имѣющей для помѣщиковъ преимущественно потребительное значеніе. Изъ этого, мнѣ кажется, ясно, что денежный оброкъ XVIII и XIX вв. нельзя считать за переложенный на деньги натуральный оброкъ предшествующей эпохи. Но и по отношенію къ денежному оброку до-петровской Руси, «поголовные оброки» XVIII в., формально являясь его продолженіемъ, по существу были *новизной*, въ значительной мѣрѣ возникшей въ результатѣ вытѣсненія барщины, и, какъ уже было указано, подъ вліяніемъ подушной подати.

Значеніе барщины въ крѣпостномъ хозяйствѣ XVIII в. опредѣляется тѣмъ, что она была въ это время господствующей формой эксплуатаціи крестьянскаго *земледѣльческаго* труда. Прочность и распространенность

---

*) Мы вернемся еще къ вопросу о сельскохозяйственномъ рынкѣ, когда будемъ говорить о XIX в.

денежно-хозяйственной барщины въ XVIII в. указываетъ, на нашъ взглядъ, на то, что корни этого явленія слѣдуетъ искать въ XVII в. Косвеннымъ образомъ, этотъ фактъ, стало быть, подтверждаетъ данную нами выше характеристику основной тенденціи развитія крѣпостного хозяйства въ XVII в. *).

«Опредѣляютъ помѣщики крестьянъ своихъ въ работу или на оброкъ, какъ имъ покажется для себя прибыльнѣе, сообразуясь съ обстоятельствами. Ежели помѣщикъ самъ живетъ въ деревнѣ или надежнаго имѣетъ у себя прикащика и земли къ пашнѣ удобной довольно, въ такомъ случаѣ гораздо прибыльнѣе оставить крестьянъ на пашнѣ; если жъ самъ находится въ отсутствіи, прикащика надежнаго не имѣетъ, или земли въ дачахъ недостаточно, то прибыльнѣе положить ихъ на оброкъ. Пахотныхъ крестьянъ повинность состоитъ работать на помѣщика въ каждой недѣлѣ три дня черезъ весь годъ. Таковая работа признается отъ крестьянъ умѣренной, и жалобъ и ропталій на таковаго помѣщика не бываетъ... Сверхъ работы собираются съ крестьянъ нѣкоторые мелочные поборы яко съ каждаго тягла по гусю или по индѣйкѣ, по курицѣ, по нѣскольку яицъ, по нѣскольку аршинъ холста, сермяжкаго сукна и прочее. Съ пахотныхъ крестьянъ при хорошемъ смотрѣніи и распоряженіи получаютъ помѣщики отъ 5—10 р. съ написанныя въ перепись мужескаго пола души, по удобности и по довольству земли и по способности къ отвозу хлѣба на продажу. Съ оброчныхъ отъ 3—5 руб. съ души, а въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, лежащихъ по близости столицъ и судоходныхъ рѣкъ, и по 10 рублей; но такихъ деревень не много, какъ равнымъ образомъ и такихъ, кои бы меньше трехъ рублей съ души платили».

Такова та характеристика русскаго крѣпостного хозяйства, которую далъ извѣстный Болтинъ («Примѣчанія на исторіи древнія и нынѣшнія Россіи г-на Л. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтиномъ». 1788, т. II, стр. 216 и слѣдующія). Эта характеристика оставалась вѣрной вплоть до ликвидаціи крѣпостного права.

Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно думать, что степень интенсивности основныхъ явленій крѣпостного хозяйства оставалась одинаковой въ теченіе цѣлаго столѣтія. Наоборотъ, мы знаемъ, что иностранныхъ наблюдателей XVIII в. поражало слабое развитіе помѣщичьяго хозяйства и связанной съ нимъ сельскохозяйственной эксплуатаціи крестьянъ. Такъ, извѣстный Георги весьма сильно подчеркивалъ различіе въ этомъ отношеніи между крѣпостнымъ хозяйствомъ русскимъ и нѣмецкимъ.

«Способъ пользованія земельными владѣніями, существующій въ Россіи,—говоритъ Георги,—существенно отличается отъ принятаго въ Лифляндіи и Германіи. Нѣмецкое дворянство считаетъ свои имѣнія

*) См. «Міръ Божій», октябрь, стр. 193.

съ полями, лѣсами, рыбными ловлями и прочими угодьями за свой капиталъ, а своихъ подданныхъ—за орудія для того, чтобы проценты съ этого капитала довести до высшаго размѣра. Въ Россіи крѣпостные люди составляютъ цѣнность имѣній, которыя служатъ лишь для того, чтобы доставлять пропитаніе крѣпостнымъ. Эти послѣдніе пропитываютъ себя какъ умѣютъ и выплачиваютъ государственной казнѣ обычныя подушныя деньги, а кромѣ того, своимъ господамъ ежегодную дань (оброкъ) наличными деньгами, которая весьма мѣняется, сообразно доступности заработковъ, добротѣ и строгости господина, его благосостоянію и его потребностямъ, но въ большинствѣ случаевъ держится въ предѣлахъ отъ 1—5 рублей на душу, такъ какъ состоятельные крестьяне должны платить за маломощныхъ. Такъ какъ владѣльцы имѣній не имѣютъ ни земледѣлія, ни сѣнокосовъ, ни молочнаго хозяйства, ни овцеводства и вообще не ведутъ никакого хозяйства, а потому не нуждаются ни въ рабочихъ, ни въ экономической прислугѣ, то и простой слуга, который умѣетъ лишь писать и читать, будучи трезвымъ и честнымъ, можетъ очень хорошо управлять весьма значительными имѣніями и даже при всемъ своемъ желаніи не въ состояніи очень надувать хозяина. Поэтому, обыкновенные прикащики и состоятъ изъ крестьянъ или бывшихъ дворовыхъ. Нѣкоторые хозяйственные господа устраиваютъ въ своихъ имѣніяхъ большія или маленькія мануфактуры, заводы, бумажныя фабрики и проч., или насаждаютъ среди своихъ крѣпостныхъ промыслы и торговлю, чѣмъ приносятъ своимъ людямъ большую пользу и въ такомъ случаѣ пожинаютъ обильные плоды своихъ благихъ намѣреній. Въ такихъ промыслахъ заключается источникъ весьма значительнаго богатства нѣкоторыхъ владѣльческихъ крестьянъ» *).

Эта характеристика, конечно, была невѣрна, поскольку она исходила изъ весьма распространеннаго въ то время неправильнаго представленія, что всѣ русскіе крестьяне или, по крайней мѣрѣ, подавляющее большинство ихъ было на оброкѣ. Какъ мы уже указывали, неправильность этого представленія статистически доказана г. Семевскимъ. Но въ основѣ этого неправильнаго представленія лежалъ несомнѣнный жизненный фактъ огромной важности: въ коренной Россіи XVIII в. землевладѣльческій классъ былъ въ значительной мѣрѣ чуждъ сельскохозяйственнаго предпринимательства, во всякомъ случаѣ, гораздо болѣе чуждъ, чѣмъ дворянство нѣмецкое и остзейское.

Соотвѣтственно этому, нѣкоторые иностранцы, наблюдавшіе Россію во второй половинѣ XVIII в., мѣтко подсмотрѣли, что русскому крестьянину того времени жилось лучше и вольготнѣе, чѣмъ крестьянину нѣмецкому и остзейскому.

---

*) Georgi. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reiche, in den Jahren 1773 und 1774 II. St.-Petersburg. 1775, S. 796.

Такъ, Бернгарди указываетъ на болѣе легкое положеніе русскихъ крѣпостныхъ сравнительно съ остзейскими и нѣмецкими, и съ замѣчательной проницательностью усматриваетъ причины этого явленія въ слабомъ развитіи въ Россіи производства сельскохозяйственныхъ продуктовъ на сбытъ. Ставя вопросъ: почему русскіе крѣпостные, юридически — настоящіе рабы, не изнываютъ подъ такимъ же гнетомъ, какъ негры въ американскихъ колоніяхъ?—Бернгарди говоритъ: «Слѣдуетъ принять въ соображеніе, что существуетъ большая разница между продуктами, производимыми этими двумя классами людей. Если бы на Вестъ - Индскихъ островахъ, вмѣсто сахара, воздѣлывали хлѣбъ, и къ тому же, сбытъ его представлялъ трудности и давалъ умѣренную прибыль, какъ это часто бываетъ въ Россіи, то я не могу себѣ представить, что, при всемъ жестокосердіи колонистовъ, рабы подвергались бы ужаснымъ мученіямъ и въ тоже время не кормились бы до-сыта. Вообще русскіе помѣщики меньше, чѣмъ лифляндскіе, спекулируютъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Большинство русскихъ помѣщиковъ служатъ въ арміи или въ гражданскихъ должностяхъ, или, во всякомъ случаѣ, мало бываютъ въ деревнѣ и заботятся не столько о томъ доходѣ, который она можетъ давать, сколько о томъ, который она даетъ въ дѣйствительности» *). Бернгарди остроумно прибавляетъ: «Вслѣдствіе этого и отпадаютъ многія мучительства, которыя такъ часто составляютъ послѣдствіе хорошаго хозяйства. Избави Боже всякаго человѣка отъ такого хозяйства!».

Барщина XVIII в. была для помѣщиковъ средствомъ извлеченія денежнаго дохода, но это не значитъ, чтобы барщинное хозяйство этого времени было организовано по типу предпріятія, т. е. съ цѣлью извлеченія наивысшаго дохода. Значительная часть и барщинныхъ имѣній принадлежала отсутствовавшимъ помѣщикамъ и находилась въ завѣдываніи приказчиковъ или старостъ. Въ строѣ такихъ хозяйствъ господствовала рутина и отсутствовалъ хозяйскій присмотръ. Порвать съ этой рутиной было трудно и во многихъ случаяхъ ненужно: доходъ получался и безъ того.

Въ характеристикѣ крѣпостного хозяйства, данной Георги, вѣрно подмѣчено, что первой формой настоящаго *предпріятія*, на которую сознательно направилась хозяйственная мысль русскаго помѣщичьяго класса, была фабрика. Какъ настоящій предприниматель, русскій помѣщикъ выступаетъ сперва въ качествѣ фабриканта и заводчика. Это не случайное явленіе, потому что изъ всѣхъ родовъ экономической дѣятельности земледѣліе (въ европейскихъ стра-

---

*) Ambrosius Bethmann Bernhardi (род. 1756, † 1801). «Züge zu einem Gemälde des Russischen Reiches unter der Regierung von Catharina II gesammelt bei einem vieljährigen Aufenthalte in demselben in vertrauten Briefen». Zweyte Sammlung 1799, S. 158—159. Сочиненіе это вышло анонимно и въ свое время было запрещено въ Россіи и въ Австріи.

нахъ) всего позже охватывается предпринимательскимъ духомъ и всего дольше живетъ въ формахъ и традиціяхъ натуральнаго хозяйства. Оно продолжаетъ хранить ихъ и тогда, когда для прибавочнаго продукта уже образовался рынокъ, т. е. когда оно уже отчасти попало въ сферу вліянія денежнаго хозяйства. Продукты земледѣлія громоздки и малоцѣнны, и сбытъ ихъ при отсутствіи новѣйшихъ искусственныхъ средствъ транспорта сравнительно ограниченъ. Естественно, поэтому, что предпринимательскій духъ помѣщичьяго класса обратился прежде всего на промышленный трудъ. XVIII вѣкъ есть эпоха возникновенія и процвѣтанія крѣпостной фабрики и крѣпостного ремесла. При слабомъ развитіи машинной техники, техническая граница между фабрикой (или, точнѣе, мануфактурой въ смыслѣ Маркса) и ремесломъ не была въ то время столь рѣзкой, какъ теперь. Но тогда какъ крѣпостная фабрика возникла изъ стремленія къ повышенію денежнаго дохода, крѣпостное ремесло служило первоначально потребительнымъ цѣлямъ. Технически оно опиралось на импортированное изъ заграницы городское ремесло: городскіе и свободные ремесленники-иностранцы были учителями туземныхъ сельскихъ и крѣпостныхъ ремесленниковъ. Возникнувъ на почвѣ натуральнаго хозяйства и потребительныхъ нуждъ помѣщиковъ, крѣпостное ремесло, по мѣрѣ связаннаго съ развитіемъ денежно-оброчной системы и городской жизни роста національнаго раздѣленія труда, все болѣе и болѣе отрѣшалось отъ своей натурально-хозяйственной основы и становилось обильнымъ источникомъ денежнаго дохода для помѣщиковъ. Иниціатива и интересы помѣщиковъ сыграли крупную роль въ развитіи нашей крестьянской такъ называемой кустарной промышленности: послѣдняя *выросла въ значительной мѣрѣ и технически, и экономически изъ крѣпостной фабрики и изъ крѣпостного ремесла*. Любопытную характеристику крѣпостного ремесла далъ извѣстный англійскій путешественникъ Коксъ въ книгѣ, первое изданіе которой вышло въ 1784 г.: «Способъ, примѣняемый многими (русскими) землевладѣльцами къ ихъ крестьянамъ, напоминаетъ мнѣ практику древнихъ римлянъ. Мы знаемъ, что Аттикъ заставилъ многихъ изъ своихъ рабовъ научиться искусству переписки рукописей, которыя онъ продавалъ по весьма высокой цѣнѣ, и которыми, такимъ образомъ, онъ составилъ себѣ весьма значительное состояніе. На сходныхъ началахъ (on similar principles) нѣкоторые русскіе дворяне посылаютъ своихъ крѣпостныхъ въ Москву или Петербургъ съ цѣлью обученія ихъ различнымъ ремесламъ, и потомъ или пользуются ихъ услугами въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ, или отдаютъ ихъ въ наймы на сторону, или продаютъ ихъ по повышенной цѣнѣ, или за извѣстную годовую плату позволяютъ имъ заниматься своимъ ремесломъ за ихъ собственный счетъ» *).

---

*) William Coxe. «Travels in Poland, Russia etc.» 5 edit. 1802. Vol. III, p. 154.

IV.

Соціальное господство дворянства во второй половинѣ XVIII в.—Отраженіе этого факта въ экономической политикѣ.—Развитіе дворянской монополіи винокуренія.—Преимущественное право дворянства на снабженіе войска провіантомъ.—Переломъ въ жизни и хозяйственномъ значеніи русскаго дворянства со второй половины XVIII в.

Вторая половина XVIII в. была дворянской эрой: она характеризуется соціальнымъ господствомъ дворянства *), въ значительной мѣрѣ опиравшимся на хозяйственный подъемъ этого класса. Успѣхи промысловаго труда среди оброчныхъ крестьянъ и ростъ крестьянской торговли несомнѣнно шли на пользу владѣльцевъ оброчныхъ промышленниковъ и торговцевъ. Поощряя крестьянскую предпріимчивость и крестьянскій трудъ, душевладѣльцы снимали съ нихъ пѣнки. Заводя фабрики, на которыхъ работали крѣпостные, и вытѣсняя изъ промышленности неблагородныхъ «фабрикановъ» **), они обрѣли себѣ новый источникъ соціальнаго вліянія и экономической силы. Законодательство Елизаветы, Петра III и Екатерины II, не только въ области промышленности, но и въ области земледѣлія, служитъ яркимъ выраженіемъ этого роста соціальной силы дворянства.

Крѣпостное право отлилось въ эту эпоху въ свою окончательную форму, и тогда же и крѣпостное хозяйство начинаетъ выходить на широкій путь настоящаго предпринимательства.

«Либеральная» экономическая политика Екатерины II, прецедентами которой являлись нѣкоторыя мѣры Елизаветы и Петра III, получаетъ свое естественное и вполнѣ достаточное объясненіе, если разсматривать ее, какъ средство служенія интересамъ дворянства и помѣщичьяго хозяйства. Въ 1753 г. отмѣнены внутреннія таможенныя пошлины; въ 1762 г. провозглашена свобода хлѣбной торговли, неоднократно подтверждавшаяся позднѣйшими указами. Рядомъ съ этими «либеральными» мѣрами идутъ прекрасно дополняющія ихъ мѣры иного характера, обезпечивающія за дворянствомъ, какъ цѣлымъ сословіемъ, весьма цѣнныя хозяйственныя привилегіи и монополіи. Купечество лишается

*) Ср. Туганъ-Барановскій l. c., 40 — 41. Оттѣсняя малочисленную и слабосильную буржуазію XVIII в.,—купечество, помѣщичій классъ выводилъ въ свѣтъ болѣе многочисленную и экономически болѣе крѣпкую буржуазію изъ оброчныхъ крестьянъ, которая уже и тогда заслоняла передъ иностранными наблюдателями купечество. Въ Россіи, писалъ Шереръ, «il n'y a ni tiers état, ni bourgeois, ni marchands proprement dits; à l'exception du clergé, de la noblesse et de l'état militaire, tout est muschik, c'est à dire serf» (*Jean Benoit Scherer*, «Histoire raisonnée du commerce de la Russie». Paris 1788, t. I, p. 104—105). О томъ, какъ экономическій подъемъ оброчныхъ крестьянъ подымалъ и ихъ личность, свидѣтельствуетъ слѣдующій характерный фактъ: графъ В. Г. Орловъ въ «Уложеніи», составленномъ для его имѣнія Порѣчье, Ярославской губ., предписывалъ избѣгать тѣлеснаго наказанія богатыхъ крестьянъ, дабы не подрывать ихъ «торга». «(Ярославскія Губ. Вѣдомости» 1853. № 42, стр. 433).

**) Туганъ-Барановскій l. c., 27—28.

права пріобрѣтать подъ фабрики населенныя имѣнія, владѣніе которыми провозглашается исключительнымъ правомъ благороднаго сословія (1762 г.).

Съ чрезвычайной послѣдовательностью законодательство XVIII в. развиваетъ исключительное право дворянства на винокуреніе и на винные подряды. Петровское законодательство (законъ 1716 г. П. П. С. З. № 2.990) установило или, точнѣе, подтвердило право людямъ всѣхъ званій курить вино «про себя и на подрядъ казнѣ». Но уже въ 1728 г. сенатскій указъ (№ 5.342) подъ маской толкованія закона 1716 г. отмѣняетъ эту свободу винокуренія, которое впредь дозволяется однимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ; единственное изъятіе изъ этой сословной монополіи дѣлается для винныхъ подрядчиковъ. Сенатскій указъ 1754 г. (№ 10.261) идетъ дальше и допускаетъ лишь временно существованіе купеческаго винокуренія, «доколѣ помѣщики и вотчинники винокуренные свои заводы (не) размножатъ», при чемъ указывается, что это снисхожденіе дѣлается только для тѣхъ купцовъ, «которые имѣютъ... винокуренные заводы отъ Москвы въ отдаленныхъ мѣстахъ». На основаніи этого указа позднѣйшій указъ того же года sans phrases предписываетъ всѣ купеческіе винокуренные заводы, расположенные около Гжатской хлѣбной пристани, «уничтожить». Наконецъ, «Уставъ о винокуреніи» 9-го августа 1765 г. въ п. 1-мъ своей I-й главы торжественно провозглашаетъ: «*Вино курить дозволяется всѣмъ дворянамъ и ихъ фамиліямъ, а прочимъ никому*». Позднѣйшее разъясненіе 1784 г. устанавливаетъ, что право винокуренія принадлежитъ дворянамъ лишь какъ собственникамъ населенныхъ имѣній, и потому имъ не пользуются однодворцы, дослужившіеся до оберъ-офицерскаго званія, хотя послѣднее и давало дворянство. Право винокуренія имѣло огромную *хозяйственную* цѣну. Достаточно сказать, что идущее во главѣ русскаго сельскаго хозяйства помѣщичье хозяйство остзейскихъ провинцій развилось, опираясь на винокуреніе. Въ концѣ XVIII вѣка не только весь производимый въ Лифляндіи и Эстляндіи хлѣбъ выкуривался на вино, но для этой цѣли туда еще привозилось зерно изъ русскихъ губерній. Вывозную свою торговлю Лифляндія въ это время вела хлѣбомъ, который привозился съ верховьевъ Сѣверной Двины *). Но и въ настоящей Россіи винокуреніе играло крупную роль. Въ этомъ отношеніи южная Россія съ ея экстензивнымъ хозяйствомъ и съ ея дешевымъ хлѣбомъ, котораго часто некуда было дѣвать, и который, поэтому, въ буквальномъ смыслѣ слова не имѣлъ цѣны **), сходилась

---

*) *Storch*. «Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts». III Theil. Leipzig, 1799, S. 267—268.

**) «Въ Украйнѣ хлѣбъ, если тамъ не стоятъ войска, потребляющія его, не цѣнится ни во что. Крестьянинъ оставляетъ его цѣлыми кучами лежать на полѣ, и обмолачиваетъ лишь столько, сколько самъ потребляетъ» (*A. W. Hupel*, «Nordische Miscellaneen», I Stück Riga, 1781, «Ueber die Bevölkerung des russischen Reichs». S. 128).

съ передовымъ остзейскимъ краемъ *). Въ южной Россіи винокуреніе, (не вездѣ, впрочемъ, составлявшее здѣсь исключительную привилегію дворянства) было главнымъ источникомъ дохода для сельскихъ хозяевъ. Но и въ другихъ сколько-нибудь хлѣбородныхъ мѣстностяхъ оно играло крупную роль **), и Щербатовъ не даромъ указываетъ, что «не токмо души, но и великіе капиталы употреблены въ сіи (т. е. винокуренные) заводы» («Разсужденіе» о голодѣ 1778, Сочиненія т. I, стр. 669).

Рядомъ съ весьма цѣнной въ хозяйственномъ отношеніи сословной монополіей винокуренія стояло немаловажное преимущественное право дворянства на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ. Военный спросъ игралъ на сельскохозяйственномъ рынкѣ XVIII и XIX в., несомнѣнно, крупную роль. Въ какой мѣрѣ помѣщикамъ удавалось использовать этотъ спросъ не только въ качествѣ производителей сельскохозяйственныхъ продуктовъ, но и въ качествѣ ихъ продавцевъ, т. е. устранять посредничество купцовъ и вообще перепродавцевъ—это, конечно, другой вопросъ. Мы хорошо знаемъ только, что государство шло весьма далеко на встрѣчу этой потребности помѣщичьяго класса. Основной законъ, регулировавшій это дѣло, «Провіантскія регулы для учрежденной при обсерваціонномъ корпусѣ коммиссіи генералъ-провіантмейстера-лейтенанта» 1758 г., предписывалъ «стараніе имѣть сколько и гдѣ возможно подрядовъ... отъ купцовъ... миновать, а пользоваться поставкой отъ шляхетства и поселянъ, дабы подданные, которые о распространеніи земледѣлія сами трудятся и съ коихъ на таковыя приготовленія и въ прочемъ на содержаніе арміи подушной окладъ сбирается, тѣми жъ деньгами интересоваться могли». При подрядахъ же, въ случаяхъ одинаково выгодныхъ для казны условій, предписывалось «шляхетству и прочимъ уѣзднымъ предъ купецкими людьми того города... давать преимущество». Эти постановленія создавали для «шляхетства», которому «поселяне», конечно, не могли составлять серьезной конкуренціи, совершенно исключительное положеніе по отношенію къ военному спросу. Не довольствуясь этимъ, законодательство шло дальше: «сдѣлано подлинно нѣкоторое хлѣбопашеству одобреніе, когда на армію нашу, внѣ границъ находящуюся, запрещено было въ тамошнихъ мѣстахъ хлѣбъ покупать, какъ бы оный дешевъ ни былъ, а велѣно было возить оный отсюда, какъ бы дорого ни становился», говорится въ упомянутомъ уже указѣ Петра III о свободѣ хлѣбной торговли 1762 г.

Государственно-правовыя и административныя реформы второй половины XVIII в., если не создали, то, во всякомъ случаѣ, въ очень силь-

---

*) Storch l. c. 269—270.

**) Шторхъ называетъ въ числѣ заинтересованныхъ въ винокуреніи областей губерніи Лифляндскую, Харьковскую, Малоруссію, Бѣлоруссію, губерніи Воронежскую, Орловскую, Курскую, Калужскую, Тверскую, Тульскую, Казанскую, Нижегородскую, Симбирскую, и прибавляетъ: «и многія другія».

ной степени оживили и подвинули впередъ русскую провинцію и русскій городъ. Отмѣна обязательной службы дворянства (1762 г.) и учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. содѣйствовали осѣданію дворянства въ провинціи, сблизили съ ней дворянство и увеличили значеніе городовъ, какъ рынковъ сбыта сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Въ то же время вторая половина XVIII в. характеризуется чрезвычайно выгодной для сельскаго хозяйства коньюнктурой: начиная приблизительно съ 1765 г., это эпоха высокихъ хлѣбныхъ цѣнъ, которыя держатся и еще растутъ въ первыя два десятилѣтія XIX в. Мы думаемъ, что это явленіе было—помимо случайныхъ причинъ (неурожаевъ, войнъ и т. п.)—обусловлено чрезвычайно быстрымъ развитіемъ внутренняго рынка для сельскаго хозяйства. Въ этомъ процессѣ выражались успѣхи національнаго раздѣленія труда, прогрессъ неземледѣльческаго производства.

Неудивительно, поэтому, что въ XVIII и вполнѣ явственно съ первой четверти XIX вѣка стала обозначаться крупная перемѣна въ соціально-экономическомъ положеніи русскаго помѣстнаго класса: послѣдній началъ осядать на землю и постепенно преобразовываться изъ служилаго въ земельное дворянство, онъ сталъ пріучаться къ сельскохозяйственному предпринимательству. Процессъ этотъ совершался вплоть до освобожденія крестьянъ и былъ насильственно прерванъ актомъ 19-го февраля, хотя внутренно еще далеко не закончился.

Въ 1765 г. основывается вольное экономическое общество и около этого времени зарождается русская агрономическая литература и печать, быстро развивающаяся (А. Т. Болотовъ, Левшинъ). Еще раньше, благодаря личнымъ столкновеніямъ и впечатлѣніямъ, остзейское хозяйство, ближайшій въ Россіи образецъ болѣе раціональнаго крѣпостного хозяйства, начинаетъ привлекать къ себѣ вниманіе русскихъ помѣщиковъ. Въ книжномъ ящикѣ, который знаменитый впослѣдствіи основатель русской крѣпостной агрономіи Андрей Тимоѳеевичъ Болотовъ разбиралъ послѣ смерти своего отца, нашелся рукописный переводъ «Лифляндской экономіи». «Если она дѣйствительно переведена самимъ полковникомъ (Болотовымъ),—говоритъ Е. Н. Щепкина,—то переводъ этотъ сдѣлалъ имъ не случайно и не имъ однимъ. Въ русскомъ обществѣ 30-хъ и 40-хъ гг. прошлаго вѣка... появился интересъ къ нѣмецкому сельскому хозяйству» *). Въ Румянцевскомъ музеѣ хранятся два рукописныхъ экземпляра «Лифляндской экономіи». На заглавномъ листѣ одного изъ нихъ значится, что онъ сдѣланъ «химіи профессоромъ Ломоносовымъ» **). Остзейское сельское хозяйство глубоко отличалось отъ русскаго тѣмъ, что оно уже прочно сложилось по типу настоящаго предпріятія. При всей своей экстензивности, оно уже характеризовалось экономической раціональностью. Уже въ XVIII в. остзейское

*) «Старинные помѣщики на службѣ и дома». Изъ семейной хроники (1578—1762). Спб. 1890, стр. 61—62.

**) Тамъ же.

земледѣліе испытало капиталистическое оживленіе и кризисъ *). Значительно отставая отъ остзейскаго образца и въ совершенно другой исторической обстановкѣ и русское крѣпостное хозяйство подъ вліяніемъ указанныхъ выше моментовъ *начинало* преобразовываться по тому же типу.

V.

Развитіе крѣпостного хозяйства въ XIX в. въ направленіи сельскохозяйственнаго предпринимательства.—Свидѣтельства современниковъ.

Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ нашего дореформеннаго хозяйства быта извѣстный *баронъ Гакстгаузенъ* констатируетъ интересующій насъ процессъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ, довольно поверхностно, впрочемъ, связывая его съ событіями 1812 года **).

«До 1812 года та часть дворянства, которая не служила въ войскѣ или не состояла на гражданской службѣ, (въ каковомъ случаѣ семья, конечно, жила въ мѣстѣ служенія главы ея) проживала либо въ столицахъ, либо въ деревнѣ. Прежде богатые люди, собственно говоря, никогда не жили въ деревнѣ. Они разъ въ лѣто на короткое время посѣщали свои владѣнія, которыя, однако, почти нигдѣ не были устроены съ тѣмъ комфортомъ, къ коему ихъ пріучалъ европейскій лоскъ и изнѣженность, но постоянно жили въ Петербургѣ въ качествѣ придворнаго дворянства или въ Москвѣ въ качествѣ фрондеровъ. Тѣ, у кого недостаточно было состоянія для того, чтобы круглый годъ жить въ этихъ городахъ, жили тамъ, по крайней мѣрѣ, зиму или только извѣстную ея часть, когда имъ удавалось собрать столько денегъ, чтобы имѣть возможность прожить нѣкоторое время въ столицѣ и затѣмъ на остальное время забирались въ какое-нибудь деревенское захолустье, чтобы снова копить. Мелкое или бѣдное дворянство, прежде не очень многочисленное, грубое, часто не болѣе образованное, чѣмъ его крестьяне, жило совершенно вмѣстѣ съ послѣдними и было вполнѣ окрестьянившимся.

«Катастрофа 1812 года составила поворотный пунктъ въ этомъ процессѣ. Та часть богатаго или средняго дворянства, которая жила въ Москвѣ, потеряла свои дворцы и дома, свою движимость и даже значительныя части своего состоянія. На первые годы ему не доставало средствъ снова тамъ поселиться. Оно наполовину вынужденное сѣло на землю или же больше, чѣмъ когда-либо, пошло на государственную службу, которая, чѣмъ болѣе она европеизировалась, тѣмъ болѣе требовала чиновниковъ; такимъ образомъ, дворянство было разсѣяно по всему пространству огромнаго государства. Всѣ, кто, благодаря

*) A. W. Hupel «Nord. Misc. I Stück «Vom jetzigen Creditwesen und Wohlstand in Esthland» въ особ. S. 181—187.

**) August Freiherr von Haxthausen. Studien über die inneren Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands' 2-ter Theil Hannover 1847, S. 118—119.

войнамъ, побывали въ Западной Европѣ, узнали тамошнюю жизнь и стремились пересадить ее къ себѣ на родину. Благодаря этому, многіе обѣднѣли въ конецъ и ихъ мѣсто заняли parvenus изъ чиновниковъ. Затѣмъ наступила эпоха необыкновеннаго развитія промышленности, которое въ значительной мѣрѣ исходило изъ дворянства, такъ какъ бо̀льшая часть фабрикъ была основана имъ. Фабричное же дѣло требовало больше дѣятельности, прилежанія, осмотрительности, знаній, больше личнаго присутствія и личнаго надзора на мѣстахъ, гдѣ расположены были фабрики, чѣмъ мы до сихъ поръ привыкли видѣть у русскаго дворянства. Такимъ образомъ постепенно произошелъ большой переворотъ въ соціальномъ положеніи русскаго дворянства. Оно теперь гораздо больше, чѣмъ прежде, живетъ на землѣ, конечно, еще далеко недостаточно для того, чтобы можно было его назвать земельнымъ дворянствомъ; но оно, все-таки, посѣщаетъ свои имѣнія и даже занимается ихъ хозяйственнымъ управленіемъ, — это видно изъ того, что все больше и больше крестьянъ переводится на барщину, т. е., что часть земли у крестьянъ отобрана и превращена въ господское поле, которое крестьяне должны обрабатывать барщиннымъ трудомъ, между тѣмъ какъ платежъ оброка, прежде господствующая крестьянская повинность во всей Великороссіи, устраненъ. Дворянство не можетъ теперь уже больше удаляться такъ далеко отъ своихъ фабрикъ и экономій, какъ прежде. Сама Москва сдѣлалась фабричнымъ городомъ. Отсюда произошло то, что дворянство не живетъ больше въ Москвѣ, какъ прежде; но такъ какъ оно по всей своей природѣ, своему образу жизни и воспитанію не можетъ отказаться отъ общественной жизни новѣйшаго времени и отъ жизни въ городѣ, то оно отправляется въ сосѣдніе провинціальные города, и послѣдніе съ тѣхъ поръ пріобрѣли новыя городскія части, и въ нихъ образовался новый элементъ общительной жизни, который составляется изъ многочисленныхъ чиновниковъ, военныхъ и ихъ семействъ и изъ губернскаго дворянства. Мы считаемъ это значительнымъ шагомъ впередъ культуры и народной жизни. Благодаря этому, зарождается культурная провинціальная жизнь, которая прежде совершенно отсутствовала въ Россіи, и современемъ можетъ развиться и буржуазія, хотя зародыши ея до сихъ поръ еще очень незначительны» *).

Въ этихъ словахъ Гакетгаузена съ полной ясностью отмѣчены два кардинальные и тѣсно связанные между собой процесса въ развитіи крѣпостного хозяйства въ XIX вѣкѣ. Русскій дворянинъ осѣдаетъ на землю и, становясь сельскохозяйственнымъ предпринимателемъ, въ значительной мѣрѣ вмѣстѣ съ собою осаждаетъ и крестьянъ.

Авторъ «Описанія Тверской губ. въ сельскохозяйственномъ отношеніи», удостоеннаго Уг. Ком. М-ра Государств. Имуществ. золотой

*) Любопытно сопоставить съ этими указаніями Гакстгаузена жалобы Елагина на «пустоту въ имперіи, которая нынѣ путешествующему не дозволяетъ иногда на сто верстахъ увидѣть одного дворянина» («Журн. Землевл.» 1859. № 22, стр. 182)

медали, Василій Преображенскій (Спб. 1854) тоже отмѣчаетъ этотъ процессъ:

«Умственное движеніе въ улучшеніи сельскаго хозяйства съ каждымъ годомъ становится замѣтнѣе, но только между помѣщиками. Все лучшее дворянство лѣтъ за 30 готовило себя къ военной или дипломатической службѣ, а низшее, т. е. бѣднѣйшее, сидѣло дома, числясь большею частью, на службѣ въ какомъ нибудь уѣздномъ или губернскомъ мѣстѣ, или дѣйствительно служило... Но о томъ какъ узнавать составныя части и свойства почвы гдѣ какіе употреблять способы удобренія, какъ воспитывать хозяйственныя растенія никому и въ голову не приходило. Да о чемъ и заботиться: не стало денегъ, такъ призвать старосту, приказать продать хлѣбъ—и дѣло съ концомъ. Но какъ пришлось выйти въ отставку, пріѣхать въ помѣстья, подѣлить ихъ на части между нѣсколькими братьями и сестрами, да вступить въ управленіе имѣніемъ своимъ, съ одной литературой и политикой въ головѣ; то поневолѣ старосты и прикащики попали въ учителя своихъ господъ новымъ познаніямъ практическимъ, принятымъ однажды навсегда безъ всякой критики и потому часто неумѣстнымъ и даже вреднымъ хозяйству» (стр. 549—550).

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ указываетъ, что новое поколѣніе тверскихъ помѣщиковъ, «принадлежа къ вѣку благоразумно-разсчетливому, хочетъ имѣть больше рабочихъ рукъ и учреждать фабрики и заводы».

Изъ другихъ свидѣтельствъ современниковъ крѣпостного хозяйства особеннаго вниманія заслуживаютъ обстоятельныя указанія Ю. Ѳ. Самарина.

Пока мы приведемъ изъ указаній Самарина лишь то, что непосредственно относится къ занимающему насъ теперь процессу.

Въ своей законченной въ 1856 году «Запискѣ о крѣпостномъ состояніи и о переходѣ изъ него къ гражданской свободѣ» (Сочиненія, т. II, Москва 1878 г., стр. 17 и слѣд.) Самаринъ замѣчаетъ:

«При тѣсной связи экономическихъ условій сельскаго хозяйства у насъ въ Россіи съ юридическими отношеніями дворянскаго сословія къ крѣпостному, всякая перемѣна къ лучшему или худшему въ системѣ помѣщичьяго хозяйства должна, естественно, отзываться болѣе или менѣе крутымъ переломомъ не только въ хозяйствѣ, но и въ цѣломъ быту поселянъ. Послѣдовательность этихъ явленій представляетъ много поучительнаго и указываетъ намъ, какую будущность готовитъ крѣпостному сословію развитіе раціональнаго хозяйства, основаннаго на крѣпостномъ правѣ.

«Лѣтъ 70 назадъ, владѣльцы значительныхъ имѣній мало занимались сельскимъ хозяйствомъ и по большей части довольствовались умѣреннымъ оброкомъ, собирая, сверхъ того, натурою разные припасы для своихъ домашнихъ потребностей. Они управляли своими вотчинами издали, поверхностно, сильно налегая на свою дворню и оставляя въ

покоѣ крестьянъ. Только въ случаѣ неисправности въ платежахъ или крупныхъ безпорядковъ, принимаемы были въ отношеніи къ послѣднимъ единовременныя мѣры строгости. Лучше ли, хуже ли, чѣмъ теперь, жили въ то время крестьяне—объ этомъ судятъ различно; но то несомнѣнно, что они жили *своимъ умомъ* и отдавая помѣщику часть произведеній своего труда, *располагали свободно всѣмъ своимъ временемъ и всѣми своими рабочими силами.*

«Этотъ порядокъ вещей измѣнялся постепенно отъ совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ. Имѣнія быстро дробились и съ каждымъ новымъ раздѣломъ средства владѣльцевъ уменьшались, а потребности ихъ, какъ существенныя, такъ и искусственныя, порожденныя непомѣрнымъ развитіемъ роскоши, не только не ограничивались, но возрастали въ изумительной прогрессіи. Между тѣмъ крестьяне, обѣднѣвшіе во многихъ крестьянъ отъ истощенія земель, отъ ряда неурожайныхъ годовъ, отъ прекращенія нѣкоторыхъ промысловъ, отчасти отъ той же прихотливой роскоши, которая и ихъ коснулась, не только не выносили увеличенія оброковъ, но даже въ платежѣ прежнихъ денежныхъ повинностей становились неисправными. Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнѣе заняться своими дѣлами, увеличить свои доходы, обезпечить на будущее время вѣрное ихъ поступленіе и, для достиженія этихъ цѣлей, естественно избрали сподручное и дешевое средство: заведеніе барщины. *Крестьяне еще оставались полными хозяевами въ своихъ домашнихъ занятіяхъ и въ своемъ быту, но половину ихъ времени и рабочихъ силъ помѣщики взяли въ свое распоряженіе*» (Стр. 49—50).

Далѣе Самаринъ упоминаетъ о томъ что одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ агрономовъ 30-хъ и 40-ыхъ годовъ Вилькинсъ «очень строгимъ и добросовѣстнымъ разсчетомъ» доказалъ, «что для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ на оброкѣ, а было бы еще выгоднѣе взять ихъ на свое содержаніе, завести собственную упряжь и орудія и цѣлый годъ заставлять крестьянъ работать, разумѣется, ничего не платя имъ за труды». «Но этотъ выводъ, при всей его вѣрности въ хозяйственномъ отношеніи, самому Вилькенсу показался страшнымъ» и онъ выразилъ убѣжденіе, что «рѣдкій помѣщикъ» согласится добровольно приступить къ такой системѣ хозяйства. Съ тѣхъ поръ (1833 годъ), замѣчаетъ Самаринъ, какъ вѣрность экономическаго вывода Вилькенса, такъ и ошибочность его личнаго убѣжденія доказана фактически постепеннымъ размноженіемъ мѣсячниковъ, т. е. крестьянъ по занятію и образу жизни, но переведенныхъ на положеніе дворовыхъ. «Не имѣя ни собственныхъ избъ, ни земли, ни хозяйства, они получаютъ отъ своего помѣщика помѣщеніе, обыкновенно въ нарочно выстроенныхъ флигеляхъ или казармахъ, по нѣсколько семействъ въ одной избѣ, получаютъ опредѣленное продовольствіе, одежду и зато круглый годъ работаютъ на него цѣлою семьею. Мѣсячники, кажется, появились прежде всего въ Малороссіи и Бѣлоруссіи. Теперь же они попадаются во многихъ губерніяхъ, даже и въ многозе-

мельныхъ, какъ, напримѣръ, Оренбургской и Симбирской, причемъ всегда въ самыхъ мелкихъ помѣстьяхъ». «Этотъ классъ въ общей массѣ крѣпостного сословія теперь еще незначителенъ по своей численности, но—справедливо подчеркиваетъ Самаринъ—онъ обращаетъ на себя вниманіе по самой недавности его происхожденія, *какъ классъ новѣйшаго образованія*. Въ его лицѣ передъ нами является *послѣднее произведеніе крѣпостного права* и грозный намекъ на дальнѣйшій путь его развитія».

Дѣйствительно, развиваясь въ направленіи сельскохозяйственнаго предпринимательства, русское крѣпостное хозяйство несомнѣнно должно было кульминировать въ полномъ или частичномъ обезземеленіи крестьянъ и въ созданіи класса свободныхъ отъ средствъ производства, слабо связанныхъ съ землей сельскихъ рабочихъ. До этого дѣло, какъ извѣстно, не дошло, но насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ не *возможный* конецъ пути, а его *реальное* начало. Самаринскій прогнозъ для насъ цѣненъ здѣсь, какъ историческій діагнозъ, какъ свидѣтельство вдумчиваго современника о реальной тенденціи развитія. Въ этомъ кардинальномъ вопросѣ исторіи нашего дореформеннаго аграрнаго строя мы вынуждены довольствоваться такими свидѣтельствами и, взвѣшивая ихъ удѣльный вѣсъ, по нимъ строить картину процесса. Ибо статистическихъ данныхъ, рисующихъ самое развитіе крѣпостного хозяйства, у насъ почти нѣтъ *).

Переходъ къ барщинному режиму въ земледѣліи отмѣчается и авторомъ примѣчаній къ русскому переводу Тэра, Н. Муравьевымъ. Муравьевъ приписываетъ расширенію помѣщичьихъ запашекъ сильное повышеніе хлѣбнаго производства и приводитъ въ доказательство этого примѣръ своей мѣстности (Можайскій уѣздъ). На радіусѣ въ 35 верстъ около его имѣнія вновь прибавилось пашни около 1.500 десятинъ въ каждомъ полѣ. Характерно, что Муравьевъ этимъ прессомъ расширенія барщинныхъ запашекъ объясняетъ сельскохозяйственный кризисъ и упадокъ цѣнъ 20-хъ гг. и такимъ образомъ приписываетъ этому явленію тотъ же *товарно-капиталистическій* характеръ, который оно несомнѣнно имѣло въ Германіи 20-хъ гг. **).

Тотъ же самый Муравьевъ выразилъ основную идею и экономическое существо новаго *прогрессивнаго* помѣщичьяго хозяйства словами: «чѣмъ мы должны почитать въ Россіи сельское хозяйство? По мнѣнію моему, *фабрикою*, на которой, вмѣсто сукна или другихъ издѣлій, производятъ хлѣбъ. Слѣдовательно, оно подчиняется тѣмъ же правиламъ, коими руководствуются въ прочихъ родахъ промышленности» ***).

(Окончаніе слѣдуетъ). **Петръ Струве.**

---

*) О статистикѣ крѣпостного хозяйства въ XIX в. и о сравненіи данныхъ этого вѣка съ данными XVIII в. мы скажемъ ниже.

**) А. Тэ(е)ръ. Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Переводъ С. А. Маслова. Часть I. Москва 1830 г. Предисловіе сочинителя примѣчаній (Муравьева), стр. XIII.

***) То же соч. Часть III. Москва 1833 г. Предисловіе Муравьева стр. XXX—XXXI.

ИЗЪ ВИКТОРА ГЮГО.

(Написано на экземпляръ Божественной комедіи).

Въ вечернихъ сумеркахъ безлюдною тропою
Я шелъ и человѣкъ явился предо мною.
Онъ въ римской тогѣ былъ, и тамъ, гдѣ меркнулъ свѣтъ,
Недвижно онъ стоялъ, какъ черный силуэтъ.
Онъ мнѣ сказалъ: „Я былъ высокою горою,
„Вершиной, съ древнихъ лѣтъ царившей надъ землею,
„На волю, не прозрѣвъ, рвалась душа моя
„И проходила всѣ ступени бытія.
„Я мощнымъ дубомъ сталъ, вершина разстилалась
„И съ тучею она таинственно шепталась,
„Жрецы мнѣ алтари воздвигнули отнынѣ...
„Я былъ могучимъ львомъ, мечтающимъ въ пустынѣ,
„Велъ съ ночью разговоръ въ глубокой тишинѣ...
„Теперь я человѣкъ и Данте имя мнѣ“.

Allegro.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Конецъ «Ѳомы Гордѣева».—Дѣланность и неестественность сумасшествія героя.—Общее заключеніе о романѣ г. Горькаго. — «Передъ грозой», повѣсть г. Погорѣлова.—Мертвое настроеніе провинціи.—Общій мракъ, некультурность и отсутствіе свѣжихъ людей.—«Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина», брошюра «Края».

Въ сентябрьской книгѣ «Жизни» законченъ романъ г. Горькаго «Ѳома Гордѣевъ», и врядъ ли кого изъ читателей удовлетворитъ конецъ, къ которому привелъ своего героя авторъ. Его Ѳома,—эта цѣльная, крѣпкая, физически и нравственно такая здоровая натура, сходитъ съ ума и дѣлается чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ юродивыхъ, которые служатъ грубой потѣхой для улицы. Этотъ странный конецъ не вяжется съ представленіемъ о безспорной силѣ, какою съ самаго начала романа и все время является Ѳома, смѣло и рѣзко ставящій свой вопросъ, какъ надо жить. Что окружающая жизнь не могла дать на него отвѣта, это ясно изъ тѣхъ превосходныхъ картинъ, въ которыхъ она изображена. Но отсюда еще очень далеко до такого жалкаго конца, все равно, ничего не разрѣшающаго и совсѣмъ не вяжущагося съ общимъ характеромъ героя.

Повидимому, и для автора такая жалкая судьба его героя является полнѣйшей неожиданностью. По крайней мѣрѣ, такъ можно судить по той обстановкѣ, при которой происходитъ финалъ Ѳомы. Какъ помнятъ читатели, Гордѣевъ, оставшись послѣ смерти отца обладателемъ милліоннаго состоянія, не увлекается ни мало дѣловой стороной жизни. Для него это лишь внѣшность, не имѣющая значенія,—важнѣе всего та суть жизни, которая ему мерещится и которую онъ не можетъ схватить и понять. Какъ истое дитя природы, наполовину дикарь, Ѳома не можетъ удовлетвориться частными отвѣтами на свои запросы,—ему подавай всю суть, общее рѣшеніе или ничего. Обычная ошибка юности, что такое рѣшеніе гдѣ-то и у кого-то есть, заставляетъ его жадно стремиться къ каждому новому лицу, чтобы затѣмъ также стремительно бросить его, разъ у него не оказывается общаго отвѣта. Его пьянство, кутежи, дикія выходки не даютъ исхода природнымъ силамъ, накопленнымъ вѣками въ его душѣ, и бѣдный Ѳома бьется въ тѣхъ путахъ, которыми для него являются его богатство и происхожденіе изъ крѣпкой купеческой среды, гдѣ все представляется вѣками налаженнымъ, укрѣпленнымъ на вѣки-вѣчныя все на своемъ мѣстѣ. То, что для его опекуна—крестнаго отца Маякина представляется высшимъ порядкомъ, для него—высшій безпорядокъ, потому что никто не знаетъ, зачѣмъ ему, Гордѣеву, милліоны, когда тысячи людей, потомъ и кровью ихъ создающіе, ведутъ жалкое существованіе. Онъ хотѣлъ бы уйти и бросить все, лишь бы на немъ не тяготѣла отвѣтственность за эти милліоны и связанные съ нимъ потъ и кровь другихъ. Въ его головѣ, гдѣ бродятъ лишь смутныя мысли, все это не формулируется такъ просто и ясно, но нѣчто въ этомъ родѣ онъ смутно чувствуетъ и къ этому стремится.

Противъ него возстаетъ порядокъ, въ лицѣ Маякина, который побѣдоносно заявляетъ, что выхода отсюда нѣтъ, и каждый долженъ пребывать на своемъ мѣстѣ. Маякинъ все время силится прикрѣпить Ѳому. Онъ соблазняетъ его властью, какую даютъ милліоны, хочетъ его скрутить, создавъ ему семейную жизнь, но не видя въ немъ отвѣта, теряется, что дѣлать съ такимъ необузданнымъ конемъ. Этотъ Маякинъ, выступающій въ романѣ полной противоположностью Ѳомѣ, самое характерное и живое лицо, удавшееся автору несравненно лучше, чѣмъ Ѳома. Его разсужденія о значеніи купца, о силѣ денегъ, о породѣ людей, о порядкѣ, его безчисленныя поговорки, которыми онъ такъ и сыплетъ, его неугомонный нравъ, суетливый и на все отзычивый, дѣлаютъ Маякина типичнымъ представителемъ бойкой жизни Поволжья, гдѣ Маякины дѣйствительно создали огромное промышленное движеніе. Маякинъ искренно считаетъ себя солью земли, главнымъ колесомъ въ поволжской жизни, и, по его мнѣнію, безъ купца Волгѣ была бы «крышка». Онъ искренно негодуетъ на Ѳому, не желающаго понимать этого, и ополчается на него, какъ на врага, когда убѣждается, что Ѳома дѣйствительно не пойдетъ и не можетъ идти за нимъ. Кстати возвращается и собственный сынъ, котораго онъ считалъ для себя погибшимъ, такъ какъ тотъ увлекся въ молодости нѣкорыми идеями, близкими къ направленію Ѳомы. Но, оказывается, идеи очень быстро исчезли, «маякинская кость» осталась и проявилась во всей красѣ, къ великому утѣшенію старика. Отецъ и сынъ быстро, почти безъ словъ, договариваются и заключаютъ безмолвный союзъ противъ Ѳомы, чтобы прибрать къ рукамъ его богатство, а съ нимъ покончить разъ навсегда.

Маякинъ пользуется для этого освященіемъ новаго парохода одного купца. На освященіи собирается все именитое купечество съ Маякинымъ во главѣ, который уговорилъ придти туда и Ѳому. Во время тостовъ Маякинъ говоритъ рѣчь, воспѣвающую купечество, задирательную и воинственную, въ которой какъ бы бросаетъ вызовъ всѣмъ думамъ и стремленіямъ Ѳомы. Того эта рѣчь, что называется, взрываетъ, происходитъ дикая сцена. Ѳома внѣ себя обрушивается на купечество, бросаетъ каждому изъ присутствующихъ въ лицо разныя подлыя продѣлки, которыми большинство создали богатство, и этимъ вызываетъ цѣлую бурю злобы противъ себя. На него набрасываются, связываютъ и всячески поносятъ, чѣмъ пользуются Маякинъ, чтобы объявить Ѳому сумасшедшимъ. Это ему вполнѣ удается. Ѳома попадаетъ въ больницу, откуда выходитъ уже навсегда конченнымъ человѣкомъ. «За всѣ три года о Ѳомѣ не слышно было ничего. Говорили, что послѣ выхода изъ больницы Маякинъ отправилъ его куда-то на Уралъ, къ родственникамъ матери. Недавно Ѳома явился на улицахъ города. Онъ какой то истертый, измятый и полоумный. Почти всегда выпившій, онъ появляется, то мрачный съ нахмуренными бровями и съ опущенной на грудь головой, то улыбающійся жалкой и грустной улыбкой блаженненькаго. Иногда онъ буянитъ, но это рѣдко случается»...

Словомъ, предъ нами нѣчто въ родѣ того же Любима Торцова, спившагося обличителя, павшаго жертвой своего темперамента и неумѣнія примѣниться къ жизни своей среды. Авторъ безсознательно повторяетъ Островскаго, и въ этомъ большая ошибка. Со временъ Островскаго слишкомъ много воды утекло, чтобы ничто не измѣнилось въ темномъ царствѣ и его настроеніи. Въ пятидесятые годы дѣйствительно не было иного выхода, какъ въ водкѣ топить душу, разъ ей не было удовлетворенія въ жизни. Да и по первоначальному замыслу Ѳома не такого склада, чтобы превратиться въ жертву, разъ столько силы накопилось въ немъ. Правда, эти силы не нужны темному царству, гдѣ властвуетъ маякинскій порядокъ жизни. Но теперь оно уже не такъ замкнуто и выходъ изъ него открытъ даже и не для такихъ богатырей, какимъ является Ѳома.

Очевидно, тутъ что-то не такъ и въ основѣ всего замысла лежитъ какая-

то коренная ошибка. Чтобы понять ее, надо коснуться одного типичнаго лица, играющаго въ романѣ небольшую, но существенную роль. Это—представитель интеллигенціи, писатель, работникъ мѣстной печати Ежовъ, товарищъ Ѳомы по гимназіи. Ежовъ—сынъ мелкаго ремесленника или что-то въ этомъ родѣ, пробившійся въ верхніе ряды собственными силами, благодаря природному уму и таланту. Онъ несомнѣнно талантливъ, владѣетъ острымъ и злымъ перомъ, его фельетоны на мѣстныя злобы дня вызываютъ общее волненіе и вниманіе, его читаютъ, къ его голосу прислушиваются. Словомъ, онъ—замѣтная величина въ мѣстной жизни и съ честью держитъ знамя служенія общественнымъ интересамъ. Но и у него есть своя ахиллесова пята—онъ чувствуетъ безсиліе одной печати среди общаго мрака, пьетъ съ горя и всю желчь огорченнаго сердца изливаетъ на интеллигенцію, которая въ его глазахъ является козломъ отпущенія за общіе грѣхи. Въ изображеніи г. Горькаго—Ежовъ въ общемъ довольно комическій персонажъ, и авторъ не жалѣетъ красокъ вездѣ, гдѣ можно представить его въ смѣшномъ видѣ. Такова, напр., сценка, гдѣ Ежовъ вмѣстѣ съ компаніей наборщиковъ устраиваютъ товарищескій пикникъ, на которомъ онъ пробуетъ сближаться съ наборщиками и въ концѣ-концовъ напивается до зеленаго змія. Въ послѣдней части романа этотъ изломанный и полубольной человѣкъ высказываетъ свое завѣтнѣйшее желаніе, которое заключается въ слѣдующемъ.

«— Вотъ, если бы мнѣ освободиться отъ необходимости пить водку и ѣсть хлѣбъ!

«Ежовъ вскочилъ на ноги и, вставъ противъ Ѳомы, сталъ говорить высокимъ голосомъ и точно декламируя:

«— Я собралъ бы остатки моей истерзанной души и вмѣстѣ съ кровью сердца плюнулъ бы въ рожи нашей интеллигенціи, чор-ртъ ее побери! Я-бъ имъ сказалъ: букашки! вы, лучшій сокъ моей страны! Фактъ вашего бытія оплаченъ кровью и слезами десятковъ поколѣній русскихъ людей, о! Какъ вы дорого стоите своей странѣ! Что же вы дѣлаете для нея? Превратили ли вы слезы прошлаго въ перлы? Что дали вы жизни? Что сдѣлали? Позволили побѣдить себя... Что дѣлаете? Позволяете издѣваться надъ собой...

«Онъ въ ярости затопалъ ногами и, сцѣпивъ зубы, смотрѣлъ на Ѳому горящимъ, злымъ взглядомъ, похожій на освирѣпѣвшее хищное животное.

«— Я сказалъ бы имъ: вы! Вы слишкомъ много разсуждаете, но вы мало умны и совершенно безсильны и—трусы вы всѣ! Ваше сердце набито моралью и добрыми намѣреніями, но оно мягко и тепло, какъ перина, духъ творчества спокойно и крѣпко спитъ въ немъ, и оно не бьется у васъ, а медленно покачивается, какъ люлька. Окунувъ перстъ въ кровь сердца моего, я бы намазалъ на ихъ лбахъ клейма моихъ упрековъ, а они, нищіе духомъ, несчастные въ своемъ самодовольствѣ, страдали бы...»

Этотъ-то полусумасшедшій народникъ является въ романѣ *единственнымъ* представителемъ интеллигенціи, съ которымъ приходитъ въ соприкосновеніе Ѳома, какъ бы затѣмъ, чтобы дать ему почувствовать грубое ничтожество интеллигенціи вообще. Для г. Горькаго это очень характерная черточка—его нескрываемое пренебреженіе именно къ интеллигенціи. Черточка эта проявляется у него вездѣ, въ другихъ его разсказахъ и очеркахъ, гдѣ всегда интеллигенція фигурируетъ въ образѣ Ежовыхъ или имъ подобныхъ изломанныхъ людей. Такое же отношеніе къ злополучной интеллигенціи проявляетъ и Ѳома, хотя, кромѣ Ежова, онъ никого не знаетъ.

Ежовъ такимъ образомъ фигурируетъ въ романѣ какъ показатель того, что Ѳомѣ нечего искать выхода въ сторону интеллигентнаго труда, потому что самъ по себѣ этотъ трудъ—ничто, ничего и никому не дастъ, ничему не на-

учитъ и никакихъ задачъ не разрѣшаетъ. Мало того, авторъ изображаетъ интеллигентнаго купца Смолина, побывавшаго въ Европѣ, изучившаго тамъ производство, и такъ изображаетъ, что самъ Маякинъ передъ нимъ пасуетъ. И выводъ отсюда ясенъ,—нѣтъ толку въ интеллигенціи. Она или на откупу у купца, или ни къ чему негодна, какъ этотъ спившійся Ежовъ съ его народническимъ сумбуромъ въ башкѣ.

При такомъ отношеніи къ умственной работѣ и ея представителямъ, Ѳомѣ дѣйствительно остается или кабакъ, или сумасшедшій домъ, что ему и предоставляетъ великодушно авторъ. Это его авторское право, конечно, но насколько это жизненно—вопросъ особый. Мы думаемъ, что нужно совсѣмъ закрыть глаза на текущую жизнь, чтобы придти къ такому выводу, какъ г. Горькій. «Книги?—ворчитъ его Ѳома угрюмо на предложеніе поучиться:—Если люди помочь мнѣ въ моихъ мысляхъ не могутъ—книги и подавно». Въ этихъ словахъ звучитъ какъ бы отголосокъ самого автора, что и безъ знаній, въ которыхъ больше всего нуждается его Ѳома, можно однимъ «нутромъ» рѣшить всѣ загадки жизни и устроить ту гармонію, при которой всякій будетъ знать, «зачѣмъ живешь», о чемъ такъ тоскуетъ Ѳома.

И описательная сторона въ этой части не блещетъ обычной яркостью, и главная центральная сцена, когда Ѳома выступаетъ въ роли обличителя, мало художественна. Превосходенъ только Маякинъ, рѣчь котораго къ именитому купечеству своего рода шедевръ, до того она близка къ рѣчамъ, какія мы привыкли слышать отъ «всероссійскаго купечества». Маякинъ—безспорный типъ, которому по праву принадлежитъ мѣсто на ряду съ другими типами изъ той же купеческой среды, выведенными Островскимъ. Его поговорки, которыми онъ закрѣпляетъ свою купеческую мудрость, образная и смѣлая рѣчь, цѣльность и незыблемость вѣры, что онъ—соль земли русской, презрительное отношеніе ко всему, что не даетъ денегъ,—дѣлаетъ его удивительно яркимъ представителемъ цѣлаго сословія. Въ романѣ это наиболѣе удавшіеся автору лицо, и по немъ можно судить, какимъ большимъ художникомъ можетъ быть г. Горькій. Если Ѳома, какъ типъ, не удался автору, то это—обычный результатъ попытокъ нашихъ художниковъ создать положительный типъ. Въ этомъ случаѣ г. Горькій раздѣляетъ участь величайшихъ нашихъ художниковъ, терпѣвшихъ подобное же фіаско, и не ихъ вина, если русская жизнь до сихъ поръ не дала матеріала для положительныхъ типовъ. Какъ и въ жизни, въ Ѳомѣ Гордѣевѣ есть зачатки, изъ которыхъ при иныхъ условіяхъ могъ бы развиться положительный типъ, быть можетъ, рѣдкой красоты и силы.

Опять передъ нами провинція, какъ и въ романѣ г. Горькаго, но люди и типы, которыхъ выводитъ авторъ повѣсти «Передъ грозой» г. Погорѣловъ,—иного склада. Повѣсть г. Погорѣлова, печатающаяся въ «Рус. Богатствѣ», вѣрнѣе было бы назвать сценами изъ провинціальной жизни, все достоинство которыхъ въ ихъ правдивости. Авторъ не столько художникъ, сколько правдивый бытописатель, хорошо знающій жизнь, которую онъ описываетъ. Реальная сторона его описаній составляетъ сущность его повѣсти, подчасъ въ ущербъ художественности, такъ какъ фотографическая вѣрность дѣйствительности у него заслоняетъ рельефность, выпуклость изображенія. Интересъ сосредоточивается не на отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицахъ, а на совокупности жизни.

Избранный имъ уголокъ провинціи представляется мертвымъ, соннымъ царствомъ, гдѣ лѣниво, словно въ полуснѣ двигаются люди безъ сильныхъ желаній, интересовъ, страстей, гдѣ все словно застыло въ разъ навсегда данной формѣ. Только тамъ, въ глубинѣ идетъ какая-то борьба, примитивная по существу, грубая по формѣ, почти животная. Ничего нѣтъ объединяющаго въ этой жизни, кромѣ пьянства, сплетни и чисто животныхъ инстинктовъ, съ

которыми толпа накидывается на слабыхъ и преклоняется предъ сильными, Нѣсколько такихъ сильныхъ подчиняютъ себѣ все окружающее, давятъ все, что дѣлаетъ попытку къ сопротивленію, и въ полномъ смыслѣ властвуютъ надъ этой жизнью, предписывая ей законы и расточая милости и кары. Безразличное, тупое равнодушіе окружающихъ можетъ только поощрять любого хищника, воодушевляя на самыя рискованныя предпріятія, вызывающія въ случаѣ успѣха общее преклоненіе, въ случаѣ провала—безсмысленное, неодухотворенное сознательнымъ негодованіемъ злорадство.

Таковъ фонъ, очень удачно нарисованный авторомъ. Представителемъ этой застывшей среды выступаетъ въ повѣсти земскій агрономъ, еще молодой человѣкъ, недавно начавшій свою практическую дѣятельность, но уже сложившій въ равнодушномъ безсиліи оружіе и лишь смутно чувствующій какое-то стыдливое безпокойство отъ своего равнодушія и ничтожества своей работы, о которой отъ времени до времени ему напоминаетъ «пакетъ изъ управы», извѣщающій о появленіи какого-нибудь «бѣлаго червя» въ уѣздѣ.

«Прочитавъ бумагу, Николай Ивановичъ сморщился и почувствовалъ, что внутри его что-то непріятно заныло. Это было старое и уже привычное ощущеніе, появлявшееся въ немъ всегда, когда что-нибудь напоминало ему о службѣ и о дѣлѣ, за которое онъ получалъ жалованье и котораго въ сущности не дѣлалъ и даже не зналъ, что, собственно, дѣлать. Онъ съ досадой швырнулъ бумагу на столъ и проворчалъ вслухъ:

— Принять мѣры!.. Какія мѣры?..

«Бумага казалась ему въ высшей степени нелѣпою, лишенною всякаго смысла».

Между тѣмъ, это еще изъ лучшихъ мѣстныхъ яко-бы дѣятелей, сохранившій нѣкоторую тѣнь прежняго идеализма и способность хотя изрѣдка испытывать смутное ощущеніе недовольства собой. Его привлекаетъ, правда, платонически, мысль о какой-то борьбѣ, о защитѣ общественныхъ интересовъ, онъ даже готовъ помечтать о необходимости борьбы и высказываетъ почтительное изумленіе, когда является такой борецъ на мѣстномъ горизонтѣ. Въ повѣсти этимъ борцомъ выступаетъ нѣкто Чагинъ, поднимающій дѣло въ защиту крестьянъ противъ мѣстнаго воротилы, забравшаго въ свои цѣпкія лапы весь уѣздъ. Чагинъ для него герой, и Николай Ивановичъ всюду распространяется о своей дружбѣ и уваженіи къ нему, что не мѣшаетъ ему вести если не дружбу, то знакомство съ его противникомъ Смолинымъ, за женой котораго онъ легкомысленно ухаживаетъ, пока Смолинъ рѣзко не обрываетъ этого знакомства самъ, выгнавъ его изъ дому. Вмѣстѣ съ кучкой такихъ же мѣстныхъ безразличныхъ «интеллигентовъ», Николай Ивановичъ торжествуетъ первоначальную побѣду Чагина и всѣ въ лоскъ напиваются, чѣмъ и ограничивается участіе «среды» въ борьбѣ, поднятой Чагинымъ.

Что же такое этотъ послѣдній? Въ повѣсти онъ еще недостаточно очерченъ, но можно думать, что онъ—одинъ изъ тѣхъ протестующихъ элементовъ, которые по временамъ всплываютъ на поверхности провинціальной тины. Чагинъ мѣстный житель, хорошо знающій среду и средства борьбы, и потому не питающій особыхъ иллюзій насчетъ исхода борьбы и отношенія къ нему «общества». Предметомъ борьбы служитъ земля, которую Смолинъ ловко отнялъ у крестьянъ, несмотря на вопіющую неправду своихъ дѣйствій. За него мѣстная администрація и все, что покрупнѣе. Чагинъ одинокъ и вся его смѣлость только въ томъ и заключается, что ему терять нечего. Онъ знаетъ, что его «слопаютъ», и все-таки не уходитъ, потому что натура у него безпокойная, неспособная мириться съ общею лѣнью, равнодушіемъ и безстрастнымъ спокойствіемъ. Онъ и самъ недоумѣваетъ, изъ-за чего онъ безпокоится, что его толкаетъ вести борьбу ради крестьянъ, которые ни мало ему не довѣряютъ и

нисколько его не понимаютъ. Но въ немъ, какъ онъ выражается, есть «божественное, творческое» начало, которое его толкаетъ впередъ и не позволяетъ мириться съ неправдой, разъ онъ ее видитъ. Объясненіе довольно смутное и мало понятное, хотя и болѣе всего подходящее для положенія, которое такой человѣкъ долженъ занимать въ нашей провинціи, гдѣ нѣтъ ни партій, ни общественнаго мнѣнія, ни общественной жизни, которая выдвигала бы общіе интересы на первый планъ, сближала бы людей и дѣлила-бы ихъ на лагери. Съ одной стороны, правда, есть кучка бойкихъ мошенниковъ, ловко обдѣлывающихъ темныя дѣлишки, пользуясь общимъ бездѣйствіемъ и безразличіемъ администраціи, для которой все сводится къ сохраненію внѣшняго «благополучія». Съ другой—аморфная масса Николаевъ Иванычей, неспособная къ иниціативѣ, и подъ ними огромная, молчаливая, ко всему привычная народная сѣрая толпа.

Ее мы видимъ въ деревнѣ, куда безпокойный «бѣлый червь» вызвалъ-таки Николая Ивановича. Здѣсь онъ натыкается на обычную деревенскую сценку, какъ въ господской экономіи захватили нѣсколькихъ татаръ, воровавшихъ «собственный лѣсъ», и раздѣлываются съ ними по-свойски при общемъ молчаливомъ отношеніи къ такимъ сценамъ. Николай Ивановичъ волнуется и своимъ вмѣшательствомъ спасаетъ татаръ отъ безчеловѣчнаго истязанія. Онъ натыкается въ деревнѣ на своего рода оригинальнаго протестанта, пропойцу Сутягу, который, по мнѣнію однодеревенцевъ, пропащій человѣкъ. Сутяга—тотъ же Чагинъ. Ему тоже терять нечего и онъ говоритъ мѣстнымъ кулакамъ, въ родѣ Смолина, жестокія истины, хотя и съ такимъ же успѣхомъ, какъ Чагинъ. Масса сочувственно вздыхаетъ, но ничѣмъ больше не проявляетъ этого сочувствія. Сутяга—это олицетвореніе примитивнаго протеста, съ какимъ въ дни времена выступали юродивые, и до сихъ поръ жизнь въ деревнѣ не создала другихъ, болѣе дѣйствительныхъ формъ для борьбы съ насиліемъ и беззаконіемъ. Чѣмъ-то глубоко примитивнымъ вѣетъ отъ этихъ сценъ, гдѣ Сутага вопіетъ о Богѣ и призываетъ Его въ качествѣ мстителя за побитыхъ татаръ, воровавшихъ «собственный» лѣсъ.

Участь Сутяги обычная,—или укокошатъ подъ пьяную руку обозленные его обличеніями мужики, или вышлютъ по общественному приговору, какъ безпокойнаго члена, однообщественника. Такая же участь ожидаетъ и Чагина, противъ котораго Смолинъ и компанія выдвигаетъ административное давленіе. Для администраціи Чагинъ прежде всего — безпокойное начало, нарушающее обычное теченіе дѣлъ, тогда какъ Смолинъ въ извѣстной степени—столпъ, на котораго всегда положиться можно, какъ на уравновѣшенное начало, всегда готовое засвидѣтельствовать о благополучіи. Въ домѣ Смолина власть предержащая въ лицѣ исправника составляетъ приговоръ для высшей инстанціи о вредномъ направленіи Чагина. Для увеселенія компаніи исправникъ разсказываетъ за ужиномъ веселые анекдоты изъ своей практики, одинъ изъ которыхъ приводимъ по его характерности для нашихъ провинціальныхъ нравовъ.

«— Какой на-дняхъ со мной случай вышелъ,—началъ онъ, налаживаясь на веселый тонъ,—такъ это просто потѣха. Ѣду я, знаете, по тракту... Скука, можете себѣ представить, страшная, въ мысляхъ эдакое разсѣяніе,—только вдругъ вижу: плетется впереди прекурьезная фигура въ подрясникѣ, въ лаптяхъ, съ палкой въ рукѣ, попъ не попъ, мужикъ не мужикъ—чортъ его знаетъ, что такое! Поровнялись, смотрю: дряхлый такой старичишка, а глаза вороватые. Посмотрѣлъ на меня и поклонился. — «Стой!» — говорю ямщику. Остановились.—«Ты кто такой?»—спрашиваю. Старичишка шапки не ломаетъ, улыбается эдакъ довольно фамильярно и бормочетъ какую-то околесицу: «Я, говоритъ, въ гости тутъ иду недалече... пѣшечкомъ вотъ, извините».. —«Кто ты такой?»—спрашиваю.—«Заштатный, говоритъ, Благовѣщенской церкви причетникъ, Іоаннъ

Краснопѣвцевъ».—«А паспортъ есть?».—«Нѣту», говоритъ.—«Это почему?»—«Въ гости, говоритъ, иду къ отцу Петру въ село Городище, такъ на что мнѣ паспортъ?»—«А коли такъ, говорю, такъ садись на козлы».—«Зачѣмъ?—говоритъ:—я, говоритъ, не сяду».—«Ахъ, ты чертова перечница!» Ну, разумѣется, посадили. Сидитъ старичишка на козлахъ, нахохлился. Пріѣзжаемъ въ село Городище къ становому.—«Потрудитесь, говорю, господинъ становой, объяснить мнѣ, знаете ли вы этого субъекта?» Ну, тотъ парень дошлый: «Не знаю», говоритъ.—«А проживаетъ ли, говорю, у васъ въ станѣ заштатный причетникъ, нѣкій Іоаннъ Краснопѣвцевъ?»—«Нѣтъ, говоритъ, такого въ моемъ станѣ нѣту».—«Ага!—говорю, такъ это какъ же такъ, святой отецъ? Стало быть, ты самозванецъ?» Старичишка мой побагровѣлъ весь. Голова трясется, косичка болтается—картина!..—«Седьмой, говоритъ, десятокъ живу, а эдакого сраму не видывалъ... Меня, говоритъ, отецъ Петръ знаетъ, меня все село знаетъ»...—«Посадить, говорю, его въ темную!» Потащили молодца, такъ куда тебѣ! драться лѣзетъ: сотскаго въ ухо, стражника по загривку.. Ну, тѣ тоже въ долгу не остались... Собрались мы послѣ этого у станового, хорошая компанія: докторъ, лѣсничій, помощникъ акцизнаго надзирателя... выпили, закусили, пообѣдали, въ картишки перекинулись. Дѣло уже подъ вечеръ. Становой и говоритъ: «а какъ же, говоритъ, съ узникомъ-то?» А я, признаться, уже и позабылъ про него.—«Господа, говорю, не угодно ли, я вамъ сейчасъ безплатное драматическое представленіе устрою? Пошлите, говорю, за отцомъ Петромъ». Послали. Прибѣжалъ попъ перепуганный. «Что, говоритъ, такое?» Я шаркнулъ ножкой, сейчасъ подъ благословенье, честь-честью.—«Дѣльце, говорю, одно есть уголовное. Потрудитесь минутку подождать. Привести, говорю, арестанта». Вотъ хорошо. Приводятъ Краснопѣвцева. Смотрю, мой попъ сталъ блѣденъ, какъ рубаха, а я обращаюсь къ нему эдакъ оффиціально:—«Можете, говорю, ваше благословеніе, удостовѣрить личность этого человѣка?»—«То-есть, какъ?» говоритъ.—«Да очень, говорю, просто: знаете вы его?»—«Помилуйте,—говоритъ,—какъ можно!.. Мое дѣло сторона.. я священникъ»...—«Слѣдовательно, говорю, вы не знаете этого человѣка?» Попъ молчитъ.—«Присмотритесь, говорю, внимательнѣе и скажите по сущей правдѣ, точно ли вы его не знаете?»—«Ничего я не знаю», говоритъ, а у самого руки трясутся.—«А не извѣстенъ ли вамъ нѣкій Краснопѣвцевъ?» Попъ поблѣднѣлъ еще больше.—«Увольте, говоритъ, ваше благородіе»...—«Совѣтую вамъ, говорю, показывать по сущей совѣсти, потому что потомъ придется, можетъ быть, то же самое подтвердить подъ присягой».—«Извѣстенъ», говоритъ,—«Заштатный причетникъ Благовѣщенской церкви?»—«Такъ точно», говоритъ.—«Не есть ли,—спрашиваю,—это то самое лицо, что передъ вами?» Молчалъ попъ, молчалъ, наконецъ и говоритъ: «Онъ самый», говоритъ.—«Слѣдовательно, арестованный мною человѣкъ есть Краснопѣвцевъ?»—«Такъ точно», говоритъ.—«Можете дать письменное въ томъ удостовѣреніе?»—«Освободите,—говоритъ,—ваше благородіе, этого я не могу».—«Почему же?»—«У меня семья, пожалѣйте семью», говоритъ, да и бухъ мнѣ въ ноги. Вотъ такъ-такъ, я даже испугался.—«Ну, хорошо,—говорю,—вѣрю вамъ на слово, и затѣмъ обращаюсь къ Краснопѣвцеву: ваша личность удостовѣрена, можете идти, куда вамъ угодно, вы свободны». Такъ что вы думаете? Этотъ старикашка-то... какъ напустится на меня!.. Да вѣдь какъ!..—«А!—говоритъ, личность удостовѣрена, а за что же я пять часовъ въ клоповникѣ просидѣлъ?—а? За что ты мою сѣдую бороду осрамилъ? Я, говоритъ, въ судъ на васъ, я, говоритъ, до сената, до самаго царя дойду»... Ну, знаете, это ужъ меня взорвало.—«Да я тебя,—говорю,—да я съ тобой... Взять его!..» Тутъ только струсилъ, подлецъ: схватилъ шапку, да бѣжать, съ лѣстницы кубаремъ... въ воротахъ о подворотню запнулся, упалъ, потомъ вскочилъ, оглянулся, какъ заяцъ, подобралъ эдакъ полы... вотъ такъ... вытянулъ шею, какъ гусь, и пошелъ чесать!»—

Исправникъ вышелъ изъ-за стола, согнулся, съежился, подобралъ полы мундира и такимъ образомъ пробѣжалъ до конца столовой. — «Летитъ по улицѣ, какъ стрѣла, а мы ему изъ окна: держи! держи его! а онъ еще пуще... Ха, ха, ха!..

«Ха, ха, ха!..—разразилась компанія.»

При такой обывательской забитости и приниженности, судьба протестантовъ, въ родѣ Чагина, заранѣе предопредѣлена. Доносъ производитъ свое дѣйствіе въ соотвѣтственной инстанціи и Чагину вѣжливо, но твердо предлагается уѣхать въ «двадцать четыре часа», какъ гласитъ классическая формула усмиренія подобныхъ безпокойныхъ натуръ. Агрономъ, умиленный злоключеніями, выпавшими на долю Чагина за все его безкорыстіе, проливаетъ слезы на прощаніе, разряжаясь жалкими словами о своемъ ничтожествѣ, чѣмъ и облегчаетъ свой взволнованный духъ.

На этомъ повѣсть пока останавливается. Такова картина глухой провинціи. Написанная, какъ могутъ судить читатели по приведенному отрывку, очень живо и образно, она производитъ удручающее впечатлѣніе. Мертвое затишье, нездоровая, все растлѣвающая атмосфера, гдѣ нѣтъ мѣста для живой души,— вотъ какова провинція. И не видится той силы, которая могла бы встряхнуть и оживить ее. Самое тягостное впечатлѣніе производитъ эта мѣстная интеллигенція: «докторъ, лѣсничій, агрономъ», которая всецѣло отдается мелкимъ, ничтожнымъ интересамъ чисто шкурнаго характера, выбросивъ за бортъ, какъ ненужный балластъ, всѣ университетскія традиціи, все то, что еще такъ недавно ихъ волновало и казалось сущностью жизни. Только въ провинціи можно видѣть эту поразительную метаморфозу, какая происходитъ съ интеллигентной молодежью, разъ она выйдетъ за двери высшихъ учебныхъ заведеній. И нельзя ее строго винить за это, такъ какъ жизненная обстановка, куда попадаетъ эта молодежь, выдвигаетъ иныя начала и иныя требованія, не имѣющія ничего общаго съ высокими задачами и стремленіями, какими горѣли сердца той же молодежи еще такъ недавно, въ стѣнахъ университетскихъ аудиторій. Даже быстрота этой метаморфозы не должна удивлять,—въ этомъ мы видимъ лишнее доказательство прямой зависимости нашихъ, повидимому, самыхъ высокихъ настроеній отъ очень «низменныхъ» матеріальныхъ условій, и что бы ни говорили, пока не измѣнятся эти послѣднія, не будетъ мѣста въ жизни и для первыхъ. До тѣхъ поръ, пока провинція представляетъ какую-то безжизненную аморфную массу, она будетъ поглощать безучастно лучшія интеллигентныя силы, претворяя ихъ на свой образецъ, какъ и этихъ собутыльниковъ веселаго исправника, которымъ онъ устраиваетъ свои «драматическія безплатныя представленія».

Недавно вышла брошюра «Русско-польскія отношенія и чествованіе поляками Пушкина», представляющая для насъ, русскихъ, несомнѣнный интересъ, какъ отголосокъ извѣстнаго настроенія польскаго общества. Въ брошюрѣ собрано все, чѣмъ поляки почтили нашего великаго поэта, и особый, конечно, интересъ имѣютъ чествованія, происходившія въ «заграничной» части Польши. Если пушкинскія празднества, устроенныя польскимъ обществомъ въ Петербургѣ, могли быть заподозрѣны (какъ оно и было) извѣстною частью русской печати, не въ мѣру подозрительной, въ неискренности и т. п., то празднества въ «вольномъ городѣ» Краковѣ даже въ глазахъ этой печати свободны отъ такихъ упрековъ. Ничто, кромѣ уваженія къ русскому національному генію, не могло ихъ вызвать, а дружное участіе, какое приняли въ этихъ празднествахъ лучшіе представители польской литературы, науки и общества, показало, что въ польском обществѣ возможно теперь такое отношеніе къ русскимъ, о какомъ едва ли могла быть рѣчь еще лѣтъ десять тому назадъ. Въ брошюрѣ приведены и цѣликомъ, и въ выдержкахъ рѣчи многихъ ораторовъ на краковскомъ торжествѣ,

и, при различныхъ оцѣнкахъ Пушкина, въ нихъ слышится общая всѣмъ, единая нота—дружественное и искренне-благожелательное отношеніе къ русскому обществу, пожеланіе—видѣть расцвѣтъ лучшихъ надеждъ Пушкина и процвѣтаніе завѣщанныхъ имъ идеаловъ, какъ той общей для обоихъ народовъ почвы, на которой возможно сближеніе и взаимная работа.

Юбилей Пушкина праздновался въ Краковѣ 31-го мая, инициатива его и устройство принадлежали исключительно профессорамъ, къ которымъ присоединились литераторы и мѣстные виднѣйшіе общественные дѣятели. Въ рѣчахъ, заключавшихъ очень талантливыя характеристики Пушкина и русской поэзіи вообще, главное мѣсто занималъ не столько Пушкинъ, сколько взгляды ораторовъ на взаимныя отношенія двухъ родственныхъ народовъ.

«Недавно, — говоритъ проф. Соколовскій, — мы праздновали память нашего безсмертнаго пѣвца; теперь вся Россія чествуетъ геніальнѣйшаго своего поэта. Мы думаемъ, что мы исполняемъ мысль нашего Мицкевича, присоединяя нашъ голосъ къ голосу Россіи и всего славянства въ этомъ чествованіи. Идеалы Пушкина не всегда были тождественны съ нашими; въ жизни и произведеніяхъ русскаго поэта была струна, которая не могла не вызывать скорбнаго чувства въ нашей груди, но мы не должны забывать, что Пушкинъ въ началѣ XIX вѣка былъ для Россіи тѣмъ же, чѣмъ Данте былъ для Испаніи на зарѣ XIV и чѣмъ былъ Кохановскій для насъ во второй половинѣ XVI вѣка. Онъ выковалъ русскій языкъ, онъ не только создалъ изъ языка могущественнѣйшей отрасли славянскаго племени музыкальный инструментъ, но и положилъ начало великой русской литературѣ! Безъ Пушкина не было бы и Льва Толстого, съ цѣлымъ его всемірнымъ и общечеловѣческимъ значеніемъ. Пушкинъ былъ великимъ поэтомъ, и не напрасно послѣ его смерти Мицкевичъ писалъ: если бы не было Байрона, Пушкинъ былъ бы признанъ величайшимъ поэтомъ нашей эпохи. Поэтому превыше всѣхъ различій между идеалами Мицкевича и Пушкина остается то, что въ нихъ общечеловѣческое и что безсмертно, и то, что способствовало и способствуетъ стремленію русскаго духа къ свободѣ. Въ дружбѣ Мицкевича къ Пушкину заключалось нѣчто для насъ символическое. Въ ней отразились и до нѣкоторой степени выразились отношенія, связывающія насъ съ благороднѣйшей частью русскаго общества. И вотъ, по мысли этой дружбы, мы здѣсь собрались. Но наше собраніе состоялось еще и вслѣдствіе важнѣйшей причины. Мѣсяца два тому назадъ, благороднѣйшіе умы Россіи возымѣли мысль соединиться съ нами для чествованія памяти Мицкевича. Воздавая честь нашему безсмертному поэту, этимъ самымъ воздавалось и признаніе нашего національнаго духа и всего того, что имъ создано. Тѣ же люди чествуютъ въ настоящее время память Пушкина. Присоединяясь къ нимъ въ этомъ чествованіи, мы свидѣтельствуемъ, что ихъ честное отношеніе къ намъ отозвалось въ нашихъ сердцахъ: мы жаждемъ показать имъ свои чувства и внѣшнимъ проявленіемъ этихъ одушевляющихъ насъ чувствъ да послужитъ выраженіе нашихъ искреннихъ пожеланій: да осуществятся идеалы нашихъ братьевъ на пути ихъ культурныхъ стремленій. О, если бы то, что зародилось дружбой Мицкевича съ Пушкинымъ, могло въ будущемъ принести плодъ въ видѣ желанныхъ и счастливыхъ для обоихъ народовъ послѣдствій!»

Профессоръ Розвадовскій, указавъ на то, что «можно различать политическое направленіе, но прежде всего слѣдуетъ изучать ея (Россіи) науку, литературу, искусство», предложилъ основать въ Краковѣ общество, котораго цѣлью было бы изслѣдованіе быта, письменности и культуры всего славянскаго міра, съ исключеніемъ изъ програмны всего, касающагося политики.

Самой интересной, какъ показатель настроенія, была рѣчь проф. Моравскаго.

«Взглянувъ на собравшееся здѣсь общество, каждому станетъ ясно, что общество это мирное, что здѣсь сошлись писатели и представители искусства,

слуги музъ и науки, чтобы хоть на минуту заглянуть, для отдыха отъ труда, въ ту сторону, гдѣ живутъ красота и добро. У насъ нѣтъ иного замысла. И никакихъ иныхъ мыслей мы не имѣемъ въ «резервѣ», а тѣмъ больше не беремъ на себя исполненіе какихъ-либо великихъ мыслей или веденія какой-нибудь политики, хотя бы и *примирительной*. Послѣдняя не находится въ рукахъ поляковъ, и менѣе всего въ рукахъ поляковъ Австріи. Въ другихъ же польскихъ областяхъ поляки никакой политики *вести* не могутъ, въ томъ числѣ, слѣдовательно, и примирительной. Человѣкъ, въ искреннемъ стремленіи къ примиренію и согласію, провозглашающій прекрасныя мысли, которымъ хотѣлось бы высказать сочувствіе, нерѣдко напоминаетъ собой миѳъ о греческомъ героѣ Телефѣ, сынѣ Геракла. Подступивъ къ Троѣ, онъ былъ раненъ копьемъ Ахилла. Онъ долго мучился и стоналъ, но его излѣчило лѣкарство, приготовленное изъ ржавчины того самаго оружія, которое его поранило. Въ этомъ миѳѣ заключается вся философія примирительной политики, желающая, чтобы остріе, нанесшее рану, покрылось ржавчиной, которая и послужитъ лѣкарствомъ. Мы все-таки не можемъ не играть дѣятельной роли. На насъ тоже лежатъ обязанности, т. е. на людяхъ честнаго образа мыслей и горячо чувствующихъ. По нашему мнѣнію, мы должны усиленно трудиться надъ ознакомленіемъ съ тѣмъ, что этого заслуживаетъ. Мы должны умѣть оцѣнить, напр., въ Россіи все, что въ ней достойно удивленія. Рядомъ съ печатью, оплевывающей и забрасывающей грязью все польское, существуетъ и русская же печать, по которой, надо это признать, проходитъ золотой нитью мысль о прекращеніи раздора между двумя единоплеменными народами, о необходимости замирить всякія обиды и предупредить причины ихъ возникновенія, протянуть руку надъ всею мутью и смущенностью несчастья, которое должно исчезнуть. Этимъ мыслямъ мы не можемъ не сочувствовать и для этого по мѣрѣ силъ мы должны подготовлять почву. Примирительная политика съ нашей стороны должна заключаться лишь въ томъ, чтобы предостерегать свое общество отъ ошибокъ и заблужденій, чтобы охранять истину въ нашей печати и въ нашихъ рѣчахъ, чтобы мы старались настоящимъ образомъ знакомиться съ Россіей, чтобы мы, порицая въ ней стоющее порицанія, оцѣнили то, что въ ней достойно уваженія. Надо отказаться отъ заносчивости и тупости, склонныхъ преувеличивать свои достоинства, а въ сущности ихъ уменьшающихъ и ведущихъ къ тому, чтобы закрывать глаза на все то, что въ Россія стремится и порывается къ добру. Въ этомъ наша обязанность, человѣческая, славянская и польская; это—такая примирительная политика, въ которой мы не поставимъ на карту ни возможности лучшихъ отношеній, ни достоинства своего».

Содѣйствуя всѣми средствами распространенію такихъ же взглядовъ въ средѣ русскаго общества, и наша, русская, печать стремится къ той же цѣли— мирному сближенію двухъ народовъ. Мы думаемъ, что этотъ путь гораздо вѣрнѣе,—не говоря о томъ, что онъ лучше, справедливѣе и человѣчнѣе,—ведетъ къ дружественному единенію, чѣмъ призывъ къ насилію и злобѣ, которыми такъ отличается полонофобствующая часть русской печати.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Голодъ на югѣ Россіи. Югъ Россіи снова охваченъ неурожаемъ. Изъ уѣздовъ Аккерманскаго, Бендерскаго и Измаильскаго снова раздаются просьбы о помощи, о поддержкѣ въ борьбѣ съ голодомъ и его неизмѣнными спутниками—заразными болѣзнями. «Смоленскій Вѣстникъ» приводитъ слѣдующія выдержки изъ оффиціальныхъ донесеній по наиболѣе пострадавшему Акккерманскому уѣзду:

Предсѣдатель мѣстной земской управы пишетъ: «Препровождая сообщенія свидѣтельствующія о крайне тяжеломъ положеніи населенія, я обращаюсь къ вамъ съ горячею просьбою о содѣйствіи къ болѣе широкому приливу пожертвованій на земскія столовыя, такъ какъ нужда растетъ съ минуты на минуту, а нѣтъ средствъ къ ея удовлетворенію». Общая сумма, обезпечивающая существованіе уже открытыхъ земскихъ столовыхъ, составляетъ 2.000 руб., остается незначительная въ кассѣ управы сумма 629 р. 6 к., которая, за вычетомъ 300 р., присланныхъ управѣ изъ редакціи «Петербургскихъ Вѣдомостей» со спеціальнымъ назначеніемъ, можетъ поддержать уже открытыя столовыя въ теченіе лишь самаго непродолжительнаго времени, но дни идутъ, *нужда растетъ, земская помощь—капля въ морѣ и эпидемическія заболѣванія, смертность отъ голоднаго тифа уже и нынѣ, къ несчастію, случаи не единичные.*

Во имя человѣколюбія, я обращаюсь съ просьбою объ оказаніи поддержки населенію. Не тунеядцы получаютъ пособіе въ столовыхъ; въ нихъ питаются дѣти, больные и старые. *Никогда отвѣтственность земства не можетъ быть болѣе тяжелой*, никогда дѣятельность его не можетъ быть болѣе благотворной, чѣмъ въ такія гнетущія времена! Все, что было въ уѣздѣ здороваго, бодраго, сильнаго—все ушло на заработки, обезлюдѣли села, ушли кормильцы и остались безпомощныя, осиротѣвшія семьи!

Вѣря въ отзывчивость, я прошу, во имя человѣколюбія, общественной помощи обездоленнымъ и сирымъ жителямъ Аккерманскаго уѣзда».

Донесеніе земскаго начальника 4-го участка Аккерманскаго уѣзда:

«Во ввѣренномъ мнѣ участкѣ большая нужда. Имѣются села, гдѣ положительно нѣкоторыя семьи *голодаютъ*, въ особенности въ русскихъ, какъ напримѣръ, Плахтѣевка и Ярославка. Кромѣ того, нѣкоторыхъ захватила эпидемія тифа».

Изъ письма священника с. Кубей, о. Попова:

«Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ сообщить управѣ, что во ввѣренномъ мнѣ приходѣ с. Кубей за іюль и августъ мѣсяцы с. г. заболѣванія и смертность значительно увеличились; въ теченіе этихъ мѣсяцевъ приходится

ежедневно хоронить по 2—3 и даже по 4—5 душъ ежедневно. Умираютъ и дѣти, и взрослые, преимущественно отъ поноса и тифа. Такая же смертность отъ этихъ болѣзней, какъ я слышалъ, бываетъ и въ другихъ сосѣднихъ селахъ. Причиной такихъ заболѣваній и смертности, полагаю, голодовка вслѣдствіе полнаго неурожая. Хотя и выдается пособіе голодающимъ, но, къ сожалѣнію, далеко не въ достаточномъ количествѣ (по 30 фун. на душу—зерномъ) и притомъ въ видѣ одной лишь кукурузы. Очень и очень больно и невыносимо тяжело слышать постоянныя сѣтованія и болѣзненные вздохи нуждающихся. Повсюду встрѣчаешь лица блѣдныя, болѣзненныя и изнуренныя отъ недостаточнаго питанія. Необходима усиленная помощь матеріальная и медицинская. Желательно было бы, по моему мнѣнію, издать «правила о предохраненіи себя отъ зараженія тифомъ».

Другой священникъ пишетъ:

«Полный недородъ въ этихъ мѣстахъ сталъ отражаться и на здоровьѣ населенія. Въ селѣ за іюль и августъ мѣсяцы умерло разнаго возраста 64 души. Это небывалый у насъ процентъ смертности. Почти всѣ умерли отъ поноса и брюшного тифа. *Въ селѣ много больныхъ*. Наша больница пока безъ врача, одинъ фельдшеръ не успѣваетъ и не имѣетъ физической возможности оказывать надлежащую помощь заболѣвающимъ».

Въ Измаильскомъ уѣздѣ нѣтъ земства и это еще болѣе ухудшаетъ положеніе населенія.

Земскіе лѣчебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ. На устроенной этою осенью земской выставкѣ въ Саратовѣ имѣются чрезвычайно интересные экспонаты санитарнаго бюро самарскаго и симбирскаго земствъ по вопросу объ организаціи и дѣятельности врачебно-продовольственныхъ пунктовъ для пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Первый опытъ помощи «бродячей Руси», кочующей изъ одной губерніи въ другую, въ поискахъ за сельскохозяйственнымъ заработкомъ, былъ сдѣланъ въ 1894 г. въ Херсонской губ.

Херсонское земство организовало врачебно-продовольственные пункты на мѣстахъ наемки рабочихъ и произвело подробную регистрацію ихъ. Извѣстная работа д-ра Тезякова показала, насколько печально положеніе «бродячей Руси» и насколько необходимо какъ можно скорѣе взяться за облегченіе этого положенія. Вслѣдъ за херсонскимъ земствомъ выступило на тотъ же путь и самарское. Ближайшей побудительной причиной организаціи помощи рабочимъ послужили тревожные слухи въ 1897 г. о приближеніи чумы. Пришлый рабочій элементъ, въ огромныхъ массахъ скопляющійся (до 20 тыс.) въ предѣлахъ Самарской губ. представлялъ серьезную опасность возможности занесенія эпидеміи. И вотъ самарское губернское земство поручило своему санитарному бюро организовать въ мѣстахъ наибольшаго скопленія рабочихъ врачебный надзоръ и помощь. Въ лѣто 1897 г. бюро не могло поставить организацію по типу херсонской, и ограничилось только врачебной помощью и санитарнымъ надзоромъ за пришлыми рабочими. Въ то же время начата была и регистрація ихъ. Результаты регистраціи дали много цѣнныхъ указаній для дальнѣйшей постановки дѣла, а главное — показали крайнюю необходимость помощи въ интересахъ не только самихъ пришлыхъ рабочихъ, но и населенія своей губерніи. Во второй годъ (1898) дѣятельность бюро значительно расширилась и въ 6 пунктахъ Новоузенскаго и Николаевскаго уѣздовъ была организована врачебно-продовольственная помощь. Въ лѣто 1898 г. было зарегистрировано уже 28.866 человѣкъ, данныя о которыхъ, а также и свѣдѣнія о дѣятельности врачебно-продовольственныхъ пунктовъ изложены въ весьма интересной брошюрѣ д-ра Грана, завѣдующаго самарскимъ санитарнымъ бюро—«Сельскохозяйственные рабочіе, хутора и экономіи Самар. губ. Отчетъ губ. зем. собранію.

Содержаніе этого отчета въ общихъ чертахъ изложено въ «Саратовскомъ Листкѣ», откуда мы и приведемъ нѣкоторыя выдержки.

Въ лѣто 1898 года было организовано 5 (фактически существовало 6) врачебно-продовольственныхъ пунктовъ въ Новоузенскомъ и Николаевскомъ уѣздахъ. Цѣль этихъ пунктовъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: 1) оказывать рабочимъ медицинскую помощь какъ на пунктахъ наемки, такъ и, по возможности, на мѣстахъ приложенія труда; эта цѣль достигается устройствомъ врачебныхъ амбулаторій на мѣстахъ наемокъ и выѣздами персонала въ хутора и экономіи; 2) оказывать рабочимъ въ возможной мѣрѣ продовольственную помощь, въ видѣ недорогой (а въ нѣкоторыхъ случаяхъ безплатной) доступной, здоровой пищи; 3) имѣть санитарный надзоръ за пришлыми рабочими, что достигается осмотромъ рабочихъ при регистраціи, а также наблюденіемъ за условіями санитарнаго положенія ихъ на мѣстахъ работы. Въ столовыхъ приготовляется горячая, здоровая пища—щи или борщъ съ мясомъ, по $^{1}/_{4}$ фунта на человѣка, каждое блюдо можетъ отпускаться съ хлѣбомъ и безъ хлѣба. Цѣна блюдъ: щи (борщъ, супъ) мясные 3 коп., съ хлѣбомъ по 1 фунт. на человѣка—5 коп. Кипятокъ для чая—безплатно.

Посмотримъ теперь на итоги регистраціи, обнаруживающіе положеніе рабочихъ. Всего въ лѣто 1898 года, какъ мы сказали, было зарегистрировано 28.866 человѣкъ. Рабочіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ составляютъ партіи, въ среднемъ, по 15 человѣкъ на партію. Партіи, однако, нельзя разсматривать какъ артели. Партіи—это временныя организаціи, составляющіяся преимущественно на время пути. Наибольшее число партій въ моментъ ихъ регистраціи имѣли существованіе не болѣе мѣсяца, немного меньшая часть имѣла давность существованія 1—2 дня, остальныя—4—7 дней, 8—15, 16—30 дней. Причину разницы во времени приходится разсматривать въ зависимости отъ разстояній: чѣмъ дальше путь рабочихъ, тѣмъ дольше существуетъ партія. 81,7 проц. общаго числа партій образуется еще на мѣстѣ родины, 7,8 проц. организуется въ пути и столько же на пунктахъ наемки.

Способъ передвиженія рабочихъ крайне разнообразенъ: 34,7 проц. идутъ пѣшкомъ; 18,5 проц. частью пѣшкомъ, частью на лодкахъ и на пароходахъ; 33,0 проц. подводой, 6,4 проц. только пароходомъ, 4 проц. смѣшанно. Замѣчательно, что число пѣшихъ рабочихъ обусловливается числомъ ихъ изъ дальнихъ губерній. Очевидно, въ этомъ играетъ главную роль отсутствіе денегъ. Дѣйствительно, запасы, съ которыми отправляются рабочіе за поисками работы, до крайности скудны. Большинство идущихъ изъ болѣе дальнихъ губерній питается во время пути «Христовымъ именемъ».

Нечего говорить, что передвиженіе пѣшкомъ съ питаніемъ на подаяніе отзывается на здоровьи рабочихъ крайне тяжко. «Но и привилегія передвиженія на пароходахъ и по желѣзной дорогѣ,—говоритъ д-ръ Гранъ,—не Богъ знаетъ какая, такъ что является вопросъ: стоитъ ли мѣнять тяжелый, изнурительнѣйшій путь на культурныя блага цивилизаціи? Для скота, тѣмъ болѣе племенного, санитарныя нормы перевозки на желѣзныхъ дорогахъ стоятъ много выше, чѣмъ для рабочихъ» (стр, 36 «Сельско-хоз. раб.»).

Изъ числа зарегистрованныхъ рабочихъ очень многіе пришли семьями, среди которыхъ было грудныхъ и малолѣтнихъ, до 7 лѣтъ, дѣтей 4,2 проц. общаго числа зарегистрованныхъ рабочихъ.

Въ виду всего этого не удивительно, что заболѣваемость среди пришлыхъ рабочихъ очень высокая. Особенно распространена среди нихъ специфическая для голодающаго населенія глазная болѣзнь—куриная слѣпота.

Въ то время, какъ среди мѣстнаго крестьянскаго населенія, лѣчившагося въ амбулаторіяхъ пунктовъ, куриной слѣпотой страдало 0,2 проц., среди пришлыхъ рабочихъ—2 проц. къ общему числу больныхъ. Нерѣдко приходится слы-

шать отъ заболѣвавшихъ куриной слѣпотой, даже изъ мѣстныхъ рабочихъ, такія указанія: «почти 3 недѣли работалъ на хозяйскихъ харчахъ». Хозяйскіе харчи и куриная слѣпота оказываются неразлучны.

Въ столовыхъ-чайныхъ самарскаго земства за лѣто 1898 г. выдано въ 6-ти пунктахъ 8.265 порцій обѣдовъ, изъ которыхъ только 173 безплатныхъ.

Ничтожная цифра безплатныхъ, замѣчаетъ д-ръ Гранъ въ своемъ отчетѣ, показываетъ, «какъ мало рабочій, при всей его наготѣ и бѣдности, склоненъ пользоваться безплатной помощью даже тогда, когда она предлагается. Рабочій боится этой безплатной услуги» (стр. 60). О значеніи столовыхъ д-ръ Гранъ говоритъ слѣдующее: «Достаточно сконцентрировать въ памяти все, что̀ характеризуетъ продовольствіе и питаніе рабочихъ во всѣхъ фазахъ ихъ странствованія, чтобы признать у пришлыхъ рабочихъ хроническое голоданіе. До мѣста найма одинъ черствый хлѣбъ при всѣхъ яствахъ, получаемыхъ «Христовымъ именемъ», на пунктѣ найма, даже при наличности денегъ, или отсутствіе дорогой и дешевой столовой, отсутствіе сколько-нибудь сносной питьевой воды или яства колбасныхъ, подобныхъ г. Р—ва въ Ровномъ, и частныхъ столовыхъ, прилагающихъ усиленныя заботы о своемъ карманѣ и очень малыя о желудкахъ рабочихъ. Наконецъ, на мѣстѣ работы питаніе, по выраженію рабочихъ, «никогда съ квасомъ—постоянно съ водой!»... Вотъ тѣ условія, въ которыхъ находятся пришлые рабочіе.

Во что̀ же обходятся земству его заботы о положеніи пришлыхъ рабочихъ? Пока, вслѣдствіе ограниченности числа врачебно-продовольственныхъ пунктовъ, расходы на нихъ совершенно ничтожны. Такъ, за лѣто 1898 г. содержаніе амбулаторіи, столовыхъ и чайныхъ въ 6-ти пунктахъ обошлось всего 2.286 р. 84 к., въ погашеніе которыхъ поступило 221 р. 18 к., дѣйствительныхъ расходовъ, слѣдовательно, всего 2.065 р. 66 к. Изъ этой суммы главный расходъ идетъ на оплату труда завѣдующихъ пунктами (студентовъ-медиковъ), ихъ помощниковъ и служителей 1.058 р. Можно ли передъ такими, сравнительно ничтожными, расходами останавливаться въ дѣлѣ помощи сельскохозяйственнымъ рабочимъ со стороны такихъ учрежденій, какъ земство?

Лѣчебно-продовольственные пункты въ Симбирской губ. организованы нѣсколько иначе, чѣмъ въ Самарской. Дѣятельность симбирскихъ пунктовъ (открыто 4) началась только съ лѣта нынѣшняго года при содѣйствіи Краснаго Креста. На нихъ оказывалась помощь не только рабочимъ, приходящимъ въ данное мѣсто на наемку, но и проходящимъ черезъ пунктъ въ гг. Симбирскъ, Сызрань и въ другія мѣста, и возвращающимся назадъ. Итоги регистраціи рабочихъ въ Симбирской губ. приводятъ къ тѣмъ же выводамъ о печальномъ положеніи этихъ «скитальцевъ». «Не находится среди нихъ и 1%,—говорится въ отчетѣ о дѣятельности симбирскихъ пунктовъ,—такихъ, которые бы питались въ дорогѣ горячей пищей». Значительная часть точно такъ же, какъ и въ Самарской губ., пробавляется подаяніемъ. Кромѣ врачебно-продовольственныхъ учрежденій, на пунктахъ Симбирской губ. устроены были посредническія конторы для найма рабочихъ и ночлеги. Составитель отчета г. Астаховъ, разсматривая дѣятельность конторъ, находитъ, что ихъ роль должна значительно расшириться и, кромѣ собиранія свѣдѣній о требованіяхъ на рабочія руки, заняться организаціей артели крючниковъ и другихъ рабочихъ, нанимающихся на пароходы».

Своимъ вмѣшательствомъ конторы могли бы избавить рабочихъ отъ опеки подрядчиковъ, получающихъ въ свою пользу львиную долю заработка крючниковъ.

Относительно Симбирской губ. мы воспользуемся присланнымъ въ редакцію отчетомъ завѣдующаго сызранскимъ лѣчебно-продовольственнымъ пунктомъ, г. Хлѣбникова. По его словамъ, черезъ Сызрань *главная масса* рабочихъ шла въ концѣ Святой и на Ѳоминой недѣлѣ, въ среднемъ ежедневно по 256 чело-

вѣкъ. Черезъ недѣлю, считая со 2-го мая, волна проходящаго рабочаго люда стала меньше, въ среднемъ каждый день 96 человѣкъ, а еще черезъ недѣлю—съ 7-го мая—она спустилась до 27 человѣкъ.

Больше всего рабочихъ шло изъ Симбирской губ.—58,2% общаго числа зарегистрированныхъ за это время, затѣмъ изъ Пензенской 32,3%. Рабочихъ Саратовской губ., Кузнецкаго уѣзда было всего 4,1%. Уроженцы остальныхъ губерній составляютъ 5,4%. Большая часть симбирцевъ идетъ сюда пѣшкомъ, а пензенцевъ, наоборотъ—по желѣзной дорогѣ; очень мало рабочихъ пользуются подводами. Въ концѣ апрѣля шли рабочіе партіями, въ которыхъ бывало по 50—90 человѣкъ, большею частью изъ каменщиковъ, очень рѣдко изъ плотниковъ. Чернорабочихъ, организованныхъ въ такія большія партіи, видѣть не приходилось. Партіи эти шли съ подрядчикомъ изъ ихъ же волости, нанятые имъ зимой, или же къ подрядчику, который вызывалъ ихъ письмомъ, или же самъ лично пріѣзжалъ нанимать ихъ, при чемъ задатокъ не всегда фигурировалъ при наймѣ.

Не мало среди каменщиковъ и плотниковъ было большихъ партій, большею частью односельчанъ, которые шли, по ихъ словамъ, «сами по себѣ», разбиваясь гдѣ-нибудь въ Саратовѣ или Царицынѣ на маленькія группы, въ 5—10 человѣкъ. Всѣ рабочіе, прибывшіе въ Сызрань, тратили на дорогу день, два, три, рѣдко больше недѣли. Такихъ же рабочихъ, которые вышли бы изъ дому годъ, полгода тому назадъ, почти не было.

Относительно питанія рабочихъ въ дорогѣ г. Хлѣбниковъ замѣчаетъ, что оно у тѣхъ, кто вышелъ вскорѣ послѣ Пасхи, было болѣе или менѣе сносно: чуть не каждый захватилъ съ собою на 2—3 дня десятокъ яицъ, лепешекъ, хлѣба, какъ разъ столько, чтобы доѣхать до Сызрани. Въ Сызрани громадное большинство уже покупало провизію. Съ такимъ запасомъ ѣхало большее число плотниковъ и каменщиковъ. Чернорабочіе обыкновенно берутъ съ собой одинъ хлѣбъ. Но среди нихъ не мало было и такихъ, которые шли подаяніемъ. Послѣдніе производятъ тяжелое впечатлѣніе, особенно если еще они идутъ съ дѣтьми. Одно изъ такихъ рабочихъ семействъ, состоящее изъ мужа, жены и четверыхъ ребятъ—старшей дѣвочкѣ пять лѣтъ—явилось ко мнѣ въ чайную. Костюмъ на нихъ былъ средняго крестьяго достатка, лица же были испитыя, сѣрыя. Грудной ребенокъ ни минуты не переставалъ кричать. «Все время плачетъ, какъ родился», заявляла мнѣ мать, когда я началъ его изслѣдовать. При осмотрѣ ребенокъ оказался худымъ до нельзя—однѣ кожа да кости. Не найдя ничего у него, кромѣ истощенія, и объясняя его крикъ тѣмъ, что онъ постоянно голоденъ отъ недостатка у матери молока, я далъ ему коровьяго, послѣ чего ребенокъ пересталъ кричать и спалъ спокойно ночь. Эта семья жила при чайной нѣсколько дней, пока я не выхлопоталъ ей безплатнаго билета до Саратова, гдѣ она надѣялась найти себѣ работу. Все это время, благодаря питанію молокомъ, ребенокъ не безпокоилъ мать своимъ крикомъ».

Итоги русской уголовной статистики за 20 лѣтъ. Недавно вышедшее оффиціальное изданіе «Итоги русской уголовной статистики за 20 лѣтъ» представляетъ собою детальную разработку уголовно-статистическаго матеріала за послѣднія 20 лѣтъ (съ 1874—1894 г.г.). Въ газетахъ появились любопытныя извлеченія изъ этого матеріала, представляющія несомнѣнный общественный интересъ. Такъ, «Сынъ Отечества» сообщаетъ слѣдующее о географическомъ распредѣленіи и соціальномъ положеніи преступниковъ въ Россіи: наибольшій процентъ преступности даетъ Варшавскій судебный округъ, который составляетъ, такъ сказать, центръ всей площади повышенной преступности, которая обнимаетъ собой Привислянье, Прибалтійскій край и примыкающія литовскія и русскія губерніи (Кавказъ въ цитируемой книгѣ не разсматривается), т. е. какъ

разъ тотъ районъ, въ которомъ наблюдается наибольшая густота населенія и развитіе городской жизни. Область наименьшей преступности лежитъ въ бассейнѣ верхняго Дона и отчасти Оки и ея правыхъ притоковъ, т. е. въ полосѣ чисто-земледѣльческой, вдали отъ промышленныхъ центровъ и крупныхъ городовъ. Минимумъ преступности выпадаетъ на Воронежскую, Пензенскую, отчасти Харьковскую и Екатеринославскую губерніи. Изъ сказаннаго самъ собой напрашивается выводъ, что *трудность жизни*, связанная съ ненормальнымъ распредѣленіемъ богатствъ и отрицательными сторонами фабричнаго и городского быта, есть основная причина повышенной преступности.

Эта мысль находитъ себѣ подтвержденіе и въ распредѣленіи преступности по поламъ. Maximum женской преступности выпадаетъ опять-таки на губерніи Варшавскую, Петроковскую, Калишскую и пр., minimum на Бессарабію, Воронежскую, Херсонскую, Саратовскую, Казанскую, т. е. на полосу съ земледѣльческимъ и мусульманскимъ населеніемъ. (Мусульманки, вслѣдствіе особенности ихъ соціальнаго положенія, даютъ minimum преступности).

При разсмотрѣніи женской преступности по категоріямъ, опять-таки можно наблюдать, что трудность жизни и аномаліи соціальнаго положенія женщины даютъ maximum преступленій. Женщина даетъ очень низкій процентъ такихъ преступленій, какъ кража, мошенничество, лжеприсяга и пр., но зато наивысшій процентъ женской преступности падаетъ на дѣтоубійство (98;3) и убійство супруговъ и родственниковъ (39,3) (по разсчету изъ 100 осужденныхъ обоего пола). То же явленіе наблюдается и при разсмотрѣніи семейнаго быта осужденныхъ: холостые и дѣвицы совершаютъ значительно меньше преступленій, чѣмъ состоящіе въ бракѣ. Зимой и осенью, когда трудность жизни особенно обостряется, усиливаются преступленія противъ собственности и т. д.

Хотя, какъ мы только-что видѣли, наибольшій процентъ преступности замѣчается въ промышленныхъ губерніяхъ, тѣмъ не менѣе максимумъ преступности падаетъ на лицъ, занимающихся земледѣліемъ.

Что касается вопроса о вліяніи грамотности на преступность, то, на основаніи существующихъ статистическихъ данныхъ, въ этомъ отношеніи трудно придти къ какимъ-либо опредѣленнымъ заключеніямъ, нельзя даже сказать, больше ли процентъ грамотныхъ или неграмотныхъ среди осужденныхъ, чѣмъ въ населеніи. Извѣстно только, что по степени образованія общее количество преступленій распредѣляется такъ: maximum падаетъ на неграмотныхъ, minimum на лицъ съ высшимъ образованіемъ. (Достойно примѣчанія, что за пятилѣтіе 1889—1893 гг., въ мировыхъ судахъ не было осуждено ни одной женщины съ высшимъ образованіемъ, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ была осуждена одна изъ 23.214. Мужчины съ высшимъ образованіемъ дали нѣсколько высшій процентъ преступности: въ общихъ судахъ—0,3 въ мировыхъ всего 4 человѣка изъ 289.989).

Въ отношеніи возраста осужденныхъ, преступники распадаются на три группы, значительно отличающіяся другъ отъ друга: maximum преступности падаетъ на возрастъ отъ 21 до 50 лѣтъ, лица моложе и старше этого возраста даютъ процентъ преступленій значительно низшій. Нѣкоторое отклоненіе отъ этого распредѣленія представляетъ женская преступность: въ ней maximum падаетъ на возрастъ отъ 17 до 21 года, minimum отъ 30—40 лѣтъ. Это отклоненіе до нѣкоторой степени можетъ быть объяснено «характеромъ преступности женщины, проявляющейся преимущественно въ формахъ, такъ или иначе связанныхъ съ половыми отношеніями». Религія осужденныхъ не имѣетъ большого вліянія на интенсивность преступности. Наибольшій процентъ преступленій выпадаетъ, однако, на православныхъ, затѣмъ идутъ католики, протестанты, іудеи, магометане.

Къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ. «Спб. Вѣдомости» заимствуютъ изъ «Земскаго Сборника» Черниговской губ. слѣдующіе факты о тѣлесномъ наказаніи и отношеніи къ нему крестьянъ.

Въ послѣднія пять лѣтъ въ Сосницкомъ уѣздѣ совсѣмъ не было приговоровъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ; узнаемъ и причину этого: «лучше въ острогъ,— говорятъ сосницкіе крестьяне,—чѣмъ быть дранымъ».

Авторъ статьи въ «Земскомъ Сборникѣ» о Сосницкомъ уѣздѣ присутствовалъ въ селѣ, въ которомъ должно было состояться наказаніе розгами парней.

«Казалось,—пишетъ онъ,—въ воздухѣ носилось что-то такое, отъ чего тоской отдавало; грустно было и тягостно на душѣ. Мужики ходили, какъ приговоренные къ смерти, тоскливые, мрачные; нѣкоторыя изъ женщинъ плакали...»

«— Да, вѣдь, сами же вы виноваты,—произнесъ авторъ, видя угнетенное состояніе группы стоявшихъ на улицѣ мужиковъ,—почему не наставляете на добро своихъ дѣтей!..» Въ отвѣтъ на этотъ упрекъ, изобличившій въ авторѣ отнюдь не принципіальнаго противника розогъ, мужики молчали. Только спустя минуты двѣ, одинъ изъ нихъ сказалъ: «лучше бы у острогъ посадили, або якъ инше постращали, теперь на всю жисть...»

Авторъ не дослышалъ словъ мужика; когда взглянулъ на него, то увидѣлъ, что по морщинистымъ щекамъ текли слезы: это былъ отецъ одного изъ подлежавшихъ наказанію!

Одинъ случай присужденія мужика Степана къ 10 ударамъ розги кончился трагически.

Наканунѣ дня, когда должно было состояться исполненіе приговора, Степанъ исчезъ. Куда исчезъ—никто не зналъ. Прошло 5—6 дней, жена Степана пошла въ погребъ за провизіей, и вдругъ, къ ужасу своему, услышала голосъ своего мужа—онъ стоналъ. Жена зажгла огонь и увидѣла Степана лежащимъ на землѣ всего въ крови... Оказалось, что послѣ приговора Степанъ, въ ужасѣ предъ ожидавшимъ его позоромъ, сбѣжалъ въ лѣсъ, но голодъ заставилъ его возвратиться домой. Ночью онъ потихоньку вошелъ въ хату, взявъ ножъ, спустился въ погребъ и перерѣзалъ себѣ горло. Но ножъ ли былъ тупой, рука ли дрогнула,—онъ остался живъ. Изнемогшаго, истекающаго кровью, его отправили въ больницу; тамъ ему спасли жизнь, но когда онъ чрезъ двѣ недѣли всталъ съ постели, то его уже нельзя было отпустить домой, а пришлось отвезти въ Черниговъ, въ психіатрическое отдѣленіе... Вѣдь, розги, по убѣжденію сосницкихъ крестьянъ, — какъ мы читали выше, — наказываютъ «на всю жисть»: это—наказаніе, послѣ котораго нѣтъ реабилитаціи...

Образовательный домъ для рабочихъ въ Казани. «Казанскій Телеграфъ» описываетъ новое образовательное учрежденіе для рабочихъ, построенное въ Казани на средства богатаго фабриканта Алафузова. Алафузовскіе заводы и фабрики, на землѣ которыхъ воздвигнуто зданіе образовательнаго дома, существуютъ въ Казани съ 1865 г. Постепенно расширяясь, названные заводы имѣютъ теперь около 3.000 рабочихъ, а, считая ихъ семейства, численность фабрично-заводскаго населенія достигаетъ до 5.000 лицъ. Въ интересахъ послѣдняго еще учредитель заводовъ И. И. Алафузовъ 30 лѣтъ тому назадъ устроилъ при заводѣ школу и снабдилъ ее коллекціями разныхъ полезныхъ предметовъ, въ томъ числѣ главными физическими приборами и свѣтовыми картинами. Въ своемъ духовномъ завѣщаніи Алафузовъ оставилъ на обезпеченіе разныхъ благотворительныхъ учрежденій для рабочихъ болѣе 900.000 рублей. Преемники И. И. Алафузова, слѣдуя завѣтамъ покойнаго, два года тому назадъ приступили къ созиданію образовательнаго дома для рабочихъ (вблизи заводскихъ построекъ). Образовательный домъ устраивается въ интересахъ прежде всего дѣтей рабочихъ. Соотвѣтственно этому, въ немъ помѣстятся мужское

и женское начальныя училища. Мальчикамъ и дѣвочкамъ, по окончаніи общеобразовательнаго курса, предположено давать профессіональную подготовку въ связи съ систематическимъ обученіемъ рисованію и черченію. Для достиженія такой задачи въ образовательномъ домѣ будутъ открыты ремесленные классы: столярно-модельный, шитья и кройки и прядильно-ткацкій.

Для распространенія просвѣщенія среди взрослыхъ рабочихъ въ образовательномъ домѣ предназначены слѣдующія учрежденія. Для рабочихъ неграмотныхъ и малограмотныхъ откроется воскресная школа. Рабочіе этой категоріи, а также обучавшіеся и окончившіе курсъ въ разныхъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, могутъ получать дополнительныя знанія и развитіе въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ такъ-называемыхъ народныхъ чтеній, систематическое веденіе которыхъ представляется въ высшей степени желательнымъ и полезнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектируется устраивать еще для рабочихъ лекціи и бесѣды преимущественно техническаго характера. Въ виду громаднаго значенія для саморазвитія чтенія почетное мѣсто займетъ въ образовательномъ домѣ народная библіотека, въ которой будутъ находиться сочиненія образцовыхъ писателей, а также газеты и журналы и лучшія изданія по прикладнымъ знаніямъ. Кромѣ того, учреждается музей, который будетъ составленъ изъ главнѣйшихъ физическихъ инструментовъ и приборовъ, а также изъ разныхъ коллекцій (преимущественно техническаго характера), обрисовывающихъ ростъ добывающей и обрабатывающей промышленности въ лучшихъ издѣліяхъ и орудіяхъ. Далѣе будутъ организованы систематическіе курсы по предметамъ техническаго образованія. Кромѣ умственнаго развитія, образовательный домъ ставитъ своей задачей благотворно вліять и на другія стороны жизни рабочихъ, пріучая ихъ «проводить правильно и полезно отдыхъ и перерывы между работами». Въ этихъ цѣляхъ будутъ широко поставлены систематическія занятія по пѣнію и музыкѣ на струнныхъ и духовыхъ инструментахъ. Чтобы вокальныя упражненія заняли почетное мѣсто и чтобы въ распоряженіи образовательнаго дома всегда былъ хорошій пѣвческій хоръ и полный оркестръ, наслѣдниками И. И. Алафузова вводится въ фабрично-заводскую практику слѣдующій пріемъ: рабочимъ, способнымъ къ музыкѣ и пѣнію, количество недѣльныхъ часовъ сокращается съ тѣмъ, чтобы они эти свободные льготные часы употребляли на основательную подготовку въ пѣніи и на разучиваніи музыкальныхъ пьесъ.

Главнымъ источникомъ для эстетическихъ удовольствій рабочихъ въ праздничные дни и во время отдыха явится также учреждаемый въ образовательномъ домѣ театръ. Ему предполагается дать организацію примѣнительно ко взглядамъ и указаніямъ А. Н. Островскаго съ соблюденіемъ того условія, чтобы спектакли преимущественно выполнялись любителями изъ фабрично-заводскихъ служащихъ и рабочихъ при временномъ участіи опытнаго режиссера. Независимо отъ этого, наслѣдники И. И. Алафузова имѣютъ въ виду иногда приглашать въ образовательный домъ для исполненія пьесъ образцовыя труппы и выдающихся артистовъ. Кромѣ того, въ образовательномъ домѣ устроена чайная сначала на 100 человѣкъ; здѣсь будетъ отпускаться чай съ хлѣбомъ за болѣе дешевую плату, чѣмъ въ мѣстныхъ трактирахъ. Когда всѣ эти учрежденія просвѣтительнаго института вполнѣ разовьются, окрѣпнутъ и встанутъ на прочную ногу, предположено приступить къ изданію газеты, которая должна будетъ служить отраженіемъ нуждъ и потребностей обширной фабричной слободы.

Г. А. Джаншіевъ. Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось 25-лѣтіе общественной и публицистической дѣятельности извѣстнаго автора книги «Изъ эпохи великихъ реформъ», Григорія Аветовича Джаншіева. «Юридическая Газета» сообщаетъ о немъ слѣдующія біографическія свѣдѣнія: Г. А. родился въ 1851 г.

и въ 1874 г. окончилъ курсъ юридическаго факультета въ Московскомъ университетѣ. Съ этого момента начинается его общественная дѣятельность.

«Джаншіевъ украшаетъ собою ряды московской адвокатуры, пользуясь и въ качествѣ адвоката вполнѣ заслуженною извѣстностью, но не въ его защитительныхъ рѣчахъ надо искать источника его популярности. Сфера, въ которой съ замѣчательною рельефностью обрисовалась глубоко симпатичная личность Джаншіева, это публицистика. Помимо того, что Джаншіевъ состоитъ однимъ изъ издателей-сотрудниковъ «Русскихъ Вѣдомостей», онъ опубликовалъ рядъ работъ частью монографическаго, частью полемическаго содержанія, въ которыхъ выступилъ горячимъ поклонникомъ просвѣщенныхъ стремленій дѣятелей «эпохи великихъ реформъ». Можно безъ преувеличенія сказать, что не было ни одного вопроса такъ или иначе связаннаго съ великими принципами преобразовательной эпохи, на которые Г. А. Джаншіевъ не отозвался бы и притомъ не въ сухой, докторальной формѣ, а съ тою горячностью и страстностью, на которыя способенъ только писатель, не проводящій пограничной черты между своею личною и общественною жизнью, влагающій свою душу въ литературныя работы. Онъ писалъ, какъ и Берне, «кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ» и видѣлъ въ своей дѣятельности родъ общественнаго служенія, за что и снискалъ себѣ не только общественныя симпатіи, но и репутацію писателя солиднаго, убѣжденнаго, къ голосу котораго необходимо прислушиваться. Его сочиненія доставили ему широкій кругъ читателей и пользовались постояннымъ успѣхомъ. Достаточно сказать, что книга «Эпоха великихъ реформъ» вышла въ 1898 году 7-мъ изданіемъ—фактъ, который обращаетъ на себя невольное вниманіе, если принять въ соображеніе серьезность и научность ея содержанія съ одной стороны, и медленность распространенія подобныхъ сочиненій съ другой. «Эпоха великихъ реформъ»—это настольная книга каждаго судебнаго дѣятеля. Содержа въ себѣ рядъ талантливо набросанныхъ картинъ изъ знаменательной эпохи, пережитой нашимъ обществомъ, она объясняетъ эти реформы, устанавливаетъ между ними органическую связь, даетъ обширныя историко-литературныя справки. Читатель вводится авторомъ въ самый круговоротъ тогдашнихъ общественныхъ теченій и какъ бы присутствуетъ при созданіи «Судебныхъ Уставовъ», при отмѣнѣ крѣпостного состоянія и другихъ реформахъ; ему становится ясно, цѣною какихъ громадныхъ усилій ума и таланта, цѣною какой борьбы, какой энергіи достались русскому мыслящему обществу эти преобразованія. Отсюда ему ясно видно, насколько жалки попытки дискредитировать эту созидательную работу русскаго общества, какъ плодъ якобы «либеральныхъ увлеченій немногихъ стоявшихъ у власти лицъ»: онъ понимаетъ, что движеніе шестидесятыхъ годовъ это—только отголосокъ того литературно-общественнаго движенія, которое началось гораздо раньше, что Бѣлинскій и Грановскій съ такимъ же правомъ могутъ быть названы творцами реформъ царствованія Александра II, какъ Ростовцевъ, Милютинъ, Замятинъ, Зарудный, Арцимовичъ, Ровинскій, Буцковскій, Унковскій и др. Это, въ свою очередь, даетъ ему извѣстное нравственное успокоеніе, что борозда, проведенная этими неутомимыми работниками, слишкомъ глубоко залегла въ нашемъ общественномъ самосознаніи, чтобы слѣпо подчиниться вѣяніямъ реакціоннаго характера и размѣняться на мелочи. Завоевавъ себѣ рядъ преобразованій цѣною титаническихъ трудовъ своихъ лучшихъ представителей, русское общество, конечно, не такъ легко откажется отъ этого наслѣдія шестидесятыхъ годовъ, потому что такой отказъ былъ бы равносиленъ самоотреченію. Наряду съ «Основами судебной реформы» (Москва, 1891 г.), «Эпоха великихъ реформъ» принадлежитъ къ лучшимъ работамъ Г. А. Джаншіева. Подобно другимъ работамъ талантливаго публициста, она составилась изъ ряда статей, написанныхъ на основаніи архивныхъ данныхъ и печатавшихся въ «Русской Мысли» и «Вѣстникѣ Европы». Страстность, влагаемая

Г. А. Джаншіевымъ во все имъ написанное, находитъ себѣ необходимый противовѣсъ не только въ его литературномъ тактѣ, но и въ солидныхъ научныхъ знаніяхъ, съ которыми онъ разбираетъ интересующіе его вопросы. Реакціонерамъ онъ отвѣчаетъ съ достоинствомъ, подъ которымъ скрывается сознаніе правоты защищаемаго дѣла; онъ рекомендуетъ имъ не забывать о существованіи огромнаго 74-хъ-томнаго «Дѣла о преобразованіи судебной части въ Россіи». Друзья и враги судебной реформы невольно должны будутъ проникнуться уваженіемъ къ дѣятелямъ, увидѣвъ воочію, какой гигантскій трудъ былъ понесенъ ими для тщательной подготовки и всесторонней разработки матеріаловъ, изъ которыхъ было сложено зданіе нашего новаго суда. Утверждавшимъ, что начало отдѣленія судебной власти отъ административной—плодъ мимолетнаго увлеченія чужеземными либеральными образцами, не имѣющій корней въ прошломъ Россіи, онъ возражаетъ, что исторія русскаго законодательства, свидѣтельствуетъ о противномъ, по удостовѣренію такого авторитетнаго, въ консервативномъ лагерѣ, свидѣтеля, какъ графъ Блудовъ, котораго трудно заподозрить «въ тлетворномъ радикализмѣ»: въ своей запискѣ 1859 года графъ Блудовъ указывалъ на безостановочное стремленіе русскаго законодательства, начиная съ Петра Великаго, къ «отдѣленію судебной власти отъ административной». Къ характернымъ и симпатичнымъ чертамъ юбиляра надо отнести и его благоговѣйное отношеніе къ памяти великихъ людей. Это отношеніе не стихійное, а вполнѣ сознательное. «Есть имена,—говоритъ Джаншіевъ въ статьѣ, посвященной памяти Бѣлинскаго, — при произнесеніи которыхъ невольно обнажается голова! Есть писатели, жизнь и творенія которыхъ такъ чисты и возвышенны, что чѣмъ больше съ ними знакомишься, тѣмъ больше проникаешься къ нимъ уваженіемъ, удивленіемъ, почти благоговѣніемъ. Такіе имена какъ бы очищаютъ человѣка нейтрализируютъ все, что есть въ немъ мелкаго, низменнаго, мутнаго и, наполняя сознательнымъ умиленіемъ сердца почитателей, вырываютъ дань невольнаго уваженія даже у враговъ». Въ своихъ трудахъ Г. А. Джаншіевъ и создаетъ памятникъ свѣтлой памяти дѣятелей шестидесятыхъ годовъ».

Послѣ юбилея Г. А. Джаншіевъ напечаталъ въ «Русск. Вѣд.» слѣдующее письмо, которое просилъ сочувствующія ему изданія перепечатать:

«За послѣдніе дни получено мною, по случаю исполнившагося 4-го октября двадцатипятилѣтія моей литературной работы, изъ Москвы и съ разныхъ концовъ Россіи значительное количество привѣтствій и благопожеланій. Не имѣя, къ сожалѣнію, возможности отвѣчать каждому въ отдѣльности, позвольте чрезъ посредство вашей газеты сказать два слова лицамъ и учрежденіямъ, почтившимъ меня своимъ вниманіемъ.

«Я далекъ отъ мысли понимать буквально и «расписаться въ полученіи» тѣхъ преувеличенныхъ восхваленій, панегирическихъ оцѣнокъ, кои обычны и, даже смѣю сказать, извинительны въ подобныхъ случаяхъ. Къ юбилярамъ, мнѣ кажется, еще болѣе, чѣмъ къ покойникамъ, примѣнимо правило: aut bene, aut nihil. А затѣмъ, право же, не дуренъ обычай въ 25 лѣтъ разъ давать человѣку пережить нѣсколько мгновеній иллюзію посильно исполненнаго общественнаго долга. Сердечное спасибо моимъ поздравителямъ, давшимъ мнѣ возможность предаться на время этому сладкому, но «насъ возвышающему обману» или, вѣрнѣе, самообману.

«Особо долженъ я упомянуть о горячихъ привѣтствіяхъ, полученныхъ мною въ качествѣ редактора «Братской помощи пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», и, въ частности, отъ турецкихъ армянъ-переселенцевъ, нашедшихъ временный покой въ Россіи послѣ ужасающаго турецкаго разгрома. По долгу чести и согласно правилу suum cuique, я вмѣняю себѣ въ пріятную обязанность эти глубоко-прочувствованныя привѣтствія передать по принадлежности: русской интеллигенціи и всѣмъ добрымъ людямъ, отозвавшимся на безмѣрныя бѣдствія

многострадальныхъ армянъ. Трудомъ и просвѣщеннымъ сочувствіемъ русскихъ публицистовъ, ученыхъ, литераторовъ страница за страницею созидался при немаловажныхъ препятствіяхъ обширный литературный матеріалъ, составившій громадный томъ «Братской помощи» въ 1.000 страницъ, пролившій свѣтъ на положеніе армянъ. Нашлось, къ счастью, достаточно безпристрастныхъ и добрыхъ людей, которые, несмотря на обильно распространяемые, по невѣжеству и злобѣ, на счетъ армянъ злостныя обвиненія, протянули руку помощи 50.000 сиротъ, оставленныхъ страдальцами за вѣрность вѣрѣ христіанской.

«Отъ этихъ доброхотныхъ даяній накопилась сумма, хотя и ничтожная сравнительно съ необъятными размѣрами бѣдствія, но сама по себѣ достаточно великая (валовой сборъ достигъ 66.870 р. 26 к., чистый—53.175 р. 95 к.), чтобы хотя отчасти облегчить бѣдствія жертвъ безпримѣрныхъ злодѣяній. Вотъ къ нимъ собственно, къ этимъ добрымъ участникамъ «Братской помощи», трудами и пожертвованіями своими способствовавшимъ ея цѣли (35.000 р. выслано въ россійское посольство въ Константинополѣ для устройства семи армяно-русскихъ пріютовъ и 15.840 р. для пропитанія голодающихъ), и должны относиться тѣ выраженія горячей признательности, которыми преисполнены привѣтствія отъ турецкихъ армянъ. «Взоры наши и упованія покинутыхъ нами на разоренной родинѣ нашей родныхъ братьевъ и сестеръ нашихъ,—пишутъ пріютившіеся въ Крыму переселенцы,—обращены къ сѣверу; отъ васъ и отъ вашихъ великодушныхъ и человѣколюбивыхъ интеллигентныхъ сотрудниковъ, отъ русскихъ братьевъ добросердечной Россіи ждемъ истинно-братской помощи; вѣдь, только по мановенію руки могущественной Россіи водворился въ нашемъ злосчастномъ отечествѣ наружный миръ и спокойствіе... Но если наше невыносимое положеніе продлится еще, то армянское населеніе обречено на гибель».

«Въ заключеніе считаю долгомъ принести живѣйшую благодарность поздравителямъ, которымъ угодно было внести по случаю моей литературной годовщины болѣе или менѣе значительныя пожертвованія въ пользу армянскихъ сиротъ, призрѣваемыхъ въ армяно-русскихъ пріютахъ «Братской помощи» въ Турціи, и тѣмъ сдѣлать для меня воспоминаніе о моемъ скромномъ праздникѣ вдвойнѣ радостнымъ.

«Покорнѣйше прошу изданія, сочувствующія цѣлямъ «Братской помощи», не отказать въ перепечаткѣ настоящаго моего заявленія.

Гр. Джаншіевъ».

За границей.

Первый народный университетъ во Франціи. 10-го октября, вечеромъ, въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи, въ Парижѣ, состоялось открытіе перваго народнаго университета, основаннаго обществомъ «Coopération des idées». Мы уже имѣли случай говорить нашимъ читателямъ объ этомъ обществѣ, организаторомъ котораго былъ нѣкто Дегермъ, бывшій рабочій, давно уже занимавшійся изученіемъ соціальныхъ вопросовъ. Годъ тому назадъ у него явилась идея основать въ какомъ-нибудь народномъ кварталѣ родъ клуба, въ которомъ могли-бы собираться по вечерамъ рабочіе и который могъ бы отвлечь ихъ отъ кабаковъ и кафешантановъ. Дегермъ мечталъ устроить въ этомъ клубѣ чтенія, бесѣды и вообще такого рода развлеченія, которыя могли бы доставлять пищу уму и способствовать развитію рабочихъ. Но для осуществленія своей идеи у него не было ни денегъ, ни связей, ни поддержки, ничего, кромѣ упорной энергіи и горячаго стремленія къ своей цѣли. Для пропаганды своихъ идей онъ основалъ маленькій журнальчикъ «Coopération des idées» и привлекъ

на свою сторону нѣсколькихъ другихъ рабочихъ. И вотъ, съ ихъ помощью и имѣя въ своемъ распоряженіи ничтожнѣйшую сумму, онъ организовалъ первую группу, открывшую свои дѣйствія въ крошечной квартиркѣ, въ улицѣ Кольберъ. Но скоро это помѣщеніе стало тѣснымъ, такъ какъ члены новаго общества прибывали съ каждымъ днемъ, и тогда-то у Дегерма явилась мысль учредить нѣчто вродѣ свободнаго народнаго университета, предназначеннаго для популяризаціи народнаго образованія и соціальнаго воспитанія.

Теперь эта цѣль достигнута и, благодаря содѣйствію многихъ дѣятелей, завѣтная мечта Дегерма осуществилась и начало уже сдѣлано. Общество «Coopération des idées» обратилось къ рабочимъ съ воззваніемъ, въ которомъ резюмируетъ свою дѣятельность слѣдующимъ образомъ: «Какъ и вы, мы тоже рабочіе. Но мы думаемъ, что въ жизни человѣческой можно найти болѣе возвышенныя, болѣе постоянныя и не такія разорительныя удовольствія, какъ тѣ, которыя доставляетъ кабакъ... Мы стремимся къ такой цивилизаціи, которая не оставляла бы за своими предѣлами огромное большинство людей и не была бы удѣломъ только избранныхъ, извлекающихъ изъ нея пользу, но въ которой участвовали-бы всѣ и всѣ пользовались-бы ея плодами. Товарищи! стремясь къ тому, чтобы наше свободное время было употреблено съ пользою для нашего физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія, которое только и можетъ помочь намъ достигнуть соціальной эмансипаціи, мы открываемъ свой первый народный университетъ какъ разъ напротивъ кабака и кафешантана!».

Несмотря на весьма незначительный капиталъ (15.000 фр.), который удалось собрать организаторамъ перваго народнаго университета, они приступили къ реализаціи своей программы въ довольно широкихъ размѣрахъ и толпа посѣтителей, явившихся на открытіе, съ удивленіемъ и восхищеніемъ осматривала большое просторное помѣщеніе прекрасно освѣщенное, въ которомъ было все: и залы для публичныхъ чтеній, гимнастики, игръ, театральныхъ представленій, и прекрасная библіотека, и читальня. Библіотека еще не особенно богата (не болѣе 500 томовъ), но пожертвованія являются со всѣхъ сторонъ и устроители не унываютъ. Декоративная сторона также не забыта: на одной изъ стѣнъ библіотеки красуется прекрасная копія съ картины покойнаго художника Пюви де-Шаванна «Св. Женевьева» и затѣмъ очень выразительная статуэтка, изображающая одинъ изъ типовъ Раблэ. Но самымъ любопытнымъ украшеніемъ библіотеки служитъ гипсовая модель, вышиною нѣсколько болѣе метра, работы одного рабочаго, художника и скульптора, только по вечерамъ занимающагося любимымъ искусствомъ, а въ теченіе дня зарабатывающаго себѣ кусокъ хлѣба поденнымъ трудомъ. Эта гипсовая модель называется: «Новая страница» и сюжетомъ ея служитъ: свободная мысль, раздавливающая предразсудокъ. Предполагается отлить эту модель изъ бронзы и увеличить ее до 18 метровъ; уже съ этою цѣлью организованъ комитетъ, такъ какъ у самого художника нѣтъ на это денегъ.

Зала для игръ также украшена прекраснымъ панно работы одного молодого художника-декоратора. Въ залѣ стоитъ прекрасный бильярдъ и находятся всевозможныя приспособленія для различныхъ игръ. Такъ называемая «зала музея» должна служить ежемѣсячно для устройства новыхъ выставокъ. Идея устройства этихъ выставокъ довольно оригинальна: организаторы хотятъ, чтобы всѣ выставляемыя произведенія, копіи съ извѣстныхъ картинъ и т. п., группировались вокругъ одной общей идеи. Такъ, напримѣръ, для октябрьской выставки выбрано сюжетомъ «Материнское чувство», для ноябрьской — «Трудъ» и т. д. Зала для чтенія лекцій, могущая свободно вмѣстить сто человѣкъ, отдѣляется отъ театральной и концертной залы подвижною перегородкой, которая легко снимается. и тогда обѣ залы составляютъ одну, зала для чтеній

украшена, какъ и предшествующая зала воспроизведеніями знаменитыхъ картинъ, но тутъ эти картины расположены въ извѣстномъ порядкѣ, сгруппированы по школамъ и эпохамъ, и могутъ служить для изученія исторіи искусства. Стѣны театральной залы украшены произведеніями современныхъ художниковъ.

Въ день открытія перегородка была снята и обѣ залы, театральная и зала для чтенія, составили только одну, но и та оказалась недостаточной, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ. Кромѣ приглашенныхъ почетныхъ гостей, такъ или иначе помогавшихъ организаціи этого дѣла, профессоровъ и журналистовъ, на открытіе явились всѣ рабочіе квартала, которые въ теченіе послѣдней недѣли массами записывались въ члены общества, внося 50 сантимовъ (мѣсячный взносъ). Въ настоящее время число такихъ членовъ уже перешло за тысячу. «Если у насъ будетъ двѣ тысячи,—сказалъ одинъ изъ организаторовъ,—то всѣ наши расходы покроются. Этотъ университетъ будетъ уже самъ себя содержать, и мы тогда займемся учрежденіемъ другого!»

Въ восемь часовъ вечера предсѣдатель общества «Coopération des idées» профессоръ Сорбонны Сеайль открылъ собраніе рѣчью, въ которой изложилъ исторію развитія учрежденія, съ того момента, въ апрѣлѣ 1898 года, когда общество впервые открыло свою дѣятельность въ маленькомъ помѣщеніи въ улицѣ Кольберъ. Ораторъ указалъ на постепенный ростъ и развитіе этого дѣла и на его громадное соціальное значеніе. Послѣ Сеайля выступилъ поэтъ Фернандъ Грегъ, который прочелъ новое произведеніе «Maison du peuple», вызвавшее громъ апплодисментовъ.

Начало положено, но Дегермъ и его сподвижники не думаютъ почить на лаврахъ. Они хотятъ какъ можно болѣе расширить это дѣло, соединить въ немъ все, что можетъ быть полезно рабочему, и побудить къ открытію такихъ же учрежденій въ другихъ кварталахъ, для которыхъ «первый народный университетъ» въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстьи служилъ-бы образцомъ. Организаторы этого перваго университета уже мечтаютъ о томъ, чтобы присоединить къ нему и другія учрежденія, полезныя для рабочихъ: медицинскій кабинетъ, ванны и души, лабораторію, кооперативную аптеку, дешевый ресторанъ (безъ спиртныхъ напитковъ) и даже меблированныя комнаты, предназначаемыя для одинокихъ молодыхъ рабочихъ, затѣмъ они хотятъ устроить нормальную школу для образованія народныхъ учителей, бюро для пріисканія мѣстъ, кассу взаимопомощи и страхованія. Современемъ общество намѣревается устраивать увеселительныя и научныя поѣздки и совмѣстное посѣщеніе разныхъ музеевъ, выставокъ и т. п. Такимъ образомъ общество, начавшее такъ скромно свою дѣятельность, теперь имѣетъ очень обширную программу.

Послѣ дѣла Дрейфуса во Франціи. Напряженное состояніе, въ которомъ находилась Франція почти цѣлый годъ, замѣтно исчезаетъ теперь и наступаетъ успокоеніе, выражающееся прежде всего въ ослабленіи газетной полемики. Однако, несмотря на то, что дѣло Дрейфуса уже отошло на второй планъ, его политическія послѣдствія все таки продолжаютъ безпокоить всѣ партіи во Франціи. Скандальный приговоръ реннскаго суда, націоналистскіе подвиги и грубыя проявленія милитаризма, однимъ словомъ, всѣ тѣ факты и событія, которые столько времени волновали общественное мнѣніе страны, конечно, не могутъ быть забыты такъ скоро. Но огромное большинство французскаго народа уже сознаетъ, что этотъ кризисъ, который переживаетъ Франція, представляетъ нечто иное, какъ одинъ изъ эпизодовъ традиціонной борьбы свободомыслія съ клерикализмомъ. Это сознаніе уже отразилось на многихъ рѣшеніяхъ генеральныхъ совѣтовъ и совѣтовъ округовъ и по многимъ признакамъ республиканская партія начинаетъ проникаться такими же чувствами, какими она была проникнута въ

1880 году, въ моментъ преній насчетъ первоначальныхъ школъ и закрытія конгрегацій.

Въ настоящее время всѣхъ интересуетъ вопросъ о долговѣчности кабинета Вальдека Руссо. Министерство это вступило въ отправленіе своихъ обязанностей въ очень трудную минуту. Оно получило тяжелое наслѣдіе и ему предстояло разрѣшить тѣ затрудненія, которыя были созданы политикою его предшественниковъ. Никто не скажетъ, чтобы министерство не выполнило своей задачи, хотя многіе упрекаютъ его въ недостаткѣ энергіи, твердости и бдительности относительно непримиримыхъ враговъ республики. Но, во всякомъ случаѣ, такое министерство, которое создало верховный судъ и не убоялось дать президенту Лубэ для подписи бумагу, заключающую въ себѣ помилованіе Дрейфуса—можетъ, конечно, разсчитывать на поддержку истинныхъ республиканцевъ, и поэтому всѣ предсказанія насчетъ его недолговѣчности лишены серьезнаго значенія, хотя и тутъ надо отвести мѣсто случайностямъ.

Событія внутренней политики во Франціи отвлекли всеобщее вниманіе отъ бюджета на слѣдующій годъ, обсуждавшагося въ палатѣ.

Кредиты, которые требуются на 1900 г., достигаютъ грандіозной цифры трехъ милліардовъ 450 съ половиною тысячъ. Расходы въ сравненіи съ прошлымъ годомъ увеличиваются, слѣдовательно, на 46 милліоновъ. Военное министерство требуетъ для себя на 14 милліоновъ больше, чѣмъ въ 1899 г., а морское— на $11^1/_2$ милліоновъ. Такимъ образомъ увеличеніе расходовъ на армію и флотъ въ общемъ достигаетъ $25^1/_2$ милліоновъ. Но къ этому надо прибавить еще 60 милліоновъ, идущихъ на содержаніе колоніальныхъ войскъ и включенныхъ въ колоніальный бюджетъ. Въ общемъ получается болѣе милліарда, такъ что почти треть французскаго бюджета уходитъ на военныя нужды. Если вычислить другіе расходы, то останется всего лишь около 700 милліоновъ для администраціи страны, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ направленіи часто ощущается недостатокъ. Но французы, какъ и прочія европейскія націи, не могутъ остановиться въ этомъ постоянномъ стремленіи превзойти другъ друга въ отношеніи вооруженій. Страннымъ отвѣтомъ на Гаагскую конференцію служатъ всѣ эти чудовищныя увеличенія военныхъ бюджетовъ, наблюдаемыя во всѣхъ государствахъ!

Федерація англійскихъ колоній въ Австраліи. Семь большихъ англійскихъ колоній Океаніи: Тасманія, Новая Зеландія и пять австралійскихъ штатовъ: Квинслендъ, Новый Южный Валлисъ, Викторія, Южная Австралія и Западная Австралія населены однимъ и тѣмъ же народомъ, имѣющимъ вездѣ одинаковые нравы, обычаи и даже почти одинаковые законы. Но этому трудно повѣрить, если посмотримъ на ихъ взаимныя отношенія. Они постоянно завидуютъ другъ другу, точь-въ-точь, какъ европейскія державы. Ни одна изъ этихъ колоній не упуститъ случая, чтобы подчеркнуть свою независимость, свою индивидуальность, совершенно не заботясь о другихъ. Они воздвигли между собою такія же громадныя таможенныя загородки, какія раздѣляютъ государства Стараго Свѣта, и даже превзошли въ этомъ отношеніи свои европейскіе образцы: въ своемъ недовѣріи и враждебности другъ къ другу, они не захотѣли даже допустить одинаковую ширину рельсоваго пути, связывающаго между собою эти колоніи. Между Викторіей и Южной Австраліей находится клочокъ спорной территоріи, точь-въ-точь, какъ между Франціей и Бразиліей въ Гвіанѣ, или между Англіей и Венецуэллой. Но сходство съ европейскими государствами заключается еще и въ томъ, что эти колоніи нашихъ антиподовъ не избавлены отъ внутреннихъ раздоровъ. Всего сильнѣе эти внутренніе раздоры выражаются въ австралійскихъ штатахъ, между тѣмъ какъ Новая Зеландія держится намѣ-

ренно въ сторонѣ отъ всего «австралійскаго», а Тасманія дремлетъ, оставаясь индиферентной ко всему.

Все это можетъ показаться страннымъ, въ особенности европейскому путешественнику, мало знакомому съ австралійскими условіями. Не слѣдуетъ забывать, что пространство Австраліи почти такъ же велико, какъ и Европы, и Новая Зеландія находится на разстояніи пяти дней пути отъ австралійскаго материка. Въ настоящее время вліяніе разстояній, благодаря усовершенствованію путей сообщенія, почти устранено, но зато на сцену выступило различіе интересовъ; напр.: Викторія—страна по преимуществу земледѣльческая и рѣзко протекціонистская. Квинслендъ—страна тропическихъ культуръ, нуждающаяся поэтому въ ремесленникахъ, китайскихъ или индѣйскихъ, которыхъ другія колоніи отвергаютъ съ отвращеніемъ. Новый Южный Валлисъ обладаетъ прекрасными угольными копями и превосходными портами; онъ стремится стать промышленнымъ и коммерческимъ центромъ Австраліи и играть среди молодыхъ націй въ тихоокеанской области ту же роль, какую играетъ Англія среди европейскихъ государствъ. Всѣ эти интересы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются и заявляютъ о себѣ и поэтому необходимость образованія федераціи ощущается все сильнѣе. Идея такой федераціи давно уже зародилась въ австралійскихъ колоніяхъ. Къ ней стремятся, во-первыхъ, всѣ независимые колонисты, республиканцы, которые видятъ въ этомъ первый шагъ къ окончательному освобожденію Австраліи изъ подъ англійскаго владычества. Во-вторыхъ, о федераціи австралійскихъ колоній мечтаютъ также и англичане имперіалисты, такъ какъ имъ очень нравится мысль, что въ южномъ полушаріи будетъ существовать большое государство, подчиненное Англіи. Но кромѣ этихъ двухъ партій, стремящихся къ одной и той же цѣли, только съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, существуетъ еще цѣлый классъ честолюбивыхъ политиковъ, которые желали бы дѣйствовать на болѣе широкомъ поприщѣ, нежели тотъ, который имъ могутъ предоставить простыя колоніи. Эти господа постоянно заявляютъ о своей преданности дѣлу, ловко пользуясь, смотря по обстоятельствамъ, тѣмъ или другимъ двигателемъ, т. е. стремленіемъ къ независимости или имперіализмомъ.

Идея федераціи впервые была предложена самой Англіей въ 1855—1856 г., когда колоніи получили отъ нея свободную конституцію, которая и до сихъ поръ остается въ силѣ. Къ несчастію, проектъ федераціи былъ тѣсно связанъ съ цѣлымъ рядомъ мѣръ, въ высшей степени непопулярныхъ въ колоніяхъ, какъ, напримѣръ, учрежденіе австралійской аристократіи, и поэтому онъ вмѣстѣ съ этими мѣрами былъ отвергнутъ. Довольно долго никто и не вспоминалъ о федераціи, но мало-по-малу идея эта снова выплыла на поверхность подъ вліяніемъ страха, что въ случаѣ европейскихъ осложненій, въ которыхъ будетъ участвовать Англія, колоніи не въ состояніи будутъ защищаться отъ нападенія враговъ. Австралійская печать, подхватившая эту идею, энергично повела агитацію и мало-по-малу это привело къ тому, что англійскій парламентъ, хотя и съ большою неохотой, все-таки вотировалъ билль, разрѣшающій образованіе федеральнаго совѣта изъ делегатовъ различныхъ колоніальныхъ правительствъ. Первое собраніе этого совѣта состоялось въ 1886 году, но такъ какъ онъ былъ лишенъ всякого способа дѣйствій, то роль его была чисто платоническая. Агитація поэтому не только не улеглась, но еще усилилась и привела, наконецъ къ образованію національнаго австралійскаго конвента, которому поручено было выработать проектъ федеральной конституціи. Съ каждымъ годомъ связь колоній съ метрополіей слабѣетъ и теперь окончательное отпаденіе австралійскихъ колоній и учрежденіе свободной австралійской федераціи сдѣлалось только вопросомъ времени.

Международный географическій конгрессъ. Конецъ лѣта и осень представляютъ настоящій сезонъ всевозможныхъ конгрессовъ, научныхъ, общественныхъ и политическихъ. Нынѣшній годъ, конечно, не составилъ въ этомъ случаѣ исключенія и въ особенности начало осени было обильно конгрессами всякаго рода. Въ Берлинѣ только что закончилъ свои работы международный географическій конгрессъ, на которомъ выдающееся мѣсто было отведено полярнымъ странамъ и океанографіи. Африка также послужила предметомъ многихъ очень интересныхъ докладовъ. Между прочимъ обратили на себя особенное вниманіе доклады профессора Швейнфурта и графа фонъ-Гёценъ, германскаго офицера, совершившаго смѣлое путешествіе въ области источниковъ Нила, въ странѣ Руанда, климатическія условія которой особенно благопріятны для населенія бѣлой расы. Но истинно восторженный пріемъ былъ оказанъ Фритіофу Нансену, когда онъ поднялся, чтобы читать свой докладъ. Огромная зала германскаго рейхстага, въ которой происходили засѣданія конгресса и всѣ трибуны были переполнены публикой, ожидавшей появленія «героя полярной ночи и льдовъ».

Докладъ Нансена продолжался 1½ часа, но публика слушала его съ большимъ вниманіемъ и безъ всякаго утомленія, хотя онъ излагалъ главнымъ образомъ чисто научные океанографическіе результаты своей экспедиціи. Онъ даже предупредилъ своихъ слушателей, что боится показаться скучнымъ, такъ какъ будетъ говорить о географіи. По его мнѣнію, важнѣйшій научный результатъ экспедиціи «Fram»—это открытіе глубокаго полярнаго моря. За 79° широты море внезапно становится очень глубокимъ и морское дно понижается сразу съ 50 до 150 метровъ и затѣмъ быстро доходитъ до 1.000 и даже до 3.850 метровъ глубины. Прежде Полярное море вовсе не считалось глубокимъ, но теперь это воззрѣніе приходится отвергнуть; мелкая часть полярнаго моря представляетъ бассейнъ не болѣе, какъ въ 3—4000 метровъ. Можно было бы считать это море продолженіемъ Атлантическаго океана, но Нансенъ этого не думаетъ и полагаетъ, что оно отдѣлено подводнымъ горнымъ хребтомъ. Что касается температуры воды, то Нансенъ раздѣляетъ полярное море, отъ его поверхности до дна, на три зоны, заключающія въ себѣ воду весьма неодинаковой плотности и температуры: наверху вода холодна и бѣдна солью, внизу находятся настоящія воды Гольфстрема, съ болѣе высокою температурой и большимъ содержаніемъ соли. Между ними заключается слой воды, обнаруживающій большія колебанія какъ относительно плотности, такъ и относительно температуры. Нансенъ приходитъ къ заключенію, что полярное море—это внутреннее море, а вовсе не открытый океанъ, какъ это думали раньше.

Во второй части своего доклада Нансенъ говорилъ о теченіяхъ въ полярномъ морѣ. Теплая и прѣсная вода доставляется полярному морю съ разныхъ сторонъ: сибирскими и американскими рѣками, морскимъ теченіемъ Берингова пролива и Гольфстремомъ. Наименьшую роль тутъ играютъ атмосферные осадки. Вслѣдствіе такого прилива теплыхъ и прѣсныхъ водъ въ полярномъ морѣ образуются громадныя массы льда, вліяющія на охлажденіе тамошняго климата. Еслибъ можно было отвести всѣ сибирскія рѣки и теченіе Берингова пролива, оставивъ только одинъ Гольфстремъ, то послѣдній охладился бы гораздо сильнѣе, но льдовъ образовывалось бы меньше и климатъ стали бы мягче. Если же удалось бы отвести также Гольфстремъ, то полярное море замерзло бы отъ поверхности до самаго дна.

Для производства наблюденій въ полярной области лучше всего можетъ служить такое судно, какъ «Fram». Нансенъ выразилъ желаніе, чтобы новыя экспедиція дополнили то, что сдѣлано его экспедиціей. Онъ закончилъ слѣдующими словами, которыя произвели глубокое впечатлѣніе: «Для изслѣдователей время насилій уже прошло. Теперь мы должны стремиться къ тому, чтобы завоевать и подчинить себѣ природу, а не людей! Цѣлью всякихъ открытій должна слу-

жить наука, а не слава. Мы пускаемся въ далекій путь, производить свои изслѣдованія, открытія, потому что мы хотимъ знать, а не ради какихъ-либо выгодъ. Каждый изслѣдователь долженъ брать своимъ девизомъ слово: «впередъ!»

Эти слова Нансена были покрыты громомъ рукоплесканій и возгласами: «Fram! Fram!» (по-норвежски: впередъ). Нансенъ продолжалъ: «Какія бы великія тайны ни скрывали отъ насъ неизвѣданныя пространства у обоихъ полюсовъ земного шара, мы хотимъ ихъ знать, мы должны ихъ узнать, потому что мы не можемъ успокоиться, пока не будемъ владѣть всею планетой». Свою рѣчь Нансенъ заключилъ пожеланіемъ счастья и успѣха двумъ антарктическимъ экспедиціямъ, германской и англійской, которыя отправляются къ южному полюсу, чтобы извѣдать его тайны. Тысячная толпа, наполнявшая залу рейхстага, присоединилась къ этому пожеланію Нансена

Вопросъ о томъ, гдѣ и когда соберется слѣдующій географическій конгрессъ, еще не рѣшенъ. Думаютъ подождать возвращенія и результатовъ новыхъ полярныхъ экспедицій.

Культъ военныхъ героевъ въ Америкѣ. Побѣды, одержанныя американскимъ оружіемъ въ войнѣ съ испанцами, вызвали къ жизни дремавшіе инстинкты американскихъ гражданъ и стремленія къ военной славѣ, отъ которыхъ, казалось, они были свободны до сихъ поръ, благодаря тому, что духъ милитаризма, охватившій всю Европу, не проникалъ еще въ Америку. Но теперь, повидимому, зараза эта распространилась и на Соединенные Штаты, доказательствомъ чего служитъ необыкновенныя чествованія адмирала Дьюея, героя испанской войны, который теперь только вернулся въ Америку. Адмиралъ Дьюей теперь народный герой, и нѣтъ человѣка, болѣе популярнаго, во всей Сѣверной Америкѣ. Со временъ Вашингтона никто не возбуждалъ такого единодушнаго восхищенія въ цѣломъ народѣ, какъ этотъ военный герой, доставившій американцамъ то, чѣмъ повидимому больше всего дорожатъ всѣ народы на свѣтѣ, т. е. военную славу. Не существуетъ ни одного закоулка на всей обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ бы не красовались его портреты; навѣрное, даже индѣйцы прерій хорошо знакомы съ чертами лица адмирала. Безчисленное множество дѣтей, родившихся въ теченіе послѣднихъ 18 мѣсяцевъ названы именемъ этого героя; разумѣется, и промышленность также не замедлила воспользоваться этимъ всеобщимъ увлеченіемъ, и окрестила его именемъ разные продукты производства. Два мѣсяца въ Соединенныхъ Штатахъ ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о готовящемся чествованіи. Въ Нью-Іоркѣ учрежденъ былъ комитетъ, который долженъ былъ организовать празднества въ честь адмирала, и за десять дней до его пріѣзда ни въ одномъ отелѣ нельзя было найти комнаты, ни за какую цѣну, а за окна, изъ которыхъ можно было бы любоваться дефилированіемъ процессій въ 30,000 человѣкъ, платили, по истинѣ, безумныя цѣны, отъ 500 до 5,000 фр. за окно.

Такимъ образомъ американцы отпраздновали теперь «Dewey day» совершенно также, какъ они праздновали до сихъ поръ «Lincoln day» и «Washington day». Крупныя издательскія фирмы, конечно, выпустили къ этому времени брошюры съ его біографіей и приложеніемъ его подвиговъ. Къ адмиралу Дьюею можно вполнѣ приложить слова Ренана, что великіе генералы только тогда получаютъ названіе великихъ, когда они имѣли успѣхъ. Дьюей обязанъ славой именно своей военной удачѣ. Въ началѣ 1898 г. имя его никому не было извѣстно. Онъ былъ хорошимъ офицеромъ американскаго флота, котораго любили какъ товарищи, такъ и подчиненные, но никто не рѣшился бы пророчить ему тогда такіе лавры, какими онъ украшенъ теперь. Въ Вашингтонскомъ элегантномъ обществѣ онъ пользовался большою извѣстностью и репутаціей не только изящнаго джентльмена, но и большого щеголя, такъ какъ всегда былъ одѣтъ по

самой послѣдней модѣ. Поэтому многіе были чрезвычайно удивлены его назначеніемъ на должность главнокомандующаго восточной эскадры во время кубанской войны. «Дьюей!—воскликнулъ одинъ изъ членовъ Совѣта адмиралтейства, когда Роозевельтъ, статсъ-секретарь по дѣламъ флота, предложилъ назначить Девея.—Я удивляюсь, какъ вы можете рекомендовать такого свѣтскаго дэнди».—«Мнѣ это все-равно, дэнди онъ или нѣтъ,—замѣтилъ хладнокровно Роозевельтъ—мнѣ надо имѣть только такого человѣка, который бы умѣлъ сражаться. Что мнѣ за дѣло до формы его воротничковъ!»

Такимъ образомъ Дьюей былъ назначенъ, и скоро показалъ, на что онъ способенъ. Когда было получено изъ Манильи извѣстіе объ истребленіи испанскаго флота, то онъ сразу превратился въ народнаго героя. Опьяненный его побѣдами американскій народъ не зналъ, какъ прославить его. Во всѣхъ журналахъ появились его портреты и газетныя репортеры стали собирать о немъ всевозможныя свѣдѣнія, розыскивать его родныхъ, друзей дѣтства. Они даже отыскали какого-то деревенскаго учителя, у котораго нѣкогда обучался Дьюей. Этотъ учитель разсказалъ, что Дьюей былъ очень лѣнивъ и непослушенъ, и онъ даже однажды высѣкъ его за какой-то проступокъ. Тотчасъ-же портретъ этого учителя былъ помѣщенъ въ газетахъ рядомъ съ портретомъ народнаго героя, котораго онъ нѣкогда подвергнулъ тѣлесному наказанію.

Демократическая печать попробовала было воспользоваться обаяніемъ, которымъ пользуется теперь Дьюей среди американцевъ, и предложить его кандидатуру на предстоящихъ президентскихъ выборахъ. Дѣйствительно, въ данную минуту только Дьюей могъ бы быть опаснымъ конкурентомъ Брайена и счастливымъ соперникомъ Макъ Кинлея, но тѣ, кто знаетъ этого военнаго героя, знаютъ также его отвращеніе къ политикѣ и увѣрены, что онъ никогда бы не согласился занять постъ президента.

Фельетонные романы и ихъ поставщики. Спеціальная литература, наполняющая фельетоны наиболѣе дешевыхъ и распространенныхъ газетъ, такъ называемой бульварной прессы во Франціи, справедливо вызываетъ нареканія со стороны моралистовъ и писателей, уважающихъ свою профессію. Эта литература, весь успѣхъ которой зависитъ отъ умѣнья угодить низменнымъ вкусамъ толпы и возбудить нездоровое любопытство, наполняетъ головы своихъ читателей ложными взглядами и понятіями и содѣйствуетъ, по мнѣнію многихъ соціальныхъ писателей, отупѣнію массъ въ такой же мѣрѣ, какъ и алкоголь. Но она процвѣтаетъ не въ одной только Франціи; мало найдется цивилизованныхъ націй, которыя были бы избавлены отъ этого зла. Писать фельетонные романы очень выгодно и нѣтъ ничего удивительнаго, что этотъ родъ литературы превратился въ своего рода крупную промышленность. Французскій журналистъ Лолье сообщаетъ въ «Revue des Revues» любопытныя свѣдѣнія на этотъ счетъ. Въ настоящее время фельетонный романъ фабрикуется совершенно такъ же, какъ фабрикуются разные другіе продукты промышленности и точно также для этого существуютъ спеціальныя мастерскія. Отъ поставщика такого товара требуется необычайная быстрота производства, умѣнье нанизывать событія одно на другое и постоянно возбуждать интересъ и любопытство читателей, совершенно не заботясь о правдоподобности и даже связности своего разсказа. Средняя длина фельетоннаго романа: 20.000—60.000 строкъ. Знаменитый фабрикантъ такихъ романовъ Ксавье де-Монтепенъ написалъ романъ, который печатался въ теченіе двухъ лѣтъ. Но вообще матеріалъ, изъ котораго фабрикуются фельетонные романы, долженъ обладать чрезвычайною эластичностью, чтобы его можно было по желанію и удлинить, и сократить, смотря по надобностямъ газеты или самого автора романа. Лолье цитируетъ нѣсколько примѣровъ. Не менѣе знаменитый, чѣмъ Ксавье де-Монтепенъ, Понсонъ дю-Террайль обладалъ

особеннымъ искусствомъ кроить свои романы по всякой мѣркѣ, нисколько не заботясь о правдоподобности и согласованіи подробностей. Однажды, когда онъ писалъ одинъ изъ своихъ безконечныхъ романовъ, наполняя фельетоны самыми изумительными приключеніями и растягивая романъ до невозможныхъ предѣловъ, онъ вдругъ рѣшилъ, что пора его кончить, почувствовавъ, наконецъ, что фантазія у него изсякла. Въ тотъ же день вечеромъ онъ встрѣтилъ редактора газеты, въ которой писалъ.

— Какъ!—вскричалъ тотъ ошеломленный.—Вы кончили романъ, въ самомъ дѣлѣ кончили? Да развѣ это возможно! Наканунѣ возобновленія подписки! Развѣ ваши герои не могутъ исчезнуть двумя сутками позднѣе?

— У меня ужъ не осталось ни одного героя,—отвѣчалъ Понсонъ дю-Террайль.—Я ихъ всѣхъ убилъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, не огорчайте меня. Вѣдь у васъ остается еще одинъ герой, такой интересный измѣнникъ... Я знаю, что трудно вамъ выпутать его изъ положенія, въ которое онъ у васъ поставленъ и онъ долженъ погибнуть. Но мнѣ это все равно. Мнѣ нужно, чтобы подъ фельетономъ стояло: «*продолженіе завтра*». Устройте это какъ-нибудь.

Понсонъ дю-Террайль, конечно, устроилъ и растянулъ романъ еще на цѣлую главу.

Другой примѣръ: Поль Дюплесси, поставщикъ фельетоновъ для газеты «Patrie», встрѣчаетъ своего пріятеля, скульптора Милье, который только что началъ свою артистическую карьеру. Милье останавливаетъ его съ очень озабоченнымъ видомъ и говоритъ: «Скорѣе, скажи мнѣ, мой отецъ читаетъ каждое утро твой фельетонъ съ величайшимъ интересомъ. Сегодня ты оставилъ свою графиню въ самомъ отчаянномъ положеніи; она попала въ ловушку и окружена людьми, которые хотятъ ее погубить... Она умретъ?

— Да,—отвѣчалъ Дюплесси.—Ее убиваетъ кинжаломъ корсиканецъ Аффіани.

— Вотъ бѣда!—воскликнулъ Милье.

— А тебѣ то что за дѣло?—замѣтилъ съ удивленіемъ Дюплесси.

— Но это меня интересуетъ въ высшей степени. Видишь ли, отецъ держалъ со мною пари, что она умретъ, а я, думая, что графиня тебѣ еще понадобится для другихъ фельетоновъ, полагалъ, что ей удастся спастись.

— И большое пари?

— Десять луидоровъ.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ Дюплесси и, вынувъ часы, посмотрѣлъ на нихъ.—Девять часовъ... у меня еще есть время спасти графиню. Я сейчасъ беру фіакръ и ѣду въ типографію.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ты не шутишь?

— Ну, вотъ еще. Это меньшее, что я могу сдѣлать для друга!

Такимъ образомъ романъ получилъ другую развязку, неожиданную даже для самого автора.

Превращеніе фельетонной литературы въ своего рода крупную промышленность породило другое зло—предпринимателей. Къ стыду литературы приходится сказать, что не мало находится такихъ писателей, которые, заключивъ договоръ съ какимъ-нибудь издателемъ бульварной газеты на поставку ему романа въ столько-то строкъ, передаютъ эту работу другому, какому-нибудь неудачнику, разумѣется, за болѣе дешевую плату, а сами только подписываютъ свое имя подъ этимъ фельетономъ. Случается, что этотъ другой передаетъ работу третьему, за еще болѣе дешевую плату, а тотъ, чья подпись красуется подъ фельетономъ, часто даже не знаетъ, что содержитъ этотъ фельетонъ. Лолье разсказываетъ по этому поводу слѣдующій фактъ: одинъ изъ наиболѣе популярныхъ поставщиковъ романовъ для бульварной прессы, нѣкто X. заключилъ договоръ съ однимъ издателемъ, представивъ ему только названіе романа. Онъ даже не зналъ, что

будетъ заключаться въ этомъ романѣ, да и не было въ этомъ надобности—у него былъ подъ рукою человѣкъ, который за него дѣлалъ эту работу, писалъ фельетонъ, а ему оставалось только подписывать свое имя. X. давно уже занимался такой антрепризой и былъ спокоенъ. Но вдругъ, въ самый разгаръ печатанія романа, его поставщикъ заболѣваетъ и умираетъ. X. приходитъ въ отчаяніе. Что дѣлать? Онъ даже не читалъ ни одного фельетона и не знаетъ, о чемъ идетъ рѣчь. Какъ же онъ кончитъ романъ. Но тутъ ему па выручку является третье лицо, которое и сообщаетъ растерявшемуся фельетонисту, что онъ настоящій авторъ романа, такъ какъ покойный, въ свою очередь, занимался антрепризой и онъ ему поставлялъ фельетоны для X. ровно за половинную плату. Если X. желаетъ ему заплатить столько же, сколько платилъ покойнику, то онъ кончитъ романъ. Разумѣется, X. съ восторгомъ согласился и романъ такимъ образомъ достигъ благополучнаго окончанія.

Одинъ изъ очень извѣстныхъ современныхъ романистовъ,—разсказываетъ далѣе Лоллье,—имѣя нужду въ деньгахъ, тоже попробовалъ заняться фельетонной антрепризой. Онъ заключилъ контрактъ, придумавъ названіе, и безъ труда отыскалъ такого неудачника театрала, который согласился сдѣлать за него работу за небольшое вознагражденіе. Но романистъ, въ вихрѣ свѣтской жизни, забылъ заплатить своему поставщику, хотя самъ исправно получилъ деньги за фельетонъ, не имъ написанный. Бѣдняга, трудившійся для него и не получившій за это ни гроша, рѣшилъ отомстить ему слѣдующимъ образомъ: онъ сталъ выводить его въ своихъ фельетонахъ, осмѣивать его на всѣ лады, и дѣлалъ это такъ искусно и прозрачно, что скоро всѣ догадались о комъ идетъ рѣчь. Это было тѣмъ болѣе пикантно, что подъ фельетонами стояла подпись романиста и выходило такъ, что самъ авторъ выставляетъ себя на посмѣшище. Романистъ, никогда не читавшій фельетоновъ, подъ которыми стояло его имя, не подозрѣвалъ объ этомъ, но однажды одинъ изъ его пріятелей сказалъ ему:

— Какая муха васъ укусила? Что за фантазія чернить себя подобнымъ образомъ въ своихъ собственныхъ фельетонахъ? Дѣйствительно, это совсѣмъ новый способъ создавать себѣ рекламу, но я не нахожу его лучшимъ!

— Ба! Что вы мнѣ такое разсказываете?—воскликнулъ романистъ.—Развѣ я знаю, что тамъ печатается въ моихъ фельетонахъ? Не я ихъ писалъ и у меня нѣтъ времени ихъ прочитывать.

Но какъ помочь злу, какъ уничтожить эту промышленность, позорящую литературу и поднять нравственный интеллектуальный уровень фельетонныхъ романовъ? Прибѣгая къ модному средству — «enquête», «Revue des Revues» обращается съ этимъ вопросомъ къ разнымъ писателямъ и ученымъ и печатаетъ полученные отвѣты. Мнѣнія, какъ это видно изъ отвѣтовъ, на этотъ счетъ раздѣляются. Нѣкоторые, въ томъ числѣ Поль Аданъ, считаютъ зло непоправимымъ. Это совпадаетъ и съ мнѣніемъ Лоллье, который разсказываетъ, что Андре Терье и Альфонсъ Додэ пробовали свои силы на поприщѣ фельетоннаго романа, но успѣха не имѣли. Читатели мелкой прессы не оцѣнили ихъ таланта и предпочитали имъ грубую фабрикацію обычныхъ поставщиковъ. Впрочемъ, не всѣ высказываютъ такіе пессимистическіе взгляды, есть и оптимисты. Морисъ Барресъ и Габріель Сеайль (профессоръ Сорбонны) сходятся на этотъ разъ въ своихъ взглядахъ и говорятъ, что прежде всего надо преобразовать общество, тогда преобразуется и литература. «Создать народную литературу!— Это не литературная проблема, а экономическая», говоритъ Морисъ Барресъ. Съ нимъ соглашается и Беранже, заявляющій, что главною миссіей писателей и дѣятелей должно быть поднятіе толпы до уровня избранныхъ, чтобы она могла составить аудиторію геніевъ! Другіе писатели (Бриссонъ, Базенъ, Кларесси и т. д.) не столь требовательны и не мечтаютъ о созданіи

новаго общества, которое должно предшествовать реформѣ фельетона. Это было бы слишкомъ долго, говорятъ они. Они не надѣются, чтобы толпа, имѣющая лишь короткій досугъ, стала бы развлекаться чтеніемъ Гомера, Шекспира и т. п. Для нея нужно занимательное чтеніе, такое, которое могло бы отвлечь ея на время отъ дѣйствительности, но то чтеніе, которое теперь ей предлагаютъ въ видѣ фельетонныхъ романовъ, конечно, представляетъ ядъ, медленно отравляющій соціальный организмъ. Имѣя это въ виду, «Revue des Revues» организуетъ конкурсъ народныхъ романовъ.

Новая пьеса Гергарда Гауптманна «Праздникъ мира» (Das Friedensfest). 14-го (2-го) октября сего года въ Берлинѣ въ нѣмецкомъ театрѣ въ первый разъ шла новая пьеса Гергарда Гауптманна: «Праздникъ мира», семейная драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Публика и печать встрѣтили новое произведеніе знаменитаго драматурга съ большимъ энтузіазмомъ, и не напрасно; «Праздникъ мира» заслуживаетъ полнаго вниманія, публики, такъ какъ въ этой пьесѣ Гауптманнъ, по своему обыкновенію, затрогиваетъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ современности,—основы современной семьи.

Въ драмѣ «Праздникъ мира» предъ нами открывается ужасающая картина семейнаго разлада, гнетущаго мучительнаго раздора, болѣзненной натянутости семейныхъ отношеній. Содержаніе этой мрачной семейной драмы взято изъ нѣмецкой, или, вѣрнѣе, сѣверо-германской жизни, причемъ развитіе драмы основывается на происшествіи, весьма обыкновенномъ: нѣкій докторъ Шольцъ, человѣкъ 40 лѣтъ, невропатъ и алкоголикъ, женится на молоденькой, шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ, только что сошедшей со школьной скамьи, не знающей ни жизни, ни людей. Бракъ ихъ—одинъ изъ самыхъ несчастныхъ. По словамъ Роберта Шольца, ихъ сына, это — «неподвижное, гнилое, бурлящее болото. Любви — ни слѣда; взаимнаго пониманія — нуль», и, — продолжаетъ Роберръ Шольцъ,—«вотъ та грядка, на которой мы, дѣти, выросли».

Дѣти Шольцевъ наслѣдуютъ отъ отца нервность, болѣзненность и являются яркими типами вырожденія. Вліяніе дурной наслѣдственности усиливается ненормальнымъ воспитаніемъ среди постоянныхъ ссоръ, дрязгъ и унизительныхъ семейныхъ сценъ, являющихся необходимымъ послѣдствіемъ взаимнаго непониманія супруговъ. Тяжелая, гнетущая атмосфера въ домѣ Шольцевъ все сгущается и, наконецъ, происходитъ катастрофа: Вильгельмъ Шольцъ (сынъ) и старикъ Шольцъ покидаютъ оба родной кровъ послѣ бурной сцены, во время которой сынъ замахнулся на отца. Но послѣ отъѣзда старика Шольца и сына, мелкія дрязги, споры въ семьѣ Шольцевъ не утихаютъ, благодаря наслѣдственной, ненормальной раздражительности Августы и Роберта Шольцъ, которые оба являются несчастными, неудовлетворенными невропатами. Единственнымъ примиряющимъ мотивомъ въ «Праздникѣ мира» служитъ вмѣшательство въ семейныя отношенія Шольцевъ Иды, невѣсты Вильгельма, которая уговариваетъ своего возлюбленнаго возвратиться въ отеческій домъ. Вильгельмъ возвращается какъ разъ къ Рождественской ёлкѣ (почему драма и названа «Праздникъ мира») и Ида надѣется на умиротвореніе семейной вражды. Но и въ этотъ вечеръ, какъ увидимъ, Шольцамъ не суждено отпраздновать «Праздникъ мира». Началомъ и исходнымъ пунктомъ пьесы и является тотъ моментъ, когда ярче всего выступаетъ невозможность мира въ семьѣ Шольцевъ, несмотря на старанія и попытки самихъ членовъ семьи. Миръ, согласіе, даже обыкновенное доброжелательство для семьи Шольцевъ должны остаться иллюзіей, сказочной мечтой. Положеніе еще осложняется неожиданнымъ возвращеніемъ старика Шольца, а слѣдствіемъ его возвращенія опять являются бурныя домашнія сцены, ударъ и смерть отца-Шольца. Августа, явившаяся предлогомъ послѣдней ссоры отца съ Робертомъ, въ отчаяніи восклицаетъ: «кто виноватъ,

кто—кто?!» На этотъ вопросъ предоставляется отвѣтить самой публикѣ. Виновата ли г-жа Шольцъ, что вышла замужъ за алкоголика и невропата? Но вѣдь она не могла знать печальныхъ послѣдствій такого брака, такъ какъ, по словамъ Роберта, была еще такъ наивна незадолго до свадьбы, что вѣрила, «будто Америка свѣтитъ на небѣ въ видѣ звѣзды»... Можно ли обвинять самого Шольца, какъ болѣе сознательно относившагося къ жизни? Можно ли вообще кого-нибудь обвинять за то, что современныя общественныя отношенія дѣлаютъ возможными такого рода браки? Повторяемъ: вопросъ остается нерѣшеннымъ. Еще одинъ нерѣшенный самою драмою вопросъ навязывается читателю при чтеніи разговора Роберта и Вильгельма, а затѣмъ послѣдняго съ Идой въ послѣднемъ актѣ: Не будетъ ли бракъ Иды и Вильгельма такъ же несчастенъ, какъ и бракъ стариковъ Шольцевъ? Робертъ, какъ пессимистъ и строгій аналитикъ, указываетъ брату на то, что въ его бракѣ съ Идой должна повториться исторія брака ихъ отца и матери. На возраженіе Вильгельма: «Но вѣдь каждый человѣкъ—*новый* человѣкъ», Робертъ отвѣчаетъ: «ты служишь явнымъ доказательствомъ противнаго». Ида оптимистичнѣе Роберта. На чемъ основываются ея увѣренія въ томъ, что ихъ бракъ будетъ «иной»? Ида можетъ только сказать, что она «чувствуетъ это, и эти ея увѣренія въ томъ, что у нихъ все устроится «*иначе*», являются примиряющими нотами въ аккордѣ мрачнаго пессимизма «Праздника мира».

Относительно внѣшней стороны драмы можно сказать, что она довольно сжата, отчего только усиливается ея эффектъ на сценѣ. Внѣшняго дѣйствія въ ней мало, все вниманіе зрителя сосредоточивается на внутренней, психологической работѣ героевъ, и въ этой-то психологической работѣ заключается весь трагизмъ «Праздника мира» и вся его цѣнность.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Revue des Revues».—«Nineteenth Century».—«Fortnightly Review»—«Revue de Paris».

Мы уже сообщали въ одномъ изъ предшествующихъ нумеровъ нашего журнала объ открытіи въ Оксфордѣ коллегіи Джона Рёскина, спеціально предназначенной для рабочихъ. Коллегія уже начала свою дѣятельность и обнародовала программы своихъ занятій. Студенты коллегіи раздѣляются на постоянныхъ и вольнослушателей: къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ тѣ рабочіе, которые не могутъ покинуть своихъ занятій, но желаютъ ежедневно посвящать свободные часы на свое интеллектуальное развитіе. Коллегія указываетъ имъ программу занятій, исправляетъ ихъ работы и дѣлаетъ имъ разныя указанія и замѣчанія по этому поводу. За небольшую плату студентъ получаетъ на долгій срокъ книги и всякія пособія изъ коллегіи. «Revue des Revues», въ статьѣ подробно описывающей занятія въ коллегіи, говоритъ, что вольнослушателю, считая всѣ расходы, приходится платить коллегіи 32 фр. въ годъ.

Занятія распредѣляются такимъ образомъ: утромъ лекціи и подготовка къ нимъ; послѣ обѣда спортъ, точь-въ-точь, какъ въ другихъ университетскихъ коллегіяхъ, или ручной трудъ. Но нѣкоторымъ изъ студентовъ приходится эти часы досуга употреблять на то, чтобы заработать на свое содержаніе; одинъ изъ нихъ, напримѣръ, огородникъ по профессіи, арендовалъ клочекъ земли въ окрестностяхъ Оксфорда и занимается въ свободное время разведеніемъ овощей на продажу. Вечеромъ публичное чтеніе или дебаты и индивидуальныя занятія. Разъ въ недѣлю устраивается музыкальный вечеръ. Почти каждый изъ студентовъ умѣетъ играть на какомъ-нибудь инструментѣ. Оксфордскіе рабочіе присоединились къ студентамъ коллегіи для занятія музыкой и вмѣстѣ образо-

вали очень недурной оркестръ. Но главное вниманіе въ коллегіи все-таки обращено на индивидуальное обученіе; профессора очень часто исправляютъ письменныя работы студентовъ въ ихъ присутствіи и устно объясняютъ имъ сдѣланныя ими ошибки. Программы по исторіи, политической экономіи, соціологіи и литературѣ уже установлены на каждый мѣсяцъ. Въ теченіе перваго мѣсяца студенты должны пройти исторію Англіи до реставраціи и сдѣлать письменныя работы на заданныя темы. По англійской литературѣ въ первый мѣсяцъ студенты должны ознакомиться съ языческимъ и христіанскимъ періодами англійской поэзіи, съ прозой и поэзіей до нормандскаго завоеванія, а въ письменныхъ работахъ они должны выяснить вліяніе христіанства на первобытную англійскую поэзію и характеръ древнихъ англійскихъ поэмъ.

По соціологіи: принятое руководство въ коллегіи Herbert Spencer «Principles of Sociology». Въ первую недѣлю занятій студенты знакомятся съ тремя родами эволюціи и съ главными факторами всѣхъ явленій природы, а также съ высшею органическою эволюціей, которая существуетъ среди животныхъ. Вторая и третья недѣли посвящаются изученію вліяній почвы и атмосферы на человѣка, различій, существующихъ между доисторическимъ и современнымъ человѣкомъ и подробному знакомству съ первобытнымъ человѣкомъ, его физическими, умственными и духовными качествами; въ теченіе послѣдней четвертой недѣли перваго мѣсяца занятій слушатели подробно знакомятся съ первобытными идеями и ихъ характеромъ.

Любопытныя свѣдѣнія «Revue des Revues» сообщаетъ о студентахъ этой коллегіи для рабочихъ. Всевозможныя профессіи имѣютъ тутъ своихъ представителей; возрастъ также очень разнообразенъ: отъ 20 до 50 лѣтъ Почти всѣ получили хорошее первоначальное воспитаніе въ школѣ и по окончаніи школы кое-что читали. Каждый изъ поступающихъ въ коллегію обязанъ представить нѣчто вродѣ своего «curriculum vitae», т. е. сообщить свою профессію, степень образованія и свои политическія воззрѣнія, а также то, къ чему онъ стремится и что желаетъ изучать по преимуществу въ коллегіи. При этомъ студентъ долженъ перечислить тѣ книги, которыя онъ читалъ. У одного изъ поступившихъ въ коллегію студентовъ, странствующаго приказчика, значится въ отдѣлѣ прочитанныхъ книгъ: исторія Англіи, всѣ сочиненія Спенсера, Летурно, Адамъ Смитъ, Гёксли, Дарвинъ, Монтень, Эмерсонъ, Шелли и др. Этотъ начитанный студентъ интересуется больше всего соціологіей и мечтаетъ писать о соціальныхъ вопросахъ. Большинство рабочихъ-студентевъ, стремясь къ самообразованію, мечтаетъ о томъ, чтобы впослѣдствіи употребить свои знанія въ пользу распространенія идей соціальной справедливости. Одинъ изъ студентовъ выразился такъ: «Я стремлюсь къ тому, чтобы при помощи всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя будутъ въ моей власти, заставить людей признать свою солидарность и обращаться другъ съ другомъ, какъ братья!» Но рядомъ съ этими мечтателями находится не мало и практическихъ людей, которые откровенно говорятъ, что стремятся къ образованію для того, чтобы быть впослѣдствіи муниципальными совѣтниками или даже депутатами. Нѣкоторые мечтаютъ о литературной славѣ, ограничивающейся, впрочемъ, дѣятельностью въ какой нибудь небольшой газетѣ, или же объ ораторскихъ успѣхахъ въ какомъ-нибудь общественномъ собраніи.

Во всякомъ случаѣ, даже при бѣгломъ изслѣдованіи этихъ листковъ, на которыхъ поступающіе студенты разъясняютъ свое положеніе, взгляды, стремленія и степень образованія, невольно бросается въ глаза серьезность усилій огромнаго большинства этихъ рабочихъ развить свой умъ и освободить его отъ тѣхъ оковъ, которыя налагаетъ на него невѣжество и предразсудки.

Миссъ Бэнксъ описываетъ въ «Nineteenth Century» весьма мрачными красками расовые предразсудки, до сихъ поръ еще всецѣло господствующіе въ

Соединенныхъ Штатахъ, короче говоря: авторъ статьи не думаетъ, чтобы неграмъ когда-нибудь было отведено подобающее мѣсто въ сѣверной Америкѣ. Имѣть въ своихъ жилахъ хоть каплю цвѣтной крови (coloured blood) равносильно самому позорному клейму въ глазахъ истаго янки. По этому поводу миссъ Бэнксъ разсказываетъ слѣдующую удивительную исторію: она очень интересовалась одною молоденькою дѣвушкой, родители которой были мулаты, но въ наружности молодой дѣвушки не было ничего напоминающаго ея происхожденіе; она была свѣтлая блондинка, съ прекрасными голубыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ лица. Ничто рѣшительно не указывало, что въ ея жилахъ течетъ «coloured blood» и поэтому родители не хотѣли ее отдать въ коллегію негритянокъ, но въ то же время они также опасались отдать ее въ коллегію для бѣлыхъ. Миссъ Бенксъ принимавшая участіе въ этой молоденькой дѣвушкѣ, сказала ея родителямъ, что, по ея мнѣнію, они могли помѣстить ее вполнѣ безопасно въ любую коллегію для бѣлыхъ, такъ какъ никто бы не догадался о ея происхожденіи и она увѣрена, что ей простятъ эту каплю «coloured blood» въ ея жилахъ. Однако, чтобы удостовѣриться, миссъ Бенксъ обратилась съ запросомъ къ директрисамъ разныхъ школъ въ Америкѣ и наконецъ въ Англію. Изъ Англіи она получила отвѣтъ, что ни цвѣтъ кожи, ни присутствіе «coloured blood» въ жилахъ кандидатки не имѣютъ ровно никакого значенія и двери всѣхъ англійскихъ коллегій для нея открыты, равно какъ и для другихъ англійскихъ миссъ, «какого бы онѣ ни было цвѣта». Американки однако совсѣмъ иначе отнеслись къ этому обстоятельству и подъ разными предлогами заявили о полной невозможности принять въ коллегію такую миссъ, въ жилахъ которой течетъ смѣшанная кровь.

Однажды въ Вассаръ колледжъ, этомъ главномъ женскомъ университетѣ въ Соединенныхъ Штатахъ, говоритъ миссъ Бэнксъ, было сдѣлано сенсаціонное открытіе: среди слушательницъ оказалась одна негритянка. Правда, она была очень образована, трудолюбива, добра; кожа у нея была бѣлая, но ея дѣдъ съ материнской стороны былъ «цвѣтной джентльменъ». Когда это обстоятельство сдѣлалось извѣстно въ коллегіи, то студентки образовали совѣтъ для обсужденія этого серьезнаго случая и, призвавъ виновницу, рѣзко упрекали ее въ томъ, что она скрывала свое происхожденіе, затѣмъ большія пререканія возбудилъ вопросъ: слѣдуетъ или не слѣдуетъ допустить «негритянку» до послѣдняго экзамена. Къ счастью для этой послѣдней, голоса раздѣлились и ей было позволено сдавать экзаменъ.

«Я ничего не знаю трогательнѣе и тяжелѣе положенія такого человѣка въ сѣверныхъ штатахъ,—прибавляетъ миссъ Бэнксъ,—который находится хотя бы въ самомъ отдаленномъ родствѣ съ африканской расой. Какъ бы ни были красивы, умны, изящны и образованы эти люди, они все-таки осуждены вѣчно оставаться паріями въ обществѣ. Они сами по собственной волѣ отдѣлились отъ негровъ, но бѣлые ихъ не принимаютъ въ свою среду, такъ какъ примѣсь африканской крови внушаетъ имъ отвращеніе и ужасъ!»

Вѣроятно, чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе, произведенное на читателя ея статьей, миссъ Бэнксъ въ заключеніе приводитъ слѣдующій забавный анекдотъ, обрисовывающій американцевъ съ точки зрѣнія ихъ отношенія къ неграмъ. «Однажды,—говоритъ она,—мнѣ пришлось присутствовать при разговорѣ политическихъ дѣятелей, спорившихъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ повысить рангъ американскаго посольства въ Лондонѣ. Одни доказывали, что необходимо это сдѣлать, другіе, наоборотъ, находили, что это лишнее и такъ какъ сѣверной Америкѣ некогда заниматься разными дипломатическими церемоніями, то она могла бы смѣло обойтись однимъ генеральнымъ консуломъ, который могъ бы вершить всѣ дѣла. «Позвольте,—замѣтилъ одинъ изъ сторонниковъ проекта возвышенія достоинства американскаго посольства,—вамъ всѣмъ,

должно быть, неизвѣстно, что, согласно церемоніалу, въ Лондонѣ нашъ посланникъ занимаетъ мѣсто позади посланника Гаити, такъ какъ этотъ послѣдній раньше занимаетъ эту должность, чѣмъ нашъ посланникъ.

— Какъ, позади негра!—воскликнули всѣ хоромъ и на лицахъ ихъ выразился неподдѣльный ужасъ.

— Если бы нашъ посланникъ получилъ повышеніе, то онъ занялъ бы мѣсто впереди негра,—возразилъ сторонникъ проекта, и тотчасъ же всѣ эти серьезные люди пришли къ полному соглашенію насчетъ необходимости указанной мѣры, начали агитацію, и мѣра эта была приведена въ исполненіе. Сердца американцевъ теперь спокойны и въ церемоніалѣ американскій посолъ идетъ теперь впереди негра, а не позади его! Въ этомъ заключается тайна внезапнаго повышенія ранга американскаго посольства въ Лондонѣ.

Между прочимъ, миссъ Бэнксъ разсказываетъ, что офицеры американскаго судна отказались сѣсть за столъ рядомъ съ Фредерикомъ Дугласомъ, американскимъ посланникомъ въ Санъ-Доминго. Фредерикъ Дугласъ былъ мулатъ, и хотя онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ, тѣмъ не менѣе, американскіе офицеры не признали его равнымъ; онъ умеръ, и его вдова, не имѣющая въ своихъ жилахъ ни одной капли негритянской крови, живетъ въ полнѣйшемъ уединеніи, такъ какъ ее подвергли остракизму за то, что она рѣшилась выйти замужъ за мулата.

Въ «Fortnightly Review» напечатана статья подъ заглавіемъ: «Философія дѣла Дрейфуса», авторъ которой обсуждаетъ это дѣло съ точки зрѣнія его міроваго значенія. Вопросъ о виновности или невиновности Дрейфуса въ данномъ случаѣ отступаетъ совершенно на второй планъ и на это дѣло нельзя смотрѣть только какъ на борьбу между продажными генералами и офицеромъ-евреемъ, или какъ на борьбу между сторонниками правосудія и ихъ врагами. Истинное значеніе этого дѣла, говоритъ авторъ, заключается въ томъ, что въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются всѣ противоположныя теченія современной Франціи и, главнымъ образомъ, столкновеніе двухъ принциповъ: свободнаго изслѣдованія и религіи. Послѣ войны 1870 г. наступилъ во Франціи періодъ возрожденія, политическаго, военнаго и промышленнаго. Франція сосредоточивала свои силы во всѣхъ направленіяхъ, но это напряженное состояніе стало ослабѣвать мало-по-малу, и съ 1889 г. во французскомъ обществѣ стали обнаруживаться признаки какого-то отвращенія къ жизни, отреченіе отъ прежнихъ идеаловъ и неспособность къ активной дѣятельности. Наступилъ періодъ утомленія и нравственнаго разслабленія, выразившійся господствомъ мистицизма и чувственности въ литературѣ и искусствѣ. Многіе стали мечтать о претендентѣ на французскій престолъ и прежнее порабощеніе могло бы быть возстановлено во Франціи безъ всякаго труда и протеста. Другіе съ какою-то покорностью судьбѣ поддавались теченію, подтверждая упадокъ латинской расы. Героическія времена прошли и страна потеряла вѣру въ свою судьбу. Таковы были моральныя условія Франціи, когда внезапно на сцену явилось дѣло Дрейфуса и снова пробудило въ націи два противоположныхъ теченія. Дрейфусъ былъ только простымъ орудіемъ этихъ двухъ противоположныхъ стремленій, такъ какъ великая борьба должна была вылиться въ какую-нибудь конкретную форму. Эта борьба сотни разъ возникала раньше въ другихъ областяхъ: въ литературѣ, въ религіи, соціологіи. Нѣчто подобное можно было наблюдать во Франціи, въ особенности во времена реформаціи. Франція, представляющаяся въ политическомъ отношеніи наиболѣе объединенной страной, тѣмъ не менѣе, постоянно находилась подъ властью двухъ противоположныхъ теченій, вліяніе которыхъ и борьбу можно прослѣдить на всемъ протяженіи ея исторіи. Съ одной стороны—чрезвычайное пристрастіе къ іерархіи, къ оффиціальной власти, являющееся на-

*

слѣдіемъ ея латинскаго прошлаго и переживаніе котораго мы можемъ наблюдать въ ея католицизмѣ, арміи и даже въ значительной степени въ ея гражданской организаціи. Съ другой стороны—духъ независимости, свободы изслѣдованія, наслѣдованной ею съ сѣвера, подозрительно относящійся ко всякаго рода оффиціальному правительству, никогда не успокоивающійся и вызывавшій великіе историческіе перевороты. Но, несмотря на эти два діаметрально-противоположныя теченія, Франція, все-таки, остается страною власти, наслѣдовавъ отъ своей латинской цивилизаціи суевѣрное преклоненіе предъ малѣйшимъ воплощеніемъ этой власти, передъ каждымъ чиновникомъ, военнымъ или гражданскимъ или духовнымъ лицомъ. Всѣмъ извѣстно также, что католицизмъ всячески поддерживаетъ это идолопоклонство передъ властью.

Борьба двухъ теченій, выразившаяся въ процессѣ Дрейфуса, не была, однако, исключительно только борьбою между правдою и ложью, за исключеніемъ агитаторовъ, фабрикантовъ подлоговъ и всѣхъ любящихъ ловить рыбу въ мутной водѣ, обѣ главныя партіи, столкнувшіяся въ этой борьбѣ, свято вѣрили въ правоту своего дѣла. Представители одной слѣпо вѣрили каждому слову главныхъ жрецовъ своего культа; они преклонялись передъ военнымъ флагомъ и сомнѣнія считали кощунствомъ. Другіе, какъ Золя и Пикаръ, ставили своимъ идеаломъ свободу изслѣдованія и, не колеблясь, провозглашали то, что считали истиной. Но борьба двухъ традицій, двухъ главныхъ теченій началась не съ дѣломъ Дрейфуса и, кончится не съ нимъ. Тѣмъ не менѣе, послѣдствія этого дѣла для внутренняго и внѣшняго положенія Франціи очень велики. Подъ давленіемъ дѣла Дрейфуса прежнія политическія группы были разрушены и должны заново сформироваться. Образовалась «націоналистская» партія, ревниво оберегающая чисто французскія традиціи: военной славы и политики завоеваній. Эта партія упрямо держится за идею реванша, проникнута цезаризмомъ и желаніемъ сильнаго правительства. Въ ней мы видимъ сліяніе прежней клерикальной партіи съ роялистскими и имперіалистскими партіями и всякаго рода сектами, объединившимися на почвѣ крайне узкаго шовинизма. Другая партія, еще не получившая названія, объединила всѣхъ истинныхъ либераловъ, всѣхъ тѣхъ, кто стремится къ прогрессу и кто вѣритъ въ могущество разума. Приверженцы этой партіи находятъ, что «консерваторъ» не долженъ быть синонимомъ «реакціи», что можно желать сохранить все почетное и полезное изъ наслѣдія прошлаго, но въ то же время не противиться устраненію того, что вредно и что уже отжило.

Авторъ твердо вѣритъ въ благодѣтельные для всего человѣчества результаты этой великой борьбы, театромъ которой судьба избрала Францію. Франція доставила для этой великой драмы и актеровъ, и жертвъ, и дала возможность другимъ націямъ извлечь свою пользу изъ того зрѣлища, которое они имѣютъ передъ своими глазами.

Въ pendant съ этой статьей въ «Fortnightly Review» можно привести статью Эрнеста Лависса въ «Revue de Paris», посвященную также дѣлу Дрейфуса и кризису, переживаемому Франціей. Авторъ весьма подробно разсуждаетъ объ исторической связи, существующей между церковью, королемъ и арміей, и отыскиваетъ причины той симпатіи, которая всегда существовала между церковью и арміей. Онъ говоритъ: «Профессіи, сопряженныя съ опасностью для жизни, всегда совпадаютъ съ религіозностью», и «еслибъ религія совсѣмъ исчезла съ лица земли, то все же ея послѣднимъ убѣжищемъ была бы душа солдата и матроса». Такая связь между солдатами и духовенствомъ объясняется исторіей человѣчества и освящена преданіями, поэтому Лависсъ ее считаетъ законной и, подробно излагая взгляды на счетъ тѣхъ реформъ, которыя онъ находитъ нужнымъ произвести въ военномъ воспитаніи, онъ кончаетъ свою статью горячимъ воззваніемъ въ пользу національнаго примиренія и объединенія всѣхъ партій.

Буры и ихъ страна.

Dr. Л. Ланге.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Буры (или боэры, какъ ихъ тоже называютъ)—народъ очень своеобразный, и чтобы познакомиться съ ними, необходимо—какъ и пришлось автору этого очерка—прожить среди нихъ не мало лѣтъ. Къ иностранцамъ они относятся не только сдержанно, но даже враждебно, особенно къ англичанамъ. Нѣмцамъ легче пріобрѣсти ихъ довѣріе; одно время даже, послѣ опубликованія депеши, которою императоръ Вильгельмъ привѣтствовалъ президента Крюгера по поводу удачнаго отраженія разбойническаго набѣга Джемсона, въ южно-африканской республикѣ относились къ нѣмцамъ съ горячей симпатіей. Правда, эта симпатія значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлалось извѣстно, что Сесиль Родсъ, иниціаторъ набѣга, былъ принятъ въ аудіенціи тѣмъ же имп. Вильгельмомъ; не могли успокоить буровъ и всѣ увѣренія нѣмцевъ, что исключительною цѣлью свиданія были переговоры объ устройствѣ африканской желѣзной дороги.

Говоря о бурахъ, необходимо различать городское населеніе отъ сельскаго; только селяне составляютъ настоящую основу и ядро народа. Они ведутъ патріархальную жизнь, часто поразительно напоминающую ветхозавѣтныя картины. Отецъ семьи является неограниченнымъ владыкой; ни одинъ изъ членовъ семьи не осмѣлится противустать его волѣ. Онъ въ то же время и первосвященникъ, и ежедневно совершаетъ короткую службу, что, впрочемъ, въ торжественныхъ случаяхъ производитъ и президентъ Крюгеръ въ столицѣ государства Преторіи. Вообще, президентъ можетъ служить вѣрнымъ представителемъ стараго боэрства. Онъ ведетъ самый простой образъ жизни; любой разбогатѣвшій на золотыхъ пріискахъ промышленникъ позволяетъ себѣ больше роскоши, чѣмъ президентъ Трансваальской республики. То же можно сказать и о тѣхъ 24 бурахъ, которые вмѣстѣ съ нимъ составляютъ парламентъ, фольксраадъ. Естественно, конечно, что богатства отдѣльныхъ буровъ, открывшихъ на своей землѣ золотые пріиски, оказали на нихъ деморализующее дѣйствіе и вызвали стремленіе къ комфорту, въ противоположность той умѣренности, которою они отличались прежде; но эта умѣренность продолжаетъ составлять одно изъ главныхъ достоинствъ массы, оставшейся вѣрной своему старому занятію — скотоводству. Составляя огромное большинство населенія, эти буры-скотоводы, въ свою очередь, распадаются на осѣдлыхъ и кочевыхъ (Treckboers). Осѣдлые, кромѣ скотоводства, занимаются еще земледѣліемъ и находятъ въ городахъ выгодный сбытъ земледѣльческимъ продуктамъ. Иногда они обрабатываютъ свои обширныя фермы собственными силами, съ помощью членовъ семьи, иногда же приспособляютъ для этой цѣли туземцевъ. Что касается кочующихъ буровъ, они въ жаркое время уходятъ въ горы, а къ болѣе холодному времени спускаются въ низменности. Прежде продавались главнымъ образомъ шкуры рогатаго скота, а мясо употреблялось въ пищу самими владѣльцами, ихъ семьями и служившими у нихъ въ качествѣ пастуховъ туземцами; теперь, напротивъ, скотъ откармливается въ большомъ количествѣ на убой и приводится для продажи въ города. Старинной своей добродѣтели — гостепріимству, буры остаются вѣрны; но при всемъ томъ, по отношенію къ англичанамъ они не умѣютъ скрыть своего отвращенія. Постоянная жизнь на свѣжемъ воздухѣ и необходимое, напряженіе физическихъ силъ ведутъ къ тому, что среди деревенскаго населенія встрѣчаются почти исключительно рослыя, здоровыя фигуры: съ одной стороны, это — прекрасные наѣздники, съ другой—превосходные стрѣлки, наметавшіеся въ борьбѣ съ англичанами. Но какъ ни отличаются они при стрѣльбѣ въ разсыпную,

какъ ни сильны оказываются въ оборонительномъ бою, имъ однако же недостаетъ дисциплины и умѣнья сражаться сомкнутымъ строемъ, подчиняясь извѣстному тактическому плану. Сверхъ того, ихъ недавно возникшая артиллерія, хотя и снабженная прекрасными орудіями новѣйшей системы, оказывается поразительно слабой. Особенно ярко обнаружилось это въ битвѣ противъ Джемсона при Дорнкопталѣ, при которой я присутствовалъ.

Артиллерія буровъ была расположена на высотахъ по обѣ стороны долины, которую долженъ былъ проходить Джемсонъ на пути къ Іоганнесбургу. Она имѣла господствующее надъ мѣстностью положеніе. Если бы она хорошо стрѣляла, всякій выстрѣлъ долженъ бы былъ попадать въ отрядъ Джемсона и производить въ немъ страшныя опустошенія. Между тѣмъ заряды сначала перелетали черезъ цѣль, потомъ не достигали до нея. Англійскія же орудія Максима попадали въ цѣль съ первыхъ ударовъ, и если бы ружейныя пули буровъ не уложили въ нѣсколько минутъ всю прислугу и лошадей въ англійской артиллеріи, то бой имѣлъ бы совсѣмъ иной исходъ. Съ тѣхъ поръ «Оомъ Крюгеръ», какъ его называютъ во всей странѣ, рѣшилъ поручить службу при артиллеріи, по возможности, добровольцамъ изъ нѣмцевъ, бывшимъ артиллеристамъ, и очень хорошо сдѣлалъ, ибо изъ бура не можетъ выйти хорошаго артиллериста.

Разсчетъ англичанъ, что въ случаѣ войны къ ихъ рядамъ примкнутъ уитлендеры, едва ли вполнѣ оправдается. И въ этомъ случаѣ сраженіе при Дорнкопталѣ представляетъ поучительный преценденть. Несомнѣнно извѣстно, что Джемсонъ, прежде чѣмъ нападать, вошелъ въ соглашеніе съ англійскими агитаторами въ Іоганнесбургѣ, въ «Рандѣ». При звукѣ первыхъ выстрѣловъ тамъ сформировались большіе отряды англійскихъ рабочихъ и были не прочь помочь своимъ соотечественникамъ. Но ходившіе по городу патрули буровъ съ ружьями на-готовѣ наводили на нихъ такой страхъ, что на ихъ глазахъ они не рѣшались открыто отпасть. Денегъ, раздаваемыхъ агитаторами, хватило, чтобы склонить ихъ къ мятежу, но рисковать своей жизнью у нихъ не было охоты. Положеніе можетъ, разумѣется, измѣниться, если побѣда склонится на сторону англичанъ; тогда, конечно, въ ихъ лагерѣ появится не мало добровольцевъ изъ занятыхъ ими областей, но только англійскаго происхожденія. Что же касается нѣмцевъ, которые послѣ англичанъ составляютъ наибольшій процентъ среди уитлендеровъ, они, навѣрное, въ большинствѣ поднимутъ оружіе за буровъ, и такимъ образомъ, выгоды англичанъ отъ привлеченія своихъ соотечественниковъ-уитлендеровъ будутъ, по меньшей мѣрѣ, уравновѣшены. Впрочемъ, и среди англичанъ есть въ южно-африканской республикѣ такіе, которые открыто заявляютъ; что считаютъ несправедливыми дѣйствія своего правительства противъ Трансвааля и не окажутъ никакого содѣйствія англичанамъ. Съ тѣхъ, поръ какъ Крюгеръ арестовалъ или выслалъ изъ страны самыхъ дерзкихъ крикуновъ, агитація въ пользу англичанъ стала гораздо умѣреннѣе. Она держится только благодаря капиталамъ богатыхъ англійскихъ золотопромышленниковъ и особенно той поддержкѣ, которую ей оказываетъ Сесиль Родсъ.

Въ настоящее время англичане милліонами экземпляровъ распространяютъ брошюру на нѣмецкомъ, голландскомъ и англійскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: «Великобританія и южно-американская республика»; брошюра выпущена съ цѣлью оправдать образъ дѣйствій Англіи по отношенію къ Трансваалю. Она была разослана также въ редакціи крупныхъ нѣмецкихъ, австрійскихъ и швейцарскихъ газетъ, съ просьбою перепечатать, что и сдѣлали многія изданія. Чтобы составить себѣ правильный взглядъ на положеніе дѣлъ, необходимо разобрать въ отдѣльности всѣ приведенныя въ брошюрѣ жалобы уитлендеровъ; при этомъ мы обратимъ вниманіе читателя и на обратную сторону медали.

Первая жалоба направлена противъ стѣсненія уитлендеровъ въ политическихъ правахъ. Совершенно справедливо, что полученіе политическихъ правъ,

принятіе въ число гражданъ обставлено для уитлендеровъ большими трудностями. Оно обусловлено пятнадцатилѣтнимъ проживаніемъ въ Трансваалѣ и непрерывнымъ за все время платежомъ податей. Въ Трансвааль обыкновенно отправляются съ цѣлью составить себѣ состояніе, и большею частью въ качествѣ золотопромышленниковъ. Кому дѣйствительно посчастливится наполнить себѣ карманы, тотъ не остается тамъ, а уѣзжаетъ въ болѣе культурныя страны, гдѣ можетъ лучше распорядиться пріобрѣтеннымъ богатствомъ. Кому же счастье не повезетъ, тотъ не въ состояніи въ теченіе 15 лѣтъ уплачивать подати. Таково по большей части положеніе и самихъ искателей золота, и тѣхъ, которые отъ нихъ кормятся, т. е. содержателей трактировъ, купцовъ, докторовъ и т. п.; исключеніе составляютъ развѣ только чиновники пріисковыхъ компаній. Значитъ, получить право гражданства уитлендеру очень трудно, почти невозможно. Вѣрно также и то, что уитлендеры составляютъ большинство, на 20 тысячъ буровъ приходится около 40 тысячъ уитлендеровъ, а изъ нихъ 30 тысячъ—англичане. Точныхъ цифръ нѣтъ, да и нельзя имѣть въ странѣ съ такимъ подвижнымъ народонаселеніемъ.

Если бы, слѣдовательно, эти 30 тысячъ уитлендеровъ изъ англичанъ получили права гражданства, то составили бы большинство въ странѣ, и несомнѣнно, первымъ дѣломъ постарались бы стать подъ покровительство Англіи, т. е. превратить Трансвааль въ англійскую колонію. Что же удивительнаго, если буры ставятъ имъ препятствія на этомъ пути? Не дѣлать этого—значило бы идти на политическое самоубійство! Ограничивъ до семи лѣтъ срокъ пребыванія въ странѣ, необходимый для пріобрѣтенія подданства, президентъ Крюгеръ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать на пути уступокъ.

Какъ же изображаются эти обстоятельства въ брошюрѣ? Ея выводъ—слѣдующій: «Жители густо населеннаго Ранда, англичане, американцы, нѣмцы, французы и др.. среди которыхъ есть много высокообразованныхъ людей, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ торговые обороты Трансвааля, лишены всякаго участія въ управленіи, даже по городскимъ дѣламъ; это—настоящіе илоты, какъ они сами себя называютъ. На одной сторонѣ находятся богатство, образованіе, энергія, знанія и большой численный перевѣсъ бѣлой расы; на другой сторонѣ стоитъ маленькая кучка боэровъ, людей безъ образованія, дѣловой опытности и общественныхъ интересовъ. Эта кучка присвоила себѣ привилегію притѣснять и эксплуатировать большинство». Вѣрно, что между уитлендерами есть высокообразованные люди, но ихъ совсѣмъ не такъ много. Кто провелъ свою юность въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ университетскихъ аудиторіяхъ, тотъ едва ли способенъ стать искателемъ золота или вообще погнаться за наживой при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, какими обставлена жизнь въ Трансваалѣ. Та же горсть людей, которые «держатъ въ своихъ рукахъ всѣ торговые обороты Трансвааля» и подъ которыми слѣдуетъ разумѣть, въ концѣ концовъ, однихъ только чиновниковъ пріисковыхъ компаній—такъ какъ чиновники государственной службы состоятъ не изъ уитлендеровъ—эта горсть не составляетъ даже и 2 проц. населенія. По отношенію къ зажиточности средній буръ безусловно выше средняго уитлендера. По отношенію къ образованію и тѣ, и другіе стоятъ, приблизительно, на одинаковой ступени, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, такъ какъ прекрасно устроенныя школы значительно подняли образовательный уровень молодого поколѣнія у буровъ. Въ моральномъ отношеніи строго вѣрующіе буры стоятъ опять-таки много выше средняго уитлендера, такъ какъ слишкомъ часто весь житейскій опытъ уитлендера ограничивается знакомствомъ съ уголовнымъ законодательствомъ и тюрьмами его родины. И въ вопросѣ объ энергіи преимущество окажется на сторонѣ буровъ,—разница только въ томъ, что энергія бура выражается въ постоянномъ, упорномъ созиданіи прочнаго благосостоянія, между тѣмъ какъ

у уитлендера она обнаруживается въ формѣ крайняго напряженія силъ, ради быстраго обогащенія. Если, наконецъ, уитлендеры называютъ себя илотами,— это терминъ совсѣмъ не подходящій, подхваченный у мѣстныхъ англійскихъ агитаторовъ; илоты были рабы, между тѣмъ какъ въ южно-африканской республикѣ личная свобода гораздо лучше обезпечена, чѣмъ во многихъ культурныхъ государствахъ. Не далѣе, какъ на послѣднемъ собраніи въ Іоганнесбургѣ, на которомъ я присутствовалъ, одинъ уитлендеръ, говорившій по-нѣмецки, горячо протестовалъ противъ этого выраженія. Совершенно неосновательно, разсчитывая развѣ только на невѣдѣніе читателей, отказываютъ бурамъ и въ дѣловой опытности и въ преданности общественнымъ интересамъ. Уже самый способъ веденія политическихъ дѣлъ Крюгеромъ и членами фольксраада свидѣтельствуетъ далеко не о недостаткѣ дѣловой опытности, а преданность общественнымъ интересамъ нельзя доказать блистательнѣе, какъ готовностью во всякое время жертвовать жизнью и имуществомъ ради отечества. Разумѣется, у буровъ нѣтъ столько досуга для непрерывнаго участія въ общественной жизни, какъ у политиканствующихъ англійскихъ агитаторовъ, состоящихъ на жалованьи у англійскаго правительства.

Упрекъ въ эксплуатированіи уитлендеровъ приводитъ насъ ко второму пункту жалобъ, къ организаціи податной системы. Брошюра утверждаетъ, что «громадныя суммы, выжимаемыя съ уитлендеровъ, ведутъ только къ безсмысленной расточительности и развращенности, такъ какъ онѣ главнымъ образомъ идутъ на содержаніе толпы креатуръ въ Трансваалѣ и за-границей, на обогащеніе правящаго класса и на разыгрываніе комичной роли великой державы».

Дѣйствительно, обложеніе уитлендеровъ настолько выше буровъ, что крупныя пріисковыя товарищества, получающія, правда, громадный доходъ, одни вносятъ почти половину всѣхъ государственныхъ податей. Но развѣ нельзя назвать гуманной политику, привлекающую богатыхъ къ сравнительно болѣе высокимъ платежамъ, чѣмъ бѣднѣйшую часть населенія? И тѣмъ справедливѣе такое обложеніе, что акціонеры пріисковыхъ компаній по большей части находятся не въ самой странѣ, а въ Англіи или въ Капштадтѣ.

«Толпа креатуръ»—характерное въ устахъ демагоговъ названіе для чиновниковъ—вовсе не такъ уже велика, какъ намъ изображаютъ Можно доказать это цифрами Въ 1885—1886 году изъ общей суммы государственныхъ расходовъ (163.000 фунт. стерл.) употреблено было на содержаніе чиновниковъ 65.000 ф. стерл.; въ 1895—1896 г. изъ 3.584.000 ф. стерл.—813.000 ф. ст. Такимъ образомъ, въ 1885—1886 г. жалованье чиновникамъ равнялось, приблизительно. 40% всей суммы расходовъ, а въ 1895—1896 г. оно составляло лишь около 23%.

Просматривая бюджетъ, мы находимъ, что жалованье чиновникамъ увеличено только по двумъ статьямъ—на судъ и на полицію. И какъ разъ на судъ и полицію больше всего жалуются уитлендеры. А между тѣмъ увеличеніе штата полиціи и судебнаго вѣдомства стоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ расширеніемъ золотоносныхъ полей. Искатели золота обыкновенно народъ безпокойный: при малѣйшей ссорѣ они хватаются за револьверъ. Прибавьте къ этому еще подстрекательства со стороны англичанъ; почти ни одно уличное сборище въ Іоганнсбургѣ или въ окрестностяхъ не обходится безъ кровопролитія. Жалобы на судъ вполнѣ понятны: въ гражданскихъ процессахъ проигравшая сторона всегда находитъ, что ей несправедливо отказано, а въ уголовныхъ дѣлахъ осужденный всегда готовъ считать свой приговоръ черезчуръ суровымъ. Напротивъ того, жалобы на полицію до извѣстной степени основательны; нужно однако помнить, какъ трудно отыскать подходящихъ людей на полицейскую службу въ золотопромышленные районы. Ни минуты тамъ полицейскій не можетъ быть увѣренъ даже за свою жизнь; и при такой рискованной службѣ

его мѣсячное жалованье едва ли составляетъ десятую часть того, что счастливый золотоискатель заработаетъ въ день. Не естественно ли, что при первой возможности они сбрасываютъ полицейскій мундиръ и переходятъ въ ряды золотоискателей? Найти имъ замѣстителей опять-таки очень трудно. Жалующіеся на полицію особенно настаиваютъ въ своихъ жалобахъ на томъ, что полиція черезчуръ снисходительно относится къ укрывателямъ краденаго золота и къ нарушителямъ законовъ о спиртныхъ напиткахъ; а эти законы предписываютъ продавать спиртные напитки чернокожимъ только по представленіи разрѣшенія отъ ихъ хозяина. Любопытно, что укрыватели золота и содержатели кабаковъ—почти исключительно уитлендеры: значитъ они жалуются на такія преступленія, къ которымъ сами подаютъ поводъ!

Противъ школьныхъ порядковъ уитлендеры поднимаютъ голосъ, главнымъ образомъ потому, что предписано вести преподаваніе на голландскомъ языкѣ. Кто знаетъ, какую важную роль играетъ языкъ въ борьбѣ національностей, тотъ пойметъ, почему буры такъ держатся за сохраненіе своего языка, которому постоянно угрожаетъ массовое вторженіе англичанъ.

Далѣе возражаютъ противъ низкаго размѣра пошлинъ, которыя платитъ «Южно-африканская компанія взрывчатыхъ веществъ» и противъ высокихъ тарифовъ «Нидерландской желѣзно дорожной компаніи». Первое общество, дѣйствительно, могло бы платить болѣе пяти шиллинговъ съ ящика, приносящаго ему 2 фунта стерл. Но договоры съ той и другой компаніей были заключены въ такое время, когда никто и не подозрѣвалъ, какіе огромные барыши будетъ получать общество съ открытіемъ новыхъ обширныхъ золотыхъ розсыпей; несомнѣнно, по истеченіи срока, условія контракта будутъ измѣнены, а теперь это было бы нарушеніемъ права. По отношенію къ желѣзнодорожнымъ тарифамъ нужно принять во вниманіе то, что постройка желѣзной дороги сопровождалась такими трудностями, какихъ не встрѣчается въ цивилизованныхъ странахъ, и поэтому доходы съ нея должны были быть больше. Интереснѣе всего, что акціонеры перваго общества почти исключительно состоятъ изъ англичанъ, а акціонеры второго въ значительномъ большинствѣ—тоже. Значитъ, выгоды отъ низкихъ пошлинъ на динамитъ и отъ высокихъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ извлекаетъ Англія же.

Спрашивается, послѣ всего этого, можно ли оправдать вмѣшательство Англіи? Съ точки ли зрѣнія фактическаго положенія дѣлъ, съ точки ли зрѣнія государственнаго права?

По конвенціи 1881 года Англія признала внутреннюю независимость южно-африканской республики, а по конвенціи 1884 года верховныя права Англіи ограничивались только тѣмъ, что безъ согласія англійскаго правительства южно-африканская республика не могла заключать договоровъ ни съ однимъ государствомъ, кромѣ Оранжевой республики. Эти конвенціи, которыя до настоящаго момента сохраняютъ свою силу, не даютъ Англіи ни малѣйшаго права къ вмѣшательству, ибо само по себѣ ясно, и кромѣ того, подтверждено знаменитыми юристами (Блюнчли, Лабандомъ и др.), что принятіе иностранцевъ въ подданство есть внутреннее дѣло государства. Если Англія заявляетъ, что она обязана защитить своихъ подданныхъ, живущихъ на территоріи южно-африканской республики, то это не болѣе, какъ предлогъ для прикрытія ея властолюбивыхъ намѣреній. Она хочетъ создать изъ южной Африки огромную британскую колонію, а Трансвааль болѣе всѣхъ другихъ стоитъ ей на пути, такъ какъ это единственное независимое государство, принадлежащее представителямъ бѣлой расы не-англійскаго происхожденія.

Когда въ 1877 году, послѣ войны съ бурами, Англія уступила ихъ требованіямъ, это произошло главнымъ образомъ потому, что тогда, до открытія золотой эры, Трансвааль, страна пастуховъ, казался не стоющимъ тѣхъ жертвъ,

которыхъ потребовало бы его завоеваніе. Совсѣмъ иначе представляется дѣло теперь, когда пастушеская страна оказалась золотоносной. Чтобы составить себѣ понятіе о важности, которую имѣетъ добываніе золота для Трансвааля, достаточно представить себѣ, что четвертая часть страны, занимающая 5.379 квадратныхъ миль, съ населеніемъ немного больше милліона, состоитъ изъ золотоносныхъ полей.

Въ 1880 году нѣмецкій изслѣдователь-путешественникъ Карлъ Маухъ открылъ на сѣверѣ страны первые признаки присутствія золота. Вначалѣ площадь золотыхъ пріисковъ ограничивалась очень скромными размѣрами, и только въ 1887 году было открыто богатое золотое поле Витватерсрандъ (называемое обыкновенно въ сокращеніи Рандъ), и добываніе золота достигло почти постоянной цифры 15.000 килограммовъ въ годъ. Усиленію производительности содѣйствовало при этомъ также примѣненіе способа Сименса, при которомъ золото такъ хорошо очищается отъ руды, что теряется лишь самый ничтожный процентъ, тогда какъ при обычномъ способѣ промыванія утеривалось до 10%.

Принесло ли золото счастье странѣ?

Если бы въ Трансваалѣ не было найдено золота, то и теперь страна носила бы тотъ же характеръ, какъ 20 лѣтъ тому назадъ—страны чисто пастушеской. Она не достигла бы, правда, своего теперешняго культурнаго развитія, но зато ее оставили бы въ покоѣ, она не возбудила бы алчности своего могущественнаго сосѣда и не была бы наводнена элементами самаго подозрительнаго свойства.

Самымъ рѣшительнымъ опроверженіемъ притязаній англійскихъ уитлендеровъ могутъ служить слѣдующія слова простого бура, сказанныя на одномъ изъ послѣднихъ большихъ собраній въ Іоганнесбургѣ: «Мы завоевали страну у черныхъ и хотимъ ее удержать за собой. Если уитлендерамъ у насъ не нравится, пусть уходятъ. Мы ихъ не звали, и намъ пріятнѣе видѣть ихъ спины, чѣмъ ихъ физіономіи».

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Ботаника. Почему краснѣютъ осенью листья растеній.—**Бактеріологія.** Новый методъ лѣченія болѣзней бактеріальнаго происхожденія.—**Физика.** Образованіе хлопьевъ и «ложное» осажденіе. Происхожденіе атмосфернаго электричества.—**Химія.** Твердый водородъ. Новый элементъ.—Робертъ Вильгельмъ Бунзенъ.—**Техника.** Новый проявитель. Новыя пневматическія шины. Новое примѣненіе рентгеновыхъ лучей.—**Астрономическія извѣстія.**

Ботаника. *Почему краснѣютъ осенью листья растеній.* И животные, и растительные организмы обладаютъ способностью весьма существенно измѣнять свое строеніе и ходъ физіологическихъ процессовъ, въ нихъ происходящихъ, вырабатывая новые органы и отправленія, въ примѣненіи къ условіямъ окружающей среды. Дарвиновское ученіе возбудило особенный интересъ къ этимъ явленіямъ приспособленія и породило цѣлую громадную литературу о нихъ; но все вниманіе изслѣдователей, повидимому, было устремлено на то, чтобы подмѣтить такія измѣненія и указать значеніе ихъ для организма, вопросъ же о томъ, какими средствами организмъ достигаетъ ихъ, въ чемъ состоитъ связь между появленіемъ ихъ и внѣшними воздѣйствіями, до сихъ поръ почти не затрагивался; такое отношеніе, впрочемъ, логически вытекаетъ изъ самой теоріи: вѣдь, предполагается, что выработка приспособленій начинается съ ничтожно-малыхъ, случайныхъ и по существу нецѣлесообразныхъ измѣненій, изъ которыхъ одни могутъ, суммируясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, оказаться полезными и потому сохранятся, другія — вредными и потому погибнутъ вмѣстѣ съ организмами, носителями ихъ. Въ «Jahrbücher für wissenschaftliche Botanik» нынѣшняго года (Bd. XXXIII. Heft 2) напечатана статья Overton'a «Beobachtungen und Versuche über das Auftreten von rothem Zellsaft bei Pflanzen» (Наблюденія и изслѣдованія надъ появленіемъ краснаго клѣточнаго сока въ растеніяхъ), который дѣлаетъ попытку разъяснить механизмъ связи между однимъ изъ такихъ измѣненій организма и внѣшними воздѣйствіями на него.

Появленіе краснаго клѣточнаго сока въ растеніяхъ и особенно осенью въ листьяхъ давно обратило на себя вниманіе ботаниковъ и было предметомъ многихъ изслѣдованій, главная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы опредѣлить, чѣмъ этотъ сокъ полезенъ для растеній. Кажется, послѣдняя и весьма обстоятельная работа въ этомъ направленіи принадлежитъ Шталю. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что красный сокъ поглащаетъ лучи, ускользающіе отъ зеленаго пигмента растеній (хлорофилла), и тѣмъ содѣйствуетъ согрѣванію тканей: дѣйствительно, изслѣдуя пятнистые листья, у которыхъ одни участки зеленаго цвѣта, другіе—краснаго *), а именно погружая въ два такихъ раз-

*) Въ этихъ послѣднихъ хлорофиллъ также имѣется заключеннымъ, какъ вездѣ въ особыхъ маленькихъ пластинкахъ,—называемыхъ хлорофильными зернами, но его не замѣтно изъ-за краснаго пигмента, раствореннаго въ клѣточномъ сокѣ.

лично окрашенныхъ участка термоэлектрическія иглы, Шталь могъ наблюдать, что, если листъ освѣщенъ, то температура краснаго участка нѣсколько выше, чѣмъ зеленаго; соотвѣтственно этому, если покрыть нижнюю поверхность такого листа слоемъ смѣси твердаго масла какао съ воскомъ и освѣтить его съ противоположной стороны, слой, покрывающій красные участки листа, весьма замѣтно размягчается, тогда какъ противъ зеленыхъ участковъ онъ остается твердымъ. Съ этой точки зрѣнія понятно появленіе осенью краснаго пигмента въ клѣткахъ листьевъ, отъ котораго и зависитъ ихъ цвѣтъ: эти листья еще живы, они еще составляютъ часть растительнаго организма и, представляя собой органы съ весьма большою поверхностью, легко могутъ подвергнуться охлажденію. Что касается тропическихъ растеній, которыя этой опасности не подвергаются, и среди которыхъ однако не мало пестро-листныхъ формъ съ краснымъ пигментомъ, то для нихъ этотъ, казалось бы излишекъ тепла, по мнѣнію Шталя, имѣетъ то значеніе, что даетъ имъ возможность испарять воду и въ насыщенной парами атмосферѣ,—испареніе же воды весьма важно для движенія соковъ въ растеніи.

Но изслѣдованія Шталя, выясняя полезность краснаго пигмента для растеній, совершенно не касаются вопроса о томъ, почему же именно осенью, т. е. какъ разъ въ то время, когда растеніе въ этомъ нуждается,—въ немъ образуется красный пигментъ. Наблюденія и опыты Овертона, а также приводимыя имъ чрезвычайно остроумныя соображенія съ химической точки зрѣнія даютъ весьма много для рѣшенія этого вопроса. Предпринять эти изслѣдованія его побудило совершенно случайное наблюденіе: выращивая водяное растеніе лягушечникъ (Hydrocharis morsus ranae) то въ чистой водѣ, то въ растворѣ сахара, онъ замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ листья по краямъ принимали красный цвѣтъ, а вновь образующіяся становились все краснѣе. Однако, сдѣлавъ такой же опытъ съ обыкновенной ряской (Lemna trisulca) и рдестомъ (Potamogeton), онъ не нашелъ въ нихъ и слѣда краснаго пигмента, а потому, считая, что способность образовать красный сокъ въ присутствіи сахара представляетъ специфическую особенность лягушечника, онъ и прекратилъ опыты въ этомъ направленіи.

Вскорѣ послѣ этого Овертонъ предпринялъ экскурсію въ Альпы (это было въ сентябрѣ), тамъ его особенно поразило обиліе и разнообразіе красной листвы по сравненію съ долинами. Изслѣдуя содержимое клѣтокъ въ красныхъ листьяхъ съ помощію соотвѣтствующихъ реактивовъ, онъ нашелъ въ нихъ значительныя количества сахара. Это обстоятельство въ связи съ соображеніями, которыя я приведу ниже, побудило его по возвращеніи предпринять цѣлыя серіи опытовъ для рѣшенія слѣдующихъ вопросовъ: 1) Находится-ли появленіе краснаго клѣточнаго сока въ какой—либо связи съ обиліемъ сахара въ соотвѣтствующихъ клѣткахъ, 2) какое участіе принимаетъ свѣтъ въ образованіи краснаго пигмента и 3) оказываетъ ли вліяніе на появленіе этого пигмента температура, независимо отъ времени года и стадіи развитія, на которой находится растеніе. Надо замѣтить, что эти двѣ особенности: сильное освѣщеніе и низкая температура (особенно по ночамъ) представляютъ наиболѣе существенныя отличія условій произростанія въ горахъ. Овертонъ произвелъ множество опытовъ надъ цѣлымъ рядомъ растеній и водяныхъ, и наземныхъ, однодольныхъ и двудольныхъ. Сахаристыя вещества при этомъ употреблялись также весьма различныя: обыкновенный свекловичный сахаръ, левулеза, виноградный, молочный и инвертированный сахаръ; были испытаны въ этомъ отношеніи и другія вещества, совершенно иной химической природы: глицеринъ, спиртъ, ацетонъ, растворы различныхъ солей (селитры, поваренной, сѣрнонатровой соли и др.). Здѣсь нѣтъ возможности останавливаться на описаніи самыхъ опытовъ, изобилующихъ интересными и важными подробностями;

автору они даютъ возможность придти къ слѣдующимъ выводамъ. У большого числа растительныхъ видовъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ семействамъ однодольныхъ и двудольныхъ, появленіе краснаго пигмента находится въ тѣсной зависимости отъ количества сахара въ клѣточномъ сокѣ; температура, независимо отъ времени года и стадіи развитія растенія, оказываетъ большое вліяніе на образованіе краснаго клѣточнаго сока, а именно болѣе низкія температуры благопріятствуютъ ему; сказанное относится не только къ температурамъ около 0°, но также и къ среднимъ температурамъ; такимъ образомъ можно установить общее положеніе, что при прочихъ равныхъ внѣшнихъ условіяхъ красная окраска появляется тѣмъ рѣже и тѣмъ менѣе интенсивно, чѣмъ выше температура окружающей среды. Это отношеніе между температурой и окраской растеній объясняетъ тотъ фактъ, что и лѣтомъ въ Альпахъ листья гораздо чаще принимаютъ красный цвѣтъ, чѣмъ въ равнинахъ, такъ какъ температура ночью въ Альпахъ всегда относительно низка; впрочемъ въ этомъ замѣшана также и большая интенсивность свѣта въ горахъ, такъ какъ свѣтъ вообще благопріятствуетъ образованію краснаго пигмента: въ опытахъ произведенныхъ въ совершенной темнотѣ, несмотря на присутствіе сахара, красный пигментъ не образовался. У тѣхъ растеній, листья которыхъ втеченіе зимы остаются живыми и принимаютъ красный цвѣтъ, появленіе краснаго сока, повидимому, не требуетъ другихъ измѣненій въ физіологическомъ состояніи листьевъ, кромѣ вызваннаго пониженіемъ температуры увеличенія количества сахара въ листьяхъ.

Какъ же происходитъ образованіе краснаго пигмента въ естественныхъ условіяхъ? Какъ извѣстно, растенія, содержащія хлорофиллъ, на свѣту разлагаютъ углекислоту воздуха и образуютъ изъ получаемаго изъ нея углерода и элементовъ воды—крахмалъ. Крахмалъ нерастворимъ на водѣ и, если бы онъ оставался на мѣстѣ образованія не измѣняясь, то не могъ бы служить для питанія растеній; въ дѣйствительности онъ постоянно, по мѣрѣ образованія, превращается въ сахаръ, къ которому очень близокъ по химическому составу: оба эти вещества состоятъ изъ углерода и элементовъ воды (т. е. водорода и кислорода), количества которыхъ здѣсь находятся въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ въ водѣ, поэтому крахмалъ и подобныя ему вещества называютъ углеводами. Непрерывно и, слѣдовательно, на ряду съ образованіемъ крахмала въ растеніи происходитъ, впрочемъ, менѣе интенсивный обратный процессъ—дыханіе, т. е. окисленіе углеводовъ въ углекислоту и воду; съ другой стороны углеводы тратятся на построеніе тканей растенія. И такъ значеніе свѣта для образованія краснаго пигмента въ естественныхъ условіяхъ въ томъ, что безъ него растеніе не можетъ приготовлять необходимыхъ углеводовъ. Далѣе, при пониженіи температуры, дыханіе весьма быстро падаетъ, тогда какъ ассимиляція углерода (т. е. разложеніе углекислоты) не прекращается, что представляетъ важное условіе для накопленія углеводовъ въ клѣточкахъ листа. Превращеніе крахмала въ сахаръ представляетъ собой обратимую реакцію, т. е. въ растеніи сахаръ обратно можетъ превращаться въ крахмалъ; поэтому, понятно, въ растительной клѣткѣ, гдѣ происходятъ оба эти процесса, если ни одинъ изъ продуктовъ не будетъ удаляться, должно наступить равновѣсіе между образованіемъ и разрушеніемъ сахара. Желая a priori представить себѣ, какъ должно вліять пониженіе температуры на эти процессы, Овертонъ разсуждалъ слѣдующимъ образомъ. Различныя химическія вещества, какъ извѣстно, заключаютъ въ себѣ различныя количества скрытой энергіи, которая въ опредѣленныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ при горѣніи, выдѣляется въ видѣ теплоты; далѣе установлено, что въ обратимой химической реакціи, когда достигнуто равновѣсіе между дѣйствующими и образующимися веществами, повышеніе температуры измѣняетъ его въ пользу увеличенія количества веще-

ства, которое имѣетъ бо́льшій запасъ энергіи, т. е., сгорая можетъ выдѣлить бо́льшее количество тепла. Пониженіе температуры вызываетъ обратное явленіе. Превращеніе крахмала въ сахаръ идетъ съ выдѣленіемъ тепла, т. е. это значитъ, что когда крахмалъ превращается въ сахарѣ, то часть скрытой энергіи выдѣляется въ видѣ тепла, и что, слѣдовательно, образующійся сахаръ содержитъ менѣе энергіи, или, другими словами, сгорая можетъ выдѣлить меньше тепла, чѣмъ крахмалъ. Отсюда ясно, что сама по себѣ обратимая реакція превращенія крахмала въ сахаръ при пониженіи температуры достигнетъ состоянія равновѣсія между обоими этими веществами въ то время, когда въ растворѣ будетъ больше сахара, чѣмъ было при болѣе высокой температурѣ. Овертонъ и самъ признаетъ, что эти разсужденія имѣютъ лишь ограниченное значеніе для растительной клѣточки, такъ какъ во-первыхъ превращеніе крахмала въ сахаръ далеко не единственная реакція, происходящая въ ней, и можетъ подвергаться вліянію и другихъ химическихъ процессовъ, во-вторыхъ сахаръ изъ клѣтокъ листа постоянно удаляется. Но въ дѣйствительности наблюденія вполнѣ подтверждаютъ эти чисто теоретическія соображенія: при повышеніи температуры, въ клѣткахъ листа увеличивается количество крахмала, при пониженіи— количество сахара; важное значеніе при этомъ имѣетъ еще и то обстоятельство, что, какъ показалъ Саксъ, при достаточномъ пониженіи температуры ночью удаленіе сахара изъ клѣтокъ листа въ стебель сильно затрудняется, а вѣдь, только при этомъ условіи и можетъ получиться въ клѣткахъ листа растворъ сахара необходимой крѣпости. Итакъ пониженіе температуры содѣйствуетъ увеличенію количества сахара въ клѣткахъ тѣмъ, что во-первыхъ ослабляетъ дыханіе значительно сильнѣе, чѣмъ разложеніе углекислоты, во-вторыхъ прекращаетъ удаленіе сахара изъ клѣтокъ листа и въ-третьихъ измѣняетъ равновѣсіе между образованіемъ крахмала и сахара въ пользу этого послѣдняго вещества, слѣдовательно, появленію краснаго пигмента благопріятствуетъ лишь посредственно, увеличеніемъ концентраціи сахарнаго раствора въ клѣточномъ сокѣ. Далѣе Овертонъ, производя соотвѣтствующіе опыты, старается опредѣлить химическую природу краснаго пигмента, чтобы выяснить, почему же присутствіе сахара необходимо для его образованія. Наблюденія и опыты показали, что красный пигментъ находится въ растеніяхъ, содержащихъ дубильныя вещества (которыя вообще весьма распространены въ растительномъ царствѣ), затѣмъ пигментъ осаждается въ живой клѣткѣ изъ раствора въ клѣточномъ сокѣ антипириномъ и коффеиномъ, которые осаждаютъ также и дубильныя вещества. Въ растеніяхъ весьма часто встрѣчаются различныя соединенія углеводовъ съ дубильными веществами, такъ называемые глюкозиды, легко распадающіяся. Овертонъ предполагаетъ, что и красный пигментъ представляетъ собой глюкозидъ; къ этому заключенію его приводятъ также наблюденія надъ растворимостью пигмента въ различныхъ веществахъ и его діосмотическія свойства. Я не буду входить въ дальнѣйшія весьма интересныя, но слишкомъ спеціальныя соображенія Овертона относительно химическихъ свойствъ этого пигмента.

Такимъ образомъ приведенныя изслѣдованія, если только они подтвердятся дальнѣйшими опытами, такъ какъ отношенія химическихъ процессовъ въ клѣткѣ слишкомъ сложны и далеко еще не разъяснены, хорошо опредѣляютъ связь между вліяніемъ пониженія температуры на растеніе и появленіемъ въ немъ вещества, служащаго для защиты отъ этого вліянія: холодъ косвеннымъ образомъ (задерживая дыханіе и удаленіе сахара изъ клѣтокъ и увеличивая превращеніе крахмала въ сахарѣ) содѣйствуетъ накопленію сахара, который выступаетъ въ соединеніе съ дубильными веществами и образуетъ красный пигментъ.

Теоретическія представленія, даваемыя Овертономъ хорошо объясняютъ

также и слѣдующіе факты: весною неопадающіе листья, которые осенью приняли красную окраску, снова утрачиваютъ ее (очевидно, вслѣдствіе превращенія, съ повышеніемъ температуры, сахара въ крахмалъ); молодые листья многихъ растеній вначалѣ бываютъ окрашены въ красный цвѣтъ, исчезающій впослѣдствіи, что можно связать съ развитіемъ въ нихъ хлорофильныхъ зеренъ, въ которыхъ происходитъ отложеніе крахмала; у краснолистныхъ разновидностей (напримѣръ бука) листья, развивающіеся въ тѣни и потому менѣе разлагающія углекислоты, къ серединѣ лѣта становятся зелеными. Интересно также съ этимъ сопоставить наблюденія, что при созрѣваніи красныхъ и фіолетовыхъ плодовъ (фіолетовый пигментъ происходитъ изъ краснаго подъ вліяніемъ щелочей) окраска ихъ идетъ параллельно съ превращеніемъ внутри ихъ крахмала въ сахаръ, далѣе у многихъ видовъ, образующихъ разновидности съ красными или фіолетовыми и зелеными плодами (напримѣръ крыжевникъ, слива) осеняя окраска листьевъ находится въ связи съ окраской плодовъ, т. е. у разновидностей съ зелеными плодами листья осенью желтѣютъ, у остальныхъ краснѣютъ.

Наконецъ подтвержденіе взглядовъ Овертона можно видѣть и въ томъ, что въ нынѣшнюю осень, отличавшуюся отсутствіемъ холодныхъ, ясныхъ дней, въ красный цвѣтъ была окрашена листва очень немногихъ деревьевъ,

Бактеріологія. *Новый методъ лѣченія болѣзней бактеріальнаго происхожденія.* Послѣднее время въ бактеріологіи большинство изслѣдованій посвящается вопросу объ отношеніяхъ между бактеріями и зараженнымъ ими организмомъ. Кромѣ огромнаго практическаго значенія—вѣдь, только благодаря такимъ изслѣдованіямъ и сдѣлалось возможнымъ приготовленіе противобактерійныхъ сыворотокъ—они представляютъ и для науки большую цѣнность, раскрывая наиболѣе сложные и трудно уловимые процессы въ ходѣ превращенія веществъ живыми организмами, выясняя въ химическомъ отношеніи самый механизмъ хотя-бы и нѣкоторыхъ явленій жизнедѣятельности; и едва-ли въ какой-либо отрали человѣческихъ знаній чисто теоретическія изысканія такъ обильно вознаграждаются приносимой ими пользой. Къ числу такихъ изслѣдованій, произведенныхъ съ исключительно научными цѣлями, но открывающихъ совершенно новые пути для практическаго примѣненія знаній, принадлежитъ работа двухъ извѣстныхъ ученыхъ, бактеріолога и химика, Эммериха и Лёва, озаглавленная: «Бактеріолитическіе энзимы, какъ причина пріобрѣтенной невоспріимчивости къ заразнымъ болѣзнямъ и лѣченіе ими этихъ болѣзней (Emmerich und Löw, «Bakteriolytische Emzyme als Ursache der erworbenen Imnunität und die Heilung von Infektionskrankheiten durch dieselben») и помѣщенная въ «Zeitschr. f. Hyg. n. Infektionskrankh». Bd. XXXI. 1899. Heftl.

Знаменитая теорія Мечникова, изображающая инфекціонную болѣзнь, какъ борьбу между бактеріями и особыми свободными клѣтками въ организмѣ (фагоцитами—къ числу ихъ относятся бѣлыя кровяныя тѣльца), объясняетъ очень многое въ явленіяхъ, сопровождающихъ зараженіе бактеріями, и въ тоже время дѣлаетъ понятнымъ пріобрѣтеніе невоспріимчивости при помощи прививки ослабленныхъ культуръ бактерій (предохранительныя прививки), какъ пріученіе фагоцитовъ къ борьбѣ съ бактеріями, точнѣе къ вреднымъ веществамъ, выдѣляемымъ ими; но относительно многихъ бактеріальныхъ болѣзней извѣстно, что организмъ, первоначально не переносившій въ извѣстныхъ дозахъ привычку бактерійнаго яда (токсина)—чистаго, освобожденнаго отъ самихъ бактерій—постепенно можетъ быть пріученъ къ этому яду, съ другой стороны жидкость крови, несодержащая ни красныхъ, ни бѣлыхъ кровяныхъ тѣлецъ, (сыворотка) животнаго, которому были сдѣланы предохранительныя прививки, будучи введена въ кровь зараженнаго бактеріями организма, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вылѣчиваетъ его, какъ это бываетъ при дифтеритѣ. Такія наблюденія не объясняются теоріей фагоцитоза и показываютъ, что въ борьбѣ организма

съ проникшей въ него заразой дѣло не ограничивается пожираніемъ бактерій фагоцитами (что, впрочемъ, всегда признавалъ и самъ Мечниковъ), проще всего предположить, что въ такой сывороткѣ находятся растворенными особыя химическія вещества, (антитоксины) уничтожающія бактерійные яды и, быть можетъ, и самихъ бактерій. Это предположеніе, кажется, впервые было высказано Эммерихомъ лѣтъ 10 тому назадъ и принято всѣми. Впослѣдствіи Ненцкій нашелъ, что эти вещества имѣютъ характеръ энзимовъ, т. е. веществъ, которыя способны, будучи взяты въ малыхъ дозахъ, вызывать въ большихъ размѣрахъ химическія превращенія извѣстныхъ соединеній въ другія (обыкновенно нерастворимыхъ въ растворимыя); Пфейферъ, признавая ихъ энзимами, полагалъ, что они строго пріурочены каждый къ опредѣленному виду бактерій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по общепринятому мнѣнію, антитоксины вырабатываются организмомъ, вступающимъ въ борьбу съ бактеріями. Вотъ эти-то вещества и изслѣдовали Эммерихъ и Лёвъ.

Если культивировать долгое время бактерій въ одномъ и томъ же количествѣ питательнаго раствора, то гораздо раньше, чѣмъ этотъ растворъ истощится, развитіе бактерій (по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ видовъ) въ немъ останавливается, сами бактеріи, какъ говорятъ, подвергаются ослизненію (Agglutination), т. е. образуютъ комочки, видимые простымъ глазомъ, покрытые слизью. Сохраняя ослизненныхъ бактерій въ томъ же растворѣ, и постоянно встряхивая ихъ, въ концѣ концовъ можно найти, что всѣ они растворятся. Съ другой стороны извѣстно нѣсколько случаевъ антогонизма между различными видами бактерій: при совмѣстной культурѣ двухъ такихъ видовъ одинъ изъ нихъ постепенно исчезаетъ, при чемъ организмы его не поглащаются организмами другого, слѣдовательно переходятъ въ растворъ. На основаніи этихъ наблюденій Эммерихъ и Левъ заключаютъ, что нѣкоторыя культуры бактерій выдѣляютъ особый энзимъ (бактеріолектическій), имѣющій способность растворять и оболочки бактерій, и ихъ самихъ. Согласно этому возрѣнію ослизненіе является первой стадіей растворенія бактерій и въ то же время способомъ охраненія ихъ отъ вреднаго дѣйствія энзима: въ комочкахъ энзимъ, дѣйствуя на меньшей поверхности, растворитъ ихъ гораздо медленнѣе, чѣмъ еслибы эти микроорганизмы, распредѣляясь въ жидкости равномѣрно, подвергались его вліянію каждый въ отдѣльности. То обстоятельство, что энзимы, вырабатываемые бактеріями, могутъ ихъ же самихъ растворять, не должно казаться удивительнымъ, такъ какъ энзимы эти являются продуктами плазмы, а въ растительной физіологіи извѣстно не мало примѣровъ, что организмы, приготовляющіе опредѣленныя нерастворимыя химическія вещества вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатываютъ и растворяющіе изъ энзимы: такъ растенія, образующія крахмалъ, содержатъ діастазъ, имѣющій способность переводить крахмалъ въ сахаръ, нѣкоторые паразитные грибы образуютъ энзимъ, растворяющій ихъ оболочку, которая у грибовъ отличается по химическому составу отъ соотвѣтствующихъ образованій другихъ растеній. Съ другой стороны свойства энзимовъ обыкновенно не ограничиваются способностью переводить въ растворъ только одно какое-либо соединеніе, что можно заключить уже на основаніи наблюденій надъ антагонизмомъ бактерій: вѣдь энзимъ данной бактеріи можетъ растворить и ее самое, и микроорганизмы, съ которыми она находится въ борьбѣ, а химическій составъ плазмы различныхъ организмовъ несомнѣнно различный, — поэтому и выработка энзимовъ бактеріями, хотя бы и вредныхъ для нихъ самихъ, можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ принести имъ пользу. Противъ существованія въ бактеріяхъ этихъ энзимовъ говоритъ еще слѣдующее соображеніе: еслибы въ плазмѣ образовались вещества, имѣющія способность растворять ее, то они и должны были-бы сдѣлать это тотчасъ-же, но во многихъ случаяхъ энзимы возникаютъ въ плазмѣ не въ окончательномъ видѣ, но какъ промежуточныя вещества (зимогены),

которыя лишь послѣ выдѣленія изъ клѣтки пріобрѣтаютъ всѣ свойства энзимовъ; подобныя превращенія можно предположить и при выработкѣ бактеріолитическихъ энзимовъ.

Эммерихъ и Левъ полагаютъ, что присутствіе подобныхъ же веществъ въ крови является причиной естественнаго иммунитета, т.-е. способности противустоять заразѣ. Пріобрѣтенная невоспріимчивость и способность кровяной сыворотки животныхъ послѣ предохранительныхъ прививокъ уничтожать соотвѣтствующихъ бактерій согласно ихъ возрѣніямъ зависитъ отъ того, что въ крови названныхъ животныхъ изъ культуръ бактерій скопляется растворяющій ихъ энзимъ. Если это такъ, то противубактерійная сыворотка должна была бы уничтожать бактерій и въ культурахъ in vitro, т.-е. въ тѣхъ же пробиркахъ, гдѣ онѣ развились, а не только въ организмѣ животнаго, какъ это до сихъ поръ наблюдалось. Произведя соотвѣтствующіе опыты, Эммерихъ и Левъ нашли, что противубактерійная сыворотка можетъ уничтожать бактерій внѣ организма животнаго, но только въ отсутствіи воздуха, что весьма легко объясняется способностью бактерій, при помощи кислорода воздуха, окислять эти энзимы. Такимъ образомъ, противубактерійная сыворотка въ предшествовавшихъ опытахъ оказывалась дѣятельною лишь въ организмѣ не потому, чтобы нужно было со стороны его какое-либо особое воздѣйствіе, но потому, что въ крови кислородъ находится все таки въ соединеніи съ краснымъ пигментомъ и самая жидкость его не содержитъ.

Раньше было найдено, что убитая культура бактеріи, живущей въ гноѣ и причиняющей ею голубовато-зеленую окраску, Bacillus pyocyaneus, уничтожаютъ бациллъ тифа и сибирской язвы *); указывались и другіе случаи подобныхъ отношеній, поэтому были сдѣланы даже попытки лѣченія такими культурами, но вліянія самихъ культуръ на организмъ животнаго оказались такъ неблагопріятны, что съ полнымъ правомъ могъ знаменитый противникъ теоріи бактеріальнаго происхожденія инфекціонныхъ болѣзней Петтенкоферъ, сказать объ этомъ методѣ лѣченія: «Это значитъ діавола изгонять Веельзевуломъ!» Полагая, что указанными свойствами эти культуры обязаны присутствію въ нихъ соотвѣтствующаго энзима, Эммерихъ и Левъ предприняли вполнѣ удавшіеся опыты полученія его, по возможности, въ чистомъ видѣ. Они поступали при этомъ слѣдующимъ образомъ: сгустивъ культуру бациллъ испареніемъ въ пустотѣ приблизительно въ 12 разъ, подвергали ее діализу, т.-е. помѣщали жидкость въ мѣшокъ изъ животной или растительной оболочки, находящійся въ водѣ; очищенный такимъ образомъ растворъ энзима фильтровался черезъ слабо обоженную пористую глину (по способу Пастера), черезъ которую бактеріи проникнуть не могутъ, и затѣмъ высушивался надъ сѣрной кислотой. Такимъ образомъ получался порошокъ энзима совершенно растворимый въ водѣ и, не содержащій бактерій.

На основаніи опытовъ оказывается, что этотъ энзимъ, который Эммерихъ и Левъ называютъ піоціаназой, растворяетъ бактерій сибирской язвы чрезвычайно быстро: послѣ двухчасового дѣйствія весьма большія количества бактерій были совершенно уничтожены, а въ одномъ изъ опытовъ черезъ 5 минутъ число бактерій уменьшилось приблизительно въ 40 разъ (черезъ два часа и въ томъ случаѣ ихъ не осталось и слѣда). Причемъ также обнаружилось, что присутствіе воздуха нѣсколько задерживало раствореніе. Изслѣдуя дѣйствіе піоціаназы на бактерій сибирской язвы подъ микроскопомъ, Эммерихъ наблюдалъ что оболочка ихъ при этомъ растворяется тотчасъ же (вслѣдствіе чего, разумѣется, ростъ и размноженіе ихъ прекращаются), плазма же ихъ подвергается

*) Начало и тутъ, повидимому, было положено Эммерихомъ, который показалъ, что убитыя культуры бактерій свиной краснухи излѣчиваютъ сибирскую язву.

растворенію гораздо медленнѣе. Кромѣ растворенія сибире-язвенныхъ бактерій, піоціаназа оказываетъ разрушающее дѣйствіе и на ядъ этихъ бактерій, причемъ получаемые отъ обоихъ процессовъ продукты совершенно безвредны для животныхъ.

Такъ какъ и сама піоціаназа не причиняетъ животнымъ вреда: послѣ впрыскиванія кроликамъ значительныхъ дозъ ея у нихъ, лишь на короткое время поднималась температура на 1° С. и никакихъ другихъ послѣдствій не наблюдалось,—то были произведены изслѣдованія надъ разрушеніемъ бактерій сибирской язвы этимъ энзимомъ въ организмѣ животнаго. Результаты получились блестящіе.

Кролики, которые были заражены культрой бациллъ сибирской язвы въ количествахъ, далеко превосходящихъ смертельныя дозы и которымъ затѣмъ 2—3—4 раза былъ введенъ въ вену уха и подъ кожу растворъ піоціаназы, не только оставались живыми и здоровыми, но и въ крови ихъ и органахъ тѣла совершенно не оказывалось сибиреязвенныхъ бациллъ, тогда какъ контрольныя животныя, зараженныя тѣмъ же количествомъ такой же культуры, но не подвергшіяся дѣйствію піоціаназы, быстро погибали.

Эти наблюденія и опыты естественно возбуждаютъ вопросъ: не можетъ ли піоціаназа служить предохранительнымъ средствомъ противъ зараженія сибирской язвой. Вѣроятнѣе предположить что этой способностью она не обладаетъ, и вотъ почему: піоціаназа сравнительно легко можетъ проникнуть въ форменные элементы крови (кровяныя тѣльца), но такъ какъ ихъ она не растворяетъ, то въ концѣ-концовъ сама должна быть ими разрушена. Опыты такъ же показываютъ, что этотъ энзимъ не дѣлаетъ животныхъ на мало-мальски продолжительный срокъ невоспріимчивыми къ заразѣ; этотъ результатъ какъ будто противорѣчитъ представленіямъ Эммериха относительно искусственной невоспріимчивости, которая по его мнѣнію обязана своимъ происхожденіемъ подобнымъ же веществомъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что искусственная невоспріимчивость зависитъ отъ образованія въ крови химическаго соединенія энзима съ бѣлкомъ, которое гораздо труднѣе проникаетъ въ клѣтки и труднѣе разрушается. Это соединеніе было искусственно, внѣ организма животнаго, получено Эммерихомъ и Левомъ изъ піоціаназы и бѣлка и оказалось способнымъ сообщать животнымъ (кроликамъ) невоспріимчивость къ сибирской язвѣ. Въ организмѣ животнаго такія соединенія образуются очень медленно съ большой тратой энзима (такъ, напр., для приготовленія противодифтеритной сыворотки требуется не менѣе 40 дней), чѣмъ и объясняется отрицательный результатъ попытокъ сообщить животнымъ невоспріимчивость къ сибирской язвѣ съ помощью энзима.

Опыты надъ отношеніемъ къ піоціаназѣ бациллъ тифа, холеры, дифтерита, чумы и микрорганизмовъ гноя Staphylococcus pyogenes aureus показали, что всѣ эти бактеріи піоціаназой растворяются, особенно скоро бактеріи чумы и дифтерита, причемъ отравленіе организма бактерійнымъ ядомъ (токсиномъ) дифтерита весьма легко излѣчивается уничтожающей этотъ ядъ піоціаназой. Такимъ образомъ по этимъ опытамъ піоціаназа является могущественнымъ средствомъ для лѣченія сибирской язвы, дифтерита, а также, весьма вѣроятно, и другихъ наиболѣе опасныхъ инфекціонныхъ болѣзней, какъ тифъ, чума, холера.

Современное лѣченіе бактеріальныхъ болѣзней сводится къ двумъ методамъ: во-первыхъ предохранительныя прививки, которыя служатъ для того, чтобы въ организмѣ постепенно выработались противобактерійныя вещества, что возможно, (когда зараженіе уже произошло) лишь въ томъ случаѣ, если между зараженіемъ и разрушительнымъ дѣйствіемъ бактерій проходитъ значительный промежутокъ времени (скрытый періодъ) какъ это бываетъ при бѣшенствѣ,— и во-вторыхъ противобактерійныя сыворотки, значеніе которыхъ уже указано.

Новый методъ, примѣненіе энзимовъ, который сходенъ съ лѣченіемъ сывороткой, имѣетъ значительныя преимущества: энзимы могутъ быть гораздо скорѣе и легче приготовлены, чѣмъ сыворотки, они хорошо очищаются и вмѣстѣ съ ними не вводится различныхъ неизвѣстныхъ и нерѣдко вредныхъ веществъ, но особенно важно слѣдующее. Нѣкоторые бактеріи, какъ, напр., туберкулезныя, описанныхъ энзимовъ не образуютъ, поэтому нельзя искусственно получить сыворотки, уничтожающей такихъ бактерій; предохранительныя прививки, какъ было указано, примѣнимы, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, но бактеріолитическіе энзимы, какъ показываетъ примѣръ піоціаназы, могутъ растворять различные вида бактерій что даетъ надежду найти энзимы, уничтожающіе и такихъ бактерій, которые сами соотвѣтствующихъ энзимовъ не образуютъ.

Изъ сказаннаго можно видѣть, что описанныя изслѣдованія Эммериха и Лева указываютъ совершенно новые пути для выработки методовъ лѣченія заразныхъ болѣзней и обѣщаютъ весьма важные результаты, причемъ, конечно, во всякомъ случаѣ эти изслѣдованія заслуживаютъ всякаго вниманія и самой широкой клинической провѣрки, какъ того желаетъ авторъ ихъ. Д. Н.

Физика. 1) *Образованіе хлопьевъ и «ложное» осажденіе.* Если къ водѣ, заключающей въ механически-взвѣшенномъ состояніи мелкія, твердыя частицы, прибавить воднаго раствора какого-нибудь химическаго вещества, то частицы эти опадутъ *на дно сосуда* въ этихъ условіяхъ обыкновенно скорѣе, чѣмъ безъ прибавки раствора; при томъ же, частицы эти группируются на днѣ сосуда въ видѣ болѣе или менѣе замѣтныхъ хлопьевъ. I. Stark нашелъ, что въ особенности рѣзко дѣйствуетъ въ этомъ смыслѣ растворъ хлористаго цинка, который вызываетъ осажденіе нѣжныхъ хлопьевъ даже изъ совершенно прозрачной, чистой на видъ воды. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ явленіе протекаетъ такъ рѣзко, что наблюдателю кажется, будто произошла химическая реакція. Изслѣдователь далъ поэтому вышеописанному явленію названіе «ложнаго осажденія» (Pseudofällung). Въ природѣ явленіе это должно играть чрезвычайно важную роль въ устьяхъ рѣкъ, при впаденіи ихъ въ море, гдѣ прѣсная рѣчная вода, часто содержащая значительное количество твердыхъ частицъ въ механически взвѣшенномъ состояніи, смѣшивается съ соленою морскою водою, вызывая и содѣйствуя опаденію твердыхъ частицъ на морское дно.

Различныя попытки найти объясненіе явленію «ложнаго» осажденія и образованія хлопьевъ были сдѣланы уже раньше; изслѣдователи указывали при этомъ на вліяніе твердыхъ частицъ на концентрацію и на внутреннее треніе раствора, но всѣ доводы были признаны либо недостаточными, либо не относящимися къ сути дѣла. I. Stark пытается поэтому вывести новый моментъ для объясненія «ложнаго» осажденія и подтвердить свой взглядъ опытнымъ путемъ.

Если водный растворъ какого-нибудь вещества смѣшать съ дестиллированной водой или съ болѣе слабымъ растворомъ, то происходитъ обыкновенно уменьшеніе объема. Въ растворахъ находится, кромѣ того, еще воздухъ; способность поглощенія воздуха при смѣшеніи жидкостей измѣняется и притомъ не въ одинаковой пропорціи съ объемомъ, такъ что смѣшанная жидкость непосредственно послѣ смѣшенія обыкновенно пересыщена поглощеннымъ воздухомъ. Если это пресыщеніе не слишкомъ велико, то непосредственно послѣ смѣшенія жидкостей не происходитъ быстраго образованія пузырьковъ и излишекъ воздуха медленно переходитъ къ границѣ жидкости и уходитъ въ воздухъ или на свободной поверхности жидкости, или на взвѣшенныхъ твердыхъ частицахъ. Уже невооруженнымъ глазомъ иногда можно замѣтить на образующихся хлопьяхъ маленькіе пузырьки воздуха; подъ микроскопомъ видна масса черныхъ пятенъ, которыя, безъ всякаго сомнѣнія—пузырьки воздуха. Если смѣшанную жидкость помѣстить подъ колоколъ воздушнаго насоса, то за первыми движеніями насоса

*

можно наблюдать, какъ хлопья поднимаются вверхъ, отдаютъ пузырьки воздуха на поверхности жидкости и вновь падаютъ на дно сосуда. Эти-то пузырьки воздуха чрезвычайно важны для объясненія явленій «ложнаго» осажденія и образованія хлопьевъ.. Дѣйствительно, явленіе ложнаго осажданія почти всегда связано съ болѣе или менѣе бросающимся въ глаза образованіемъ хлопьевъ и даже послѣднее нѣсколько предшествуетъ первому. Образованіе хлопьевъ, обусловливающее выпаденіе при осажденіи соединившихся въ болѣе значительныя массы мелкихъ твердыхъ частичекъ, происходитъ отъ того, что пузырьки воздуха, образовавшіеся на твердыхъ частицахъ, приводятъ послѣднія въ движеніе, въ столкновеніе между собою и соединеніе, отчего частицы постепенно растутъ и превращаются въ хлопья.

Выдѣленіе воздуха на взвѣшенныхъ частицахъ, образованіе хлопьевъ и явленіе ложнаго осужденія нѣкоторымъ образомъ аналогичны образованію тумана и дождя; тамъ мы имѣли пресыщеніе воды воздухомъ, здѣсь—пресыщеніе воздуха водяными парами. Въ обоихъ случаяхъ идетъ выдѣленіе на частичкахъ пыли и соединеніе, въ одномъ случаѣ—въ капли дождя, въ другомъ—въ хлопья.

Рядъ эмпирически знакомыхъ фактовъ, какъ и новыя, описанныя авторомъ явленія, находитъ легкое и понятное объясненіе, если признать истиннымъ основное положеніе Stark'a («Naturwiss. Rundschau»).

2) *Происхожденіе атмосфернаго электричества.* Французскій ученый Pellat сдѣлалъ во французскомъ физическомъ обществѣ важное сообщеніе о происхожденіи электричества въ атмосферѣ. Уже раньше было сдѣлано наблюденіе, что водяной паръ, поднимающійся вслѣдствіи испаренія съ поверхности земли, приноситъ съ собой въ атмосферу значительное количество электричества. Однако это наблюденіе до сихъ поръ оставалось недоказаннымъ, такъ какъ не удавалось доставить въ подтвержденіе его ни одного доазкательства, основаннаго на опытѣ. Это удалось теперь физику Pellat'y. Онъ воспользовался для этой цѣли двумя плоскими латунными чашками, металлическую часть которыхъ зарядилъ электричествомъ и изолировалъ, причемъ количество электричества каждаго изъ этихъ сосудовъ могло быть постоянно измѣрено посредствомъ электрометровъ. Одинъ изъ сосудовъ былъ наполненъ водою, другой же оставался порожнимъ, и оба были оставлены въ покоѣ при обыкновенной температурѣ въ теченіе полутора часовъ. Въ концѣ этого времени оказалось, что наполненная водою чашка потеряла бо́льшую часть своего электрическаго заряда, въ то время, какъ другая потеряла едва замѣтное количество, удержавъ почти цѣликомъ весь зарядъ. Этого факта нельзя объяснить иначе, какъ предположивъ, что водяной паръ, испаряясь съ наполненной водою чашки, унесъ электричество съ собой. Отсюда недалеко къ тому выводу, что и отъ земной поверхности поднимающійся паръ овладѣваетъ земнымъ электричествомъ и сообщаетъ его атмосферѣ. Дальнѣйшее доказательство правильности этого положенія можно видѣть въ томъ, что земля наэлектризована слабѣе всего въ самые жаркіе часы дня, когда испареніе заключающейся въ землѣ влаги всего интенсивнѣе. Вкладъ, внесенный французскимъ ученымъ въ науку, пріобрѣтаетъ особенную важность въ виду того, что уже въ теченіе долгаго времени вопросъ о происхожденіи атмосфернаго электричества является однимъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ области физики и метеорологіи. Кромѣ того, докладчикъ обратилъ вниманіе на то, что поднимающійся въ воздухъ изъ трубъ дымъ является также виднымъ агентомъ-носителемъ электричества; дымъ этотъ обыкновенно заряженъ отрицательнымъ электричествомъ. («Naturwiss. Wochenschrift». № 34).

Химія. 1) *Новый элементъ.* При недавнемъ своемъ докладѣ Лондонскому королевскому обществу, сэръ Вильямъ Круксъ показалъ фотографіи спектроскопическихъ линій ультрафіолетовой части спектра, характеризующія вновь от-

крытый имъ элементъ, который ему и удалось отдѣлить. Атомный вѣсъ новаго элемента долженъ быть близокъ къ 117; окиселъ его блѣднокоричневаго цвѣта. Онъ получилъ названіе *викторій* (victorium).

2) *Водородъ въ твердомъ видѣ.* Англійскому ученому Джемсу Дьюару удалось получить водородъ въ твердомъ состояніи. Онъ таетъ при температурѣ 16° выше абсолютнаго нуля (—257°) и имѣетъ видъ либо бѣлой пѣны, либо массы, напоминающей прозрачное стекло. Чистый гелій, охлажденный при помощи твердаго водорода, мѣняетъ свое состояніе при давленіи въ 8 атмосферъ. Пока ничего еще неизвѣстно о способѣ, которымъ ученый достигъ этого замѣчательнаго результата; въ свое время мы сообщимъ о немъ читателямъ. Замѣчательно, что зерна, охлажденныя при номощи твердаго водорода, сохраняютъ вполнѣ свою способность къ проростанію.

† *Робертъ-Вильгельмъ Бунзенъ.* 4-го августа въ Гейдельбергѣ умеръ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ ученыхъ нашего времени—Бунзенъ. Онъ родился 11-го марта 1811 года въ Гёттингенѣ. Студенческіе годы Бунзенъ провелъ въ своемъ родномъ городѣ, для дальнѣйшаго же усовершенствованія въ наукахъ онъ побывалъ въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Въ 1833 году онъ былъ назначенъ профессоромъ химіи въ Гейдельбергѣ, но черезъ три года занялъ каѳедру знаменитаго Вёлера въ политехнической школѣ въ Касселѣ. Съ 1838 по 1851 г. онъ былъ профессоромъ химіи и директоромъ химическаго института въ Марбургѣ. Съ 1852 г. онъ окончательно поселился въ Гейдельбергѣ, гдѣ онъ и создалъ школу. Онъ оставилъ каѳедру въ 1889 г. въ возрастѣ 78 лѣтъ.

Научныя заслуги Бунзена очень велики; мы можемъ лишь вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Его первыя изслѣдованія были направлены на изученіе органическихъ соединеній мышьяка. Затѣмъ онъ занялся изученіемъ газовъ, ихъ поглощеніемъ и диффузіей. Извѣстенъ его методъ измѣренія плотности газовъ по скорости ихъ диффузіи. Въ то же время онъ усовершенствовалъ способы измѣренія и анализа газовъ и изобрѣлъ для этой цѣли новые аппараты. Далѣе, онъ усовершенствовалъ методы объемнаго анализа. Кромѣ того, Бунзенъ извѣстенъ своими работами по фотохиміи, о химическомъ сродствѣ, о химическихъ разложеніяхъ, о вліяніи давленія на плавленіе. Въ особенности много времени онъ посвятилъ изученію примѣненія электричества въ химіи; онъ первый получилъ магній электролитическимъ путемъ и научилъ примѣнять этотъ металлъ для цѣлей освѣщенія. Тоже гальваническимъ путемъ былъ полученъ хромъ. Онъ изобрѣлъ гальваническій элементъ и горѣлку, которые носятъ его имя. Открытіе совмѣстно съ Кирхгофомъ спектральнаго анализа въ 1860 году особенно прославило имя Бунзена. Фраунгоферъ открылъ въ спектрѣ различныхъ тѣлъ присутствіе характерныхъ чертъ. Бунзенъ и Кирхговъ облегчили опредѣленіе положенія этихъ чертъ и, послѣ многихъ опытовъ, изобрѣли простой и чрезвычайно полезный инструментъ, извѣстный подъ названіемъ спектроскопа, который позволилъ опредѣлить химическій составъ отдаленнѣйшихъ отъ насъ свѣтилъ. Однимъ изъ первыхъ результатовъ примѣненія спектральнаго анализа было открытіе Бунзеномъ двухъ новыхъ простыхъ тѣлъ: цезія и рубидія. Способъ, примѣненный для этого, послужилъ образчикомъ для всѣхъ послѣдующихъ работъ на этомъ поприщѣ.

Уже сказаннаго достаточно, чтобы видѣть въ Бунзенѣ не только великаго мыслителя, но и искуснѣйшаго экспериментатора. Вотъ что передаютъ о немъ по поводу открытія цезія. Чтобы добыть солей этого металла, ему пришлось выпарить много тонъ минеральной воды и изъ твердаго остатка ему едва удалось добыть всего 5 или 6 граммовъ хлористаго цезія. Несмотря на такое незначительное количество матеріала онъ приготовилъ и анализировалъ всѣ важнѣйшія соли цезія и опредѣлилъ ихъ кристаллическую форму посредствомъ точныхъ гоніометрическихъ измѣреній. Такимъ образомъ онъ добылъ всѣ не-

обходимыя данныя для опредѣленія положенія новаго элемента и его отношенія къ калію и натрію.

Замѣчательно постоянное стремленіе Бунзена въ область чистой науки и полное нежеланіе извлекать матеріальную выгоду изъ своихъ открытій. Онъ постоянно повторялъ: «Одинъ долженъ сдѣлать открытіе — другому предлежитъ задача примѣненія его къ нуждамъ практической жизни». Поэтому онъ всегда отказывался удалиться съ пути чистаго научнаго изслѣдованія и, вполнѣ признавая всю важность примѣненія научныхъ открытій къ повседневной жизни, посвящалъ всѣ свои силы задачѣ болѣе высокой и благородной: постоянному расширенію области познаваемаго.

Наряду съ великимъ ученымъ въ Бунзенѣ жилъ человѣкъ лучшихъ душевныхъ качествъ. Одинъ изъ его учениковъ, извѣстный химикъ, сэръ Генри Роско, такъ выразился о немъ: «какъ ученый — онъ былъ великъ; какъ профессоръ онъ былъ еще болѣе великъ; но самымъ великимъ онъ былъ какъ человѣкъ и какъ другъ».

Техника 1) *Фотографія. Новый проявитель—адуролъ.* Новый проявитель, очень рекомендуемый журналомъ «Revue scientifique» есть хлоро-или бромо-дериватъ гидрохинона; онъ обладаетъ, повидимому, всѣми достоинствами послѣдняго и не имѣетъ недостатковъ его. Въ самомъ дѣлѣ, адуролъ требуетъ лишь незначительнаго количества щелочи и, работая этимъ проявителемъ, можно замѣнить углекислый калій углекислымъ натріемъ, менѣе разъѣдающимъ, ѣдкій же натръ вовсе не нуженъ. Несмотря на малое количество щелочи, изображеніе появляется значительно скорѣе и, что въ особенности слѣдуетъ отмѣтить, низкая температура не имѣетъ абсолютно никакого вліянія на появленіе изображенія и не сглаживаетъ деталей. Но главное достоинство адурола—его проявительная сила; онъ даетъ черные тоны, какихъ не достигаетъ даже гидрохинонъ съ ѣдкимъ натромъ. Несмотря на этотъ характеръ проявленія, онъ работаетъ не съ такою быстротою, какъ гидрохинонъ съ ѣдкимъ натромъ и, кромѣ того, работаетъ до конца проявленія, не давая вуали,—достоинство, которымъ не обладаетъ гидрохинонъ съ ѣдкимъ натромъ. Изображеніе появляется, приблизительно, черезъ 20 секундъ, слѣдовательно, съ нормальной быстротою, пластинка проявляется равномѣрно и минуты черезъ четыре изображеніе достигаетъ должной ясности какъ въ рѣзкихъ мѣстахъ, такъ и въ деталяхъ. Такимъ образомъ, потемнѣніе происходитъ не только въ свѣтлыхъ мѣстахъ, но и детали развиваются равномѣрно, по мѣрѣ проявленія пластинки, такъ что въ концѣ концовъ получается гармоничное клише, скорѣе мягкое, нежели рѣзкое. Изъ сказаннаго ясно, что, пользуясь адуроломъ вмѣсто гидрохинона, можно уменьшить время экспозиціи; другими словами, адуроломъ можно пользоваться въ тѣхъ случаяхъ, когда гидрохинонъ уже отказывается работать и не можетъ быть примѣненъ, какъ, напр., при проявленіи клише, сдѣланныхъ въ комнатѣ въ темную погоду, для быстрыхъ моментальныхъ снимковъ, для клише, предназначенныхъ для кинематографа, для пластинокъ импрессіонированныхъ посредствомъ X-лучей. Равнымъ образомъ, адуролъ годится и для пластинокъ съ полной выдержкой, если прибавить бромистаго калія или же пользоваться старымъ растворомъ, который замедляетъ появленіе изображенія. Бромистый калій является прекраснымъ задерживающимъ средствомъ, но его слѣдуетъ прибавлять больше, чѣмъ при работѣ съ гидрохинономъ. Но и это не недостатокъ, а скорѣе достоинство, такъ какъ растворъ сохраняетъ при этомъ свою проявительную силу въ теченіе болѣе долгаго времени и можетъ быть вновь примѣненъ къ дѣлу лучше, чѣмъ проявитель чувствительный къ бромистымъ солямъ, оставленнымъ пластинками. Наконецъ, что касается прочности, адуролъ не имѣетъ равнаго себѣ въ этомъ отношеніи.

2) *Пневматическія шины съ многочисленными камерами.* Изобрѣтеніе пневматической шины было важнымъ моментомъ въ развитіи велосипеднаго дѣла, такъ какъ оно дало ходу машины неизвѣстную дотолѣ мягкость. Шины изъ литого каучука вовсе вышли изъ употребленія, такъ какъ каучукъ, не смотря на свою эластичность, все же гораздо менѣе эластиченъ, чѣмъ воздухъ. Но, вслѣдствіе большой сжимаемости воздуха, нельзя было ограничиться камерой, наполненной воздухомъ при обыкновенномъ атмосферномъ давленіи, а поэтому пришлось прибѣгнуть къ наполненію пневматиковъ сжатымъ воздухомъ.

Но пневматики съ одной камерой вмѣстѣ со всѣми своими достоинствами имѣютъ и серьезные недостатки, хорошо извѣстные велосипедистамъ. Малѣйшая неисправность клапана препятствуетъ накачиванію воздуха въ шину. Попавшійся на улицѣ гвоздь прокалываетъ шину и она лопается; то же производитъ излишекъ давленія.

Чтобы уничтожить названные недостатки, Франсуа и Грелу устроили пневматическую шину съ многочисленными камерами. Вотъ принципъ ея устройства. Воздушная камера состоитъ изъ множества (около 3.000) мелкихъ клѣточекъ, изъ которыхъ каждая наполнена сжатымъ воздухомъ подъ необходимымъ давленіями и заперта со всѣхъ сторонъ. Требуемое давленіе регулируется самымъ способомъ производства. Такимъ образомъ можно имѣть сильно надутыя шины для задняго колеса и менѣе надутыя для передняго. Если такой пневматикъ будетъ проколотъ гвоздемъ, лопнетъ всего лишь одна камера и ѣздокъ не замѣтитъ даже происшедшаго—воздухъ изъ шины не выйдетъ. У новаго пневматика придется лишь мѣнять наружную оболочку, когда она износится. Кольцо для колеса въ 70 сантим. въ діаметрѣ вѣситъ 2,4 килограмма и имѣетъ въ толщину 44 миллиметра.

Не смотря на значительную тяжесть и нѣкоторую дороговизну новыхъ шинъ, вѣроятно, что въ скоромъ времени велосипедисты, которые не гонятся за чрезмѣрной легкостью и особенной дешевизной машины, примутъ ново-изобрѣтенную шину, такъ какъ она гарантируетъ, повидимому, отъ многихъ, обычныхъ въ настоящее время, непріятностей.

Само собою разумѣется, что новое изобрѣтеніе можетъ быть съ неменьшимъ успѣхомъ примѣнено и для экипажей, повозочекъ и автомобилей.

Были также приготовлены пневматическія сѣдла того же типа, т. е. съ многочисленными воздушными камерами; сѣдла оказались очень мягкими и удобными. Пока выработано 6 типовъ сѣдла, но понятно, что форма его можетъ безконечно варіировать и его можно приспособить для каждаго отдѣльнаго лица. Кромѣ того, если каучуковая подушка окажется износимой, кожаная настилка, которою она покрыта, всегда можетъ быть легко замѣнена новою. («Revue scientifique»).

3) *Примѣненіе рентгеновыхъ лучей для репродукцій.* Журналъ «Electrical Engineer» сообщаетъ о новомъ примѣненіи x-лучей, найденномъ Kolle. Берутъ пачку въ 100 листиковъ чувствительной бумаги, помѣщаютъ сверху листикъ манускрипта или печатный, который нужно воспроизвести, и пропускаютъ черезъ нее x-лучи въ теченіе всего лишь 20 секундъ. Далѣе остается только проявить и вымыть отпечатки. Можно оперировать сразу на 20 пачкахъ бумаги, по 100 листовъ въ пачкѣ. Изобрѣтатель полагаетъ, что въ одну минуту можно получить 6.000 копій. Достаточно десяти рабочихъ, чтобы въ теченіе 8-ми-часового рабочаго дня проявить, вымыть и высушить 7.500.000 экземпляровъ.

Н. М.

Астрономическія извѣстія.

Спектрографическія наблюденія звѣздъ съ большими трубами. Съ примѣненіемъ фотографіи и спектроскопа къ астрономіи открылось широкое поле для интересныхъ живыхъ изслѣдованій. Особенно благодѣтельно оказалось соединеніе обоихъ методовъ. Такъ какъ спектръ звѣзды въ общемъ очень слабъ, то глазъ не различаетъ въ немъ большихъ подробностей, наоборотъ фотографическая пластинка, имѣющая способность суммировать дѣйствіе свѣта при достаточно долгой экспозиціи, даетъ намъ хотя и небольшую полоску звѣзднаго спектра, но уже съ отчетливыми линіями, изученія которыхъ приводитъ часто къ интереснѣйшимъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, по періодическому смѣщенію линій въ спектрахъ были открыты такія тѣсныя двойныя звѣзды, которыя ни въ какой гигантскій телескопъ раздѣлены быть не могутъ, а по измѣренію спектрограммъ мы не только узнаемъ о фактѣ ихъ существованія, но и выясняемъ строеніе и различныя обстоятельства движеній въ этихъ отдаленныхъ системахъ. Первыя такія изслѣдованія были сдѣланы Фогелемъ въ Потсдамѣ въ концѣ 80-тыхъ годовъ. Одновременно и на обсерваторіи Гарвардскаго колледжа (въ Америкѣ) было открыто нѣсколько двойныхъ звѣздъ, тоже по спектрамъ, но уже инымъ путемъ: не по смѣщенію линій, а по ихъ періодическому двоенію. Этотъ методъ имѣетъ свое значеніе, но онъ можетъ обнаружить двойственность только такой звѣзды, оба компонента которой достаточно ярки, и не допускаетъ точнаго измѣренія смѣщенія линій, а слѣдовательно и разсчетовъ о строеніи системы. Фогель имѣлъ въ распоряженіи трубу въ 9 дюймовъ и могъ замѣтить смѣщеніе линій, указывающее на движеніе свѣтила по лучу зрѣнія къ намъ или отъ насъ, только въ спектрахъ яркихъ звѣздъ первой и второй величины. Примѣненіе спектрографа къ большимъ трубамъ позволило идти значительно дальше. Особенно много въ этомъ отношеніи сдѣлалъ г. Бѣлопольскій съ 30-дюймовымъ пулковскимъ рефракторомъ. Онъ въ деталяхъ изслѣдовалъ періодическія движенія по лучу зрѣнія перемѣнныхъ звѣздъ: λ Tauri, δ Scephei, η Aquilae, β Lyrae, и наглядно показалъ, что измѣненія ихъ блеска объясняется двойственностью звѣздъ. Это—сложныя системы, двойныя звѣзды. Когда одна при своемъ движеніи около общаго центра тяжести проектируется для насъ на другую, происходитъ видимое ослабленіе яркости, наступаетъ minimum блеска перемѣнной. Бѣлопольскій съумѣлъ сфотографировать спектры обоихъ компонентовъ въ двухъ такихъ двойныхъ звѣздахъ, которыя какъ таковыя, были извѣстны и раньше, которыя были измѣряемы микрометромъ. Это конечно очень важно, потому что теорія впередъ показала, какъ изъ соединенія микрометрическихъ измѣреній, дающихъ видимую орбиту одного компонента, съ измѣреніями смѣщеній линій въ спектрахъ компонентовъ можно выяснить не только подробности строенія системы, но и ея разстоянія отъ насъ, истинные размѣры, а также массы каждаго изъ компонентовъ.

Бѣлопольскій открылъ двойственность одного изъ компонентовъ двойной звѣзды *α Geminorum*, подмѣтилъ измѣненіе скорости движенія по лучу зрѣнія въ звѣздѣ *ϑ Ursae majoris*, указывающее, что звѣзда двойная; нашелъ необыкновенно большую скорость въ звѣздѣ *ζ Herculis* (—70 клм. въ сек). и пр. Еще большую скорость обнаружилъ астрономъ Ликовской обсерваторіи *Campbell* въ звѣздѣ *η Cephei* (—87 клм. въ сек.).

Вообще знаменитый 36-дюймовый рефракторъ въ области спектральныхъ изслѣдованій тоже принесъ немало интересныхъ результатовъ. Многія наблюденія оказались параллельными съ пулковскими, что дало надежную провѣрку чиселъ. Такъ напримѣръ недавно Campbell указалъ, что звѣзда *ζ Geminorum* двойная; у Бѣлопольскаго нашлись также спектрограммы, полученныя одно-

временно. Измѣренія ихъ подтверждаетъ результаты Campbell'я. Для звѣзды η *Pegasi* Campbell нашелъ измѣненіе скорости движенія по лучу зрѣнія, Бѣлопольскій даетъ тѣ же числа:

Время	Лик. обсерв.	Пулк.
1896 авг.	+6.1 клм.	—
1897 »	—4.3 »	—4.8 клм.
1888 »	+16.2 »	+16.9 »

По позднѣйшимъ сообщеніямъ Campbell'я это измѣненіе обнаруживаетъ періодичность, время обращенія въ этой парѣ оказывается приблизительно равно $2^1/_4$ годамъ.

Большую разницу въ скоростяхъ по лучу зрѣнія Campbell нашелъ въ звѣздѣ *o Leonis*. Онъ устанавливаетъ періодъ въ $14^1/_2$ дней и колебаніе скоростей считаетъ доходящимъ до 112 клм.

Интересной звѣздой по наблюденіямъ Campbell'я оказалось χ *Draconis*. Скорость ея движенія по лучу зрѣнія въ іюлѣ равнялось +46 клм., въ сентябрѣ +44 клм. въ концѣ октября +15 клм., въ серединѣ ноября +11 клм., а 7 декабря опять стала больше +18 клм. Отсюда можно заключить, что періодъ въ этой системѣ 5 или 6 мѣсяцевъ.

Звѣзды η *Pegasi* и χ *Draconis* оказываются интересными въ томъ отношеніи, что представляютъ собой переходъ къ *видимымъ* двойнымъ звѣздамъ, время обращенія въ которыхъ равняется нѣсколькимъ годамъ, десяткамъ даже сотнямъ лѣтъ, въ то время какъ спектрографическія двойныя звѣзды, открытыя до η *Pegasi*, имѣютъ періодъ въ нѣсколько дней.

Послѣднія сообщенія Campbell'я указываютъ на измѣненія скоростей движенія по лучу зрѣнія въ звѣздахъ ι *Pegasi* и ϑ *Draconis*. Для первой 7 окт. 1897 скорость оказалось равной —51 клм., а 28 сентября 1898 только —22 клм., скорости ϑ *Draconis* колеблются между +16 клм. и —34 клм. Очевидно, эта звѣзда имѣетъ короткій періодъ обращенія.

Успѣхъ примѣненія большихъ трубъ къ спектрографическимъ изслѣдованіямъ побудилъ проф. Фогеля увеличить свои наблюдательныя средства. Недавно въ Потсдамѣ поставленъ гигантскій фотографическій рефракторъ, предназначенный спеціально для спектрографическихъ изслѣдованій проф. Scheiner'а. Труба двойная—ея фотографическій объективъ имѣетъ въ діаметрѣ 800 mm., т. е. больше пулковскаго, другой—500 mm. Эта труба оставляетъ далеко за собой всѣ имѣющіяся въ Германіи: ея объективы представляютъ первый опытъ шлифовки большихъ стеколъ мюнхенскаго оптика Штейнгеля. Интересно также, что стекло отлито тоже въ предѣлахъ Германіи на заводѣ Шотта въ Іенѣ, все больше и больше обращающаго на себя вниманіе.

Но особенно интересны изслѣдованія спектра знаменитой перемѣнной звѣзды *o Ceti*, названной *Mira* (удивительная). Ея спектръ принадлежитъ къ третьему типу (по классификаціи Секки), который характеризуется большимъ числомъ темныхъ линій, сильнымъ общимъ ослабленіемъ фіолетоваго конца спектра и цѣлымъ рядомъ темныхъ полосъ. Въ 1898 году Espin нашелъ въ фіолетовой части спектра свѣтлую водородную линію (Hγ). Позднѣе спектрограммы обсерваторіи Гарвардскаго колледжа указали большое число спектровъ третьяго типа съ яркими водородными линіями. Замѣчательно что почти всѣ соотвѣтствующія звѣзды оказались перемѣнными, подобными *Mirae*.

На Ликовской обсерваторіи фотографировалась область спектра между линіями, которымъ соотвѣтствуетъ длина волны 427 и 444 μμ. Смѣщенія темныхъ линій по измѣреніямъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1897 г. и въ августѣ, сентябрѣ и ноябрѣ 1898 указываютъ на постоянную скорость движенія звѣзды по лучу зрѣнія, которая въ среднемъ равна +63.3 клм. въ секунду. Другія

числа даютъ свѣтлыя линія, которыя являются смѣщенными относительно темныхъ линій. Изслѣдованіе этого смѣщенія затрудняется тѣмъ обстоятельствомъ, что для рѣзкихъ изображеній темныхъ и свѣтлыхъ линій спектра нужны совершенно различныя экспозиціи: для первыхъ 1 часъ, для вторыхъ всего двѣ минуты. Чѣмъ меньше экспозиція, тѣмъ больше кажется уклоненіе свѣтлыхъ линій отъ темныхъ. Скорость, вычисленная по смѣщеніямъ свѣтлыхъ линій оказывается равной отъ +48 +59 клм:, т. е. меньше чѣмъ по темнымъ на 15—4 клм. Наименьшая скорость спустя долгое время послѣ maximum'а яркости. Интересно измѣненіе при этомъ во внѣшнемъ видѣ и положеніи полосы. Hγ. 29 авг. 1898 г. эта полоса состояла изъ трехъ свѣтлыхъ линій, которымъ соотвѣтствовала скорость +35 клм., +60 клм. и +82 клм. Тоже обнаружено и въ полосѣ Hδ. Здѣсь также оказалось на спектрограммахъ, полученныхъ въ сентябрѣ, по 3 линіи, которыя давали скорости +23 клм., +48 клм. и +80 клм.

Въ ноябрѣ 1898 обѣ полосы имѣли совершенно другой видъ, онѣ явились простыми и давали скорость +44.4 клм. и +47 клм. Послѣ maximum'а блеска перемѣнной при уменьшеніи интенсивности непрерывнаго спектра выступаютъ также линіи желѣза, которыя тоже указываютъ на скорость +44 клм. и +42 клм.

Но эти видимыя смѣщенія, замѣчаетъ Campbell, могутъ обусловливаться и не измѣненіемъ скорости движенія, а напримѣръ измѣненіемъ давленіемъ газовъ. Опыты Shumann'а даютъ картину измѣненія вида водородной лиліи Hβ при различныхъ давленіяхъ очень похожую на ту, которую наблюдалъ Campbell въ спектрѣ Mirae. Во всякомъ случаѣ характеръ измѣненія линій здѣсь совершенно отличенъ отъ того, что имѣемъ въ спектрахъ перемѣнныхъ звѣздъ съ короткимъ періодомъ, какъ напримѣръ β*Lyrae*, гдѣ смѣщаются въ противоположныхъ направленіяхъ и темныя и свѣтлыя линіи принадлежащія, очевидно, различнымъ компонентомъ довольно тѣсной пары. Измѣненіе блеска обусловливается въ этомъ случаѣ проектированіемъ одной составляющей на другую, у *Mirae Ceti*, очевидно, причина иная.

Обращаемъ вниманіе читателей на изящную попытку астронома Sheiner'а въ Потсдамѣ сфотографировать *спектръ туманности въ созвѣздіи Андромеды*. До сихъ поръ спектры туманностей вслѣдствіе ихъ слабости изучены плохо. Для того чтобы сфотографировать ихъ нужны особенно свѣтосильные инструменты. Scheiner воспользовался простымъ малымъ спектрографомъ и вогнутымъ зеркаломъ въ 32 сант. діаметромъ съ очень короткимъ фокуснымъ разстояніемъ, всего только въ 3 раза превосходящимъ этотъ діаметръ. Первые слѣды спектра появились при экспозиціи въ 3½ часа, причемъ ясно выступила темная полоса, которую Scheiner счелъ за водородную лилію Hγ. Съ помощью г. Ludendorff'а (при фотографированіи неба приходится неотлучно оставаться все время экспозиціи у трубы, чтобы исправлять неточности часоваго механизма, ведущаго трубу, такъ какъ необходимо, чтобы изображеніе фотографируемаго объекта проекторовалось всегда на одно и тоже мѣсто пластинки) довелъ время экспозиціи до 7½ часовъ и получилъ отчетливый спектръ отъ F до H. Сравненіе этого снимка съ солнечнымъ спектромъ, полученнымъ съ тѣмъ же приборомъ, показало поразительное сходство ихъ, даже въ относительной интенсивности различныхъ частей. Точныя измѣренія привели къ несомнѣнному результату, что упомянутая выше темная полоса соотвѣтствуетъ не линіи Hγ, а группѣ G въ солнечномъ спектрѣ. Спектръ туманности такимъ образомъ оказался принадлежащимъ ко второму типу, отсюда нужно заключить, что большая часть звѣздъ, составляющихъ ядро туманности относится къ этому классу, а такъ какъ наша звѣздная система, разсматриваемая издалека, дала бы спектръ перваго класса, то слѣдовательно скопленіе міровъ,

являющееся намъ въ видѣ туманности Андромеды, старше нашей звѣздной системы. Ея настоящее состоянiе представляетъ уже вторую стадiю развитiя сравнительно съ нашей системой. Такъ какъ въ спектрѣ нѣтъ и слѣдовъ свѣтлыхъ линiй, то междузвѣздное пространство въ скопленiи Андромеды такъ же, какъ и въ нашей системѣ, свободно отъ газовъ.

Туманность Андромеды, какъ показала фотографiя, принадлежитъ къ спиральнымъ которыя всѣ даютъ непрерывный спектръ, слѣдовательно состоятъ изъ звѣздъ. Мы дѣйствительно можемъ считать ее подобной нашей звѣздной системѣ, ея внутренняя часть соотвѣтствуетъ той ближайшей группѣ звѣздъ, которая не входитъ въ составъ Млечнаго Пути. Спирали наоборотъ—аналогичны ему. Неправильности Млечнаго Пути, особенно его дѣленiя, удовлетворительно объясняются предположенiемъ, что Млечный Путь есть система спиралей, а не колецъ. Главное основанiе для возможности сдѣлать такое предположенiе заключается въ томъ обстоятельствѣ что всѣ кольцевыя туманности въ противоположность спиральнымъ, имѣютъ газовый спектръ.

Новая комета. 17-го сентября астрономъ Жiакобини въ Ниццѣ открылъ комету въ созвѣздiи Змѣедержца. Она была очень слаба и подвигалась медленно на Сѣверо-Западъ. Вслѣдствiе малаго смѣщенiя элементы ея орбиты вычисленные по первымъ наблюденiямъ оказались чрезвычайно различными у различныхъ вычислителей. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она уже удалялась отъ солнца и земли. Моментъ прохожденiя черезъ перигелiй падаетъ на середину августа.

Новая планета открыта 21-го сентября астр. Швасманомъ въ Гейдельбергѣ, которая быть можетъ впрочемъ тождественно съ планетой «*Athor*». Она находится теперь въ созвѣздiи Рыбъ и имѣетъ яркость звѣзды *10-ой* величины.

Возможно что въ ночь съ 11-го на 12-е ноября будетъ наблюдаться довольно много падающихъ звѣздъ *Бiэлидъ*, звѣзднаго дождя которыхъ астрономы напрасно ждали въ прошломъ году. Комета Бiэлы, породившая этотъ потокъ, должна была въ августѣ опять пройти близъ солнца, но найти ее не было никакого вѣроятiя, потому что для земли она находилась какъ разъ за солнцемъ.

Наоборотъ возвращенiе кометы Темпеля (1866 I), отъ которой происходитъ потокъ *Леонидъ* (наиболѣе вѣроятное время maximum'а—звѣздный дождь, во вторую половину ночи съ 3-го на 4-ое ноября) будетъ довольно благопрiятно. Въ ближайшемъ отъ солнца разстоянiи она должна быть осенью или зимой. Астрономы будутъ искать ее въ области неба между Плеядами и Львомъ.

Между 19-мъ ноября и 2-мъ декабря можно наблюдать потокъ *Геменидъ*, maximum которыхъ падаетъ на 28 ноября.

К. Покровскiй.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ".

Ноябрь. 1899 г.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

И. Саловъ. «Мелочи жизни».—*И. Потапенко.* «Черезъ любовь».—*А. Крандіевская.* «То было раннею весною».—*Е. Яковлева.* «Повѣсти и разсказы».—«Свѣточи русской поэзіи».

И. А. Саловъ. Мелочи жизни. Разсказы. Москва. 1899 г. Ц. 1 р. 25 к. Новый томикъ разсказовъ г. Салова отличается обычными этому автору достоинствами и недостатками:, свѣжестью тона и нѣкоторой анекдотичностью содержанія. Какъ и всегда, г. Саловъ не углубляется въ сущность изображаемой жизни, довольствуясь поверхностнымъ описаніемъ своихъ типовъ, что придаетъ его разсказу оттѣнокъ случайности и фотографичности. Зато, какъ разсказчикъ, онъ всегда занимателенъ, не безъ юмора и умѣетъ живо заинтересовать читателя, несмотря на ничтожность и обыденность большей части темъ, не блещущихъ ни новизной, ни особой тонкостью жизненнаго опыта, который долженъ бы накопиться у такого стараго бытописателя. Предъ нами все тѣ же излюбленные авторомъ типы глухой старой провинціи — «Соловьятники», «Паукъ», «Крапивники», «Злючка», какъ озаглавлены четыре очерка, вошедшіе въ настоящее изданіе. Соловьятники—любители соловьиной охоты, промышляющіе ловлей и продажей соловьевъ, своего рода поэты въ душѣ, безсознательно совмѣщающіе въ сердцѣ любовь къ природѣ съ промысломъ, который поддерживаетъ ихъ скудное существованіе. Такіе типы, впервые такъ превосходно описанные Тургеневымъ, всегда живы и интересны, и этотъ разсказъ, лучшій въ сборникѣ, невольно вызываетъ въ памяти очеркъ Тургенева о соловьяхъ и другіе изъ его охотничьихъ разсказовъ. Сравненіе для г. Салова почетное и необидное, тѣмъ болѣе, что по живости его очеркъ можетъ выдержать вполнѣ такое сопоставленіе. Его Флегонтъ Петровичъ, главный соловьятникъ, съ которымъ авторъ присутствуетъ на охотѣ,—типичное и яркое лицо, какое и теперь не рѣдкость встрѣтить въ глухихъ уголкахъ, одно изъ тѣхъ незамѣтныхъ, но оригинальныхъ существъ, которыя скрашиваютъ сѣрую будничность провинціальной жизни, внося въ нее своей незатѣйливой любовью къ соловью нѣкій оттѣнокъ поэзіи и высшихъ потребностей души. Соловьиная охота—его промыселъ и соловьями онъ торгуетъ и даже маклачитъ, но всѣ чувствуютъ, что подъ этимъ есть нѣчто болѣе высокое, что онъ и вноситъ въ окружающую жизнь, такую бѣдную и по существу ничтожную. Эти неуловимыя черточки въ характерѣ соловьятника превосходно переданы въ разсказѣ, очень выдержанномъ и свѣжемъ по яркости и живости изображенія, чего нельзя сказать объ остальныхъ разсказахъ сборника.

«Паукъ», какъ показываетъ самое заглавіе, все тотъ же, до тошноты пріѣвшійся, провинціальный кулакъ, раскинувшій свои сѣти на весь уѣздъ и пожирающій все, что плохо лежитъ. Около него группируются такіе же пауки

меньшаго калибра, помогающіе ему въ его операціяхъ и сами пользующіеся подачками отъ него. Все это старо, какъ русская литература, изображающая нашу деревню, и г. Саловъ не вноситъ въ свое изображеніе ни одной новой черточки, ни одного современнаго штриха, и самый разсказъ написанъ имъ, должно быть, давнымъ-давно, еще въ эпоху первыхъ произведеній его молодости. Слишкомъ ужъ стара тема и устарѣлы пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ для вящшаго эффекта, въ родѣ описанія нѣмца управляющаго, помогающаго кулаку обирать барина и вмѣстѣ съ нимъ устраивающаго безобразный кутежъ съ опаиваніемъ дѣвокъ, развратомъ и проч. Можно развѣ подивиться, какъ прочны извѣстныя традиціи въ нашей литературѣ и какъ ничтожно вліяніе текущей жизни на нашихъ застарѣлыхъ бытописателей ея.

Два другихъ разсказа—«Крапивники»,—такъ называютъ въ провинціи незаконнорожденныхъ,—и «Злючка»—очень плохи и неудачны, какъ по замыслу, такъ и по выполненію, а «Злючка» производитъ и совсѣмъ странное впечатлѣніе своимъ мелодраматизмомъ, столь несвойственнымъ такому трезвому наблюдателю, какъ г. Саловъ. «Злючка»—дочь опять-таки кулака, которая не мирится съ дѣятельностью отца и жестоко на него нападаетъ, за что и прозвана окружающими «Злючкой». Она умираетъ отъ чахотки, подавленная жизнью, въ которой не встрѣтило отвѣта ея стремленіе къ правдѣ. Все это неправдоподобно и отдаетъ ложной чувствительностью.

И. Потапенко. Черезъ любовь. Романъ. 1899 г. Ц. 1 р. Каждому писателю, постоянно работающему въ той или иной отрасли литературы, случается написать и плохую вещь, и самое лучшее, что можетъ сдѣлать въ такомъ случаѣ авторъ, это—поскорѣе забыть о ней и отнюдь не выпускать отдѣльнымъ изданіемъ. Къ сожалѣнію, г. Потапенко не внялъ голосу благоразумія и издалъ отдѣльно такой слабый и безсодержательный романъ, какъ «Черезъ любовь», печатавшійся, если не ошибаемся, въ прошломъ году въ «Нивѣ». Начиная съ заглавія, все вызываетъ въ читателѣ одно сплошное недоумѣніе, которое до конца остается неразрѣшеннымъ. Почему «Черезъ любовь» и что значитъ такая странная формула? Въ романѣ прежде всего нѣтъ вовсе романа, такъ какъ никто не влюбляется и никто никакихъ романическихъ исторій не устраиваетъ, и хотя о любви герои промежъ себя и бесѣдуютъ, но нигдѣ любовь не выступаетъ вершителемъ судебъ и вообще особой роли не играетъ. Насколько можно понять это странное произведеніе, авторъ желалъ изобразить женщину, пылкую и чувствительную, живущую только любовью и ради любви, понимаемой въ узкомъ эгоистическомъ смыслѣ. Героиня по любви выходитъ замужъ, но когда ея мужъ, послѣ счастливо прожитаго медоваго года, начинаетъ устраивать принадлежащее женѣ разоренное имѣніе, обнаруживъ при этомъ рѣдкія практическія способности, героиня остываетъ къ нему. Въ его увлеченіи работой она видитъ ущербъ для своей любви, и безъ обиняковъ заявляетъ, что отнынѣ считаетъ себя свободной и будетъ жить въ свое удовольствіе. Мужъ, хотя и практичный вообще господинъ, но въ сущности рохля, пожимаетъ плечами и продолжаетъ устраивать имѣніе, а жена начинаетъ игру въ любовь, не переходя, однако, извѣстной границы. Покружившись нѣсколько лѣтъ «въ свѣтѣ» и овладѣвъ многими сердцами, героиня пріѣзжаетъ, усталая и разочарованная, къ мужу въ деревню, гдѣ продолжаетъ ту же игру, въ меньшемъ только масштабѣ, пользуясь присутствіемъ гостящихъ у мужа двухъ жалкихъ чиновниковъ по особому порученію и одного богатаго сосѣда. Послѣдній поддается на удочку и даже готовъ влюбиться, но, встрѣтивъ отказъ въ своихъ посягательствахъ, мирно удовлетворяется сестрой хозяина, дѣвушкой, которой и предлагаетъ руку и сердце. Героиня тѣмъ временемъ пробуетъ завести ту же игру съ другимъ сосѣдомъ, товарищемъ мужа, человѣкомъ, повидимому,

кое-что претерпѣвшимъ въ жизни, хотя что именно—неизвѣстно. Вначалѣ авторъ какъ бы желаетъ противопоставить мужу-практику, изъ-за своей практичности потерявшему жену,—человѣка-идеалиста, своимъ идеализмомъ привлекающаго эту жену. Но дальше все идетъ въ обратномъ направленіи. Героиня сама открывается идеалисту въ любви и прямо предлагаетъ ему себя. Тотъ прехладнокровно, чуть ли не «ковыряя у себя въ носу», отклоняетъ ея предложеніе, находя, что безъ любви куда спокойнѣе человѣку живется, а его девизъ—жить и не мѣшать жить другимъ. Отвергнутая искательница незаконныхъ удовольствій моментально преображается и пылко бросается въ законныя объятія мужа, чѣмъ и оканчивается эта нескладная исторія.

А. Крандіевская. «То было раннею весною», и другіе разсказы. Москва. 1900 г. Ц. 1 р. Хотя г-жа Крандіевская и спѣшитъ покончить съ XIX-мъ вѣкомъ, перескочивъ скоропалительно въ XX-й, какъ показываетъ годъ изданія ея книжечки, но душою, мыслью, сердцемъ,—сердцемъ въ особенности,—она вся въ прошломъ, въ томъ прекрасномъ прошломъ, когда ей еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія». Ахъ, «то было раннею весною», съ чувствомъ выводитъ она, повѣствуя, какъ гимназистокъ старшихъ классовъ увлекалъ героическій «онъ», который, «перетерпѣвъ судебъ удары», потрясалъ ихъ сердца магическимъ словомъ: «впередъ! дадимъ другъ другу руки» и проч. Далѣе, какъ нѣкая гимназистка чуть не умерла отъ желанія во что бы то ни стало удовлетворить честолюбіе матери, которая все время мечтала о золотой медали для дочери. Затѣмъ, какъ пылкая, воздушно-прекрасная курсистка ѣдетъ на голодъ и всѣ сердца увлекаются ею. Еще о томъ, какъ перезрѣлая красотка жаждетъ любви, и прочее въ томъ же родѣ, что лучше всего можетъ быть охарактеризовано словами одного изъ ея героевъ: «По моему, это просто-на-просто неразумно, отъ всего этого вѣетъ чѣмъ-то дѣтскимъ, какимъ-то безплоднымъ романтизмомъ». Мы не можемъ придумать лучшей характеристики для этой книжечки, полной дѣтскаго лепета и восторженной мечтательности. Какое отношеніе могутъ имѣть всѣ эти, въ жизни милыя, вещи къ литературѣ? Очень большое, если онѣ отлились въ чудныя художественныя формы, красота которыхъ уже сама по себѣ есть великое благо. Но когда все это разсказано по-дѣтски, съ ужимочками и слащавымъ сюсюканьемъ, — тогда и самому непритязательному читателю становится отъ нихъ «и кюхельбекерно, и тошно».

Е. Яковлевъ. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899 г. Ц. 1 р. 50 к. Въ противоположность г-жѣ Крандіевской, героини г-жи Яковлевой преимущественно бальзаковскаго возраста. Одна изъ нихъ съ откровенностью, поразительною въ дамскихъ устахъ, сама себя рекомендуетъ «почти сорокалѣтнею Галатеей» («Законъ Карма»). О другой авторша заявляетъ, что «Вѣра Павловна была уже десять лѣтъ замужемъ» («Больная любовь»). Третья—мать многочисленнаго семейства, жена ученаго, и тоже лѣтъ тридцати съ хвостикомъ. Возрастъ этотъ, воспѣтый Бальзакомъ, какъ извѣстно самый опасный, въ чемъ лишній разъ убѣждаемся изъ твореній г-жи Яковлевой, гдѣ фигурируетъ исключительно преступная любовь и адскія, пламенныя страсти, повергающія героевъ и героинь госпожи Яковлевой въ пучину бѣдствій. Такъ, въ повѣсти «Законъ Карма» «почти сорокалѣтняя Галатея» держитъ пари, что только-что пріѣхавшій въ городъ, приглянувшійся ей новый прокуроръ, будетъ у ея ногъ, и сама отправляется къ нему. Какъ и слѣдовало ожидать, при благосклонномъ участіи г-жи Яковлевой, прокуроръ у ногъ Галатеи, за что, впрочемъ, жестоко наказывается впослѣдствіи, такъ какъ кончаетъ бѣдняга прогрессивнымъ параличемъ мозга (стр. 93—94), ибо таковъ «законъ Карма», или, какъ поясняетъ эпиграфъ, взятый г-жою Яковлевой,—«Dieu pardonne, la nature jamais». Въ повѣсти «Больная любовь» героиня, десять лѣтъ бывшая замужемъ, видитъ

красавца-актера, пріѣхавшаго на гастроли, и немедленно приглашаетъ его въ маскарадъ (стр. 98), а черезъ десять страницъ (стр. 108) уже ухаживаетъ за нимъ въ «Европейской» гостинницѣ, а еще черезъ десять, при благосклонномъ участіи почтенной авторши, «она» и «онъ» въ отдѣльномъ кабинетѣ загороднаго ресторана, гдѣ «голова ея кружилась, сердце усиленно билось, у ногъ ея лежалъ ея кумиръ, ея геній, она слабо вскрикнула, протянула къ нему руки и замерла въ его объятіяхъ» (стр. 117). На этотъ разъ герой счастливо отдѣлался: онъ уѣзжаетъ и пишетъ ей бурно-пламенное письмо, которое она, какъ и подобаетъ бальзаковской героинѣ съ презрѣніемъ бросаетъ въ огонь. О похожденіяхъ остальныхъ героинь г-жи Яковлевой скажемъ, для сбереженія времени и мѣста, kurz und gut: всѣ онѣ «грѣхопадаютъ» при болѣе или менѣе благосклонномъ участіи авторши, которая однѣхъ милуетъ, другихъ наказуетъ, но въ участіи своемъ ни одной не отказываетъ.

Кромѣ этихъ повѣстей, есть еще у г-жи Яковлевой фантастическіе разсказы. Для образца беремъ самый коротенькій, но и самый содержательный, разсказецъ о томъ, какъ пудель «Каро» влюбился въ болонку «Нинишъ», но остался при пиковомъ интересѣ, благодаря дурному обычаю—брить пуделей. Въ отчаяніи «Каро» горько сѣтуетъ на своего хозяина, жалуется на судьбу другу своему «Кудлашкѣ» и кончаетъ тѣмъ, что читаетъ ему же стихотвореніе Сюлли Прудома «Разбитая ваза» (стр. 387).

Съ одной стороны, неодолимыя героини бальзаковскаго возраста, съ другой—влюбленные пуделя, не только грамотные, но даже столь освѣдомленные по части поэзіи,—такова обширная гамма страсти нѣжной, которую вдохновенно разыгрываетъ г-жа Яковлева въ своихъ удивительно-тонкихъ повѣстяхъ и фантастическихъ разсказахъ. Хотя и могъ бы умъ высокій счесть количество оттѣнковъ столь великолѣпной гаммы любви, но оцѣнить по достоинству—едва ли. Почему, не задаваясь столь непосильной задачей, отмѣтимъ нововявленный талантъ и скромно поставимъ точку.

Свѣточи русской поэзіи. Москва. 1899 г. Ц. 40 к. Подъ такимъ заглавіемъ изданъ г. Мамонтовымъ (А. И.) небольшой сборникъ лирическихъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ. Указать основной мотивъ, которымъ руководились составители, довольно трудно, такъ какъ въ сборникъ вошли представители самыхъ разнообразныхъ теченій въ русской поэзіи. Начиная съ дѣланнаго паѳоса кн. Вяземскаго или Хомякова и до г.г. Фофанова и Вл. Соловьева, съ ихъ туманными порывами, можно найти въ сборникѣ все, что угодно. Это лишаетъ его цѣльности настроенія и не даетъ въ то же время сколько-нибудь вѣрнаго представленія объ этой поэзіи вообще. Встрѣчая рядомъ съ Пушкинымъ и Фетомъ гг. Величко и Голенищева-Кутузова, испытываешь слишкомъ рѣзкіе переходы, чтобы можно было вынести сколько нибудь цѣльное представленіе о русской поэзіи. Тѣмъ болѣе, что выборъ стихотвореній очень и очень страненъ, и подчасъ рѣшительно нельзя понять, почему то или иное стихотвореніе попало въ избранныя. Такъ, напр., всѣ образцы изъ А. Толстого далеко не лучшія его вещи: взяты стихотворенія болѣе разсудочнаго характера, а его проникновенныя лирическія пьесы пропущены. То же самое можно сказать про Фета и Майкова Думаемъ также, что отсутствіе такихъ именъ, какъ вышеупомянутые Вяземскій, Хомяковъ или Величко съ Вл. Соловьевымъ, не мало содѣйствовало бы украшенію сборника. Составители, гоняясь, очевидно, за полнотой, упустили изъ виду главную цѣль—поэтичность и художественную красоту, вслѣдствіечего наполнили сборникъ ненужнымъ балластомъ, который при болѣе тщательномъ и умѣломъ выборѣ такъ легко было-бы замѣнить чудными перлами истинной поэзіи, незамѣченными ими.

ПУБЛИЦИСТИКА.

П. Ганзенъ. «Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ».—*А. Новиковъ.* «Записки земскаго начальника».

П. Ганзенъ. Трудовая помощь въ скандинавскихъ государствахъ. Спб. 1899 г. Авторъ разсматриваемаго труда уже не въ первый разъ касается означенной темы. Изданная имъ въ предъидущемъ году работа «Общественная самопощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи» въ рядѣ интересныхъ очерковъ давала описаніе главнѣйшихъ формъ и типовъ благотворительной дѣятельности въ сѣверныхъ государствахъ. Обративъ на себя вниманіе, работа эта вызвала порученіе автору отъ Августѣйшей покровительницы попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ изучить на мѣстѣ постановку въ скандинавскихъ государствахъ, дѣло трудовой помощи во всѣхъ ея проявленіяхъ. Результатомъ этого изученія является настоящее изданіе, вся сумма, вырученная отъ продажи котораго, полностью поступаетъ въ пользу означеннаго попечительства.

Дѣло благотворительности поставлено въ скандинавскихъ государствахъ настолько широко и раціонально, что, безспорно, можетъ служить образцомъ даже для далеко ушедшихъ въ этомъ отношеніи главныхъ странахъ Западной Европы. Виды и пріемы благотворительности почти одинаковы во всѣхъ трехъ сѣверныхъ государствахъ, что объясняется ихъ близостью, облегчающею сношенія между народами, и ихъ взаимнымъ вліяніемъ въ разработкѣ главнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ. Пальму первенства приходится, впрочемъ, отдать Даніи, гдѣ дѣло благотворительности успѣло утвердиться въ формахъ, охватывающихъ всѣ нужды населенія, начиная съ призрѣнія дѣтей и кончая государственнымъ обезпеченіемъ старости. Матеріальныя средства, которыми располагаетъ тамъ благотворительность, по-истинѣ, громадны для такой маленькой страны Въ Даніи, кромѣ оффиціальнаго «Общаго попечительства о бѣдныхъ», имѣется 167 учрежденій, преслѣдующихъ благотворительныя цѣли, и общій капиталъ ихъ достигаетъ суммы 68.710.078 кронъ, т. е., приблизительно, 35 мил. руб. Но истинный секретъ успѣховъ, которыхъ достигаетъ тамъ благотворительная помощь, все же заключается не столько въ обиліи средствъ, сколько въ принципахъ, положенныхъ въ основу ея, и въ широкомъ развитіи общественной инпціативы и самопомощи. Въ Даніи функціонируетъ множество благотворительныхъ учрежденій съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности, основанныхъ лицами разныхъ сословій и профессій съ цѣлью оградить своихъ членовъ отъ послѣдствій всякихъ несчастныхъ случайностей, отъ нужды и необходимости прибѣгать къ помощи «Общаго попечительства о бѣдныхъ», средства котораго составляются изъ обязательнаго налога въ пользу бѣдныхъ, и пользованіе помощью котораго влечетъ нѣкоторыя ограниченія въ правахъ для лицъ, къ ней обращающихся.

Благотворительность сѣверныхъ государствъ является типомъ «новой благотворительности». Ея духъ и сущность авторъ опредѣляетъ слѣдующими словами г-жи Монтеліусъ: «Новая благотворительность рѣзко отличается отъ прежней своею системою. Прежняя находила голоднаго, раздѣтаго, мерзнущаго человѣка, и кормила, одѣвала и согрѣвала его. Но голодъ и холодъ лишь *симптомы* болѣзни— бѣдности. Новая благотворительность доискивается *причинъ* болѣзни и понимаетъ, что ихъ надо искать гдѣ-то глубже. Бѣдный бываетъ бѣденъ не только въ смыслѣ неимѣнія денегъ, но въ смыслѣ утраты надежды, мужества, рѣшимости, энергіи, желанія и силъ трудиться. И вотъ, это-то все и пытается возвратить новая благотворительность, принимая на себя, такимъ образомъ, колоссальный трудъ. Положить грошъ въ протявую руку, наполнить ротъ голодающаго хлѣбомъ—дѣло минуты, но поднять пошатнувшуюся душу

человѣческую, возстановить рухнувшій храмъ—это трудъ, требующій огромнаго терпѣнія, мудрости, любви и мужества». Прекрасныя слова г-жи Монтеліусъ нуждаются, однако, въ одной поправкѣ: прежняя благотворительность не столько находила голоднаго, раздѣтаго и мерзнущаго человѣка, сколько ждала, когда онъ самъ придетъ къ ней, прибѣгнетъ къ ея помощи, отдѣлываясь подаяніемъ, оказавъ которое она считала задачу свою выполненной. Новая благотворительность считаетъ безразборчивую раздачу милостыни зломъ, создающимъ лишь профессіональное нищенство, и средствомъ, отнюдь не заполняющемъ потребностей дѣйствительной нужды. Для того, чтобы оказать нуждающемуся дѣйствительную помощь, необходимо познакомиться съ окружающею его средой, принять во вниманіе семейныя обстоятельства, всѣ условія его жизни, а также помощь, которая когда-либо была ему оказана со стороны. Изъ всѣхъ этихъ требованій, которыя ставитъ себѣ новая благотворительность, изъ общаго духа ея вытекаютъ слѣдующія отличительныя черты ея: *индивидуализація помощи* съ предпочтеніемъ, которое отдается *трудовой помощи* во всѣхъ доступныхъ ея примѣненію случаяхъ; стремленіе предупредить развитіе нищеты въ самомъ началѣ и потому обращеніе особаго вниманія на *трудовое воспитаніе безпризорныхъ* и *порочныхъ дѣтей*, и *организація*, вносимая въ благотворительную дѣятельность, какъ залогъ того, что усилія ея будутъ достигать своей истинной цѣли, а не поддержанія лишь тунеядства и попрошайничества. Рядомъ примѣровъ авторъ показываетъ успѣхи, достигнутые, благодаря примѣненію этихъ началъ, въ дѣлѣ благотворенія на сѣверѣ.

Правило «помогать только гдѣ должно и какъ должно» влечетъ за собою необходимость вникать въ положеніе каждаго лица, обращающагося къ общественной помощи, и контролировать самую помощь. Это послѣднее достигается путемъ учрежденія *общихъ центральныхъ справочныхъ бюро*, объединяющихъ всѣ нынѣ разрозненныя благотворительныя общества, союзы и частныхъ благотворителей и служащихъ связующимъ звеномъ между «обществами» и посредникомъ между благотворителями и нуждающимися. Справочное бюро даетъ благотворительности возможность быстро и рѣзко провести грань между контингентомъ истинно нуждающихся и сословіемъ профессіональныхъ нищихъ. На примѣрѣ постановки дѣла въ Копенгагенскомъ (теперь временно закрытомъ) центральномъ справочномъ бюро (24 стр.) и Стокгольмскомъ справочномъ бюро, существующемъ при «Обществѣ упорядоченія благотворительности» (33 стр.) авторъ показываетъ пользу подобныхъ учрежденій и самую организацію ихъ. *Точное изслѣдованіе* положенія нуждающихся и *совмѣстный трудъ*, объединяющій разрозненную дѣятельность всѣхъ благотворительныхъ обществъ и учрежденій ради пользы дѣла, которое должно быть признано *общимъ*,—вотъ результаты, которые достигаются такимъ путемъ. На примѣрѣ дѣятельности датскаго отряда «Арміи спасенія» (стр. 231) авторъ показываетъ, какихъ успѣховъ можетъ достигать благотворительная дѣятельность путемъ организаціи силъ и индивидуализаціи помощи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Не смотря на странныя формы, въ которыя облекается дѣятельность всемірно-извѣстной арміи генерала Бутса, она способствуетъ не только матеріальному подъему, но и нравственному очищенію и облагораживанію своихъ многочисленныхъ адептовъ среди самыхъ послѣднихъ подонковъ общества, пропащихъ, безпріютныхъ бродягъ, падшихъ женщинъ и дѣтей этихъ несчастныхъ людей. Члены «Арміи», мужчины и женщины, проникая во всѣ городскіе трущобы и закаулки, оказываютъ самую разнообразную помощь, по возможности, не даровую, но оплачиваемую трудомъ, кормятъ, одѣваютъ, лѣчатъ, воспитываютъ, усовѣщиваютъ ведущихъ дурную жизнь, мирятъ поссорившихся и т. под.

Невозможность для благотворительности, при какомъ угодно обиліи имѣющихся средствъ, догнать нужду, привела къ сознанію необходимости опередить

ее, забѣжать ей на встрѣчу и предупредить ея развитіе. «Лозунгъ: «если хотите спасти человѣчество, начинайте съ дѣтей»,—по словамъ автора,—сталъ лозунгомъ арміи сѣверныхъ борцовъ за благо человѣчества». Увеличеніе числа преступленій, совершаемыхъ дѣтьми и подростками, достигнувшее за пятилѣтіе 1886—1890 гг. 120%, побудило само правительство обратить вниманіе на условія воспитанія въ низшихъ классахъ населенія, на судьбу дѣтей заброшенныхъ, безпризорныхъ. Въ 1893 году министерство народнаго просвѣщенія въ Даніи назначило особую коммиссію, начертавшую планъ государственнаго надзора за воспитаніемъ дѣтей въ семьяхъ и предложившую регламентацію удаленія дѣтей изъ родныхъ семей, въ случаѣ явно дурного вліянія, оказываемаго на нихъ семейной средою. Но еще до открытія этой коммиссіи, благодаря частному почину отдѣльныхъ энергичныхъ дѣятелей, было поднято движеніе въ пользу спасенія заблудшихъ дѣтей. Въ основу этого рода благотворительной дѣятельности легло убѣжденіе, что если спасти ребенка, то не придется ни исправлять, ни наказывать взрослыхъ, что малолѣтнихъ преступниковъ нѣтъ, а есть только несчастныя, брошенныя, запущенныя и заблудшія дѣти, которыхъ надо спасать, т. е. воспитывать, а не карать. Поэтому существующія въ Даніи «воспитательно-исправительныя колоніи» почти ничѣмъ не разнятся отъ обыкновенныхъ воспитательныхъ пріютовъ и колоній, распространенныхъ въ сѣверныхъ государствахъ подъ названіемъ «дѣтскихъ сельскихъ пріютовъ-колоній» и «пріютовъ-семей». На примѣрѣ трехъ главныхъ подобнаго рода воспитательныхъ учрежденій: «Бегильгоръ», «Въ память Гольштейна» и «Гиммельбьергорденъ» («Усадьба на Небесной горѣ»), руководимыхъ такими высоко-гуманными дѣятелями, какъ Шмидтъ, Стефенсонъ, Будде и др., авторъ показываетъ, что можетъ сдѣлать раціональная система воспитанія съ самыми, повидимому, безнадежными по характеру питомцами. Любопытной образчикъ подобнаго же рода заведеній представляетъ копенгагенскій «Интернатъ»—учебно-воспитательное заведеніе исправительнаго характера для дѣтей, временно исключаемыхъ изъ учебныхъ заведеній обыкновеннаго типа за лѣность, отсталость и дурное поведеніе. Открытіе «Интерната» состоялось въ 1880 г., спустя три года по введеніи обязательнаго обученія, являясь логическимъ дополненіемъ этой мѣры. «Интернатъ» даетъ поводъ къ интересному сопоставленію расходовъ, вызываемыхъ различными мѣрами борьбы съ испорченностью подростающаго поколѣнія. Изъ этого сопоставленія оказывается, что мѣра, захватывающая зло въ самомъ началѣ, является и самою дешевою; мѣры, назначеніе которыхъ бороться со зломъ, уже допущеннымъ, обходятся дороже, и «карательныя» всего дороже. Такъ, содержаніе ребенка обходится въ годъ, среднимъ числомъ, въ первой исправительной (временной) инстанціи, т. е. въ «Интернатѣ»—258 кронъ, въ воспитательно-исправительной колоніи «Въ память Гольштейна»—310 кр. Между тѣмъ, содержаніе арестантовъ въ тюрьмѣ обходится, среднимъ числомъ, уже въ 445 кр. въ годъ. Одною изъ причинъ какъ подобной экономіи, такъ и вообще успѣшныхъ результатовъ дѣятельности этого рода учрежденій, является широкое примѣненіе труда, какъ воспитательнаго начала. То же средство положено въ основу системы такъ называемыхъ «дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ» въ Даніи, имѣющихъ въ виду отвлеченіе дѣтей отъ «улицы» и уличныхъ соблазновъ, на ряду съ цѣлями профессіональнаго образованія. «Никогда не подавать ничего ребенку нищему»—вотъ правило, принятое благотворительностью въ Даніи и Швеціи. Тому, кто хочетъ помочь нуждящемуся ребенку, не трудно сдѣлать это инымъ, болѣе разумнымъ способомъ; нужно только не полѣниться и взять на себя трудъ разузнать о его семейномъ положеніи, навести справки въ школѣ и т. п. Оказывать такимъ дѣтямъ подаяніе деньгами или чѣмъ инымъ,—это безразлично,—значитъ губить ихъ, поощрять ихъ къ нищенству и связанной съ этимъ промысломъ уличной жизни. Надо научить ребенка заработать себѣ этотъ кусокъ хлѣба. «Дѣтскія

трудовыя убѣжища» и достигаютъ этой цѣли. Въ свѣтломъ и просторномъ помѣщеніи, подъ руководствомъ опытныхъ наставницъ, дѣти научаются выдѣлкѣ разнообразныхъ предметовъ изъ самыхъ простыхъ и дешевыхъ матеріаловъ, въ родѣ стружекъ, мочалы, коры, дерева и пр. Самая постановка ручного труда въ «убѣжищахъ» заслуживаетъ особаго вниманія. Наши дома трудолюбія, усвоивъ принципъ трудовой помощи, зачастую даже по отношенію къ дѣтямъ, понимаютъ его крайне узко и грубо: какая бы ни была работа, щипаніе пакли, плетеніе матовъ и проч., лишь бы ребенокъ работалъ. На сѣверѣ въ убѣжищахъ преслѣдуется въ работахъ не только разнообразіе, но и вкусъ, и изящество. «Нельзя не придавать значенія удовольствію, получаемому отъ труда: удовольствіе ребенокъ, неспособный еще руководиться болѣе серьезными побужденіями, получаетъ только отъ труда интереснаго. Кромѣ того, въ человѣческую природу вложено «чувство прекраснаго». Вызвать и развить это чувство дѣло немаловажное. Помимо своего воспитательнаго значенія, оно создаетъ вкусъ, любовь къ чистотѣ и изяществу исполненія въ будущихъ работникахъ на различныхъ поприщахъ промышленности. Въ силу все большаго и большаго вытѣсненія мелкаго промышленнаго производства крупнымъ фабричнымъ, прежняя система отдачи подростковъ на выучку въ разныя мастерскія, безъ сомнѣнія, мало-по-малу должна будетъ уступить мѣсто массовому обученію въ правильно поставленныхъ профессіональныхъ школахъ. «Дѣтскія трудовыя убѣжища» подготовляютъ путь для такихъ школъ (стр. 190).

Распространенію и успѣхамъ «Дѣтскихъ трудовыхъ убѣжищъ» не мало способствовала въ Швеціи крайняя несложность самой процедуры основанія новыхъ убѣжищъ,—результатъ широкой свободы, предоставленной личной и общественной иниціативѣ. Какое-нибудь лицо или нѣсколько лицъ, желающихъ послужить обществу на этомъ поприщѣ, составляютъ кружокъ изъ своихъ знакомыхъ, отыскиваютъ подходящее помѣщеніе, устраиваютъ его сообразно цѣли, нанимаютъ учительницъ и, посовѣтовавшись съ учителями и учительницами городскихъ школъ, принимаютъ въ «убѣжище» извѣстное число посѣщающихъ эти школы учениковъ и учениц, главнымъ образомъ, изъ бѣднѣйшихъ семей. Дѣти сами стремятся въ эти «убѣжища»: для нихъ провести нѣсколько часовъ не въ обычной своей семейной обстановкѣ, а въ свѣтлой уютной комнатѣ за интереснымъ занятіемъ, подъ надзоромъ ласковой и доброй учительницы—настоящее блаженство. И опытъ показалъ, что дѣти, посѣщающія убѣжища, обнаруживаютъ какъ-то болѣе смышлености, толковости и практической сметки, нежели корпящія надъ одпѣми книжками. Да и самимъ устроительницамъ этого дѣла оно приноситъ не мало пользы: здѣсь могутъ найти прекрасное приложеніе своимъ силамъ молодыя дѣвушки изъ достаточныхъ классовъ, окончившія курсъ ученія и «ищущія дѣла», тяготясь пустотой и безцѣльностью свѣтской жизни.

Не менѣе интереса представляютъ въ книгѣ П. Ганзена главы, посвященныя примѣрамъ примѣненія трудовой помощи взрослымъ: описаніе рабочихъ домовъ, трудовыхъ пріютовъ-семей въ Копенгагенѣ и Христіаніи. Въ благотворительности сѣверныхъ странъ, поскольку выступаетъ она въ описаніяхъ автора, поражаетъ глубокая жизненность и продуманность, отсутствіе формализма и показной стороны дѣла. Къ практикѣ нашихъ домовъ трудолюбія не лишни слѣдующія указанія опыта скандинавскихъ работныхъ домовъ. «Нѣтъ ничего вреднѣе работы «для вида», для времяпровожденія; такая работа, мало того, что ослабляетъ въ человѣкѣ энергію и желаніе работать,—прямо развращаетъ его». Напрасно также нерѣдко дома трудолюбія стремятся во что бы то ни стало оправдать трудомъ лицъ, въ нихъ поступающихъ, расходы по учрежденію. Это не удается и образцово поставленнымъ домамъ трудолюбія на сѣверѣ: «причины того, что доходъ съ работъ трудящихся не можетъ все-таки покрыть

расходовъ по учрежденію, надо искать въ неравночисленности и неравной производительности рабочихъ силъ, которыми можетъ располагать «пріютъ» круглый годъ. Лѣтній приливъ рабочихъ силъ въ «пріютъ» равняется $^1/_3$ или $^1/_4$ зимняго, между тѣмъ расходы на помѣщеніе и администрацію лѣтомъ и зимою одни и тѣ же. Затѣмъ «пріюту» приходится принимать не мало лицъ, хотя и способныхъ къ труду, но съ ослабленной энергіею и физическими силами, которыя и могутъ окупать своимъ трудомъ лишь незначительную часть своего содержанія. Окрѣпнувъ тѣломъ и духомъ и ставъ способнымъ къ нормальной по производительности работѣ, люди эти обыкновенно покидаютъ «пріютъ», устраиваясь самостоятельно. Наконецъ, при выборѣ отраслей труда, «пріюту» приходится соображаться не только съ прибыльностью ихъ, но и съ тѣмъ, чтобы не создать своею дѣятельностью нежелательной конкуренціи вольнымъ труженикамъ» (стр. 226).

Глава о государственномъ обезпеченіи старости въ Даніи показываетъ, какой высоты можетъ достигать практика нелицемѣрно поставленнаго благотворенія. Общество предоставляетъ отдыхъ и покой неимущимъ людямъ, честно и въ трудѣ проведшимъ свою жизнь, смотря на это не какъ на благодѣяніе, имъ оказываемое, а какъ на справедливое воздаяніе за подобную жизнь. Подобное отношеніе налагаетъ свою печать и на самые порядки учрежденія, грандіознаго «Дома общественнаго призрѣнія» въ Копенгагенѣ, гдѣ пенсіонеры находятъ не только всѣ удобства, выработанныя современной гигіеною и техникою, не только складъ жизни, чуждый всякой казарменности и затхлаго духа нашихъ богадѣленъ, но и удовлетвореніе своимъ умственнымъ и эстетическимъ потребностямъ, вплоть до собственнаго театра.

Въ заключеніе не можемъ не рекомендовать работу П. Ганзена всѣмъ интересующимся живою и раціональною постановкою дѣла благотворительности. Цѣна изданія—3 р.—не высока, имѣя въ виду его внѣшнія достоинства, въ особенности прекрасныя иллюстраціи—автотипіи, дающія представленіе о наружномъ видѣ разныхъ благотворительныхъ учрежденій и объ условіяхъ жизни въ нихъ.

Александръ Новиковъ. Записки земскаго начальника. Спб. 1899 г. Появившіяся первоначально въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ видѣ ряда маленькихъ фельетоновъ или замѣтокъ о деревенской жизни и порядкахъ, «Записки земскаго начальника» обратили на себя вниманіе печати и читающей публики. Причиною тому были какъ внутреннія ихъ достоинства, такъ и самый источникъ ихъ происхожденія—положеніе, занимаемое авторомъ. Предводитель дворянства, семь лѣтъ пробывшій земскимъ начальникомъ, дѣлится своимъ опытомъ административной и судебной дѣятельности въ деревнѣ и запасомъ практическихъ свѣдѣній изъ жизни сельскаго населенія, накопившимся за этотъ періодъ времени. Очевидно, авторъ—лицо, достаточно компетентное въ вопросахъ, которые онъ трактуетъ. А между тѣмъ его выводы являются полнымъ отрицаніемъ той системы отношенія къ народу и народной жизни, которая присвояется институту земскихъ начальниковъ и тому общественному теченію, которое его выдвинуло и поддерживаетъ. Словами опытнаго земскаго начальника говорится то, что извѣстной частью печати давно принято считать тенденціозными измышленіями и сентиментальностью мужикофиловъ. Мѣстами авторъ какъ будто самъ удивляется такому странному совпаденію: смотри, напримѣръ, начало главы о бабьей долѣ. Но въ этихъ противорѣчіяхъ съ мнѣніемъ общественнаго лагеря, изъ котораго онъ вышелъ, авторъ находитъ опору въ сознаніи своей объективности и безпристрастія, о которыхъ неоднократно и заявляетъ. Онъ «человѣкъ, стоящій внѣ партій и служившій всецѣло дѣлу». Эта претензія на объективность, не предохраняетъ однако, автора отъ сужденій, умѣстныхъ только въ устахъ тенденціозныхъ публицистовъ. Объективными

могутъ быть только научно обоснованные выводы, но свои выводы авторъ самъ не считаетъ таковыми. Отвергая статистическій методъ доказательствъ, единственный могущій претендовать на научную объективность въ области общественныхъ вопросовъ, онъ становится на ту же почву эмпирическихъ обобщеній, какъ и его противники, и нерѣдко такъ же, какъ они, бываетъ виновенъ въ «преднамѣренномъ обобщеній отдѣльныхъ нежелательныхъ фактовъ». Достаточно отмѣтить, какъ авторъ доказываетъ безплодность нашей агрономіи указаніемъ на книжку по хозяйству «*одного* русскаго профессора», списавшаго ее съ нѣмецкаго изданія, и ссылкой на «*одного* агронома», который говорилъ, что у него былъ товарищъ, окончившій курсъ академіи и никогда не видавшій овса. Все это, однако, не лишаетъ въ нашихъ глазахъ «Записки земскаго начальника» ихъ значенія.

Собранныя въ одной книгѣ, «Записки» г. Новикова по содержанію своему могутъ быть раздѣлены на двѣ части: первая касается крестьянскаго управленія и самоуправленія, вторая—дѣятельности земства въ губерніи и уѣздѣ. Попутно въ рядѣ главъ авторъ обсуждаетъ разные общіе вопросы крестьянской жизни, поскольку разрѣшеніе ихъ зависитъ отъ тѣхъ или другихъ органовъ управленія. И повсюду, по собственному признанію, авторъ имѣетъ передъ глазами въ своихъ запискахъ «безпомощную фигуру нашего мужика». (164 стр.). Отчего зависитъ эта безпомощность? Авторъ отвѣчаетъ опредѣленно: отъ отсутствія въ деревенской жизни господства законности, отъ недостатка увѣренности у крестьянина, несмотря на обиліе всякаго стоящаго надъ нимъ начальства, въ исходѣ любого дѣла, въ томъ что будетъ исполненъ законъ, а не воля начальника. «Народу нужна школа и законность. Просвѣтите народъ, дайте ему законъ, поставьте законъ надъ начальствомъ, а не начальство надъ закономъ»... И только тогда можно разсчитывать, что будутъ устранены многія теперешнія деревенскія неустройства и народъ вздохнетъ свободнѣе.

Вопросъ о необходимости школы авторъ считаетъ въ принципѣ рѣшеннымъ утвердительно. По словамъ его, «открыто противъ школы говорить теперь не принято, стыдно» (стр. 161). Это не мѣшаетъ, однако, скрытымъ врагамъ школы выступать въ земствѣ и обществѣ съ разными проектами, имѣющими въ виду затормозить развитіе школьнаго вопроса. Большая или меньшая численность этихъ лицъ въ извѣстномъ земствѣ рѣшаетъ часто судьбу школы, ставя ее въ зависимость отъ случайныхъ причинъ. «Школа прямой пользы землевладѣльцу не приноситъ» (стр. 200). Поэтому и пониманіе пользы, ею приносимой, не всегда распространено среди гласныхъ—не крестьянъ. Крестьяне же, когда убѣждаются въ пользѣ школы, дѣлаются рѣшительными ея приверженцами. Доказательствомъ этого, по мнѣнію автора, можетъ служить отношеніе къ школьному дѣлу земскихъ гласныхъ изъ крестьянъ: нѣтъ болѣе ярыхъ защитниковъ расходовъ на народное образованіе (стр 7). Фактъ этотъ, отмѣченный еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ г. Приклонскимъ (см. «Народная жизнь на Сѣверѣ»), ясно говоритъ, что успѣхи школы стоятъ въ прямой зависимости отъ усиленія крестьянскаго представительства въ земствахъ. «Впрочемъ, —замѣчаетъ авторъ, —довѣріе внушаетъ крестьянамъ только школа хорошо обезпеченная и большой, по моему—вредъ приносятъ проповѣдники школы дешевой». Популярность народной школы была бы много выше, если бы не теперешняя ея неудовлетворительность. «Та школа,—пишетъ г. Новиковъ,—которую мы теперь поддерживаемъ, есть только фундаментъ того зданія, которое необходимо, чтобы вывести народъ изъ его состоянія дикости» (стр. 201).

Если значеніе школы въ дѣлѣ преобразованія народной жизни стоитъ внѣ споровъ, то этого нельзя сказать по поводу роли закона въ деревенскомъ строѣ. Законность призванъ насаждать земскій начальникъ. О томъ, какъ понимаетъ большинство ихъ свою роль въ этомъ отношеніи, г. Новиковъ пишетъ на осно-

ванія собственнаго опыта. «Я,—говоритъ онъ,—поступилъ на службу единственно, чтобы водворить порядокъ»... «Пріѣхавъ въ деревню съ предвзятою мыслью «подтянуть» мужика, я вышелъ изъ земскихъ начальниковъ съ глубокимъ убѣжденіемъ, что подтягиваніемъ ничего не добьешься и что народъ нуждается не въ подтягиваніи, а въ воспитаніи—задача, увы! гораздо болѣе трудная, чѣмъ подтягиваніе... Общія жалобы на неустройство деревни, на бѣдность мужика, на его дикость, на плохое сельское и волостное начальство, на кулаковъ,—все это имѣетъ одинъ корень: это столѣтняя привычка къ подтягиванію безъ малѣйшей самодѣятельности со стороны мужиковъ» (стр. 2). Въ результатѣ, что касается господства закона, никакого улучшенія современная деревня не представляетъ: при земскихъ начальникахъ, какъ и при крестьянскихъ присутствіяхъ и мировыхъ посредникахъ, положеніе какъ отдѣльнаго крестьянина, такъ и сельскаго начальства одинаково шатко и неувѣренно. «Несмотря на развитіе школы, въ этомъ отношеніи никакого улучшенія не замѣтно, не только въ законодательствѣ, но даже въ общественномъ мнѣніи». Высказавъ это положеніе во вступленіи, авторъ заявляетъ, что будетъ держаться его, какъ путеводной нити въ своихъ запискахъ.

Какъ ни старается, однако, г. Новиковъ стоять выше сословныхъ предразсудковъ въ своихъ взглядахъ на народъ, онъ никакъ не можетъ освободиться отъ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ, принятыхъ многими за непреложную истину. Такъ, говоря о мотивахъ введенія института земскихъ начальниковъ, онъ утверждаетъ вмѣстѣ съ другими: «Народъ въ восьмидесятыхъ годахъ оказался крайне распущеннымъ». Распущенность эта проявилась послѣ освобожденія крестьянъ и была естественной реакціею противъ крѣпостного права. «Иначе и быть не могло. Столѣтія народъ держался страхомъ, но не страхомъ Божіимъ, а страхомъ розги, ссылки, продажи жены, отдачи въ солдаты чуть ли не безъ срока. Наконецъ, признано было, что людей такъ держать нельзя, и крестьянинъ получилъ человѣческія права. Онъ вышелъ изъ этого страха, но вышелъ не воспитанный, не приготовленный къ борьбѣ со зломъ. Тридцать лѣтъ дѣлались робкія и непослѣдовательныя попытки его воспитывать, и зло невѣжества восторжествовало» (стр. 93). Однако, на чемъ же основана неопровержимость самаго факта народной распущенности послѣ реформы? Когда о ней говорятъ явные и скрытые крѣпостники, то мы ихъ понимаемъ, но что заставляетъ повторять за ними это рискованное обобщеніе г. Новикова? На какихъ объективныхъ данныхъ оно основано? На статистикѣ преступности? *). Но при до-реформенныхъ судахъ ея и не было. На отзывахъ людей «добраго стараго времени»? Но врядъ ли ихъ можно признать судьями въ данномъ вопросѣ. Авторъ въ одномъ мѣстѣ самъ говоритъ о «подъемѣ общаго народнаго сознанія права, проявившемся со времени реформы» (стр. 111). Не слишкомъ ли часто признаками распущенности въ народѣ считалось именно проявленіе этого сознанія права, личнаго достоинства? Да и надо признать въ такомъ случаѣ, что розги, ссылка, солдатчина и прочіе аттрибуты крѣпостного права служили дѣйствительными морализующими средствами: если народъ «столѣтіями держался», могъ держаться и еще столѣтія. Однако, г. Новиковъ сомнѣвается, чтобы страхъ, который вновь

*) Однимъ изъ признаковъ народной распущенности считается усиленное развитіе пьянства. Но, какъ показываетъ спеціальное изслѣдованіе проф. П. Сикорскаго, восьмидесятые годы не оправдываютъ своей печальной репутаціи и въ этомъ отношеніи. Именно съ 1880 г., въ особенности же съ 1884—1885 г., начинается уменьшеніе потребленія спиртныхъ напитковъ (см. И. А. Сикорскій, «О вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность населенія Россіи», журн. «Вопросы нервно-психической медицины» 1899 г., т. IV, в. 2, стр. 216). Усиленное пьянство, по мнѣнію автора, основанному на данныхъ оффиціальной статистики, свойственно періоду съ 50-хъ до 80-хъ годовъ, т. е. въ равной степени до-реформенному, какъ и по-реформенному.

принесенъ былъ въ народную среду учрежденіемъ земскихъ начальниковъ, дѣйствительно заставилъ народъ подтянуться, развѣ лишь наружно. Средство, которое оказывается непригоднымъ теперь, не могло быть дѣйствительнымъ и раньше, и народная распущенность, о которой не мало писали въ 80-хъ годахъ, есть не болѣе, какъ басня, созданная печальниками крѣпостничества, повторять которую автору не пристало.

Источникомъ этой басни нельзя не считать укоренившуюся привычку выше всего цѣнить въ народѣ дисциплину; каждое проявленіе самодѣятельности и самостоятельности народа представляется, съ этой точки зрѣнія, распущенностью людямъ призваннымъ блюсти за «порядкомъ». Этого недовѣрія къ народной самодѣятельности не лишенъ и самъ авторъ,—онъ то и дѣло взываетъ: «просвѣтите народъ, постараемся сдѣлать мужика человѣкомъ, необходимо воспитаніе и воспитаніе». Это хорошо, конечно; но на школьномъ вопросѣ авторъ достаточно ясно показалъ намъ, что народъ самъ хорошо понимаетъ свои интересы, слѣдовательно, дѣло не только въ отеческомъ попеченіи о немъ, а въ томъ, чтобы дать ему возможность открыто выражать и осуществлять свои желанія. Вмѣсто того, чтобъ «дѣлать мужика человѣкомъ», надо бы было «постараться» взглянуть на него, какъ на человѣка; а иначе—отъ брезгливой проповѣди «воспитанія» до проповѣди «подтягиванія» окажется, пожалуй, совсѣмъ не такъ далеко.

Впрочемъ, надо отдать автору справедливость, — онъ не выдѣляетъ народа въ данномъ случаѣ: воспитывать надо сверху до низу; невѣжество и неуваженіе къ закону вмѣстѣ съ народомъ раздѣляютъ и стоящіе надъ нимъ (стр. 143). Необходимъ общій подъемъ культуры, который приносится истиннымъ просвѣщеніемъ и торжествомъ духа законности. Но откуда придетъ то и другое? Авторъ полемизируетъ съ нѣкіимъ г. Деревенщиной изъ «Гражданина», который «не вѣритъ ни въ законъ, ни въ воспитаніе». Можно вѣрить и въ то, и въ другое, но неяснымъ остается вопросъ, откуда и какъ все это должно придти? Путемъ бюрократическимъ? Но авторъ на примѣрѣ благотворительности показываетъ, какъ мало можно довѣрять плодотворности этого начала (гл. LIV). Да и въ одномъ ли только дѣлѣ благотворительности?

«Время пришло такое,—пишетъ авторъ въ заключеніе книги,—что во главѣ народа будетъ стоять тотъ классъ, который будетъ обладать высшей культурой» (235 стр.). Первымъ признакомъ ея авторъ считаетъ серьезное образованіе. Само собою разумѣется, что дѣло идетъ не объ академическомъ образованіи, а о томъ, которое служитъ основою опредѣленнаго общественнаго міровоззрѣнія. Мѣриломъ этого послѣдняго служитъ знаніе связи общественныхъ явленій, зависимости частныхъ фактовъ отъ общихъ причинъ, твердое сужденіе по основнымъ вопросамъ общественной жизни. Что же видимъ мы напримѣрѣ самого автора? О чемъ ни заговоритъ онъ—о сельскихъ-ли пожарахъ (стр. 71—72), о народномъ пьянствѣ (129 стр.), или о народномъ недоѣданіи (стр. 167),—высказавъ рядъ вполнѣ вѣрныхъ и порою мѣткихъ замѣчаній, онъ уклончиво останавливается, лишь только дѣло заходитъ о коренныхъ причинахъ зла, о способахъ его лѣченія: «я не компетентенъ, я не политико-экономъ, я не финансистъ». И это говоритъ представитель сословія, признаннаго руководящимъ въ странѣ, закономъ призванный содѣйствовать хозяйственному развитію народной жизни. «Затрогивать общегосударственные вопросы могутъ люди, имѣющіе или по своему научному образованію, или по практикѣ, государственный кругозоръ». Что же можетъ сдѣлать наука и практика государственной жизни безъ указаній людей, стоящихъ въ непосредственной близости къ явленіямъ общественнымъ? И какая особая компетентность нужна, чтобы безъ оговорокъ указать на связь періодическаго сгоранія «соломенной Россіи» съ существующей протекціонной системой, удорожающей кровельное желѣзо до недоступныхъ крестьянину цѣнъ? Эта уклон-

чивость автора такъ же характерна, какъ и робость его передъ нѣкоторыми словами, вродѣ соціальный вопросъ, партіи и проч. Ничего этого у насъ, по завѣреніямъ автора, нѣтъ. Положимъ, что и нѣтъ въ томъ видѣ, какъ на Западѣ, но, вѣдь, когда рѣчь идетъ объ отношеніи землевладѣльцевъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, очевидно, что элементы соціальныхъ отношеній и вытекающаго изъ нихъ общественнаго вопроса есть на лицо. Точно такъ же, всякій понимаетъ, что разумѣется у насъ подъ словомъ партія. Увѣряетъ же самъ авторъ, что онъ стоитъ «внѣ партій».

Книга г. Новикова даетъ, какъ видимъ, хотя и не всегда вѣрную, но интересную по самой постановкѣ и по положенію автора оцѣнку многихъ сторонъ народной жизни, въ знакомствѣ съ которою ему нельзя отказать. Кромѣ того, она содержитъ не мало цѣнныхъ указаній по вопросамъ сельской и уѣздной администраціи. Книгѣ нѣсколько мѣшаетъ разбросанность въ обсужденіи однихъ и тѣхъ же предметовъ, являющаяся результатомъ ея первоначальнаго появленія въ видѣ отдѣльныхъ замѣтокъ въ газетѣ. Но авторъ заранѣе извиняется въ этомъ недостаткѣ работы, ссылаясь на то, что онъ—писатель случайный, заваленный служебными, школьными и другими дѣлами.

ЮРИДИЧЕСКІЯ НАУКИ.

В. П. Литвиновъ-Фалинскій. «Отвѣтственность предпринимателей».

В. П. Литвиновъ - Фалинскій. Отвѣтственность предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ по дѣйствующимъ въ Россіи законамъ. Спб , 1899 г. Цѣна 2 рубля. Изд. автора. Содержаніе книги г. Литвинова-Фалинскаго гораздо шире ея заглавія: авторъ не только не ограничивается исключительно дѣйствующими по данному вопросу въ Россіи законами, но посвящаетъ еще цѣлую (первую) главу общимъ вопросамъ о внутреннихъ основаніяхъ правъ и обязанностей. При составленіи своей книги г. Литвиновъ - Фалинскій стремился придать ей характеръ пособія, изъ котораго можно было бы безъ затрудненій почерпнуть полныя, на законѣ основанныя, свѣдѣнія по вопросу объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ. Задача автора сводилась къ ближайшему разсмотрѣнію тѣхъ законовъ, которые имѣютъ примѣненіе при рѣшеніи различныхъ вопросовъ, вытекающихъ изъ факта причиненія рабочимъ увѣчій, смерти и иного рода повреждений въ здоровьѣ. Въ этихъ цѣляхъ авторъ старается возможно болѣе строго придерживаться смысла законовъ и судебной практики, какъ она выразилась въ рѣшеніяхъ гражданскаго и уголовнаго кассаціонныхъ департаментовъ Сената. Г. Литвиновъ - Фалинскій предназначаетъ свою книгу не только для спеціалистовъ, но и для лицъ, мало вообще знакомыхъ съ общими вопросами изъ области права; для этихъ послѣднихъ написана первая глава разбираемаго сочиненія, посвященная внутреннимъ основаніямъ правъ и обязанностей и облегчающая чтеніе главъ, спеціально посвященныхъ различнымъ видамъ отвѣтственности предпринимателей.

Въ первой главѣ чрезвычайно интересенъ 6-ой параграфъ, посвященный вопросу объ основаніяхъ спеціальной отвѣтственности предпринимателей. Авторъ разрѣшаетъ этотъ важный вопросъ вполнѣ правильно и безъ всякихъ натяжекъ. По мнѣнію г. Литвинова - Фалинскаго, сущность спеціальной отвѣтственности сводится къ тому, что владѣльцы промышленныхъ предпріятій обязаны вознаграждать рабочихъ, потерпѣвшихъ вредъ отъ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ *вслѣдствіе* и *во время хода* производствъ, т. е. во всѣхъ случаяхъ, когда увѣчье или смерть произошли во время исполненія потерпѣвшими ихъ обязанностей и когда причина несчастья лежитъ въ производствѣ или же свя-

зана съ нимъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, отвѣтственность предпринимателей въ спеціальныхъ законахъ не ставится въ зависимость отъ характера дѣйствій, коими причиняются увѣчья, какъ это имѣетъ мѣсто въ общегражданскихъ законахъ, а исключительно только отъ обстановки, при которой произошло несчастье; если причина несчастья лежитъ въ производствѣ, если послѣднее причастно несчастью, то этого одного достаточно для признанія права потерпѣвшаго на вознагражденіе. Послѣднимъ спеціальная отвѣтственность отличается отъ общегражданской не только въ объемѣ, въ смыслѣ расширенія его, но и по существу, ибо отвѣтственность эта не основана на чьихъ-либо дѣйствіяхъ, а лишь на фактѣ причиненія ущерба и на причастности въ этомъ производства.

Спеціальныя законодательства объ отвѣтственности предпринимателей возлагаютъ на нихъ обязанность вознаграждать и въ тѣхъ случаяхъ, причиною коихъ являются событія, ибо для пріобрѣтенія права на вознагражденіе достаточно, чтобы причина несчастья лежала въ производствѣ, а вовсе нѣтъ необходимости устанавливать, что несчастье есть слѣдствіе дѣйствія лица. Всѣ попытки, продолжаетъ г. Литвиновъ-Фалинскій, оправдать отвѣтственность предпринимателей, расширенную въ сферу событій, лишь основаніями юридическаго свойства страдаютъ натяжками, ибо въ вопросѣ объ отвѣтственности предпринимателей интересы экономическіе сталкиваются съ интересами права, и всякая попытка оправдать, стоя исключительно на точкѣ зрѣнія права, эту мѣру, вызываемую экономическими соображеніями, будетъ неудачна. Оставаясь въ области чисто юридическихъ понятій, трудно найти объясненіе спеціальной отвѣтственности предпринимателей; оно можетъ быть получено только принятіемъ въ соображеніе и экономическихъ основаній. Въ законодательствахъ, какъ и въ наукѣ права, особыя цѣли и интересы экономическаго свойства являются началами, вліяющими на измѣненіе установившихся понятій о правѣ.

Изъ изложеннаго видно, какъ широко ставитъ авторъ разбираемаго сочиненія одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современнаго права и экономической жизни и насколько онъ далекъ, при разрѣшеніи этого вопроса, отъ общеустановившихся взглядовъ и рутинныхъ пріемовъ.

Не безъ интереса прочтется даже спеціалистами-юристами и 8-й параграфъ, посвященный отвѣтственности за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣйствій непреступныхъ. Здѣсь читатели найдутъ правильное и весьма тонкое толкованіе ст. 684 нашихъ гражданскихъ законовъ, чаще всего примѣняемой въ дѣлахъ о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Отмѣтимъ далѣе одну изъ самыхъ интересныхъ главъ разбираемаго сочиненія — главу четвертую, объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій. И тутъ авторъ даетъ весьма обстоятельный анализъ ст. 683 гражданскихъ законовъ, посвященную спеціальной отвѣтственности желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ компаній; толкованія г. Литвинова-Фалинскаго чрезвычайно точны, гуманны, основательны и справедливы.

Помимо детальнаго анализа русскихъ законовъ, а также законовъ, дѣйствующихъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, относящихся къ отвѣтственности за смерть и увѣчья рабочихъ, въ разбираемомъ сочиненіи читатели найдутъ изложеніе спеціальныхъ законовъ объ отвѣтственности предпринимателей за смерть и увѣчья рабочихъ, дѣйствующихъ въ Швейцаріи, Англіи, Франціи и Италіи. Цѣнными являются также приложенія, гдѣ читатели найдутъ: краткій обзоръ новѣйшихъ законодательствъ объ отвѣтственности предпринимателей за увѣчья и смерть рабочихъ; изложеніе вопроса объ утратѣ трудоспособности вслѣдствіе тѣлесныхъ поврежденій; дѣйствующія узаконенія и распоряженія о собираніи статистическихъ свѣдѣній о несчастныхъ случаяхъ на фабрикахъ, заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ и т. д.; уставъ Риж-

скаго общества взаимнаго страхованія фабрикантовъ и ремесленниковъ отъ несчастныхъ случаевъ съ ихъ рабочими и служащими; извлеченія изъ законовъ, на которые имѣются ссылки въ книгѣ и др.

Общій характеръ сочиненія г. Литвинова-Фалинскаго ничуть не мѣняется вслѣдствіе допущенныхъ кое-гдѣ неточностей, неудачныхъ оборотовъ рѣчи, неясностей, могущихъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, и т. п. Напр., попадаются такія выраженія: *обнаженное* право, вмѣсто установившагося термина *голое* право (стр. 15); всякій не долженъ причинять вреда другому (стр. 114). На стр. 42 авторъ можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Онъ говоритъ, что иски, предъявляемые къ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ предпріятіямъ о вознагражденіи за смерть или поврежденіе здоровья, по истеченіи годичнаго срока, удовлетворенію не подлежатъ. Слѣдовало бы прибавить, что такіе иски не удовлетворяются по правиламъ, установленнымъ въ 683 ст. гражданскихъ законовъ, т. е. что въ такихъ случаяхъ примѣняется ст. 684, и бремя доказыванія ложится всецѣло на истца, который не можетъ воспользоваться и другими преимуществами, предоставленными этой статьей, чѣмъ положеніе истца значительно ухудшается. Страненъ также упрекъ, дѣлаемый авторомъ по адресу адвокатовъ, которые, защищая интересы потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, по мнѣнію г. Литвинова-Фалинскаго, «являются не только мало компетентными въ выясненіи техническихъ вопросовъ, но и съ фактической стороной дѣла часто мало знакомы» (стр. 140). Неосновательно также недовѣріе къ экспертамъ по дѣламъ объ увѣчьяхъ. Объ экспертахъ авторъ говоритъ, что они «тоже могутъ быть малосвѣдущими въ рѣшеніи даннаго вопроса, и часто не вездѣ можно воспользоваться услугами безпристрастно относящагося къ своей обязанности эксперта» (стр. 141—142).

Но, повторяемъ, всѣ указанные недочеты нисколько не умаляютъ значенія труда г. Литвинова-Фалинскаго, который является вкладомъ въ нашу литературу по данному вопросу. Авторъ можетъ считать себя вполнѣ удовлетвореннымъ, такъ какъ книга его принесетъ большую пользу лицамъ, интересующимся вопросомъ объ отвѣтственности предпринимателей, и прочтется съ удовольствіемъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ И РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

Г. Фр. Кольбъ. «Исторія человѣческой культуры».—*Н. Рожковъ.* «Сельское хозяйство московской Руси въ XVI в.».

Г. Фр. Кольбъ. Исторія человѣческой культуры съ очеркомъ формъ государственнаго правленія, политики, развитія свободы и благосостоянія народовъ. Переводъ съ 3-го переработаннаго и значительно дополненнаго, нѣмецнаго изданія, подъ редакціей А. А. Рейнгольдта. I т. XI+472 стр. II т. 558+IV стр. 8°. Цѣна за оба тома 3 р. «Исторія человѣческой культуры» Кольба представляетъ изъ себя изложеніе исторіи съ древнѣйшихъ временъ до новѣйшаго времени, точнѣе, приблизительно, до начала 60-хъ годовъ. Какъ видно уже изъ заглавія, авторъ интересуется въ изложеніи исторіи, главнымъ образомъ, развитіемъ человѣческой культуры, и потому обзоръ событій внѣшней исторіи для него важенъ только, какъ иллюстрація успѣховъ человѣчества. Русская историческая литература особенно бѣдна такими книгами по культурной исторіи, и потому появленіе новаго русскаго перевода по нѣмецкому изданію 1885 (первый русскій переводъ появился въ 1872 году) нужно признать небезполезнымъ, хотя и нѣсколько запоздалымъ.

Трудно въ краткой рецензіи изложить содержаніе книги, въ которой передъ читателемъ проходятъ обитатели свайныхъ построекъ, люди каменнаго.

бронзоваго и желѣзнаго вѣковъ, китайцы, индусы, египтяне, евреи, вавилоняне, ассирійцы, персы, финикіяне, карѳагеняне, древніе греки и римляне и т. д. Чтобы охарактеризовать книгу Кольба, нужно остановиться на нѣкоторыхъ общихъ взглядахъ, проводимыхъ авторомъ черезъ все его сочиненіе. Эти взгляды, сознательно проникающіе благородную личность автора, придаютъ всему его труду настолько опредѣленную окраску, что знакомство съ ними даетъ читателю надежную точку опоры для пониманія причины той или иной оцѣнки историческихъ явленій. Авторъ влагаетъ въ свою работу всю свою душу и это отношеніе, сквозя въ каждой строкѣ, невольно передается читателю и увлекаетъ его. Въ предисловіи авторъ самъ совершенно опредѣленно формулируетъ свои взгляды. Свою «всемірную исторію» онъ написалъ для того, чтобы удовлетворить запросамъ тѣхъ читателей, которые ищутъ въ исторіи не «скучнаго перечня фактовъ», а «чего-то такого, что соотвѣтствовало бы степени ихъ развитія, ихъ политическимъ и общественнымъ идеаламъ» (I т. стр. IV). Его книга должна служить «практическимъ руководствомъ для народа» (стр. VI). Эта поучительная сторона исторіи обусловлена однородностью основы всѣхъ историческихъ явленій, не смотря на ихъ внѣшнее разнообразіе. «Вездѣ всегда въ основѣ дѣла одна и та же, въ сущности, борьба за свободу и равноправность, за законъ, справедливость и власть» (стр. V). «Кто внимательно прослѣдитъ ходъ внутренняго политическаго развитія у этихъ народовъ древности (грековъ и римлянъ), тотъ едва ли много новаго почерпнетъ изъ обстоятельныхъ разсужденій о государственномъ устройствѣ въ позднѣйшія времена, вплоть до нашихъ дней. Такъ, напр., римская исторія яснѣе другихъ показываетъ, куда приводитъ страсть къ завоеваніямъ» (тамъ же). Эти выписки вполнѣ характеризуютъ автора. Онъ сознательно проводитъ черезъ всю исторію свои взгляды и свою современную оцѣнку прошлыхъ событій. Аналогія съ современностью проходитъ черезъ всю книгу, и авторъ до конца остается историкомъ-публицистомъ, необыкновенно увлекательнымъ, живымъ и талантливымъ. Исторія для него представляетъ богатый матеріалъ, на которомъ удобно разъяснять тѣ или другіе вопросы современной общественной и политической жизни. Конечно, такое отношеніе къ исторіи, да еще сознательное, не представляетъ гарантіи—ни научной глубины, ни этическаго безпристрастія—этого идеала, къ которому стремится историкъ. Но, если оставить въ сторонѣ эту мѣрку, которую трудно прилагать къ труду, вышедшему нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, книга Кольба можетъ быть очень полезна для широкаго круга читателей, тѣмъ болѣе, что она написана очень легкимъ языкомъ. Самъ авторъ смотритъ на нее, какъ на свое «завѣщаніе въ религіозномъ и политическомъ отношеніи... составленное съ яснымъ сознаніемъ своихъ цѣлей и ненадломленною силою духа» (стр. XI).

Что касается подробностей изложенія исторіи, то авторъ исключаетъ изъ исторіи тѣ періоды ея, о которыхъ сохранились очень неясныя свѣдѣнія въ народныхъ сказаніяхъ. Такъ, напр., въ греческой исторіи онъ вычеркиваетъ весь такъ называемый миѳическій періодъ, въ римской—царскій періодъ и т. д. Это касается однако только внѣшнихъ событій, которыя имѣютъ очень малую долю достовѣрности. Интересуясь культурной стороной исторіи, авторъ и не могъ иначе поступить. Что касается до-историческихъ ступеней культуры, то, какъ видно изъ приведеннаго выше перечня трактуемыхъ авторомъ вопросовъ, онъ пользовался данными археологіи; но этнографическими данными не пользовался вовсе. Что побудило его вычеркнуть этотъ отдѣлъ источниковъ нашихъ свѣдѣній о первобытной культурѣ, на это въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній. Мы не могли бы предъявлять такихъ требованій автору, желавшему въ такомъ краткомъ объемѣ представить всемірную исторію, если бы этнографическія данныя не представляли особеннаго интереса именно съ точки зрѣнія самого

Кольба. Дѣйствительно, археологія даетъ только обрывки свѣдѣній, которыя приходится сводить и толковать, руководясь болѣе или менѣе остроумными соображеніями; тогда какъ этнографія даетъ намъ жизнь народовъ цѣликомъ. Эта-то цѣлостность данныхъ этнографіи и должна быть особенно цѣнна для историка, интересующагося, какъ Кольбъ, общими вопросами развитія культуры. Какъ бы то ни было, у Кольба читатель не найдетъ изъ этой области ничего, и съ этой точки зрѣнія многія воззрѣнія автора опять-таки оказываются нѣсколько устарѣлыми.

Взглядъ на исторію, какъ на наставницу, и оцѣнка прошлаго съ точки зрѣнія современности не могла, конечно, не отразиться въ невѣрномъ освѣщеніи многихъ фактовъ, въ особенности въ слишкомъ рѣзкомъ отрицательномъ отношеніи къ такимъ, напр., явленіямъ, какъ греческая тираннія, рабство и т. под. Авторъ не можетъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ отвращеніемъ. Это, конечно, неправильно; но какъ историкъ-публицистъ, Кольбъ и не могъ къ нимъ отнестись иначе. Нельзя не отмѣтить еще и того обстоятельства, что современное состояніе исторической науки далеко опередило Кольба въ изученіи экономической стороны культуры.

Н. Рожковъ. Сельское хозяйство московской Руси въ XVI вѣкѣ, стр. IV+511. М. 1899. Ц. 2 р. 50 к., съ пересылкой 3 руб. Сочиненіе г. Рожкова написано не для большой публики, но его результаты имѣютъ общій интересъ и будутъ сообщены читателямъ «Міра Божія» въ особой статьѣ, написанной самимъ авторомъ. Не вдаваясь, поэтому, въ подробное изложеніе содержанія книги, мы отмѣтимъ лишь ея общій характеръ и укажемъ на ту связь, въ которую поставилъ авторъ любопытные факты, впервые имъ обнаруженные. Сочиненіе основано на обстоятельномъ изученіи очень тяжелаго и громоздкаго матеріала, никѣмъ еще не употребленнаго въ дѣло въ такой степени для цѣлей экономической исторіи. Это именно—писцовыя книги XVI вѣка и владѣльческіе акты, преимущественно монастырскіе. Оба рода матеріала—гораздо полнѣе и богаче для второй половины XVI вѣка, чѣмъ для первой: этимъ объясняется то, что наиболѣе важные и наиболѣе надежные выводы г. Рожкова относятся ко второй половинѣ XVI вѣка. Въ этомъ именно промежуткѣ времени авторъ наблюдаетъ очень интересное явленіе, которое онъ дѣлаетъ исходной точкой своихъ разсужденій. Оказывается, что въ центрѣ Россіи экономическое развитіе вдругъ пріостановилось и даже пошло назадъ: вмѣсто господствовавшей уже здѣсь трехпольной системы земледѣлія распространилась опять примитивная—переложная. Какъ объяснить такое явленіе? Другія наблюденія автора показываютъ, что оно совпадаетъ съ цѣлымъ рядомъ параллельныхъ явленій въ области экономической и финансовой жизни русскаго центра. Во-первыхъ, увеличиваются въ $3^1/_2$ разъ за 30 лѣтъ (1550-е—1586-е) государственныя подати и въ то же время переводятся съ натуральныхъ на денежныя; затѣмъ и владѣльческіе поборы, если и не растутъ реально, то все же начинаютъ все больше и больше платиться деньгами. Во-вторыхъ, крестьянское населеніе бѣжитъ изъ центра на только что заселяемыя окраины, и центръ замѣтно пустѣетъ, лишаясь массы рабочихъ рукъ. Въ-третьихъ, обнаруживается рядъ признаковъ, показывающихъ, что владѣльческое хозяйство борется съ новыми неудобными для него условіями. Оно прибѣгаетъ къ несвободному труду, старается закрѣпить свободный трудъ при помощи долговыхъ обязательствъ, начинаетъ стягивать въ хозяйскія руки распоряженіе тѣмъ и другимъ трудомъ и увеличиваетъ, съ этою цѣлью, пропорцію хозяйской запашки (и вмѣстѣ съ тѣмъ—барщины). Наконецъ, увеличивается количество помѣстныхъ и монастырскихъ владѣній въ ущербъ всѣмъ остальнымъ видамъ (чернымъ, дворцовымъ, вотчиннымъ). Порядокъ, въ которомъ мы расположили всѣ эти факты, заключаетъ въ себѣ уже нѣкоторое объясненіе того, почему

центръ возвратился отъ трехпольной къ переложной системѣ. Тяжесть податей и поборовъ въ центрѣ, отливъ населенія на новыя, нетронутыя и болѣе плодородныя мѣста, наконецъ, трудности хозяйства—таковы, повидимому, ближайшія причины этого явленія. Но авторъ такимъ объясненіемъ не удовлетворяется. Экономическій регрессъ и отливъ населенія—это, по его словамъ, не два разныхъ факта, а двѣ стороны одного и того же явленія. И этотъ отливъ надо еще объяснить. Объяснить его государственными и владѣльческими поборами авторъ не рѣшается, такъ какъ самого увеличенія этихъ поборовъ онъ отчасти не признаетъ, отчасти относитъ его ко времени, слѣдующему за запустѣніемъ и объясняетъ, какъ *слѣдствіе* запустѣнія. (То и другое, по нашему мнѣнію, неправильно). Причина всѣхъ этихъ уклоненій автора отъ прямого толкованія заключается въ его желаніи непремѣнно отыскать для *экономическаго* факта объясненіе въ области *производственныхъ* отношеній. Экономическій регрессъ долженъ быть, съ его точки зрѣнія, результатомъ измѣненій въ условіяхъ производства: и онъ указываетъ, какъ на причину такихъ измѣненій, на измѣненіе въ составѣ собственниковъ земли. Помѣстное и монастырское владѣніе сдѣлались преобладающими типами, вытѣснивъ всѣ другіе типы на второй планъ. А какъ разъ помѣстное и монастырское хозяйство было самымъ плохимъ и велось наиболѣе небрежно. (Съ этимъ утвержденіемъ тоже трудно согласиться). Отсюда—и возвращеніе къ болѣе примитивной системѣ и отливъ рабочихъ рукъ, и слѣдующее за тѣмъ и другимъ повышеніе государственныхъ податей. Съ нашей точки зрѣнія, естественный порядокъ здѣсь перевернутъ. И самъ авторъ, давъ свои объясненія, все еще, какъ будто, не удовлетворяется ими. Остается объяснить самый фактъ распространенія помѣстнаго и монастырскаго владѣнія, и авторъ нѣсколько обще, но тѣмъ не менѣе вѣрно—объясняетъ его господствомъ натуральнаго хозяйства. При натуральномъ хозяйствѣ, говоритъ онъ, передача земли являлась господствующей формой передачи цѣнностей. Остается затѣмъ показать, какъ относится къ наблюденнымъ авторомъ явленіямъ *внѣшній* факторъ, колонизаціонный процессъ;—и авторъ не только не устраняетъ его, но—опять-таки совершенно справедливо—выдвигаетъ на первый планъ. Обширность территоріи (другими словами, малочисленность населенія) объясняетъ ему,—опять слишкомъ обще и въ общемъ вѣрно,—почему изъ феодальныхъ элементовъ помѣстнаго и монастырскаго владѣнія не сложился въ Россіи Феодализмъ. Если въ такомъ крупномъ фактѣ условіямъ русской колонизаціи авторъ придаетъ такое первостепенное значеніе, то остается неяснымъ, отчего тѣ же условія кажутся ему недостаточнымъ объясненіемъ для одной *частности* того же соціальнаго процесса,—для факта временнаго и мѣстнаго экономическаго регресса.

Читатель видитъ, какъ много интереснѣйшихъ и важнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи затрогиваетъ книга г. Рожкова и самымъ качествомъ разработаннаго имъ матеріала и остроумной, вполнѣ сознающей современныя задачи науки, постановкой вопросовъ. Касаясь только наиболѣе существенныхъ чертъ, мы еще не упомянули ничего о цѣломъ рядѣ новыхъ и весьма любопытныхъ выводовъ о первыхъ шагахъ денежнаго хозяйства, какъ результатѣ растущаго промышленнаго обмѣна, о колебаніяхъ въ цѣнности денегъ и товаровъ и т. д. Въ частности, по послѣднему вопросу авторъ дѣлаетъ важныя поправки къ работѣ проф. Ключевскаго. выводя, посредствомъ его же пріемовъ, цѣнность рубля начала и конца XVI вѣка не въ 83 и 60 теперешнихъ рублей, а въ 94 и 24 р. сер. При такихъ цифрахъ вся исторія русскаго рубля получаетъ болѣе естественный видъ. Быстрое паденіе цѣнности денегъ въ XVI вѣкѣ (94—24) гораздо лучше прежнихъ цифръ соотвѣтствуетъ тому же явленію на западѣ (слѣдствіе открытія новыхъ рудниковъ). Съ другой стороны, намъ не приходится болѣе имѣть дѣло съ поразительнымъ фактомъ паденія цѣнности денегъ въ

пять разъ (60—12) въ смутное время. Тотъ размѣръ паденія (24—12), который остается послѣ принятія поправки г. Рожкова, находитъ свое объясненіе лишь отчасти въ событіяхъ смутнаго времени, главнымъ же образомъ долженъ объясняться уменьшеніемъ въ вѣсѣ серебрянаго рубля въ тотъ же періодъ времени.

Не останавливаясь въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ на множествѣ другихъ цѣнныхъ наблюденій автора, мы не колеблемся признать изслѣдованіе г. Рожкова однимъ изъ самыхъ основательныхъ,—если не самымъ основательнымъ,—изъ всѣхъ, посвященныхъ нашими историками изученію экономической исторіи Россіи. Собранный имъ матеріалъ сохраняетъ всю свою цѣну совершенно независимо отъ того, согласимся мы или нѣтъ съ его заключеніями. Относительно же заключеній автора нельзя не признать, что самые ошибки въ нихъ поучительны и полезны для дальнѣйшаго движенія науки.

ФИЛОСОФІЯ.

Рибо. «Философія Шопенгауера».—*Авенаріусъ.* «Философія, какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ».

Рибо. Философія Шопенгауера. Переводъ Ватсона. Спб. 1899. Изд. Павленкова *). На ряду съ другими сочиненіями о Шопенгауерѣ, сочиненіе Рибо занимаетъ не послѣднее мѣсто въ смыслѣ популяризаціи его философскихъ воззрѣній. Разбираемая книга представляетъ полное и всестороннее изложеніе философской системы, которая навѣрное никогда не утратитъ своего значенія. Какъ оригинальная концепція міра, философія Шопенгауера никогда не перестанетъ интересовать всѣхъ образованныхъ людей, точно также, какъ органическій грѣхъ его философіи, его удивительная непослѣдовательность никогда не перестанетъ быть предметомъ критики.

Какъ извѣстно, сущность міра по Шопенгауеру есть *воля*, которая представляетъ «слѣпое стремленіе къ жизни». Эта воля сама въ себѣ—едина и тождественна, но она обнаруживается въ мірѣ явленій. Все, что существуетъ въ мірѣ и является предметомъ нашего чувственнаго опыта, есть не что иное, какъ объективація воли, т. е. обнаруженіе воли для нашего познанія.

Въ своей критикѣ философіи Шопенгауэра Рибо исходитъ изъ пониманія метафизики, какъ такого познанія, которое навсегда лишено научнаго значенія. По его мнѣнію, между метафизикой и наукой та разница, что между тѣмъ, какъ наука обнимаетъ три главныхъ момента: констатированіе фактовъ, подведеніе ихъ подъ законы и повѣрка отысканныхъ законовъ, метафизика проходитъ только черезъ первые два момента, никогда не достигая послѣдняго.

Рибо, какъ и другіе критики до него, задается вопросомъ, отчего это у Шопенгауера воля единая и нераздѣльная становится множественностью явленій, почему совершается переходъ отъ единства воли къ ея множественности, почему воля находитъ для себя объективное выраженіе въ явленіяхъ неорганическихъ, біологическихъ, психологическихъ, почему эволюція принимаетъ такую форму, а не иную? На этотъ вопросъ мы не находимъ отвѣта у Шопенгауера. «Все это,—говоритъ онъ,—мнѣ неизвѣстно, я констатирую лишь то, что есть, моя философія ничего иного не обѣщала». По мнѣнію Рибо, иначе и быть не можетъ. «Метафизика вообще—это цѣлая масса гипотезъ, служащихъ къ тому, чтобы немного удовлетворить умъ и сильно возбудить его. Теорія Шопенгауера не имѣетъ всѣхъ ея достоинствъ, но зато обладаетъ

---

*) Отзывъ о той же книгѣ Рибо въ переводѣ г. Суперанскаго см. «М. Б.», 1899, февраль, отд. II, стр. 79—80.

всѣми ея неудобствами: субъективнымъ характеромъ, злоупотребленіемъ гипотезой, невозможностью провѣрки и т. п.».

Объ эстетикѣ Шопенгауера Рибо того мнѣнія, что она «подобно всѣмъ нѣмецкимъ эстетикамъ, теряется въ туманѣ апріорныхъ построеній».

Что дѣйствительно оригинально у Шопенгауера, такъ это его ученіе о нравственности. «Его ученіе разнится отъ всѣхъ остальныхъ—по своему *принципу*, такъ какъ оно относится одинаково равнодушно, какъ къ пользѣ, такъ и къ долгу; по своимъ *результатамъ*, такъ какъ оно вмѣсто того, чтобы объяснять намъ, какъ дѣйствовать, ищетъ средствъ къ тому, чтобы вовсе не дѣйствовать. Оно съ своимъ притязаніемъ на чисто спекулятивный характеръ, съ своимъ пессимизмомъ, встаетъ передъ читателемъ какъ тревожная загадка».

Пытаясь объяснить, откуда у Шопенгауера появляется его пессимизмъ, Рибо останавливается на очень оригинальной причинѣ, которая, впрочемъ, является весьма спорной. По его мнѣнію, нѣмецкій пессимизмъ получаетъ начало въ философіи Канта, отъ котораго исходитъ вся спекулятивная философія. Его «Критика чистаго разума» приводила къ слѣдующему выводу: нужно или замкнуться въ предѣлахъ опыта, или стараться выйти изъ нихъ при помощи абсолютнаго идеализма, а такъ какъ эта послѣдняя попытка потерпѣла неудачу у Фихте, Шеллинга и Гегеля, то поневолѣ пришлось отказаться отъ абсолютнаго и примириться съ мыслью, что на вещь въ себѣ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на нѣчто недоступное и не поддающееся познанію. Умамъ, стремившимся въ даль, приходилось оставаться пригвожденными въ темныхъ дебряхъ, лишенныхъ просвѣта и горизонта. Подобное сознаніе неизбѣжно должно было вызвать подавленность и даже отчаяніе. Человѣкъ чувствовалъ себя осужденнымъ на то, чтобы сохранить желанія и стремленія, когда всякія надежды уже были потеряны.

Рибо находитъ, что въ пессимизмѣ Шопенгауера далеко не все парадоксально. Его пессимизмъ является реакціей противъ ходячаго мнѣнія, избытокъ оптимизма котораго является лишь результатомъ ошибки мышленія. Но подобно всякой другой, и эта реакція заходитъ слишкомъ далеко.

Книжка Рибо о Шопенгауерѣ, какъ дающая ясное представленіе о его системѣ, можетъ быть рекомендована для популярнаго чтенія, въ особенности, если принять во вниманіе, что переводъ г. Ватсона сдѣланъ вполнѣ хорошо.

Авенаріусъ. Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ. Спб. 1899 г. Пер. подъ ред. М. Филиппова. Авенаріусъ въ настоящее время считается по справедливости однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей позитивизма, и именно потому, что онъ далъ позитивизму наиболѣе прочное гносеологическое обоснованіе. Главныя сочиненія, доставившія ему извѣстность—это: «Критика чистаго опыта» и «Человѣческое міропонятіе» (1888—1891). Настоящее сочиненіе было написано очень давно (въ 1876 г.) въ видѣ предисловія или введенія въ «чистый опытъ». Въ немъ онъ пытается дать опредѣленіе философіи и указать методы ея разработки.

Въ основаніе своего изслѣдованія онъ кладетъ такъ называемый «принципъ наименьшей мѣры силы», который въ послѣднее время больше извѣстенъ подъ именемъ «принципа экономіи мышленія». Подъ этимъ разумѣется стремленіе все сводить къ возможно меньшему числу началъ. Какъ иллюстрацію принципа экономіи мышленія, можно привести процессъ образованія понятій, потому что въ этомъ процессѣ при очень малой затратѣ мыслится очень много, т. е. очень большое содержаніе. Сведеніе чего-либо къ единству является иллюстраціей того же принципа.

Съ этой точки зрѣнія легко опредѣлить задачу философіи. Она заключается въ сообщеніи того, что дано въ опытѣ. Совокупность же того, что дано въ

опытѣ и что можетъ быть вообще дано, мы называемъ міромъ, поэтому философія есть мышленіе о мірѣ съ точки зрѣнія наименьшей мѣры силъ, т. е. такого мышленія, въ которомъ осуществляется все большее и большее обобщеніе.

Изъ этого ясно опредѣляется отношеніе между философіей и отдѣльными науками. Отдѣльныя науки, разумѣется, служатъ подготовительнымъ матеріаломъ для философіи, но при этомъ каждая наука совершенно независима отъ философіи; каждая наука имѣетъ свой собственный предметъ, какую-нибудь частную область опыта, между тѣмъ какъ предметомъ философіи является вся область опыта. «Въ ходѣ научнаго развитія постепенно обособляются и получаютъ самостоятельность спеціальныя и вспомогательныя науки и тѣмъ сводятъ задачи философіи на то, изъ чего они сами инстинктивно исходили: на проблему пониманія *цѣлаго,* въ противоположность всякому спеціальному пониманію».

При построеніи опыта нужно имѣть въ виду, что мы можемъ привнести много такого, что въ дѣйствительномъ опытѣ не содержится. Такъ, напр., если мы при толкованіи природы пользуемся миѳологическими представленіями, если мы при толкованіи дѣятельности нашего тѣла въ качествѣ принципа совершающаго движенія признаемъ душу или что-нибудь въ этомъ родѣ. Кромѣ того, есть также и представленія, которыя мы подъ видомъ «формъ познанія» вносимъ въ опытъ, это такъ называемыя «апріорныя категоріи разсудка».

Прогрессъ мышленія, по мнѣнію Авенаріуса, заключается въ томъ, чтобы устранить всѣ эти привносимые элементы. Такъ, напр., въ причинныхъ отношеніяхъ вещей мы склонны думать, что одна вещь какъ бы *дѣйствуетъ* на другую, что она есть какъ бы живое существо. Но въ настоящее время этого рода «фетишизмъ», можно сказать, уже устраненъ. Въ естествознаніи уже мало-по-малу устраняется такое пониманіе причинности. Точно такимъ же образомъ предстоитъ устранить и понятіе субстанціи, превращающееся у философовъ въ «вещь въ себѣ», познать которую они всѣми силами стараются. «Философъ еще и понынѣ трудится надъ задачей Данаидъ, стараясь познать вещь въ себѣ, въ ея объективной истинѣ, или прикидывая къ ея познаваемости или непознаваемости мѣрку нашихъ познавательныхъ способностей. И такая громадная масса умственныхъ силъ и труда, достойнаго лучшей цѣли, тратится на метафизическое опредѣленіе какого то гипостазированнаго вспомогательнаго представленія, на задачу по истинѣ безсодержательную, на поиски аріадниной нити для выхода изъ воображаемаго лабиринта, который въ концѣ концовъ существуетъ лишь въ мнѣніи ищущаго». Въ этихъ словахъ выражается протестъ противъ той философіи, которая свою главную задачу видѣла именно въ познаніи вещи въ себѣ.

Очистить опытъ отъ всѣхъ такихъ постороннихъ примѣсей и есть задача прогрессирующей мысли. Доказательству необходимости именно такого хода мысли посвящено слѣдующее большое сочиненіе Авенаріуса: «Критика чистаго опыта».

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

«Программы домашняго чтенія».

Программы домашняго чтенія на 1-й годъ систематическаго курса. Изданіе пятое, исправленное и дополненное, Москва, 1900. Коммиссія по организаціи домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній. Быстрая распродажа самообразовательныхъ «Программъ» московской коммиссіи и появленіе ихъ все въ новыхъ и новыхъ изданіяхъ свидѣтельствуетъ какъ о расширеніи потребности въ само-

образованіи среди нашего общества, такъ и о томъ, что московскія программы въ большей или меньшей степени удовлетворяютъ этой потребности. Однако, отчеты коммиссіи о ея занятіяхъ съ читателями показываютъ, что *степень* этого удовлетворенія далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ потребности читателей. Во-первыхъ, количество лицъ, пріобрѣтшихъ трехрублевымъ взносомъ право на постоянныя сношенія съ коммиссіей, остается совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ количествомъ лицъ, купившихъ программы. Во-вторыхъ, и постоянные абоненты коммиссіи, повидимому, далеко не въ полномъ размѣрѣ пользуются ея указаніями. То и другое объясняется, конечно, отчасти тѣмъ, что «Программы» настолько обстоятельно указываютъ порядокъ и пріемы занятій, что часть покупателей и подписчиковъ можетъ заниматься по нимъ безъ всякихъ указаній со стороны коммиссіи. Но есть и другое объясненіе, менѣе выгодное для программъ. На него не разъ указывалось въ рецензіяхъ; оно извѣстно и самой коммиссіи. Объясненіе это заключается въ томъ, что для весьма значительнаго круга лицъ, занимающихся по «Программамъ», ея указанія оказываются черезчуръ подробными и спеціальными. Рекомендуемый «Программами» матеріалъ часто не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи ни съ потребностями, ни съ подготовкой, ни съ количествомъ досуга, находящагося въ распоряженіи лицъ, стремящихся къ самообразованію. Въ результатѣ, та потребность, которой вполнѣ удовлетворяютъ «Программы», оказывается довольно ограниченной, а болѣе элементарныя требованія весьма обширнаго курса читателей остаются неудовлетворенными.

Это несоотвѣтствіе между предложеніемъ и спросомъ не могло, конечно, остаться незамѣченнымъ коммиссіей. Настоящее изданіе «Программъ на 1-й годъ систематическаго курса» еще разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что коммиссія признаетъ его и идетъ навстрѣчу запросамъ, не удовлетвореннымъ прежней постановкой дѣла. Въ пятомъ изданіи мы находимъ,—какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ новой постановки,—упрощенную программу исторіи, т. е. того именно отдѣла, на трудность котораго особенно жаловались читатели и критики. Привѣтствуя эту попытку коммиссіи, мы, однако, не можемъ не высказать нѣкоторыхъ сомнѣній по поводу способа, какимъ коммиссія хотѣла достигнуть своей цѣли. Между двумя программами, прежней и новой, разница кажется намъ недостаточно радикальной. Упрощенія состоятъ, по большей части, въ сокращеніяхъ, въ результатѣ которыхъ многіе отдѣлы программы оказываются основанными на одномъ учебникѣ, въ прямое противорѣчіе съ принятымъ самой коммиссіей и, по нашему мнѣнію, совершенно правильнымъ принципомъ: «въ интересѣ большинства читателей ознакомленіе съ общею нитью историческихъ событій должно быть сведено къ возможному минимуму, и центръ тяжести при занятіяхъ долженъ быть перенесенъ на историческое чтеніе» (стр. 10). «Центръ тяжести» новой программы перенесенъ, очевидно, какъ разъ на «минимумъ» знаній, отъ котораго комиссія не захотѣла отказаться, и которому она пожертвовала «историческимъ чтеніемъ». «Средство», такимъ образомъ, превращается въ «цѣль», что существенно измѣняетъ самый смыслъ «общеобразовательной» программы.

Сказанное относится преимущественно къ частямъ программы, анализирующимъ греческую и римскую исторію. Сокращеніе программы первобытной культуры (до сотни страницъ изъ книги Липперта) кажется намъ довольно цѣлесообразнымъ, хотя именно по отношенію къ этому отдѣлу наименѣе необходимымъ. Что касается сокращенія программы по Египту (въ основу взята книга Икономова), оно даже могло бы служить указаніемъ, какъ слѣдуетъ вообще передѣлывать программы для болѣе широкаго круга читателей. Единственнымъ раціональнымъ способомъ такой передѣлки мы считали бы сосредоточеніе вниманія читателя на немногихъ ярко-освѣщенныхъ точкахъ, и мо-

нѣе всего казалось бы намъ умѣстнымъ гоняться за сохраненіемъ «общей нити», по необходимости остающейся для этого рода читателя—рядомъ блѣдныхъ и безсодержательныхъ символовъ, принятыхъ болѣе или менѣе на вѣру и усвоенныхъ совершенно механически. Достигаемый такимъ образомъ внѣшній видъ знанія только формальнымъ образомъ можетъ удовлетворить требованію «серьезности». Наука, конечно, при такомъ способѣ сохранится неприкосновенной отъ искаженій въ умѣ неподготовленнаго читателя, но и умъ неподготовленнаго читателя остается незатронутымъ вліяніемъ науки.

Нѣтъ надобности прибавлять, что только-что сдѣланныя частныя замѣчанія нисколько не уменьшаютъ крупныхъ достоинствъ «московскихъ програмъ», завоевавшихъ имъ широкую популярность у читающей публики.

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА,

(съ 15-го сентября по 15-е октября 1899 года).

Э. Вернеръ. Сила воли. Изд. Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

И. Потапенко. Черезъ любовь. Изд. Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 руб.

А. Недолинъ. Искры. Изд. Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 руб.

И. Саловъ. Мелочи жизни. Изд. редакціи журн. «Читатель». Москва. 1899. Ц. 1 р. 25 коп.

Гриневская. Огоньки. Спб. 1900. Ц. 1 руб.

Настольная книга по народному образованію. Сост. Фальборкомъ и Чарнолускимъ. Изд. Т-ва «Знаніе» Т. I. Спб. 1899.

Сидней и Беатриса Веббъ. Теорія и практика англійскаго тредъ-юніонизма. Т. I. Изд. О. Поповой. Спб. 1900.

Русская земская медицына. Изд. Правленія Общества русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова. Съ картами, планами и діаграммами. Москва. 1899. Ц. 3 руб.

Г. Клейнъ. Чудеса земного шара. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1900. Ц. 1 руб.

Г. Штоль. Миѳы классической древности. Изд. 3-ье Н. И. Мамонтова. Москва. 1899. Ц. 3 рубля.

Ф. Муръ. Милліонеры. Изд. Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 руб.

Антони Гопа. На скользкомъ пути. Изд. Ефимова. Москва. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

Н. Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в. Москва. 1899. Ц. 2 р. 50 коп.

I. Фолькельтъ. Современные вопросы эстетики. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1900. Ц. 75 коп.

Пауль Бартъ. Философія исторіи, какъ соціологія. Ч. I. Изд. Л. Пантелѣева. Спб. 1900. Ц. 1 р. 75 коп.

А. Гётте. Зоологія. Изд. 2-е Маракуева. «Народная библіотека». Одесса. 1899. Ц. 50 коп.

Жоржъ Зандъ. Крылья мужества. Изд. Маракуева. «Народная библіотека». Одесса. 1899. Ц. 15 коп.

Журналы Малмыжскаго уѣзднаго земскаго Собранія XXXII очередной сессіи 1898 года. Малмыжъ. 1899.

Дюбуа Реймонъ. Германъ фонъ-Гельмгольцъ. Изд. редакціи журн. «Образованіе». Спб. 1900. Ц. 30 коп.

В. Гиршъ. Орлеанская дѣва съ точки зрѣнія современной психіатріи. Изд. Н. И. Мамонтова. Москва. 1900. Ц. 25 коп.

Огюстьенъ Тьерри. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. Изд. маг. «Книжное Дѣло». «Научно-образовательная библ.». Москва. 1899. Ц. 60 коп.

Программы домашняго чтенія на 1-ый годъ систематическаго курса. Изд. 5-ое. Москва. 1900. Адрессъ комиссіи: Москва, Никитская, д. Рихтера, кв. 3. Ц. 35 к.

I. Тылъ. Янъ Гусъ. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Пер. съ чешскаго. Книгоиздательство Голубева. Москва. 1899. Ц. 50 коп.

Календарь земледѣльца на 1900 годъ. Изд. 2-ое. Шаркова. Спб. 1900. Ц. 6 коп.

Пушкинскіе дни въ Пензѣ. Пенза. 1899.

Больтонъ Голлъ. Истинная жизнь (съ англ.). Вып. 7-ой. «Этико-художественная библіотека». Москва. 1899. Ц. 20 коп.

П. Елагинъ. Практическое птицеводство. Изд. 2-ое. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 2 р.

В. Котельниковъ. Воздѣлываніе простого табака—махорки. Изд. 2-ое. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 50 коп.

Д-ръ Гриммъ. Бесѣды о трудовомъ хозяйствѣ. Изд. 4-ое. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 75 коп.

А. Регель. Типы теплицъ и оранжерей. Изд. 3-ье. А. Девріена. Спб. 1899. Ц. 60 к.

Руководство къ плодоводству для практиковъ по Гоше. Изд. 2-ое. А. Девріена

съ 800 политипажами. Спб. 1899. Вып. I. Ц. по подпискѣ за 10 выпусковъ 9 руб.

Куно Фишеръ. О свободѣ человѣка. Спб. 1899. Ц. 30 коп.

А. Крандіевская. «То было раннею весной» и др. разсказы. Москва. 1900. Ц. 1 рубль.

Проф. А. Тачевскій. Учебникъ русской исторіи. Часть I. Древняя Россія. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 коп. Часть II. Новая Россія. Спб. 1900. Ц. 1 р. 25 коп.

Несторъ Кукольникъ. Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова. Романъ. Части I—II и III—IV. Изд. Суворина «Дешевая библіотека». Спб. 1900. Ц. за 2 тома 50 к.

Кн. Шаховской. Сочиненія. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека». Спб. 1900. Ц. 20 коп.

З. Яковлева. Повѣсти и разсказы. Спб. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

Жоржъ-Зандъ. Положенія Грибуля (съ рис.). Изд. Суворина. Спб. 1899.

А. Березинъ. Одинокій трудъ. Статьи и стихи. Москва. 1899. Ц. 40 коп.

Р. Мутеръ. Исторія живописи въ XIX в. Изд. Т-ва «Знаніе», вып. II. Спб. 1899.

Д. Шиповъ. Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ. Москва. 1899.

Горацій Флаккъ. Оды. Книга вторая. Переводъ въ стихахъ П. Порфирова. Спб. 1899. Ц. 40 коп.

Ежегодникъ. Коллегіи. Павла Галагана. (Съ 1-го окт. 1898 по 1-ое окт. 1899). Кіевъ. 1899.

Проф. Г. Шершеневичъ. Курсъ торговаго права. Изд. 3-ье. Казань. 1899. Ц. 6 руб.

Его же. Учебникъ торговаго права. Изд. кн. маг. бр. Башмаковыхъ. Казань. 1899. Ц. 2 р. 50 коп.

А. Шахтъ. Трудъ, собственность и капиталъ. Спб. 1899. Ц. 1 руб.

Э. Зола. Плодовитость. Пер. съ франц. Изд. О. Поповой. Спб. 1900. Ц. 1 р 50 к

Отчетъ о дѣятельности кружка художественнаго чтенія и музыки. Спб. 1899.

Англійская грамматика. Составлена Л. Чудновской. Изд, «Об-ва Печатнаго Дѣла». Одесса. 1899. Ц. 1 р. 50 коп.

М. Симоновичъ. По поводу книги Б. Шпаковскаго. «На судъ общественный». Спб. 1899.

Стенографическій отчетъ очередного тверского губернскаго земскаго собранія сессіи. 1898 г. Тверь. 1899.

Отчетъ о дѣятельности союза взаимопомощи русскихъ писателей за 1897—1898 гг. Спб. 1899.

Отчетъ дирекціи Херсонской общественной библіотеки за 1898 г. Херсонъ. 1899.

Отчеты Общества вспомоществованія студентамъ Спб. Университета за 1897 и за 1898 года. Спб. 1898—1899.

Рене Вормсъ. Индуктивный методъ въ соціологіи пер. съ франц. Казань. 1899. Ц. 20 коп.

Отчетъ о дѣятельности Орловской городской публичной библіотеки за 1898 г. Вятка. 1899.

Историческій очеркъ двадцатипятилѣтней дѣятельности Об-ва Вспомоществованія студентамъ Спб. Университета. Спб. 1898.

А. Лщелко. Очерки изъ жизни бѣлорусской деревни. Витебскъ. 1899.

Годовой отчетъ Об-ва распространенія св. Писанія въ Россіи за 1898 г. Спб. 1899.

Первый отчетъ полтавскаго кружка любителей физико-математическихъ. 1898—1899. Полтава. 1899.

В. Чижъ. Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья. Оттискъ изъ «Ученыхъ записокъ Юрьевскаго Университета». 1899.

И. Посадскій. Изслѣдованіе воздуха и опредѣленіе коэффиціента вентиляціи въ Кіевской 1-ой гимназіи. Кіевъ. 1899.

А. Рябковъ. О вырожденіи зубовъ у человѣка. Херсонъ. 1899.

Д-ръ Балсамовъ. Критически бѣлѣжки върху българскитѣ социалисти. Ямболъ. 1899.

В. Короленко. Лѣсъ шумитъ. Изд. М. Дорошенко. Спб. 1899. Ц. 6 коп.

Изданія О. Н. Поповой для народа:

Г. Мачтетъ. Не выдержалъ. Спб. 1899.

И. Потапенко. Остроумно. Спб. 1899.

Его же. Ахметка. Саратовскій. Спб. 1899.

Скрамъ. Мужъ и жена. Спб. 1899.

Мопассанъ. Пышка. Спб. 1899.

И. Франко. Къ свѣту. Спб. 1899.

Мопассанъ. Потѣхи войны. Спб. 1899.

Гейерстамъ. Погибшая жизнь. Спб. 1899.

Изданія книж. маг. «Знаніе»:

И. Франко. «Цыгане», разсказъ. Ц. 3 коп.

Е. Чижовъ. Отъ лучины до электричества. Ц. 15 коп.

Брешко Брешковскій. Запорожскій казакъ Игнатъ Подкова. Повѣсть. Ц. 10 коп.

Ч. Вѣтринскій. Очеркъ жизни и дѣятельности. А. Н. Некрасова. Ц. 15 коп.

Его же. Жизнь и пѣсни. А. В. Кольцова. Ц. 10 коп.

Его же. Очеркъ жизни и дѣятельности. В. Г. Бѣлинскаго. Ц. 15 коп.

М. Полянская. Жизнь и сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Ц. 5 коп.

И. Давидсонъ. Борьба въ природѣ. Ц. 10 к.

А. Свирскій. Забракованный. Ц. 3 коп.

Н. Березинъ Разсказы о лавинахъ. Ц. 5 коп.

*

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Handbuch der menschlich - natürlichen Sitten lehre» für Eltern und Erziher von professor Adolph Döring. (*Frommann*). *Stuttgart.* (*Руководство къ изученію нравственности для родителей и воспитателей*). Германское общество этической культуры назначило премію за руководство для родителей и воспитателей, которое могло бы служить пособіемъ при этическомъ преподаваніи, свободномъ отъ всякихъ метафизическихъ гипотезъ. Профессоръ Дерингъ въ своемъ руководствѣ къ ученію о нравственности удовлетворяетъ этой точки зрѣнія и кромѣ того въ своемъ популярномъ изложеніи этическихъ идей строго придерживается научныхъ истинъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлью бороться съ недобросовѣстностью и непонятливостью руководящихъ кружковъ, придерживающихся въ дѣлѣ преподаванія этики совершенно отжившихъ понятій. Книга профессора Деринга дѣйствительно можетъ служить полезнымъ руководствомъ для всѣхъ воспитателей и родителей, тѣмъ болѣе, что она написана чрезвычайно яснымъ и популярнымъ языкомъ и освѣщаетъ многія сложныя проблемы этики.

(Literarische Echo).

«Le Travail au point de vue scientifique, industriel et social» par André Liesse, professeur d'économie industrielle et de statistique. (*Guillaumin*). *Paris.* (*Трудъ съ точки зрѣнія научной, промышленной и соціальной*). Чрезвычайно капитальная работа, авторъ которой стремится, наиболѣе обстоятельнымъ образомъ, изслѣдовать всѣ проблемы, относящіяся къ труду и принадлежащія къ наиболѣе жгучимъ вопросамъ современной эпохи. Въ первой части: «Трудъ съ научной точки зрѣнія» авторъ резюмируетъ всѣ новѣйшія изслѣдованія въ области біологическихъ и психологическихъ наукъ и сопоставляетъ ихъ съ экономическими данными, чтобы разъяснить такимъ образомъ функціонированіе человѣческой машины въ двухъ формахъ труда: умственнаго и мускульнаго. Вторая часть: «Трудъ съ точки зрѣнія промышленной» посвящена технической и промышленной сторонѣ вопроса, раздѣленію труда, его продолжительности, интенсивности и т. п. Въ послѣдней части авторъ изслѣдуетъ вопросъ о конкуренціи, анализируетъ роль профессіональныхъ синдикатовъ, биржъ труда и т. п. и до нѣкоторой степени резюмируетъ свои заключенія.

(Journal des Débats).

«Men and Women of the Time». A Dictionnary of Contemporaries. Tifteculh Edition, revised and brought down to the present time, by Victor. G. Tiarr. (*Rouledge and Sons*). (*Мужчины и женщины разныхъ временъ*). Это пятнадцатое изданіе словаря знаменитостей значительно исправлено и дополнено и доведено до послѣднихъ временъ; прибавлено до 1.500 новыхъ біографій, а старыя біографіи пересмотрѣны и дополнены по новымъ даннымъ.

(Daily News).

«The Climbs of Norman Neruda» Edited by May Norman Neruda (*Umwin*). (*Восхожденія Нормана Неруда*). Отважный горный туристъ Норманъ Неруда погибъ, во время восхожденія на одну изъ горныхъ вершинъ Тироля. Его жена издала его записки и описала его послѣднее роковое восхожденіе. Книга написана очень живо, а послѣдняя глава преисполнена драматическаго интереса.

(Daily News).

«Psychologie du Socialisme» par le D-r Gustave Le Bon. Bibliotheque de Philosophie contemporaine. Prix: 7 fr. 50 (*Félix Alcan*). *Paris.* (*Психологія соціализма*). Въ этомъ новомъ своемъ трудѣ авторъ высказываетъ такіе же взгляды и принципы, какъ и въ предшествующихъ работахъ. Не останавливаясь на подробностяхъ доктринъ, авторъ прямо переходитъ къ сущности ихъ и главнымъ образомъ изслѣдуетъ причины, какъ тѣ, которыя породили это ученіе, такъ и тѣ, которыя замедляли или благопріятствовали его распространенію. Авторъ останавливается главнымъ образомъ на столкновеніи старинныхъ понятій и идей, укрѣпившихся путемъ наслѣдственности и на которыхъ еще зиждется общество,—и новыхъ, составляющихъ продуктъ новыхъ условій, создан-

ныхъ научною и промышленною эволюціей современной эпохи. Не отрицая законности стремленій огромнаго большинства къ улучшенію своей участи, авторъ старается рѣшить вопросъ, могутъ ли существующія учрежденія имѣть какое-либо вліяніе на улучшеніе участи этого большинства, или же судьбы общества управляются условіями, независящами отъ учрежденій, которыя мы можемъ вызвать къ жизни своею волей.

(Revue internationale).

«L'Ame du Criminel» par le D-r Maurice Fleury. Bibliotheque de philosophie Contemporaine. Prix: 2 fr. 50 (Félix Alcan). Paris. (Душа преступника). Со свойственной ему ясностью, авторъ излагаетъ новѣйшія и наиболѣе точныя свѣдѣнія о строеніи и функціи человѣческаго мозга и примѣняетъ эти научныя данныя къ проблемамъ уголовной психологіи, представляя ихъ такимъ образомъ въ совершенно новомъ свѣтѣ. Авторъ раздѣляетъ свой трудъ на три части: 1) мозгъ человѣка и свобода воли; 2) детерминизмъ и отвѣтственность; 3) практическія послѣдствія (подавленіе преступленій и профилактика зла). Подробно излагая научныя теоріи, авторъ доказываетъ, что доктрины новѣйшей психо-физіологіи не только не угрожаютъ правильному функціонированію общества, но, въ концѣ-концовъ, должны привести къ уменьшенію преступленій, благодаря болѣе раціональному воспитанію, предохранительной гигіенѣ и соотвѣтствующей терапевтикѣ для такихъ мозговъ, у которыхъ существуетъ склонность ко злу, благодаря наслѣдственности или подражанію.

(Revue internationale).

«Friedrich Nitzsche» von D-r Theobald Ziegler. ordentlicher Professor an der Universität Strasburg. (Georg Rondi). Berlin. (Фридрихъ Ницше). Эта книга составляетъ до нѣкоторой степени дополненіе къ уже вышедшему превосходному труду автора: «Умственныя и соціальныя теченія XIX столѣтія («Die geistigen und socialen Strömungen des XIX Jahrhunderts»), такъ какъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно ясную и обстоятельную характеристику Ницше, какъ философа.

(Frankfurter Zeitung).

«Illustrirtes Konversations lexikon der Frau». Berlin. Verlag Julius Becker. (Иллюстрированный словарь для женщинъ). Этотъ словарь служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ обыкновеннымъ энциклопедическимъ словарямъ. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, касающіяся женщинъ, ихъ общественныхъ обязанностей, домоводства, правового положенія женщины, положенія ея въ литературѣ и наукѣ и развитіе брака. Словарь выходитъ выпусками.

(Frankfurter Zeitung).

«Erreurs et Mensonges historiques» par Charles Barthelemy Nouvelle Edition. 5 vol. chaque vol. 2 fr. (Blériot frères). (Историческія заблужденія и историческая ложь). Авторъ, обладающій громадной эрудиціей, задался цѣлью разоблачить многія историческія заблужденія и историческую ложь. Его можно упрекнуть, конечно, въ излишней страстности, съ которою онъ нападаетъ на ложь нѣкоторыхъ учрежденій и на нѣкоторыя историческія заблужденія, но, во всякомъ случаѣ, его приверженность къ исторической правдѣ находится внѣ сомнѣнія и выводы, которые онъ дѣлаетъ, большею частью вполнѣ справедливы. Чтобы можно было судить о разнообразіи темъ, которые затрагиваетъ авторъ въ своемъ историческомъ изслѣдованіи, мы приведемъ нѣсколько названій отдѣльныхъ очерковъ: «Урбенъ Грандье», «Пожаръ Александрійской библіотеки», «L'Etat c'estmoi», «Вольтеръ-историкъ», «Религіозныя войны», «Латюдъ», «Романъ въ исторіи XVII в.» и др.

(Journal des Débats).

«Les lois Sociales» Esquise d'une Sociologie, par. G. Tarde. Bibliotheque de Philosophie Contemporaine. 2-ème edition. Prix 2 fr. 50 (Alcan). (Соціальные законы). Новое изданіе, въ которомъ авторъ резюмируетъ свои главныя работы по соціологіи и указываетъ на тѣсную связь между ними. Взгляды Тарда и способъ его изложенія, настолько, хорошо извѣстны, что мы считаемъ лишнимъ о нихъ распространяться, такъ какъ Тардъ принадлежитъ къ числу наиболѣе популярныхъ и выдающихся современныхъ писателей по соціологіи.

(Journal des Débats).

«Education des Sentiments» par P. Felix Thomas, professeur de philosophie. Bibliothéque de Philosophie Contemporaine. Prix: 5 fr. (Félix Alcan). (Воспитаніе чувствъ). Исходя изъ точки зрѣнія, что нравственныя качества, еще болѣе нежели умственныя, составляютъ силу индивидовъ и націй, авторъ указываетъ на важное значеніе воспитанія, развивающаго эти качества у ребенка. Изслѣдуя различныя чувства: удовольствіе и страданіе, наклонности и страсти, авторъ выясняетъ нѣкоторые изъ законовъ, которые управляютъ этими чувствами и которые могутъ быть примѣнены въ дѣлѣ воспитанія. Далѣе авторъ подвергаетъ подробному анализу чувства страха, гнѣва, самолюбія, дружбы любви къ отечеству и т. д. сначала у взрослаго человѣка, затѣмъ у ребенка и указываетъ средства, при помощи которыхъ можно развивать одни изъ этихъ чувствъ и подавлять другіе. Книга эта, написанная очень простымъ и яснымъ языкомъ, можетъ быть съ пользою прочтена не только людьми, спеціально интересующимися философскими и нравственными вопросами, но и всѣми тѣми лицами, на которыхъ лежитъ важная обязанность воспитанія будущихъ поколѣній.

(Revue internationale).

«*The Story of the Australian Bushrangers*» *by George E. Bokalt*. (*Swan Sonnenschein*). (*Исторія австралійскихъ бѣглыхъ каторжниковъ*). Очень любопытная книга, указывающая до какой степени грубыя, насильственныя мѣры, употребляемыя съ цѣлью уничтоженія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія преступленія, приводятъ какъ разъ къ обратнымъ результатамъ. Авторъ собралъ интересныя данныя, касающіяся австралійскихъ бѣглыхъ каторжниковъ и условій ихъ существованія. Въ высшей степени любопытны также свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ относительно старинной англійской пенитенціарной системы и ссылки преступниковъ. Авторъ, кромѣ того, даетъ историческій очеркъ развитія австралійскихъ колоній. (Daily News).

«*Alaska and the Klondyke*; *a Yourney to the New Eldorado*» *by Traf. Angelo Heilprin of Philadelphia*. (*Arthus Pearson*). (*Аляска и Клондайкъ*). Авторъ этого описанія новаго Эльдорадо посѣтилъ Аляску и Клондайкъ и сообщаетъ много интересныхъ свѣдѣній о новыхъ поселеніяхъ, которыя возникли вокругъ мѣсторожденій золота въ Аляскѣ. По его словамъ, путешествіе въ Клондайкъ черезъ Чилькоотъ далеко не такъ ужасно, какъ его описываютъ многіе и хотя сопряжено съ большими трудностями, но эти трудности могутъ казаться ужасными только тѣмъ, кто никогда не странствовалъ по Альпамъ. Авторъ очень живо и занимательно описываетъ жизнь въ Даусонъ Сити, столицѣ Клондайка, причемъ онъ вступается за населеніе города, которое далеко не такъ дурно, какъ его изображаютъ. (Daily News).

«*Tropisches und Arktisches*» *von D-r Ludwig F. Herz*. (*Ascher und C^o^*). *Berlin*. (*Тропики и арктическая область*). Въ предисловіи къ описанію своего путешествія по Египту, Индіи, Явѣ, Китаю, Кореѣ, Японіи, Сѣверной Америкѣ и Сандвичевымъ островамъ, авторъ говоритъ, что онъ стремится передать впечатлѣнія туриста, не относящагося, съ точки зрѣнія европейца, критически къ иностранцамъ, но старающагося внушить и понять явленія, происходящія на почвѣ чуждой ему цивилизаціи. Всего лучше, по мнѣнію автора, можно изучить характеръ чужаго народа, изслѣдуя формы, которыя принимаетъ у него всякаго рода экзальтація, когда фанатизмъ, все равно религіозный или политическій, выбиваетъ его изъ обычнаго строя жизни. Поэтому авторъ отводитъ въ своей книгѣ особенно много мѣста азіатскимъ религіямъ и сектамъ и сообщаетъ о нихъ много любопытныхъ свѣдѣній. Его описанія дервишей и разныхъ индійскихъ мистическихъ сектъ интересны, также какъ и глава, посвященная арктической природѣ и населенію, съ которымъ онъ познакомился во время своего путешествія на Шпицбергенъ (Litterarische Echo).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(25 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ и редакціи: Лиговка, д. 25—8, кв. 5 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается самой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ, редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Жалобы на неполученіе какого-либо № журнала присылаются въ редакцію *не позже двухъ-недѣльнаго срока* съ обозначеніемъ № адреса.

6) ***Иногороднихъ просятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.*** Только въ такомъ случаѣ редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала.

7) При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ городскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того-же разряда 14 копѣекъ.

8) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за комиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час., *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи 8 руб. безъ доставки 7 руб., за границу 10 руб. Адресъ, С.-Петербургъ, Лиговка, 25.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

